

Учредители

Егор Гайдар, Екатерина Гениева, Виктор Ярошенко

Редакционный совет

Ирина Антонова, Михаил Борщевский (главный редактор журнала «Herald of Europe»), Сергей Капица, Сергей Ковалев, Отто Граф Ламбсдорф, Самуил Лурье, Лорд Брайан Маккензи, Ричард Пайпс, Михаил Пиотровский, Анатолий Приставкин, Вячеслав Пьещух, Джон Робертс, Лорд Робертсон, Теодор Шанин

Главный редактор

Виктор Ярошенко

Редакция

Владимир Салимон (заместитель главного редактора), Филлип Смирнов (заместитель главного редактора), Владимир Кантор (отдел философии и политологии), Георгий Чистяков (отдел истории и религии), Евгений Попов (отдел культуры), Алла Язькова (отдел международной политики), Галина Заславская (корректур), Елена Мокеева (верстка), Ляля Пинигина (техническая редакция и набор), Людмила Захарова (главный бухгалтер), «Магазин искусства», Игорь Пронин (макет и художественное оформление)

Консультанты журнала

Александр Gladkov, Николай Головнин, Владимир Мау, Андрей Медушевский, Татьяна Пархалина, Александр Петров, Сергей Синельников-Мурылев, Арсений Рогинский, Евгения Росинская, Мариэтта Чудакова, Игорь Яковенко, Евгений Ясин

Представители журнала

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Гринцман (Нью-Йорк), Рональда Зеленова (Санкт-Петербург), Наталия Исаева (Лион), Александр Кобак (Санкт-Петербург), Гала Наумова (Париж), Алексей Парщиков (Кёльн), Александр Сергиевский (Рим)

Журнал издается при поддержке Института экономики переходного периода, Фонда экономической политики, Фонда поддержки предпринимательства и защиты среднего класса и Всероссийской Государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И.Рудомино

ИЗДАНИЕ № 24

Некоммерческое партнерство «Издательство журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика»»

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ №77-1175.

Лицензия на издательскую деятельность ИД №03226 от 10.11.2000.

Адрес редакции: 109189, Москва, Николаямская, 1.

Тел./факс: 937 4926

Интернет-версия журнала: <http://magazines.russ.ru/vestnik>

Использование материалов возможно только с письменного разрешения редакции, при перепечатке или использовании ссылка на журнал обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Заказ . . . Отпечатано в ППП «Типография «Наука»».

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

© Вестник Европы™, 2008

© НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика», составление и редакция текстов, журнал «Вестник Европы» том XXIV

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

XXI ВЕК

журнал европейской культуры

Основан в Москве в 1802 году
Первый главный редактор Н.М.Карамзин
Возобновлен в Санкт-Петербурге
М.М.Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году
Возобновлен в 2001 году

ТОМ XXIV

ГОД 2008

- 27 **Егор Гайдар**
Третий мир и третий центр
- 38 **Анатолий Чубайс**
Послесловие к РАО «ЕЭС России»
- 56 **Андрей Медушевский**
Перспективы дуализма.
Очерк политической трансформации
- 68 **Анатолий Бурштейн**
Viva academia? Viva professore!
- 70 **Александр Пумпянский**
Приключения европейского духа.
Беседы и размышления в Совете
Европы

ЛИТЕРАТУРА

- 83 **Александр Дорофеев**
Божий узел
- 96 **Андрей Грицман**
Новые стихотворения
- 106 **Ольга Исаева.** *Два рассказа*
- 143 **Феликс Чечик**
Стихотворения

СОВРЕМЕННЫЙ РАЗДЕЛ «ЖИЗНЬ»

- 5 **Алла Язькова**
О конфликтах: «замороженных»
и иных

современный архив

- 8 интернет-хроника

письма из редакции

- 12 **Виктор Ярошенко**
Затмения

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

- 149 **Томас Манн**
Рассуждения аполитичного
- 180 **Никита Елисеев.** Я и Томас Манн

к 200-летию Н.В.Гоголя

- 190 **Владимир Шенрок**
Н.В.Гоголь. Пять лет жизни
за границей. 1836–1841 гг.
Извлечения из «Вестника Европы»
М.М.Стасюлевича

221 **Григорий Померанц**
Несколько касательных
к кругу правды

КУЛЬТУРА

artes

227 **Виктор Ярошенко.** Николай Тарханов

228 **Николай Тарханов.** Грузия

237 **Смесь. Хроника культурной
жизни**

241 **Наталия Исаева**

Царевна Медея: рана чужого

247 «История сталинизма» в 100 томах

254 **Об авторах**

256 **Summary**

О КОНФЛИКТАХ: «ЗАМОРОЖЕННЫХ» И ИНЫХ

Алла ЯЗЬКОВА

Эта статья была написана ещё до вооруженного столкновения России и Грузии, и цель ее состояла в том, чтобы попытаться найти новые аргументы в пользу урегулирования «замороженных» конфликтов на территориях южно-кавказских республик — Азербайджана и Грузии, народы которых на протяжении веков сохраняли с Россией добрые отношения, поддерживали тесные культурные, экономические, гуманитарные и просто человеческие связи. Казалось, что для этого необходимо найти «точку отсчета» (для противостоящих друг другу сторон эти точки могут быть разными) и шаг за шагом проследить позиции и действия, способствовавшие разжиганию конфликта, наконец, попытаться установить, кто заинтересован в «размораживании» ситуации и стабилизации положения по обе стороны противостояния. Представляется, что для этого южно-кавказскими, российскими и западными аналитиками и экспертами уже была наработана значительная сумма весомых аргументов и фактов.

Но после всего случившегося, того, что политики и публицисты уже успели окрестить «пятидневной войной», российско-грузинские отношения опустились глубже самой низкой в своей истории точки падения и пути выхода из сложившегося положения придется искать заново, уже в совершенно иной плоскости. Ведь сегодня в корзину летит уже не только СНГ, решение о выходе из которого принял грузинский парламент, и не СССР, по которому кое-кто ностальгирует по обе стороны границы, а и сам Георгиевский трактат, датируемый 1783 годом.

Разразившийся в российско-грузинских отношениях политический и военный кризис привел к их настолько резкому обострению, что его последствия будут труд-

но преодолимы даже при наличии доброй воли с обеих сторон. Нелегко будет изгладить из нашей общей памяти появившиеся на экранах телевизоров кадры бомбардировок и залпового огня, потоки беженцев в Россию и Грузию, появление в городах Грузии частей российской армии и уличных в мародерстве «добровольцев», которых, впрочем, оказалось меньше, чем ожидалось.

Военные итоги «операции по принуждению к миру» оказались далеко не блестящими, по оценке генерал-лейтенанта Юрия Неткачева, «шапкозакидательства не получилось, российское военное руководство так и не усвоило уроки чеченской войны». В противовес этому, он же объективно оценил «боеготовность и активность грузинских войск, которую они сегодня демонстрируют» («Независимая газета» 11 августа 2008). Что же касается действий российской армии на территории Грузии, то, по мнению ряда западных наблюдателей, грузинские вооруженные силы намеренно не оказывали сопротивления, что объяснялось желанием не допустить еще большего ущерба западным районам Грузии.

Политические итоги августовской кампании до конца неясны, но первые «плоды победы» спешат собрать лидеры Южной Осетии и Абхазии, получившие достаточно широкую, хотя пока еще только словесную, поддержку Москвы. За этим, несомненно, последуют переговоры об определении обновленного статуса обеих республик, вновь появятся ссылки на косовский прецедент и более выпукло обозначатся интересы различных, не только этнических, но и общественных и политических групп, как в республиках Южного Кавказа — Азербайджане, Армении и Грузии, так и в России.

Исходные причины и последующее развитие конфликтов на территориях Грузии и Азербайджана действительно имеют много общего, как между собой, так и с конфликтом вокруг Косово. Это обусловлено общим наследием авторитарно-тоталитарных режимов, а также острым политическим противостоянием, возникшим на этапах распада СССР и СФРЮ. Что касается постсоветского пространства, то на начальном этапе в политике России обозначилась к тому же проблема поиска собственной, российской идентичности. С потерей былых, по сути своей, имперских позиций Москвы, в России далеко не все были согласны. Многим, в том числе и политикам, тяжело было признать объективное противоречие между желанием и возможностями сохранить свои прежние позиции, с одной стороны, и необходимостью по-новому строить свои отношения с новыми независимыми государствами, с другой.

В то же время, элиты бывших союзных республик первоначально также не смогли вписать свою национальную политику в русло демократических преобразований (наиболее характерный пример — ликвидация Юго-Осетинской автономной области в Грузии при президенте З. Гамсахурдиа). Поскольку же руководители Азербайджана и Грузии (З. Гамсахурдиа, А. Эльчибей) в начале 1990-х годов демонстративно противопоставили свои республики России, это было использовано частью российских политиков, избравших в противовес им линию на поддержку сепаратизма автономий. На этой основе завязался узел противоречий, до сих пор не развязанный и постоянно создававший «зону риска» не только для непосредственно затронутых конфликтами государств, но и для общей системы безопасности в Европе.

Каждый из упомянутых конфликтов — вокруг Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии приобрел свои специфические черты и динамику развития в соответствии с общими параметрами внутренней и внешней политики своих «малых метрополий». На протяжении последних двух десятилетий эти параметры неоднократно менялись. Но сегодня руководство Азербайджана, равно как и ослабленной российско-грузинским конфликтом Грузии, едины в своем намерении восстановить территориальную целостность своих государств, и в этом они опираются на нормы международного права, заявляя о своем неприятии «казуса Косово» в качестве *прецедента*. При этом их тактические решения еще и до августа 2008 года не во всем совпадали, а иногда и противоречили друг другу.

По мнению известных российских правоведов, несмотря на свершившийся факт провозглашения независимости Косово, с правовым обеспечением этого про-

цесса далеко не все ясно и гладко. Но сейчас речь идет не о том, чтобы спорить о противоправности признания этого слабо приспособленного к цивилизованному самоуправлению новообразования, а о том, чтобы выработать устойчивое и применимое в других аналогичных случаях понимание ключевых принципов международного права. Для преодоления сложившегося в СБ ООН тупика известный российский правовед, профессор Дипломатической Академии МИД РФ Б. Тузмухамедов считает целесообразным прямое использование пострадавшим государством трибуны Генеральной Ассамблеи ООН. Этой возможностью в мае — июне 2008 года уже воспользовались Азербайджан и Грузия.

Их территориальная целостность была неоднократно подтверждена в момент их международного признания и вступления в ООН, а также закреплена в Уставе СНГ на основе взаимосвязанных и равноценных принципов: «нерушимость государственных границ, признание существующих границ и отказ от противоправных территориальных приобретений; территориальная целостность государств и отказ от любых действий, направленных на расчленение чужих территорий» (*«Устав Содружества Независимых государств»*. Принят Советом Глав Государств 22 января 1993 г.).

В дальнейшем был принят целый ряд многосторонних и двусторонних документов, регулирующих правовые аспекты отношений стран СНГ. С правовой точки зрения сецессия претендующих на независимость бывших автономных образований возможна лишь с согласия государств, в рамках которых они признаны. Принятые на основе консенсуса постановления Совета Глав государств СНГ утвердили также содержание и характер миротворческих операций в зонах возникших после распада СССР конфликтов. При этом, как в решениях глав государств СНГ, так и неоднократно принимавшихся резолюциях Совета Безопасности ООН, постоянно указывалось на необходимость соблюдения территориальной целостности Азербайджана и Грузии. Введение в зоны противостояния российских миротворческих подразделений пресекло вооруженные столкновения, но не создавало необходимых условий для урегулирования конфликтов на взаимоприемлемой и правовой основе.

На фоне растущей милитаризации государств Южного Кавказа и появления *прецедента* Косово перспективы восстановления их территориальной целостности вооруженным путем казались их лидерам все более реальными. В ноябре 2007 г. был опубликован очередной, уже третий по счету, доклад Международной кризисной группы (*«Нагорный Карабах: риска войной»*: Европа № 187 — 14 ноября 2007), где говорилось о высокой

вероятности возобновления военных действий в зоне армяно-азербайджанского противостояния. В части доклада, касающейся возможного нарушения сложившегося военного баланса, международные эксперты указывали, что в целом он сохранился, а происходящее наращивание боеспособности азербайджанской армии компенсируется выгодной для армянской стороны конфигурацией линии фронта, а также продолжающимся армяно-российским сотрудничеством и членством Армении в ОДКБ. Тем не менее, в докладе говорилось и о возможных попытках Азербайджана разрешить противостояние вооруженным путем.

В международных СМИ приводились в подтверждение этому высказывания ряда политиков о том, что в последнее время ставка при решении спорных вопросов все чаще делается на фактор силы. Об этом, в частности, говорил президент Армении Серж Саркисян, утверждая во время своего визита в Москву (июнь 2008 г.), что возобновление Азербайджаном военных действий может начаться «хоть завтра». Однако вооруженный конфликт между Азербайджаном и Арменией сдерживался заинтересованностью обеих стран в развитии отношений с Россией.

Гораздо более сложными условиями резкого ухудшения российско-грузинских отношений после октября 2006 года, с одной стороны, активного продвижения Грузии по пути интеграции в НАТО и периодических обострений на разделяемой российскими миротворцами линии противостояния, с другой, определялась шаткая стабильность в зонах грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов.

В марте 2008 г. в Государственной Думе РФ состоялись парламентские слушания, а в принятом после них заявлении было указано, что с учетом одностороннего провозглашения независимости Косово России необходимо скорректировать свою политику в отношении Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья, исходя из волеизъявления проживающего там населения». В документе также отмечалось, что в случае возможного вооруженного нападения Грузии на Абхазию или Южную Осетию или шагов по форсированию вступления Грузии в НАТО необходимо рассмотреть возможность ускорения процесса суверенизации Абхазии и Южной Осетии и их признания.

Важно подчеркнуть, что радикальные предложения депутатов Госдумы, в любом случае не имеющие правовых последствий, тогда были существенно скорректированы выступившим перед депутатами министром иностранных дел РФ С.В.Лавровым. Согласившись с тем, что признание Косово — это *прецедент*, он объяснил, что у России есть

«последовательная и неконъюнктурная приверженность принципам суверенитета и территориальной целостности государств, верховенству международного права, своим обязательствам по Уставу ООН, ответственному отношению к полномочиям постоянного члена Совета Безопасности». Лавров также заявил, что «нам сейчас пытаются навязать правила игры, которые подрывают эти принципы» и призвал «избежать искушения ими пренебречь».

Во второй половине июня на территории Грузии (в Зугдидском районе, но в 12-километровой зоне действий российских миротворцев) задержали четырех российских военнослужащих, сопровождавших несанкционированный военный груз, не подтвержденный сопроводительными документами. Инцидент, в конечном счете, был разрешен, однако за этим последовали взаимные обвинения высших должностных лиц Москвы и Тбилиси, расценивших случившееся, как «провокацию, грозящую непредвиденными последствиями».

В те же самые дни в Южной Осетии, по утверждению представителей Цхинвали, в российских миротворцев велась стрельба со стороны Грузии, и были ранены семь человек. К расследованию инцидента были подключены военные наблюдатели ОБСЕ и Смешанных сил по поддержанию мира. Но к этому времени перестрелки стали практически ежедневными, и определить, кто открыл огонь первым, теперь уже вряд ли удастся. Но случившееся негативно сказалось на проходивших переговорах между грузинской и юго-осетинской сторонами.

Конечно же, все произошедшее на протяжении марта — июня 2008 г. может быть понято лишь в тесной взаимосвязи целого ряда факторов и предпринимаемых обеими сторонами шагов. Это — и форсированное стремление Грузии интегрироваться в НАТО, и отсутствие до последнего времени прогресса в деле нормализации российско-грузинских отношений на фоне активизации сотрудничества России с непризнанными Абхазией и Южной Осетией, и, наконец, шаги Москвы по разблокированию «замороженных» после октября 2006 г. практических контактов с Грузией. Как справедливо подчеркнул Руководитель Южно-кавказского Института региональной безопасности (Тбилиси) Александр Русецкий, «это звенья одной цепи. Идут одновременно два процесса: налаживание отношений, с одной стороны, и эскалация напряженности вокруг Сухуми и Цхинвали, с другой». Иными словами, предпринимаются попытки распутать образовавшийся в последние годы сложнейший клубок российско-грузинских отношений, но для обеих сторон характерна очевидная непоследовательность заявлений и действий.

К тому же становилось все более очевидным, что и в Грузии, и в России противостоят друг другу «партии войны» и «партии мира». Их истоки восходят к проходившему еще в начале 1990-х годов противостоянию демократических и консервативных («коммуно-патриотических») сил, причем последние были значительно активнее в России, возрождаясь под различными именами.

Очередные, достаточно серьезные обострения конфликтов вокруг Абхазии и Южной Осетии совпали с приездом в Грузию делегации Атлантического Совета США и Колумбийского Университета (14 — 20 июня 2008 г.). Члены делегации — политики, общественные деятели, ученые предварительно посетили Сухуми, где встретились с *де факто* руководством Абхазии, а затем, в Тбилиси — с руководством Грузии. 19 июня в Тбилиси состоялся Форум, организованный ими совместно с Грузинским Фондом Стратегических и Международных Исследований, в котором приняли участие также и представители исследовательских центров России и российские журналисты.

В выступлениях российских участников говорилось, в частности, о том, что прецедент Косово не воспринимается Москвой как основание для признания сепаратист-

ских территорий, но возможность приближения НАТО к границам России для Москвы неприемлемо. Каждая из сторон вправе решать эти вопросы, исходя из общего комплекса своих национальных интересов, но при этом принимает на себя ответственность за последствия своих действий. Говорилось также, что «прецедент Косово» не воспринимается Россией как основание для признания или, тем более, аннексии непризнанных территорий соседних государств. В то же время возможность приближения блока НАТО к границам России для ее руководства неприемлемо, по этому вопросу существует также и консенсус подавляющей части российского общества.

Из сообщений посетивших Абхазию американских участников Форума следовало, что абхазские лидеры С. Багапш и С. Шамба в беседах с ними выразили серьезную обеспокоенность опасностью нового вооруженного столкновения и считали возможным подключение нейтральных международных посредников к переговорам, которые могли бы привести к урегулированию конфликта по «модели Косово». Аналогичные положения содержались также и в интервью газете «Чегемская правда» директора «Центра стратегических исследований при президен-

Современный архив

Изменить структуру капитала банковской системы («The Financial Times», Великобритания) МЫ ПЕРЕШЛИ РУБИКОН, И ПУТИ НАЗАД УЖЕ НЕТ

Джордж Сорос (George Soros), 01 октября 2008

Представленный в Конгресс чрезвычайный законопроект был плохо продуман. Если говорить точнее, он не был продуман вообще. Конгресс постарался усовершенствовать то, что предложило министерство финансов. В результате появился объединенный план, состоящий из первоначальной программы министерства по спасению проблемных активов (Troubled Asset Relief Programme, сокращенно TARP) и еще одной, отдельной программы вливания капитала, в рамках которой правительство финансирует и стабилизирует ослабленные банки и получает прибыль в случае постепенного улучшения состояния экономики. Такой подход с вливанием денежных средств обойдется налогоплательщикам дешевле, а может быть, благодаря ему они даже смогут получить прибыль.

Две недели назад план министерства финансов еще не был готов. Именно поэтому ему пришлось попросить об осмотрительности при расходовании средств. Однако в целом идея заключалась в том, чтобы облегчить ситуацию в банковской системе, освободив банки от губительных ценных бумаг, которые планировалось перевести в государственный фонд, дабы они не оказались выброшенными на рынок по бросовой цене. А когда их цена стабилизируется, банки получат возможность получить свой капитал в форме акций назад.

Эта идея была чревата опасными последствиями. Такие проблемные ценные бумаги неоднородны, и в ходе торгов продавцы наверняка будут сбрасывать в государственный фонд всякие отбросы. Более того, данная схема предлагает лишь половинчатое

решение главной проблемы — отсутствия кредитных средств. Она мало чем поможет владельцам домов, которые обязаны выполнять свои обязательства по ипотечным кредитам. Кроме того, она не решает проблему отчуждения заложенной недвижимости. Цены на жилье пока еще не опустились до минимальной отметки, и если правительство набавит цену за акции, обеспеченные ипотечным залогом, то налогоплательщики наверняка окажутся в проигрыше. Но если правительство цены не повысит, банковская система не испытает большого облегчения и не сможет привлечь акционерный капитал из частного сектора.

Схема, в которой явное предпочтение отдавалось бы Уолл-стрит в ущерб обывателям, с политической точки зрения была неприемлема. Демократы, которых в Конгрессе большинство, раздергали ее на части. В итоге она ставит в невыгодное положение финансовые институты, которые пытаются извлечь из нее пользу. Республиканцы тоже не захотели остаться в стороне и ввели требование о том, чтобы выставляемые на торги акции были застрахованы от убытков, причем за счет проводящей торги организации. В своем нынешнем состоянии пакет мер по спасению является сплавом разных подходов. Сейчас возникает реальная опасность того, что программа покупки акций не будет реализована в полной мере из-за наложенных на нее обременительных условий.

Тем не менее, пакет мер по спасению был крайне необходим, и несмотря на все его недостатки, он поможет изменить ход событий. Еще 22 сентября министр финансов Генри Полсон (Henry Paulson) надеялся, что удастся избежать использования средств налогоплательщиков. Именно поэтому он позволил Lehman Brothers обанкротиться. Программа TARP устанавливает принцип задействования государственных средств, и если данная программа не сработает,

те Абхазии» О. Домения. «Мы поддерживаем российские интересы, поскольку они совпадают с нашими интересами», — заявил он, но России в случае обострения ситуации будут противостоять США и НАТО. Для Абхазии сегодня недостаточно поддержки и признания ее независимости одной Россией (о чем свидетельствует пример Турецкой Республики Северный Кипр, получившей признание одной Турцией и изолированной от остального мира)». Все это приводит к мысли о необходимости проведения Абхазией многовекторной политики и создания обстановки доверия с участием нейтральных сил, добавил он.

Грузинские эксперты представили свое видение проблемы, подчеркнув невозможность для Грузии потерять Абхазию, в то же время ими было признано, что большая ошибка грузинских политиков состоит в том, что они своевременно не наладили переговорного процесса с абхазами, на что прямо указал в одном из интервью С.Багапш. Что же касается членов международного сообщества, то, по их мнению, опасность и сложность ситуации вокруг Абхазии ими до конца не осознана. По мнению российских участников, опасность возникновения

конфликта на территории Южной Осетии также не была осознана также и грузинской стороной.

Американские участники проявили ко всему услышанному в Сухуми и Тбилиси несомненный интерес. Атлантический Совет США, выступивший в качестве главного организатора поездки в Абхазию и тбилисского Форума, согласно своему уставу, «призван содействовать выдвижению новых идей, стимулированию дискуссий по наиболее сложным проблемам международных отношений и формированию позиций Администрации, Конгресса и СМИ в Соединенных Штатах и союзных с ними странах». По итогам встреч и бесед с грузинскими и абхазскими политиками и российскими экспертами Атлантический Совет и представленная на Форуме исследовательская группа Колумбийского Университета предполагала подготовить доклад о ситуации вокруг Абхазии и российско-грузинских отношениях, направив его также и переходной команде будущего президента США.

Разразившийся в августе 2008 года вооруженный конфликт перечеркнул все предшествующие соглашения

будут введены в действие другие механизмы. Мы перешли Рубикон, и пути назад уже нет.

<...>

Вот как будет работать эта схема. Министр финансов будет полагаться на банковских ревизоров вместо того, чтобы делегировать реализацию программы TARP фирмам с Уолл-стрит. Ревизоры определят, сколько дополнительного акционерного капитала нужно каждому банку для должной капитализации в соответствии с существующими требованиями. Если банковское руководство не сумеет получить капитал от частного сектора, оно обратится к программе TARP.

Средства этой программы будут использоваться для приобретения акций с фиксированным дивидендом с приложением купонов. Такие привилегированные акции будут иметь купон с низкой ставкой (скажем, 5 процентов), поэтому банкам будет выгодно продолжать давать деньги в кредит. Но расплачиваться за это придется акционерам, поскольку дивиденды окажутся ниже из-за купонов. Однако они получат право подписки на акции на условиях TARP. Такие права можно будет продавать, и министр финансов получит указание зафиксировать такие условия, при которых эти права имели бы положительное значение стоимости.

Частные инвесторы, в том числе, и я сам, с радостью ухватятся за такую возможность. После повышения капитализации банкам будет разрешено менять соотношение между собственными и заемными средствами, в результате чего они возобновят предоставление займов. Ограничения на такое соотношение можно будет ввести позднее, когда восстановится экономика. Если использовать средства таким образом, то обеспечить капитализацию банковской системы можно будет менее чем за 500 миллиардов долларов из денег государственных фондов.

Le Monde

ЕВРОПА: МЕЖДУ ГЛУПОСТЬЮ И РОССИЕЙ

Доминик Давид

<...>

Итак, Россия сопротивляется: Она уже не глобальная держава позавчерашнего дня. В то же время впечатляющее возрождение в путинскую эпоху, энергетическая мощь, политическая неразбериха на Украине и в Грузии, неясность европейских стратегий, раздражение российского общественного мнения из-за маргинализации страны — все эти факторы заставляют Москву вернуться в большую игру. Россия разыгрывает свои карты. Грубо, «по-русски», пользуясь чужими ошибками, в данном случае — грузинским авантюризмом. Невозможно безнаказанно унижать народы, невозможно подсовывать им фальшивую монету демократии, а потом удивляться, когда они пытаются, лишь только представится возможность, сменить поставщика...

Россия хочет, чтобы с ней считались. Чтобы ее не держали за пустое место на ее традиционном заднем дворе, в этих странах, где родились Гоголь, Чехов и тот же Сталин. А также в Европе.

Однако в Москве видят, что Запад воспользовался слабостью России, чтобы устроить новый мир в соответствии с собственными интересами. Об этом свидетельствовали и проведенные в одностороннем порядке бомбардировки Сербии в 1999 году; и начатая Америкой в 2003 году война в обход ООН, несмотря на заверения в сотрудничестве с Владимиром Путиным после 11 сентября; и бесконечно продолжавшееся расширение НАТО вопреки негласным соглашениям начала 1990-х; и одностороннее признание Косово; и размещение систем ПРО в Польше для противодействия несуществующему иранскому оружию, систем, которые, по мнению Москвы, в будущем могут быть обращены против нее; и всевозможные

и намечавшиеся между конфликтующими сторонами договоренности. После окончательного завершения военных действий и вывода российских войск с территории Грузии Тбилиси, Сухуми и Цхинвали стороны вынуждены будут вернуться к обсуждению спорных проблем, даже в том случае, если лидеры самопровозглашенных республик считают вопрос об их независимости от Тбилиси уже решенным. Предстоит также представить на рассмотрение европейских судебных структур свидетельства о массовых нарушениях прав человека в ходе августовской войны на территории Грузии и участии в них каждой из сторон конфликта.

При подведении итогов «пятидневной войны» важно оценить ее последствия для международных позиций России.

Российская позиция и ее действия в отношении Грузии не была поддержана мировым сообществом — подавляющее большинство стран либо промолчали (пока!), либо осудили вторжение российских войск в Грузию. На этом фоне оказался как бы оправданным грузинский штурм Цхинвали, а заявленная цель — «восстановление конституционного порядка» воспринималась многими

Современный архив

американские провокации в таких «сложных» странах, как Украина или Грузия. Взамен она получила лишь «партнерство» с не оправдавшим надежды и разногласным ЕС и ничего не значащий совет Россия–НАТО, где Москве была отведена роль статиста.

В этих обстоятельствах самое худшее, что можно сделать, — это воспользоваться летними событиями для того, чтобы изолировать Россию, как призывает большинство американцев и изрядное число их европейских подражателей. К тому же, по крайней мере в краткосрочной перспективе, эта политика «изоляции» не представляет для Москвы никакой проблемы. Напротив, она послужила бы стимулом для наиболее националистических тенденций российского общественного мнения и недалеких политических движений, решительно поднимающих голову. Неоамериканская близорукость мешает нам понять, что альтернатива Владимиру Путину и Дмитрию Медведеву будет не прозападной, а гораздо более антизападной.

Нет другого разумного решения, кроме как диалог и интеграция России в общие дипломатические процессы. Не со всем, что делает Кремль, можно соглашаться. Так, одностороннее признание Абхазии и Южной Осетии, несомненно, является одним из редких неправильных шагов России за последние недели. Но необходимо привлечь Москву к принятию решений, касающихся общего баланса сил на европейском континенте. Остается только решить, в какой форме это делать: в рамках всеобщих переговоров, как предлагает Дмитрий Медведев, или как-то иначе.

Что касается внутренних изменений российской политической системы, они будут медленными, ввиду особенностей географии и истории России. Когда русские считают, что путинизм на данный момент является пределом их демократии, мы в них разочаровываемся, но кто мы такие, чтобы обвинять их? Мы должны по-

зарубежными комментаторами как прямая «калька с Чечни». Международные СМИ уделили особое внимание экономическому ущербу, нанесенному России «пятидневной войной» — падению курса рубля по отношению к ведущим мировым валютам, сокращению иностранных инвестиций в российскую экономику.

Но эти и другие неблагоприятные для России последствия скажутся позднее, а пока очевидно, что война в Грузии стала завершающим этапом распада бывшей советской империи. Россию не поддержали не только страны ГУАМ и солидарные с ними страны Балтии, но промолчали также и Украина, Белоруссия, и центрально-азиатские республики. А президент Нурсултан Назарбаев вновь заговорил о целесообразности создания Союза центрально-азиатских государств. И его можно понять: предпринимавшиеся им на протяжении многих лет попытки активизировать реальные интеграционные процессы на всем пост советском пространстве обернулись неудачей, а СНГ не может выполнять функцию Совета глав государств после того, как с его лидерами не были проведены консультации по поводу предстоящих шагов в отношении Грузии. Что же касается проблемы сепаратиз-

мочь им развивать демократию внутри страны посредством обмена и сотрудничества, а не с помощью надменных поучений Америки.

Соединенные Штаты ничего не понимают в России; их политика по отношению к Москве является одновременно непоследовательной и подстрекательской. Что до европейцев, их ошибка состоит в том, что они не сумели выработать по отношению к Москве четкую политику, выходящую за рамки исторических обид и узких двусторонних интересов. Проявляющаяся сегодня среди европейцев тенденция к сближению с американской позицией — плохой знак. Только европейцы могут навязать и организовать необходимый диалог с Россией. Для этого они должны согласиться говорить на одном языке. На их собственном языке.

Доминик Давид — исполнительный директор Французского института международных отношений (IFRI)

Le Temps

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ ОБСУЖДАЮТСЯ ЗА РАМКАМИ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДИСКУССИЙ В ООН

Франсуа Нордманн

В Нью-Йорке завершилась большая дипломатическая неделя по случаю ежегодного открытия общих дебатов в Генеральной Ассамблее ООН. Ситуация на мировых финансовых рынках стала темой большинства дискуссий, причем южные страны не упустили возможность подвергнуть сомнению ультралиберальную линию, которую страны Запада во главе с Соединенными Штатами постоянно им навязывали. <...>

Состояние трансатлантических отношений стало поводом для целой серии чрезвычайно интересных дискуссий. На публике ведущие европейские лидеры говорили уже не столь эмоционально и

ма, то она, как известно, актуальна не только для Грузии, и заявления о возможной поддержке независимости Абхазии и Южной Осетии настораживают многих соседей России.

После распада СССР — в 1990-е годы и, особенно, после 11 сентября 2001 года Россией были предприняты масштабные шаги по вхождению в мировое сообщество, что не обошлось без постепенного нарастания противоречий и разногласий по ряду ключевых вопросов мировой политики. Позитивному имиджу России, несомненно, способствовал ее отказ признать независимость Косово, и, как известно, большинство стран мира до сих пор поддерживают ее в этом.

«Пятидневная война» в Грузии стала самым серьезным международным кризисом со времен холодной войны. В отношениях с Грузией были отодвинуты в сторону все правовые нормы, в том числе и те, которые применялись к Сербии в дни «косовского кризиса» (поддержка ее территориальной целостности). Идет ли здесь речь о «двойных стандартах» в политике России или же о каких-то «особых интересах»? В любом случае важнейший на международной арене союзник и/или соперник Рос-

сии — евро-атлантический мир проявил единодушие, несмотря на различие интересов в отношениях с Россией. Сегодня именно от России зависит дальнейший ход событий — постепенное преодоление последствий кризиса и возврат в правовое поле или опасная в современных условиях изоляция со всеми непредсказуемыми последствиями в области внутреннего, в том числе и экономического развития.

И, наконец. Сегодня редко кто из политиков и политологов забывает упомянуть о геополитической роли Кавказа и его значении как связующего звена между Европой и Азией, Россией и Ближним и Средним Востоком, перекрестка энергетических и транспортных путей, сложного и во многом уникального переплетения цивилизаций. Но это, как правило, не приводит к выводу о необходимости коренного Пересмотра кавказской политики России, прежде всего, в отношении ее исторического союзника — Грузии. Между тем, такой вывод с неизбежностью вытекает из современного, неприемлемого для России положения, равно как и из исторического опыта российской политики на Кавказе, к которому не мешало бы время от времени обращаться. ■■■

остро, как сразу после грузинского кризиса. Даже британский министр иностранных дел Дэвид Милибэнд, еще недавно высказывавшийся крайне резко, продемонстрировал умеренность. Грузинский президент существенно снизил тон по отношению к России. Президент Буш подчеркнул, что «вторжение России в Грузию» является нарушением Устава ООН.

Евроатлантические партнеры — в том числе Швейцария — занялись глубоким анализом отношений с Россией в ходе обеда, состоявшегося 24 сентября по приглашению госсекретаря Кондолизы Райс. По словам американцев, все участники сошлись в том, что трансатлантическая солидарность позволила избежать усугубления грузинского кризиса. Сейчас речь идет о том, чтобы поддержать усилия Грузии по восстановлению страны и проведению реформ, укрепить сотрудничество со странами, чувствующими угрозу со стороны России, и твердо показать русским, какую ошибку они совершили, признав — практически одни — независимость двух сепаратистских государств, Абхазии и Южной Осетии. Прежде всего, необходимо добиться соблюдения заключенных с Европейским союзом соглашений о выводе российских войск и отправке наблюдателей.

Российский министр иностранных дел Сергей Лавров, со своей стороны, выступая в тот же день на заседании Совета по международным отношениям, влиятельного частного органа, продемонстрировал относительную сговорчивость. Не следует считать грузинский кризис чем-то большим, чем он является на самом деле, то есть точечным и соразмерным ответом на назревавшую несколько лет провокацию, ответственность за которую он перекладывает лично на президента Саакашвили.

Это отнюдь не потрясение с геополитическими последствиями, но демонстрация желания Москвы, чтобы ее принимали

всерьез как ведущее действующее лицо мира, переставшего быть однополярным. И именно в этом смысле следует интерпретировать недавнее выступление президента Медведева или мюнхенскую речь Путина в 2007 году: как призыв к диалогу на равных с целью урегулировать глобальные проблемы, которые нельзя и невозможно урегулировать в одностороннем порядке: нераспространение ядерного оружия, энергия, климатические изменения. К сожалению, сказал он, суть этих выступлений в западной прессе была извращена. С другой стороны, невозможно исключать Россию из некоторых международных механизмов, например, G8, одновременно рассчитывая на сотрудничество с ней в таких вопросах, как Иран!

Выступая за прагматический подход, Россия не хочет возвращения холодной войны, но сталкивается с враждебной политикой, в частности, со стороны НАТО. Она выражается в установке ракет и радаров в регионе Балтийского моря, военных баз в Болгарии и Румынии, присутствии ВМФ США в Черном море, а также милитаризации космоса и давлении на российские границы в Восточной Азии со стороны Японии.

В этом контексте расширение НАТО представляет серьезную проблему, а структура евроатлантической безопасности, рожденная из разномастного скопления институтов времен холодной войны или сразу после ее окончания («когда мы были бедными»), должна быть пересмотрена, так как она уже не функционирует. Она не помогла предотвратить эскалацию в Грузии, и невозможно теперь к ней вернуться, как будто ничего не случилось. <...>

Мы уже мечтаем, как через год-другой состоится встреча двух новых президентов на высшем уровне, на которой будут рассмотрены главные мировые проблемы и заложены основы нового сотрудничества, более конструктивного, чем нынешний тупик. Все еще есть надежда, что разум возобладает. ■■■

ЗАТМЕНИЯ

Виктор ЯРОШЕНКО

1 августа над Сибирью случилось полное солнечное затмение, которое в России всегда предвещало войну.

«Мы очень легко смеемся, нам все смешно. Висит в небе комета с двумя хвостами — смешно. В пятницу было затмение солнечное — смешно. — А вот шёл князь Игорь в поход — солнечное затмение. В Куликовскую битву — солнечное затмение. В разгар Северной войны — солнечное затмение. Как военное испытание России — так солнечное затмение».

А.И.Солженицин.

«Август четырнадцатого».

1. E-mail 1

From: herald_of_europe@libfl.ru

to: anonimus@no_name.com

date: 2 августа 2008

subject: **Солнечное затмение**

1 августа 2008 года в России прошло важнейшее астрономическое событие: полное солнечное затмение — полоса мрака, шириной в 250 километров прошла по-над Западной Сибирью.

Оно продолжалось 2 минуты и 27 секунд. Сопровождалось наступлением темноты и всеобщим ажиотажем. В Новосибирск, Барнаул, Надым, Нижневартовск, Колпашево, Стрежевой съехались ученые и туристы и прочие праздные люди, чтобы наблюдать редкое явление. И мой сосед по деревне академик и поэт Владимир Захаров заблаговременно отбыл в родной Новосибирск на «Затмение».

Сибиряки как пирожки раскупали телескопы, бинокли и маски электросварщика.

Но это выдающееся событие как-то удручающе мало поработало на пиаровском и художественно-инсталляционном фронтах.

А ведь можно было устроить все как-то крупнее, в соответствующем случае астрономическом масштабе!

* * *

Выстроить колонны хорошей патриотической нашей молодежи по всему наукой установленному таежному маршруту тени; выдать каждому фонарики, чтобы в темные две минуты они выписали бы в небе имя национального любимца Гуса Хидинга, прочесть в заветные эти две минуты модернизированный михалковский гимн (может быть «Отче наш» в исполнении священноначалия было бы лучше, но не совсем политкорректно; пришлось бы звать тогда и муфтиев, и раввинов и пресвитеров, и пас-

торов, и мохатм, и римских даже падре, но это изменило бы формат мероприятия, сделало бы его вселенским, что неплохо с одной стороны, но как-то необратимо превратило бы наше региональное и национальное духоподъемное событие во всемирное, под патронажем ООН, что нежелательно ни в каком смысле), и чтобы, взявшись за руки, все наши начальники, федеральные, областные, городские и районные, городничие и губернаторы, депутаты всех рангов (до наинижайшего!), милицейские и полицейские полковники и генералы, прокуроры, усиленные недавно прибавленными 2000 новобранцев, новых прокуроров, спокойно и торжественно возвали бы к солнцу: «Вернись!» — и солнце бы воссияло.

Вот какой праздник всенародного воодушевления и единства мы могли иметь и мы его пропустили.

Астрологи и маги уверяли в интернете, что больших неприятностей от лунной тени ждать не следует. Их, вроде бы пока и не было. Следующий раз тьма спустится на Россию в 2061 году. До этого дня можно жить спокойно.

2. E-mail 2

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 7 августа 2008
subject: **перевернутый бинокль истории**

* * *

Два года назад Европа отмечала 50-летие подавления Венгерского восстания.

Сорок лет назад советские танки вошли в Чехословакию, положив конец пражской весне. За год до этого я был в Чехословакии в составе студенческого стройотряда. 21 августа стало датой определившей во многом мою жизнь. Это тогда Александр Галич написал:

*Граждане, отечество в опасности!
Наши танки на чужой земле.*

Через год будет тридцать лет советскому вторжению в Афганистан, с которого начался крах СССР.

Потом был распад СССР, кровавые войны по периферии, которые, казалось, обойдут нас, как не обошли Югославию. Не обошли и нас. Началась Чеченская война, историческая и правовая оценка которой еще впереди.

Каждое десятилетие в нашей бурной истории происходило что-нибудь такое, что останавливало то разрядку, то строительство общеевропейского дома: то развитие гражданского общества и демократического государства.

В перевернутый бинокль истории хотелось бы увидеть нынешние события.

3. E-mail 3

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 9 августа 2008
subject: **хроника событий**

Сегодня суббота, 9 августа, второй день олимпиады. Вчера в Пекине Олимпиада с помпой открылась, а на Кавказе разгоралась нешуточная уже война.

Напряжение накачивалось давно и планомерно. Осведомленный автор еще месяц назад мне говорил, что, как он знает от людей не менее осведомленных, решение о войне против Грузии принято. Собирали подписи против войны с Грузией. Я тоже соглашался подписать. И вот она война.

Перестрелки были всегда, но вот **2 августа** был серьезный обстрел с гор, о шести убитых сообщили из Цхинвали.

Потом Грузия организовала приезд в район европейских дипломатов, британского посла и других. Им показывали следы от снарядов и пуль. Грузинский министр сказал, что у них не помутилось в голове, чтобы стрелять при британском после.

6 августа осетины «вытеснили» грузин со стратегически важной Нульской высоты, сообщало ВВС.

На **7 августа** были назначены, наконец, переговоры. Грузины настаивали, понятное дело, на прямых переговорах без посредников. Переговоры должны были пройти в здании в смешанной комиссии; остальные ее члены лишь наблюдателями виделись из Тбилиси.

Однако переговоров без посредников не хотели ни Россия, ни осетины.

Для Тбилиси единственный вариант вывести ускользающую ситуацию из тупика был усадить юго-осетинцев наедине и попробовать либо купить, либо продать.

Они решились давить.

Смешанная контрольная комиссия (СКК)— это Грузия, Россия, Северная и Южная Осетии. Смешанная комиссия, объединенные миротворческие силы (на самом деле совсем не объединенные, а подчиняющиеся своим командирам), это то, на чем удалось в кровавом 1992 году заморозить войну. В 1992 году тут вспыхнула война. Первый президент Грузии Звиад Гамсахурдия и люди, собравшиеся вокруг него, много тогда натворили сгоряча

Россия, пятнадцать лет хранившая тут пусть и худой, но мир, особо настаивает на легитимности своего

присутствия в Грузии. Тогда, только вышедшие из СССР, только вылупившиеся страны СНГ согласились на особую *бессрочную* посредническую и миротворческую роль России.

* * *

Много воды утекло в горных реках с тех пор. Но время шло: в свободом плавании страны и Грузия прошли свою трудную жизнь, революцию роз, терний, смут, заговоров, переворотов, искали новых союзников, партнеров и покровителей.

Грузия выбрала Запад, Америку и НАТО, в надежде на то, что они помогут или (Грузия их сумеет заставить подтолкнуть) к соучастию в ее судьбе.

4. E-mail 4

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 11 августа 2008
subject: **хроника событий**

По российскому миротворческому батальону в Южной Осетии, как утверждали СМИ и официальные лица, стреляли грузинские миротворцы, которые с момента нападения миротворцами быть перестали. Впрочем, я там не был, не свидетельствую, а лишь пытаюсь осмыслить всем доступные сведения, оценить факты и сформулировать вопросы, которые мучают меня все эти дни...

Трудности тут начинаются с самого начала. Что значит — «оценить факты»? Их может оценить, признать имевшими место или дезинформацией и ложью только очень профессиональная и объективная международная комиссия. Вряд ли следователи российского следственного комитета, даже самые лучшие и добросовестные, будут признаны миром такой объективной структурой. Но с другой стороны, по горячим следам собрать свидетельства и улики — дело благое.

Что есть факт? Что есть преступление? Кто виноват в жертвах? Стихийное бедствие отличается от преступления тем, что у каждого преступления есть свой виновник.

Ясно, что сторона, виновная в преступлениях, будет стараться их скрыть или перевалить вину на противника.

5. E-mail 5

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 11 августа 2008
subject: **хроника событий**

Разрастается мировая реакция. Вчера по информационному каналу «Вести» долго показывали в прямом эфире перепалку между нашим блестящим дипломатом Чуркиным, и американским послом в ООН...

Блестящ был наш дипломат, спору нет, артистичен, смотрелся куда лучше американца, но ведь временами перегибал палку, уж слишком актерствовал.

Там в Совбезе все игроки опытные, разве что кроме молодого грузина, им не привыкать, но и там прорывалась сквозь протокольную холодность живая эмоция кавказской трагедии.

А что в результате?

Смотришь, слушаешь, читаешь, и холодок ползет за ворот, как в знаменитой песне, когда понимаешь, насколько наша Россия «ОДИНОКА В МИРЕ».

И что винить за это мир — можно, но неконструктивно.

Обсуждать содержательную сторону спора с Абхазией и Южной Осетией сейчас трудно, там есть острейший — и неостывающий с годами — субъективный фактор, иногда кажется, что примирить их невозможно и через сотню лет. У всех своя правда.

6. E-mail 6

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 7 августа 2008
subject: **хроника событий**

8 августа должны были начаться прямые переговоры грузинского министра Темура Якобашвили с осетинами, но их не было, потому что в ночь на восьмое начался мощный грузинский артобстрел и штурм Цхинвали. Российская газета (5 августа): «Для грузинских властей полномасштабный военный конфликт с Южной Осетией означает по сути, крупную дипломатическую победу».

Как писал «Ъ», в МИД Южной Осетии заявили: «господин Якобашвили действительно изъявил желание приехать в Цхинвали, но мы неоднократно говорили, что вести переговоры с грузинским чиновником о реинтеграции в Южной Осетии не намерены».

Все что мы знаем сейчас, это сообщения воюющих сторон, скорее дезинформация, чем информация, правду тут установить трудно. Никем не отрицаемый факт однако состоит в том, что грузины после недельных взаимных провокаций и перестрелок попробовали было силой переломить обстановку и восстановить «конституционный порядок», взяв за пример российские действия в Грозном в 1994–1995.

Правда, в интервью «Ъ» 15 сентября, президент Грузии Михаил Саакашвили отрицает и это.

Похоже на то, что Россия, терпеливо ждавшая подходящего случая, дождалась и среагировала мгновенно. (Осетины, правда, так не считают, — обвиняют Москву в задержке. Говорят, что помощь пришла слишком поздно, и жертв, и разрушений можно было бы избежать. Но так говорят совсем наивные люди. Как тогда было бы объяснять миру причины русского удара?)

Днем **восьмого августа** Жириновский по «Эху» требовал прямых бомбардировок Тбилиси и расчленения Грузии. Говорил, что весь Запад против России, и вспомнил Крымскую войну.

До этого были войны в Абхазии и Южной Осетии в 92-м, была шаткая заморозка, была попытка Грузии вернуть Цхинвали в 2004-м.

7. E-mail 7

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 12 августа 2008
subject: **хроника событий**

Когда на авансцену Грузии протолкался молодой Михаил Саакашвили, он влюбил в себя избирателя, обещая собрать грузинские земли, привести страну в Европу и НАТО, изгнать русские войска. Все это нравилось грузинским избирателям, как нравилась российским решительная и напористая манера их молодявого президента.

Он требовал — и добился — закрытия российских военных баз, заковал в наручники офицеров ГРУ, позорил их перед терекамерами, словом, как только мог, бесил Москву. Иногда казалось что лозунг «чтоб злее были» — есть его главная программная цель.

Начался новый виток неравного противостояния, причем маленькая провинциальная Грузия вела пиар войну на мировой арене, убеждая других, а Россия — в основном на внутренней, убеждая самое себя.

Все помнят позорные депортации грузин по всей России, эмбарго на вино и «Боржоми», до сих пор не снятые, оскорбляющие, прямо таки хамские заявления в парламенте ни на телевидении, ставшие почти уже привычным фоном, скорее нормой, чем исключением.

Но чем хуже становились грузино-русские отношения, чем дальше расходились страны, тем лучше принимали его на Западе.

ЕС И НАТО маячили уже вполне как достижимая цель для маленькой, коррумпированной (как все кав-

казские страны) страны, далекой от демократических стандартов, но, признаем, живущей демократичнее всех своих соседей.

Главным приоритетом было создание новой бое-способной, современной, по-натовски вооруженной грузинской армии.

В военное строительство были вложены большие деньги (военные расходы выросли в 30 раз)...

За месяц до начала войны, министр финансов Н. Гилаури в парламенте Грузии предлагал увеличить расходы на оборону на 26,86% до 980 млн \$.

Настойчивые до навязчивости усилия по налаживанию особых отношений с Америкой и Европой, ежедневно упоминаемая цель: членство в НАТО И ЕС, строительство нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан, все более саркастичная антироссийская риторика, личные выпады против лидеров (как будто личными кондициями можно компенсировать малость и некоторую подвешенность державы) словом — взрывчатая смесь, которую и подожгли раньше, чем зажегся факел пекинской Олимпиады.

8. E-mail 8

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 11 августа 2008
subject: **хроника событий**

Последние дни часто поминают давнюю Крымскую войну, и посматривают в сторону Крыма. Не будем забывать, что в (1852–1855 годах) Крымской войне против России выступали Турция, Франция и Англия, при дружественном к ним нейтралитете Австрии и Германии. Российскую армию победила тогда более высокая военная технология европейцев, их новейшая тактика войны, о чем очень полезно почитать военные обозрения Фридриха Энгельса, насквозь, надо признать, антирусские по своему духу.

Как писали древние, богатство порождает гордыню, а гордыня ведет к войне. Гордыня сначала обуреует властвующих, потом — обслуживающих их идеологов, потом передается обществу. Здесь все годится — спортивные успехи (и неуспехи — нас зажимают!), накопленные нефтедоллары, действительное и мнимое противодействие недавних противников и вчерашних партнеров, заявления тамошних ястребов и всякого рода аналитические записки.

Последние годы в подсевшей на спортивные игрища нашей элите все чаще и настойчивее стала звучать тема, как бы так сказать — о матч-реванше. Об армреслинге.

Что политика — все тот же спорт, и кто круче, проверится в деле. О том, что хорошо бы и даже необходимо проверить, испытать, какова она, хваленая военная машина НАТО *на самом деле*. Сначала об этом говорили в узком кругу, потом тема прозвучала в кино, потом все чаще — на телевидении.

Брутальность стала стилем времени и выигрышным PR-козырем. После десятилетней войны в Чечне этого можно было ожидать. Россия вырастила, высидела войну у себя за пазухой.

Тут все инструменты важны, как в большом оркестре: и военные маневры, и парады и ракетные испытания, и неожиданные полеты стратегической авиации, и воинственные заявления депутатов и захлебчатые телекомментаторы с их пятиминутками ненависти, и рассудительно-жесткие заявления дипломатов, и — все более задиристые — генералов, и — главное — стиль, темп, напор — от полета все ускоряющейся дирижерской палочки.

В июле некий американский генерал предупредил, что Россия, ежели она организует на Кубе аэродромы «подскока» для стратегической авиации, пересечет «красную черту».

Комментарий был в смысле — да плевали мы!

После путешествия Колумба (1492) испанский и португальский монархи спешно поделили мир «Красной линией» на испанскую и португальскую зону.

А где сейчас проходит «Красная линия» для России?

Западные политики если отбросить все эвфемизмы, считают, что на наших границах. Сегодняшняя «Красная линия» проходит не только на глобусе — она в головах и в атмосфере, она в принципе — сотрудничество или конфронтация.

Плохо то, что расширяет конфронтацию, что ведет к росту противостояния, и что, в конечном счете, повышает опасность почти забытой было перспективы Большой войны.

Считается, что развитие демократии неохотно вступают в войну. Но и такое бывает.

Война с Грузией — однозначно плохо, но плохо и скороспелое и *неправильное* по убеждению большинства россиян, признание независимости Косова, размещение в Европе новых ракет, расширение НАТО за счет бывших республик Советского Союза — и без России.

Неужели, думаю я, только прямое военное столкновение России и НАТО сделает обе стороны поосторожнее?

Первая опасность столкновения была, когда НАТО бомбила Югославию.

Вторая там же, в памятном марше на Приштину.

Третья — сейчас.

Не дай Бог, чтобы накат ура-патриотизма вывел нас к Севастополю.

Оно, конечно, решительность впечатляет; Запад явно не хочет столкновения с Россией; но строить на этом свою внешнеполитическую доктрину — уж очень опасно.

* * *

E-mail 8

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 12 августа 2008
subject: **хроника событий**

08.08.2008

В современной истории демократической России (имеющей избранного президента и парламент) и демократической же, еще недавно братской и все еще православной Грузии — эта война и авантюра, и роковая ошибка, и военное преступление, как сказал С.А. Ковалев, всех четырех участников.

Произошедшее внедряет в сознание и делает возможным, мыслимым, политически приемлемым и морально допустимым до сих пор запретное слово «Война».

Пропагандистская кампания этих дней будет иметь, может статься, даже более долговременные и разрушительные последствия на моральные устои общества — у нас в России и, думаю, во всех странах участниках, чем даже собственно военные действия.

Националистический угар — от него дуреют, сначала ненависть и презрение к чужим — потом насилие и убийства.

Трудно убивать *людей*, их сначала нужно переименовать в *зверей*, так всегда делали нацисты, и становились *нелюдями*.

Война в Чечне все-таки была войной внутренней, и рассматривалась Москвой как региональный мятеж. Здесь же мы перерезали алюю ленточку на дороге к войнам на постсоветском пространстве — и с кем? — с православным, двести лет жившим с Россией, гордым до спесивости, артистичным, амбициозным и злопамятным горным народом.

9. E-mail 2

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 11 августа 2008
subject: **хроника событий**

После поспешного признания Западом независимости Косово Кремль долго подталкивали к признанию непризнанных территорий; он пошел по двусмысленному пути — на словах признание территориальной целостности Грузии, а на деле открытое и полномасштабное экономическое сотрудничество, практически включение в состав страны как дотационного региона.

Все это кончилось тем, чем еще не кончилось.

Новый президент России попал в крайне трудную ситуацию, которая может в муку перемолоть его политическое будущее (тем более что премьер Путин постарался обеспечить себе политическое алиби в олимпийском Пекине).

Тут возникает ряд вопросов, на которые я пока не слышал ответов.

* * *

Сограждан, спору нет, надо защищать всеми адекватными средствами, их надо холить и лелеять, спасать, выручать из затруднительных ситуаций, вызволять из беды, дать телегу и лошадь, свет и связь, и юридическую помощь в любом уголке мира — в Туркмении и Таджикистане, в США и в Китае, в Грузии, в России.

Но российские паспорта — это интересный и деликатный момент. Тут множество вопросов, но никаких ответов.

Какая уполномоченная российская государственная организация выдавала десятки тысяч российских паспортов жителям непризнанных образований? Внутри страны этим занимаются паспортные столы МВД, за границей — консульства РФ.

Какова была при этом процедура вхождения в российское гражданство?

Существуют ли реестр граждан или хотя бы списки вновь принятых в гражданство? Публикуются ли эти списки?

Мой друг, Александр С., родившийся в Москве, приехал недавно из Италии, где жил много лет; он все ноги сбил в попытках восстановить российское гражданство. Особенно сложно это сделать стало после принятия нового Закона о гражданстве 2006 г.

Лично я бы считал правильным, если бы гражданство давали всем, кто был гражданином СССР, если он того пожелает, поскольку наша страна выступила правопреемником Советского Союза. (Такое решение принимал, если не ошибаюсь, еще Съезд народных депутатов.) Позднее все стало иначе. И процессы пошли другие. Брошенные на произвол судьбы местные элиты выжили и укреплялись без нас и находили других друзей и покровителей.

Но паспорта — это одно, а территории — это другое.

Очевидно, что в международно-правовом смысле, наличие паспортов — даже и тотальное — у граждан другого государства еще не делает его территорию принадлежащей раздающей паспорта стране, как немецкий паспорт не легализовывал захват Судет.

Но некоторый козырь в разговоре все-таки, согласитесь, дает.

Но это трудная, не вполне гладкая юридическая тема, на которой можно десятилетиями скрещивать международные юридические копыя. Война совсем другое.

* * *

10. E-mail 10

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 11 августа 2008
subject: **хроника событий**

Сегодня Россия сообщает о 15 убитых миротворцах. Грузины — о тридцати убитых солдатах. Осетины заявляли о 1400 погибших мирных жителях, убитых, но данные эти никто не подтвердил. Пока...

Сайты пестрят сообщениями — Россия бомбила Гори, Поти, военные базы, аэродромы.

Кондолиза призвала Россию прекратить военные действия; генерал армии Болдырев, командующий сухопутных сил, приказал «жестко пресекать любой огонь».

Наши говорят о применении грузинами установок «Град» по городам и селам. Саакашвили и его армия оказались хорошими учениками.

* * *

11. E-mail 2

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 11 августа 2008
subject: **хроника событий**

Всегда есть интересы. У Грузии — восстановить единство территории, особенно добиться, даже очень высокой ценой — возвращения Южной Осетии, потому что она рассекает Грузию пополам. Отменив автономию ЮОП, они и вовсе не признают ее существования.

У России — другие, неопределено широкие задачи. Это и помочь непризнанным но дружественным, якобы уж совсем прокремлевским непризнанным режимам; приструнить строптивного соседа, и переломить ситуацию в соседних странах, стремящихся в НАТО.

Это давний спор о «Красной линии» с Европой и особенно с США о том, кто верховодит на пространствах распавшегося СССР.

Запад требует, чтобы Москва забыла свою «историческую роль».

Москва может, и хотела бы, да не может, — достаточно выйти на московскую улицу, чтобы понять, какой город является сегодня центром притяжения людей и финансов всего распавшегося СССР.

* * *

В первый момент Москва не проиграла дипломатически — потому что грузины первыми нанесли *неприемлемый урон*.

Но война должна быть остановлена. Само слово это должно быть под запретом. Если можно воевать с маленькой Грузией — можно и с большой Украиной, можно и с великой Америкой.

Но это надежный путь к полной и безысходной гибели России.

И хватит травить и развращать население ядом национализма, презрения к ближним соседям и злобностью к дальним.

11 августа, понедельник.

Конфликт разрастается. Сообщают о высадке в Абхазии девяти тысяч десантников ВДВ; по ТВ, жестко контролируемому, мелькнуло, как миротворцы уходят с абхазских застав, открывая путь к прямому столкновению.

Сообщили еще о двух сбитых наших СУ-25 (это уже три «сухих») и один Ту-22 — старый, но сверхзвуковой стратегический ракетноносный бомбардировщик.

Как занесло его в Грузию?

Генерал Ноговицин, сам знаменитый летчик, объяснял это тем, что самолет вел воздушную разведку, и был соответственно оборудован.

Зачем же тогда был послан на неминуемое уничтожение экипаж беззащитного самолета — думаю я, если он не был оборудован никакой системой защиты? Сложить из того, что нам показывали-рассказывали что-то цельное не получается, как не получается подтвердить цифры потерь и объемы ущербов... Все врут.

На войне как на войне.

* * *

12. E-mail 12

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 12 августа 2008
subject: **хроника событий**

В Москву с посреднической миссией прилетел французский президент, он на полгода сейчас еще и председатель всего Европейского союза. Пока он летел, Дм. Медведев объявил, что он приказал прекратить военные действия, сказал, что цель достигнута. Саркози и Медведев выступили на пресс-конференции...

Медведев огласил шесть принципов, на соблюдении которых настаивает Россия:

- не прибегать к использованию силы;
- свободный доступ к гуманитарной помощи;
- вооруженные силы Грузии возвращаются в места их постоянной дислокации;

— российские войска выводятся на линию, предшествующую началу боевых действий;

— российские миротворческие силы (силы России, действующие по мандату ОБСЕ) примут дополнительные меры безопасности до тех пор, пока не будет восстановлено доверие между осетинами и грузинами;

— начало международного обсуждения статуса Южной Осетии и Абхазии и обеспечения их безопасности.

Шестой пункт содержал упоминание о международном обсуждении статуса непризнанных республик, против чего ранее они сами и Россия категорически возражали.

Саркози с согласованным текстом из шести пунктов улетел в Тбилиси.

Саркози с согласованным текстом из шести пунктов улетел в Тбилиси.

«Есть текст. Он был принят в Москве, он был принят здесь, в Грузии», — заявил президент Франции на пресс-конференции в Тбилиси в ночь на среду, сообщила ВВС.

Саакашвили в очередной раз заявил, что территориальная целостность Грузии, а также принадлежность Абхазии и Южной Осетии не должна ставиться под сомнение.

«Мы никогда не пойдем на компромисс [по вопросу отделения от Грузии Абхазии и Южной Осетии — В.А.]. Я думаю, вся война была начата ради этого», — заявил президент Грузии.

В свою очередь российский лидер заявил, что вопрос о независимости Абхазии и Южной Осетии нужно задать жителям этих республик.

«Могут ли и хотят ли осетины и абхазы жить в составе Грузии? Этот вопрос нужно задать им самим. И они дадут на него свой недвусмысленный ответ», — сказал он.

Именно эта часть соглашения вызвала несогласие Саакашвили. По его желанию в принципы перемирия внесены изменения.

После тбилисских переговоров Саркози сообщил, что «из документа изъяты слова о международном обсуждении будущего политического статуса Абхазии и Южной Осетии, и акцент сделан **на международные переговоры с целью обеспечения стабильности и безопасности в этих регионах Грузии**».

Впрочем, особых иллюзий насчет соглашения Саркози не питает.

«Текст из шести пунктов не может ответить на все вопросы, — заявил французский президент перед вылетом в Грузию. — Он не решает окончательно проблему».

http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/hi/russian/russia/newsid_7557000/7557651.stm

* * *

Саркози улетел, по очереди начали прилетать другие...

13. E-mail 13

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 14 августа 2008
subject: **хроника событий**

Президент Медведев несколько удивил, когда я услышал его сегодняшнюю фразу о том, что мы согласимся с любым выбором этих народов (Ю-осетин и абхазов) и даже будем «руководство ваться их выбором в своей внешнеполитической деятельности».

Ей богу, они такого не ожидали.

Режиссура здесь не на высоте. В конечном счете, война, как показали американские войны с Ираком для мира — это прежде всего телевизионная картинка. Смотрит американец или австралиец и удивляется: ездят по суверенной Грузии русские танковые колонны, портят дороги.

В войне с серьезным противником, имеющим авиацию и спутниковое наведение, здесь была бы не победа, а военная катастрофа.

Наконец, все еще не ясно, что это было?

Совершали наши военные молниеносную гуманитарную операцию? Это утверждение расходится с фактами, которые говорят, что вся эта армада собиралась и готовилась не одну неделю. Осетины обижаются за поддержку с ответом. Грузины твердят об агрессии.

Непреложную истину установить трудно.

14. E-mail 14

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 14 августа 2008
subject: **хроника событий**

Вероятное наше превосходство над легкомысленным и беспомощным врагом напомнило мне одно место из «Путешествий Гуливера», которое как раз читал мой внук.

Я взял у него из рук и вслух прочел это место — о лапутянах — жителях летающего острова.

«Король мог бы стать самым абсолютным монархом в мире, если бы ему удалось убедить своих министров действовать с ним заодно. Но последние, будучи владельцами собственности на континенте, и принимая во внимание, что положение фаворита весьма непрочное, никогда несоглашались на порабощение своего отечества.

Если какой-нибудь город поднимает мятеж или восстание, если в нем вспыхивает междуусобица или он отказывается платить обычные подати, то король располагает двумя способами привести его к покорности. Первое и более мягкое из них заключается в помещении острова над таким городом и окружающими его землями: вследствие этого король лишает их благодетельного действия солнца и дождя, так что в непокорной стране начинаются голод и болезни.

Смотря по степени преступления, эта карательная мера усиливается метанием сверху больших камней, от которых население может укрыться только в подвалах или погребках, предоставляя полному разрушению крыши своих жилищ.

Но если мятежники продолжают упорствовать, король прибегает ко второму, более радикальному средству: остров сокрушается прямо на головы непокорных и сокрушает их вместе с их домами. Однако к этому крайнему средству король прибегает в очень редких случаях и весьма неохотно, да и министры не решаются рекомендовать ему подобное мероприятие, так как оно с одной стороны, способно внушить к ним народную ненависть, а с другой — может причинить большой вред их собственному имуществу, находящемуся на континенте, ибо остров есть владение короля».

«...король, несмотря на свое крайнее раздражение и твердую решимость стереть в порошок мятежный город, отдает распоряжение опустить остров как можно тише, под предлогом милостивого отношения к своему

народу, на самом же деле из боязни разбить алмазное основание...»

Джонатан Свифт. Избранное. Л., 1987. С. 115.

15. E-mail 15

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 15 августа 2008
subject: **хроника событий**

Несколько утешает, что наш молодой президент обещает широко допустить в зону конфликта международных наблюдателей, а может даже и миротворцев, если согласится, правда, непреклонный некий господин, который сегодня заявил, что не допустит возвращения грузин в их села, которые, кстати, уже «зачищены», поскольку из них шли обстрелы. Тысячи грузинских крестьян изгнаны со своей земли.

Абхазы при моральной поддержке солдат и офицеров ВДВ, слетевшихся со всей России, самостоятельно изгнали грузин из Кодорского ущелья.

16. E-mail 16

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 16 августа 2008
subject: **хроника событий**

Все это крайне трудно проглотить мировому сообществу, которое, в конце концов должно будет распределять плоды войны.

Дм. Медведев объявил о ее окончании неожиданно для всех, и в первую очередь для воюющих частей. Трудно даже представить, каково это — остановить вошедшую в дело армию. Ретивые патриоты, которые обычно обретаются на телевидении, а не на театре боевых действий, возмущены, что у них «украли победу».

Не вполне ясна военная составляющая операции «принуждение к миру».

Ее, вероятно, должны прояснить последующие мирные переговоры. Военные, как всегда ропщут, что грузинская армия не уничтожена, не разоружена, а теперь вряд ли будет разоружена. Войны решают не солдаты, а дипломаты, и трудно надеяться, что российские интересы возобладают при оформлении мира. Тем более что самое трудное — это понять — каковы в действительности российские интересы?

Легко читаются интересы грузинского государства; можно понять интересы народов и правящих кланов Абхазии и Южной Осетии.

Но российские — хотелось бы обсудить.

Неужто действительно в том, чтобы выполнять волю защищаемых малых народов?

* * *

Что в результате?

На Абхазию и Южную Осетию Грузия долго еще руки не поднимет.

Не свергнут (и слава Богу, а то бы совсем задолбали бы Россию в международных комиссиях) режим Саакашвили, с которым, как сказал в Совете Безопасности блестящий дипломат Виталий Чуркин, ни один приличный человек здороваться не станет.

Ничего — здороваются, ведут переговоры люди искренне считающие себя приличными. Ангелина, Лиза, Николай...

Грузинский народ, как водится в такой ситуации, «еще теснее сплотится» вокруг своего незадачливого Мишико. Министр Сергей Лавров в интервью объясняет, что кроме президента есть с кем поговорить в Грузии — министры, замы... Есть и другие люди. Есть и «народная дипломатия». Но все это как-то не по-взрослому.

* * *

Ничего еще не кончилось.

Не успели погаснуть пожары, как Польша спешно согласилась разместить на своей земле 10 штук американских противоракет, а заодно и сотню зенитных ракет «Пэтриот». Наш Генштаб привычно пригрозил ядерным ударом.

Но как сказал один тамошний политик, не следует чаще, чем раз в месяц, грозить ядерной войной. Люди привыкают.

Грузины объявили о выходе из СНГ. Украина тоже рассматривает такой вариант. Обе страны наверняка получат самый льготный транзит в НАТО.

И это тоже цена победы.

Но что же, спрашивают у сомневающихся, с напором в голосе — следовало смотреть, как истекает кровью малый народ? Как умирают женщины и дети? Не пресечь агрессию и геноцид?

И слабым покажется ваш ответ, если вы попытаете усомниться в телевизионной картинке, скажете, что следовало все эти годы вести иную политику, что миротворцы в сущности, не выполнили своего предназначения, вас припрут к стене простым вопросом: «Вы за кого? За геноцид? За убийства? За Россию или за Грузию?»

Нет, скажете вы, я против убийств, войны и геноцида... Но обвинения должны быть запротоколированы и доказаны.

Говорят, что г-н Какоты «развел» Москву и, в сущности, манипулировал ею. Это вполне вероятно в мелочах, поскольку люди на местах всегда интерпретируют ситуацию в свою пользу. Но трудно представить, чтобы в долговременном плане из Цхинвали определяли международную политику Москвы, советовали начат аэродромов «подскока».

17. E-mail 17

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 17 августа 2008
subject: **хроника событий**

Но с другой стороны — кто теперь на пространствах Восточной Европы, как и двадцать пять лет назад, может спать спокойно?

Кто теперь, может совсем уж безмятежно взирать на громаду, нависающую с востока?

Кто без дрожи в поджилках будет требовать сатисфакции за давние обиды?

Россия может теперь — и в этом сходятся европейские и американские комментаторы — вполне спокойно производить военные эволюции и парады на пространствах от Китая до Калининграда. Европа вообще не способна выработать единую позицию, а Америка из-за безопасности далеких сателлитов воевать не станет, у нее своих забот не счесть.

Все это действовало бы даже воодушевляюще, если бы не гибли люди, и мир не сползал бы к новой большой беде.

* * *

А ведь кроме беспокойной и не вполне адекватной России, которую почему-то забыли в своих расчетах на-товские стратеги, в мире есть много других опасностей и рисков.

18. E-mail 18

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 14 августа 2008
subject: **хроника событий**

Серьезный аналитик Майкл Бинион (он любезно принимал нас однажды в офисе лондонской «Таймс» и впечатлил пониманием российских реалий) напечатал

в «Таймс» 14 августа статью, переведенную и опубликованную на «Ленте.ру».

«Россия долго выжидала, но победа над Грузией была жестокой и блестящей...»

То, что Россия продемонстрировала миру на этой неделе, было похоже на блестящую партию в шахматы, любимую игру русских. И Москва уже поставила противнику мат.

...В России на протяжении нескольких лет нарастало недовольство, и это можно понять: крушение империи, гжучее чувство обиды, страх, что после экономического развала и хаоса, царившего в стране в 90-е годы, с Россией больше не будут считаться.

...Подталкивание бывших советских республик к «свободе» также явилось дополнительным раздражителем, так как фактически развязало руки враждебным России силам.

В странах Балтии советская оккупация стала считаться страшнее нацистской. Уполномоченные стран, недавно вступивших в Евросоюз, жестко критиковали политический курс России. Популисты из Восточной Европы пришли к власти на волне антироссийской риторики, сорвав аплодисменты Запада, рукоплескавшего их беглой английской речи.

Но нигде эти уколы не были столь болезненными, как в Грузии и на Украине — в странах, которые так долго были частью Российской империи, чья история, культура и религия были тесно связаны с русской. Москва тщетно пыталась контролировать влияние Запада, и в особенности США, на Украине. Однако неуклюжее вмешательство России лишь привело к «оранжевой революции».

Другое дело Грузия. Отношения с ней всегда были нестабильными, но лукавый Эдуард Шеварднадзе, бывший министр иностранных дел Советского Союза, умело удерживал застарелую вражду в рамках приемлемого. Чего нельзя сказать о его преемнике, импульсивном Михаиле Саакашвили. В конце концов, его высокомерие оказалось гибельным для Тбилиси.

Дело не в том, что Грузия пренебрежительно относилась к России, открыла дверь советникам из США, проявила экономическую безграмотность, забыв об энергетической и финансовой зависимости от России.

Дело в том, что Грузия попыталась стать для США партнером на Кавказе и превратиться в форпост американского влияния на регион.

Великие державы не любят, когда другие великие державы хозяйничают в их угодьях.

Это может быть безнравственно и нечестно, но такова реальность, подкрепленная правом вето в Совете безопасности ООН.

Доктрина Монро — «руки прочь от Америки» — лежала в основе политики Вашингтона на протяжении двух веков. Соединенные Штаты готовы воевать, лишь бы не подпускать к себе не то что другие державы, но даже враждебную идеологию, вроде кубинской и никарагуанской.

В этой партии Владимир Путин потерял несколько пешек: Косово, Ирак, вступление стран Балтии в НАТО, односторонний выход США из договора по ПРО, размещение американских ракет в Польше и Чехии. Но он выжидал.

Ловушка была расставлена в Грузии. Когда Михаил Саакашвили допустил грубый просчет, начав в Южной Осетии военную операцию, послав войска бомбить, убивать и калечить (и это вопреки советам американцев и в нарушение данного слова), Россия все еще выжидала.

Саакашвили надеялся, что Олимпийские игры отвлекут внимание от его действий. Но и в Кремле знали, что президент Буш смотрит баскетбол, а американская армия надолго застряла в Ираке и Афганистане.

С того дня, когда российские танки были переброшены в Южную Осетию, Россия не сделала ни одного неверного шага...

Наступление было молниеносным и беспощадным — ровно настолько, чтобы обратить грузинские войска в позорное бегство, растиражированное телевидением на весь мир. Удар был достаточно силен, но не настолько, чтобы вызвать гнев мирового сообщества. Время объявления о прекращении огня было выбрано безупречно — за несколько часов до визита президента Саркози, который мог бы навлечь на Россию гнев Запада.

Москва четко дала понять, что удерживает инициативу. И, не смотря на отдельные нарушения перемирия с обеих сторон, Россия свела на нет заявления Грузии о том, что Кремль ведет войну на уничтожение.

России есть чем ответить на единственное оставшееся у Грузии оружие — пропаганду.

Права человека? Посмотрите, что сделала Грузия с Южной Осетией (и Абхазией).

Национальный суверенитет? Посмотрите на отделение Косово от Сербии. Фальшивый предлог для военной операции? Вспомните вторжение Рейгана на Гренаду, целью которого якобы было спасение американских студентов-медиков. Возмущение Запада? Там царит разброд и сумятица.

Из этой ситуации можно извлечь множество уроков. Бывшим советским республикам стоит вспомнить о своем географическом положении. НАТО — задуматься, нужны ли альянсу кавказские вендетты. Тбилиси — стоит ли оставлять у власти президента, который втянул

свою страну в такой конфликт. Вашингтону — ответить на вопрос, не пора ли начать считаться с мнением России. Ведь хочешь не хочешь, а придется».

* * *

Дэвид Миллибэнд, министр иностранных дел Великобритании заявляет без обиняков:

«...России пора перестать думать о себе как о пережитке Советского Союза. СССР больше не существует. Постсоветского пространства больше нет. СУЩЕСТВУЕТ НОВАЯ КАРТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ С НОВЫМИ ГРАНИЦАМИ И ЭТУ КАРТУ НУЖНО ЗАЩИЩАТЬ В ИНТЕРЕСАХ ОБЩЕЙ СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ. Я УВЕРЕН, ЧТО В РОССИЙСКИХ ИНТЕРЕСАХ ПРИМИРИТЬСЯ С СУЩЕСТВОВАНИЕМ НОВЫХ ГРАНИЦ».

Распад СССР — дело недавнее, еще не закончившееся, по крайней мере, в многих умах. Россия с этим *примириться*, возможно, смогла бы в более благоприятных обстоятельствах. Но признание суверенности — не означает возвращения на своих границах врага. Москва пытается методом проб определить «Красную линию», выход за которую означает мировую ядерную войну. Эти действия можно назвать решительными, а можно и авантюристически опасными. Но окружить Россию красными флажками, как волка в загоне — тоже не самое дальновидное.

19. E-mail 19

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 18 августа 2008
subject: **хроника событий**

Последствия всего этого кошмара будут и долгие и большие.

Самые печальные — и долгие последствия — это сдвиг в головах наших сограждан, которые получили щедрую инъекцию ненависти. Телеканалы соревновались, кто упадет ниже в пропагандистских изысках. Канал «Россия» нырнул глубже всех: он позволил себе анализировать форму черепа, длину носа и ширину надбровных дуг грузинского президента.

В детстве мы читали, что подобными специфическими знаниями обладали нацистские специалисты (многих из которых потом повесили), практиковавшие в лагерях смерти... Надо быть людьми, надо оставаться людьми даже в бесчеловечных обстоятельствах. Как погибший майор, ценою жизни спасший журналистов. Может быть, он надеялся, что когданибудь они напишут правду про все это дерьмо.

Оставаться людьми — понимать и видеть красную линию — границу между добром и злом.

* * *

Умер Александр Исаевич Солженицин, боровшийся с тоталитаризмом и победивший его. И умер Анатолий Игнатьевич Приставкин, всю свою жизнь боровшийся с ненавистью и злобой внутри нас. Его борьба оказалась даже труднее.

20. E-mail 20

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 31 августа 2008
subject: **опыт истории**

Это была страшно длинная неделя. Когда она кончилась, показалось, что прошло месяца два — столько событий, оценок, страстей пережил мир за эти несколько дней.

26 августа Президент Медведев признал, после единогласного голосования депутатов Думы и Совета Федерации, независимыми странами Абхазию и Южную Осетию. Сюжет этим завершился, как и короткая судьба меморандума Медведева–Саркози. Комментаторы сошлись на том, что после этих дней мы проснулись в другом мире. И надо сказать, в разгневанном, недоумевающем и озадаченном мире.

Он стал гораздо ближе к военной катастрофе и, что самое существенное — наш «политический класс», карьерные идеологи с удовлетворением приветствовали это. За последнюю неделю августа дуумвиры дали такое количество интервью, которое не выпадает в менее дождливое лето и за год.

Дм. Медведев с хладнокровием (которое иные наблюдатели сочли наигранным, похожим на блеф игрока в покер), сообщил о своей (и нашей с вами) готовности к холодной войне: «Нас ничего не пугает, в том числе и перспектива холодной войны»... В.Путин выразился еще резче. В интервью немецкому телеканалу ARD он сказал: «Мы что, не можем защищать жизнь своих граждан? А если мы защищаем свои жизни, то у нас отберут колбасу? У нас выбор какой — между колбасой и жизнью? Мы выбираем жизнь». В интервью другой кампании он уточнил: «Кто будет сохраняться в восьмерке, если всех нас убьют?»

Наш президент человек молодой, его поколение не может помнить, как было страшно в дни карибского или берлинского кризиса. Это поколение по книгам изучало, что такое холодная война. Это когда все силы страны

шли на вооружения. Когда на «Запорожец» и «Москвич» записывали передовиков в очередь длиной десять лет. Когда против СССР существовало жесткое эмбарго и царствовал страшный список КОКОМ — запрещающий поставлять к нам любые высокотехнологичные изделия — от фотоаппаратов и станков до компьютеров и лекарств... Холодную войну против Запада СССР проиграл — страна просто не выдержала напряжения. Но у СССР был Варшавский договор, были союзники по всему миру.

Наша дипломатия постаралась, что у нас нет союзников. Теперь холодная война будет еще катастрофичнее — мы уже потеряли многие отрасли науки, промышленности, технологии, у нас состарились ученые, инженеры и высококвалифицированные рабочие оборонных заводов, а на смену им еще не пришли новые. Холодная война — это взаимная готовность к войне ядерной и постоянный риск полного уничтожения цивилизации. В те тревожные годы в Америке добивались успеха горячие головы, говорившие, что «есть вещи, поважнее чем мир». У нас в эту неделю люди с подобным устройством ума и совести оккупировали телеэкраны. Газеты были куда как рассудительнее и критичнее, но на телевидении царил безответственный и наглая бравада.

Происходящее имеет два измерения и два контекста: внутренний и международный, всемирный. Это две разные кампании и разные войны. В международном аспекте — в позиции России при всем негодовании Запада есть своя правда и своя логика (которую многие ощущают), хотя и не вписывающаяся в международное право и традиции. Шесть принципов, провозглашенных Медведевым в последний день этого бурного августа, возможно, кому-то покажутся неприемлемыми, многим спорными, кому-то — вполне реалистичными; но они не безумны.

Внутри страны ситуация куда более печальная и более трагическая. Возбужденные от запаха крови, агрессивные и потерявшие всякую осторожность, еще несколько лет назад неудачники и маргиналы — на глазах собираются в могучую партию войны. Они воюют не с Западом, Запад тут нужен для задора, для разогрева, как Клинтон на предвыборном съезде демократов. Их война — война гражданская. Это война давняя, как они говорят мистическая и метафизическая, ее корни уходят в глубину веков (иные их относят и вовсе к дохристианству.) Они давно и глубоко ненавидят всяческих либералов, западников, модернизаторов и прогрессистов, демократов, правозащитников и законников. Они триста лет лелеют мечту о реванше. У них есть корни и есть опора. Они говорят о самобытном русском пути, но мечтают

только о проскрипциях и экзекуциях. Бездарные, недоучившиеся и трусливые, злопамятные и закомплексованные, (даже ставшие богатыми и влиятельными) они только в обстановке полной изоляции и полном отсутствии конкуренции — будь то политика, бизнес или культура, могут рассчитывать на призовые места. На передел собственности, без оглядки на стокгольмский или там лондонский арбитраж. На духовную власть над великой и глубоко европейской (от Карамзина и Пушкина) русской культурой. Они настолько поверили в свою победу, что потеряв всякую осторожность, вслух грезят о мести.

Молодой президент, этот изящный юрист, только по недоразумению может считаться их вождем. Как впрочем, и правительство прагматичных профессионалов, отнюдь не считающих себя врагами Запада. С окружающим миром отношения можно будет поправить — если эта партия не захватит страну. Почему-то они бурно празднуют победу. Но если он и победили, то все остальные проиграли. Вместе с президентом, объявившим ставку на модернизацию страны. Потертые, рыхлые, плохо стриженные дядьки изображают настоящих МАЧО, они говорят что не боятся ни войны, ни смерти, ни ада. Они уверены, что в окружающих странах все трусы и жалкие слабаки. Это очень плохая симптоматика.

Разумным взрослым людям имеющих любимых, детей и внуков, такой морок просто не может нравиться. Можно провести эффективную селекцию депутатского корпуса и добиться полного единодушия; еще проще провести селекцию телевизионных программ в пользу идиотизма, но это не меняет фундаментального факта: нормальный человек разумен, не склонен к самоубийствованию и риску для своих близких. Ему не может нравиться, что жизнь опять ставят в оппозицию еде: окороч-

кам, колбасе или маслу. Он помнит, что когда предлагают пушки вместо масла, это плохо кончается. К несчастью он сегодня лишен нормальных инструментов своего влияния на жизнь общества. Только поэтому правят бал истерики, которым теперь грезятся враги и триумфальные арки повсюду.

Без сомнения, достоинство граждан и страны нужно отстаивать. Но еще настоятельнее его нужно соблюдать.

E-mail 20

From: herald_of_europe@libfl.ru
to: anonimus@no_name.com
date: 16 августа 2008
subject: **лунное затмение**

16 августа мы видели лунное затмение. Ночь была жаркая, над полями молоком висел туман, луна была в ореоле, тонкое облако перерезало ее пополам. Потом слева на ее блистающий бок начала напозать тень и диск подпортился. Тьма съела бок луны и принялась жрать ее снизу. Скоро от луны остался только обглоданный серп, безвольно повисший концами вниз. Потом серп стал поворачиваться, стал вертикально и за линией черноты стала проглядывать лунная поверхность, которая все наливалась светом и еще через несколько минут весь лунный диск чистый и ясный, как ни в чем не бывало, снова сиял в небе.

Это чудо видели осетины, высыпавшие из душных палаток, и беженцы из Гори на тбилиских площадях, и русские солдаты, рядом со своими раскалившимися за день танками, и русские дети у своих костров за околицей. Луна была общая и светила всем. . ■ ■ ■

ТРЕТИЙ МИР И ТРЕТИЙ ЦЕНТР

Егор ГАЙДАР

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КРИЗИСЕ МИРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ

Современное устройство денежной системы мира многими людьми (в том числе и облеченными властью) воспринимается как неизменное, будто бы Богом данное. Но это не так. По историческим меркам, оно начало создаваться совсем недавно — на протяжении последних трех столетий, с тех пор неоднократно изменялось, а более-менее устойчивую форму приобрело и вовсе в последние пятьдесят лет.

Стремительно меняющийся современный мир и эту фундаментальную опору сложившегося status quo ставит под сомнение.

Сложнейший и противоречивый процесс, который С.Кузнец однажды удачно назвал «современным экономическим ростом¹», — многократное ускорение темпов экономического развития стран Западной Европы, западноевропейских переселенческих колоний, затем и мира в целом — наряду с другими факторами был связан с формированием устойчивых денежных систем, основанных на золотовалютном стандарте. Без устойчивых денег не могло быть устойчивого роста. Они позволяли обеспечивать стабильность денежных контрактов, низкий уровень инфляции, давая при этом денежным властям возможность проводить гибкую денежную политику.

Собственно говоря, поддержание устойчивости денежной системы, необходимой для предсказуемости условий экономической деятельности в меняющемся мире, когда доля стран в мировом производстве, цены на товары колеблются в широком диапазоне — это вообще ключевая проблема мировых финансов последних столетий. Система золотовалютного стандарта в течение длительного времени позволяла решать эти задачи. Как бы ни менялась конфигурация мировой денежной системы, оставалась проблема сочетания реалий меняющегося мира и стабильности денежного устройства. Это всегда был важнейший вызов, стоящий перед теми, кто вырабатывал мировую денежную политику. Когда реальность и финансовую стабильность не удавалось примирить, возникали серьезные экономические проблемы, а иногда и катастрофы, такие как мировые войны и Великая депрессия.

В последние годы мир снова оказался перед подобным вызовом. Вызовом уже глобальной, но еще совсем не единой экономики; требующим совершенно новых и нетривиальных решений. Консервативный мир мировых финансов уже просто не может поступать по прецедентам: проблема беспрецедентна. Отсюда вытекает настоятельная важность принятия адекватных решений на уровне мирового сообщества. В экспертных кругах эта проблема сегодня перестала быть табуированной и все активнее обсуждается. Позволим себе высказать несколько соображений по этому поводу.

¹ Kuznets S. *Economic Growth and Structure*. New York, W. W. Norton & Company. Ink, 1965.

О ДЕНЕЖНЫХ СТАНДАРТАХ

Родина золотовалютного стандарта в том виде, в котором он сформировался в XVIII веке — Англия.

Ф.Бродель писал «...Фунт стерлингов, стабилизированный королевой Елизаветой в 1560–1561 гг. ...сохранит свою действительную стоимость вплоть до 1920, даже до 1931> г. ...Фунт стерлингов, эквивалентный четырем унциям чистого серебра, в таблице европейской монеты на протяжении более трех столетий вычерчивал удивительную прямую линию....Устойчивость фунта была решающим элементом английского величия. Без устойчивости денежной меры не бывает легкого кредита, не бывает безопасности для того, кто ссужает свои деньги государю, не бывает контрактов, которым можно было бы довериться. А без кредита нет величия, нет финансового превосходства».

(Ф.Бродель «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. том 3. «Время мира», Москва 2007 . с 378.)

Это было одним из факторов, обеспечивших Англии возможность выигрывать войны, во многом определявшие конфигурацию современного мира².

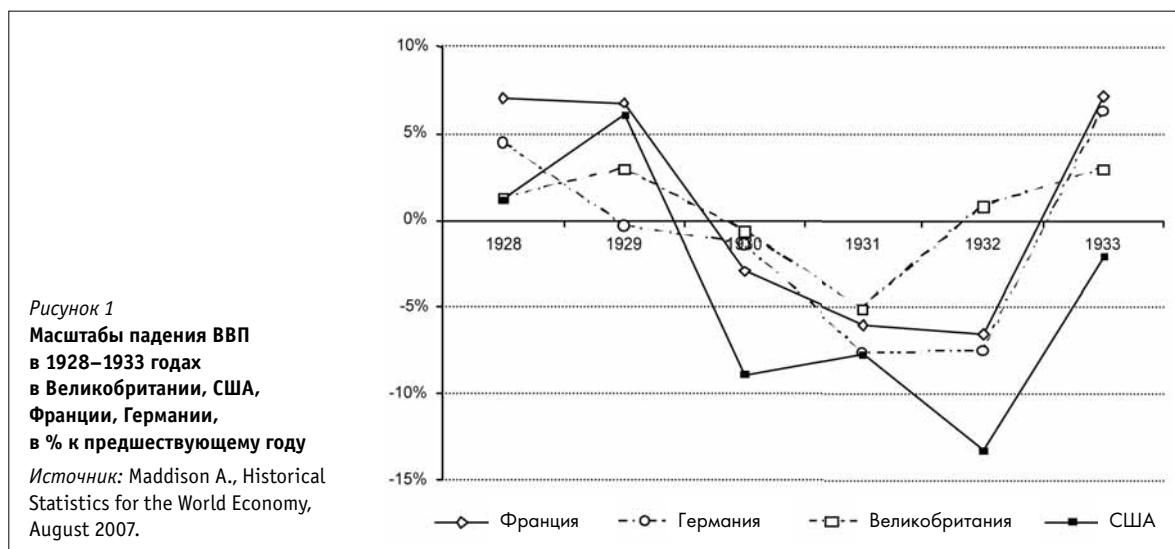
Представление о том, что золотовалютный стандарт — залог устойчивого развития, стабильности экономики, в XVIII–XIX веках получало все большее распространение.

Известны случаи, когда государства отказывались от золотого стандарта. В условиях больших войн это было общепризнанной практикой. Отказ воспринимался как временная мера, к которой прибегают в чрезвычайных обстоятельствах. Участники рынка верили, что после войны золотой стандарт, довоенный курс валюты будет восстановлен. Убежденность в этом обеспечивала стабильность британских финансов во время наполеоновских войн, финансов Североамериканских Штатов во время гражданской войны, британских и американских финансов во время Первой мировой войны.

Уверенность, что традиции, закрепленные столетиями, будут соблюдаться в денежном поведении экономических агентов, — принципиально важна. Именно поэтому британские власти стремились после окончания Первой мировой войны вернуться к довоенному курсу фунта стерлингов. Но в 1920-х годах условия проведения денежной политики были совсем иными, чем после завершения наполеоновских войн в XIX веке.

Тогда современный экономический рост лишь начинался. Англия заплатила за дефляционную политику, связанную с восстановлением довоенного паритета курса золота к фунту стерлингов, замедлением экономического роста. Но это не привело к экономической катастрофе. Попытка сделать то же в начале XX века, восстановить довоенный курс ведущих мировых валют

² Kemmerer E.W. Gold and the Gold Standard. New York – London: McGraw-Hill Book Company, Inc, 1944. P 49, Hawtrey R.G. The Gold Standard in Theory and Practice. London – New York – Toronto: Longmans, Green and Co., 1939. P. 79–80.

по отношению к золоту, стала одним из факторов, проложивших дорогу Великой депрессии⁴.

Суть проблемы была проста: денежное предложение с начала XVIII века не было жестко привязано к объему наличного золота. Это был не золотой, а именно золото-валютный режим. У денежных властей были инструменты, позволяющие управлять денежным предложением. И все же, важнейшая проблема заключалась в том, что темпы прироста добычи золота, открытие его новых месторождений и темпы мирового экономического роста, спроса на денежные ресурсы связаны слабо.

Во время Великой депрессии необходимость отказа ведущих мировых экономик от золотовалютного стандарта стала очевидной. Первыми это осознали власти Великобритании в 1931 году. Это стало одной из причин того, что масштабы падения ВВП в Великобритании в годы депрессии были ниже, чем в других ведущих экономиках мира (см. рис. 1).

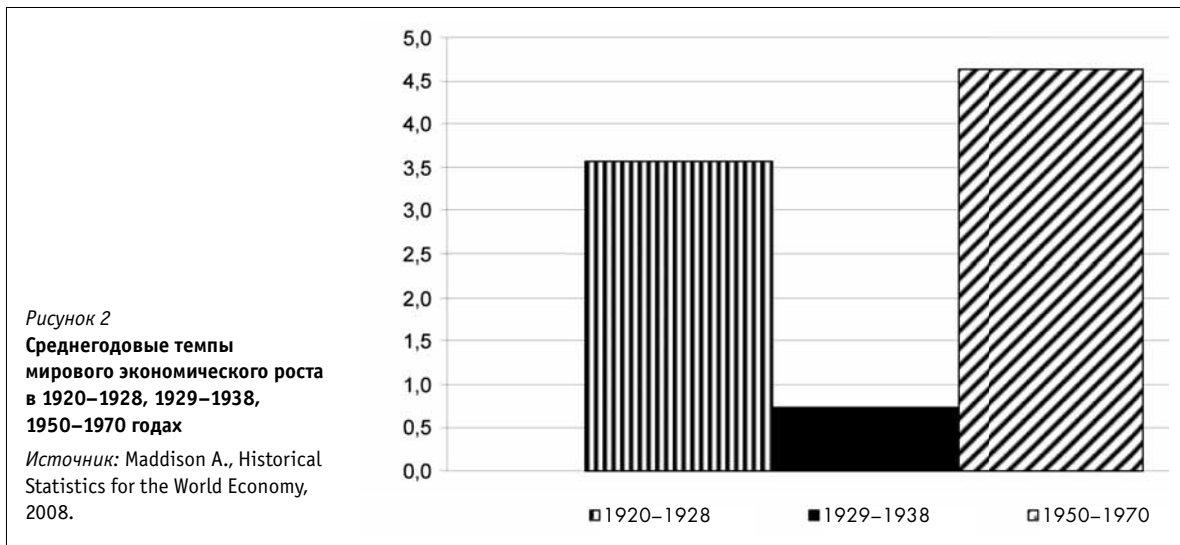
Впервые за долгие годы наиболее развитые экономики мира вышли из режима золотовалютного стандарта не в условиях большой войны. Это нарушало пред-

ставление об устройстве финансовой системы, создало обстановку неопределенности. С начала 1930-х годов стали реальностью ограниченность конвертируемости валют по текущим и капитальным операциям, связанная с этим волна протекционизма, замедление темпов мирового экономического роста (см. рис. 2).

Отказ от золотовалютной системы сделал необходимым создание институтов, обеспечивающих регулирование мировых финансов, позволяющих управлять ситуацией в условиях финансовых кризисов, обеспечивающих предсказуемость курсов ведущих мировых валют. Осознание этого факта проложило дорогу Бреттон-Вудским соглашениям. Если не вникать в технические детали переговоров, связанных с подписанием этого соглашения, суть принятых решений была следующая.

Соединенные Штаты Америки (и в меньшей степени Западная Европа) берут на себя ответственность за поддержание стабильности денежной системы, руководят институтами мировой финансовой инфраструктуры, обеспечивают предсказуемость курсов мировых валют, низкую инфляцию и гибкость денежной политики.

⁴ Дж. Кейнс еще до начала Великой депрессии писал: «По правде говоря, золотой стандарт уже является варварским реликтом... Защитники древнего стандарта не осознают, насколько теперь он далек от духа и требований эпохи. Регулируемый неметаллический стандарт вкрался незамеченным. Он существует. [...] Поэтому, поскольку я считаю стабильность цен, кредита и занятости задачей первостепенной важности и поскольку я несколько не уверен, что «старый» золотой стандарт обеспечит нам даже минимум стабильности, для которой он якобы предназначен, я отвергаю политику восстановления золотого стандарта на довоенном уровне.» См.: Keynes J.M. A Tractate on Monetary Reform. Vol. IV. London- Basingstoke: Macmillan Cambridge University Press, 1988. P.138, 140. О той же проблеме он пишет в своей классической работе: «Интересно отметить, что как раз то свойство, благодаря которому золото традиционно считалось особенно удобным для выполнения функции стандарта ценности, а именно неэластичность его предложения, оказалось лежащим в основе всех затруднений». См.: Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. Эксмо. М., 2007. С. 226.

Связь двух основных резервных валют — доллара США и фунта стерлингов с золотом по сравнению со стандартами конца XIX — начала XX веков ослабла, но формально сохранялась. Центральные банки могли обменивать доллары США на золото. В ситуации, когда более 60% золотого запаса в конце 1940-х — начале 1950-х годов находилось в распоряжении финансовых властей США, серьезных проблем это не создавало⁵. Но такая конструкция могла существовать лишь тогда, когда денежная политика страны, обладающей резервной валютой, ответственна, консервативна. Устойчивость сформированной в конце 1940-х годов денежной системы зависела от этого. Но денежную политику непросто отделить от других внутривнутриполитических и внешнеполитических проблем.

Власти США в 1930-х — 1960-х годах приняли на себя огромные социальные обязательства. Связанные с ними государственные расходы многократно выросли. Возможности повышения налогов по внутривнутриполитическим причинам были ограничены. На это накладывались расходы, связанные с войной во Вьетнаме. Все эти при-

чины привели к ухудшению состояния платежного и бюджетного баланса США, к связанному с этим сокращению золотовалютных резервов (см. рис. 3).

Отказ от обмена долларов на золото стал неизбежен. Золотовалютный стандарт перестал существовать. За этим последовало ускорение инфляции в странах-лидерах современного экономического роста (см. рис. 4).

С этим же было связано увеличение риска финансовых кризисов на развивающихся рынках⁶. Такие кризисы прогнозировать трудно. Это относится и к Мексиканскому кризису 1994 года⁷, и к финансовому кризису 1997–1998 годов в Юго-Восточной Азии, распространившемуся на постсоветское пространство, Латинскую Америку⁸.

СТРАНЫ И ИНСТИТУТЫ

Бреттон-Вудская система была сформирована в конце 1940-х годов.

(Называется она по городку Бретто-Вудс (США), где в июне 1944 года под председательством министра

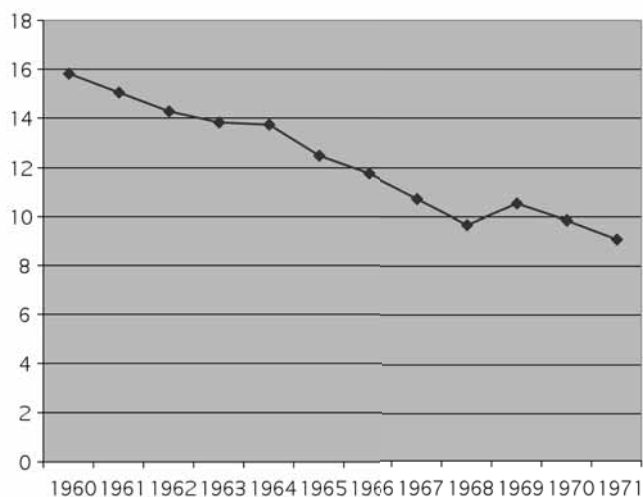
⁵ Bordo M.D. The Gold Standard and Related Regimes. Collected Essays. Cambridge University Press, 1999.

⁶ Развивающиеся рынки — это страны, которые перестраивают собственные экономики в рамках рыночной модели и эффективно используют возможности, которые предоставляют внешняя торговля, перенятие технологий и прямые иностранные инвестиции. По данным Всемирного банка, в настоящее время пятью крупнейшими развивающимися рынками являются Китай, Индия, Индонезия, Бразилия и Россия. См.: Chuan Li. What are emerging markets? http://www.uiowa.edu/ifdebook/faq/faq_docs/emerging_markets.shtml

⁷ DeLong B., DeLong C., Robinson S. The case for Mexico's rescue: the Peso package looks even better now/ Foreign affairs, may/june 1996. NY, Council on foreign relations. 1996.

⁸ Weisbot M. Ten Years After: The Lasting Impact of The Asian Financial Crisis Center for Economic and Policy research. August 2007. http://www.cepr.net/documents/publications/asia_crisis_2007_08.pdf

Рисунок 3
Золотые резервы США
в 1960–1971 годах, тыс. т
Источник: IMF International
Financial Statistics.

финансов США Моргантау прошла международная конференция по валютным и финансовым вопросам. СССР был представлен делегацией во главе с заместителем министра внешней торговли М.С.Степановым.

На конференции было принято решение создать международный валютный фонд, для поддержания стабильности курса валют стран-участниц, «путем предоставления средств для выравнивания их платежных балансов». Капитал фонда устанавливался в размере 8800 млн долларов, наибольшие квоты устанавливались для США — 2750 млн долл., Великобритании — 1300, СССР — 1200, Китай — 550, Франция — 450, Индия — 400, Канада — 300, Голландия — 275, Бельгия — 225, Австралия — 200.

Взносы предусматривались в золоте и собственной валюте... При решении дел в Фонде каждая страна имеет 250 голосов плюс 1 голос на каждые 100 000 долларов ее квоты. США должны были иметь 28% голосов, Англия 13,4% СССР — 12,3% . На конференции был принят проект положения о Международном банке Реконструкции и развития. Капитал банка был определен в 10 млрд. долларов. Доля подписки США составляла 3175 млн. долларов, Англия — 1300, СССР — 1200, Китай — 600, Франция — 450.

«Большинство стран — участников конференции в Бреттон-Вудсе ратифицировали соглашение о создании международного валютного фонда и Банка для реконструкции и развития и эти соглашения вошли в силу. Советским правительством указанные соглашения не ратифицированы». Дипломатический словарь». М. 1948 г. с. 295.

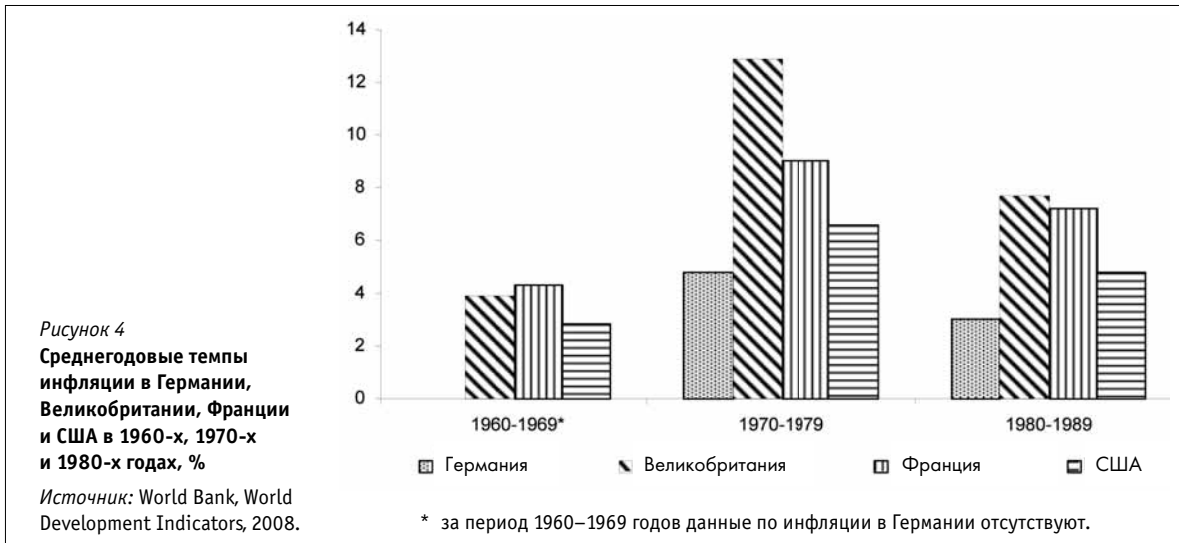
Во главу угла теперь было поставлено понимание того, что Соединенные Штаты Америки и Великобритания принимают на себя ответственность за финансовую стабильность, готовы проводить консервативную денежную политику, и способны это сделать.

РОЛЬ ЕВРОПЫ

Важная роль Европы, европейских переселенческих колоний в мировой экономике, вопреки широко распространенным представлениям, — относительно новое явление в мировой экономической истории (см. рис. 5).

Соотношение долей в мировом ВВП Индии и Китая с одной стороны, и Западной Европы — с другой, колебалось, но было сопоставимо; вплоть до XVIII века оно было достаточно стабильным, и лишь с этого времени началось резкое увеличение доли Европы и США. Жизнь опровергла высокомерное и поверхностное представление, что Восток отстал навсегда. Оптимистическое представление о том, что Западная Европа и США, договорившись о правилах игры, отныне определяют параметры финансового устройства мира и способны справедливо и надежно управлять мировой денежной системой, обеспечивать денежную стабильность просуществовало недолго. Оно развеялось в 1971 году, когда США отказались от практики обмена доллара на золото в отношениях между центральными банками.

С тех пор валюта США стала базой устойчивости денежной системы всего мира. Такое бремя нести нелегко. Это увеличивает ответственность денежных и финансовых властей. В 1980-е годы США пришлось внести нема-

лую плату за то, чтобы остановить инфляционную волну и навести финансовый порядок в стране.

Основой денежной системы мира с начала 1970-х годов стали валюты, курсы которых не привязаны к золоту. Ведущие мировые экономики имеют открытые счета по капитальным операциям. Соотношение курсов валют прогнозировать трудно.

РОССИЯ И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ

В такой ситуации страны, не обладающие резервными валютами, но интегрированные в систему глобальных финансовых рынков, постоянно сталкиваются с серьезными угрозами⁹. Они не обладают мировыми резервными валютами, не могут управлять денежными кризисами просто наращиванием кредитов и накоплением денег, но при этом тесно интегрированы в мировую экономику, зависят от нее — а она от них. Именно поэтому для таких стран (в том числе для России) жизненно важны эффективно функционирующие институты мировой финансовой инфраструктуры, способные выполнять функции мирового центрального банка.

Россия в краткосрочной перспективе не имеет проблем с текущим платежным балансом, бюджетом. Но наша страна пережила тяжелые экономические кризисы, связанные с падением цен на важнейшие экспортные товары, и по-прежнему все еще зависит от конъюнктуры рынка нефти, нефтепродуктов, газа и металлов. Именно поэтому она особенно заинтересована в стабильности мировой финансовой инфраструктуры.

29 сентября 2007 года бывший министр финансов Франции, в настоящее время Управляющий директор Международного валютного фонда, Доминик Стросс-Кан в статье в «Wall Street Journal» обозначил программу реформ, необходимых, чтобы МВФ стал организацией, представляющей интересы не только США и Западной Европы, но и всего мира.

Министр финансов России А.Кудрин в статье в «Financial Times» (1 октября 2007 года) ответил, что российские власти готовы поддержать его инициативы.

Однако в финансовом мире принято, в первую очередь, обращать внимание не на слова, а на дела. А дела таковы, что ситуация, в которой США и Западная Европа *определяют* то, как устроены мировые финансы, а такие страны как Китай, Индия, Россия, Бразилия, Саудовская Аравия лишь *информируются* о принятых решениях, неустойчива.

Конструкция мировой финансовой инфраструктуры, сложившаяся в 1940-х годах, была приемлема и разумна до тех пор пока Соединенные Штаты Америки и ведущие страны Западной Европы доминировали в мировой экономике. Но ситуация меняется. Темпы роста ВВП Китая, Индии, России, Бразилии в последние годы намного выше, чем в Европейском союзе и США. И доля этих стран в мировом ВВП постоянно растет.

В связи с этим все чаще раздаются голоса, призывающие привести структуру органов, отвечающих за стабильность денежной системы¹⁰ в соответствие с реальностями мировой экономики.

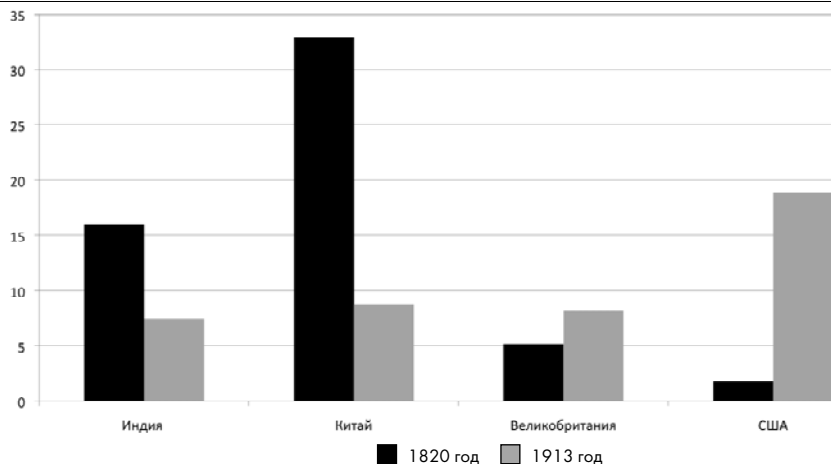
⁹ Bordo M.D. The Gold Standard and Related Regimes. Collected Essays. Cambridge University Press, 1999.

¹⁰ Одним из первых обратил на это внимание бывший министр финансов Италии Джулиано Амато в своем выступлении в 2000 году: «Система выборов, позволяющая США и Западной Европе по соглашению между собой расставлять людей на ведущие посты

Рисунок 5

Доля Китая и Индии в мировом ВВП (по ППС) в 1950 и в 2006 годах, %

Источник: Maddison A. Contours of the World Economy: the Pace and Pattern of Change, 1-2030 AD, Cambridge University Press, 2007 (1950 год), World Bank WDI 2008 (данные за 2006 год).

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В начале XIX века очевидным лидером современно-го экономического роста была Великобритания. Но эта позиция не была ей гарантирована на века. В XX веке мир дорого заплатил за неспособность британских властей адаптироваться к выросшей роли Германии в мировой экономике (см. рис. б).

Рост доли Китая и Индии в мировом ВВП — реальность, с которой уже нельзя не считаться (см. рис. 7). Если ее игнорировать, попытаться удержать конструкцию, соответствующую ушедшей в прошлое эпохи, — это увеличит риски кризиса и даже краха финансовой инфраструктуры мира.

ФИНАНСОВАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ

Этими вопросами сейчас активно занимаются дипломаты на самых разных уровнях. Не будем здесь вдаваться в детали переговоров. Суть позиции России, как и многих других стран мира, проста. И МВФ, и Всемирный банк, и многие другие влиятельные организации, такие как, например, ФАО, не должны восприниматься, как неизменяемые институты, позволяющие манипулировать денежной системой, мировой продовольственной политикой в интересах группы стран (точнее — США и ЕС.) В противном случае легитимность и универсальность мировых институтов оказывается под угрозой. А это уже сулит опасности для всего мира.

Есть два показателя, лучше других отражающих место той или иной страны в мировой экономике. Это доля в мировом ВВП по валютным курсам и доля, рассчитанная по паритету покупательной способности. Можно спорить о том, каково должно быть соотношение этих показателей при выработке механизмов принятия решений в денежной политике. Это предмет для обсуждения, поиска компромисса.

КРУПЬЕ ИГРАЕТ ЗА КАЗИНО

Но эти показатели, по меньшей мере, понятны. Любая их комбинация может быть принята миром как разумная. Когда же в процесс принятия решений включают показатели, суть которых трудно объяснить, многим это не нравится. Например, в ныне действующих нормах, закрепленных последними решениями руководящих органов МВФ, сохранен такой показатель, как «открытость экономики». Что он означает в современном мире — объяснить трудно. Что он значит применительно к торговле внутри Евросоюза — понять невозможно. Чем торговля между Люксембургом и Бельгией отличается от торговли между штатами в Индии или Рязанской и Тульской областями в России? Никто не сможет ответить на этот вопрос. Но именно из-за подобного рода показателей значение стран Бенилюкса в принятии решений по важным вопросам мировой финансовой политики оказывается большим, чем значение Индии и России вместе взятых. Полагать, что никто этого не замечает, и что это всех устраивает — ошибка. В меняющемся мире XXI века

в важнейших международных финансовых институтах, оставляя всему остальному миру лишь возможность пассивно наблюдать за процессом, неправильна и в долгосрочной перспективе нестабильна». См.: Kudrin A. The era of empires is over in the global economy// The Financial Times. October 1 2007.

Рисунок б

Доля Великобритании и Германии в мировом ВВП (по ППС) в 1850 и 1913 годах, %

Источник: Maddison A. Contours of the World Economy: the Pace and Pattern of Change, 1-2030 AD, Cambridge University Press, 2007.

Примечание: Мировой ВВП в 1850 году рассчитан на основе данных по основным странам Европы, Северной и Латинской Америки, Австралии и крупнейшим странам Азии. ВВП данных стран составлял 80% мирового ВВП в 1950 г.

такие технические выдумки не позволят долго удерживать ситуацию, при которой Западная Европа и США монополю доминируют в системе управления денежной политикой. Все знают: крупье играет за казино.

Для нас даже не столь принципиально, какой будет квота России в МВФ после завершения очередного раздела переговоров о реформе этой организации. Важнее иное: воспринимается ли система управления мировыми финансами как справедливая, отвечающая общим интересам. Если ответ отрицательный, то в условиях серьезного финансового кризиса она окажется недееспособной.

Именно поэтому Россия была в числе стран, инициировавших дискуссию о реформе финансовой инфраструктуры. Суть российских предложений в том, что необходимо договориться, наконец, о прозрачных правилах игры в денежной политике мира. Но пока добиться серьезного прогресса в решении этой проблемы не удалось. И многие страны начали искать выход из тупика.

Это стало причиной, почему Китай, Япония, Южная Корея и еще 10 азиатских государств в мае 2008 года договорились о создании резервного банка, альтернативного МВФ, выполняющего сходные функции. Руководителям МВФ, американского казначейства возражать против создания такого азиатского банка трудно. В мире немало проблем, связанных с нестабильностью финансовых рынков. И если кто-то хочет разделить бремя ответственности за их решение, трудно просто объявить, что это плохо.

Однако надо понимать, что до последнего времени относительная стабильность финансовой системы была связана с ее моноцентризмом, доминированием доллара в системе мировых резервных валют, наличием единого центра управления мировой финансовой инфраструктурой.

Введение евро как альтернативной доллару мировой резервной валюты изменило ситуацию. Вероятное введение конвертируемости юаня по капитальным операциям, станет еще одним шагом к изменению той денежной системы, которая сложилась после 1971 года.

Все это ставит страны, не входящие в американско-европейский альянс (контролирующий МВФ и Всемирный банк) и не приглашенные в азиатский банк, перед тройным выбором:

- не делать ничего;
- выступать в роли младших партнеров в новом азиатском финансовом центре;
- создать альтернативный центр, позволяющий в случае кризисного развития событий на финансовых рынках обеспечить стабильность национальных валют.

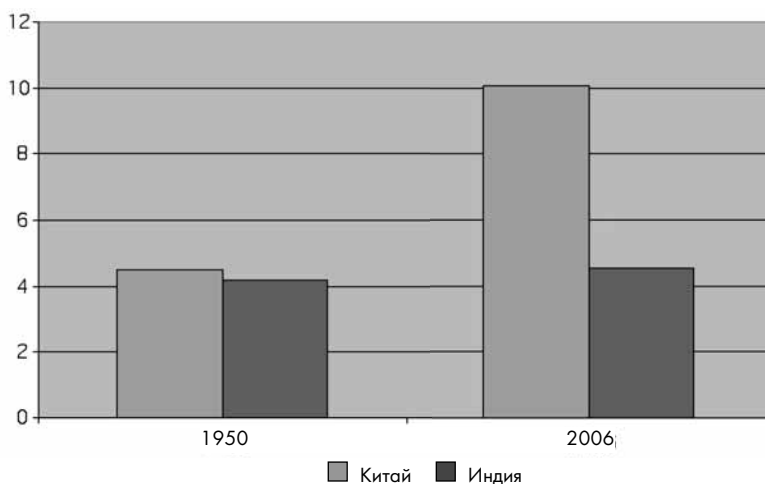
Вот почему слова Президента РФ Д. Медведева о необходимости превратить Россию в страну, обладающую одной из резервных валют, а Москву сделать одним из мировых финансовых центров, прозвучали так актуально и показали, что Россия находится в поисках реально-го ответа на этот вызов¹¹.

Будем, однако, реалистами. Рубль в обозримой перспективе не станет ведущей мировой валютой, такой как

¹¹ Д. Медведев. Выступление на XII Петербургском международном экономическом форуме. 7 июня 2008 года. Санкт Петербург. http://www.kremlin.ru/appears/2008/06/07/1200_type63377type82634type122346_202221.shtml

Рисунок 7
Доля Китая и Индии в мировом ВВП (по ППС) в 1950 и в 2006 годах, %

Источник: Maddison A. *Contours of the World Economy: the Pace and Pattern of Change, 1-2030 AD*, Cambridge University Press, 2007 (1950 год), World Bank WDI 2008 (данные за 2006 год).

доллар и евро. Однако при ответственной денежной и финансовой политике сделать его резервной валютой второго плана, такой как фунт стерлингов или шведская крона (если мы обсуждаем временной диапазон до 2020 года), возможно. Это непростая, но разрешимая задача. В то же время сама ее постановка заставляет задуматься о позиции России в вопросе об отношении к происходящим изменениям в мировой денежной системе.

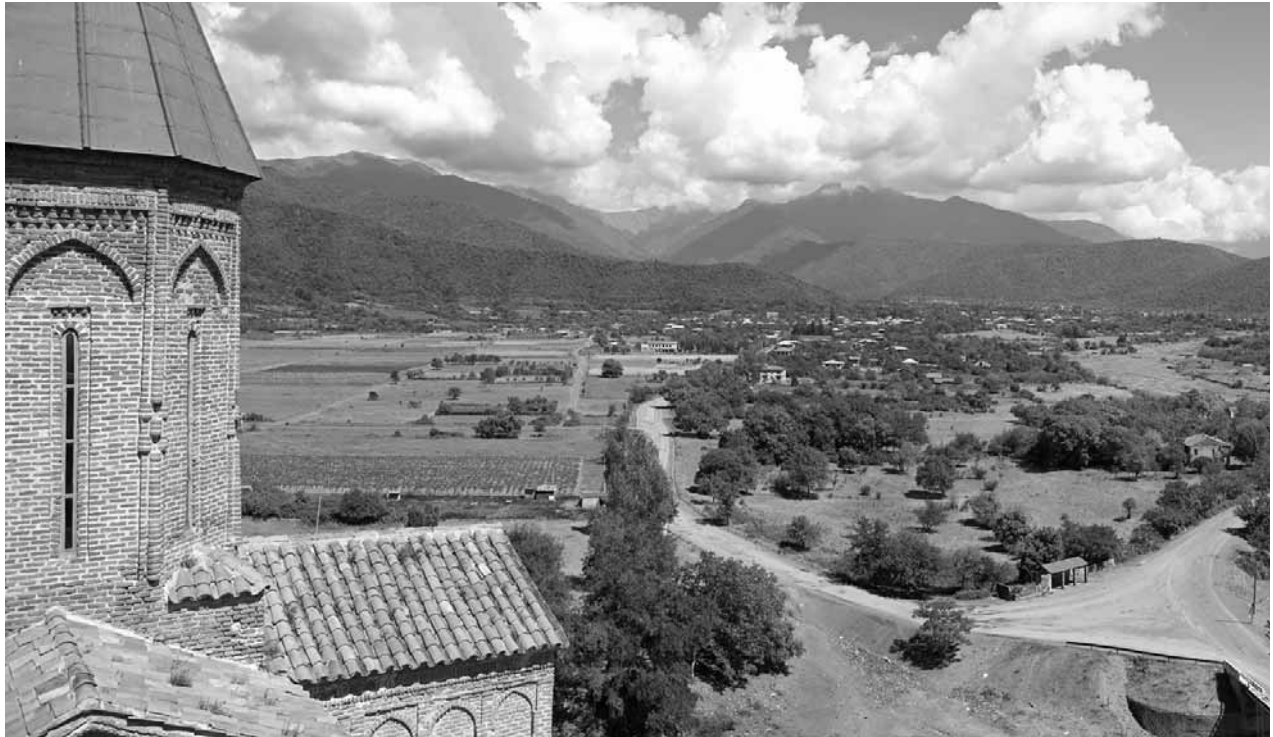
Не будем называть страны, которые могут стать участниками создания третьего, альтернативного финансового центра — если такой проект будет принят. Их перечень очевиден. Такое развитие событий не только в наших национальных интересах, но и в интересах мирового сообщества.

Если уж не удалось путем переговоров добиться реорганизации единой финансовой инфраструктуры,

сформированной в 1940-х годах, то лучше иметь не два, а три альтернативных центра. Может быть, тогда станет легче договариваться, как скоординировать денежную политику.

Конечно, можно, как это делали в 1920-х годах, цепляться за наследие финансовой системы, утратившей связь с изменившимися реалиями. Но за такие ошибки приходится слишком дорого платить — и не тем, кто их совершает.

Россия заинтересована в стабильности мировой денежной системы. Нам, как и другим странам, нужно, чтобы существовали авторитетные, пользующиеся доверием международные органы, способные надежно регулировать ситуацию в условиях финансовой паники или кризиса ликвидности, готовы к конструктивному диалогу по вопросу о том, как сформировать финансовую инфраструктуру, которой мир доверяет. ■■■

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РАО «ЕЭС РОССИИ»

АНАТОЛИЙ ЧУБАЙС

30 июня 2008 г. одна из крупнейших в мире монополий, РАО «ЕЭС России» — как и было заранее объявлено, спустила флаг, исчерпав смысл своего существования. Ее менеджеры покидали свои кабинеты, здание уходило с торгов, и все это было не результатом финансовой катастрофы, а задолго предопределенным, желаемым и запланированным итогом.

Вместо РАО «ЕЭС РОССИИ» согласованно заработали несколько десятков электроэнергетических компаний, каждая из которых обладает собственным экономическим и технологическим профилем, философией бизнеса, структурой собственности, спецификой менеджмента.

Завершился один из ключевых этапов реформы электроэнергетики России. Но преобразования будут продолжаться. Именно поэтому имеет смысл «по горячим следам» проанализировать процессы, протекавшие в электроэнергетике в течение последних 10 лет.

СМЫСЛ РЕФОРМЫ

Во всем мире рынок в электроэнергетике начал развиваться последним среди других отраслей называемых «естественными монополиями» после железных дорог, после почты и даже после телекоммуникаций. Этому есть простое объяснение. Дорожная сеть Европы прокладывалась по следам римских легионов, города — от Лондона до Москвы — строились тысячами, почтовое сообщение ведет историю чуть ли не от Хамураппи.

А электроэнергетике, тотально изменивший мир и образ жизни людей всей планеты за жизнь одного поколения — меньше лет, чем старейшим жителям Земли.

Электрические станции и электрические сети буквально произвели переворот в индустрии, технологиях, транспорте, в обычаях и в цивилизационных привычках миллионов людей.

Электричество принципиально демократизировало мир — ведь экономически бессмысленно создавать дорогое электроснабжение для богатых — выгоднее дешевое для всех.

Однако когда лампочки зажглись в миллионах окон, и провода опутали мир густой сетью, оказалось, что государства попали в зависимость от вновь родившейся отрасли- монополиста. Слишком многое теперь зависело от энергоснабжения: промышленность, транспорт, отопление, продовольствие, оборона, связь, безопасность и обороноспособность. И государство проглотило энергетику, — она стала делом министров и правительств.

Победное шествие электроэнергетики совпало с (или было связано) с развитием тоталитарных идеологий, этатистских движений, утверждавших, что государс-

тво — это высшая ценность, что только стратегические государственные планы, такие как ГОЭЛРО, способны обеспечить долговременное развитие стран. Две мировые войны были рубежами и истории энергетики. Энергетические объекты стали ключевыми стратегическими объектами воюющих и соперничающих стран. Модернизация и милитаризация мировой экономики требовали опережающего развития энергетики; борьба идеологий равно гонка вооружений, холодная война, милитаризация. Атомная энергетика возникла в пятидесятые годы XX века, как побочный результат научного и военного противостояния,

Энергетическая инфраструктура большой страны создается поколениями. Ее планировало, создавало и контролировало государство, государство обеспечивало ее развитие и контролировало тарифы. Государство, в конечном счете, держало руку на рубильнике электроснабжения (синоним — жизнеобеспечения) и создавало технологическую основу концентрации власти, вмешательства в экономику, авторитаризму и тоталитаризму.

И все-таки, постепенно, тенденция начала меняться. Государственная монополия на электричество перестала казаться такой уж естественной, а экономика государственной энергетики — эффе́ктивной.

Этот процесс начался в 1990-е годы, когда либерализация других естественно монопольных отраслей уже шла полным ходом.

Особенность электроэнергетики заключается в том, что это самый сложный дорогостоящий и долго создаваемый производственно-технологический комплекс, где цена любой ошибки как нигде велика.

Электроэнергия в современной экономике рассматривается как высокотехнологичный товар, но относится не просто к товарам повседневного спроса. Она, по сути, формирует и обеспечивает образ жизни обществ, народов и государств. Она лежит в основе формирующегося информационного глобального общества. Производство и потребление электроэнергии на душу населения — важнейший индекс, определяющий развитость или отсталость стран. Сбои в энергоснабжении — это не только риски для образа жизни, но и возможные причины техногенных катастроф, создающие угрозу жизни множеству людей, по сути дела угрозу Национальной безопасности.

Именно поэтому реформа электроэнергетики так долго откладывалась.

У нас была дешевая электроэнергия, с тоской вспоминают ветераны. Да, но какой ценой достигалась деше-

визна? Колоссальной расточительностью и неэффективностью, не изжитой и поныне; в отличие от большинства развитых стран энергоёмкость нашей продукции не снижалась, а росла, конкурентоспособность российских товаров стремилась к нулю...

Эту тенденцию необходимо было преодолеть...

Сегодня в профессиональном сообществе общепризнано, что альтернативы либерализации электроэнергетики нет. Дилемма состоит не в том — реформировать электроэнергетику или нет; так вопрос уже не стоит. Обсуждаются проблемы учета конкретной специфики той или иной страны, данного рынка, темпы проведения реформ.

В Европе, скажем, обсуждают, насколько радикальной может быть модель отделения генерации от сетей. Франция и Германия выступают против модели разделения по принципу собственности, ограничившись разделением по юридическим лицам, а в Великобритании и в скандинавских странах такое разделение стало реальностью. Там рынок в электроэнергетике сформировался уже в начале 90-х годов. Но даже во Франции и Германии, более консервативно подходящих к реформам в электроэнергетике, пожалуй, нет авторитетных специалистов, принципиально выступающих против таких преобразований.

За пределами Евросоюза более или менее радикальные модели отделения генерации от сетей действуют сегодня в Австралии и Казахстане, Китае и Бразилии, Канаде и Украине, Новой Зеландии и Японии и в десятках других стран. **Не будет преувеличением сказать, что такие рыночные преобразования сегодня осуществлены либо осуществляются в абсолютном большинстве стран, имеющих развитую современную электроэнергетику.**

Стоит вспомнить задачи, которые ставили перед собой разработчики российской энергетической реформы.

Они были зафиксированы в документе, который называется «Программа действий по повышению эффективности работы и дальнейшим преобразованиям в электроэнергетике РФ» (в дальнейшем — «Программа действий»)¹. Она была утверждена Советом директоров компании в августе 1998 году. В нем ставились две ключевые задачи: антикризисный менеджмент и реформа энергетики.

Что касается первой задачи — антикризисного управления в отрасли — скажем лишь, что на том этапе руководство компании применяло стандартные решения.

¹ См.: <http://www.rao-ees.ru/ru/reforming/lib/program/show.cgi?content.htm>

Уникальными были разве что масштаб и сложность накопленных в электроэнергетике проблем.

В 1998 году уровень оплаты электроэнергии и тепла потребителями составлял не более 85%. Из них менее 20% оплачивалось деньгами, остальное — векселя, зачеты, бартер. Объем задолженности потребителей перед рядом компаний Холдинга РАО «ЕЭС России» превышал двух — трех летний объем их продаж. Это привело к росту кредиторской задолженности предприятий РАО «ЕЭС России». Не хватало топлива, задерживались зарплаты сотрудникам, строительство новых энергообъектов было заморожено, до критического уровня сократились объемы ремонтных работ. Забастовки и даже голодовки энергетиков стали обыденными явлениями. В 1998 году 20 энергосистем и федеральных станций находились на разных стадиях юридических процедур банкротства.

После наведения элементарного порядка и стабилизации ситуации в отрасли можно было приступить собственно к реформе электроэнергетики. Суть этой задачи была сформулирована в «Программе действий»: «...создание на базе холдинга общероссийской электросетевой компании, обеспечивающей функционирование и реализацию экономических преимуществ ЕЭС России; создание саморегулирующейся рыночной среды; развитие конкуренции в сфере производства и поставки электроэнергии; формирование генерирующих компаний».

Эта задача решена. На это потребовалось, правда, гораздо больше времени, чем мы планировали, — десять лет, а не пять.

К двум задачам, о которых говорилось выше (антикризисное управление и реформа), прибавилась еще

одна — задача инвестиционного развития электроэнергетики непосредственно во время реформы, а не после ее завершения. Это оказало принципиальное воздействие и на ход преобразований.

СТРУКТУРНАЯ РЕФОРМА

Энергетику привычно описывали как естественно монопольную отрасль. При разработке проекта ее реформирования мы исходили из более сложного представления о структуре отрасли. Если присмотреться, она, наряду с действительно монопольными секторами — (диспетчеризацией, передачей электроэнергии по магистральным и распределительным сетям), включает и потенциально конкурентные секторы. К ним относятся производство и сбыт электроэнергии. В конкурентных секторах должна превалировать частная собственность, функционировать рынок, свободно двигаться финансовые потоки, концентрироваться инвестиции на наиболее перспективных направлениях. Характерными чертами монопольного сектора должно стать преобладание государственной собственности, государственное финансирование и государственное регулирование. (Хотя мир знает и другие примеры).

Прежде чем говорить о структурных преобразованиях, надо вспомнить, что представляло собой РАО «ЕЭС России», а, по сути, вся электроэнергетика страны, до начала преобразований.

Российское открытое акционерное общество энергетики и электрификации «ЕЭС России» было создано в

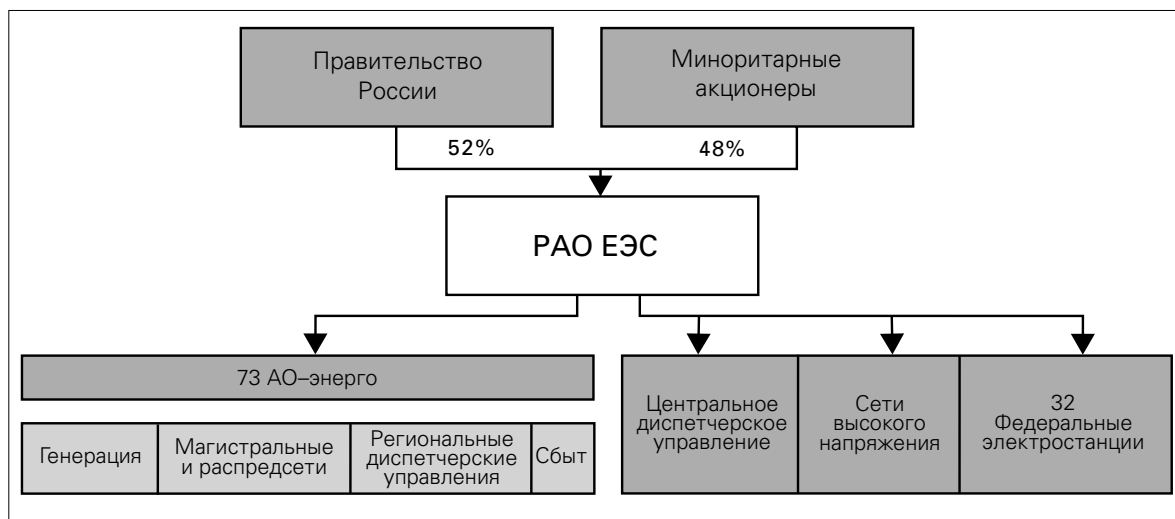

Рисунок 1.
Структура РАО «ЕЭС России» накануне реформы

1992 г. в соответствии с указами Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина от 15 августа 1992 г. № 923 и от 5 ноября 1992 г. № 1334. В уставный капитал Компании было передано имущество и акции тепловых электростанций и ГЭС, магистральные линии электропередачи, система диспетчерского управления, пакеты акций региональных энергетических компаний и отраслевых научно-проектных и строительных организаций.

Холдинг владел 72% установленной мощности всех электростанций России и 96% протяженности всех линий электропередачи. В течение 15 лет энергокомпания холдинга РАО «ЕЭС России» обеспечивали не менее 70% выработки электроэнергии и треть производства тепла в стране. В 2007 г. энергокомпания Холдинга произвели 706,0 млрд кВт.ч. электроэнергии.

Базовым структурным элементом РАО «ЕЭС России», были АО-энерго — вертикально интегрированные компании, включающие в себя производство электроэнергии, ее передачу по магистральными распределительным сетям, диспетчирование и сбыт. Эта вертикальная интеграция на уровне регионов была дополнена вертикальной интеграцией на уровне РАО «ЕЭС России», объединявшей, помимо АО-энерго, АО-электростанций², сети высокого напряжения и центральное диспетчерское управление (рис. 1).

Оппоненты реформы упрекали нас в том, что новый менеджмент компании, который принял на себя ответственность за развитие событий в отрасли в 1998 году, выступает против вертикальной интеграции в бизнесе.

Это не так. Модель вертикальной интеграции, с которой мы столкнулись в электроэнергетике, была структурно и технологически территориально замкнута на уров-

не регионов. АО-энерго включали в себя полный цикл управления выработкой, передачей, распределением и потреблением электроэнергии. В такой ситуации потребитель полностью организационно и технологически привязан к поставщику. Фундаментальный изъян такой модели вертикальной интеграции — в уничтожении самой возможности конкуренции.

Ключевым шагом в реформе электроэнергетики стало **разделение АО-энерго по функциональному признаку**. В каждом регионе появились генерирующие, сетевые и сбытовые компании. В дальнейшем была проведена их межрегиональная интеграция.

На базе генерирующих активов были сформированы генерирующие компании: оптовые (ОГК)³ и территориальные (ТГК)⁴. Выделенные из АО-энерго распределительные и магистральные сетевые компании стали основой формирования межрегиональных распределительных сетевых и магистральных сетевых компаний — МРСК⁵ и МСК⁶. На следующем этапе МСК были интегрированы в ОАО «Федеральная сетевая компания ЕЭС» (ФСК)⁷. Региональные диспетчерские управления вошли в структуру ОАО «Системный оператор» (СО)⁸ (рис. 2).

В результате была сформирована новая конфигурация электроэнергетики, включающая структурно обособленные конкурентные и монопольные секторы (рис. 3). В монопольном секторе — это СО, ФСК, МРСК, в которых государство является собственником от 50 до 100% акций. В конкурентном секторе — тепловые ОГК и ТГК, из участия в акционерном капитале которых государство решило выйти. Его место заняли частные акционеры.

² АО-электростанция — электростанция федерального уровня, осуществляющая производство и отпуск электрической энергии на федеральный оптовый рынок электроэнергии (мощности).

³ Сформированы на базе крупнейших федеральных электростанций по экстерриториальному принципу. В ходе реформирования создано 6 тепловых и 1 гидро ОГК.

⁴ Сформированы в ходе межрегиональной интеграции электростанций, входивших в состав АО-энерго, как правило, нескольких соседних регионов за исключением генерирующих активов, подлежащих включению в ОГК. Всего согласно планам реформы в электроэнергетике создано 14 ТГК.

⁵ Компании, формируемые по территориальному принципу с передачей им акций распределительных сетевых компаний.

⁶ Компании, создаваемые в результате реформирования АО-энерго, с передачей им имущества объектов электросетевого хозяйства, относящегося к единой национальной (общероссийской) электрической сети: линии электропередачи напряжением от 220 кВ и выше (в ряде случаев от 110 кВ), межгосударственные ЛЭП, а также обслуживающие их трансформаторные подстанции и комплекс оборудования, предназначенный для технического обслуживания и эксплуатации этих объектов.

⁷ Организация по управлению единой национальной (общероссийской) электрической сетью, включающей систему магистральных линий электропередачи, объединяющих большинство регионов страны.

⁸ Организация, выполняющая расчет и анализ ожидаемых балансов электроэнергии и мощности, анализ и согласование планов перспективного развития энергетических систем, координацию плановых ремонтов оборудования электростанций и сетей, анализ устойчивости энергосистемы, расчет допустимых потоков мощности по отдельным сетевым элементам и их группам, формирование диспетчерского графика нагрузок электростанций, оперативное управление режимом энергосистем (в реальном времени), обеспечение эффективного функционирования оптового и розничных рынков электроэнергии (мощности).

Отдельно стоит сказать об ОАО «ГидроОГК»⁹. Гидроэлектростанция — это специфический в экономическом плане субъект. У него нет топлива и затрат на него, а значит связь между экономическими затратами и результатами не детерминирована. Потребовались специальные решения, направленные на то, чтобы гидрогенерация стала рыночной, но при этом не нарушались бы принципы функционирования рынков в электроэнергетике. ГЭС — это не только производство электроэнергии, но и регулирование водотоков для речного транспорта, рыбного хозяйства, мелиорации, водопользования в целом. Надо вспомнить и о больших зонах затопления водохранилищ, и о том, что водохранилища — федеральная собственность. Учитывая все это, было решено сохранить контрольный пакет ОАО «ГидроОГК» в собственности государства.

Новая структура отрасли делает РАО «ЕЭС России», головную компанию холдинга, ненужной. Поэтому с 1 июля 2008 г. оно прекратило свое существование.

РАО «ЕЭС России» стала первой российской компанией, которая использовала классические корпоративные процедуры — реорганизацию через выделение и разделение, не пытаясь прибегнуть к более

простым, но менее прозрачным схемам. Для этого пришлось устранить системные противоречия этой процедуры нормам действовавших на тот момент налогового законодательства, законодательства о труде, о лицензировании и некоторых других.

В результате реорганизация в российской корпоративной практике перестала быть экзотикой и превратилась в классическую процедуру M&A, как и в наиболее развитых странах мира.

ФОРМИРОВАНИЕ РЫНКОВ

Важнейшей составляющей частью реформы энергетики стало формирование рынка.

Точнее говоря, речь идет не об одном рынке, а о системе рынков. Ее основой является модель конкурентного оптового рынка электроэнергии, запущенная 1 сентября 2006 года, предполагающая его поэтапную либерализацию с тем, чтобы к 2011 году выйти на оптовую торговлю всем объемом электроэнергии по свободным ценам (за исключением объема, поставляемого населению). Оптовый рынок дополняется работающим параллельно с ним *балансирующим рынком*, задачей которого является обеспечение в режиме ре-

⁹ Крупнейшая российская ОГК, объединяющая все крупнейшие гидроэлектростанции страны. Установленная мощность ГЭС, входящих в структуру компании, составляет 24,1 ГВт, доля на рынке электроэнергии России — около 15%.

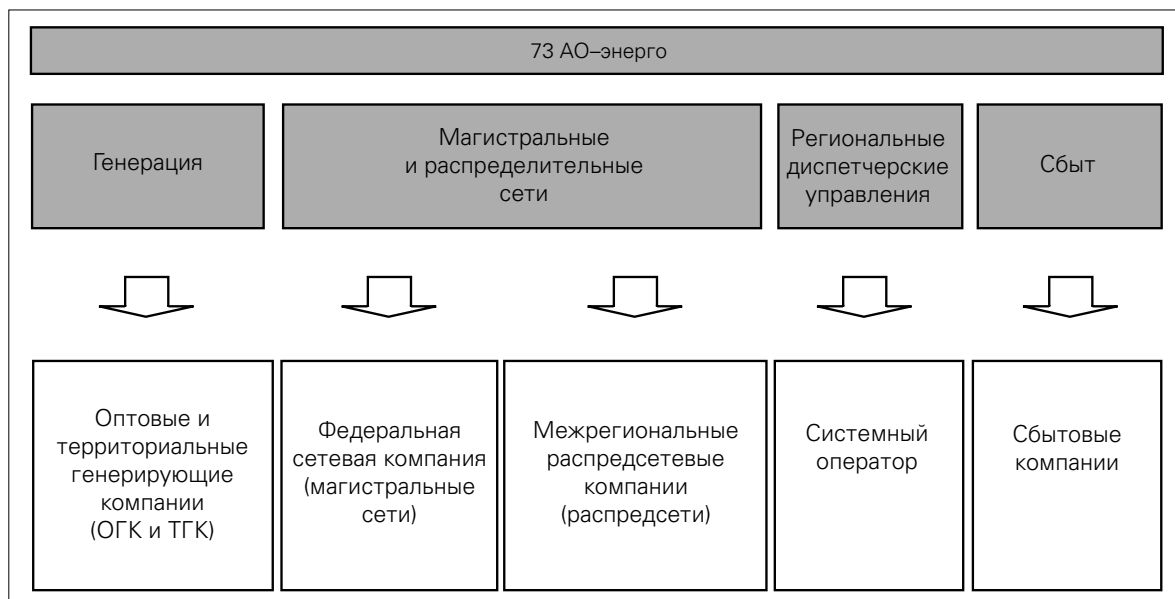

Рисунок 2.

Разделение АО-энерго и формирование компаний целевой структуры

ального времени баланса производства и потребления электроэнергии.

Еще одним элементом системы рынков электроэнергии, продолжением оптового рынка, являются *розничные рынки* электроэнергии. Их либерализация началась одновременно со становлением оптового рынка в сентябре 2006 г.

В настоящее время в процессе создания находятся еще несколько рынков: *рынок мощности, рынок системных услуг и рынок производных финансовых инструментов*.

Сердцевина новой системы рынков в электроэнергетике — конкурентный оптовый рынок электроэнергии.

Он построен на основе модели узлового ценообразования. Смысл ее довольно прост. В каждом узле единой энергосистемы страны происходит в электротехническом смысле переток мощности по законам Кирхгофа, а в экономическом смысле — соединение спроса и предложения по законам Адама Смита.

Кривые спроса и предложения, учитывающие спрос потребителей и предложение поставщиков, формируются для каждого из 5 тыс. узлов в первой ценовой зоне Европейской части России и Урала и для почти 600 узлов во второй, Сибирской ценовой зоне. В каждом узле на

каждый час суток происходит пересечение кривой спроса и предложения и формирование цены.

Покупатель и поставщик предоставляют свои заявки по спросу и предложению на торговую площадку ОАО «Администратор торговой системы» (АТС)¹⁰ на каждый час предстоящих суток. Параллельно, в АТС из СО поступают данные о технологических ограничениях и других аспектах функционирования данного узла энергосистемы. На основании этих данных АТС принимает решение о равновесной цене в данном узле и об объемах выработки и потребления электроэнергии. Эти данные поступают в СО, становясь основой для диспетчирования.

В процессе разработки модели оптового рынка мы рассматривали ряд альтернативных моделей систем конкурентной торговли электроэнергией.

Однако именно модель узлового ценообразования позволила, на наш взгляд, интегрировать интересы поставщиков и производителей по всей энергосистеме страны с учетом сотен тысяч возмущающих факторов. Результатом успешной интеграции является динамика суточной, месячной и годовой цен.

Суточная цена демонстрирует естественный с точки зрения здравого смысла ночной «провал», утренний максимум, дневной полупик, вечерний пик. Внутри месячной цены легко увидеть «провалы» цен в выходные и

¹⁰ Организация, целью создания которой является организация купли-продажи электрической энергии на оптовом рынке.

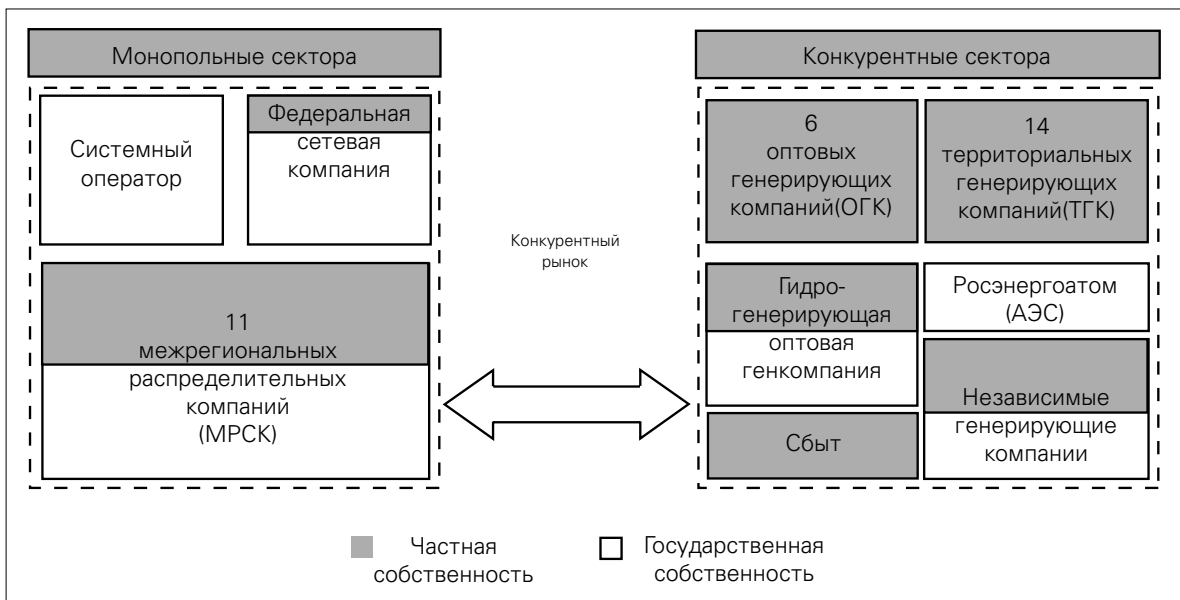

Рисунок 3.
Структура электроэнергетики России после реформы

их повышение в рабочие дни. В годовом цикле понятны зимние всплески стоимости электроэнергии, вызванные ростом электропотребления.

В первую зиму функционирования оптового рынка электроэнергии в России ожидаемого роста цен не произошло. Причина проста — зима 2006–2007 годов на территории России была необычно теплой. Рынок это увидел быстрее, чем мы. Наши расчеты на традиционные дополнительные зимние доходы не оправдались. Неожиданно взлетели цены в июле–сентябре 2007 году. Начиная с 2006 года, энергосистема страны функционировала в режиме жесткого дефицита. В летне-осенний период традиционный для электроэнергетики сервис и ремонт энергооборудования даже в условиях невысокого, по сравнению с зимним, уровня энергопотребления привел к возникновению дефицита и повышению цен. Температурный режим зимы 2007–2008 гг. был на среднем многолетнем уровне. Это вызвало рост спроса и, как следствие, рост цен на электроэнергию.

Таким образом, изменения цены на электроэнергию на рынке зависят от совокупности факторов. Ключевые из них: уровень спроса и предложения, технические ограничения энергосистемы. Динамика цен дает рациональные сигналы и поставщику, и потребителю о повышении эффективности загрузки генерирующих мощностей или оптимизации режима потребления — и при суточном, и при недельном, и при годовом горизонтах планирования. Это доказывает работоспособность избранной модели рынка и повышает эффективность энергосистемы страны в целом.

СТАРТ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА

В разгар преобразований стало ясно, что придется приступить к полномасштабному запуску инвестиционного процесса в отрасли. Эту задачу мы вначале предполагали отложить на время после реформ, памятуя провал лозунга 80-х: «перестройка и ускорение». Уж какое ускорение, когда все силы брошены на перестройку?

Но к 2005–2006 гг. объем потребления электроэнергии в целом ряде регионов вышел на уровень 1991 года, а среднегодовой темп прироста электропотребления увеличился более чем в 2 раза. И продолжает расти.

Если в период 2001–2005 годов этот показатель в среднем составлял 1,7%, то с января 2006 по май 2008

годов — 3,7%. Это привело к возникновению дефицита электроэнергии, в первую очередь, в динамично развивающихся регионах: Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Тюмени. Острота ситуации была связана с тем, что исчерпание возможностей увеличения производства энергосистемой и всплеск темпов роста электропотребления совпали по времени.

(Это, кстати, говорило и о том, что дальнесрочная стратегическая задача — снижение удельного энергопотребления, стимулирование перехода народного хозяйства на новые энергосберегающие технологии — еще не только не достигнута, но и всерьез не поставлена. Очевидно, однако, что бросовые цены на любой ресурс, будь то нефть, хлеб или электричество, не способствуют его экономии.)

Долгосрочный документ «Целевое видение развития российской электроэнергетики на период до 2030 года»¹¹ разработан совместно с Российской академией наук. Генеральная схема размещения энергетических мощностей на период до 2020 года была подготовлена вместе с Министерством промышленности и энергетики РФ, утверждена Правительством РФ¹². Она стала первым долгосрочным отраслевым планом развития в современной России.

Инвестиционная программа Холдинга РАО «ЕЭС России» на 2008–2012 годы¹³ — основа инвестиционного планирования в энергетике. Этот документ ежегодно обновляется. Впервые он был разработан на 2006–2010 годы. Последняя его редакция охватывает период 2008–2012 годов.

Инвестиционное развитие современной энергетики может быть разделено на два этапа. Первый — start-up — старт «с нуля». Инвестиционная программа холдинга РАО «ЕЭС России» на 2008–2012 гг., утвержденная в мае 2008 г., предполагает строительство 43,9 тыс. МВт новой генерации, 98,8 тыс. км линий электропередачи, 156,9 тыс. МВА трансформаторной мощности. Это примерно десяти-пятнадцати кратный рост в годовом исчислении по сравнению с предшествующим периодом.

РЫНОК И ГОСУДАРСТВО

Такой стремительный рост предполагает реализацию комплекса мер, которые нельзя осуществить на базе еще недостаточно развитых рыночных механизмов.

¹¹ См. напр. А. Макаров. Электроэнергетика России в период до 2030 года. Контуры желаемого будущего. — М.: ИНЭИ РАН, 2007 г.; Электроэнергетика России 2030: целевое видение/под общей редакцией Б.Ф. Вайнзихера. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2008.

¹² См.: <http://www.government.ru/content/governmentactivity/rfgovernmentplans/7e4d57765a3a47e6bebf786e36f4e42b.doc>

¹³ См.: http://www.rao-ees.ru/ru/invest_inov/inv_programm/show.cgi?content.htm

Именно поэтому пришлось разработать **централизованную программу развития отрасли, носящую директивный характер своего рода новый ГОЭЛРО.**

Теперь производящие энергию компании и их новые акционеры связаны системой корпоративных и финансово-правовых процедур. Важнейшей из них стал договор на предоставление мощности со штрафами в случае срыва сроков ввода. Особенность этого этапа — использование частных инвестиций в объеме почти 1 трлн руб. при объеме инвестиционной программы в 4,375 трлн руб. Поступление частных инвестиций удалось обеспечить за счет продажи акций генерирующих компаний, принадлежащих РАО «ЕЭС России». Часть средств, полученных от продажи акций энергохолдинга, приходящихся на долю государства, была направлена на финансирование инвестиционных программ ФСК и ГидроОГК, в которых государство владело контрольным пакетом. Но это начальный этап. После 2012 года централизованное планирование должно охватить только магистральную (то есть ФСК) и распределительную сетевые компоненты (межрегиональные распределительные сетевые компании — МРСК), а также гидро- и атомную генерацию (ГидроОГК и Росэнергоатом). Важнейшая компонента энергосистемы — **тепловая генерация, вырабатывающая более 60% электроэнергии в стране, должна будет развиваться на основе рыночных сигналов.**

Инвестиционная программа холдинга РАО «ЕЭС России» — программа развития всей единой энергосистемы России. В ней есть взаимосвязанные решения по развитию тепловой, атомной и гидрогенерации, магистрального и распределительного сетевого комплекса, диспетчерского управления. В тепловой генерации инвестиционный механизм — рыночный, предполагает привлечение частных инвесторов. В гидрогенерации инвестиционный механизм позволяет привлекать как государственные (за счет продажи части доли государства в генерирующих компаниях и прямого финансирования из федерального бюджета), так и частные инвестиции.

Магистральная сетевая компонента остается государственной. В ФСК доля государства превышает 75%. В этот сектор привлекать частные инвестиции в сколько-нибудь значимых объемах пока невозможно. Поэтому источником развития магистральных сетей будет использование механизма перераспределения части дохода от продажи государственной доли РАО «ЕЭС России» в ОГК и ТГК.

Это позволяет магистральному сетевому комплексу получить около 252 млрд руб. на осуществление инвестиционной программы. Из государственного бюджета на финансирование развития магистрального электросетевого комплекса предполагается выделить лишь 73 млрд руб.

Общий объем средств, мобилизуемых для осуществления инвестиционной программы ФСК на ближайшие пять лет, превысит 1 трлн руб. при том, что объем продаж компании за это время будет лишь около 300 млрд руб. Профинансировать инвестиционную программу компании за счет собственных средств было бы невозможно.

В распределительном сетевом комплексе ситуация с источниками инвестиций еще более сложная. Ни перераспределение средств от продажи государственной доли в генерации, ни бюджетное финансирование здесь невозможны просто в силу региональной специфики работы распределительных сетевых компаний. Невозможно в серьезных объемах привлечь сюда частных инвесторов на этапе start up. Приватизация распределительных сетей в реалиях нашей страны привела бы к воссозданию вертикально-интегрированной модели АО-энерго, но с частной собственностью. Приватизации распределительных сетей должно предшествовать несколько лет их функционирования в условиях сложившейся тарифной системы, правил ведения бизнеса, разделенного с генерацией и сбытом, наработанных механизмов антимонопольного контроля. Именно поэтому в текст Федерального закона «Об электроэнергетике»¹⁴ была внесена норма о запрете на приватизацию распределительных сетей до 2011 г.

Вместе с тем, очевидно, что **отсутствие финансирования для развития распределительного сетевого комплекса может свести на нет всю концепцию инвестиционного развития энергосистемы страны:** строительство электростанций и магистральных сетей без возможности доставки электроэнергии к потребителю бессмысленно.

КТО ЗАПЛАТИТ ЗА РАЗВИТИЕ?

Для распределительного сетевого комплекса существуют всего две потенциальные возможности финансирования: инвестиционная составляющая в тарифе на передачу электроэнергии, оплачиваемая всеми пот-

¹⁴ Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»/Собрание законодательства Российской Федерации, Издательство «Юридическая литература», 05 ноября 2007, № 45, ст. 5427, (в ред. Федеральных законов от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 30.12.2004 № 211-ФЗ, от 18.12.2006 № 232-ФЗ, от 04.11.2007 № 250-ФЗ)

ребителями электроэнергии, или плата за присоединение к сетям для новых потребителей с инвестиционной компонентой.

Каждое из этих решений имеет недостатки. В случае включения инвестиционной компоненты в тариф на передачу, за развитие распределительных сетей придется платить и тем потребителям, которые в этом развитии напрямую не нуждаются, в том числе, и населению. Плата за присоединение, в свою очередь, также имеет недостатки. Важнейший из них — то, что потребитель, оплачивая одновременно эту услугу, не получает соответствующих активов.

И все-таки, сопоставляя недостатки двух вариантов, мы остановились на введении платы за присоединение как «наименьшем зле». Это временный механизм: в Федеральном законе РФ «Об электроэнергетике» есть норма, в соответствии с которой, плата за присоединение существует лишь до 1 января 2011 года. Затем она должна быть отменена. Источники финансирования развития распределительных сетей должны к этому времени будут основываться на новой системе тарифного регулирования, базирующейся на экономически обоснованной доходности инвестированного капитала.

Итак, каждое из технологических звеньев электроэнергетики получило свои источники и для текущего функционирования, и для инвестиционного развития. Результатом стало формирование сбалансированной инвестиционной программы электроэнергетического комплекса.

Благодаря запуску инвестиционного процесса в электроэнергетике объем ежегодных капитальных вложений в отрасли в период 2002–2009 годов должен увеличиться в 17 раз (с 60,4 млрд руб. до 1034 млрд руб.), а ежегодных вводов в 2002–2010 годах — в 20 раз (с 640 МВт до 12,9 тыс. МВт).

Такой рост объема инвестиций создает сопоставимый по объему спрос в смежных отраслях, стимулирует создание ранее не существовавших видов бизнеса.

Годовой спрос на генерирующее оборудование к 2010 году в сравнении с 2006 годом возрастет в 8 раз, на продукцию электротехнической промышленности для нужд ФСК — в 4 раза, на уголь — на 40%, на газ — на 30%, на стройматериалы — в 4,5 раза, на НИОКР — в 4 раза, строительство и монтаж — в 8 раз.

Наряду с ростом традиционных видов бизнеса, в ряде случаев потребовалось возникновение «с нуля» качественно новых видов бизнеса.

ОШИБКИ И УРОКИ РЕФОРМЫ

Оценка преобразований в электроэнергетике невозможна без анализа допущенных ошибок и уроков, которые мы из них извлекли.

Наиболее значимая ошибка на этапе разработки стратегии, принципов реформирования электроэнергетики состояла в том, что **на начальном этапе не были адекватно оценены интересы миноритарных акционеров РАО «ЕЭС России».**

Это привело к конфликту менеджмента с миноритарными акционерами, в котором обе стороны заняли крайние позиции. Менеджмент игнорировал позиции миноритарных акционеров. Они, в свою очередь, поставили перед собой задачу остановить реформу и заменить менеджмент.

Мы пересмотрели свои позиции. В 2002 г. менеджмент РАО «ЕЭС России» выступил с инициативой «Семь шагов менеджмента навстречу миноритарным акционерам»¹⁵. Миноритарные акционеры восприняли ее позитивно, что позволило изменить ситуацию: миноритарные акционеры поддержали реформу.

Эта проблема существовала не только на уровне РАО «ЕЭС России», где собственность миноритарных акционеров составляла 48%, но и на уровне каждой региональной энергосистемы. В них доля собственности миноритарных акционеров обычно составляла от 49 до 51%. В каждом конкретном случае приходилось принимать индивидуальные решения. Но фундаментальный принцип учета интересов миноритарных акционеров, понимание роли менеджмента как института, призванного отражать и реализовывать интересы всех акционеров, позволил достичь компромисса.

Ошибочными были и попытки реализовать проекты, не вписывающиеся в стратегию преобразований. Речь идет о создании энерго-топливных и энерго-потребительских компаний на ранних стадиях преобразований. Предполагалась интеграция генерирующих активов с поставщиками топлива или крупными потребителями, производящими экспортоориентированную продукцию.

Одним из таких проектов, обсуждавшихся в 1999–2000 годах, было предложение об объединении Саяно-Шушенской ГЭС с Саянским алюминиевым заводом (САЗ). При массовых неплатежах, объединение с САЗом обеспечивало энергетикам доступ к валютным ресурсам, которые были тогда жизненно необходимы. Но такое решение шло вразрез с логикой структурных преобразований в энергетике. Мы не являемся принципиальными

¹⁵ См.: <http://www.rao-ees.ru/ru/news/speech/confer/prez/prez250902abc.ppt>

противниками такой интеграции, но на этапе отсутствия стратегических инвесторов в генерации она не могла быть эффективной.

Мировой опыт показывает работоспособность интеграции энергетиков и поставщиков топлива. Структура ведущих мировых энергокомпаний — E.on (Германия), RWE (Германия), Vattenfall (Швеция), CEZ (Чехия), Peabody (США), China Shenhua (Китай), ENEL (Италия) — включает как топливные (газ или уголь), так и генерирующие активы.

В новой структуре рыночной электроэнергетики России, сформированной в результате реформы, логичны решения частных инвесторов ОГК-3 о покупке лицензии на участки добычи угля в Бурятии и их планы по покупке угольных активов в Сибири, на Урале и в Казахстане. Аналогичные планы имеют стратегические акционеры других генерирующих компаний. Но это решения, которые должны принимать именно частные инвесторы.

В числе ошибок следует назвать и проект трехлетних тарифов по принципу «инфляция минус». В 2004 году менеджмент РАО «ЕЭС России» предложил Правительству РФ установить тарифы на электроэнергию на три года вперед, отказавшись от затратного тарифообразования, основанного на принципе «издержки плюс». Принцип «инфляция минус» предполагал стимулирование энергокомпаний к сокращению издержек, повышению эффективности. Для потребителей внедрение новых принципов ценообразования в электроэнергетике означало снижение цен на электроэнергию в реальном исчислении.

Действенным принцип «инфляция минус» мог оказаться лишь в том случае, если тарифы оставались бы неизменными в течение 3-х лет. Но через год Правительство РФ на очередной волне «борьбы с инфляцией» отказалось от своих обещаний, установило новые годовые тарифы, которые были ориентированы на затраты прошлого года. Полученная экономия была изъята. Упущенная выгода холдинга РАО «ЕЭС России» составила около \$500 млн. Эффект от снижения издержек был сведен на нет, сама идея трехлетних тарифов дискредитирована.

Однако этот проект, окончившийся неудачей, можно рассматривать как прообраз акутальной реформы тарифообразования в монопольном секторе, основанной на идее экономически обоснованной доходности на инвестированный капитал.

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ИЛИ НАОБОРОТ?

Только по стечению обстоятельств удалось избежать ошибки при формировании системы управления инвестиционным процессом в электроэнергетике. Задача привлечения инвестиций в этой отрасли традиционно от-

носилась к числу трудноразрешимых. К концу 2006 г. стало ясно, что эта задача решается. Но возникла не менее сложная проблема: как обеспечить превращение полученных сотен миллиардов рублей в десятки тысяч мегаватт?

Это поставило руководство РАО «ЕЭС России» перед альтернативой: попытаться решить проблему централизованно, создавая структуры, обеспечивающие развертывание строительства, централизуя финансовые потоки, заказы на оборудование, или децентрализовать этот процесс, возложить решение задачи на генерирующие компании, положиться на рыночные механизмы.

Аргументы против курса на децентрализацию были серьезными. Речь шла о кратном увеличении спроса на продукцию десятка смежных отраслей. Способность российской экономики нарастить объемы производства в сжатые сроки не была очевидной.

Серьезным аргументом против децентрализации был дефицит специалистов по организации строительства, достаточно компетентных и способных решать столь масштабные инвестиционные задачи. Лишь головная компания холдинга РАО «ЕЭС России» к тому времени имела специалистов, обладавших опытом строительства крупных электроэнергетических объектов. В генерирующих компаниях в регионах такого набора специалистов не было. Речь шла и о формировании новых видов бизнеса: ЕРС/ЕРСМ-контракторов, которых ранее в России не было ни в электроэнергетике, ни в других отраслях.

Первоначально было принято решение сформировать единый центр управления инвестиционным процессом. Но обстоятельства нам этого сделать просто не дали. Как говорится, «не было счастья, да несчастье помогло».

С позиции сегодняшнего дня можно констатировать, что выбрать путь централизации инвестиционного процесса в российскую энергетику было бы серьезной ошибкой.

В общем, тест на способность российской рыночной экономики, частного бизнеса к реакции на новый масштабный спрос, измеряемый триллионами рублей, прошел успешно.

РЫНКСТРОЕНИЕ

Еще один неоченимый урок — осознание сложности задачи строительства рынка. Для ее описания, можно по аналогии с авиастроением, машино- или ракетостроением предложить термин «рынокстроение» (пишу, понимая определенную лингвистическую ущербность). По степени сложности запуск рынка, возможно, сложнее запуска космического корабля, (теперь это вполне рутинная задача).

Об эффективно действующей модели рынка, как о чем-то завершённом, говорить, конечно, еще рано. Процесс либерализации лишь начался. Он, надо полагать, завершится в 2011 году, когда предполагается полностью отказаться от госрегулирования тарифов в розничном рынке. Иными словами, России потребуется 15 лет, чтобы полностью выстроить рынок электроэнергии. На фоне мирового опыта этот срок не кажется слишком растянутым.

На каждом из этапов «рынокостроения» в российской электроэнергетике были свои проблемы и сложности, связанные с политическим противостоянием, необходимостью гармонизации множества интересов, формированием благоприятной институциональной среды, созданием организационных структур по управлению рынком, нормативно-правовой базы, программно-аппаратного комплекса, обучением и повышением квалификации сотен специалистов.

Крупные этапы строительства и начало функционирования каждой из моделей рынка включали такие стадии как имитационные торги, пилотное тестирование, запуск расчетных моделей.

На все это накладывались территориальные различия в организации электроэнергетического комплекса страны. Собственно рынок разделен на две ценовые зоны — Европа (включая Урал,) и Сибирь. С точки зрения формирования цен и объемов проданной/купленной электроэнергии они изолированы друг от друга. Лишь после двух лет функционирования рынка в 2008 году был запущен проект их интеграции и перехода на единую расчетную модель.

Действующая модель оптового рынка будет развиваться и преобразовываться под воздействием самого рынка. Принцип развития, встроенный в модель рынка, — обязательное условие его выживания.

При строительстве рынка необходим учет технологических особенностей отрасли. Это, в первую очередь, технологическая целостность энергосистемы. Изолированное функционирование ее элементов невозможно. Надо было учитывать и специфику основного продукта отрасли — электроэнергии, которую практически невозможно складировать и хранить в больших количествах.

ЭНЕРГЕТИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНЖЕНЕРА И ЭКОНОМИСТА

Инженерный и экономический взгляды на энергосистему имеют и общие черты, и принципиальные отличия, которые необходимо гармонизировать.

С точки зрения инженера, потребитель — неотъемлемая часть энергосистемы, как и генератор.

Управление режимами энергосистемы основано на непрерывном поддержании баланса выработки и потребления, которые рассматриваются как равноценные объекты управления. Система автоматического отключения нагрузки (САОН), система автоматического частотного регулирования (АЧР) и некоторые другие подсистемы автоматического управления режимами в единой энергосистеме предназначены для отключения потребителей в случае, если этого потребует сохранение баланса в системе.

Для экономиста энергосистема есть инструмент удовлетворения спроса на электроэнергию. Любые действия по сокращению спроса для него абсурдны. Важнейший извлеченный нами урок состоит в том, что при строительстве рынка в современной электроэнергетике перекосяк как в экономическую, так и в инженерную сторону одинаково опасен.

Роль этой проблемы возрастает на этапе перехода от стационарного функционирования к развитию. В условиях, когда и генерация, и сети осуществляют инвестиционные проекты развития, особое значение приобретает сохранение целостности энергосистемы как единого технологического комплекса.

Нарушение такой целостности может привести к тому, что построенные электростанции не смогут обеспечить выдачу мощности в энергосистему страны из-за отсутствия сетевой инфраструктуры. Другой вариант — ввод в эксплуатацию новой линии электропередачи, не имеющей загрузки из-за задержки строительства генерирующей мощности.

Чтобы решить эту задачу потребовалось создание рыночных «цепочек развития». Для обеспечения своевременного ввода генерирующей мощности был разработан договор на предоставление мощности, заключаемый каждой генерирующей компанией и АТС. Этот документ предусматривает обязательства ОГК или ТГК по вводу мощности в заданные сроки, финансовую ответственность за их выполнение.

Срыв обязательств по предоставлению мощности генерирующей компанией может быть вызван факторами, от нее не зависящими. «Цепочки развития» предоставляют ОГК и ТГК несколько инструментов хеджирования таких рисков. Договор на присоединение генерации к электрическим сетям позволяет хеджировать риски владельцев компании, построившей станцию, но не имеющей возможности выдать ее мощности в сеть. С 2007 года генерирующие компании начали заключать пятилетние контракты «take-or-pay» на поставку газа с финансовой ответственностью за их срыв.

Парадокс, но электроэнергетика, ставшая форпостом экономического либерализма, одновременно превратилась в первую отрасль в стране, в которой разработана и закреплена на уровне нормативных документов и реализована в практической жизни система долгосрочного, среднесрочного и краткосрочного планирования, об элементах которого мы говорили. Это интересный урок, полученный в ходе реформы. Получается, что планирование, главный принцип социализма, необходимо и в высокотехнологичной, капиталоемкой рыночной экономике.

При решении этой задачи нам пришлось столкнуться с методологическими и организационными проблемами. Основой для формирования среднесрочного плана развития электроэнергетики является оценка спроса. Она может соответствовать реальности, если есть правильное видение динамики развития экономики страны, регионов и городов, муниципальных образований. Для электроэнергетики наличие генеральных планов городов — условие эффективного развития распределительных сетей и генерации. Наличие пятилетней программы развития региона — условие адекватной оценки динамики спроса. РАО «ЕЭС России», столкнувшись с необходимостью разработать долгосрочные и среднесрочные планы, было вынуждено считаться с отсутствием долгосрочных и среднесрочных планов развития на разных уровнях. Наиболее продвинутым оказался макроэкономический срез. На нем можно было получить достоверные среднесрочные прогнозы. Хуже обстояло дело с отраслевыми срезами планирования. В большинстве отраслей оно просто отсутствовало.

С 2006 года мы развернули кампанию по подписанию Соглашений с регионами о взаимодействии в развитии энергосистем. Эти документы включали перечень объектов, как в генерации, так и в сетях, сформированный на основе прогнозных показателей роста спроса на электроэнергию.

Как известно, сроки завершения реформы неоднократно переносились: с 2004 на 2006 год, с 2006 на 2008. Если бы к середине лета 2006 года реформа была завершена и РАО «ЕЭС России» перестало существовать, задачу запуска инвестиционного развития электроэнергетики было бы решить крайне сложно.

То, что начало этапа инвестиционного развития пришлось на период существования РАО «ЕЭС России» позволило запустить процесс привлечения частных инвестиций, выработать решения, нацеленные на сохранение целостности электроэнергетики как технологического комплекса в условиях развития.

Особенность реформы в электроэнергетике России в том, что ее инициаторами выступили не потребители, не государство, не частные акционеры, а менеджмент естественной монополии.

В этой ситуации на старте реформы количество ее противников многократно превышало количество сторонников. На ключевых этапах преобразований в число ее оппонентов входила большая часть профессиональной энергетической элиты, губернаторов, олигархов, миноритарных акционеров, парламентариев и сенаторов, многие влиятельные чиновники в Администрации Президента РФ и Правительстве РФ.

Продвижение реформы было трудным и медленным. Процесс преобразований затянулся на 5 лет. Инициаторам реформ пришлось преодолевать сопротивление оппонентов. При этом надо отметить что, многие критические замечания, адресованные разработчикам преобразований, оказались разумными, позволили повысить качество преобразований.

Но перелом во взаимоотношениях с критиками реформы в электроэнергетике произошел только когда был запущен инвестиционный процесс в отрасли, когда начался ввод новых мощностей, когда стало очевидно, что преобразования приносят реальные плоды.

Надо заметить для истории, что хотя инициаторами ключевых решений в части преобразований был менеджмент РАО «ЕЭС России», тем не менее, они принимались государством. К середине 2006 года были приняты решения по важнейшим, с точки зрения преобразований, вопросам: либерализация рынка электроэнергии и привлечение частных инвесторов (включая иностранных) в генерацию. Решения такого масштаба, принятые за полтора года до выборов в Государственную Думу и Президента страны — явление уникальное не только для России, но и для мира.

РИСКИ РЕФОРМЫ — МНИМЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ

Динамика спроса на электроэнергию, для удовлетворения которого делались преобразования, не зависела от наличия или отсутствия реформы. Просто к 2006 г. страна столкнулась с резким увеличением темпов роста на энергопотребление. Адекватным ответом в этой ситуации мог стать лишь рост инвестиций в электроэнергетику.

(Опережающий рост спроса переход на энергосберегающие технологии, во всех отраслях, включая ЖКХ, в реальных обстоятельствах был малореалистичен).

Объем пятилетней инвестиционной программы холдинга РАО «ЕЭС России» до 2012 г., составляет 4,3 трлн

руб. Оппоненты преобразований, критиковавшие разделение электроэнергетики по видам деятельности и собственности, не находили ответа на вопрос: «Откуда придут инвестиции?». Один из предлагавшихся ответов заключался в создании под управлением Президента государственного фонда, который будет осуществлять инвестиции. Где упомянутый фонд будет черпать финансовые ресурсы оставалось загадкой.

Другие оппоненты, критиковавшие реформу с позиций «ультралиберализма», отрицали необходимость серьезных инвестиций в энергетику, отмечая, что эта отрасль недоинвестирована в меньшей степени, чем другие. Вряд ли сегодня, на фоне дефицита электроэнергии в десятках регионах страны, массового спроса на присоединения к сетям, стоит всерьез оспаривать их аргументы.

В арсенале естественной монополии не так много источников поступления средств. Один из них — федеральный бюджет. Но способна ли государственная казна создать для одной отрасли инвестиционный ресурс в несколько триллионов рублей? Для человека, знакомого с бюджетом России, ответ на этот вопрос очевиден — это невозможно.

В 2008 г. в рамках инвестиционной программы холдинга РАО «ЕЭС России» на развитие электроэнергетики будет направлено 826,4 млрд руб., в том числе, за счет частных инвестиций — 207 млрд руб.

Для сравнения, в 2008 г. расходы федерального бюджета на здравоохранение, физкультуру и спорт составляют 209,6 млрд руб., на образование — 301 млрд руб., на культуру, кинематографию, средства массовой информации — 82,5 млрд руб. Даже если представить себе полное прекращение финансирования названных отраслей, этого не хватит, чтобы спасти энергетику России.

Предложения направить на нужды развития электроэнергетики средств стабилизационного фонда, вряд ли стоит оценивать профессионально. Вероятная цена принятия политического решения о таком «целевом» финансировании электроэнергетики — макроэкономический кризис и угроза политической стабильности в стране.

Наконец, тарифы. Объем доходов от продажи электроэнергии в РАО «ЕЭС России» составляет примерно 600 млрд руб. в год. Инвестировать нужно значительно больше. Чтобы обеспечить приток необходимых инвестиций, (даже с учетом привлечения кредитных источников), тарифы пришлось бы поднять примерно в 2 раза.

«Мягкий» вариант требовал бы ежегодного увеличения тарифов на 50% в течение трех-четырех лет.

В этом случае пришлось бы отказаться от реализации значительного числа инвестиционных проектов в 2008–2010 годах.

Политические, экономические и социальные последствия отказа от реформы нетрудно себе представить. Кратное увеличение тарифов на электроэнергию привело бы к банкротству ряда отраслей экономики. Катастрофическими оказались бы социальные последствия для значительной части населения... Для самой электроэнергетики повышение тарифов также не гарантировало выхода из тупика. Остро встал бы вопрос о собираемости платежей.

Последствия отказа от реформы хорошо видны на опыте Южно-Африканской Республики. Это государство не пошло по пути преобразований электроэнергетики, сохранив вертикально-интегрированную структуру отрасли. То, что инвестор никогда не придет в регулируемую государством вертикально-интегрированную компанию, очевидно. Итогом политики властей ЮАР стала серия энергоаварий и блэкаутов, и решение о единовременном повышении тарифов на 60%. Удастся ли властям ЮАР ограничиться одним таким решением — покажет время.

Вывод: отказ от проведения реформы в электроэнергетике России означал бы не только торможение экономического развития страны, остановку роста экономики, но мог бы привести к социальным и политическим потрясениям.

РИСКИ РЕАЛЬНЫЕ

Надо, однако, понимать, что сам процесс функционирования реформированной энергетики связан с серьезными рисками

Существенные преобразования позволяют электроэнергетике работать в рыночных условиях. Вместе с тем, существует целый ряд важных для функционирования отрасли подсистем, которые должны заработать в ближайшем будущем. Первую группу рисков можно обозначить как «риски отказа от реформы», или **«риски недореформирования»**.

Одним из обсуждаемых в настоящее время рисков является потенциально возможный отказ властей от

¹⁶ Постановление Правительства РФ от 7 апреля 2007 г. № 205 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу определения объемов продажи электрической энергии по свободным (нерегулируемым) ценам» / Собрание законодательства Российской Федерации. Издательство «Юридическая литература», 16 апреля 2007, № 16, ст. 1909.

графика либерализации рынка электроэнергии. Правда, есть три группы механизмов минимизации этого риска.

Во-первых, это законодательные механизмы — постановление Правительства РФ, утвердившее график либерализации к 2011 году¹⁶, и Федеральный закон «Об электроэнергетике». В соответствии с этими документами, с 2011 году государственное тарифное регулирование на оптовом рынке электроэнергии запрещено.

Во-вторых, инвестиционно-экономические механизмы, которые включены в структуру договоров на предоставление мощности. Эти документы содержат положение, что пересмотр государством графика либерализации рассматривается как форс-мажор. В этом случае с инвестора снимаются обязательства по строительству и вводу новых мощностей.

Если вдруг власти решили бы отказаться от объявленной программы либерализации, им пришлось бы согласиться и с отказом генерирующих компаний от заявленных инвестиций. А это будет иметь серьезные последствия для устойчивости электроснабжения страны. Как показывает актуальный российский опыт, исполнение взятых государством обязательств перед инвесторами, в том числе зарубежными, становится все более значимым элементом репутации. Поэтому, хотя риск пересмотра графика либерализации рынка электроэнергии и нельзя полностью исключить, оценивать его следует как маловероятный.

Самый обсуждаемый в настоящее время риск — **недореструктурирование рынка мощности**. Его запуск предполагается провести в два этапа. Речь идет о переходном периоде, протяженностью до 2012 году, и о целевом рынке мощностей. Целевую модель рынка можно достраивать, но основные принципы его функционирования понятны. В этом сегменте предстоит решить немало профессиональных задач, многие из них будут решаться впервые не только в России, но и в мире. Однако политические риски уже сняты, вероятность того, что этот элемент системы рынков в электроэнергетике не будет построен, минимальна.

Еще один риск «недореструктурирования» связан с проблемой *перекрестного субсидирования*.

В ней можно выделить несколько видов: перекрестное субсидирование между теплом и электроэнергией, межрегиональное и внутрирегиональное субсидирование по электроэнергии и, самое масштабное, между группами потребителей, прежде всего, между населением и промышленностью. Масштаб последнего оценивается ориентировочно в 120 млрд руб. в год. В последние

годы по большинству видов перекрестного субсидирования правительством РФ приняты решения об их устранении. В апреле 2008 года председатель правительства РФ принял решения, нацеленные на устранение самого масштабного вида — перекрестного субсидирования между группами потребителей к 2011 году. Перекрестное субсидирование долго будет одним из факторов, препятствующих полноценной либерализации розничных рынков электроэнергии. Перенос цен, складывающихся на оптовом рынке, в стоимость электроэнергии в розничной торговле — один из базовых принципов системы рынков в электроэнергетике, обеспечивающий ее целостность и устойчивость.

Однако надо понимать, что главная цель либерализации розничных рынков — возможность для потребителя выбирать бытовую компанию, исходя из цены и качества предоставляемых услуг — не может быть достигнута до решения проблемы перекрестного субсидирования.

Проблемы «недореструктурирования» этой сферы еще длительное время будут вызывать трудности в распределительном сетевом комплексе (так называемая «последняя миля»), порождать конфликты между распределительными сетями и сбытовыми компаниями, снижать качество обслуживания потребителей. Эти риски значимы и придется приложить большие усилия, чтобы негативные процессы на розничном рынке, вызванные его недореструктурированием, не приобрели разрушительного характера.

К нерешенным проблемам относится и либерализация внешнеэкономических связей. Ее надо решать на основе системы двусторонних соглашений с соседними государствами. Здесь сдерживающий фактор — более высокое качество российского рынка, основанного на почасовом планировании, которое пока отсутствует у большинства наших партнеров. Учитывая незначительную долю экспортно-импортных операций в электроэнергетике (3–5% от общего объема выработки электроэнергии в стране), можно отложить решение этой задачи на более поздний срок. Тем не менее, она рано или поздно потребует решения.

Наконец, ключевой фактор функционирования рынка электроэнергии — антимонопольное регулирование. Решать эту задачу на первом этапе пришлось силами самой компании РАО «ЕЭС России». После реорганизации энергохолдинга эти функции переданы в профильную государственную структуру — Федеральную антимонопольную службу (ФАС). Законодательные предпосылки для этого созданы.

ГАЗОВЫЕ РИСКИ

Следующая группа рисков, которые стоит рассмотреть, это «топливные риски», и, в первую очередь, «газовые риски». В числе наиболее обсуждаемых следует отметить опасения аналитиков, связанные с активностью ОАО «Газпром» в приобретении генерирующих активов. Их иногда трактуют как ремонополизацию электроэнергетики. Однако эти опасения фактами не подтверждаются.

Объемы производства электрической энергии электростанциями, принадлежащими ОАО «Газпром» и ОАО «СУЭК» (в случае, если совместное предприятие, объединяющее электроэнергетические активы этих компаний, все-таки будет создано), хоть и значительны, но недостаточны, чтобы обеспечить монопольное положение. В ОЭС Северо-Запада их доля составляет 40%, Центра — 33%, Юга — 28%, Урала — 16%, Сибири — 28%.

В 2007 году в ЕЭС России было произведено 9973 млрд кВтч. Из них электростанциями, принадлежащими сегодня ОАО «Газпром» и ОАО «СУЭК», — 199,407 млрд кВтч. Совокупная доля этих компаний на рынке электроэнергии России, включающем и атомную генерацию, а также независимых поставщиков, составляет 20%.

Это ниже той доли, которой располагает большинство крупных европейских компаний на внутренних энергорынках (см. табл. 1).

Таблица 1.

Доли крупнейших энергетических компаний Европы на внутренних рынках

Страна	Компания	Доля на рынке, %
Франция	EdF	82
Италия	ENEL	45
Испания	Endesa	38
Германия	E.on	32
Скандинавские страны	Vattenfall	22
Великобритания	British Energy	20
Россия	Газпром	20

Таким образом, значимое влияние ОАО «Газпром» на рынке электроэнергии нельзя изначально рассматривать как разрушающее по влиянию на конкурентную среду на этом рынке. Федеральный закон «Об электроэнергетике» запрещает совместное владение генерирующими и

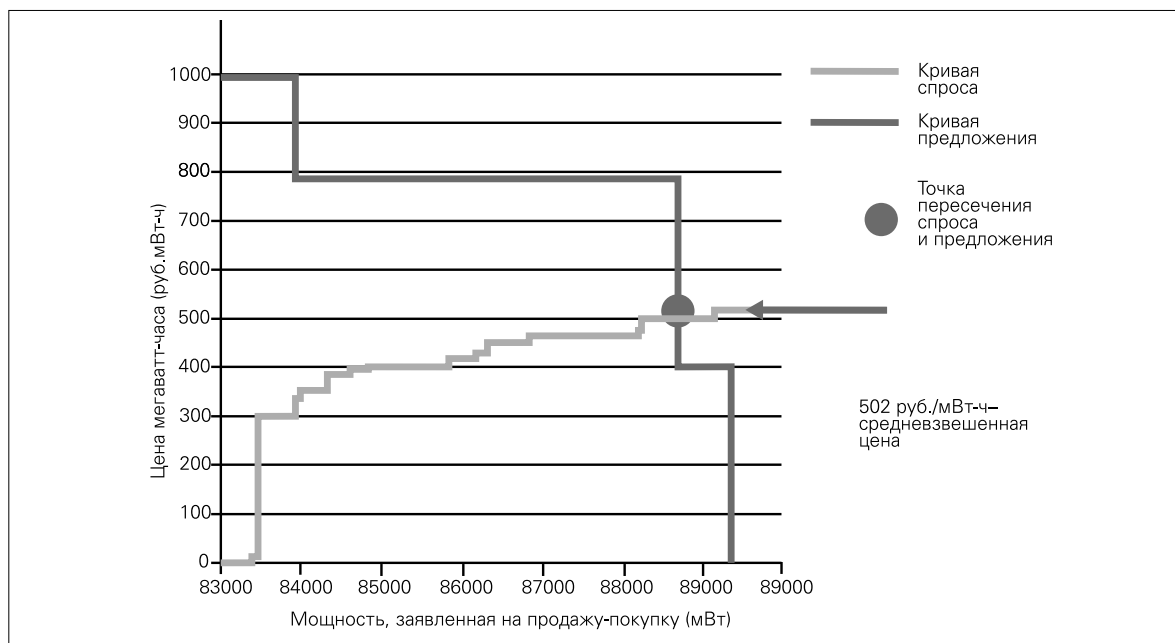

Рисунок 4.

Узловое ценообразование на оптовом рынке электроэнергии. Первая ценовая зона — Европа и Урал. Пиковый час рабочего дня (март, 2008 г.)

сетевыми активами. Поэтому в принципе не обоснован и тезис о том, что приобретение ОАО «Газпром» генерирующих активов воспроизводит структуру РАО «ЕЭС России».

Более серьезные опасения вызывает потенциальная возможность ОАО «Газпром» манипулировать поставками газа, чтобы обеспечить привилегированное положение подконтрольным компании электростанциям. В реформированной энергетике скрытно осуществить такие действия, затрагивающие интересы десятков собственников, невозможно. В рамках антимонопольной политики у государства есть инструменты противодействия и этому риску. Здесь, как и в предыдущем случае, ключевым будет наличие политической воли для их применения.

Обсуждается **риск возникновения дефицита газа** для предприятий электроэнергетики. Это серьезная тема, она требует отдельного исследования. Отметим лишь, что автор настоящей работы относится к числу тех, кто считает, что стратегию развития российской газовой отрасли необходимо переориентировать на существенное возращение значения российского рынка.

Еще одну группу рисков можно назвать **«риски потери управляемости отрасли без РАО «ЕЭС России»**. Считаю, что связанные с этим опасения преувеличены. Новая структура управления отраслью построена на двух опорах — государственной и самоуправленческой.

Произошло разделение Министерства промышленности и энергетики на два министерства, которое активно поддерживало РАО «ЕЭС России». Министерство энергетики берет на себя государственные функции, которые ранее выполняло РАО «ЕЭС России». Государственное участие будет доминирующим в инфраструктурных компаниях — ФСК, СО и холдинге МРСК. Основным институтом рыночного самоуправления отрасли, имеющим законодательный статус, станет некоммерческое партнерство «Совет рынка». Оно будет представлять интересы и поставщиков, и потребителей.

Такая система управления, дополненная рынком и частной собственностью, способна обеспечить устойчивость электроэнергетики и эффективно развиваться.

Однако говорить, что все проблемы устранены, преждевременно. Возможный в принципе конфликт распределительных сетей со сбытовыми компаниями, с одной стороны, и с Федеральной сетевой компанией — с другой, может создать серьезную угрозу технологической целостности ЕЭС. На эту и ряд других проблемных точек новым структурам управления электроэнергетикой нужно будет обратить особое внимание.

Отдельная группа обсуждаемых рисков связана с **опасениями возможного срыва реализации инвес-**

тиционных программ новыми собственниками генерирующих компаний из-за перегруженности западных и российских производителей оборудования и нехватки квалифицированных строителей в стране.

С нашей точки зрения, эти опасения преувеличены. Мы не ожидаем массового срыва реализации проектов пятилетней инвестиционной программы холдинга.

Опасения, что планы по строительству новых объектов натолкнутся на технические проблемы, связанные с нехваткой оборудования и дефицитом кадров, также не беспочвенны, но представляются преувеличенными. Разумеется, эта опасность может стать реальной, если отечественный рынок будет закрыт для зарубежных производителей. То, что некоторые российские энергомашиностроительные компании попытаются этого добиться, очевидно.

Но российские власти не обречены делать столь грубые ошибки в экономической политике.

По данным на апрель 2008 года, из 57 строящихся РАО «ЕЭС России» энергообъектов, только на 14-ти будет смонтировано исключительно иностранное основное оборудование. На 14 объектах зарубежные агрегаты будут работать вместе с российскими, а 29 проектов полностью оснащаются российской техникой. Так без всяких запретных мер обеспечен приоритет отечественного товаропроизводителя на рынке энергомашиностроительного оборудования.

В числе победивших зарубежных производителей: Siemens, General Electric, Alstom, Mitsubishi, спрос на продукцию которых в мире высок. Это отражается и на стоимости поставляемого оборудования.

Весной 2008 г. на российский рынок впервые вышли и победили в конкурсе на строительство угольного блока 660 МВт на Троицкой ГРЭС китайские производители энергомашиностроительного оборудования

Выход китайских производителей на российский рынок открывает серьезные возможности как для сдерживания цен на продукцию энергомашиностроительной отрасли, так и для удовлетворения потребностей инвестиционной программы в электроэнергетике России.

Дефицит рабочей силы, о котором говорят оппоненты, можно покрыть, российскими специалистами (заранее подготовив их),и , при необходимости, — рабочими из других стран.

Было бы наивно считать, даже на фоне приведенных аргументов, что инвестиционная программа на 2008–2012 годы по всем объектам будет выполнена на 100%. Организационные и финансовые сбои при реализации задач такого масштаба неизбежны, тем более, когда решать их приходится впервые в истории страны.

В новой ситуации принципиально важным будет способность придать этой работе необходимый приоритет и обеспечить ее государственной поддержкой и контролем. Если это произойдет, мы считаем реалистичным исполнение инвестпрограммы на 2008 — 2012 годы на 80 — 100%.

ОБ ИЗБЫТОЧНОСТИ ПРОГРАММ

Некоторые эксперты высказывают противоположные опасения. Они говорят о том, что прогноз электропотребления завышен, а инвестиционная программа избыточна.

Обратимся к цифрам. Согласно генеральной схеме размещения объектов энергетики до 2020 года, на первую пятилетку 2006–2010 годов заложен темп роста годового энергопотребления по России на уровне 4,8%, на 2010–2012 годы — 3,8%. Таким образом, среднегодовой плановый темп прироста энергопотребления на период осуществления инвестпрограммы на 2008–2012 годы составит около 4,4%.

Что происходило в действительности? За последние 2 года и 5 месяцев (то есть за период с 2006 по май 2008 года) среднегодовой прирост энергопотребления —

3,7%. Из чего складывался этот показатель? Прирост энергопотребления за 2006 год составил 4,4%. Затем, в 2007 году этот показатель составил всего 2,3%, что объясняется аномально теплой зимой. Однако уже за пять месяцев 2008 года, не смотря на то, что температура наружного воздуха в этот период была значительно выше среднегодовых значений, спрос на электроэнергию увеличился на 4,5%. Таким образом, реальный рост энергопотребления лишь незначительно отстает от прогнозных показателей, на которых базируется пятилетняя инвестиционная программа Холдинга РАО «ЕЭС России».

Специалисты, критикующие менеджмент энергохолдинга за избыточность нового строительства, не учитывают того, что оно покрывает среднегодовой прирост выработки электроэнергии лишь в объеме 3,3%. Остальную часть прироста придется покрывать за счет роста коэффициента использования существующих мощностей.

Кроме того, ввод новых современных станций открывает возможность демонтажа старых неэффективных энергетических мощностей. Поэтому мы не видим реального риска «переинвестирования» в российскую энергетику при реализации предложенной программы в обозримом будущем.

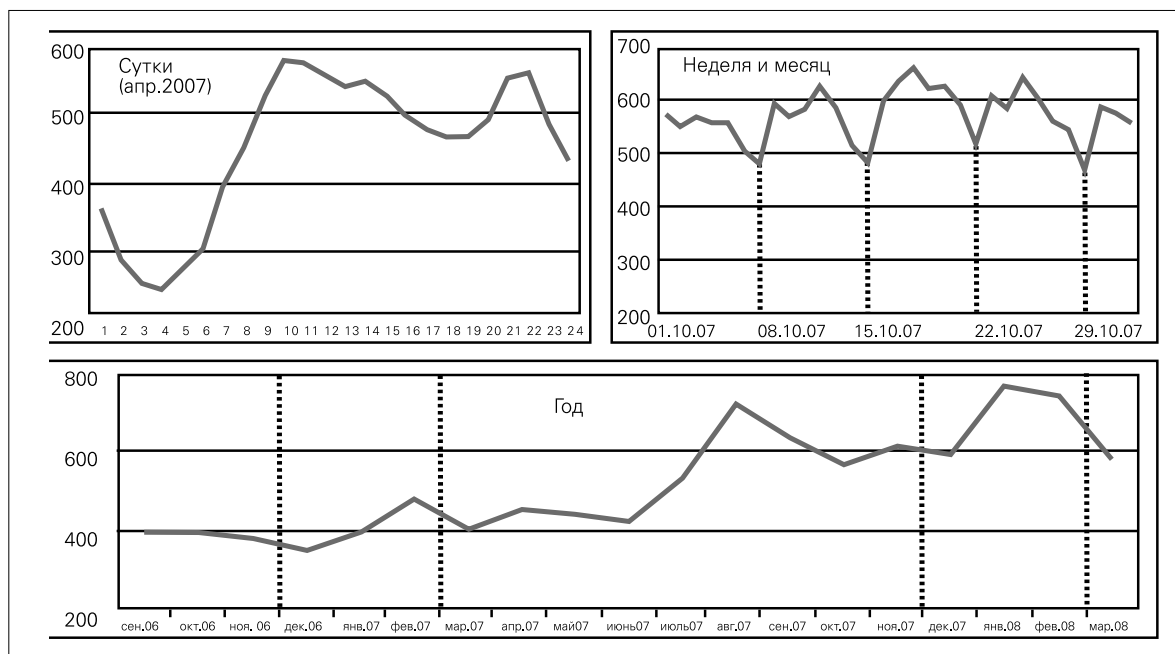

Рисунок 5.

Динамика цены на электроэнергию в зависимости от спроса и предложения (сутки, неделя-месяц, год), руб./мвт-час.

Помимо названных, существуют риски, связанные с несовершенством и неотлаженностью новой системы рыночных взаимоотношений. Конечно, на этом этапе сложно их все предугадать, но некоторые — уже просматриваются.

Нет уверенности, что при возникновении задолженности конечных потребителей или сбытовых компаний будет оперативно обеспечено давление на неплательщика вплоть до введения ограничений поставок электроэнергии. Есть риск, что такая задолженность не будет локализована в месте возникновения и по цепочке перейдет на распределительные, а возможно и магистральные сетевые и генерирующие компании.

В случае, если такие проблемы возникнут не точечно, а в целом регионе (такая опасность существует в первую очередь на Северном Кавказе), рынок может отреагировать неадекватно. Риски такого рода следует отнести к серьезным. Новым органам управления энергетикой необходимо к ним готовиться. Например, отработать процедуру замены сбытовой компании — гарантирующего поставщика, которая на сегодняшний день практически не опробована.

ЦЕНОВОЙ РИСК

Существует еще один риск — ценовой. Он начал обсуждаться только в последнее время. Однако причины его возникновения до сих пор никем не систематизировались и глубоко не анализировались. Между тем, этот риск следует отнести к числу значимых, тех, которые могут оказать большое влияние на выполнение инвестиционной программы.

В последние полтора года совпали три процесса, которые будут влиять на ценовые факторы, связанные с инвестициями в энергетику. Первое — инвестиционная программа РАО «ЕЭС России», сформировавшая масштабный спрос на оборудование, в рыночных условиях естественно вызвала рост цен. Второе — мировой рост цены вводимого мегаватта в 1,8–2 раза за последние три года,

который никак не связан с процессами, происходящими в электроэнергетике России. И, наконец, третий фактор — мировой финансовый кризис.

Воздействие этих факторов неизбежно приведет к увеличению цены вводимого в России мегаватта мощности. Значит, должен увеличиться и общий объем средств направляемых на реализацию инвестиционных проектов. Основные источники финансирования инвестиционных программ генерирующих компаний — средства частных инвесторов, привлеченные за счет дополнительных эмиссий и заемные средства. **ОГК и ТГК придется наращивать объем заимствований.** Делать это придется в условиях мирового финансового кризиса, в числе последствий которого рост цен на заемные средства и снижение доступности кредитов.

Новый «киотский» период вступает в силу с 2012 года, как и новые правила по контролю за CO₂, что также приведет к удорожанию стоимости вводимых генерирующих мощностей.

Что делать?

Конечно, в регулировании процессов такого масштаба нужно участие государства, однако в наших реалиях вероятность его позитивного влияния сопоставима с вероятностью негативного. Ответ на этот вопрос дает сама реформа электроэнергетики. У рынка есть фундаментальное свойство — он позволяет справедливо распределить дополнительные затраты между потребителем и поставщиком. Не менее важно, что будет развиваться реальная конкуренция, которой в электроэнергетике никогда не было. Она также будет сдерживать рост цен.

Сложность и масштабы осуществленных в энергетике России за последние 10 лет преобразований, значимость самой отрасли позволят сделать системные и полные выводы о результатах преобразований не ранее, чем через 3–5 лет. Вместе с тем, очевидно, что сопоставление рисков неосуществления реформы с рисками ее последствий позволяет говорить о том, что преобразования были необходимы. ■■■

ПЕРСПЕКТИВЫ ДУАЛИЗМА

Очерк политической трансформации

Андрей МЕДУШЕВСКИЙ

Формально смешанная республика (президентско-парламентская), российская политическая система действует на практике как президентская или даже сверх-президентская модель. Однако, концепция существования в России некоторого аналога смешанной системы делает оправданной дискуссию о возможности постепенного перехода от одной ее модификации к другой — от системы с абсолютным доминированием президентской власти к президентско-парламентской или парламентско-президентской модели.

Современные дискуссии о трансформации политического режима в России актуализировали, поэтому, вопрос о перспективах дуалистической системы правления (1).

1. ПОСЛЕ ВЫБОРОВ. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОЖИДАНИЯ. ИХ ПРИРОДА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Возможность корректировки системы разделения властей в направлении парламентско-президентской системы становится теоретически возможной в результате получения партией «Единая Россия» абсолютного большинства мандатов на выборах в Государственную Думу 2007 г. Это открывает, по мнению ряда экспертов, перспективы формирования ответственного партийного (или коалиционного) правительства, которое перестает быть «техническим» и сохраняется у власти до

тех пор, пока располагает поддержкой парламентского большинства (2).

Данный подход актуализирует концепцию правового государства, отстаивавшуюся классическим русским либерализмом на рубеже XIX–XX вв., выдвигавшим идею «ответственного правительства» в борьбе с самодержавием и видевшего разрешение конституционного конфликта в переходе к парламентской монархии (английского типа) или парламентской республике (по образцу Третьей французской республики) (3).

Позднее, правда, основным ориентиром стала модель смешанной республики, реализованная в Веймарской конституции. Вектор современной реформы

при таком ее понимании — определяется ориентацией на аутентичную модель смешанной республики, реализованную в французской конституции Пятой республики 1958 г.

Эта реформа, не требует, по мнению ее сторонников, существенных изменений текста российской конституции и может (теоретически) осуществиться путем ее преобразования — пересмотра конституционного законодательства (в частности, закона о правительстве).

Преимущество этой системы — в ее гибкости. В конечном счете функционирование подобной модели на практике зависит не столько от конституционных норм, сколько от расстановки сил: есть в распоряжении президента парламентское большинство или нет. В зависимости от этой расстановки вся система *попеременно* функционирует как парламентская или как президентская (поэтому и возможны различные трактовки смешанной формы — в пользу парламента или президента). Недостаток такой системы — в сохранении и воспроизводстве «двойной легитимности», то есть потенциального конфликта между президентом и премьер-министром, (и сил за ними стоящими), особенно если они принадлежат или опираются на разные партии (это, вероятно, одна из причин того, что данная схема была отвергнута при разработке Конституции в 1993 г.).

Движение в направлении дуализма в принципе создает, казалось бы, механизмы реализации ответственности правительства перед парламентом и означает перераспределение фактических властных прерогатив президента и премьер-министра в пользу последнего.

Однако, как данная система может *реально* заработать в России с учетом произведенных изменений избирательной системы, перегруппировки политических партий и вытеснения оппозиционных партий из политического спектра, а также целенаправленного выстраивания властной вертикали?

Для ответа на этот вопрос необходимо выяснить: что такое дуалистическая система, каковы ее содержание и типология в сравнительной перспективе; каков механизм отношений президента и правительства в дуалистических системах и от каких факторов зависит распределение власти между ними; чем объясняется выбор дуалистической формы правления в политических системах переходного типа; в частности, как функционирует дуалистическая система в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы; и что показали эксперименты с дуалистической системой в странах постсоветского региона; наконец, какова специфика российского политического режима и насколько он вписывается в предлагаемые интерпретации; ка-

ковы, исходя из этого, временные границы возможных корректировок российского политического режима и их просчитываемые следствия на современном этапе. При анализе этих проблем важно руководствоваться не только обращением к конституционным нормам, но и функциональным анализом политической реальности.

2. ДУАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: СОДЕРЖАНИЕ И МЕСТО В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В отличие от монистической системы правления (в форме абсолютной монархии, парламентской или президентской республики), дуалистическая система предполагает существование смешанной формы правления (в виде дуалистической конституционной монархии, различных вариантов президентско-парламентской и парламентско-президентской республик) и, соответственно, феномен разделенной исполнительной власти, носителями которой становятся президент и премьер-министр. Дуалистическая система представляет собой исторически реализованный компромисс между двумя крайностями — парламентской и президентской системами.

Ее первой исторической формой стала дуалистическая конституционная монархия, ставшая альтернативой абсолютистским монархиям, с одной стороны, и парламентским монархиям, с другой. Полупрезидентский режим, выступивший современным вариантом данной конструкции, обладает сходными характеристиками и в идеальной форме имеет следующие параметры: избрание президента республики всеобщим голосованием; наделение его достаточно значительной властью; введение в качестве *противостоящей* ему силы премьер-министра и министров, наделенных исполнительной правительственной властью; при этом правительства есть возможность оставаться у власти только если парламент не противостоит ему (4).

Первыми примерами смешанного режима принято считать Веймарскую республику в Германии (конституция 1918 г.) и Финляндию по конституции 1919 г. Однако наиболее четко данная форма правления оказалась представлена во Франции периода Пятой республики, где она была закреплена в Конституции 1958 г. и получила теоретическое осмысление в литературе по конституционному праву (5).

Исторические обстоятельства возникновения данной формы правления во Франции очень важны, поскольку показывают логику ее конструирования. Смешанная система во Франции в ее классической голлистской

форме возникла как попытка выйти из тупика режима ассамблеи Третьей и Четвертой республик, ведшего к слабости и неэффективности исполнительной власти. Следствием этой слабости являлось циклическое чередование демократических и авторитарных режимов (6). Стремление ввести смешанную систему и модель рационализированного парламентаризма означало, следовательно, **движение от слабой исполнительной власти к более сильной**. Де Голль был сторонником сильной президентской власти. Он не мог, однако, ввести ее в классической американской форме по трем причинам: из-за исторических опасений, связанных с бонапартизмом; из-за конституционных ограничений, которыми был обставлен его приход к власти и, не в последнюю очередь, из-за опасений политического раскола между президентом и парламентом, который в истории страны часто разрешался конституционными переворотами.

Эти исторические особенности возникновения французской модели показывают ее компромиссный характер и, одновременно объясняют логику ее последующего функционирования — многое было оставлено недоговоренным (в частности, отношения президента и премьер-министра были урегулированы нарочито неопределенно); многое было выведено из поля юридического контроля в область политических договоренностей (между партиями, участвовавшими в конструировании системы); многое регулировалось позднее по линии семантических уточнений (напр., известное понятие «арбитража»); наконец, очень многое зависело от личности самого Де Голля. В результате, как справедливо отмечал Ж.Ведель, конституция — эта «девушка метаморфоз», — принесла стабильность не потому, что давала исчерпывающее регулирование соотношения властей, но потому, что открывала место практике и интерпретации (7).

Именно гибкостью политического класса Франции (и партий) объясняется стабильность и одновременно возможность различных интерпретаций дуализма президента-премьер-министра, который в разное время наполнялся различным (вплоть до противоположного) содержанием — от авторитарной голлистской вертикали власти до сосуществования президентов и премьеров от разных партий. Следовательно, сама эта модель не исключает двоевластия и разделенного суверенитета, не исключает возможности конфликта президента и премьер-министра и не обеспечивает монистической легитимности (поскольку и президент и парламент избираются на всеобщих выборах). Успешность ее действия во Франции объясняется стабильностью партий и демократизацией общества в целом. Без этих факторов результат может быть совершенно иным.

История парламентских демократий XX в. (в России, Италии, Германии, Испании, странах Центральной и Восточной Европы и на Балканах) демонстрирует основные возможные технологии радикальной трансформации конституционной системы, которые сочетают как прямое насильственное разрушение демократических институтов, так и создание квазидемократических институтов, возможности направленной политической трансформации конституции без изменения ее текста (8). Данная практика радикальной конституционной трансформации политическими методами оказалась востребована в XX в. самыми разнообразными политическими режимами — от однозначно тоталитарных до авторитарных и даже близких к демократическим (так называемые режимы «ограниченной демократии»), определив появление в современном мире особой «серой зоны» — режимов, политико-правовую систему которые нельзя однозначно определить как авторитарную или демократическую (9). Она получает название «квази-конституционализма» «пара-конституционализма», или конституционализма, находящегося «в становлении», поскольку, в силу неопределенности ситуации, он может функционировать по-разному и эволюционировать в диаметрально-противоположных направлениях (10). В современной российской политической публицистике обращение к опыту подобных ситуаций в истории становится одним из направлений анализа трансформации дуалистического политического режима, в котором критики усматривают движение к авторитаризму — появление т.н. «демократии с прилагательными», напр., «ограниченной демократии», «направляемой демократии», «суверенной демократии».

3. ПРЕЗИДЕНТ И ПРАВИТЕЛЬСТВО В ДУАЛИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ: РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ И ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЙ

Современная типология дуалистических (смешанных) форм правления включает значительное разнообразие вариантов, от близких к парламентским (парламентско-президентский режим) до почти президентских (президентско-парламентский режим «республиканской монархии»). В литературе существуют различные типологии полупрезидентских систем. Одна из них группирует эти системы в соответствии с правовыми параметрами разделения властей: на режим с президентом — номинальным главой государства (Австрия, Ирландия и Исландия); режим с сильным президентом (Франция) и режим, отвечающий представлению о балансе между президентом и правительством (Веймарская

республика, Финляндия, Португалия). Другая типология отражает механизм власти и функционирования: данные системы подразделяются на те, которые действуют как парламентские (Австрия, Исландия и Ирландия); как президентские (Франция в периоды отсутствия сосуществования) и системы, характеризующиеся разделением власти между президентом и премьер-министром (напр., Финляндия после второй мировой войны, где президент отвечает за внешнюю политику, а премьер-министр за внутреннюю). Наконец, ряд современных типологий выстраивает эти системы по линии организации лидерства в них: доминирует ли в нем президент (Россия); премьер-министр (Австрия), или система допускает чередование, когда на одном этапе доминирует президент, а на другом премьер-министр и парламент (Франция) (11).

Действительно, функционирование механизма разделения властей во французской системе проделало определенную эволюцию. В предшествующий период (при Третьей и Четвертой республиках) полнота реальной исполнительной власти сосредотачивалась в руках премьер-министра, а президент выполнял церемониальные функции. На смену этой конструкции «режима ассамблеи», Конституция 1958 г. вводила «бицефальную» модель исполнительной власти, при которой она разделялась между президентом и премьер-министром. Соответственно в аутентичной французской модели существует два сектора административной компетенции — главы государства и правительства, которые разделяются по линии того, кому (президенту или премьер-министру) принадлежит верховная власть принятия решений. В исключительных обстоятельствах, однако, президент сосредотачивает всю полноту государственных полномочий и становится верховной и единственной административной властью. Это происходит в случае угрозы независимости государству или нарушения нормального функционирования властей. В этих случаях президент после различных консультаций, которые, впрочем, его не связывают, может «осуществлять функции «диктатора» в римском понимании слова» (12).

Действующая конституция Франции изначально предполагала ряд возможных интерпретаций конституционных положений о разграничении полномочий президента и премьер-министра (и, соответственно их аппаратов). Согласно первой интерпретации, в отношениях между президентом и премьер-министром установлено разграничение административных полномочий: президент сохраняет превосходство, которое вытекает из его конституционных прав и особой легитимности, рожденной выборами всеобщим голосованием. Но премьер-министр имеет свободу действий в том, что

касается руководства правительством, влияния на администрацию, руководства парламентской работой и хода публичных дел. Согласно второму типу применения, правительство — лишь отражение мысли и действий президента, группа исполнителей управленческих задач и во многом — передаточный механизм между решениями, принятыми наверху и парламентскими ассамблеями, или общественным мнением. На разных этапах доминировали разные прочтения Конституции (13).

В ходе редактирования проекта Конституции Пятой республики прослеживалась тенденция роста полномочий президента (глава армии, промульгация законов и подписание декретов, полномочия в чрезвычайных условиях). Сюда относится трактовка назначения премьер-министра как включающая и право его отзыва президентом. Центральной темой дебатов в этой связи стал вопрос об отношениях президента и правительства, в частности, вопрос о возможности для президента смещать премьер-министра. Вопрос о том, может ли президент смещать премьер-министра интерпретировался первоначально в положительном смысле (считалось, что власть назначать подразумевает и власть отзывать). Длительное время данный вопрос оставался не прояснен в теории, но был решен на практике. Ключевую роль имело при этом наличие или отсутствие парламентского большинства у президента (14).

В последующее время, особенно с принятием направленных конституционных поправок, система эволюционировала в направлении парламентаризма — расширения полномочий премьер-министра за счет соответствующего ослабления полномочий президента. Этому способствовали конституционные поправки, отменившие существенные ограничения парламентаризма предшествующего периода (жесткая трактовка «рационализированного парламентаризма»), развитие роли политических партий, а также институт контрасигнатуры. Таким образом, в действительности формальная ответственность премьер-министра перед Национальным собранием заменила реальную ответственность перед Президентом республики.

4. ВЫБОР ДУАЛИСТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ.

Выбор формы правления — центральная проблема конституционной инженерии переходных политических режимов. Конституционная модель Пятой республики оказалась привлекательна для многих политических систем переходного типа, но по разным при-

чинам. С одной стороны, она стала актуальна для стран, которые исторически имели парламентский режим или первоначально усматривали в нем лучшую форму правления (в виде, напр., Вестминстерского парламентского режима), но затем столкнулись с его неэффективностью и необходимостью радикальных изменений в направлении президентских форм. Голлистская модель становилась ориентиром в условиях демократического перехода в странах Южной Европы и Средиземноморья, определив заимствования в ряде стран (как Греция и Португалия) некоторых элементов смешанной формы правления. Конституция Греции 1975 г., принятая после свержения диктатуры «черных полковников», закрепляла первоначально президентско-парламентскую форму правления, наделяя президента достаточно весомыми полномочиями, в частности, по назначению премьер-министра (который, однако, должен был пользоваться доверием парламента); право объявлять референдум (даже при несогласии с этим правительства); право роспуска парламента и отставки правительства, а также приостановления в чрезвычайной ситуации действия определенных норм своими указами. Эти полномочия, однако, были меньше, чем у французского президента, что объяснялось общим стремлением к демократизации политического режима после диктатуры. (15). Уже вскоре, поэтому, Греция осуществила конституционную реформу (1986 г.), предприняв переход от президентско-парламентской системы к парламентской: роль президента республики в дальнейшем была сведена к роли арбитра с атрибутами, соответствующими главам государств режимов, входящих в категорию монистического парламентаризма. В результате, власть переместилась от одного полюса (президента) к другому (премьер-министру) и последний стал чрезвычайно могущественным. Смешанная (президентско-парламентская) форма правления была закреплена в действующей конституции Португалии (1976 г.), принятой после свержения диктатуры и трансформированной затем серией радикальных поправок (16).

Дуалистическая система была положена в основу проекта Конституции Европейского Союза, процесс ратификации которой планировалось завершить к 2006 г. (что не состоялось из-за провала референдумов в ряде стран) (17). Конституция Турции 1982 г., принятая в результате последнего переворота, отказалась от ранее существовавшей модели Вестминстерской системы и вводила смешанную систему («рационализированный парламентаризм», где президент, избираемый парламентом, перестал быть чисто символической фигурой, обрел существенные властные полномочия и функционирует как «брокер власти в политической игре» (18). Прези-

дент является безответственным в политическом и правовом отношении, но при этом выступает как реальный политик. Премьер-министр и кабинет министров несут правовую ответственность перед парламентом. Президент и премьер отнюдь не всегда одобряют следование одному политическому курсу, иногда вступают в противоречия и столкновения по важным вопросам. Кооперация между президентом и премьер-министром становится проблемой, особенно если они — из разных партий или даже из разных фракций внутри одной партии.

С другой стороны, **смешанная форма правления** может вполне сочетаться с сохранением авторитарного политического режима или, во всяком случае, не исключает такого почтения (восходящего исторически к Принципату Августа и с режиму Первого консула во Франции). Наиболее показательный пример — тот тип разделения властей, который существовал в Португалии в период диктатуры (Конституция 1933 г.), обладавший несомненным формальным сходством с тем, который позднее был реализован во французской Пятой республике (на этом основании некоторые полагали, что голлистская модель была заимствована из Португалии). Президент получал значительную власть — назначать и смещать президента Совета министров и самих министров, распускать Национальное собрание или совещаться с этими конституционными властями. Однако Президент, номинально избиравшийся нотаблями (после отмены всеобщих выборов), понимал, что их выбор зависел от воли премьер-министра.

Таким образом, правительство, а фактически его глава (которым являлся Салазар), обладавший общей компетенцией контрассигновать акты Президента республики и конституционно уполномоченный исполнять законы и предписания публичной администрации, стал доминирующим институтом режима, назависимым по отношению к Ассамблее, перед которой он не был ответственным, но скорее являлся (по отношению к ней) обладателем ограниченной законодательной власти. В течение длительного консульства доктора Салазара в качестве президента Совета министров соотношение власти менялось, т.е. сокращалась власть президента республики в пользу правительства. Правительство и президент Совета министров несли ответственность за общую политику только перед президентом республики, но не перед Национальным собранием. Наряду с президентом республики ключевую роль играл президент Совета, поэтому, согласно такому теоретику и практику режима, как Марсело Каэтано, данную систему можно определить как биполярную исполнительную власть — «президентство о двух головах» («presidencialismo bicefalo»),

хотя на практике это был скорее «президентализм премьер-министра» («presidencialismo de primeiro-ministro»)(19).

Влияние французской модели в конституциях исламского мира сочетается с сохранением лидирующей роли духовенства. Примером может служить конституция Иранской революции 1979 г., которая была сконструирована (еще в проекте Базаргана) по образцу конституции Пятой республики Де Голля (а вовсе не на основе идей раннего халифата). Конституция фиксировала дуалистический механизм разделения властей: наделяла правительство исполнительной властью, вводила президента, наблюдавшего за высоко-централизованным государством, судебную власть с прерогативами назначать региональных судей и наблюдать за их приговорами и национальный парламент, избранный на основе всеобщего избирательного права взрослого населения. Однако эта конструкция получала совершенно иную интерпретацию в силу идеологии режима и практики его функционирования, которая придавала режиму фундаменталистский характер (20).

Наконец, дуалистическая система французского образца актуализировалась для государств, которые стремились реализовать американскую модель президентского режима, но, в условиях отсутствия системы сдержек и противовесов, свойственных конституции США, вынуждены были модифицировать ее в направлении парламентаризма с целью предотвращения исключительной концентрации власти в руках главы государства (страны Латинской Америки и Азии). Поиски в этом направлении были представлены в странах Латинской Америки, где имели место попытки скрестить президентскую модель американского типа с ее ограничениями по линии смешанных форм (например, в Бразилии, Чили, Аргентине переходного периода). В этой перспективе интересен пример эволюции президентской системы Мексики. Реальное различие между Мексикой и другими президентскими системами Латинской Америки всегда состояло в природе партийной системы, которая основывалась на отсутствии состязательности политической системы. В «классический период» Мексика имела квазиоднопартийную систему, гарантировавшую большинство президентской партии. Это, в сочетании с чрезвычайно высокой степенью дисциплины, которая являлась результатом наличия сильной пропрезидентской партии, выражалось в балансе властей, который благоприятствовал исполнительной власти до такой степени, что автономные действия Конгресса фактически сводились на нет. Открытие политико-электоральной системы в конце XX в., ведущее к ее демократизации, приводило к изме-

нению функционирования системы разделения властей (21). Данный процесс завершился либерализацией режима, осуществленной серией последовательных избирательных и конституционных реформ, расширивших политический и партийный плюрализм, роль судебной интерпретации конституции и ограничивших, тем самым, формальные и реальные прерогативы президентской власти.

В целом, ориентация различных режимов на дуалистическую модель разделения властей (Пятой республики) оказалась на пересечении различных (даже противоположных) устремлений современных конституционалистов. Она стала восприниматься как наиболее адекватное выражение стремления к конституционной модернизации при сохранении стабильности и эффективности власти.

5. : НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ИЛИ АВТОРИТАРИЗМ? ДУАЛИСТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Основной функцией дуалистической системы в условиях постсоветского переходного периода являлся поиск среднего пути между конституционной нестабильностью и авторитаризмом. В Центральной и Восточной Европе доминирующей стала тенденция к парламентаризму. В переходный период в значительной части стран рассматриваемого региона утвердилась форма парламентской республики (Албания, Венгрия, Латвия, Словакия, Чехия, Эстония), причем в форме, близкой к германской модели рационализированного парламентаризма (где президент избирается парламентом). Выбор парламентского режима объясняется следующими причинами: во-первых, исторической традицией ряда государств, где существовала парламентская монархия (и сформировались основы парламентского режима); во-вторых, влиянием опыта государств Южной Европы (особенно Испании), где демократический переход сопровождался установлением парламентских режимов в форме конституционной монархии или республики (как это было в Португалии и Греции после принятия поправок). В-третьих, стремлением противопоставить коммунистической централизации власти — ее децентрализацию; в-четвертых, плюрализмом партий (которые в переходный период не могли договориться и нуждались в коалиционном правительстве, для которого больше подходит парламентаризм); в-пятых, возможно, надеждами (отчасти оправдавшимися) номенклатуры, вернуть утраченные позиции и привилегии путем получения парламентского большинства.

Наряду с парламентским режимом в странах региона представлен режим смешанной республики, который, сочетая элементы парламентской и президентской форм, дает различные их комбинации. Одна часть смешанных режимов (Болгария, Словения) приближается (по характеру функционирования) к парламентскому (поскольку решающая роль в проведении политического курса отводится премьер-министру). Другая (Литва, Польша, Румыния) — тяготеет к президентскому (поскольку президент оказывает решающее влияние на правительственную политику). Эта типология, впрочем, признается достаточно условной, поскольку реальное функционирование властей основано не только на правовых нормах, но и на устойчивых традициях.

Соотношение правовых и политических параметров, влияющих на выбор формы правления, может быть раскрыто на примере Польши, ряд конституций которой (1921, 1935, 1952, 1992) последовательно меняли соотношение властей в пользу парламента (премьер-министра) или президента. В начале переходного периода («Апрельская поправка» 1989 г. и «Малая конституция» 1992 г.) доминировала идея сильной президентской власти (в рамках голлистской концепции рационализованного парламентаризма), позволявшая президенту действовать достаточно автономно. Позднее, однако, эта система была отвергнута. Конституция 1997 г., разрабатывавшаяся Сеймом, последовательно проводила принцип парламентской республики, в ходе ее создания предпочтение несомненно отдавалось известным моделям парламентаризма. Наиболее существенной чертой института президентства стало требование контрагиснатуры, закреплявшее ведущую роль Председателя Совета Министров в правительстве и его независимый статус во взаимоотношениях с президентом. Политическое влияние президента определяется отныне его взаимоотношениями с парламентским большинством и главой правительства, а равно степени внутренней стабильности парламентского большинства. Президент утратил свое право контролировать назначения на должности министров национальной обороны, внутренних дел и иностранных дел (которые были закреплены за ним ранее). Реальным главой правительства по новой конституции стал не президент, а Председатель Совета Министров. Следует отметить, однако, что эти изменения не привели к отказу от смешанной формы правления французского образца: польская конституция, как и французская, закладывает основу двойной легитимности (как и парламент, польский президент избирается путем всенародного голосования, а следовательно, сохраняет значительный объем легитимности) (22).

В большинстве стран постсоветского региона, обрзовавшихся в результате крушения СССР, доминирующая тенденция была другой и состояла в принятии той специфической модели дуалистической системы, которая характеризовалась абсолютным приоритетом президентской власти и была закреплена в российской Конституции 1993 г. В последующее время оппозиция выступала с ее критикой и в качестве альтернативы предлагала переход к парламентской форме или к той модели разделения властей, которая соответствует классической французской схеме. С этим связаны попытки конституционных реформ, представленные в ходе «цветных революций», выдвигавших изменение формы правления едва ли не как центральный лозунг (23).

Для всего постсоветского региона характерен конфликт двух базовых ценностей переходного периода — демократии и сохранения стабильности. Эти страны балансируют между конституционной нестабильностью и авторитаризмом. Имеет место формирование двух концепций конституционных изменений — революционной, как на Украине и в Киргизии и эволюционной, осуществляемой путем авторитарной модернизации «сверху», как в Казахстане и других государствах. Принятие смешанной формы правления — нейтрально по отношению к этим стратегиям и связано не столько с поиском оптимальной модели, сколько с политическими предпочтениями постсоветских элит.

Дуалистические системы, как было показано, вообще характеризуются известной правовой неопределенностью в регулировании отношений президента и правительства, которые не могут быть четко зафиксированы уже в силу их постоянной изменчивости (наличия или отсутствия парламентского большинства у президента), а также предоставления определенного простора практике и политической импровизации (24). В постсоветском контексте эта неопределенность еще более возрастает в силу отсутствия традиций парламентаризма и многопартийности, ориентации общества не на формальные институты, но на лидеров.

В целом данные конституционные реформы отражают скорее ситуацию мнимого конституционализма и не могут рассматриваться как реальное изменение политического режима.

6. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Споры о направлениях развития российской политической системы связаны во многом с отсутствием единства в интерпретации существующей формы прав-

ления. Российская форма правления, как неоднократно отмечалось, не может быть однозначно отождествлена ни с одной из классических моделей, т.е. не является парламентской, президентской или смешанной. В то же время она имеет формальное сходство со смешанной системой, объясняющееся доминирующим влиянием французской модели на Конституцию РФ 1993 г. Своеобразие трактовки смешанной формы правления, предложенной в постсоветской конституции России, а также принятых по ее образцу конституциях новых независимых государств (бывших союзных республик — Армении, Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Киргизии, Украины и др.) заключалось в том, что, взяв за основу французскую модель, они существенно модифицировали ее.

Главное отличие от смешанной формы (как она представлена в Веймарской республике, Пятой республике, а также в других многочисленных воспроизведениях) состоит в отсутствии реального парламентского контроля над правительством и возможности его роспуска посредством вотума недоверия. С одной стороны, Конституция РФ содержит положения, позволяющие интерпретировать российский политический режим как смешанный: это известные формулы о решении Государственной Думой вопроса о доверии правительству и даче согласия президенту на назначение председателя правительства (ст.103), а также ряд норм, регламентирующих и ограничивающих президента в использовании права роспуска нижней палаты — регламентация оснований роспуска и времени созыва вновь избранной Думы (ст. 109, 111, 117).

С другой стороны, Конституция отдает окончательное решение вопроса о судьбе правительства не парламенту, но президенту. Если Дума выразит недоверие правительству, президент может на выбор или распустить Думу или отправить в отставку правительство (ч.3 ст. 117). Правительство формируется и отправляется в отставку президентом и несет ответственность исключительно перед ним (ст. 83 и 111). В случае трехкратного отклонения Думой представленных президентом кандидатур председателя правительства, президент назначает его по собственному выбору (ст. 83, 109, 111 и 117), причем для этого уже не требуется согласие нижней палаты, которая распускается (ч.4 ст.111)(25).

Следовательно, в отличие от французской модели, решение вопроса об отставке правительства принимается исключительно президентом без участия Государственной Думы и безотносительно к выраженному ею доверию или недоверию правительству. Конфликт ветвей власти, в случае противостояния, завершится, скорее всего, роспуском парламента. Если прибавить

к этому ключевую роль президента в формировании и отстранении правительства даже в условиях отсутствия стабильного парламентского (или партийного) большинства, которое имело место в России и ряде других стран (и вполне вероятно в будущем в условиях пропорциональной избирательной системы), то очевидно, что президент в такой системе будет сохранять определяющую роль в конструировании исполнительной власти и определении направлений ее деятельности. Кроме того, в российской модели отсутствует такой ключевой элемент смешанной формы как контрассигнация президентских указов.

Данная конструкция власти, не содержащая тех систем сдержек и противовесов, которые присутствуют в аутентичных полупрезидентских и президентских режимах, вызывает, скорее, аналогию с системой дуалистической конституционной монархии, причем не включает и тех сдержек главы государства, которые присущи данной форме правления (в виде контрассигнации актов монарха премьер-министром). Возможно интерпретировать эту систему как «мнимый конституционализм», имея в виду особый этимологический смысл данного понятия в истории перехода от абсолютизма к правовому государству в форме конституционной монархии. Российская форма правления, следовательно, сохраняет большинство компонентов дуалистического режима с формальным и реальным доминированием президента в системе органов государственной власти. Характерной особенностью данной системы в ее российском издании является реальное преобладание главы государства, который, не будучи конституционно (в отличие от президента США) главой исполнительной власти, на деле осуществляет эти функции, продолжая традиции монархического и советского периодов. Возможно, здесь более уместно говорить о смешанной форме не в реальности, а скорее в потенции. Поэтому при внешнем сходстве со смешанной системой она в функциональном отношении не без основания определяется иногда как сверхпрезидентская система (учитывая, прежде всего, практически неограниченное указное право президента). Это, безусловно, переходная модель, которая может эволюционировать в разных направлениях и выражает неустойчивый баланс между демократией и авторитаризмом (26).

Теоретически возможно обсуждение трех стратегий ее реформирования: в направлении парламентской системы, классической президентской и смешанной. В случае перехода к смешанной системе в центре внимания оказывается обеспечение ее основных параметров: необходимо расширить прерогативы парламента, ввести

контрасигнатуру президентских указов, добиться введения ответственности правительства перед парламентом и возможность его отстранения в случае вотума недоверия. Для нестабильных государственных систем с дуалистической легитимностью и сильной президентской властью ключевое значение приобретает ограничение прерогатив главы государства по тем направлениям, которые могут быть использованы для смещения баланса властей в его пользу. Это — конституционный референдум, указное право и чрезвычайные полномочия.

7. ПОЧЕМУ РОССИИ НЕ ГРОЗИТ КОНСТИТУЦИОННОЕ ДВОЕВЛАСТИЕ?

Обсуждаемая в настоящее время корректировка российской системы, связанная с возможным перераспределением полномочий президента и премьер-министра, не затрагивает этих принципиальных положений. Она опирается на ту модель разделения властей, которая зафиксирована в действующей Конституции и, по-видимому, не предполагает ее корректировку. Новая конфигурация власти предстает, поэтому, не конституционной, но структурной или кадровой. Она включает новое прочтение конституционных норм о распределении полномочий между президентом и премьер-министром, в первую очередь между администрацией президента и правительством.

Внешне эта интерпретация выглядит как расширение полномочий правительства (ранее полностью зависимо от аппарата президента), которое становится не техническим, но профессиональным. Некоторые аналитики полагают, что отношения президента и премьер-министра могут строиться на основе биполярной конструкции власти: два одинаковых решения и две подписи под ними. Эти решения будут проводиться президентом с обязательным учетом позиции правительства. Таким же образом предполагается выстроить кадровые решения (напр., назначение губернаторов): премьер-министр вносит кандидатуру, а президент ее одобряет.

Следует подчеркнуть, однако, что юридические основания для такой трансформации режима не являются определяющими. Вся реформа осуществляется на основе добровольного делегирования полномочий от одного центра власти (президента) к другому (правительству и премьер-министру), а потому ее результаты основаны исключительно на экстраконституционных договоренностях (которые затем могут быть проведены законом о правительстве). Речь идет прежде всего о «перетекании кадровых ресурсов» и личных отношениях двух лидеров и их команд. Технологии фактического преобразования

Конституции без изменения ее текста уже были неоднократно апробированы современным политическим режимом по целому ряду направлений: общее сужение политического пространства (новое избирательное законодательство, регламентация политических партий и общественных организаций); переход от децентрализованной версии федерализма к централизованной (создание параллельного административно-территориального деления и переход к назначению губернаторов); корректировка механизмов разделения властей (путем создания мощной правительственной партии в нижней палате парламента, изменение порядка формирования верхней палаты и создания новых альтернативных внеконституционных институтов — Общественной палаты и Государственного совета).

Перераспределение полномочий между президентом и премьер-министром в этом контексте вполне реализуемо без конституционной реформы и отнюдь не ведет к «двоевластию» — противопоставлению премьер-министра, опирающегося на парламентское большинство и президента, как опасаются некоторые аналитики. Возможность «двойной легитимности» эффективно парализуется внепарламентскими (политическими) методами регулирования системы, напоминающими те, которые неоднократно реализовались в других режимах переходного типа. Если в парламенте доминирует одна «партия власти» (или даже ряд таких партий), а сама власть будет фактически выведена из-под правового контроля (что имело место в ряде стран в периоды реконституционализации), то не исключено превращение парламента в инструмент многолетнего господства одной правящей партии, наподобие режимов «Институционально-революционной партии» в Мексике, «Народной республиканской партии» в Турции, «Индийского национального конгресса» в Индии или «Либерально-демократической партии» в Японии, о которой критики говорят, что она не является ни либеральной, ни демократической, и, в то же время перестала быть партией в собственном смысле слова (в силу господства в ней патронажно-клиентелистских отношений). Но такое решение представляет собой лишь иное оформление авторитаризма — ведет к сужению пространства политических дебатов, коррупции и бюрократизации.

Корректировка политического курса и формирование корпуса ответственных политических деятелей, а также ротация их у власти (напр., попеременное занятие высших постов президента и главы правительства) производятся в системах такого типа вне парламентского контроля, в закрытом режиме, в лучшем случае путем внутриэлитного диалога, но не на основе конкуренции

политических партий, публичных парламентских дебатов и демократических выборов. Это ведет к резкому сужению рамок политического процесса, принятию решений в рамках узкой группы лиц, представляющих не столько конституционные институты власти, или даже парламентские кокусы, сколько привилегированные группы военной и гражданской администрации. Власть политической группы, персонифицированной в одном или нескольких лидерах, получает возможность удерживать, передавать и легитимировать свою власть, опираясь на экономические и административные ресурсы, информационные технологии, причем с формальным соблюдением конституционных процедур, но без сохранения реальных конституционных ограничений власти.

Вопрос об «ответственном правительстве», следовательно, не стоит на повестке дня, а новая система «сдержек и противовесов» опирается на фактическое перераспределение законодательных и административных полномочий двух центральных фигур политического руководства. Президент в этой конструкции сохраняет формальные конституционные полномочия по назначению и свержению правительства, но премьер-министр получает возможность (в качестве лидера партии, имеющей квалифицированное большинство для проведения конституционных поправок) добиться в случае необходимости изменения Основного закона. Ключевое значение для перспектив данной конструкции имеет решение проблемы кадрового потенциала и политического лидерства — определение того, кто об-

ладает правом окончательного решения внутри тандема (независимо от формальной структуры распределения полномочий).

Эти реформы отражают трансформацию политической системы в направлении дуального (параллельного) конституционализма. Это не дуализм власти, но дуализм оформления власти — конституционный параллелизм как способ интерпретации основного законодательства. Возможными негативными следствием этих изменений могут стать: развитие параллельных структур (дублирование функций двух аппаратов), ослабление конституционных механизмов разделения властей (за счет выведения принятия решений из формальных в неформальные процедуры или практики делегирования полномочий тем или иным новым структурам) и бюрократизация режима (то, что определяется некоторыми как «застой»).

* * *

Отсутствие конституционного дуализма вовсе не исключает дуализма политического. Конфликт по линии разделения властей может трансформироваться в конфликт по линии элитных групп, способных использовать формальные параметры системы разделения властей для легитимации своих интересов. К позитивным сторонам этой трансформации можно отнести, вероятно, саму возможность постановки вопроса об ответственном правительстве, что в перспективе не исключает дискуссии о переходе к полноценной президентско-парламентской системе. ■■■

Примечания:

1. Пробелы в Российской Конституции и возможности ее совершенствования. М., 1998; Конституция как фактор социальных изменений. М., 1999; Конституционный Суд как гарант разделения властей. М., 2004; Реформа государства // Отечественные записки, 2004, № 2; Конституция России: испытание практикой // Сравнительное конституционное обозрение. 2008, № 2;

2. Конституционное развитие России. Задачи институционального проектирования. М. 2007.

3. Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России. Спб., 1906; Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав // Собр.соч. Т.4; Ковалевский М.М. Общее конституционное право. Спб., 1908; Коркунов Н.М. Русское государственное право. Спб., 1893–1909. Т.1–2; Муромцев С.А. Статьи и речи. М., 1910; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государствен-

ному праву. Спб., 1908; Кистяковский Б.А. Государственное право: общее и русское. М., 1908; Котляревский С.А. Конституционное государство: опыт политико-морфологического обзора. Спб., 1907; Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912; Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1917; Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995; Программы политических партий России: конец XIX–XX вв. М., 1995; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. М., 1997–2000; Конституционные проекты в России XVIII — начало XX вв. М., ИРИ РАН, 2000.

4. Франция: исполнительная власть, законодательная власть, судебная власть. М., 1997; Duverger M. A New Political System Model: Semi-Presidential Government // Journal of Political Research, 1980. Vol.8.

5. Pactet P. *Institutions Politiques. Droit constitutionnel*. Paris, Armand Colin, 1998; Chantebout B. *Droit constitutionnel et science politique*. Paris, Armand Colin, 1998.
6. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., ВШЭ, 2005.
7. *L'écriture de la Constitution de 1958*. Paris, Economica, 1992.
8. Линц Х. Крушение демократических режимов: кризис, разрушение и восстановление равновесия. Вашингтон, 1993.
9. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., Прогресс, 2004.
10. Закария Ф. Будущее свободы. Нелиберальная демократия. В США и за их пределами. М., 2004.
11. Подробнее об этих типологиях см.: Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань, 2006.
12. Ведель Ж.. Административное право Франции. М., Прогресс, 1973. С. 35–39.
13. Крутоголов М.А. Президент Французской республики. Правовое положение. М., Наука, 1980. С. 232–233.
14. Maus D. *Etudes sur la Constitution de la V-e Rpublique. Mise en place pratique*. Paris, Les Editions STH, 1990.
15. Mavrias K.G. *Transition d mocratique et changement constitutionnel en Europe du Sud. Espagne-Gr ce-Portugal*. Ath nes, N.Sakkoulas, 1997.
16. Miranda J. *Manual de Dereito Constitucional*. Coimbra, 1983–1985. Vol. 1–4.
17. Конституция Европейского Союза: Договор, устанавливающий Конституцию для Европы (с комментарием). М., ИНФРА-М, 2005.
18. Kalaycioglu E. *Constitutional Viability and Political Institutions in Turkish Democracy // Designs for Democratic Stability. Studies in Viable Constitutionalism*. N.-Y., Sharpe, 1997.
19. Caetano M. *Manual de Ciencia Politica e Direito Constitucional*. Lisboa, 1970.
20. Abrahamian E. *Khomeinism*. Berkeley, University of California Press, 1993.
21. *Presidentialism and Democracy in Latin America*. Ed. by S.Mainwaring and M.S.Shugart. Cambridge, Univ. Press, 1999; *Transiciones y dise os institucionales*. Mexico, Universidad autonoma de Mexico, 2000.
22. Гарлицкий Л. Институт президентства в новой Конституции Польши // Конституционное право: восточноевропейское обозрение, 1997. № 3 (20)–4 (21). С. 67–74.
23. Саква Р. Сравнительный анализ изменений политических режимов стран постсоветской Евразии // Сравнительное конституционное обозрение, 2006, № 4 (57). С. 117–125.
24. Об эволюции дуалистической модели: Ардан Ф. Франция: государственная система. М., Юридическая литература, 1994; Жакке Ж.-П. Конституционное право и политические институты. М., Юрист, 2002.
25. Конституция России: проблемный комментарий. М., 1997.
26. Медушевский А.Н. Размышления о современном российском конституционализме. М., РОССПЭН, 2007.

VIVA ACADEMIA? VIVA PROFESSORE!

Анатолий БУРШТЕЙН

В салоне самолета, летящего в Москву, мне вручили свежий номер Коммерсанта от 31 мая 2008, где на первой же полосе красовалась супер-актуальная статья Таратуты «Свежевыжатый срок» о только что прошедших выборах в Российскую Академию и сопровождавшей ее подкованной борьбе: за и против реформации РАН. Батюшки, я ведь еще тридцать лет назад ратовал за кардинальную реформацию Академии Наук СССР! А воз и поныне там и сдвинуть его не удается.

Тогда я вещал с трибуны собрания, состоявшего на 2/3 из членов Академии а на 1/3 из «выборщиков» из академических институтов, один из которых представлял я. Это было единственное в своем роде собрание, созданное Президиумом АН для выдвижения депутата от Академии в Верховный совет СССР. До этого Президиум отклонил кандидатуру академика Сахарова на это место, вызвав небывалый протест научной общественности, единой во мнении, что Сахаров — совесть нации и гордость страны — единственно достойный кандидат от нее. Президиум отступил и созвал это вече, свалив на него ответственность за выбор кандидата. Я счел, что это редкий шанс воззвать к общественному мнению и по другому, не менее радикальному вопросу: об архаической армейской структуре академии, не столько творящей, сколько тормозящей развитие отечественной науки. Я предлагал сохранить за академиками все их привилегии и зарплаты, но отстранить от управления самой наукой, передав ее в руки активно функционирующих квалифицированных ученых. Только они, следящие за научной периодикой, участвующие в международных конгрессах и в текущих исследо-

ваниях, могут сообща определять, что следует делать и финансировать, а отнюдь не обремененные административной суетой бывшие корифеи. Я предложил высокому собранию проголосовать за самоуправляемость науки.

Это могло бы стать прецедентом демократического решения вопроса в Академии наук, но ее президент, председательствовавший на собрании, допустить этого не мог.

— Это совершенно лишнее, — заявил Гурий Иванович Марчук — мы в Президиуме обсуждаем — куда более радикальное решение проблемы, вплоть до роспуска академии. Надо повременить.

Так я и сел на место, с лапшой на ушах. Однако не угомонился: опубликовал в Литературной газете (от 7.11.90) короткую, но хлесткую заметку: «Почему наша наука вскармливает академиков, а зарубежная — Нобелевских лауреатов?» Увы, эту проблему затмили тогда куда более актуальные для страны дела. Кстати, Сахарова тогда выбрали-таки, но лишь двумя третями голосов. Одной третью точно были мы, выборщики, значит из академиков ПОЛОВИНА проголосовала против! Кто они были? Ученые, интеллигенты, гордость нации? Отнюдь. Аппаратные и партийные выдвиженцы, карьеристы, одним словом, конформисты. Мы и раньше знали, что их немало, но половина! Академия окончательно упала в моих глазах.

Сейчас, по прошествии многих лет, прожитых за рубежом, я еще отчетливее вижу ее анахронизм, пагубный для отечественной науки. Нацепите погоны: маршальские — президенту, генеральские — вице-президенту, полковничьи — директорам институтов, и т. д. всем профессорам, докторам, кандидатам, по одной уменьшая число звездоч-

чек, пока не доберетесь до младших научных сотрудников (МНС) — младших лейтенантов, а там уж солдатня-аспиранты, стажеры, студенты. Сразу обозначится армейская (а, может, чиновничья) иерархическая структура, столь противоестественная для науки, где все актуальные проблемы решают не генералы от науки, а ее офицеры, молодые и не очень энтузиасты, берущие не былыми заслугами, а талантом и инициативой. Вот ее-то и душит все это вышестоящее громадьё, повелевая: делай так, делай то, что модно, что можно, что сверху требуют.

За бугром все не так. Любой институт (департамент) — это просто синклит мастеров (профессоров), друг от друга не зависящих и никому не подчиняющихся. Рядом со мной в институте Вейцмана работал сосед по этажу, профессор. Что он еще и Израильский академик, я узнал только из некролога. В большинстве стран академик просто не существует. В Америке есть академия, но никто из ее членов не подписывается: академик имярек. Профессор он и есть профессор, сам себе командир, в опеке не нуждающийся. Административной работы чурающийся. Направление исследования он выбирает себе сам, как только оно обозначается на горизонте науки.

Деньги на исследования черпает из грантов, которые финансирует правительство и частные компании. Их распределяют абсолютно независимые комиссии экспертов, состоящих из таких же профессоров, отдающие должное тем соискателям, чьи доводы наиболее убедительны. И никакой тебе академической вертикали. А вот при ней-то родимой на экспертов есть кому давить, а деньги распределять не по заслугам, а по предпочтениям. Кстати, деньгами, выигранными в этой лотерее, западный профессор тоже распоряжается единолично, решая, что пустить на оборудование, кого еще принять в лабораторию, в каких симпозиумах участвовать. Люди берутся под конкретные деньги и задачи, а не востребуются под штатное расписание, спущенное сверху.

Для управления департаментом тоже лычек не требуется. Это административная обуза, которую взваливают на себя поочередно все члены департамента — профессора — на ограниченный срок. Они заботятся только об общем благе, не посягая на права коллег, дабы не аукнулось впоследствии. Демократия? Скорее анархия в определенных границах. Но как удобно жить и творить в этих условиях. Никого ни о чем не спрашивая и не прося, самому решать с кем сотрудничать, куда ехать и кого приглашать за свой счет, пусть даже не резиновый. Моя наука в Израиле делалась исключительно русскими теоретиками — приезжавшими ко мне учениками и учениками моих учеников. Иные заработали кандидатские звания, другие обкатались и разъехали по миру из этой перевалочной

станции: кто в Германию, кто в Англию, но большей частью — в США. Кое-кто уже профессор.

И тут возникает глупый вопрос: почему бы этим преуспевшим ребятам, доказавшим себя в конкуренции с аборигенами, не вернуться, коль их призывает Россия? В чинах и нашивках! Увы, дорога одна — в Академию, а это означает потерю статуса. Даже приезжая в Россию на конференцию, им легко ощутить это по тому пиетету и предпочтению, каковое оказывается иностранцам, пусть даже бывшим соотечественникам. Западным профессорам и нам иже с ними предоставляются лучшие гостиницы и номера, по сравнению с теми, где размещаются академики.

Но вернись они домой — и все переменится. Придется встраиваться в жесткую иерархическую структуру по рангу, а ведь многие преуспевшие там ученые даже докторскими степенями не обзавелись, в Российской понимании этого слова. Там их и не существует вовсе: профессор он и есть профессор, будь-то США или Европа. А здесь придется лечь под какого-нибудь академика или члена-корреспондента, делясь с ним научными результатами, дабы обеспечить себя сотрудниками и фондами. При этом ущерб в материальном положении и жилье неизбежен. И тем не менее любовь к Родине, ностальгия по ней, брошенные родственники и родной язык могли бы все перевесить, если бы условия для работы оказались сопоставимы. Но для этого надобно свалить или хотя бы отодвинуть Академическую верхушку на второй план, предоставив профессорской вольнице хотя бы минимум тех возможностей, которыми она располагает в зарубежье.

Должно особо подчеркнуть, что Академию как конгломерат многочисленных институтов, занятых фундаментальными исследованиями, необходимо беречь и пестовать. Надо поддерживать ее материально не хуже, чем институты Макса Планка в Германии или Национальные лаборатории в США, не требуя взамен немедленного выхода или приклада.

Еще пуще того надо уважать ее автономию — относительную независимость от государства в лице его временщиков и бюрократов. Таковая автономия существовала и в худшие годы, и при Хрущеве, который посягнул на нее однажды, но получил крутой отпор от тогдашнего Президента АН Несмеянова: «Академию создал Петр Великий и не тебе ее разгонять». Благодаря этому академическая наука — едва ли не лучшее наследие советской власти, но и авторитарное управление ею — от туда же. Реформировать его нужно изнутри, постепенно и бережно, меняя иерархическое управление на представительское, сменяемое и подотчетное научной ответственности.

■■■

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ДУХА

Беседы и размышления в Совете Европы

Александр ПУМПЯНСКИЙ

БЕСЕДА С ТЕРРИ ДЕВИСОМ, ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ СОВЕТА ЕВРОПЫ

— Терри, — преодолев некоторое смущение собственной фамильярностью, но за пределами сугубого официоза так к нему обращаются буквально все, я задаю генеральному секретарю Совета Европы самый хитроумный вопрос, который только мог придумать, — вы своих гостей из дома в штаб-квартиру возите на лодке?

Это вполне возможно. Страсбург не Венеция, но карту его рисует приток Рейна река Иль, распадающаяся на разные протоки, и сеть каналов. Река истории распорядилась так, что Страсбург, добившийся положения одной из вершин городской европейской цивилизации уже в XV веке, как бы застыл на этой точке, законсервировался или лучше сказать, счастливо сохранился в некоем первозданном виде. А река Иль с круговым каналом стала его водной границей. Так что старый Страсбург — остров не только во времени, но и в пространстве. Идеальный рукотворный остров со своей незабываемой ни на что не похожей доминантой. Однорогий Страсбургский собор, равного которому по высоте,

по ажурности розовокаменной резьбы и уж во всяком случае по невольной оригинальности облика не найти, виден отовсюду. По замыслу, венчать его должны были два шпилья, взметнувшиеся выше третьего неба, но второй так там и остался на нулевом цикле. К счастью, в наше время смельчаков дерзнуть на новодел не нашлось, что только подчеркивает настоящесть этого недостроенного совершенства.

Вообще-то в моем вопросе был намек на одного деятеля, который действительно возил своих гостей в Совет Европы на лодке, но Терри Дэвис ответил вполне простодушно:

— Нет, из меня никудышный моряк. Я ведь родом из Бирмингама, а это самый центр Англии, далеко от моря.

Потом я еще раз услышал слово «моряк» из уст Терри Дэвиса. Упомянув, что ему, как и любой публичной фигуре достается от прессы, временами почем зря, он добавил, что у него нет глупой привычки обижаться на прессу. Обижаться на прессу, сказал он, это все равно, как моряку дуться на парус. Только очень плохой моряк мо-

жет себе это позволить... Впрочем, это уже была просто метафора.

— А разве вы не хотели бы в чем-то подражать одному из ваших славных предшественников?— В отчаянии мне пришлось раскрыть карты. — Я намекаю на сэра Питера Смизерса...

— *Вот вы о ком. В одном отношении точно. Он умер, когда ему было уже за девяносто. Это случилось год назад. Я участвовал в его похоронах.*

Сэр Питер Смизерс, генсек Совета Европы в 1964–1969 г.г., действительно прожил 92 года, в течение которых занимался самыми разными вещами, везде достигая вершин. Юрист, дипломат, член парламента... Один из руководителей Форин офис, представитель Великобритании в ООН, генсек Совета Европы, он, по отзывам современников, имел оригинальные мысли на тему о том, куда развивается мир и особенно Европа. Однако же книгу своих воспоминаний он назвал «Приключения садовника». Больше всего на свете он гордился садом, который он разбил, и цветами, которые он вывел... И еще своими фотографиями, он был незаурядный фотограф со множеством персональных выставок, организованных в Европе и США. И за цветы и за фото он увенчан множеством наград. Но это еще не все.

Самое неожиданное заключается в том, что именно он послужил прототипом Джеймса Бонда. Исследователи незабвенного литературного и кино-героя насчитывают до восьми разных прототипов, Питер Смизерс — номер 1.

1. ЦЕЛИ И СРЕДСТВА

Сенсация сезона 2007 года Совета Европы — работа и выводы комиссии сенатора Марти. Это была бесстрашная охота за охотниками публичная порка ЦРУ.

Доклад Марти — разоблачение того, как ЦРУ США в своей антитеррористической кампании при тайном содействии ряда европейских государств реально совершило преступления против человечности. Речь шла о секретных задержаниях людей, подозреваемых в причастности к международному терроризму и нелегальной транспортировке задержанных. Итак:

«То, что ранее было не более, чем набором допущений, ныне доказано: множество людей в разных точках мира было похищено и перевезено в страны, где их подвергли преследованиям, и где пытки являются принятой практикой. Других держали в местах заточения, без предъявления им конкретных обвинений и вне любого юридического надзора, отказывая им в возможности защитить себя. Третьи просто исчезали на неопределенные периоды времени, их де-

ржали в тайных тюрьмах, в том числе в странах-членах Совета Европы, при этом и само существование этих тюрем и проведение соответствующих операций тщательнейшим образом скрывалось».

Это я цитирую доклад комиссии сенатора Марти, представленный сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). И далее:

«Некоторых лиц держали в секретных местах по несколько лет, где их подвергали унижительному обращению и так называемой «технике усиленного допроса» (по сути это эвфемизм для пыток) во имя сбора информации, впрочем, весьма ненадежной, что, как утверждают США, защитило нашу общую безопасность. В других случаях некоторые лица были перемещены на тысячи миль в тюрьмы, местоположение которых им могло быть неизвестно, где их подвергали бесконечным допросам, включая физические и психологические унижения. В конечном счете, когда выяснялось, что это не те, кого искали, их отпускали. При этом, ... никто не принес им ни слова извинений, не говоря уже о материальной компенсации... Таковы ужасные последствия того, что в некоторых инстанциях называют «войной террору»».

Какое это все имеет отношение к Совету Европы? Если ограничиться строго формальной стороной дела, то страны-соучастницы, через которые осуществлялся нелегальный транзит, — члены Совета Европы. США имеют статус наблюдателя в Совете Европы.

Как свидетельствует комиссия Марти, все началось после трагедии башен-близнецов 11. 09. 2001. В рамках объявленной президентом Бушем «войны террору» американская администрация утвердила специальную программу ЦРУ с правом на «кубийство, захват и задержание» («Kill, Capture or Detain») «особо важных» («of high value») подозреваемых террористов. Программа получила название «High-Value Targets» («Особо важные цели») или на следующем этапе «High-Value Detainees» («Особо важные задержанные»). И предназначалась она не для рядовых повстанцев — террористов, для таких давно существовали лагеря на военно-морской базе США в Гуантанамо, на кабульском аэродроме в Баграме или в тюрьме Абу-Грейб в Багдаде. Специальные тайные тюрьмы были оборудованы на территории некоторых европейских стран. Иногда их в докладе называют не без обидной двусмысленности «молодыми демократиями». Две такие страны называются по именам. Это Польша — аэродром в Шиманы и само место тайного содержания в Стара Кжекуте. И Румыния — 86-я база ВВС или аэродром им. Михаила Когалничану.

Конечно же, решения о предоставлении старшему американскому союзнику таких специальных услуг было принято на высшем уровне в каждой из этих стран, и особо доверенные чины спецслужб лично курировали эти спецпроекты, о которых не полагалось знать ни одной живой душе, включая собственные парламенты и правительства. Обязательным условием было то, что американцы получали полную свободу рук в выделенной зоне, местные спецслужбы лишь охраняли периметры, совать нос внутрь им не дозволялось. Кого, куда и зачем перевозят и что с ними делают — это была компетенция исключительно ЦРУ. При этом формально проект осуществлялся под крышей НАТОвской солидарности и в режиме самой строгой секретности. Все участники операции исходили из презумпции (или прикрывались ею), что спецслужбы защищают высшие интересы государства, а потому имеют полное право действовать тайно и бесконтрольно. От этой претензии доклад Марти не оставляет камня на камне. Он весьма наглядно показывает, куда ведет вседозволенность, предоставляемая спецслужбам. Один из конкретных его выводов: никто так не нуждается в тщательном и пристальном контроле со стороны гражданского общества, как спецслужбы.

Прежде всего, была реконструирована подлинная карта секретных полетов. Это было настоящее открытие. Все полеты ЦРУ осуществлялись по фальшивым полетным планам, и каждый обставлялся операцией прикрытия. Вычертив истинные маршруты, комиссии удалось установить и подлинную топографию тайных тюрем и даже биографии их кураторов.

«Захваты, похищения и задержания подозреваемых в терроризме всегда осуществлялись вне территории США, где подобные действия были бы немедленно объявлены незаконными и неконституционными, — говорится в докладе. — Подобный экспорт нелегальной деятельности за океан тем более шокирует, что он демонстрирует фундаментальное презрение к странам, на территории которых было решено творить соответствующие дела. Тот факт, что подобные меры применялись лишь к неамериканским гражданам, тревожит не в меньшей степени: он отражает род «легального апартеида» и превратное чувство превосходства.»

И вот, может быть, главный вывод: **«Мы полностью отдаем себе отчет в серьезности террористической угрозы и в опасностях, которые она представляет для наших обществ. Тем не менее, мы верим, что и в этой области цель не оправдывает средства. Борьба против терроризма не должна служить извинением сис-**

тематического использования незаконных средств, массивного нарушения фундаментальных прав человека и презрения к правопорядку.»

2. ДИНАМИКА ПРАВДЫ. БЕСЕДА С СЕНАТОРОМ МАРТИ.

Перед интервью я навел справки о собеседнике. Швейцарский сенатор, бывший прокурор из Лугано (итальянская Швейцария) с активным опытом расследований деятельности мафии. На этом поприще он сотрудничал с соответствующими итальянскими службами, старые связигодились и в нынешнем расследовании. Жесткая воля. Когда прокурор Марти однажды выяснил, что в ход расследования, которое он вел, некорректно вмешался министр, он добился того, что министр вынужден был уйти в отставку. Чего ему долго не могли простить, министр и Марти принадлежали к одной партии.

С удивления, как ему удалось выпустить столь оригинальный — даже стилистически документ, я и начал нашу беседу с сенатором Марти. В ответ он только пожал плечами.

— *Я был назначен докладчиком. Работа была проделана большая немалым числом людей, но это мой доклад, и он, естественно, отражает мою личность.*

— Многие люди считают, что в борьбе с терроризмом все средства хороши.

— *Это заблуждение. Даже в ходе настоящей войны далеко не все дозволено. Определенные правила поведения остаются. Женевские соглашения, ставящие пределы варварству военных действий, — а это краеугольный камень международного гуманитарного права — прямо запрещают тайные центры задержания. То, что подобные методы противоречат конституционному строю всех цивилизованных государств и этически неприемлемы, очевидно даже такому маленькому провинциальному юристу, как я. Но мы в докладе специально отмечаем еще одно важное обстоятельство. Если говорить о долгосрочном ответе на вызов терроризма, подобные методы попросту неэффективны. Боюсь, что они могут привести к прямо противоположным результатам. Террористы выглядят жертвами. Получается, что они борются против несправедливой системы. Это вызывает к ним невольную симпатию. Я уж не говорю об антиамериканизме, который провоцируется таким образом.*

— Сенатор Марти, в громких разоблачениях всегда ищут заказ. Ни одна из чеченских дискуссий Совета Европы не обходилась без обвинений в заданности. В чем заключалось ваше задание?

— Довольно странная логика. У меня не было заранее готовых идей. Мы стремились выяснить объективные факты. Некоторые даже называли меня Дон-Кихотом, мы ведь требовали ясных ответов на очень острые вопросы от многих правительств. А они упорно все отрицали. Не понимая, кстати, одного. Когда так тотально отрицают факты, это неопровержимо говорит об одном — о коллективном заpiresтельстве.

— Правительства Польши и Румынии громко протестуют против ваших «ни на чем не основанных выводов». Говорят, в частности, что они приглашали вас приехать и убедиться, что по указанным вами адресам никаких тайных тюрем не водится, а вы отказались.

— Наша комиссия задала правительствам Польши и Румынии конкретные вопросы, на которые те не дали конкретных ответов. Не сомневаюсь, что сейчас на местах былых преступлений все следы заметены. Я не парламентский турист и не Эркуль Пуаро. Не вижу ни малейшего смысла появляться в сопровождении камер, которые покажут публике, что сейчас там все чисто.

— Ваши разоблачения стали мировой сенсацией. Ваше имя в заголовках всех серьезных газет Запада. Это греет душу?

— Шампанское пить рано, настоящее удовлетворение я испытаю тогда, когда общественности откроется вся правда. Я скромный человек, но от одного принципа я никогда не отхожу. Я действую исключительно на основе полной независимости. У меня на родине в Швейцарии это знают.

— Что это было за расследование?

— Ах, вы знаете эту историю, — сенатор Марти улыбнулся воспоминаниям. — Это было в 1987–88 годах. Наркотрафик. Нашей добычей стали несколько сот килограмм наркотиков. Кстати, мы тогда очень тесно сотрудничали с агентом ЦРУ в Милане, и на память о той операции у меня остались награды от агентства по борьбе с наркотиками и от министерства юстиции США. Это я специально для тех, кому вздумается обвинить меня в антиамериканизме. Сейчас мы действительно раскрыли серьезнейшие злоупотребления со стороны ЦРУ. Но я считаю, что американская демократия обладает изрядным запасом здоровья. Не сомневаюсь, что она проведет работу по раскрытию и очищению от подобного рода действий.

— У вас есть выражение «динамика правды». В докладе оно расшифровывается так: **«это когда каждая капля правды тянет за собой другую каплю правды, и ручеек превращается в неодолимый поток»**. А если не столь поэтично?

— У людей в демократическом обществе есть право на правду. Плохо, если правдой владеют лишь отдельные правдолюбцы (*whistle blowers*), чьи голоса вдобавок еще заглушают. Мы должны людям правду, тем более, когда ее сознательно скрывают и прячут от гражданского общества. Но наша комиссия — не одинокие правдоискатели. Когда-то мы обозначили тему. Сейчас наши поиски влились в общий пул расследований, которые провели журналисты, неправительственные организации. Эта работа не прекращается ни на один день. Только такая работа всем миром может преодолеть мощные фортификации, которые выстраиваются вокруг этой секретной программы.

— Что вы чувствуете, когда вам лгут в глаза? И делают это не просто люди, а правительства. Вы-то ведь точно знаете, как все обстоит на самом деле.

— Мы не ставили своей задачей указать пальцем на то или иное государство. Наша задача — утверждение ценностей.

Сенатор Марти и его доклад — визитная карточка Совета Европы. На этом примере наглядней всего видно, про что эта организация, зачем она и за что она.

На самом деле, в заочном практическом споре о том, как должна вестись борьба с терроризмом, однозначных ответов нет. Логика «замочить в сортире» и дело с концом — исключительно популярна. Половиной своего успеха, во всяком случае, на старте высшей политической карьеры Путин обязан именно этой лексической находке. Тех, кого она шокирует, убеждает другой аргумент: А разве израильтяне не поклялись достать террористов Олимпийского Мюнхена хоть из-под земли? И ведь достали, не обращая внимания на разные «условности»... Десятилетиями этот довод был неотразим. Со временем, впрочем, и он уже не кажется таковым. Желаящих отошлю к недавнему фильму Стивена Спилберга «Мюнхен», он именно об этой коллизии. Но и без морально — политических терзаний его героев и прототипов сегодня ясно. Ту группу террористов накрыла карающая рука возмездия. Прекрасно. Вот только зараза с тех пор выросла до размеров мировой пандемии.

Дело, однако, не только в этом. Дело в принципе. Есть высшие ценности современного общества, от унижения которых, от небрежения которыми оно гибнет. Или перерождается, что впрочем, одно и то же. Кто-то должен стоять на страже этих принципов и ценностей. Эту роль и взял на себя Совет Европы. По поводу любого от них отката он бьет в колокола, что твой Страсбургский собор. И формулирует строками доклада швейцарского сенатора Марти прекраснотушные истины: «Самые худшие

преступники, даже те, кто заслуживают самого тяжкого наказания, должны встретить человеческое обращение и справедливый суд. Именно это делает нас цивилизованным обществом».

А сам сенатор Марти, как мне сказали по секрету, вгрызается в новую острую тему. Секретные «черные списки». Того, кто попал в «черные списки», не пустят в самолет, его банковские счета окажутся заморожены. Для деятельного человека это равносильно гражданской смерти. Притом, что человек ни сном, ни духом не ведаёт, что с ним произошло. Попастъ в «черный список» легко, выбраться трудно. В кулуарах Совета Европы мне рассказали такой случай. Один швейцарский бизнесмен, который угодил в подобную передрагу, потребовал специального судебного разбирательства. Ему повезло, и он добился полного своего оправдания. Следующим шагом он потребовал компенсации, и суд присудил ему компенсацию. Правда, получить ее он не может — банковский счет заморожен. Его имя было в «черном списке»... Вот такая «колыбель для кошки», если по Воннегуту. Или «уловка 22», если по Хеллеру. Ими и займется сенатор Марти.

Есть сведения, что «черные списки» практикуют ООН и Европейский Союз. Нешуточные мишени.

А еще весьма вероятно, что он станет следующим докладчиком по Чечне. На мой вопрос, так ли это, сенатор ответил: «У меня мандат не на доклад, а на сбор информации. Доклад уже делал Биндиг. Правда, он уже не в парламенте. Вообще-то, на эту тему мало желающих».

3. КОГДА ПОД СУДОМ ГОСУДАРСТВО БЕСЕДА С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Председателю Европейского суда по правам человека я задал почти ернический вопрос. Протицировав хрестоматийную для русского сознания строку: «Есть Высший Суд, наперсники разврата», я для наглядности не слишком прилично показал пальцем в небо, и спросил: «Если не считать того, кого имел в виду поэт, высший суд это вы?».

— «В определенном смысле, да, — неожиданно просто ответил Жан-Поль Коста, — В рамках Конвенции мы высшая судебная инстанция. Мы можем отменить решения всех высших национальных судов в Европе. И наши решения обязательны для государств — ответчиков».

Когда Жан-Поль Коста или кто-то другой в Европейском суде или вообще в Совете Европы говорит «Конвенция», имеется в виду один-единственный документ — Конвенция по правам человека. На нее ссылаются, как

на заповеди Моисея. Именно этим она и является для обоих институтов. Если не убояться пафоса, то принятие Конвенции, безусловно, веха в становлении современной политической цивилизации.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод — таково ее полное название — была принята в Риме 4 ноября 1950 года и вступила в силу в 1953 году. Статья 1 называется просто «Обязательство соблюдать права человека». Она составляет фактически одну строку: «Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции». Раздел I и есть перечень и расшифровка прав и свобод. «Право на жизнь» (Ст. 2). «Запрещение пыток» (Ст. 3). «Запрещение рабства и принудительного труда» (Ст. 4). «Право на свободу и личную неприкосновенность» (Ст. 5). «Право на справедливое судебное разбирательство» (Ст. 6). «Наказание исключительно на основании закона» (Ст. 7). «Право на уважение частной и семейной жизни» (Ст. 8). «Свобода мысли, совести и религии» (Ст. 9). «Свобода выражения мнения» (Ст. 10). «Свобода собраний и объединений» (Ст. 11). «Право на вступление в брак» (Ст. 12). «Право на эффективные средства правовой защиты» (Ст. 13). «Запрещение дискриминации» (Ст. 14). «Ограничения на политическую деятельность иностранцев» — в том смысле, что ограничивать ее нельзя, а не наоборот (Ст. 16). «Запрещение злоупотреблений правами» (Ст. 17) — опять-таки в том смысле, что злоупотреблять ограничениями прав запрещается. «Пределы использования ограничений в отношении прав» (Ст. 18). Каждая статья подробная, с пунктами и подпунктами, расшифровывающими понятия. Но ведь на земле живем, существуют обстоятельства — война, чрезвычайные ситуации, когда невозможно обеспечить эти права и свободы. Конвенцией это предусматривается. Ст. 15 «Отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях» трактует именно эти вопросы. При этом никаких исключений из ст. 2, 3, 4 и 7 не полагается.

Я привел весь этот перечень не из бюрократической пунктуальности. Европейский суд работает строго по этим статьям. Все дела, которые в нем слушаются, так именно и строятся: нарушения статей 2, 3, 4, 5 и т.д. Есть они или нет? Виновно государство именно в этом или невиновно?

Европейская Конвенция — отпрыск Всеобщей Декларации Прав Человека, принятой ООН в 1948 году. С одним существенным отличием. Отпрыск пошел дальше. Права и свободы перестали быть декларативными. Отныне их соблюдение уже не вопрос одной лишь доброй воли государств, подписавшихся под соглашением (хочу — ис-

полняю, не хочу — трактую по-своему). Обязательность обеспечивается наднациональным органом, который учредила Конвенция. Раздел II Конвенции называется «Европейский Суд по правам человека», и 32 статьи этого раздела со ст. 19 по ст.51 точнейшим образом регламентируют его правомочия и деятельность.

Это действительно была революция, тем более что она была мирная и добровольная. Государства утратили (добровольно сдали) часть своего самовластья. Если раньше государства были сами себе судьей, сами определяли меру своих пороков и добродетелей, имея ничем не ограниченную возможность путать одно с другим, то теперь над ними появился суд, компетенцию которого они признали. В том, что касается прав человека и основных свобод — вообще-то самой болезненной темы — отныне «Есть Высший Суд, наперсники разврата...»

Гражданин, считающий, что его права и свободы ущемлены, может подать на государство — свое или чужое — в международный суд. И перед этим судом они — человек и государство — будут равны. И международный суд может признать, что человек прав, а государство виновато, и оно обязано исправить свое нарушение и, возможно, выплатить компенсацию. И — никакой апелляции — государство обязано выполнить это решение неукоснительно.* (Бокс №1)

Вообще-то равенство гражданина и государства — норма демократии. А если государство — не очень продвинутая демократия? Теперь, по крайней мере, оно должно всегда помнить об этой норме, если не хочет попасть под суд. То есть, выход, конечно, есть — выйти из Совета Европы. Пока на это никто не решился.

Ранее я написал, что эта демократическая гуманистическая революция была мирной и добровольной. Не совсем так. Если бы не вторая мировая война с ее сочащейся кровью кошмарной памятью, ничего подобного бы не случилось. Первоначально под Конвенцией появились подписи двух десятков стран Западной Европы. После падения Берлинской Стены и развала коммунизма наступила вторая волна. В демократической эйфории Восток Европы устремился на Запад, и Совет Европы оказался самым доступным институтом политической реабилитации стран, чья история была исковеркана коммунизмом. Россия вступила в него в 1998 году. Сейчас в Совет Европы входит 47 государств — весь континент, за исключением Белоруссии, которую тоже все рады были бы видеть в нем, да грехи Лукашенко не пускают.

Фашизм и коммунизм, две войны, ими спровоцированные: вторая мировая и холодная... Не было бы счастья, да два самых страшных несчастья XX века помогли в рождении института, перед которым стоит столь де-

ликатная задача — отслеживать, насколько государства уважают права человека. А также — формулировать принципы и стандарты прав человека и определять минимальный уровень защиты, которые государства обязаны обеспечить.

Европейский суд по правам человека был учрежден в 1959 году. С 1998 года он действует на постоянной основе. Его основной закон, повторюсь, — Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод — текст, который я привел, плюс 14 поправок (протоколов): 13 действующих, и 14-я, принятая, но не вступившая в силу по очень специфической причине, о чем речь впереди.

«Это единственный международный суд, в который люди в индивидуальном порядке вне зависимости от национальности или гражданства могут обращаться с жалобами на возможные нарушения правительством их человеческих прав.» — говорит Терри Дэвис. И добавляет не без грусти: **«Суд был создан после второй мировой войны по ее свежим следам. Я совсем не уверен, что правительства были бы столь же полны энтузиазма по поводу создания такого суда, если бы это решение им пришлось принимать сегодня.»**

«На самом деле, решения нашего суда обозначают демаркационную линию между тем, что терпимо и что уже нетерпимо. Мы тот самый институт, который призван кричать «Стоп!». Государства, которые это нам доверили и уполномочили нас на это, тем самым признали приоритет права над государственным интересом. И это, на мой взгляд, самое замечательное». Это уже Жан-Поль Коста.

— В моей стране вас часто обвиняют в том, что ваши решения диктуются политикой, а не правом.

— *Не только в вашей стране. Это то, с чем я никогда не соглашусь. Мир политизирован и медиатизирован до предела, но наша работа и наш продукт — правосудие. Конечно, правосудие, основанное на законе, — не точная наука, а справедливость и вовсе понятие субъективное. Но никаких двойных и тройных стандартов мужчины и женщины, составляющие наш суд, не приемлют. Это просто неправда. Мы можем ошибаться, но никакой политизации мы не допустим.*

— Тогда почему вас обвиняют?

— *Мы не криминальный суд, не рассматриваем преступления личностей. Мы рассматриваем преступления государства. И осудить или оправдать мы можем только государство. Государство это задевает. Но тут мы ничего не можем поделать. Какими, скажем, могут быть решения суда по делам об исчезновении людей или пыткам? Например, у вас в Чечне? Ничего антирос-*

сийского, однако, в соответствующих вердиктах нет. Подобные преступления могут быть в любой стране. Вспомним, как Франция вела войну в Алжире. Такое тогда случалось, притом с обеих сторон. Или ситуацию Турция и курды... Правительства должны реагировать адекватно на наши решения.

— Количество жалоб из разных стран далеко неравномерно. Можно ли, исходя из этого, говорить о странах — особо злостных нарушителях?

— Страны разные. Я бы не стал ставить на одну доску, скажем, Россию и Мальту или Украину и Исландию. Если поделить на население, то, в общем, цифры подравниваются. Но дело, конечно, не только в арифметике. Вопрос упирается в то, насколько национальная система правосудия готова и способна справляться с ситуацией. Мы исповедуем принцип субсидиарности (дополняемости). Если российские суды делают свою работу, нам нет причин вмешиваться. Где-то сложилась давняя традиция защиты прав и свобод. В России и Восточной Европе говорить о том, что она укоренилась, явно преждевременно. Корень проблемы в этом. И число обращений оттуда растет, подчас лавинообразно.

— С годами Европейский суд разбирает все больше дел. 30 тысяч постановлений, принятых в 2006 году. А количество несправедливости в мире не уменьшается...

— Может, еще и растет. Это говорит только о том, что расширение Суда не беспредельно. Не можем же мы без конца увеличивать наш бюджет или численный состав работников. Нам нужно повышать эффективность Суда. Именно поэтому для нас жизненно важно принятие Протокола №14. А он необъяснимым образом застрял в российской Думе.

Кажется, я наступил председателю на большую мозоль. В течение всего интервью видный юрист, французский судья с большим стажем, он был не просто корректен. Он был галантен при любом вопросе, относящемся к России. Но тут он не мог сдержаться.

У него были основания.

Протокол №14 — программа реформации работы Суда, призванная повысить его КПД. Нынешняя структура Суда громоздка. 90 тысяч жалоб, ждущих своего часа (65000 из них готовы к рассмотрению, но руки не доходят) и совершенно неприемлемые сроки прохождения (6 — 8 лет в среднем) — неопровержимое тому доказательство. 47 судей (по числу государств, входящих в Совет Европы) разделены на пять секций. Для реальной работы образуются комитеты в составе трех судей, палаты в количестве семи судей и Большая палата в количестве семнадцати судей. Смысл планируемых нововведений, в частности, в том, чтобы предоставить больше решаю-

щих полномочий самому мобильному звену — тройке, а на стадии фильтра (принимать ли жалобу к производству) — возложить эту функцию чаще на единоличного судью. Это оправдывается тем, что статистически большинство дел сравнительно простые, поднимают однотипные проблемы, это так называемые дела — «клоны». 95 процентов жалоб обычно оказываются неприемлемы по недвусмысленным, подчас формальным основаниям... С другой стороны, палаты в количестве семи судей и тем более Большая палата должны быть задействованы в более сложных, принципиальных делах.

Решение, по общему мнению, необходимое. Рабочая группа (с российским участием!) работала над Протоколом №14 с ноября 2000 года. Комитет Министров (иностраных дел) — директивный орган Совета Европы — его одобрил единогласно. Все страны, включая Россию, его подписали. Все страны его ратифицировали. Кроме России. В декабре 2006 года Госдума отказалась это сделать. В результате, Европейский суд оказался в аховой ситуации. По-новому он работать не может. По-старому, впрочем, тоже. Одна из мер, предусмотренных Протоколом №14, заключалась в изменении срока и сроков деятельности судей. Вместо двух сроков по шесть лет должен был быть введен один срок в девять. Из-за российской блокировки Суд может не досчитаться ряда судей. Это уже удар под дых. Не надо быть юристом, чтобы понять это.

— Вы полагаете, что российская позиция объясняется техническими или политическими причинами? — спрашиваю Жан-Поля Косту.

— Это не техническая причина. Я в Москве обсуждал эту тему. Всем моим собеседникам я говорил одно и то же: Я вас не понимаю. Так поступать нельзя. В ответ мне приводили наше решение по делу Илашку**. (Бокс №2). Мол, оно, чуть ли не русофобское. Я не понимаю такого подхода. Ни ксенофобскую, ни антирусскую позицию мы не занимаем. Мы просто применяем международное право. Это вопрос принципа. Это вовсе не первый случай, когда нашим решением не довольны. Англия или Франция из-за нас, бывало, впадали в ярость. Но никто никогда не пытался ослабить Суд.

КАК ОБРАЩАТЬСЯ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД (БОКС №1)

КОЕ ЧТО ПРО ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

Заявление в адрес Европейского Суда может быть подано по почте или по факсу. При этом ст. 35 Конвенции предусматривает два важнейших условия. Все средства национального правосудия должны быть

исчерпаны. (Это не означает, что истцу нужно проходить все инстанции, вплоть до Верховного Суда своей страны. Например, не нужно обращаться с надзорной жалобой). Должен быть соблюден шестимесячный срок подачи жалобы. Для этого необходимо уже в первом письме кратко изложить суть жалобы. Полная информация может быть представлена позже при заполнении формуляра жалобы. Формуляр можно найти на сайте Суда в интернете. Формуляр должен быть дополнен копиями судебных решений и документов, на которые ссылается заявитель.

Официальными языками Суда являются английский и французский, и решения Суда выносятся только на этих языках. Однако заявления в Суд могут быть представлены на русском, и первичная переписка может происходить на нем. По получении достаточной информации дело регистрируется, и по нему назначается судья — докладчик. Личность судьи-докладчика строго конфиденциальна, чтобы избежать возможности давления на судью.

Для решения вопроса о приемлемости дела, Суд направляет *коммуникацию*, то есть сообщение соответствующему правительству и просит его представить свои замечания по поводу приемлемости и по существу представленной жалобы. При этом Суд задает правительству вопросы, на которые должны быть представлены ответы. Копии сообщения и ответы правительства направляются заявителю для ответа, комментарии заявителя направляются правительству. Это делается для того, чтобы обеспечить рассмотрение дела в Суде на условиях равенства сторон. Мирное урегулирование может быть достигнуто на любой стадии. В противном случае Суд принимает решение по существу — на основе письменных представлений сторон или после слушаний. Постановления Суда являются обязательными для Государств — ответчиков.

****ДЕЛО ИЛАШКУ (БОКС №2)**

В решении по делу «Илашку и другие против Молдовы и России» от 8 июля 2004 года Большая Палата Суда пришла к выводу о том, что событиями, которые произошли в Приднестровье, в отношении заявителей был нарушен ряд статей Конвенции, в том числе *статья 3*. Илашку был осужден судом в Приднестровье за «терроризм» к смертной казни (которая не была приведена в исполнение, но и не была отменена). Трое других заявителей, которых судили вместе с Илашкой, — к различным срокам тюремного заключения с конфискацией имущества. Суд согласился с заявителями в том,

что Россия и Молдова должны нести ответственность за события, которыми были нарушены их права. Суд решил, что Россия несла ответственность за происходящее в Приднестровье, так как данная непризнанная республика существовала в основном за счет ее военной, экономической и политической поддержки...Илашку провел около десяти лет в камере смертников. Он был освобожден по договоренности между руководством Приднестровья и Молдавии. В возмещение материального и морального вреда ему было присуждено 180 тысяч евро. Остальным заявителям — по 120 тысяч евро.

(По моей просьбе конкретные пояснения «Как обращаться в Европейский Суд» и по «Делу Илашку» дала юрист секретариата Европейского суда Ольга Чернышова).

Россия в некотором роде главный клиент Европейского суда — четверть жалоб, ожидающих рассмотрения, поданы гражданами Российской Федерации.

— Анатолий Иванович, — это я обращаюсь к российскому судье Ковлеру, — если бы я попросил вас привести пример — некое показательное русское дело, что бы вы выбрали?

— *А чего вы от меня ждете? Нынешнее дело Ходорковского? Или старое дело Гусинского? Или Никитина? Или Трепашкина? Или еще какое-то дело, связанное с именем, которое у всех на слуху? А не хотите ли, например, дело «Знаменская против РФ»?*

Суть его вот в чем. Молодую женщину постигло страшное несчастье — ребенок родился мертвым. Так мало того, она не могла его похоронить. Соответствующие инстанции отказали ей в выдаче справки. На сугубо формальном основании. Правоспособность человека наступает с момента рождения, так сказать с первого крика. А тут ребенок мертворожденный. То есть, в их трактовке, он фактически не родился, значит, не мог и умереть... Вот такая, совершенно чеховская ситуация, в которой разбирался чертановский суд, да так, что женщине пришлось обратиться в Страсбург...

Продолжить? Я бы выделил целую серию дел о невыплате пенсий из Воронежской области. Людям, которым за восемьдесят, не платят их кровные крохи по два — четыре года. Коваленко, 1912 года рождения — 51 месяц. Матрена Федоровна Полупанова, 1908 года, — 48 месяцев. Ширяева, 1904 года, — 47 месяцев. Умерла, так и не дождалась... Дела простейшие, самоочевидные. Но почему-то решить их в Нововоронежске и вообще в России было абсолютно невозможно. Без Страсбурга никак не могли обойтись.

— У романа России со Страсбургом не очень длинная история...

— Россия присоединилась к Конвенции с 5 мая 1998 года. 7 мая 2002 года состоялось первое решение Европейского суда по жалобе из России. Пенсионеру Бурдову из Ростовской области, чернобыльскому ликвидатору не платили компенсации за утраченное здоровье. Само право его не оспаривалось, но денег не платили по еще одной типично российской причине — в связи с отсутствием финансирования... Суд признал нарушение прав заявителя, гарантированных ст. 6 Конвенции, и присудил 3000 евро. После решения страсбургского суда деньги в российской казне нашлись.

А статистически ситуация выглядит следующим образом. В 2001 году было зарегистрировано 4500 жалоб из России. В 2002 — 4700. В 2003 уже больше 6000. В 2004 — 7800. В 2005 — 8700. В 2006 — 10500... К рассмотрению реально принимаются три — четыре процента от этого вала. В 2005 — 82 жалобы. В 2006 — 102. В 2007 за шесть месяцев — 120...

— Очень заманчиво пройти по конкретным делам. Но боюсь, что мы в них утонем. Хотя, конечно, ничто так не раскрывает природу государства и общества, как судебные дела. Можете дать типологию российских дел? Или спрошу по-другому. Каковы, глядя из залов Страсбургского суда, главные прорехи российского правосудия?

— Самое первое дело чернобыльского ликвидатора оказалось по-своему самым типичным. Исполнение судебных решений — может быть, самая распространенная беда. Суды принимают решения, которые потом не исполняются. Наши государственные органы не любят выплачивать деньги, которые они должны. Конечно, их лучше прокрутить. И никакие приставы тут не придут и выбивать не станут... Другая проблема — ничем не оправданная длительность судебного разбирательства, как по гражданским делам, так и по уголовным... При этом практически любое судебное решение может быть отменено «в порядке надзора». Надзор таким образом превращается в дубинку против судов первой инстанции... Серьезнейшие нарекания вызывают условия содержания в СИЗО. А ведь в СИЗО в ожидании приговора обвиняемые (не осужденные!) проводят подчас годы — совершенно нетерпимая практика... К этому примыкает применение ареста в качестве меры пресечения — по поводу, без повода у нас это сплошь и рядом, так удобней обвинению... Конечно, заметное место в Страсбурге занимают чеченские дела — речь идет об убийствах и исчезновении людей во время зачисток... А также дела, связанные со СМИ. Власти разного уровня зажимают рот журналистам весьма вульгарными спосо-

бами... А еще общественным и религиозным организациям, особенно на местах, отказывают в регистрации. Подчас совершенно нелогично. На федеральном уровне организация проходит регистрацию, а на местах получает отказ...

Каждый свой тезис судья Ковлер иллюстрировал конкретным делом «Имярек против РФ», в ходе которого, собственно, и обнажались не просто те или иные нарушения со стороны государства, но системные пороки отечественного правосудия. Не трудно догадаться, что любое решение суда в пользу гражданина — в некотором роде щелчок по самолюбию государства. Можно ли, однако, назвать их — эти решения — странными, верней антистранными? В нашем случае антироссийскими? Скорей наоборот. Восстанавливая справедливость в каждом конкретном случае, решения Европейского суда призваны содействовать утверждению системы права, поднять планку правосудия в данной стране, если хотите, на мировой уровень. Была бы встречная воля.

Идеалы и принципы сами по себе звучат абстрактно, а то и утопично. Решения судов всегда конкретны и прямо влияют на судьбу человека. Праведный суд — это что-то вроде земной реинкарнации идеалов и принципов.

Кстати, в деятельности Европейского суда есть новация, о ней с удовольствием объявил сам Жан-Поль Коста.

Отныне его слушания будут открыто транслироваться в сети. Это будет делаться на грант, выделенный правительством Ирландии.

Теперь необязательно ехать в Страсбург, чтобы следить за слушанием того или иного дела. Это можно делать из собственного дома или офиса. Все текущие дела, принятые к производству, тоже будут выставлены на сайте Суда с необходимым досье (текст жалобы, вопросы, заданные судом обеим сторонам). Для судей, юристов разных стран это профессиональный урок. Более того — прецедент, типовое решение, которое национальные суды должны брать за образец. Все это теперь у них будет перед глазами.

Есть ли у этих государственных преступлений национальные цвета? Статистика говорит: да.

На конец 2007 года Европейский суд принял на рассмотрение 80000 дел. Четыре страны поставили 55 процентов дел. Это Россия — 26 процентов, Турция — 12, Румыния — 10, Украина — 7 процентов. Статистика принятых по делам постановлений в 2007 году несимметрична, но имена совпадают. Турция — 331 постановление, Россия — 192, Польша — 111, Украина — 109. На эти четыре страны выпало 49 процентов постановлений.

БЕСЕДА С ЭКСПЕРТОМ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ХАСАНОМ БАКИРЧИ (ТУРЦИЯ)

Ближе всего к нам Турция. Два самых больших государства, две бывшие империи, два евроазиата распяты между ностальгией и неопределенностью, мучаются схожими комплексами. Хасан Бакирчи — эксперт Европейского суда с 1996 года. С ним мы беседуем о турецкой специфике дел.

«До начала 90-х годов страной — ответчиком №1 в Европе была Великобритания, — говорит Бакирчи, — довели ольстерские дела. В десятилетие 90-х превалировала Турция. В нынешнее десятилетие лидерство принадлежит России».

Сделав эту экспозицию, мой собеседник углубляется в свою тему.

Если говорить о турецкой специфике, то львиная доля принадлежала курдским делам, и это были самые тяжелые деликты: произвольные убийства, исчезновения людей, пытки, разрушение домов в результате бомбежек деревень... В Страсбурге Анкаре пришлось очень туго. Аргументы борьбы за территориальную целостность, против сепаратизма, против терроризма не отменяли фактов преступлений против личности.

На втором месте — кипрская тематика. В 1974 году в ответ на предпринятую греческими «черными полковниками» авантюрную попытку «энозиса» острова, турецкие генералы разрубили остров как ятаганом пополам на Север и Юг. Тридцать лет спустя осталась незажившая боль человеческих трагедий и... шлейф дел в Страсбургском суде. В результате жесткой этнической чистки греки — киприоты вынуждены были бежать с северного (турецкого) Кипра, бросив свои дома и земли, и теперь они судятся за свою собственность. В знаменитом деле «Луизиду против Турции» Страсбургский суд принял следующее постановление. Суд нашел, что госпожа Титина Луизиду, гражданка Республики Кипр, остается законным владельцем своей собственности, которая находилась в районе, оккупированном турецкой армией. Суд признал Турцию оккупирующей державой, ответственной за политику и действия властей на оккупированных землях. Турция была признана виновной в постоянном воспрепятствовании истнице в доступе к своей собственности и фактической ее экспроприации без компенсации. Суд приговорил Турцию выплатить убытки госпоже Луизиду. Турция отказалась признать это решение суда, и тогда Комитет министров Совета Европы принял резолюции, в которых осудил несоблюдение Турцией своих обязательств, напомнил Турции о том, что она признала Конвенцию Совета Европы, а также обязательную юрисдикцию Суда,

и призвал Совет Европы принять необходимые меры, чтобы принудить Турцию к соблюдению обязательств. В декабре 2003 года, памятуя о поданной заявке на прием в Европейский союз, Турция выплатила госпоже Луизиду сумму в 641 000 кипрских фунтов (1,5 миллиона долларов США).

Дело «Луизиду против Турции», без сомнения, прецедентное. В Страсбурге сейчас 1500 подобных дел.

Пышный букет разного рода нарушений демократических норм составил третью основную категорию турецких дел в Европейском суде. Тут и военные трибуналы над гражданскими лицами, и запрещение политических партий, и нарушения свободы выражения мнения.

Решения Страсбургского суда не трафаретные.

ДЕЛО О ПЛАТКЕ

23 февраля 1998 года вице-канцлер Стамбульского университета издал циркуляр, согласно которому студенты в бородах и студентки в мусульманских платках не будут допускаться к лекциям и семинарам. Студентка 5-го курса медицинского факультета Лейла Шахин не только ослушалась, но и подала в суд на университет, заявив, что это вмешательство в ее частную жизнь и что нарушены ее права на свободу совести и религиозных убеждений, право на образование и другие фундаментальные права. Так родилось дело о платке — «Лейла Шахин против Турции».

Страсбургский суд, куда докатилась жалоба, разобрал ее в 2002 году. Суд не согласился с истицей. Вот его аргументация. Запрет на платок существовал задолго до циркуляра вице-канцлера и даже до поступления Лейлы в университет. На этот счет есть специальное разъяснение Конституционного суда Турции: разрешение студенткам «закрывать шею и голову вуалью или платком, исходя из религиозных убеждений» противоречит конституции страны. Запрет на ношение в стенах университета мусульманских платков обоснован принципами секуляризма, который по конституции является гарантом демократических идеалов, свободы и равенства. Поддержание секуляризма может быть необходимо для защиты демократической системы в Турции, говорится в решении Страсбургского суда.

Другим громким случаем, когда Страсбургский суд вопреки абстрактно либеральным ожиданиям поддержал запрет, было дело «Партия Справедливости и другие против Турции». «И другие» — это в первую очередь Реджеп Эрдоган, нынешний премьер-министр страны, а тогда член парламента, а Партия справедливости — его партия, ныне правящая, а тогда впервые добившаяся стратегического

успеха на парламентских выборах и в эйфории не скрывавшая исламистских амбиций. В 1997 году турецкий суд во всех инстанциях, включая Конституционный, принял решение о роспуске партии на том основании, что такие ее цели, как введение шариата и установление в стране теократического режима, несовместимы с требованиями демократического общества. Сам Эрдоган лишился места в парламенте и был на пять лет поражен в праве заниматься политикой.

Свою позицию Европейский суд сформулировал так:

«Политическая партия может вести кампанию за изменение законов и конституционного устройства государства при двух условиях: во-первых, средства для достижения этих целей должны быть законными и демократическими, и, во-вторых, предлагаемые перемены сами по себе должны быть совместимы с фундаментальными демократическими принципами. Из этого следует, что политическая партия, чьи лидеры призывают к насилию или выдвигают программу, несовместимую с демократией, не могут рассчитывать на защиту Конвенции по правам человека... Роспуск Партии справедливости может быть оправдан «серьезной общественной необходимостью». Он может полагаться «необходимым в демократическом обществе».

Из того запрета Эрдоган и его сторонники извлекли существенные уроки. Эрдоган решительно реформатировал партию, теперь она называется Партия справедливости и развития. Нынче в свой второй приход к власти она тщательно заботится о своей репутации, и это репутация политической силы, добывающейся прогресса. Так что, когда нынешним летом противники вновь попытались использовать оружие запрета против Партии справедливости и развития, Конституционный суд Турции попросту не принял претензию.

Кстати, во всех других случаях Страсбургский суд неизменно выносил постановления против роспуска партий в Турции. За последние пятьдесят лет в Турции партии запрещались 24 раза. В 23 случаях Европейский суд признавал запреты противоречащими Конвенции по правам человека.

Решения Страсбургского суда исходят из высших стандартов права и демократических ценностей и при этом учитывают общественный контекст. Что не мешало турецким властям регулярно обижаться на Страсбургский суд и обвинять его в заданности, антитурецкой направленности, поддержке терроризма.

«Суд обнажает проблемы той или иной страны, снимает с них вуаль. Суд стирает чужое грязное белье. Странам это не нравится. Они дуются, уходят в отказ, — говорит Хасан Бакирчи. — К счастью, эта реакция не единственная. Более трезвая и реалистичная позиция пробивает себе дорогу и в Турции. Реформы 2003 — 2004 г.г., коснувшиеся как законодательства, так и пенитенциарной практики, принесли пользу. Не в том смысле, что люди стали меньше обращаться в Страсбургский суд. «Дойти до Страсбурга» — такие «угрозы» можно услышать из разных уст — от политиков до футболистов. Наоборот, он как бы стал доступней и ближе. Но поводы для этих обращений становятся обыденней. Исчезают исчезновения людей. Меньше жалоб на дурное содержание в тюрьмах. Больше имущественных споров».

Когда государство предстает уже не убийцей и террористом, а преступником пониже классом — это прогресс. Мысль не очень политкорректная. Но она и не должна оставлять места для успокоения. Умные государства точно и системно реагируют на постановления и рекомендации Европейского суда. Великобритания, ратифицировав Конвенцию по правам человека, тут же ассигновала средства на трехлетнюю программу по обучению всех судей. То же самое в отношении тюремных содержателей. Италия, которая была среди главных клиентов Суда, постаралась не задерживаться в этом качестве (1714 постановлений пришлось на ее долю за десять лет и только 67 в 2007 году). Это правильная реакция.

«Для позитивной трансформации и реформации у нас в Турции есть очень действенный стимул: мы хотим, чтобы нас приняли в Европу, — заключает Хасан Бакирчи. И неожиданно добавляет. — У вас в России такого стимула нет».

Продолжение в следующем номере ■■■

БОЖИЙ УЗЕЛ

Повесть

Александр ДОРОФЕЕВ

КОНЁК

Дедушка мой Тулий Силыч, стучась кулаком в мою голову, нередко сулил:
— Примешь эстафету! Сядешь, брындахлюст, на моего коня!

Легко представить, как изнеможенный дед подводит могучего коня, с которым ему уже не совладать. Я запрыгиваю, будто во сне, на широкую спину и — по лесам, полям, горам — неведомо куда...

— погоди! — останавливает Тулий. — Определим маршрут.

И рыжий конь сереет подо мной. Эдак мышееет — в масти и стати.

Да и нет, честно говоря, никакого коня у дедушки. Так, коньки-конёчки. Иначе — охота до разных бестолковых дел.

А всё же, признаюсь, за что ни возьмётся, всё у него ловко увязывается и споро бежит. Вроде резвого конька-горбунка. И главное — по маршруту.

Словом, любое дело у моего деда — конёк. Дел по горло и, выходит, коньков — целый табун.

Некоторыми он особо гордится. Например, кактусами, которые внеурочно цветут, мутируют и плодоносят.

— А ведь и я был маленьким балбесом! — замечает Тулий Силыч. — Но вовремя! — вздымает палец. — Принял эстафету от старших!

Кое-как, с натяжкой, можно представить деда малолетним. Но балбесом?!

— Учись, учись, брындахлюст, на ошибках, пока я жив, — говорит он, чуть грустнея.

И рассказывает упоённо о той счастливой поре. Это, пожалуй, его конёк-любимчик — поведать об изжитых прощётах и оплошках. Иной раз, кажется, приписывает себе и чужие для общей убедительности — всё, мол, по силам превзойти и одолеть!

Так, например, неожиданно выясняется, что когда-то юный дед Тулий работал в геологической партии, в песках Кызылкум.

И понадобилось однажды, не дожидаясь машины, сходить в соседний посёлок за какой-то нуждой.

Кругом был тихий-тихий безветренный песок и смирные кустики верблюжьей колючки. Дед шёл себе и шёл, полагая, что ноги выведут. А ноги рассудили иначе — попросту увели незнамо куда.

Обычная история. Всегда одна нога пошустрее, опережает другую. А дед тогда, увы! ещё не знал, у какой ноги, какой характер, — и долго петлял по пустыне.

В конце концов, увидел три пальмы и водокачку, где чёрный паровоз заправлялся водой, и понял, что заблудился. Отчаявшись, пополз на четвереньках. И вероятно, руки уравниали ноги. Путь выпрямился, хотя к тому времени был так ужасно искривлён, что дед выполз обратно к палаточному лагерю.

— Понавязал узлов, брындахлюст? — встретил его строгий начальник экспедиции, нехотя собиравший людей на поиски.

— Ничего я не вязал! — буркнул разгорячённый песками Тулий.

Он стыдился неразумности ног и возвращения на четвереньках. И не подозревал, что «связать узел» означает просто заблудиться, вернуться, напетляв, на прежнее место. К тому же его сильно задел этот неведомый «брындахлюст».

На другой день прилетел «кукурузник» для аэрофотосъёмки. И дед вдруг понял, что его место, конечно, в небе, а не в песках. Когда самолёт набрал высоту, он увидел весь свой причудливый путь, сохранившийся посреди барханов и неприметной верблюжьей колючки.

— Коровий узел! — крикнул пилот.

Дед было снова обиделся. А пилот достал верёвку и накрутил из неё нечто, очень похожее плетением на след в пустыне.

— Коровьим привязываю авион к столбу! — орал он в ухо, — На случай песчаной бури! Простой узел! Вот если б ты, брындахлюст, по «бараньей ноге» петлял, остались бы от тебя рожки да ножки...

Юный дед был поражён.

«Наверное, так уж устроен человек, — якобы подумал тогда Тулий. — Вяжет узлы там и сям, когда надо, когда нет. И не умеет распутать. А надо бы знать всю возможную кривизну и загогулины!»...

С тех-то пор он и охотился за узлами. В доме его с потолка и дверных притолок, с лампочек и со множества специальных гвоздей свисают верёвки, облепленные узлами, как гнёздами каких-то паразитов. Наверное, их тысячи. И у каждого своё название. И каждому будто бы своё назначение. Дед, конечно, все выучил наизусть.

Узлы курьерские и бурлацкие, мельничные и пожарные, пиратские и боцманские, скорняжные и охотничьи. Можно отыскать акулий узел и щучий, змеиный и верблюжий, устричный и черепаший. Есть даже родильный, которым пупки завязывают.

А на почётном месте в красном углу — «мартышкина цепочка», «кошачья лапа», «травяная петля» и «мокрый полуштык». Не говоря уж о «бараньей ноге» и коровьем, с которого началось всё это узловое безумие.

— Да это малая часть известных человечеству, — говорит Тулий с придыханием. — Недавно освоил узелковое письмо! Однако не с кем переписываться... — И поглядывает на меня, как на безграмотного олуха.

Как ни зайдёшь в гости, на столе обязательно лежат в ряд ровно нарезанные верёвочки.

Дед вдумчиво, безмолвно разминает пальцы, как пианист-виртуоз, закрывает глаза и отворачивается, чтобы я не думал, будто подглядывает.

Верёвки мелькают в руках, струятся меж ладоней, вожделея слияния. Какой-то миг, и вот — соединились. Свились, сплелись, скрутились, создав мудрёную тварь, вроде гомункулуса, с плавной петлёй на шее.

— Король узлов! — любитесь дед, лаская пальцем, — Ему пять тысяч лет! Ещё древние египтяне вязали, когда пирамиды строили.

Никогда, сколько помню, не глядел он этак на меня, сроду не приголубил.

— Да кому они сейчас-то нужны?! — ни с того, ни с сего говорю в сердцах, будто разгорячённый пустыней.

Онемев на время, дед созидает для успокоения пару невероятно крупных узлов, подобных головам античных мыслителей, после чего холодно ставит меня на место:

— Куда ни плюнь, брындахлюст, всюду узлы! Все вяжут. В прямом и переносном. Есть гипотеза, по которой мир наш, вселенная — один громадный узел из трёх, так сказать, верёвок...

Понимая, что гипотеза для меня чрезмерна, Тулий Силыч безысходно машет рукой, и переходит к стаду кактусов.

— Понюхай, — сует в нос лохматое чудовище с чёрным смердящим цветком на макушке. — Ну, в полноздри!

Я вежливо нюхаю, удрученный срывом, киваю, выказывая упоение, и думаю про себя...

Где же, думаю, в каких заповедных лугах бегаёт сейчас, пасётся мой конёк? Доберусь ли до него когда-нибудь? Признаю ли в нём своего? Или так и останусь до конца дней моих брындахлюстом, ничем по сути, поскольку и слова-то такого не существует...

Есть брандахлыст, иначе говоря, — бездельник, праздношатающийся. Вот это даже удивительно, насколько мне подходит...

Хотя, если разобраться, — уж не дедушка ли Тулий Силыч мой конёк?

Эдакий генерал вообще — от инфантерии, кактусов, узлов, и жизни. Эн хенераль, как изъясняются латины. Да, Тулий Силыч ещё тот узелок, похожий на фигу, крепко-накрепко сложенную Создателем! Как ни крути, а Божий узел, который с виду хоть и прост, а хрен сразу распутаешь.

БЕРЁЗОВОЕ ПУГАЛО

Дрозды клевали на огороде клубнику. Они резко и жирно квохтали, подзывая приятелей. Рано утром склёвывали ягоды. До половины со спелого бока.

Толстые коричневые тельца упруго подсакивали в клубничных зарослях. Наглый грабёж!

С криками выбегал я из дому. Дрозды, треща крыльями, стрекоча, якобы напуганные до смерти, скрывались в кронах деревьев. Следили оттуда, когда мне надоест торчать на огороде. А надоедало быстро — делать тут было нечего, если не клевать клубнику.

У сарая подыскал я двухметровый берёзовый кол. Прибил перекладину. «Вот и человек поначалу-то был так же прост — тяп-ляп. А вон как изменился!» — думал, роясь в сундуке. Откопал две шляпы и три пиджака. Шляпы — летние, соломенные, мятые. Пиджаки — хоть куда! Один ещё недавно дедушка носил. Двубортный и приталенный.

Сундук облагораживает — чем дальше вещи лежат, тем более в них значительности. Цвет матерееет, покрой моднееет. И нафталин ароматен, как тонкий одеколон.

Подвернулись рыженькие искристые брючата и галстук с попугаем. В облаке воспоминаний вернулся я к берёзовой крестовине. Пиджак был тесноват в плечах, и я обпиливал перекладину, когда подошёл дедушка.

— Что это тут? Одежду разбросал...

— Пугало строю. А то клубнику клюют.

— Какая клубника, если спать до полдня! Птицы умнеют, а иные люди — никак. Попилил бы дрова, чучелко!

Отвлекая дедушку, я прикинул рыжие брючки, едва достававшие до щиколоток.

— А когда-то впору были...

— Здорово вымахал, — вздохнул дедушка.

Сбить его с дороги было мудрено, и я покорно слушал, разбирая сундучное добро.

— Не много нажил, — заканчивал он. — Разбрасываешься! А человек должен иметь твёрдую цель в жизни. Эх, чучелко, — махнул рукой, вытащил из кучи шляпу и, примеряя, удалился в сарай, откуда враз послышалось жужжание, постукивание, завывание. Дедушка точил по заказу общества кружевниц деревянные колокольчики. Выходили, как настоящие, — с деревянным же язычком. Берёзовые колокольчики подвешивали на сплетённые кружева.

Они, конечно, не звонили, а скромно постукивали. Когда дедушка вытаскивал из сарая связки колокольчиков, они косноязычно шелестели, как баранки.

«Пугало — не чучело, — думал я, прибывая к берёзовой крестовине берёзовые руки и ноги. — У пугала твёрдая цель — пугать!»

Гвозди входили уверенно. Сухой стук прыгал среди сосен. Крест преобразился в голую и суровую древнюю букву, которую неизвестно как произнести. Лучше прикрыть одеждой.

С рубашкой и пиджаком хлопот не было. Зато штаны не налезали, цеплялись за сучки. Наверное, так же трудно обряжать одереженевших покойников. Подпоясав верёвочкой, я поставил его на ноги и глянул — как бы вдруг.

У куста бузины, чуть косовато, замер, вроде подстерегая, мрачный мужик — из ворота рубахи торчал берёзовый обрубок. Казалось, голову только что отсекли, и мужик ещё не догадался.

Торопливо накрутил кулём ветхую простыню, разгладил морщины на будущем лице и нахлобучил шляпу.

Однако в руках пусто. Отыскал прошлогодний жёлтый портфель и прибил сапожным гвоздиком. Мужик сразу приосанился, белея из-под шляпы пустой простыночной мордой. Хотелось нарисовать хорошее лицо, с доброй улыбкой. Но вылезли сами собой голубенькие унылые глазки, мягкий розовый нос, вялый румянец на дряблых щёках и оплывший подбородок. Не такого я задумывал. Впрочем, уж каков уродился. «Тулий Силыч, — послышалось, — со стажем».

Подхватив, бережно отнёс на огород. Воткнул у клубничной грядки в рыхлую землю. Снял шляпу. И обухом топора вцепил по белому темени — простыня расплзлась, выперла берёзовая кость. Воровато оглянувшись на дорогу, ударил ещё пару раз, и Тулий Силыч утвердился охранять посевы.

Рваное небо плавало в облаках. Пустая асфальтовая дорога была серо-синей, холодной, как осенняя река. Сосны убегали высоко вверх и там мотались из стороны в сторону под ветром. Трещали, как сороки, дрозды, носясь меж деревьями. В сарае выл дедушкин токарный станок. И только пугало Тулий Силыч, со стажем, стоял недвижно среди огорода. Даже жёлтый портфель не шевелился в его руке.

Порывами, как из лейки, сыпался дождь, и простыночное мятое личико менялось, как хотело. Из-под носа вытекли усики, возникли лохматые бакенбарды и неприятные складки вокруг рта. Совсем противным стал Тулий Силыч, а всё ж отчасти родственным. Подобное, верно, могут чувствовать пожилые родители к неоправдавшему надежд стареющему сыну.

— Обед! Обед! — Покричал от сарая дедушка, взмахивая деревянным колокольчиком. — Фу ты — ну ты! — подошёл к грядкам. — А я смотрю — с кем на огороде топчешься?! Бродяжка какой-то! Вон, как опуститься можно — пиджачишко затрёпанный, штаны вкривь-вкось. А шляпа на что похожа? Воронье гнездо! Погоди — другую принесу.

Дедушка сходил в сарай за шляпой и сам надел Тулию Силычу — чуть на затылок, с наклоном влево, залихватски, как сам носил.

За обедом всё косился дедушка в окно, на огород.

— Тьфу! — не стерпел во время компота. — Так и кажется — чужие бродят! Поставил ты чучело на беду! Смотри, обчистят. И пиджак не плох, и шляпа свежа. А портфель! Сам бы носил.

— Потерпи до осени, — попросил я. — Без портфеля Силыч сам не свой.

— Какой ещё Силыч? — нахмурился дедушка. — Вот обчистят, отчества не спросят! А главное — огород потопчут. Эх, всё бездельем маешься, чучел строишь! А пора бы себя строить, не тратя времени.

После обеда дедушка пошёл отдохнуть, а я заглянул в сарай. Тут было множество приспособлений, инструментов и совсем непонятных металлических загогулинок. И всё на своём месте — в покойной строгости. У дедушки каждый немой инструмент — молоток, пила или стамеска — знал своё место. Какая-нибудь захудалая проволочка на специальном гвоздике. Болтик или шурупчик в определённом ящичке. Любопытно разглядывать молчаливые железки. Хотя с дедушкой-то они всюду разговаривают. Одни повизгивают, другие ворчат и поскуливают, третьи только соглашаются — да, да, да. Этих-то я хорошо понимал. Спорить с дедушкой впустую. Ворчи или повизгивай, а всё равно скажешь — да, да, да. Дедушка всегда прав.

Так раздумывая, покинул я сарай и направился на огород к Тулию Силычу. Тронул за плоское плечо, ощутив под пиджаком, как и следовало, неотёсанную палку. Тяжёлая черноватая туча выбиралась из-за сосен, и в предгрозовых сумерках Тулий Силыч надулся. Беспокойство и хлопотливость появились в тряпичном лице — на полвека составилось оно за прошедший час.

Редкие прохожие спешили по дороге. Тётка с авоськой замерла у забора и долго приглядывалась к Тулию Силычу. Рукой помахала. Крикнула — эй! Но Тулий-то Силыч и глазом не повёл. «Нежить!» — ахнула тётка и заспешила прочь.

Всё же знал своё дело Тулий Силыч. Попугивал. Сами дрозды его сторонились, суется вдали от грядок.

Выплыла белая лошадь, впряжённая в повозку, на которой куковал старьёвщик Соловей.

То и дело вскрикивал: «Старьё брани да со двора гони!» Слова будто прыгали по ухабам — кое-что подскакивало, остальное без следа западало. Висело, как дряхлый ковёр на верёвке, побитое молью заклинание — арьё-анидара-ани!

Соловей остановился у ворот, зашёл и — прямо к Тулию. Пиджак пощупал. Понюхал портфель.

— Свой парень! Беру в товарищи — кобылу стеречь. Даю, согласен, пистолет со свистком.

Прихватил Тулия Силыча за плечи, уже раскачивая, таща, как овощ, из земли.

— Погодите!

— Годить да чаи пить — жизнь фью-ить! — свистнул Соловей, отступая на шаг. — Вижу, согласен, что родня тебе. Однако ж подумай — два пистолета, согласен. Загляну на днях!

И пошёл к лошади, бледневшей, как вечерний туман. Прыгнул в повозку и сразу исчез, будто провалился меж буераков, под землю.

Похолодало. Полярный ветер проносился чуть выше сосен. Низко, чтобы не угодить в эту зиму, пролетали две вороны, беседуя, как немые, крыльями. Вдруг расстались — одна села на сухую берёзу, другая полетела в просветлевшее на закате небо.

Постукивая колокольчиками, вышел из сарая дедушка. Голова засыпана тонким опилочным пухом. Опилки лежали на лице. Забились в складки вокруг рта, растопорщили усики и бакенбарды. Приобнял я дедушку, ощутив под пиджаком сухое воробьиное тельце с острыми лопатками.

— Будет баловаться-то, — отстранился он. — Что успел за сегодня?

Я огляделся, припоминая, но всё вокруг молчало обо мне.

— Зря день прожил, — кивнул дедушка. — Не будет из тебя толку!

— А от тебя-то какой толк? — прошамкал вдруг Тулий Силыч. — Разве что к Соловью в товарищи — кобылу стеречь.

Дедушка встрепенулся и откашлялся, будто услышал, но не разобрал ясно, а переспросить-то вроде и некого. Опилки посыпались с лица. Он махнул рукой и пошёл в дом. Берёзовые колокольчики шелестели ему по дороге какие-то деревянные слова — мол, вечер, спать пора. А спал дедушка уверенно, лёжа на спине, руки вдоль, упрямо дыша носом. Умеет ли кто спать правильной?

Взошла внезапно пятнистая луна. Я посидел у дома на скамейке. Обернуться бы пугалом, стоять меж грядок долгие годы, безмолвно, твёрдо зная, что делать, всё понимая, всех любя, пугая беззлобно птиц и охраняя урожаи.

Войдя в дом, выключил свет и поглядел из окна. Луна теперь была ясная, без пятен. Пoblёскивали листья. Мутно светилась парниковая плёнка над огурцами и помидорами. А где же Тулий Силыч? Не видать!

Окно запотело, и луна растянулась по небу светлым столбом. Протарахтел на дороге мотоцикл.

Я выскочил на улицу. Сосновые лапы медленно ползали по луне. Холодный ветер сошёл на травы. А Тулий Силыч укрылся, кажется, за ёлкой. Вот он, стоит, не шелохнётся. Воротник поднят. Портфель в руке на гвоздике.

Подкравшись сзади, я отвесил подзатыльник — шляпа покатилась, вихляясь, по сырой тропинке. Тулий вроде присел. Тогда я щёлкнул по холодному скользкому носу, отчего состроилась диковатая нездешняя гримаса. Силыч отпрянул и застыл с жалкой улыбкой.

— Какой из тебя толк? — бормотал я, стаскивая с него пиджак.

— Толк? — переспрашивал суетливо Тулий Силыч. — Какой толк? Из меня толк? Польза или прок?

Рубашку он никак не хотел отдавать, цеплялся каждым сучком. Да, видно, ослаб — руки и ноги в штанах отвалились без борьбы, как сухие ветки. Когда я разматывал простыню с перекошенным лицом, глаза его были полны укоризной.

Озираясь на дорогу, поспешил в дом. Полная луна всё так же лезла в окно. Долго не мог заснуть, вертелся, чувствуя внутри простую берёзовую крестовину, как у бывшего Тулия Силыча, — тяп-ляп. Хоть бы листики какие распустились...

Ранним-ранним утром, которое мне обычно лишь снилось, по огороду с лейкой в руках бродил дедушка. Наклонялся над клубничными кустиками, и лицо его разглаживалось. Улыбаясь, щурясь на солнце, приостановился у берёзовой крестовины, вбитой среди грядок. И, как бы померившись ростом, пошёл к сараю.

А на крестовину уселся дрозд. Вертелся из стороны в сторону, как флюгер, подрагивал хвостом, шею тянул, голу набок — недоумевал вроде, откуда берёзовый кол вместо серьёзного человека со стажем, Тулия Силыча, пугала огородного.

АРХИВ

В этой истории так много тёмных и смутных мест, что не знаю, как рассказать. Со временем ещё больше потемнело, замутилось.

Хотя, как от редких ночных фонарей, есть-таки светлые пятна и проблески. Так что начну потихоньку, чтобы не слишком спотыкаться.

Была осень, и, тепло одетый, я потел, волнуясь, у косяка тяжёлой кожаной двери. Слушал, как стрекочут секретарши. Руки неотделимы от пишущих машинок, а головы — сами по себе, большая с гребнем и маленькая в кудряшках, чего-то обсуждают.

Когда я в детстве садился на горшок, то обязательно рисовал, лепил из пластилина, а дедушку заставлял читать книжку. «Ты как Гай Юлий Цезарь, — убедительно говорил он, — враз столько дел! У тебя великое будущее!»

Однако где оно? Потеряно что ли в пути?! Вот дожидаюсь, скромный проситель, не примут ли на какую-нибудь работу...

— Снимите фуражку, — приказала большая голова.

Кепка меня украшала. Мохнатая, редкая, как уссурийский тигр. Лёжа на затылке, придавала уверенности, поддерживала. Но, конечно, снял, скрепя сердце...

Директор Дубинкина, белоснежно-пухляя, как рукодельная подушечка, в рюшах и бантиках, глянула вскользь, будто на залежалый прошлогодний товар, который, если и брать, то даром:

— В архив, — черкнула на бумажке. — Архивариусом.

О, как неожиданно красиво прозвучало это — архивариус! Тут где-то рядом архитектор, архимандрит. И даже архангел. Вполне окрылённый, вылетел я от Дубинкиной. Хотя и недоумевал, почему мне такая честь? Или прав-таки был дедушка? Я позвонил ему из автомата.

— Поздравляю с должностью! — сказал он. — Архив, или архиво, — помимо прочего, означает тайник и кладёзь премудрости. А ты теперь его хранитель! Старайся соответствовать.

В тот вечер, разможенные дождём, сияли на улице фонари. В подвале соседнего медицинского дома хором брехали собаки. И угрюмая, как в пущечном стволе, тишина исходила от маленького с виду морга, укрытого осенней мглой.

Приехав домой, обнаружил, что без кепки. Казалось, не могла пропасть, вернётся. Заглядывал в телефонные будки, спрашивал у секретарш, смотрел украдкой на головы прохожих. Но кепка навсегда исчезла из жизни. Возможно, с нею меня ожидали другие, лучшие, пути.

Мой архив располагался в подвальном этаже за зелёной железной дверью с замком, напоминавшим пудовую гиру. И выяснилось постепенно, что ключ давно утерян. Возможно, лет двадцать назад, ещё до моего рождения. Никто не мог сказать, как же быть. Даже Дубинкина отмахнулась:

— Посидите пока с курьерами, а там разберёмся...

Обстановка в курьерской была домашней. Электрочайник, стаканы и чашки, рафинад в стеклянной банке и щипчики к нему, баранки, сухарики, там и сям леденцы, обёртка которых отделялась только во рту, — хочешь, выплюни, а хочешь, проглоти. Два пожилых курьера, оба Иванычи, носили из дому пищу в термосах и судках. Обедали на заказных письмах, придавая им теплоту и душевность.

Приняли меня хорошо, опекали и как-то жалели.

Младший Иваныч часто убывал с пакетами. А старшего уже не тревожили — он терял письма или доставлял не по тому адресу, да к тому же избегал всякого транспорта, кроме своих ног в специальных башмаках-скороходах, пошитых с полвека назад.

Этот Иваныч, по имени Ангел, оставался при механическом железном ящике, намертво привёрнутом к столу, с ручкой, как у мясорубки. Письма и бандероли, сунутые внутрь, вылезали со штемпелем, готовые в путь. Это было наслаждение — крутить ручку, ощущая сопротивление толстых конвертов. Старший Иваныч так распался, — писем не хватало! — пропечатывал всё подряд, даже носовой платок, отчего нос становился сизоватым, с едва различимыми письменами.

Я проводил с ним много времени, слушая были о гонцах и посланцах, начиная с Марафона.

«Курьер — это дурь немецкая! Курья беготня! Не признаю, — говорил старший Иваныч. — Вестник я! И в роду у меня все вестники. То есть ангелы, если по-древнегречески. Куда нас только, мил-сердечушко, не посылали! И с благими вестями, и с погаными. Одаривали, угощали за богатыми столами, а другой раз били до смерти. Доставить весть, а там хоть помереть — такая у ангела служба!»

С курьерами было уютно, но так ведь и жизнь пройдёт, неприметно, впустую, под крылом у старшего Иваныча. Хотелось на свою подвальную должность, в архив.

— Брось ты, мил-сердечушко! Забудь, — махал обеими руками Ангел Иваныч. — Хотя я не суеверный, а дурное это место!

И нашептал горячо прямо в ухо, что ещё помнит прежнего архивариуса, милейшего Маныча-Гудило, которого вроде бы арестовали и, кажется, расстреляли за потерю ключа. В общем, сгинул человек. С тех пор архив не открывали. И что там творится — никому не ведомо. Только слышно — шорох и бормотанье, никак не успокоятся.

Я посоветовался с дедом.

— Легче всего плыть по течению, — сказал он. — Но на твоём месте я сам бы отпер эту дверь, доказав всем, что на многое способен. Не отступай перед замками!

Я пригласил местного слесаря, остриженного под гирию, и знакомого домушника из нашего двора. Не более минуты потолкались они у архивной двери.

— Да, брат, — вымолвил слесарь. — Такого не видал. Разве что динамитом!

А домушник очень от бессилия озлобился:

— У тебя чего — засор?! Куда тут отмычку совать? Гляди, шкалик, что написано, — шестнадцать кэгэ! Я тебе не культурист, с гириями дела не имею... — И отвесил какой-то особенно трескучий уголовный подзатыльник с вывертом.

Действительно, на двери в надёжных стальных скобах покоилась чёрная пудовая гирия, слегка напоминавшая замок. «Может, такое бывает — замки от времени деградируют и превращаются в гири, — пытался думать, сидя под стеной. — Ведь был когда-то ключ! Иначе бы не расстреляли милейшего Маныча-Гудило». Оставалось идти к Дубинкиной с позорным докладом — мол, не могу проникнуть на место службы.

Тогда-то и возник в подвале хромой юноша по имени Уран, с огромным кроликом в руках и ножовкой по металлу.

— Ты архивариус? Вот ключ — пили! — сказал он просто. — А то всю жизнь тебе покоя не будет.

С Ураном мы и раньше встречались. Он трудился в лаборатории, где проводили опыты над кроликами. Иногда прихрамывал в курьерскую, повертеть ручку железного ящика, и рассказывал, какие они умные, хитрые да ловкие эти кролики, как роют отдельные удобные квартирки под землёй, как любят родителей, а, заметив врага, предупреждают остальных сильным топотом задних ног.

— Не пойму, — говорил потом Ангел Иваныч, — почему хромает? Нету видимых причин! Разве что глаз косит, уши, как бананы, да имя какое-то нелюдское... Похоже, в армию не хочет!

В общем, дружеских чувств у меня к Урану не было. Однако я взял ножовку и примерился к гире, соображая, насколько тупо выгляжу.

— Пилите, Шура, пилите! — подбадривал Уран. — Всё повторяется в этом мире на новый лад! И глупость становится доблестью!

Гирия потеплела, запахла, как кетчуп, кислотатым металлом. Вяло отваливалась тяжёлая липкая стружка. Руки дрожали, я нервничал, будто каторжник, готовящий побег.

— Хорошо! Отлично идёт! — успокаивал Уран. — Пили, сколько сил достанет, а я пока расскажу о кроликах. — Поглаживал он серебристого, голубоглазого, который раскинул уши и затих на груди, как дитя. — Вот, бельгийский Фландр! В длину около метра, весит десять кило. Но главное, у него такое строение нёба, что он, в отличие от зайцев, способен говорить! Однако слушать не хотят! Плевать на то, что кролик скажет!

— Им только кровь моя нужна, — слышалось глухое ворчание, — для реакций Уленгута и Фриденделя...

Оглянувшись через плечо, увидел краем глаза Урана и Фландра, косоватых, грустно кивавших ушами.

— Хорошо бы отрубей со свежей травкой, — вздохнул кролик.

Пошла визгливо вкривь ножовка. Крикнула резко, как ночная птица. И упал сплошной занавес серых марлевых потёмков, где ярко замелькали — архив и гирия без ключа, курьер Иваныч, вестник Ангел, дедушка Тулий Силыч, милейший Маныч-Гудило в кандалах, Дубинкина, хромой Уран и Фландр, болтавший по-бельгийски, а также знакомый слесарь и домушник. То ли подзатыльник был слишком тяжёлый, до лёгкого сотрясения мозга!?

Медленно-медленно протискивался из тесного жёсткого, будто жестяного, свёртка к рассеянному свету. Странно было, что лежу на полу, склонился Уран, а поодаль, испуганно мигая, сидит на корточках здоровенный кролик.

— Ну, ты даёшь, — говорил Уран, прикладывая ко лбу холодную влажную тряпку. — Сразу видно, что гири не пилил! Едва не покалечился...

Палец на левой руке был запелёнат бинтами, как египетская мумия, и торчал отдельно, указывая на гирию.

Уран поднял ножовку:

— Отдохни, побеседуй с Фландром, а я поработаю.

После обморока ничего не приходило в голову. Кролик прядал ушами, подёргивал носом, но, видно, стеснялся заговаривать первым. И мы сидели молча, глядя, как ловко Уран пилит гирию, будто она деревянная.

— Мне Фландр рассказал, что за дверью! — улыбался он, — Поверишь ли? Этот кролик — маленький король и там его королевство.

«Почему бы и не поверить? — размышляя я, поглядывая исподтишка на кролика, — Возьму да и поверю! Это куда легче, чем сомневаться!»

Тихонько поклёвывало палец, а в голове стало легко, безмятежно, и маленький король с Ураном казались давними близкими друзьями.

Внезапно гиря рухнула на пол, так что весь дом содрогнулся, и раскололась, как орех. Я ожидал, что вылетит утка или выскочит заяц, какой-нибудь поданный Фландра со срочной депешей, но выпал небольшой ключ с двойной бородачкой.

— Где-то замочная скважина, — бормотал Уран, ощупывая дверь. — Нарочно замазана краской...

Фландр не сдержался и начал высоко подпрыгивать, крутясь на месте, точно собака, которой невтерпёж погулять. Однако тут же опомнился, смутился и чинно уселся, будто на троне, с прямой спиной, сложив лапы на груди и растопырив уши. Только непрерывно подмигивал и широко зевал от волнения.

Наконец, Уран скovyрнул какую-то нашлёпку, и открылась замочная скважина. Повеяло из неё, как из колодца.

— Ах! — воскликнул кролик и протянул мне ключ.

Трудно сказать, о чём я думал, когда поворачивал его в двери. Вспомнил, кажется, милейшего Маныча-Гудило. Ключ щёлкнул, будто осечка револьвера. И дверь медленно сама собой, затягивая меня, поплыла внутрь.

Сперва показалось, что стены архива оклеены обоями, на которых утро в сосновом бору. Песчаные холмики и лощины, заросшие низким кустарником. Любимые места кроликов.

Да вот сидит парочка под кустом. Посмеиваются, усы разглаживают. Лёгкий ветер тербит траву, покачивает верхушки сосен. И нет впомяне никаких стен и обоев! Небо высоко. Дятел гулко колотит сухую ветку. Поползень царапает кору, перебега по стволу вниз головой. Жарко пахнет смолистой хвоей.

— Вот архив! — услышал я Урана. — Тайник и кладезь, ёлки-палки! Королевство! Заходи, или оставайся, как хочешь, — только дверь прикрой. — И он шустро, совсем не хромя, поскакал вдаль за кроликом Фландром.

Видно, им и без меня было хорошо. Даже прекрасно без меня. Ускакали, не оборачиваясь. Ну что ж — у каждого свои пути! И я, попятившись, закрыл дверь.

И разве что мигнуть успел, как вновь открыл, потому что померещилась, мелькнула, кажется, в кустах моя тигровая лохматая кепка. Да и с кроликом толком не поговорили...

Затхлостью дохнуло. По глухим стенам тянулись полки из грубых досок, заваленные синими бумажными свёртками, какие выдают в прачечной. Меж ними тревожно шуршали огромные чёрные тараканы, ещё помнившие, наверное, милейшего Маныча-Гудило. И сколько я ни хлопал дверью, сколько ни открывал — и разом-вдруг, и мало-помалу — всё было то же. Разве что тараканов переполошил...

— Эх, мил-сердечушко, да что ты бьёшься, как муха о стекло! — разохался, подлетая, Ангел Иваныч. — А я думаю, куда запропастился? Ох, да ты решительно сомлел! Это ж тебе не замок, а буквально гиря... — Он приложил ухо к двери. — Всё бормочут, шуршат, окаянные. Старые дела, а беспокойные.

Ангел Иваныч увлёл меня под руки в курьерскую. Попив чаю с баранками, сухариками и леденцами, отдышавшись, я написал кое-как — мешал перевязанный палец — заявление об уходе, поставил на нём штемпель, пропустив через железный ящик, отнёс Дубинкиной, и весело через три ступеньки поскакал на волю.

Похоже, всё так и было.

ПАУТИНА НА ВЕТРУ

О, как приятно думать, что ты хороший человек! И вокруг все таковы же, а может, и много лучше.

Как-то на ночь глядя, сидели мы втроём, пия чай, в хлипком дощатом домике под вековыми соснами и елями.

А прежде, днём, с приятелем Митей копали на огороде картошку.

Солнце светило издалека, мягко. Затворялось осеннее небо. И уплывали в другие миры серебряные нити-паутинки.

Картошка прыгала с лопаты, будто застигнутая врасплох — как подсечённая рыба. Митя, выросший в деревне, был умелым картофелеловом. Он точно чуял, где копнуть, чтобы не изувечить картошку. Он нежно поднимал её, поглаживал и нюхал, как фрукт. А в глазах его отражались те серебряные нити, которые уводят далеко-далеко. И Митя вспомнил о котлетах — как впервые, угодив из деревни в городскую больницу, попробовал — и что же это было за наслаждение, эти больничные котлеты! Он книжку о них написал и хотел писать продолжение. Но ещё сомневался — может, лучше о картошке...

В дощатом домике тем временем нас поджидал, готовя обед, автор мирных картофельных грядок и толстых военных книг дедушка крепкий Тулий Силыч.

Накопавшись, сидели мы за столом так основательно и умиротворённо, как могли бы, наверное, богатыри после рати. И выпивали без сомнений, поскольку не просто так, а венчая дело.

И я впервые ощутил благодать братской работы на земле, которая связывает крепче крови.

Тулий Силыч степенно, как древний сказитель, поминал о фронтах и битвах, переходя плавно на огородничество и борьбу с вредителями картофеля. Митя рассказывал о внезапной службе в Большом театре, о знакомстве с Плисецкой, по просьбе которой построил специальную табуреточку. Их речи были подлинны и трогали душу, как те серебряные паутинки, плывущие неведомо куда под осенним солнцем.

День угасал тихо, как праведник. И когда мы перешли к чаю, я горячо любил всех — дедушку Тулия Силыча, Митю, картофель с ботвой, Плисецкую и даже некую табуреточку.

— Ты, Митюша, обязательно напиши об этой табуретке, иначе не прощу! — грозил пальцем Тулий Силыч. — Рассказ напиши, а лучше повесть! Ты настоящий писатель — знаешь, о чём и как!

— Да чего там, — разнежено, будто ел котлету на завалинке, мурлыкал Митя. — Кто писатель, так это вы! И картошка у вас, ей Богу, превосходная — ровно «Война и мир».

— Эх-эх, «Война и мир», — вздохнул Тулий Силыч. — Мог бы потянуть что-нибудь эдакое, кабы не колорадский жук. Всё время с ним воюю, пропади пропадом! — махнул рукой за окно, во тьму, где отражались мы трое, сидящие дружно в хрупком дощатом домике, и виднелись без просвету сосново-еловые стволы, так что казалось — мы в прочном срубе. Да едва ли есть прочность в этом мире...

— А почему его зовут — колорадский? — спросил я, стараясь пробудить в себе хоть какую-то неприязнь, хоть поверхностную, к этому жучку.

Тулий Силыч сразу встрепенулся, словно ожегшись чаем.

— Да потому! Американцы рассеяли над нашими полями! В Колорадо взрастили, чтобы тут расплодиться! С тех-то пор и началось крушение страны.

— Ну уж, ну уж! — обжёгся и Митя. — Чего на других пенять, когда сами по уши.

— Сами? — болезненно насторожился Тулий Силыч. — По уши!?

Я даже не успел сообразить, куда устремилась вдруг тихая речка беседы, — к каким камням, к какому водопаду. Всё перевернулось разом, будто песочные часы, и время посыпалось сызнова — в другую сторону, в пустоту.

Тулий Силыч заметно осунулся, и белые спокойные его волосы пожелтели и вроде пошевеливались.

— Выходит, мы тут всё развалили и унизили? Так что ли!?

— Да выходит, что так, — отвечал Митя, тяжело уставившись на пустую бутылку.

— Кто? — еле выдохнул Тулий Силыч. — В моём доме говори без обиняков! Прямо говори — кто развалил!?

А у Мити характер эдакий деревенско-городской, смешанно-неустойчивый, вроде сенокосилки на Арбате. «Сейчас скажет», — подумал я, глядя с тоской в покойное ночное небо, и быстро предложил:

— Может, картошку покопаем! Вон, луна взошла...

Тулий Силыч мельком, раздражённо кинул взгляд на полную наглуую луну, попрунную когда-то не нашими башмаками, и оборотился ко мне.

— А ты-то знаешь, кто такой? Ты — паутина, мятущаяся по ветру!

Это был сильный, гвоздильный образ. Такой вдруг не родится! Понятно, речь шла не о тех серебряных нитях. Имелась в виду иная паутина — грязная, драная и пыльная, с усохшими мухами, мотающаяся в тёмном углу под сквозняком.

И Митя, казалось, был согласен — яростно грыз баранки в двух измерениях, прихлёбывая в третьем чай, а меня не замечая. Будто и не копали вместе картошку.

Я вышел из жиденького дощатого домика под сосны и ели, вполне ощущая себя паутиной на ветру. Так, мотаюсь...

Впрочем, чем лучше дедушка крепкий Тулий Силыч?! Всё писал, как при атомной войне ловчее от бомбы укрыться. А Митя — хренов сочинитель котлет и табуреток! Да и Плисецкая тоже, небось, ещё та штучка. Ну, уж, а табуретка — сушая дрянь...

ЦАРСТВО ЕМУ НЕБЕСНОЕ

Мой дедушка пукал только в парке. Помню, например, как это было наВДНХ. Мы забрели в пустынную аллею. — Вот, теперь можно, — сказал он, оглядевшись, и так здорово пукнул, что с деревьев поднялись вороны. — Надо выпускать газы, чтобы не давили на внутренние органы. Это вулканизм, как в природе! Но человек должен управлять своим организмом — не делать этого, где придётся, в метро или в автобусе...

Мне было неловко, что не смог его поддержать. Если бы удалось, то дедушка, может, теплее бы ко мне относился. Думаю, именно наВДНХ между нами возникло отчуждение.

Он был безмянным. Вряд ли я назвал его хоть раз — «дедушка» или «дед». Ему это совсем не подходило. А «Тулий Силыч», по имени-отчеству, тоже глупо звучало бы от внука. Не зная, как обращаться, я говорил просто — ты. Так древние люди, опасаясь, не произносили вслух имя Господнее.

Он всё делал верно и строго. Правильно. Возможно, какие-нибудь правила ему не нравились, однако он их соблюдал, в пример другим. Показывал, как надо поступать. Он знал, сколько сантиметров в его шаге. Знал, сколько шагов и ударов сердца от дома до трамвайной остановки. Всегда был точен. Недаром в юности сочинил себе временное, на иностранный лад, поскольку изучал эсперанто, имя, или псевдоним, — Вольский-Пунктуаль. Так он подписывал заметки в газете «Власть труда».

Редко когда у него чего-то не получалось. Мне известно не более трёх промашек, если вообще их можно так назвать.

В детстве он боялся высоты, и, конечно, хотел избавиться от этой слабости. Он забирался по железным скобам на огромную кирпичную трубу безлюдного после гражданской войны завода. На сорокаметровой высоте, где труба мерно покачивалась под ветром, садился учить уроки.

В конце концов, так освоился, что тёплым весенним днём улёгся на вершине по дуге, читая книжку. Разморился на солнце, да и заснул. А, пробудившись, потянулся, открыл глаза и не сразу понял, куда глядит, — перед ним зиял бездонный чёрный пролёт, шумное и гулкое, затягивающее жерло трубного ствола. Ноги свисали. Одно движение спросонок, и нас бы не досчитались в этом мире...

Он не помнил, как спустился. Книжка про сыщика Ната Пинкертона так и осталась на трубе. Не хватало силы воли лезть обратно. Пока он собирался с духом, порыв ветра, к счастью, сдул Пинкертона, который, покувыркавшись в небесной синеве минут пять, как стреляный голубь, рухнул под ноги.

Несколько позже, в двадцатых годах, он боролся с мракобесием, с нехваткой умственного образования и с помрачениями рассудка, шедшими от непонимания природных явлений.

В газете «Власть труда» Вольский-Пунктуаль растолковывал, что все недуги, вроде потрясихи, колотья, родимца, ушибихи, чёрной немочи и тоски наносной, не от сглаза и нечистой силы, чего вообще не бывает на белом свете, а от микробов и бактерий. И никакие знахари, ведуны, ворожеи и колдуны никакими сбрызгиваниями, заговорами, обматыванием горячей верёвкой, купанием в воде из девяти рек и маханием кнутом не помогут. Вылечить зуб прикосновением пальца невозможно, писал он, если не смазать этот палец особой наркотической мазью. И серебряный неразменный рубль, на который якобы можно всю жизнь питаться, не что иное, как сказки лодырей и пройдох.

Как-то в газету пришло письмо — вот, мол, вы всё пописываете статейки, что ничего такого нет, а у нас на Вятском кладбище в глухую полночь бродят привидения-икотницы. Кто увидит, становится одержим икотой до тех пор, пока не полизет горячей соли с золой, прихлёбывая кобыльим молоком. И дюжина неразборчивых подписей пострадавших.

Надо было развеять привидений. Объяснялись они, скорее всего, всё теми же газами, могильными и болотными, мерцавшими в темноте. А икота, понятно, от глупого испуга.

В тот же вечер, запасясь спичками и наганом на всякий случай, он отправился на Вятское кладбище. Полночь наступила тихая, безлунная, с мелким дождём и звонкими комарами. Комарливая ночь. «Попы поют над мёртвыми, — вспомнил поговорку, — комары над живыми».

Он твёрдо шагал по утоптаным дорожкам, раздумывая, какого лешего понесло авторов письма на кладбище, чего тут делать впотьмах живому здравомыслящему человеку. Хотел уже идти домой, чтобы написать фельетон о ложной икоте и бредовых грёзах, в общем, о пережитках старого мира, как завидел перед собой именно что пережиток — тусклую крапчатую персону, не плотную и не газообразную, а вроде телячьего студня, от которого веяло холодом.

Он замер, затаив по-охотничьи дыхание, а персона повлеклась вбок, через оградки и кресты. Хотел крикнуть — стой! стрелять буду! — но горло стеснила внезапная икота, такая частая да надрывная, как припадок. Еле-еле смог выговорить — икота, икота, перейди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого. Не помогло. Прочитал кое-как три раза подряд Богородицу — и это напрасно.

Возвращаясь домой, перебудил пять кварталов. Свора бродячих собак не отставала, преследуя, как дикого кабана. К вечеру следующего дня, вконец измученный, красный от икоты и стыда, обливаясь слезами, он лизал в укромном уголке горячую соль с золой и запивал кобыльим молоком. Икота оборвалась, как не было, однако осталась тоска, давившая, будто камень. Пару раз он доставал из тумбочки наган, прицеливаясь в голову, где никак не укладывалось это происшествие.

Он думал, куда бы написать письмо с рассказом о кладбищенском опыте — должно же иметься научное толкование. И вот 23 февраля, в день Красной Армии, ему подарили какой-то журнал, где, между прочим, была статья о комарах. Он узнал много интересных подробностей из жизни мокрецов и долгоножек, звонцов, галлиц и толкунов. Оказалось, толкуны любят роиться тихой влажной ночью, образуя разные фигуры, вроде столба или даже человека.

Вот уж свалился камень! Как легко стало! Понятно, простой комариный рой! Что же ещё? Ничего странного — комары толкуны! Мог бы и сам догадаться. Комарливая выдалась ночь. Ну, а икота — что икота?! — с каждым случается, когда неловко затаишь дыхание.

Тогда же он научился дышать правильно, и на моей памяти икнул один единственный раз. А день рождения отмечал 23 февраля, хотя родился двадцать первого по старому стилю.

И всё же ничтожное сомнение, видно, осталось, какой-то маленький червячок. Спустя много лет, он развёл в огромной бочке комаров-толкунов, надеясь окончательно удостовериться. Толкуны прекрасно роились, но участок был садовый, а не кладбищенский, поэтому, наверное, человеческая фигура у них не получалась. Зато в наш сад не лазили за яблоками, стороной обходили, настолько свирепыми кровососущими урождались толкуны.

Однажды, уже после войны, по дороге на работу его обокрали в трамвае. Очень ловко вытащили кошелёк с деньгами. Конечно, он был крайне раздосадован. Не из-за денег, а потому, что именно его смогли обчистить, будто простак и раззяву. И решил поймать карманника. Для успеха операции требовалось, собственно, немного — ездить, как обычно, в трамвае на работу с новым кошельком в прежнем пиджаке, но на чеку, с повышенным вниманием, чтобы сразу схватить мазурика за руку и волочить в милицию.

Прошла неделя-другая, а на кошелёк не покушались. То ли вор сменил временно маршрут, чуя своим уголовным нюхом засаду, то ли не в его принципах было обирать подряд одного и того же, или просто подозревал, что в кошельке всего-то трёшка, как оно и было на самом деле.

Словом, не заладилось, чего он терпеть не мог. И вот надел новый нарядный пиджак и шляпу, туго набил кошелёк деньгами и постарался придать лицу крайне безалаберное выражение. Похоже, удалось на славу. Настолько увлёкся и вошёл в образ простофили, что прозевал свою остановку, и опоздал на работу, поскольку билет купить уже было не на что, — пусто в кармане, дырка — а зайцем никогда не ездил. Первый и единственный раз запоздал. И это его так огорчило, выбило из колеи, что совершенно позабыл о воришке. Ну, не вышло из него сыщика Ната Пинкертон, экие пустяки в сравнении с опозданием.

На дорогу домой пришлось занять три копейки. Трамвай размеренно покачивался, успокоительно бренчал, уютно подтренькивал — дрёму навевал. Большинство пассажиров клевало носом. Он устало стоял с закрытыми глазами. А надо сказать, что веки у него были чрезвычайно тонкие, буквально просвечивали — он плохо засыпал без специальных чёрных наглазников, вроде лошадиных шор.

В трамвае уже горел тёплый жёлтый свет, и сквозь веки виднелись, сквозили тусклые крапчатые тени, подобные той, кладбищенской. Прямо перед ним, посапывая во сне, сидела, как студень, персоне женского, кажется, роду. И вдруг потихоньку, бочком, надвинулась другая, ещё более тусклая, склонилась, выживая нечто из сидящей.

Распахнув глаза, он застиг венец кражи. Застукал, что называется. Ловчила-карманник нежнейше, словно устрицу, тянул портмоне из дамской сумочки.

На миг он даже залюбовался, поскольку ценил всякое мастерство, но тут же схватил вора за шиворот, о чём давно мечтал, и приподнял, будто нашкодившего кота, над деревянным полом.

Тот, сперва огорошенный, не разумея, как запорол верное дело, вяло обвис. Однако быстро опомнился, выронил портмоне и начал корчиться, скулить, пускать обильную слюну, прикидываясь юродивым, даже прорицал невнятно о скором конце света.

Не заурядный попался воришка, а редкого чарующего таланта. Пленил весь трамвай, включая вагоновожатую. Все приняли его сторону, не желая никаких объяснений, да так яростно навалились, что волей-неволей пришлось отпустить.

Более того, заставили предъявлять документы. В сердцах вышел он из сумасшедшего трамвая, не доехав пару остановок. На другой же день сменил маршрут. Хоть и дольше до службы, на двенадцать с четвертью минут, а глаза бы не видали того трамвая.

Он работал начальником отдела технического контроля в «почтовом ящике». И в раннем детстве это глупо веселило меня, потому что у нас на заборе висел сколоченный им же деревянный почтовый ящик, в котором сроду не было ни газет, ни писем, а проживал одинокий старый дятел в красной шапочке. Почему-то я живо представлял, как он строго сидит весь день в таком же точно ящике, в красной шапочке и чёрных нарукавниках.

Впрочем, ему очень шло — проверять качество и надёжность. Казалось, всех помаленьку испытывает. И меня, конечно, в том числе. Когда на даче разобрали старый сарай, и возвысилась чёрная и неприступная дощатая гора со множеством кривых, ржавых гвоздей, он подошёл с гвоздодёром, тяжёлым, как лом, и предложил коротко:

— Выдирай, распрямляй, складируй — пять копеек за гвоздь.

Это был щедрый воспитательный жест. Гвоздей бы хватило, пожалуй, на новый велосипед. Но я выдрал пару штук на мороженое, попросил расчёта и убежал играть в футбол. Думаю, с тех пор он сильно охладел ко мне.

А потом, сухой и мягкой осенью, когда поредела листва, выказался мешок с бутылками, припрятанный в кустах бузины у калитки. Он позвал меня, будто сыскал подберёзовик.

Мешок был тяжеленный, распёртый бутылочными горлышками и днищами. Отталкивающей внешности. Примерно моего роста. Едва приподнять. Ни за какие бы деньги не потащил через ручей и колхозное поле, мимо профилактория и кооперативного магазина до приёмного пункта стеклотары, где большую часть года проводили учёт.

— Правильно! Вот и схоронил до поры, до времени, пока сил накопишь, — сказал он, чутко наблюдая за выражением моего лица, уже сразу и навсегда решив, чьих рук дело. — Чего отпираться? Хотел украдкой сдать бутылки, развиться тишком. Да ты сознайся — особенно худого тут нет. Просто скажи правду.

Он твёрдо убедился в моём вранье, в бессмысленном тупоголовом запирательстве. Не знал я, какие найти слова, чтобы поколебать его крепость. Не было, похоже, таких слов. Тогда я предложил испытание на детекторе лжи.

— Полиграф!?! — невесело усмехнулся он. — Его-то обманешь, а меня — дудки. — Взвалил мешок на плечо и отнёс к дому.

Долго лежал этот мешок с бутылками на виду, у крыльца, под дождём и снегом, пока я сил набирался.

Серым, рогожным каким-то деньком отвёз на тележке к приёмному пункту, а того и в помине уже нет — снесли что ли. Оставил мешок в канаве.

А на обратном пути будто забрезжило, прояснело. Вижу, как собираю бутылки, укладываю в мешок, волоку, приминая траву, — пух одуванчиков летит следом — прячу в кустах, да и забываю напрочь, точно отрезало.

Он-то всё знал, всё видел, недреманное око, и только хотел, чтобы я сам признался.

Так ли это было, но верно то, что махнул он на меня рукой. А уж после яичницы с картошкой вообще крест поставил.

Он не был большим кулинаром, хоть и мог приготовить, чего угодно — первое, второе, третье. Лучше прочего удавалась яичница с картошкой и картофель жареный с яйцами. Разница между ними была тонкая. Он всегда приглядывал за едоком, различает ли тот, нравится ли. То есть не понравиться не могло. Вопрос — очень, или очень-очень?

— Пальчики оближешь? — спрашивал он. И радовался искренне, если облизывали.

Помню, спешил я на одно из первых моих свиданий, когда он поставил на стол сковороду, только с плиты, полную картошки и жареных яиц. В мыслях я был далеко от этой сковороды. Размышлял, в частности, как одеться и не попросить ли у него пыжиковую шапку, которая меня украшала.

Ел быстро, не слишком прожёвывая, не проникая в смысл продукта, чем уже нарушал заповеди. Впрочем, он смотрел спокойно и, казалось, доброжелательно, как я поглощаю его стряпню. Казалось, он доволен. Ещё пальчики оближу, и смело попрошу шапку.

— Спасибо! — сказал я невнятно, проглотив последнюю картошку.

И тут заметил, что взгляд его тяжёл, тёмн и чугунен, как пустая сковорода.

— Пожалуйста! — ответил он жёстко. — Я приготовил на двоих. Но ты, вижу, только о своём животе думаешь.

Я обомлел, как яйцо всмятку. Внезапно, вдруг оказался кругом, вдоль и поперёк виноватым. Без малейших оправданий и смягчающих обстоятельств. И шапку уже не попросишь, да и само свидание отодвинулось куда-то на задворки, никчёмное, как и я сам.

Никогда до того не приходило мне в голову покончить с собой, а тут пришло, настолько мерзким выглядело пожирание целой сковороды. Конечно, пришло на минутку. Так, заглянуло. Но попадись мне под руку наган, мог бы сгоряча застрелиться.

Было так стыдно. И главное — непоправимо. Разве что забыть. Однако, что досадно, по сию пору не запомнил.

Он умер на кладбище. Когда хоронили однополчанина.

— Последние уходят, — сказал он.

Задохнулся, захрипел, икнул и посинел.

Наверное, перед ним промелькнули и тот трамвай с воришкой-пророком, и привидение из комаров, и ВДНХ, и ржавые гвозди, и Нат Пинкертон, и многое-многое другое, о чём я и догадаться не могу, — пока он стремительно падал в пропасть чёрной трубы.

Вмиг распустился ещё один Божий узел!

После него осталась папка с документами. Справки, аттестаты, свидетельства, выписки, удостоверения. О сдаче норм ворошиловского стрелка, об установке первых радиоточек на селе, о пешем походе в уссурийскую тайгу, об окончании бронетанковой академии, о ранении на Сандомирском плацдарме при форсировании Вислы, о получении орденов, медалей и пенсии.

И среди всего этого два анализа за 1921 год — мочи и крови. Всё в норме было у моего дедушки. Надеюсь, и сейчас тоже. Царствие ему и покой небесные. ■■■

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Андрей ГРИЦМАН

А ты не жди, пока меня не станет.
Тогда и разговор пойдет другой.
Откроют винный, в сквере снег растает,
и ябеда в подъезд войдет с клюкой.

И потрошитель ЖЭК, вершитель судеб
закроет свои желтые ворота.
А «их» слова, промолвленные всуе,
засохнут коркой у заслонки рта.

Я в двор сойду! Когда не пьёшь пять суток,
становится яснее на просвет
весны московской ледяной напиток
и в небе ангельский Аэрофлота след.

Я знаю: строки, тихие, как пчёлы,
лежат по сотам в памяти РС,
напившись мёда, но луча осколок
на мониторе мертвенном висит.

* * *

Эти тихие вечера...
Все как будто было вчера.
Еще дым не остыл, отлетая.
За рулем, за руном, по утрам
манит жизнь, блесною играя.
Вот доехал, а там уж пора.

И напрасно гонцу невдомек,
что Меркурий, за смертью пропавший,
наобум выбирает свой срок,
а потом, возвратившись, уставший,
листья сада несет за порог.

В тихом доме сидеть одному,
наблюдая, как льдинки в стакане
растворяются по одной.
И теперь, на таком расстоянии,
ты становишься ближе ко мне,
растворившись, как льдинка в стакане.

* * *

Все тот же поворот, и дом, и дым.
Горит камин, ноябрь, наверно,
в гостиной у огня сидят они, как мы,
в той жизни, позапрошлой и неверной.

Все это ожерелье городков,
душою облученных поселений,
скользит под мгlistый памяти покров
за поворот, и легче по осенней
листве скользить навстречу той судьбе,
где я один. За окнами все немо.
Я говорю теперь не о тебе,
но о тепле потерянного дома.

* * *

Тот же ландшафт безымянных построек,
тот же сюжет вставлен в раму окна.
Дым возвращенья безвкусен, не горек.
Я, возвратившись, себя не узнал.

Но узнается бессмысленный пластик,
вся индустрия безличного гона.
Все же судьба оставляет участок,
где из высокой травы
закатного склона
тихо маячит обломок колонны,
обломок лучистой колонны.

* * *

Л.К.

Риверсайд парк листвою медленно выслан.
Бульдожка счастлив, комочек тепла лучится.
Я с того берега, слава Господи, выслан
в город, где всех нас выкормила волчица.

Мы в плавучем доме теперь, дорогая.
Зеленая память московских дворов мерцает.
Закроешь глаза, дотянешься до родного.
Но где оно спит мы и не знаем сами.

Это наш дом, где наше не знают имя, но
рыбой мезуза летит на свет от порога.
Зимней грозой по реке прошумел Уитман.
Только из этой реки ты не пей на дорогу.

За рубежом светлячки дрожат над Нью-Джерси,
целью на север, вверх по долине.
На берегах последних мы остаемся вместе.
В небо Манхэттен плывет на каменной льдине.

* * *

I

Мы живем в ожидании жизни.
Там присвистнуть, тут подсмеяться.
Будни хмарью над городом виснут
и стоят начеку, когда ясно.

Как грустишь, так и спишь — по погоде,
в ожидании, когда вдруг отпустит.
Позовет вроде кто-то с порога:
оглянешься — а там уже пусто.

Уплывая сквозь пальцы за светом,
день темнеет. По воскресеньям
отдыхают, зевая. Я это
понимаю все лучше спросонья.

Что вот это и есть: жизнь, работа,
и потеря идет за потерей.
Но случайно приносит суббота
встречу, строчку, и видишь, не веря,

что осталось чуть больше, чем триста
этих квантов случайной награды
в каждый год. Но, пустеет то место,
где и жизни бояться не надо.

II.

От лета осталось — движенье на север,
навстречу границе, на встречу с собой.
А там остается: себе лишь поверить,
и руки на руль, и лечь на них лбом.

В дороге, на дальней автостоянке
среди незнакомцев, потерянных тоже,
в стране неизбежного перемещенья,
где языки звучат наизнанку,
и радио в бреющем воздухе режет.

Пройти наудачу по краю провала,
взглянуть на секунду в глаза безвозвратно.
Три жизни уж прожил — все кажется мало,
четвертую — ночью отложишь на завтра.

А завтра пойдешь на работу, закуришь,
заскочишь, закусишь, ответишь на письма.
Но сам-то себе, как ни странно, не веришь:
что это и есть та самая — жизнь.

Себя узнаешь: вот школьное фото,
«Княжна Мэри» открыта на нужной странице.
И жалко себя, как было когда-то,
и так далеко до этой границы.

* * *

Пора понять — перед тобой стена,
и в ней окно,
За ним лежит долина.
Когда лежишь — высокий потолок
являет побеленную лепнину.
В окне — тосканская долина, Тверь,
военная излучина притока.

Не думай ни о чем,
не трогай дверь.
Заказан путь, закончены уроки,
и в комнату спускается невесть
откуда свет, но не потусторонний.
В случайных бликах на обоях весть.

Не думая о тяжести урона,
сказать, что это все не о тебе,
я не могу. И все-таки светлеют
остаточные пятна на судьбе.
Еще мерцают, медленно бледнеют.

* * *

Это всё, что мне остаётся.
Там на выходе — надпись «Вход».
Что там слышится или бьётся?

В этом сумраке мироздания
кто остался, засел навеки.
Надоели все эти прощанья.

Я уже со всеми простился —
за здоровье, и на дорожку,
и туманней становятся лица.

Не получится разговора.
Но фантомное эхо доходит,
эхо слов или ухо моря.

Я один, и в ночном дозоре
кошки серы, тревожны тени.
И всё ближе тихое море,
и всё дальше охранные стены.

* * *

Когда я говорю слова,
летит бездумно мысль —
там, где в Гудзон течет Нева,
И канул в Лету лист.

И я все спутал и забыл,
и счастлив потому,
что безрассудная луна
плывет в свою тюрьму.

Куда угодно: ночью в Кемь.
Через расстрельный мост
после обеда злой старлей
шагает на допрос.

Там белой ночью купола
Елопов расписал.
И это тоже все слова,
а ночь — огромный зал.

Нужны лишь летные слова,
подслушанный язык,
когда случайность бытия
звучит, как рельсов редкий стык,

когда в купе наискосок
под тот благословенный стук
в вагоне ты да я.

* * *

I.

Я тебе говорю: как же нас занесло
в эти края тропических ливней.
Нам, северянам, здесь нелегко
по берегам погоды неверной.

Словно записка, теряется мысль,
но созревает глубинная память.
На фотографиях — старая пыль,
тех, что прошли Шереметьево с нами.

Дышит поверхностью муторный быт.
Но не забыть, поливая растенья,
ворох счетов, шорох сомненья,
мелочь в карманах из мерзлой Москвы.

Так вот сложилось: тебя берегу
в сумерках тесных прокрустова быта.
Я не забыт, и ты не забыта.
Я отплываю, согласно билету,
к берегу дальнему, как наяву.

II.

Мышиный шорох медленного быта.
Молочное свечение рутины,
где сумерках глухого карантина
спят пятна неразборчивого света.

Вернуться в ткань родительского быта,
вернее материнского, другого
и нет, другого нить забыта.
Потеряна иголкой от живого.

Поэтому и строишь на рассвете
дом, теплый и условно-иллюзорный,
когда душа, теперь за все в ответе,
бредет от остановки вдоль забора.

* * *

Там клекот слышится облыжный.
Им всем взахлеб чего-то нужно,
бои в пространстве безвоздушном,
и ни друг с другом и ни с кем.
Скрипит перо и в дальнем замке
хрипят придушенные папки.
Их забывают насовсем.

А мы сидим себе с чайком,
наедине с собой, молчком,
и смотрим на окно и ветку.
На их таинственную связь,
на их зависимость от света.

Так постепенно боль пройдет,
и хрустнет незаметно лед.
Но это будет только к лету.

* * *

Уходи за последнюю зону
перед отлетом.
Уходи за себя, за терпенье свое.
Жизнь безмерно щедра,
но отмерена квота.
И за этой последней —
никто больше не ждет.

Остается струна,
и незримо мерцает.
Тихим душным шатром
надвигается ночь.
На измятой подушке
лицо исчезает.
Но беззвучно звучит
текучая речь.

* * *

I.

Бледен закат,
леденеет гранит.
Тихо Иона на страже стоит.
Тяжко дыханье пещеры.
Неугасимо мерцанье костра
в круге светящейся веры.

На горизонте плывет караван:
нежный мираж,
вожделенный источник.
Голос бормочет бред до утра.
Что там, о чем истекающей ночью?
И засыпает на ранней заре,
словно измученный строчечной речью.

II.

Иногда в просветах между бредом
тихо появляется заря.
Так проснёшься слишком рано летом
и лежишь с котами до утра.

Мысли лезут из углов укромных
в виде отцветающих теней.
В полусне почудится, что дома
чудо на свету сойдёт на нет.

Остаётся, полупросыпаясь,
начинать считать чужих слонов.
Слов, недоговоренных и странных
череда плывёт и снова о ...

Вереницы отлетевших мыслей
обещают прилететь опять.
Потому, наверно, бесполезно
бренные пожитки собирать.

* * *

Найти осколок на развале жизни:
осколок моря, неба, кристалл вдоха.
Счастливая случайность по дороге —
взаимный наш подарок бесполезный.

За перевалом, в замершей долине,
на перекрестке мусора и ветра,
Там, где душа бормочет стих без метра,
забыв на время о беспутном сыне.

Попробовать вина, отведать сыра,
и вспомнить о Спуманте Мандельштама.
Как мало нам назвать осталось в мире,
запечатленном в петербургской раме.

Но мы нашли на этом перекрестке
тот скол пространства близкого, родного,
когда сползает времени короста
и возникают очертанья дома,

плывущего бесшумно где-то мимо.
Обрывок, звук, улыбка из вагона.
Так чудный образ обретает имя
в окне транзитно-литерного дома.

* * *

В этом городе неоновых зал под землей,
щемящих, щебечущих, шелковых пчел,
я прочел пару строк, и они улетели стрелой,
и я вслед закричал.

Это странное место смешенья времен,
склад забытых вестей.
Это чувствует тот, кто сам посвящен.
Потому и запутан, как в соты сетей.

Но ты знаешь сама — наблюдатели мы
за бесшумным почти ускользаньем судьбы,
к тем скалистым холмам,
где зимой не бывает зимы.

Но мне легче бывать в этом городе встреч,
где случайным транзитом она ви-за-ви
с истекающей визой земли неземной
той земли, где встречаемся мы.

Вот дорога уходит на северный юг,
солнце клонится в лаву реки.
Расцветают ночные цветы.
Вспоминается вдруг:
как слова на прощанье легки.

* * *

Цветы мне говорят: Ich sterbe.
В окне — наклеенный закат.
Дрожат расстроенные нервы
И кот улегся на кровать.

Короче говоря, я дома.
Небесным телом светит дом.
Горит осенняя солома,
Родные тени за столом.

Идет застольная беседа,
и у кота дрожат усы.
Мечтаем оба до обеда
Схватить кусочек колбасы.

Я выйду в хрупкую погоду.
За снедью за угол зайду.
Сам выберу свою свободу
В прохладно-каменном саду.

* * *

Все те же облученные места,
намоленные в прошлых жизнях.
Прозрачная июньская звезда
над пригородным хламом виснет,

над безымянностью осиротевших мест,
где в два касанья мы навзлет коснулись.
И до сих пор живет прикосновенье в бес-
памятстве чужих знакомых улиц.

Нам вместе суждено тепло монет —
бесценное доверчивое чудо.
Фасад, подъезд, в невидимом окне —
чужие блики на глухой стене.

Кто за столом, под гул и звон посуды?

* * *

Мы, по-прежнему, сходимся за столом,
на огонек, теплокровные тени.
Мебель Айкеи пойдет на слом,
дом, называемый домом, сгинет.

Праздник прошел. Всем сестрам по серьгам.
Я по причине отсутствия оной,
тихо судьбу называю сестрой
и возвращаю в домашнее лоно.

Оное я сотворю наугад,
вместе присядем перед дорогой.
Первой встает молодая судьба
и спотыкается на пороге.

* * *

Я с вами говорю на третьем языке,
наречии спонтанных уклонений,
из зеркала. На длинном поводке
душа моя. Среди чужих селений
мы по делам — да все мы будем там.
Не лечит время, и не стелит мягко.
Я как и все, по сетевым счетам
плачу. Но слышно как булавка
уже упала на потертый кафель.

Я ухожу, пора, my friend, пора.
Я говорю, но, вот, привычный кашель
аллергика доносится с утра.
И все же так: в небрежном сочетании
притронуться к невидимой струне,
безбрежное, бессмысленное знание
по медленной дуге то утром ранним,
то ночью возвращается ко мне.

* * *

Как стая птиц уходит на Левант,
в просветы облаков, за вереницей слов
летя свободно, на призыв неслышимый.
Я, не дыша, их отпускаю выше,
и все звучит: пора, мой друг, пора.

Пора и впрямь, быт кашляет с утра,
продолжена опасная игра,
но чудная, летучая затея
влечет. Я просыпаюсь, молодея,
пернатым оставляя на вчера

глотки и крошки. И один глядишь
на остров горний Китеж иль Воронеж,
как вылетают светлые, на крыльях
любви ли, нежности, тоски гонцы, гостинцы.
И каждый — первенец, все первенцы они,
потом я пропадаю на свой страх
и риск, из мытарной страны
в ничейную страну переселенцем.

* * *

Одновременно позиция
и направление движения частицы
неизвестны.

Вот, например, гостиница,
Где, занимая одноместный номер,
я один, до вечера непьющий,
с лица необщим выраженьем,
своим отмечен отраженьем.

Я не ищу теперь, где лучше.
И бесконечно отражен
в дробящихся осколках света,
я в зеркале ищу ответа
и мучаю любимых жен.

Но Гейзенберг давно отметил,
что невозможно опознать
частицы чудной положеньем,
бессмысленность ее движенья
и в темноте дорожный знак.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СТИХИ

От Вифлеема к лазарету
конвой прошел до поселения.
Погас кремнистый путь. Вдали
горит звезда Давида.
Безводным инеем наутро
соль на поверхности земли.

В долине — дым. Мангал горит.
Радар с ракетой говорит.
Гниение на дне пещеры,
там сера адская дымит.
И шпиль в бездомности безмерной
стоит столпом, как символ веры.

Подходит праздник. Пестр базар.
 Поп раздувает самовар.
 Кто обнимает тротуар,
 кто из кувшина вино
 тянет. Мерцает желтая звезда,
 и не смолкает никогда
 струна в божественном диване.

Под слоем вечной маеты:
 менял и клерков, пестроты,
 соборов, гомона и звона
 в туманной гавани костры
 всю ночь горят. Из пустоты
 гудит норд-ост. Потом с утра
 дымятся башни Вавилона.

* * *

Они нас выбирают навсегда,
 или на время.
 Как повезет.

На сквере гипсовом
 в снегу стоит судьба.
 На вознесенном горне пионера
 застыл черненный лед.

Течет звезда
 за мокрый воротник.
 Вращается земля за пустырем.
 Луна крадется в поисках улик:
 и видит щебень и кошачий крик,
 как лезвие взлетевший над двором.

Зимы родной и мертвенный театр
 так проберет до молодых костей,
 что тянет желтый заоконный чай.
 Он, чай, заведомый, и на крутом листе,
 что держит до утра.

Под утро заведенная душа
 стремится в ястребиный свой полет.
 Клубится пар на небо неспеша,

И женщина так любит, не спеша.
 Ее всю жизнь теряешь напролет.

* * *

Кире

В тот серый день
 в преддверие зимы
 мы снова вместе
 в северных широтах.
 Великое спокойствие луны
 над женщиной стоит
 и над природой.

Мы счастливы,
 как можно иногда
 быть счастливым,
 и вопреки потоку
 пустых событий быта.
 Так судьба
 счастливой женщине
 свои поставит сроки.

Так тайную генетику любви,
 слова одной, той бессловесной песни
 ты подарила нам, но что слова
 в любви к уже родной,
 нам неизвестной жизни.

* * *

В.Г.

Который год идет в просвете дождь.
 Итожь те капли или не итожь.
 Плывет дыханье дымное и вздох —
 последний углекислых дел итог.

Как эпителий стелется, лоснясь
 по лбу любимой, исчезая днесь.
 Но каплями летят сигналы бес —
 конечного дождя других небес.

И если говорить не суждено —
 осуждены на дар по одному.
 Один я выпью за тебя вино.
 Конец строки уходит за канву.

* * *

За окном панорама прямо
 противоречит прогнозу погоды.
 На всю оставшуюся жизнь.
 не планируй ни беды, ни годы.
 А только скажи, где хранится

заветная рыбка, в каких-там прудах,
и какая жена, беззастенчиво гибко
предлагает любовь впопыхах.

Не до этого, что нам погода.
Мы другого призыва певцы.
Чебурашки и Буратины
и немые из Пизы гонцы.
Так что, весело, в ритм снегопаду
не пристало с румянцем гулять.
Там в конце развалилась ограда.
За нее нам не должно ступать.

Я смотрю за окно, понимая
для чего этот снег в небесах.
Сохранятся сугробы до мая,
и сойдут у меня на глазах.

* * *

Жизнь диктует свои предлоги,
но осталось совсем немного
до того, как не знамо что.
Успеваешь надеть пальто
или, если жарко, рубашку.
И глядишь, по улице чьей-то
пролетит невзначай бумажка.
Буквы стерты и знаки смыты
безжалостным летом осени.
Подойдешь к продмагу — закрыто,
а с такси теперь не очень то.

Вот любовь проходит под знаком,
желтый свет задержался надолго —
не перейти дорогу, немного подожди.
Вот и вся недолга.
Я давно жду,
Так, пять поколений.
Ну и ладно. Мое это дело.
Вот табак, вот любовь,
Вот лицо скрыто мелом,
Лифт — двадцатый этаж,
а дальше — не надо.

* * *

Вот и все. Вторая дверь закрыта
в преисподнюю, в приемную, куда угодно.
Выйду, вольнонаемный, просто в исподнем,

на свиданье последнее.
на легкий снег, наследить, уйти невыслеженным.
В назидание молодым следопытам:
в конце концов остаешься наедине
с лесом выжженным,
чаем испитым, диском в окне.

Жалей себя, не жалей — неважно.
Просто послушай: сердце бьется,
оно само все решит, разберется,
и в событий коросте
найдет каплю крови.

Вот это и есть, что остается.
Не осушай, не наклеивай пластыря,
не показывай посторонним,

посторонись при встрече,
и когда-нибудь в будущем, утром ранним,
опять поймешь, что еще не вечер,
не все кошки серы, сестры не идентичны,
но зал ожидания, тот зал просторный,
где хоронят прошлое,
где-то в тумане, за рекой, за всеми мостами,
с твоим похороненным делом личным.

Пройди через турникет по полосе отчуждения,
на встречу с собой, посмотри приветливо.
Ты там один, и навстречу судьбе
просто по жизни, вслед за метами,
линия жизни летит безответная.

* * *

Уляжется и ежедневный шум,
как шум воды.
Ты говоришь: дожить бы до среды.
А я хотел дожить бы до субботы,
снести бутылки вниз — и на работу,
и там залечь, подальше от беды.

Мы дышим маслом будущих картин,
случайным шумом шин
и речью бессловесной.
И в той картине с кошкой: где они?

Движенья их, по-прежнему, видны
по сквозняку и по пылице древесной.

КОШКА

Наташе

В закрытое окно последний взгляд.
 На солнце пыль летит, и скатерть не на месте,
 и люстра покачнулась невпопад,
 и все, что было там, и все, что сплыло,
 и выплыло навзлет, перед отъездом.

Весь прошлый быт семьи на сквозняке.
 Комоды сдвинуты какой незримой силой,
 собравшей тени на пустынном потолке.
 Так, комната становится могилой.
 Нет, не могила, но транзитный пункт,
 где пересадки ждут наутро тени.

Растения таинственно растут
 в горшках на подоконни —
 ке. И нет живой души, лишь кошки глаз
 следит за улицей, где длится суета отъезда ли,
 ухода навсегда, или попытка выпрямить судьбу,
 уже без нас. Быль строится на пыли.

Еще была картина на столе:
 живая темпера на каменной золе.
 Лица не видно, очертанье грусти,
 и гвоздь в стене — метафора искусства,
 и цифры телефонов на столе,

всех тех, кто съехали, и тех, кто не дожил,
 и тех, кто вещи навсегда сложил
 за дверь, той, что редко открывали.
 В широтах наших не нужны сараи,
 и свет сочится бледно через щели,
 как жизнь сочится медленно сквозь швы.

Там странный мир живого отраженья.
 Так, как проходит скорый — лишь скольженье
 летящих жизней в шепчущей листве,
 дрожащей на пути его движенья
 (очки, бутылка водки, сигарета),
 как мы еще живем тайком в Москве,
 но сами позабывшие про это.

Тот пыльный быт останется в тиши, наедине с собой,
 и лишь соседка зайдет порой скучающе с письмом,
 и подберет забытые остатки.
 Последний взгляд, гул эха во дворе.
 Я вижу кошки глаз за гранью рамы,
 и свет оставленный мелькает в ноябре,
 как будто бы играя с ветром в прятки,
 как след фантомной, позабытой раны,
 и чай заплесневелый на столе.

■ ■ ■

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО ДЕТСТВА

Ольга ИСАЕВА

1

Как и все советские дети, я мечтала попасть в Артек. Это был пионерский рай — международный, шикарный и абсолютно недосыгаемый. В нем был построен коммунизм со всеми его атрибутами: вечным летом, теплым морем, загорелыми детскими колоннами, развевающимися знаменами и усиленным питанием. Но я хотела туда попасть не из-за усиленного питания, в котором вообще-то нуждалась, и даже не из-за моря, о котором мечтала с самого детского сада, я мечтала попасть в Артек, потому что путевками туда награждали лучших детей страны: героев, спортсменов, вундеркиндов, отличников, и вот с ними-то я и мечтала познакомиться.

Сама я при этом лучшей из лучших не была — у меня почти по всем предметам были тройки. Хорошо мне давалась только литература. А вот с русским было совсем плохо. На уроках я читала «внеклассную литературу», задумывалась, поэтому в диктанте вместо наречия «недосуг» писала «не до сук», а в слове «ребенок» пропускала букву «р». Да наша училка лучше бы удавилась, чем поставила мне четверку!

За успехи в искусстве и спорте попасть в Артек я тоже не могла. В танцевальном кружке меня ставили танцевать только за партнера, в музыке на пути к успеху непреодолимой преградой стояло сольфеджио, из гимнастической секции отчислили как «неперспективную», хотя в городских соревнованиях я заняла первое место по бревну во втором юношеском разряде. Отбирая у меня пропуск в спорткомплекс, тренер сказал: «Не плачь и пойми — у нас план по разрядникам. Бревно бревном, но конь у тебя хромает. С таким конем ты никогда даже первый юношеский не сделаешь».

Не лучше обстояло дело и с героизмом. Как и все, раз в четверть я рыскала по помойкам за металлоломом и выпрашивала у соседней старейшей газеты на макулатуру, но, как некоторые, тащить из дома чугунные сковородки или многотомные издания Горького, это уж простите. С тех пор как в сочинении на тему «Какими качествами должен обладать строитель коммунизма» я на первое место поставила чувство юмора, за мной укрепилась репутация человека опасного, и, если кто-нибудь писал на стене ругательство или жаловался на то, что из портфеля у него пропало яблоко, вину до всяких разбирательств взваливали на меня. Приходилось бороться. Мой «жалкий лепет оправданий» вызывал у обвинителей еще большую ярость. Прочитав у Пушкина «кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей», я поразила тому, как ясно он выразил то, что чувствовала я сама, и с тех пор повторяла эту фразу в трудную минуту.

Скептицизм не мешал мне мечтать об идеальном обществе, которое, как мне казалось, существует в Артеке. Привести меня туда могло только чудо. В Бога, как и положено пионерке, я не верила, но на всякий случай каждую ночь перед сном молилась: «Господи, если ты есть, пожалуйста, сделай так, чтобы не было войны, не болела мама, и я попала в Артек». Я как бы мысленно ставила Богу условие: сделаешь — поверю в тебя, нет — пеняй на себя. И что ж вы думаете?

Однажды мама пошла в горисполком «обивать пороги», то есть просить, чтобы нас с ней поставили в очередь на квартиру, и запропала. Целый день ее не было, так что я начала тревожно прислушиваться к шагам в коридоре и обижено думать, что вот, мол, мама какая у меня, уплила из дома в восемь утра и нет ее, а я тут сиди-нервничай. Словом, когда дверь, наконец, отворилась, вместо того, чтобы, как обычно, подбежать и помочь маме раздеться, я уткнулась носом в математику, а она каким-то не своим ликующим голосом прокричала:

— Пляши, Ольга, в Артек едешь!

Я даже не улыбнулась.

— Куда?

И тут, лучась прямо-таки сверхъестественным светом, она, как была в пальто и грязных сапогах, подбежала ко мне по чистому полу и ну размахивать какой-то книжицей, на которой, как впоследствии оказалось, были нарисованы море, горы, белые корпуса и крупными буквами было написано слово АРТЕК!

Я и всегда-то танцевать любила, а уж тут на радостях такую лезгинку сбацила, что в серванте фужеры сами собой сыграли «Оду к радости».

А дело было так. Мама записалась на прием к завгорисполкомом, с которым когда-то училась в институте и даже «дружила», то есть ходила на танцы и целовалась. Но все это было так давно, что в кабинете он сделал вид, что ее не узнает, а когда она ему напомнила, совсем раздулся от важности и пробурчал, что сделать для нее ничего не может, так как очередь на квартиры «заморожена». Мама рассказывала, что вышла из его кабинета «униженная и оскорбленная» (она из всех кабинетов такая выходила), но раз уж все равно взяла отгул, решила зайти в гороно попросить деньги на наглядные пособия для пионерской комнаты. Вот там-то, в кабинете у другой начальницы, с которой мама тоже училась в институте, потому что в нашем городе был всего один институт, в котором она училась вместе со всем городским начальством, на нас и свалилось эта невероятная удача — в Артек должна была поехать дочка этой начальницы, но как раз вчера она сломала ногу. Хозяйка кабинета жаловалась маме на невезение, мол не в Артеке дело, не сейчас, так через полгода ее Ленка все равно в него попадет, но путевку жаль — смена юбилейная, пятидесятилетие пионерской организации. Мама сочувствовала, но на всякий случай спросила, нельзя ли ей эту горящую путевочку купить, и та сказала с сомнением: «Хочешь — бери. Только отъезд послезавтра, а нужно еще кучу справок собрать, анкеты заполнить, да и дорогая она, двести рублей. Потянешь?» Мама пообещала потянуть и на крыльях счастья полетела занимать деньги.

Свой восторг я даже описывать не буду. Скажу лишь, что, засыпая в ту ночь, шептала: «Спасибо тебе, Господи, спасибо тебе!» О том, что нас опять не поставили в очередь на квартиру, мы с мамой за целый вечер ни разу даже не вспомнили.

Весь следующий день мы провели в насквозь пропитанных вирусами кабинетах детской поликлиники, где мама просила, умоляла и даже плакала, убеждая дерматолога, вирусолога, ухогорлоноса, терапевта и заведующую, чтобы они заочно, не дожидаясь результатов анализов, подписали справки о моем безукоризненном здоровье и тем самым взяли бы на себя «личную ответственность». Я же должна была молчать и сидеть с грустными глазами, что было не так уж трудно. И тут случилось еще одно чудо — все эти тетеньки справки мне выписали, потому что у всех у них были дети и все они тоже мечтали попасть в Артек.

Труднее оказалось договориться со школьным начальством о моих досрочных отметках. Дело было в апреле, моим одноклассникам предстояло еще учиться, учиться и учиться, поэтому маме пришлось идти и «унижаться перед этой шмакодявкой». Так она называла мою завучиху, которая по совместительству преподавала мне русский язык и литературу. С ней мама училась в одной институтской группе и по вполне очевидным для меня причинам терпеть ее не могла. Шмакодявка была партийная, принципиальная, мстительная. Обычно на ее вызовы в школу мама не реагировала, но тут, хочешь не хочешь, пришлось идти кланяться. Как мы и предполагали, та с двойным злорадством сообщила, что в Артек я попаду «только через ее хладный труп», и пришлось маме «ставить бутылку» директору. Он, хоть и был Героем Советского Союза, но взятками не пренебрегал. В общем, как сказала мама, «мир не без добрых людей».

Вечером, как виртуозы, мы в четыре руки стирали, гладили, штопали и метили марганцовкой мою одежду. «Чтобы не было стыдно перед людьми», мама даже сгоняла к соседке за «приличным» чемоданом. Не то чтобы на нашем были нацарапаны какие-то неприличные слова, но от долгой носки он разваливался, и две его половинки приходилось скреплять ремнем.

Вернувшись с клетчатым польским пижомом, мама так раздухарилась, что достала из шкафа свои новые лакированные лодочки, которые я уже тайно не раз примеряла перед зеркалом, и, секунду поразмыслив, бережно, как новорожденных близнецов, уложила на дно. От невероятности свершившегося я чуть было не разревелась.

Но даже когда все уже было уложено, чемодан застегнут, накрахмаленная пионерская форма колом стояла на стуле, а мы лежали по кроватям, мама продолжала вбивать мне в голову правила поведения в обществе, которые ей самой, к сожалению, никогда не удавалось применить на практике. Я слушала ее призывы «молчать громче, знать свой шесток, быть тише воды, не лезть вперед батьки и не учить курицу», как вдруг увидела Шмакодявку, которая, хлопая крыльями, налетает на меня, и, клюя железным клювом, кудахчет, что в Артек я попаду, только через ее холодный труп...

Обычно в школу меня добудиться нельзя было никакими будильниками, хоть стучи над ухом молотком по пустому ведру, но в то утро я подскочила затемно. Мама уже не спала, раз в две минуты вскидываясь к будильнику, проверить — работает ли. Всю дорогу до станции мы неслись, как на пожар, хотя времени до электрички было воз и маленькая тележка. Лишь в вагоне мама успокоилась и стала рассказывать о том, что в детстве тоже мечтала поехать в Артек, но началась война и ей пришлось мечтать о победе и о кусочке хлеба с комбиджиром. А еще она говорила о какой-то «высшей справедливости», что мол хорошо, когда детям достается все, о чем мечтали их родители.

Я никакой «высшей справедливости» в том, что мама в детстве голодала, часами мерзла в очередях за хлебом, от чего заболела ревматизмом и с тех пор по два раза в год попадала в больницу в предынфарктном состоянии, а я теперь по Артекам разъезжаю, не видела. Если б можно было, я с величайшим удовольствием своим счастьем с ней поделилась бы. Скажем, будь у меня волшебная палочка, я могла бы превратить ее в невидимку, и тогда мы обе смогли бы поехать в Артек: спали бы в одной кровати, ели бы с одной тарелки и, никем не замеченная, она могла бы сколько угодно купаться в море. Но, увы, волшебной палочки у меня не было, хотя в глубине души я надеялась, что когда-нибудь ученые ее изобретут.

День был будний, холодный, сумрачный. На подъездах к Москве электричка напоминала, как говорили у нас в городе, «серокопченую» колбасу. Окна от духоты запотели, из тамбуров несло табачищем, хмурые люди по четверо сидели на одной скамье, или стеной стояли в проходе и ни в какие чудеса не верили. А мне хотелось крикнуть: «Вы верьте, верьте! Смотрите на меня, я в Артек еду!»

2

Поезд уходил с того же вокзала, на который прибывала наша электричка, но на табло в центре зала никаких поездов, идущих в Артек, указано не было. Под ним стояла толпа таких же, как мы, растерянных мам с детьми, куда идти никто не знал, а спросить было не у кого. Вдруг откуда-то появился загорелый пружинистый дядька в белой рубашке с пионерским галстуком и в шортах на волосатых ногах. Зычным голосом он скомандовал, чтобы все следовали за ним, и все, включая каких-то узбеков в халатах, цыганок с цыганятами и изможденных многодневным запоем командированных, понеслись за ним, но в конце туннеля уперлись в милицейский заслон. Перрон, с которого уходил поезд в Артек, был оцеплен, пройти на него можно было, лишь предъявив документы и путевку. Мама пошутила: «Смотри-ка, вас охраняют, прямо как членов правительства», а милиционер, проверявший наши документы, без тени улыбки поправил: «Как будущих членов правительства».

Поезд был новенький, как из игрушечного магазина. Стекла сияли, и каждое было украшено гирляндой ликующих детских лиц, а снизу хор мам и бабушек завывал свою излюбленную песню: «Не ходи без панамки, не заплывай за буйки, не ешь с кустов, слушайся вожатых, каждый день пиши». Мой вагон находился в самой голове поезда, и, пока мы к нему бежали, мама исполняла свою излюбленную арию под названием «Не подводи меня под монастырь». Задыхаясь, она выкрикивала: «Чтоб никаких там у меня анекдотиков и самовольных отлучек, никаких отрывов от коллектива и конфликтов с начальством...» Она могла бы продолжать до бесконечности, но взревел гудок, в испуге она всучила мне чемодан и путевку, и, не успев с ней толком попрощаться, я понеслась к своему вагону.

Меж тем поезд и не думал никуда отправляться, а только для остратки изредка гудел. Держась за сердце, мама наконец дотащилась до моего вагона. Я ждала ее в тамбуре и хотела выскочить на платформу, но ей надо было спешить на обратную электричку, поэтому она лишь грустно помахала мне и ушла, а у меня началась новая жизнь.

Меня совсем не огорчил тот факт, что некоторые ребята ехали в купейных вагонах, а мне достался плацкартный. Подумаешь. Я плацкартные в миллион тысяч раз больше любила. И соседки у меня оказались самые замечательные, и у каждой были особые заслуги перед родиной: одна победила во всесоюзном конкурсе рисунков, другая была знатной сандружинницей, третья честно призналась, что путевку в Артек дали не ей, а папе, потому что он — известный композитор, написавший музыку к самым популярным детским песням, которые мы все отлично знали.

Звали эту девочку Аней, она была толстая, неуклюжая, но такая милая, что я сразу полюбила ее на всю жизнь. Свое место на верхней полке она согласилась поменять на мое нижнее, а я ничего на свете так не любила, как ездить на верхней полке. Меня, конечно, тоже спросили про заслуги, и, помня мамины заветы, я сказала, что танцую, пою, собачий валс на пианино урвать могу, а по гимнастике у меня вообще разряд, но в подробности вдаваться не стала.

Ехали мы без остановок, но, даже если бы они и были, все равно нас из вагонов бы не выпустили, так что почти все время я пролежала на своей полке, глядя в окно: на лесопосадки, поселки, заборы, гирлянды мокнувшего под дождем белья, вереницы грузовиков у шлагбаумов, на бредущих вдоль насыпи женщин с лопатами, на разгружающих вагоны солдатиков, на очереди, на мальчишек, показывающих будущим артековцам голые тощие зады. В окне мелькали усыпанные бриллиантовыми ягодами кусты, на мокрых полях серели проплешины снега, в черных ветвях митинговали грачи, дымили трубы, блестели залатанные крыши, розовела за тюлевыми занавесками герань, в открытые форточки кошки принохивались к весне, бурлили ручьи, выходили из берегов желтые вздувшиеся реки, гремели мосты, дрожали от вечернего заморозка укутанные зеленоватой дымкой леса, мерцали дальние огоньки и первые звезды. Я смотрела на Родину, и как же я ее любила! Казалось сердце вылетит из грудной клетки и жаворонком полетит над поездом. В приоткрытую форточку ветер приносил запах лопающихся почек, сырости, грязи, навоза, мазута, угольного дыма. Увидев меня утром, девчонки покатались со смеху, потому что я была вся чумазая от копоти.

Кормили нас «сухим пайком», в котором из обычной еды были только крутые яйца и твердые невкусные галеты, а все остальное было из новогодних подарков: апельсин, яблоко, леденцы, шоколадные конфеты и печенье. Свой паек Аня сразу же отдала мне, потому что бабушка насовала ей в дорогу три авоськи пирожков, ватрушек, бутербродов с копченой колбасой, котлет, конфет, мандаринов, и всем этим Аня щедро с нами делилась. Это была не девочка, а добрая фея, которая превратила нашу поездку в пир горой. Ей и в голову не пришло, что все это она может «захорьковать». Мы так объелись, что две другие девочки тоже от своих пайков отказались, только конфеты съели, и я прибрала их «на черный день». Кто знает, а вдруг война!

Утром вместо облаков по верхушкам деревьев скакало пушистое солнце, окруженные цветущими садами украинские хаты напоминали пирожные с кремом, на платформах цветастые старухи торговали семечками и плюшками. Потом потянулись шпалеры пирамидальных тополей и алые атласные одеяла цветущих степей. Я вся превратилась в зрение, чтобы хоть глазами эту красоту сфотографировать. Теперь уже не только я, но и весь вагон прилип к окнам. Когда проезжали Сиваш, в голове на мгновение вспыхнуло воспоминание о том, как на уроках истории наши по уши в гнилой воде переходили его, чтобы отобрать Крым у белых, но, как мокрая спичка, воспоминание чиркнуло и погасло, потому что Сиваш сиял, как огромное блюдо с расплавленным солнцем.

Всем не терпелось поскорее приехать. Только мне хотелось лежать и лежать на верхней полке, чтобы растянуть свое счастье на полжизни. Но вот, как сквозняк, по вагонам пронеслось слово Симферополь, и Аня объяснила, что оттуда нас на автобусах повезут в Артек по горному серпантину. Она уже много раз ездила с папой в Крым в какие-то неведомые дома творчества и по пути из Симферополя в Ялту у нее всегда кружилась голова. При словосочетании «горный серпантин» у меня тоже закружилась голова, но только от восторга, и я, как и все, с нетерпением стала ждать прибытия.

Симферополь встретил нас духовым оркестром и жарой. Просто не верилось, что вчера в Москве было холодно и шел дождь. Нас рассадили по автобусам и с песнями повезли... увы, не в Артек, а на сортировочную базу, которую вожатые между собой называли «пересылкой». Это был большой, но все же тесный асфальтовый двор, окруженный бетонным забором с колючей проволокой. Приемная комиссия в административном корпусе занималась формированием дружин, а мы сидели на чемоданах и ждали своей очереди.

Народу на «пересылке» скопилось с нескольких поездов. Солнце шпарило во всю. Цистерну с водой привезли только после того, как несколько человек упали в обморок. Кто-то из ребят наполнял водой пилотки, другие пили из горстей, я приспособила под посуду пустые картонные коробки от сухого пайка. Есть не хотелось, но поскольку все равно делать было нечего, мы ели сбереженные мною продукты, запивая их теплой пахнущей картоном водой, и Аня поражалась моей смекалке. Я же счастлива была хоть чем-то ей отплатить за доброту.

С туалетами на пересылке тоже был полный кошмар. К ним стояли длиннющие очереди, а войти в них было просто страшно. Туалетной бумаги не было. В то, что артековцы способны так загадить общественные уборные, поверить было просто невозможно. Внутренне я негодовала, что вместо Артека нас запихнули в этот раскаленный асфальтовый мешок, на языке вертелось любимое мамино слово «бардак», но, помня данные ей обещания, я держала его за зубами.

Стемнело, когда нас вновь рассадили по автобусам. Петь пионерские песни уже никто не мог. Все хотели только спать. Аня привалилась ко мне и уснула. Мне было тяжело, но я терпела. Я для нее еще и не такое бы вытерпела. Мы ехали по горному серпантину в кромешной темноте, лишь изредка где-то далеко внизу, как созвездия, дрожали огоньки прибрежных поселков. В Артек мы приехали глубокой ночью. Извазюканные, сонные, мы прыгивали на землю в надежде на то, что нас сразу же разведут по палатам, но предстояла еще камера хранения, куда надо было сдать чемоданы со всеми нашими вещами, медкомиссия, где нас проверяли на вшивость, баня, выдача униформы, заполнение анкет, распределение по отрядам. Я очень волновалась, что нас с Аней распределят в разные отряды, так как она закончила седьмой класс, а я только шестой, но было уже четыре часа утра, старшая пионервожатая от усталости еле языком ворочала, поэтому, даже не взглянув в документы, записала нас в один отряд.

А вот в одну палату нам попасть не удалось. Я, мужественно переносившая все тяготы сегодняшнего дня, ужасно растроилась. Анечка стала меня утешать, мол, не горюй, зато будет к кому в гости ходить. Наивный человек — она в пионерлагерях никогда не была и не знала ни про традиционную вражду палат, ни про злую волю коллектива. Я же все это даже слишком хорошо знала и никаких иллюзий по этому поводу не питала. Засыпая, я пыталась вернуться в то восхитительное состояние, которое было у меня в поезде, но оно не возвращалось. Подозрение, что Артек — всего лишь навсего лагерь, только гораздо лучше охраняемый, отравило мое счастье.

3

Однако утром оно вновь ко мне вернулось. Одна стена в нашей палате оказалась стеклянной, сквозь нее были видны горы, кипарисы, пальмы, розовые аллеи, но, главное, море — огромное, сверкающее, живое и почему-то очень родное, хотя раньше я его никогда не видела. Мы столпились перед этой стеной. Одна девочка накрыла голову полотенцем, оставив узкую щелочку для глаз, а когда мы спросили, зачем, объяснила, что из-за оптического эффекта море становится таким маленьким, что его можно уместить на ладони. Все мы, конечно, сделали то же самое и так играли до тех пор, пока кто-то не заметил, что снизу над нами смеются мальчишки. Пришлось убедиться в том, что даже в Артеке они остаются врединами и ехидинами, и на всю смену задержать занавеску.

Надеясь, что сразу же после завтрака нас поведут к морю, мы надели под форму купальники, и тут на меня обиделась соседка по палате Люся Курочкина. В Артек она приехала из Магадана и по сравнению со всеми нами выглядела, как пробившаяся сквозь трещину в асфальте былиночка выглядит на фоне садовых цветов. А вот купальник на ней был точно такой же, как у моей мамы, грудастый, с пластмассовыми чашечками, каждую из которых можно было вместо шапки надеть на голову. Мне бы смолчать, но я мало того, что сообщила, что у моей мамы такой же, я еще и засмеялась. Люся вся сразу промокла, из глаз потекли слезы, из носа сопли, девчонки бросились ее утешать и все меня осудили. Я стала оправдываться, мол не хотела я ее обижать и смеялась не с издевкой, а просто потому что было смешно. Что же мне теперь и посмеяться нельзя?

Оказалось, что нельзя. Наплакавшись, Люся рассказала, что купальник на ней действительно мамин, потому что у них в семье четверо детей, одни девочки, так что на всех персональных купальников не напасешься. Про тех, кто жил в Магадане у нас говорили, что «они погнались за длинным рублем». О том, что там живут дети, я никогда не слышала. Я вообще ничего не знала про Магадан. Только познакомившись с Люсей, представила себе лютую зиму, вечную мерзлоту, полгода длящуюся ночь и комнатку в общежитии, в которой, кроме Люси и ее мамы, живут еще три девочки. Отец был не в счет, он приезжал домой только раз в две недели, потому что был водителем-дальнобойщиком. Я так посочувствовала Люсе, что предложила вытащить эти дурацкие чашечки и ушить купальник по фигуре. Я даже вызвалась сама это сделать, но, видимо решив обижаться на каждое мое слово, Люся ответила, что сама умеет иголку в руках держать, и отвернулась.

Однако, несмотря на все ожидания, после завтрака нас повели не к морю, а в корпус, где старшая пионервожатая прочитала нам лекцию об Артеке. Когда-то на этом месте стояло несколько палаток, а теперь расположилось несколько лагерей, каждый из которых состоял из нескольких дружин и у каждой было свое название. Наша дружина относилась к Горному лагерю, называлась Алмазной и занимала отдельный многоэтажный корпус со всеми удобствами. Он был самым новым в Артеке, находился ближе всего к дороге и дальше всего от моря. А ближе всего к морю находился лагерь Морской, в котором жили одни иностранцы. Что на мой взгляд было несправедливо. Что они, лучше нас?

До столовой от нашего корпуса надо было топтать строем минут десять под горку, а обратный путь занимал чуть ли не полчаса. Анечка моя сразу поняла, что в таких условиях ей будет трудно выжить и попросила меня пойти с ней

к старшей вожатой, просить перевести нас из Горного лагеря в какой-нибудь менее трудный для жизни. Но даже из уважения к заслугам ее отца, Ольга Павловна ничего для нее сделать не могла. Наш лагерь укомплектовали последним, ни одного свободного места в других уже не осталось. Я хотела было подбодрить Аню, что мол ничего, зато похудеешь, но она тоже на меня обиделась, и снова я совершенно не поняла почему. К счастью, мне довольно скоро удалось ее рассмешить, и она меня простила.

До самого обеда нас мурыжили в корпусе. Нужно было выбрать название отряда, девиз, речевку, отрядную песню, командира, звеньевых, редколлегию, культорга, политрука, физорга, сандружину и старост палат. Я предложила все это сделать у моря, но вожатая сказала, что в первые дни мы вообще к нему ходить не будем, потому что нам надо пройти «акклиматизацию». Тут все прямо взвыли, но вожатая пообещала, что за шесть недель море нам так надоест, что мы сами начнем от него отлынивать, и пришлось смириться, хотя никто, конечно, ей не поверил.

Аню выбрали старостой палаты. Я хотела, чтобы меня тоже выбрали, тогда бы мы по-свойски могли с ней договариваться — одну неделю ее палата держит первое место по чистоте, вторую моя, но, когда она выдвинула мою кандидатуру, вожатая так решительно ее отклонила, что я испугалась, уж не написала ли Шмакодявка в Артек донос о моем плохом поведении. А что, запросто!

От этой догадки мурашки побежали у меня по спине. Заранее решив, что все обвинения буду отрицать, а если меня станут отправлять домой, убегу и буду жить в лесу, как Маугли, я судорожно обдумывала детали побега, но, пока вожатая делала вид, что все в порядке, я, как и все, записывала в блокнот правила артековской жизни и делала вид, что ни о чем не догадываюсь.

А правила были строгие. Под страхом выговора с занесением в личное дело и досрочного отправления домой запрещалось мазать ночью зубной пастой своих и чужих, устраивать темные, объявлять бойкоты, сплетничать, обзывать, драться, щипаться, царапаться, кусаться, плевать, бросать друг в друга песком, камнями, палками, сорить, брать без разрешения чужие вещи, одному покидать территорию, уносить из столовой еду и выпрашивать у иностранцев жвачку. Но самым странным мне показалось то, что, даже встречая на территории совсем незнакомых людей, надо было всем отрядом кричать: «Всем-всем добрый день!». Я спросила: «А если нам встретится только один человек?», и вожатая объяснила, что это все равно, потому что доброго дня мы желаем не только встречным, но и своему отряду.

После обеда был тихий час, а после полдника вновь пришлось тащиться в корпус на инструктаж об общении с иностранцами. Вожатая предупредила, что поскольку смена юбилейная, к нам в дружину могут наведаться иностранные журналисты, которые будут задавать каверзные вопросы, например: «Почему СССР самая большая страна в мире, а уровень жизни у нас ниже, чем в капиталистических странах?» Мы удивились — как это? Нам же всегда говорили, что наоборот. Вожатая смотрела на нас выжидающе и надо было скорее соображать. Одна девочка подняла руку и сказала, что во время войны хозяйство в нашей стране было разрушено, и многие годы ушли на его восстановление, но вожатая, игравшая роль иностранного журналиста, саркастически усмехнулась и, почему-то с грузинским акцентом, возразила, что в Западной Германии и Японии хозяйство тоже было полностью разрушено, а уровень жизни у них намного выше. Тогда какой-то мальчик объяснил, что ФРГ и Япония — страны маленькие, а наша самая большая в мире. Вожатую и это объяснение не удовлетворило. Пришлось мне поднять руку и сказать, что улучшению жизни в нашей стране мешают воровство, пьянство и блат. А что же еще? Кто-то же должен был сказать правду, которую все и без меня знали, только помалкивали. Глаза у вожатой выпрыгнули из орбит, перекосившись, как после стопки, она выдавила из себя, что к общению с иностранцами мы совершенно не готовы, и она вынуждена раздать нам ответы на вопросы, которые надо будет выучить наизусть, а перед ужином сдать экзамен. Тут я снова вспомнила про письмо от завучихи, и сердце мое сжалось.

Вечером состоялся костер знакомства. Мы дали клятву говорить только правду и по кругу стали рассказывать о себе. Я очень боялась, что именно сейчас вожатая и уличит меня в мошенничестве, но она по-прежнему делала вид, что никакого письма не было. Зато утром, сразу после подъема, она вошла в палату и громко объявила: «Исаева, тебя вызывает начальник дружины». Губы у меня затряслись, ноги налились свинцом, и я поняла, что убежать в горы мне не удастся. Не убежишь же прямо из кабинета начальника! Я бросила прощальный взгляд на штору, за которой сияло море и вслед за вожатой вышла из палаты. Мысленно я просила прощения у мамы, которую все-таки «подвела под монастырь», горевала, что не успела попрощаться с Аней и представляла себе, как будут злорадствовать одноклассники и торжествовать завучиха.

Дрожа, как перед дракой, я вошла в кабинет начальника, оказавшегося тем самым загорелым дядькой с Курского вокзала, и к моему удивлению он не бросился меня сразу стыдить, а спросил, правда ли, что я несколько лет занималась

гимнастикой и танцами. Сдерживаясь, чтобы не зарыдать, я кивнула. Он приказал поднять руку в салюте и пройти по кабинету. Я думала, что он хочет проверить, не соврала ли я в анкете, и старалась так, что прямо дым из ушей шел. Несколько раз начальник скомандовал мне напра-налево, потом протянул руку и поздравил с назначением на должность флаговой. Я прямо обмерла от счастья и его длинную речь о том, как ответственна эта должность, потому что в нашей смене флаговые будут ходить за дружинным знаменем не только на линейках, но и на юбилейном параде, посвященном пятидесятилетию пионерской организации, где будут присутствовать главы правительств социалистических стран и лично Леонид Ильич Брежнев, слышала как во сне. Только когда тоном не терпящим возражений он спросил: «Справишься?», я очнулась, и, задышавшись от счастья, пролепетала: «Справлюсь!»

Выбежав из кабинета, я почувствовала такую невероятную легкость, будто превратилась в воздушный шарик. Было только непонятно, почему из всех девчонок в дружине во флаговые выбрали именно меня. Что у них, никого лучше не нашлось? С трудом сдерживаясь, чтобы не пройти колесом, я подбежала к зеркалу и посмотрела на себя, как бы со стороны. На меня взглянула девочка в пионерской форме: симпатичная, светленькая, курносая, точь-в-точь, как на плакате «Спасибо великой партии за наше счастливое детство». Но долго любоваться на себя мне не дали. Вожатая предупредила, что сразу же после завтрака мне надо быть на репетиции, и я со всех ног кинулась на построение для похода в столовую.

В тот день, пока отряд разучивал песню и речевку, учился ходить и строиться, я вместе с еще одним флаговым и знаменосцем репетировала шаги и повороты, которые назывались красивым словом «церемониал». Знаменосцем был самый высокий парень из нашего отряда Петя Хрусталев (он в этом деле был профессионалом, так как уже два года носил знамя своего района в Москве), а другим флаговым был Славик с непроизносимой фамилией из города Клайпеда, который у себя дома был председателем городского совета дружины. Мальчишки наперебой объясняли мне, как держать руку в салюте, на какую высоту поднимать ногу, как пружинить и поворачиваться, я с лету ловила их объяснения, и они были мною очень довольны.

Мы репетировали весь день, так что Аню я видела только в столовой. Однако на следующий день, перед торжественной линейкой в честь открытия смены, она вся в слезах отыскала меня в гладильной, где я стояла в очереди к утюгу, чтобы отгладить свою парадную форму. Оказалось, что парадной формы Аниного размера на складе не нашлось и ей выдали вожатскую, но ее надо было подкоротить, а она не умела. Вообще-то шить я не любила, мама с боем каждую неделю заставляла меня пришивать чистый воротничок к форме, но для Анечки я была готова на все.

В те первые дни меня распирало чувство благодарности к ней и вообще ко всем в Артеке. Я вся настежь была распахнута навстречу окружавшей меня красоте и наслаждалась удобством, чистотой, порядком, вкуснятиной, которой нас кормили в столовой. Я готова была до посинения ходить строем, петь хором, салютовать и подчиняться правилам, какими бы дикими они мне не казались, лишь бы стать в Артеке своей, и хотя прекрасно помнила, что снаружи жизнь ничем не напоминает здешний рай, уже через два дня готова была поверить, что стоит всем людям в стране захотеть подчиняться законам, как весь Советский Союз станет похожим на Артек.

Я так много смеялась, что Славик прозвал меня «здоровый, детский смех». Он был остроумный, постоянно цитировал Ильфа и Петрова, а анекдоты сыпались из него, как монетки из разменного аппарата. По пути на линейку я то и дело останавливалась, чтобы отдышаться не столько от крутого подъема, сколько от смеха. Один Славкин анекдот я помню до сих пор: «К юбилею Ленина на всех советских предприятиях решили сделать продукцию с его изображением, и часовой завод выпустил настенные часы, в которых каждый час открывались дверцы, откуда выскакивал Ленин на броневике и кричал: «Ку-ку». Я прямо рухнула от смеха. Навстречу нам по аллее сбегал какой-то мальчик. Он посмотрел на меня и улыбнулся. Его взгляд длился всего мгновение, к тому же я так хохотала, что мне до сих пор странно, что я ухитрилась его заметить, но все же я его заметила...

4

Все девочки чуть ли не с рождения мечтают о любви, и я не была исключением: вырезала из журнала «Экран» фотографии Видова, Конкина и Алена Делона, на вырванных из тетрадок страницах рисовала принцев и принцесс, в книжках торопливо пролистывала рассуждения автора и описания природы, чтобы поскорее добраться до объяснения в любви, шесть раз подряд, не выходя из кинотеатра, смотрела «Анжелику — маркизу ангелов».

Только с живописью было все наоборот. У нас дома хранился альбом с репродукциями картин знаменитых художников, который я любила рассматривать. Особенно мне нравились дамы в старинных нарядах, фрукты, цветы, посуда

и животные, а вот картины, где, как объяснила мама, «аллегорически изображалась любовь», я терпеть не могла. На них жирный карапуз целился из лука в полуголого дяденьку, прихватывающего за широкую талию совершенно голую тетеньку, так что даже смотреть было противно.

Любовь я представляла себе иначе. Симпатичный парень, желательный старшеклассник, предлагает мне дружить, и мы начинаем ходить в кино, на каток и школьные вечера. В день Советской армии я дарю ему пластинку «Самоцветов», а он на восьмое марта вручает мне духи «Красная Москва» и букетик мимозы. На переменах мы обмениваемся записочками, после уроков он провожает меня домой, но главное — нам друг с другом легко, весело, интересно.

Все это было возможно только в мечтах — старшеклассники на меня внимания не обращали, одноклассники на переменах курили, плевались через трубочку жеваными шариками, норовили задрать юбку, дернуть за косу, подставить ножку и ничего, кроме презрения, у меня не вызывали. Отчасти я так стремилась в Артек, потому что надеялась встретить там мальчика, с которым придуманная мною сказка была бы возможна. И я его встретила.

Однако любовь оказалась совсем не такой, какой я ее себе представляла. Своевольная и коварная, она подкралась ко мне, когда ни о чем не подозревая, я хохотала над анекдотом, сграбастала, закрыла глаза, так что я и вырваться не могла, и ничего уже больше не видела, кроме лица того мальчика, который за мгновение до этого, улыбнувшись, прошел мимо.

Он был невысокий, худенький, в меру ушастый, с карими глазами, пухлыми губами, коротким носом и челкой, прикрывавшей бисер подростковых прыщиков. В нем не было ничего особенного, но, увидев его во второй раз, я содрогнулась от внутреннего взрыва такой силы, что сбилась с ноги и покраснела. Как на зло, это случилось, когда на меня смотрела вся наша дружина. Я шла за знаменем, равняясь на трибуну, на которой стояли начальник лагеря, старшая вожатая и тот мальчик. Оказалось, что он не просто мальчик, а председатель совета нашей дружины и зовут его Сережа Щеглов. Дойдя до положенного места, мы застыли по стойке смирно, и, не разжимая губ, Славик прошипел: «Ты что, рехнулась?» Я и сама не понимала, что со мной, просто стояла красная, как свекла, и пыталась унять дрожь в коленках. Нечто подобное, только гораздо слабее, со мной случалось раньше на уроках математики, когда меня вызывали к доске. Однако, Славик с его привычкой во все совать свой нос, вдруг стал мне противен, и грубее, чем хотела, я буркнула: «Не твое дело».

С этого момента началось мое стремительное падение в глазах коллектива. Никто больше не слышал моего «детского смеха» и никто не видел ловкой, легкой, веселой и находчивой девочки с картинки про счастливое детство, так как совершенно внезапно для меня оно кончилось, и началось тайное, и, как мне тогда казалось, преступное превращение в женщину.

После отбоя я никак не могла уснуть. В голове пульсировало имя Сережа, перед глазами стояло его лицо. Мне было жарко, душно, хотелось вырваться из плена своего тела и из палаты, насыщенной сонным дыханием девяти других девочек. Сквозь штору на меня смотрела Луна. Я встала и подошла к окну. Мир был залит жемчужным светом. В лунных лучах серебрилось море, блестя листья, беззвучной музыкой мерцали тысячи светлячков. Меня потянуло в этот волшебный мир так, что я почти решила нарушить артековский закон, но кто-то из девчонок проснулся и, привстав, спросил: «Оль, ты что, лунатик?» Пришлось поскорее юркнуть в постель и промучиться без сна еще несколько часов. Наконец я не выдержала, оделась и выскользнула из палаты.

Главный выход из корпуса был закрыт. Было два запасных, но один тоже был заперт, а другой находился прямо напротив кабинета начальника. Из его приоткрытой двери доносился гул голосов и тянуло табачным дымом. Одного беглого взгляда хватило, чтобы заметить бутылки и лоснящиеся лица вожатых, но подсматривать я не стала. Наружная дверь оказалась незапертой, и я нырнула в душистую, влажную, гремющую цикадами ночь.

Что я испытала? Счастье? Полет? Боль детской души, в которой стремительно растет взрослое чувство? Страх перед неведомой, необъяснимой, непобедимой силой, внезапно связавшей меня с другим человеком? Потрясение от того, что мое стремление к идеалу вдруг нашло свое воплощение, и обыкновенный мальчик стал казаться мне самым прекрасным человеком на свете? Все вместе.

Даже тот факт, что Сережа принадлежал к презируемой мною категории начальников почему-то не имел значения. Досадно было лишь, что он весь на виду, поэтому другие девчонки тоже обратили на него внимание. Я испытывала настоящую муку, когда перед отбоем в палате обсуждались его достоинства и недостатки. Кое-кому из девчонок он понравился, другие удивлялись тому, что председателем назначили такого замухрышку. Чтобы скрыть ее, я презрительно кривилась, говорила, что судить о людях по внешности это мещанство и никого в тайну своей души посвящать не собиралась.

Еще вчера я и понятия не имела о ее существовании, но сейчас она болью дала о себе знать. Столько лет мечтавшая о пионерском рае, я вдруг почувствовала его глубокую чуждость себе, коллективные радости мне померзели, хорошо я ощущала себя теперь лишь наедине со своей любовью, а о том, чтобы НЕ отделяться от коллектива, не могло быть и речи.

Я была изумлена, растеряна и сама еще толком не поняла, что со мной происходит, а окружающие уже почувствовали перемену во мне и стали лезть с вопросами. Я отмалчивалась, отнекивалась, но неожиданно для самой себя взрывалась, так что особо заботливых отбрасывало от меня взрывной волной возмущения. Мне хотелось, чтобы от меня все отстали, чтобы хоть на пять минут в Артеке остались только мы с Сережей, потому что при посторонних я даже взглянуть на него боялась. Мы принадлежали к разным отрядам, наши палаты находились на разных этажах, пересечься с ним я могла лишь случайно, но даже когда это происходило, я так смущалась, что отворачивалась и долго еще не в силах была сладить с сердцебиением и слабостью в ногах. Когда же его рядом не было, жизнь теряла смысл, лишь, как в капкане, выла внутри угодившая в детскую душу страсть.

Я стала угрюмой. Окружающие осуждали меня, думая, что я загордилась. Только Аня догадалась в чем дело и спросила: «Оль, ты что, влюбилась?» Я кивнула и отвернулась, чтобы скрыть внезапно вскипевшие слезы. С тех пор она никогда меня больше об этом не спрашивала, но раз уж она все равно все знала, я перестала ее стыдиться, и наша дружба еще больше окрепла.

5

Сразу же после открытия смены на общерартековском стадионе начались репетиции юбилейного парада. В нем должны были участвовать не только знаменные группы и актив дружин, но и хоры, танцевальные ансамбли, циркачи, спортсмены и музыканты из всех советских республик. Пока на зеленом, под гребеночку причесанном поле, они танцевали, пели, играли и кувыркались, демонстрируя пустой правительственной трибуне свою любовь и преданность, мы ждали своей очереди. Сережа был где-то рядом, но оглянуться и поискать его глазами я не решалась. Мне было безумно важно скрыть свою любовь от всех и даже от него, потому что весь мой жизненный опыт подсказывал, что, став достоинством «общественности», святое для меня чувство покроется липким налетом насмешек и осуждения. Тогда я еще не понимала, что любовь требует отваги и уважения к себе. Несвойственная мне от природы скрытность сковывала меня, я становилась неловкой, рассеянной, часто ошибалась, и Славик шипел: «Опять не с той ноги пошла, корова».

За три дня до парада он поставил на совете дружины вопрос о моей замене. Старшая вожатая пришла в ужас: «Все должности утверждены, на трибуне будет лично Леонид Ильич, времени на подготовку замены нет». «Что с тобой происходит? — возмущалась она. — Какое право ты имеешь нас так подводить?» Что я могла ей ответить? Я обещала исправиться и старалась, очень старалась.

Сережу я боготворила, но в то же время обижалась на него: зачем он появился в моей жизни именно сейчас и все испортил? Я ведь так хотела быть, как все, я так мечтала быть хорошей. Оказалось, что любовь это совсем не то счастье, которое я себе представляла. Как никогда, я чувствовала себя одинокой и чужой в коллективе, но в то же время впервые в жизни осознала себя частью чего-то возвышенного, таинственного, прекрасного, и догадалась, что оно называется поэзией.

Меж тем, пропасть недоверия между мной и отрядом расширялась. А тут еще, оступившись на спуске, Аня подвернула ногу, и ее на скорой помощи отвезли в Ялтинскую больницу. Туда немедленно примчалась ее бабушка и стала уговаривать вернуться домой, так что, когда мне наконец удалось дозвониться до больницы, Аня грустно сказала, что в Артек скорее всего уже не вернется.

Я тосковала так, что казалось в моем теле нет такой клеточки, которая бы не болела. С ним вообще творилось что-то странное: мышцы ныли, грудь набухла, под мышками и внизу живота закудрявилась светлая поросль, а волосы на голове вдруг поднялись и завились золотыми протуберанцами. По ночам я в умывалке заворуженно рассматривала творившиеся со мной метаморфозы, но оказалось, что и другие их заметили. Однажды Петя, как бы невзначай, пробормотал:

— Ты стала похожа на Примаверу.

Я удивилась:

— На какую еще Веру?

Он хмыкнул:

— Дура провинциальная.

Я отфутболила:

— Жлоб московский.

Он не обиделся. Я ему нравилась. Идя впереди со знаменем, он не видел моих сбоев, а Славик с его привычкой командовать все больше его раздражал.

6

Парад приближался. Пока отряд загорал и купался, мы торчали на стадионе, и через не могу я заучила все шаги и повороты. Утром в день парада неожиданно из больницы вернулась Аня на костылях и с бабушкой. Я страшно ей обрадовалась, но даже пяти минут не смогла с ней пробыть, так как надо было бежать на склад за парадной формой, пришивать к блузке золотые аксельбанты, заплетать косы, завязывать банты, прикалывать пилотку, натирать мелом тапочки, натягивать гольфы и перчатки. Анина бабушка хотела остаться на парад, но ей не разрешили, потому что посторонним вход на него был запрещен. Стеная и умоляя всех, даже случайных встречных, беречь ее внучку, она на той же скорой помощи укатила в Ялту, а Аню на дружинной машине повезли на стадион.

В назначенное время там скопилось несколько тысяч артековцев, но парад не начинали, потому что Брежнев со свитой задерживался. Солнце палило так, будто решило заживо изжарить «заслуженных детей страны», но о том, что творилось снаружи, я понятия не имела, так как знаменные группы ждали в узком бетонном проходе между трибунами, где было сумрачно, душно и тесно. Неизвестность взвинтила наши нервы до предела. Хотелось пить и в туалет, но даже на минуту отлучиться было нельзя. Славка уже несколько дней со мной не разговаривал, но вдруг воскликнул: «Смотри, у тебя на ноге кровь». Я сначала подумала, что это он не мне, но, взглянув вниз, обмерла. Из-под короткой белой юбочки к гольфам по моей правой ноге тянулась темная полоска. Я так перепугалась, что совсем перестала соображать. В панике я пыталась стянуть с распухших рук перчатки, но Славка скомандовал: «Бегом в медпункт. Скоро выходить, а нас без тебя не выпустят».

Медицинская палатка была разбита перед входом на стадион. Там была страшная суета, кого-то приводили в чувство нашатырным спиртом, кого-то несли на носилках к скорой помощи. Увидев меня, одна из медсестер сказала: «А, гости пришли. Поздравляю!» и протянула мне упаковку ваты, но заметив, что во мне дрожит каждая клеточка, спросила: «У тебя что, в первый раз?» И хоть я ей не ответила, она все поняла и успокоила: «Да не дрожи ты так, жить будешь, у всех взрослых девочек это бывает».

Но я продолжала дрожать. Тогда она завела меня за ширму, помогла стащить трусики, и поскольку других не было, забинтовала меня, как тяжелораненую, так что ни одной капельки не попало на мою униформу. Через несколько минут я вновь стояла рядом с Петей и Славиком. Их распирало от любопытства, но лезть ко мне с вопросами я их уже отучила.

Наконец, передние знамена зашевелились, колонна подтянулась и стала убывать в открывшиеся двери. Наша знаменная группа замыкала шествие. После туннеля, в огромном, ярко освещенном пространстве я ослепла и ориентировалась только на Славкин голос: «Тяни носок, равняйся, руку держи, раз два, раз два». Аня потом рассказывала, что зрелище было великолепное: зеленое поле, белая униформа, алые бархатные знамена.

Пока говорили речи, вручали цветы, танцевали, пели и кувыркались, мы стояли перед правительственной трибуной по стойке смирно. Тело мое одеревенело, пот затекал в глаза, голова кружилась, но я даже пальцем ноги пошевелить не могла. Когда, наконец, прозвучала команда к выносу знамен, я сделала все, как положено, но почему-то колонна зашагала в одну сторону, а я в другую. Стадион ахнул. Еще бы! Такой позор на глазах у иностранцев и лично Леонида Ильича! К счастью, далеко уйти мне не дали. Славка, как сайгак, в два прыжка догнал, схватил за руку и увлек за собой. После парада он чуть не задушил меня, а старшая вожатая смерила таким взглядом, что я поняла — добром это для меня не кончится.

Казалось, все надо мной смеются, и я бы точно убежала в горы, если бы не мысль об Ане — как же она без меня, и подозрение, что медсестра просто хотела меня утешить, а на самом деле я смертельно больна. С одной стороны мне было очень страшно, с другой я понимала, что только смертельная болезнь оправдает меня в глазах товарищей. Люди ведь вообще жалеют только умирающих или уже мертвых. Еле переставляя стертые бинтами ноги, я вошла в медкабинет. Медсестра хмуро меня выслушала и объявила, что смерть моя лет на семьдесят откладывается. Потом она прочла мне лекцию про физиологические изменения в организме у девочек во время переходного периода и, узнав, что моя

мама ни о чем подобном меня не предупреждала, проворчала, что половое воспитание в нашей стране находится на пещерном уровне.

Вечером меня песочили на совете дружины. Я смотрела в пол и только по Серезиному голосу догадывалась, что он осуждает меня не от души, а по необходимости, зато остальные, как с цепи сорвались. На упреки я отвечала молчанием. Да и что я могла сказать в свое оправдание, если сама себя осуждала за то, что опозорила свою дружину в глазах всего Артека. Тайным голосованием меня отстранили от должности флаговой и на мое место назначили другую девочку.

Аня дежурила у двери и, будто в сачок, поймала меня, когда вся в слезах я вылетела из пионерской.

— Не переживай — шепнула она — скоро все забудется.

Но, обливая слезами ее пухлое плечо, я провыла:

— Такой позор не забывая-а-а-ается.

Тогда она грустно сказала:

— Все равно ты счастливее меня. У меня ревмокардит, нога вывихнута, и купаться мне не разрешают.

Мне было очень жалко ее, но представить себе, что кому-то сейчас может быть хуже, чем мне, я просто не могла. Аню все любили, а меня презирали, да и купаться мне тоже не разрешили из-за этой дурацкой менструации.

Пока отряд был на пляже, мы с Аней сидели в зашторенной палате и рассказывали друг другу о своей жизни. Вообще-то условия наши были очень разные. Аня жила в центре Москвы в пятикомнатной квартире со всеми удобствами, а я в провинциальном городке в рабочем общежитии с кухней и туалетом на сто двадцать семей. У Ани были мама, папа, бабушка, и собака, а у меня, кроме мамы, никого на свете. Летом она жила на собственной даче, а я таскалась по лагерям. Но было в нашей жизни и много общего. Так же как и у меня, у Ани не было друзей, так же как и я, она с детства мечтала попасть в Артек и молилась, чтобы врачи разрешили ей сюда приехать. Выходило так, что Бог все-таки существует, раз ответил на наши молитвы, но даже друг с другом говорить на эту тему мы не решались.

От всеобщего осуждения я спряталась за ее широкую спину, и теперь мы почти не расставались. Из-за того, что она не могла быстро двигаться, нас освободили от хождения строем. В столовую мы приходили, когда отряд уже топал обратно, и неспеша пировали вдвоем в пустой гулкой столовой. Дома, доедая за мной оставленное на тарелке, мама упрекала меня за то, что я малоежка. Посмотрела бы она на меня сейчас! Аппетит у меня прорезался просто зверский. За обедом я съедала по пять котлет в один присест. Про бутерброды с черной икрой уж и не говорю. Нам, конечно, их не каждый день давали, но раза три за смену точно. Многим в отряде она не нравилась, поэтому я уплетала ее, как говорили у нас в казарме, «за себя и за того парня» и росла прямо на глазах. Было даже трудно себе представить, что в начале смены мы со Славиком были одного роста. Теперь я была чуть ли не на полголовы выше почти всех наших мальчишек, а он доходил мне только до плеча и с полным правом называл «тетей лошадью».

Серезу я почти не видела, но очень хотела видеть, поэтому, когда поблизости никого не было, я подходила к висевшей в вестибюле доске почета и жадно смотрела на его фотографию. Однажды кто-то увидел и спросил: «Что, завидуешь?» Я, как всегда, огрызнулась, но больше к доске почета подходить не решалась, поэтому у меня созрел план украсть Серезину фотографию. Я понимала, что ему вреда от этого не будет никакого, зато я смогу любоваться на него сколько угодно. В свой план я не посвятила даже Аню, просто однажды ночью сделала и все тут, а утром выяснилось, что я совершила настоящее преступление.

Сначала кражу обсуждали на совете отряда, и вожатая просила преступника сознаться по-хорошему. Потом звенье-вые допрашивали каждого члена звена. То же происходило в других отрядах. Я молчала, как партизан. Новая фотография уже давно висела на доске почета, а старую все искали. Во время ужина состоялся тайный рейд по палатам. Вот тогда-то у меня под матрасом и обнаружили ту несчастную фотографию.

Я вернулась из столовой, а в спальне меня уже поджидали разгоряченные сенсацией девчонки. Фотография лежала поверх моей развороченной постели, через несколько минут должен был состояться товарищеский суд, но дожидаться его я не стала. Схватив фотографию, я выбежала из палаты и кинулась куда глаза глядят. А глядели они на море.

Было еще светло, но на пляже не было ни души. Я спряталась за самый дальний валун, поцеловала Серезу, в последний раз посмотрела на него, потом разорвала фотографию на мелкие кусочки и, обливаясь слезами, похоронила под галькой. Что теперь делать я не знала, представить себе свое возвращение в дружину не могла. Мне казалось, что жизнь моя кончена, что, запятнав себя таким позором, я могу лишь умереть.

Сумерки сгущались. В Морском лагере прозвучал горн к отбою. Скоро небо слилось с морем и мир накрыла мягкая, душная, как бархатное покрывало, тьма. Лишь в двух шагах от меня белела кромка волн, да время от времени горизонт озарялся лучом пограничного прожектора. Луны не было. Море, как спящий гигант, дышало рядом мерно, бесстрастно,

и ощущение позора, недавно казавшееся мне таким всепоглощающим стало таять. Постепенно я смирилась со своей участью, исключение из Артека было неизбежно, терять мне было нечего... и я решила искупаться. Не возвращаться же домой с позором, так ни разу и не поплавав в море.

Море приняло меня в свои упругие объятия, и через несколько минут я превратилась в нимфу — дочь Луны и Моря. Служанки отца — теплые, ласковые волны укачивали меня, но я тосковала по пропавшей матери. Я звала ее, но она не появлялась, лишь ее посланницы — звезды пели мне колыбельную на своем беззвучном языке. Из забытья меня вывели голоса, что-то кричащие в мегафон. Кто-то шел вдоль кромки моря, освещая себе путь фонариками. С самого начала смены нас пугали пограничниками с собаками. По берегу проходила государственная граница, с другой стороны моря находилась Турция. Из страха перед пограничниками я даже в самых дальних своих ночных путешествиях к морю не спускалась, а тут почему-то про них забыла. Метнувшись к валуну, за которым лежала моя одежда, я торопливо натянула ее и подняв руки вышла навстречу человеку с фонариком, которым, к моему огромному облегчению, оказалась наша вожатая. Увидев меня, она так взликовала, что не сразу даже рассердилась.

Тем не менее, товарищеский суд надо мной все же состоялся. Почти все мои товарищи считали, что фотографию председателя совета дружины я украла с доски почета из мести за то, что меня сняли с должности флаговой. Я стояла у стены позора с бледным лицом и красными ушами и молчала. За нарушение кодекса чести меня должны были исключить из Артека и отправить домой, но в тот момент, когда объявили голосование, Аня подняла руку и дрожащим голосом сказала: «Да неужели вы не понимаете, что Оля настоящий товарищ и никогда не украла бы фотографию из мести. Просто она в Сережу влюбилась и хотела всегда иметь ее при себе».

От неожиданности все как-то пришли в себя. Вожатая спросила: «Это правда?» и, опустив глаза, я кивнула. Так Аня спасла меня от исключения из Артека, а вот саму ее скоро забрали домой, и на этот раз она уже не сопротивлялась — ей трудно было ходить по горам. После ее отъезда для меня началась новая жизнь. Моя тайная любовь с похищением фотографии и побегом вызвала в девчонках сочувствие. К тому же я оказалась не единственной в нашем отряде «рабой любви». Все были в кого-то влюблены, передавали друг другу записочки, назначали свидания, вздыхали по ночам. Кроме того, каждый день приносил какие-нибудь новые интересные события: посещение эсминца, поход в горы, поездки в Севастополь, в Ливадию, в Никитский ботанический сад, конкурс бальных танцев, в котором мы с Петей, между прочим, заняли второе место.

Как и предсказывала Аня, мой позор скоро забылся, меня оставили в покое, да и сама я привыкла к своему новому состоянию. Любовь уже не оглушала меня, а как тихая музыка постоянно звучала в душе. Мне было хорошо просто оттого, что Сережа живет где-то рядом, но смена стремительно катилась к концу, и я с ужасом считала дни до отъезда.

Двадцать второго июня в Артеке отмечался День Павших. Целый день у вечного огня сменялся почетный караул. То ли случайно, то ли это старшая вожатая надо мной сжалилась, но в карауле я оказалась вместе с Сережей. Целых пять минут мы простояли с ним по обе стороны вечного огня по стойке смирно, и ни разу не взглянули друг на друга, а когда нас сменили, разошлись в разные стороны, но все равно эти пять минут были самыми счастливыми в моей жизни в Артеке.

На прощальный вечер я хотела надеть мамины лодочки, которые так и пролежали всю смену в чемодане, но они оказались мне малы, так что танцевать пришлось в своих заслуженных тапках. Тем не менее мальчишки то и дело меня приглашали, в том числе и Славик. Многие говорили, что я очень хорошо танцую, а Петя сказал, что я самая красивая девочка в дружине, но меня это совсем не обрадовало. Неподалеку от нас Сережа танцевал с девочкой из своего отряда и сердце мое сжималось от боли.

В день отъезда состоялся общенародный рев. Делегации из союзных республик разъезжались по очереди. Первыми уехали латыши. На прощание Славик подпрыгнул и чмокнул меня в щеку. Это было так смешно, что я сразу же ему все простила. Потом уезжали украинцы, белорусы, молдаване, армяне, и остававшиеся то и дело неслись к автобусам обниматься, рыдать, обещать дружить вечно.

Сережа жил в Москве. Домой мы возвращались с ним в одном поезде, но в разных вагонах. Я все время чувствовала его близость. Раз я даже решила зайти в его вагон, но тут же столкнулась с ним лицом к лицу, и, опустив глаза, прошла мимо. На обратном пути я его уже не встретила. А Москва все приближалась. Я, конечно, очень соскучилась по маме, но мысль о возвращении в нашу с ней общую жизнь с серостью, грязью, плевками, окурками, бранью и вонью была мне противна. Как и шесть недель назад, я без отрыва смотрела в окно, но на этот раз ничего не видела из-за застывших глаз слез.

В Москве было холодно, встречавшие стояли на перроне в плащах и с мокрыми зонтами. Вместо мамы меня встретила ее школьная подруга тетя Рая. Увидев меня, она ахнула: «Боже, как ты выросла!», но я не нашла в себе сил ей

даже улыбнуться. Она надеялась, что мы сразу же уйдем, но остатки нашего отряда собрались в круг и запели отрядную песню. Оттесненная в толпу растерянных родителей тетя Рая недоуменно озиралась по сторонам и не понимала, что же случилось со всеми этими загорелыми, красивыми, рыдающими детьми. Раскачиваясь из стороны в сторону, мы пели артековские песни, никому не хотелось размыкать круг и ставить точку на нашей общей жизни, но тетя Рая потянула: «Пойдем, Олечка, а то я на работу опоздаю». Она была человеком мягким, покладистым, робким, очень боялась свою начальницу. Пришлось мне первой выйти из круга. Идя за тетей Раей, я то и дело оглядывалась в надежде последний раз увидеть Сережу. И вдруг я его увидела. Он шел один, быстро лавируя в толпе. Казалось, чемодан его ничего не весит. Он обогнал нас, но потом, замедлив шаги, сравнялся с нами и пошел рядом. Шаг в шаг мы дошли до метро, спустились вниз на параллельных эскалаторах, одновременно оказались в зале кольцевой станции. Услышав шум приближавшегося поезда, тетя Рая заторопилась: «Бежим скорее», но я взглянула на нее с такой мольбой, что она отступила.

Мы остались с Сережей наедине. То есть вокруг нас кипела обычная московская толкучка, но мы ее не замечали. Впервые после нашей первой встречи мы смотрели друг на друга, и этот взгляд стал еще одним чудом, случившимся со мной в то незабываемое лето. Он длился всего мгновение, но сказал мне так много, что даже тридцать пять лет спустя я чувствую, что он все еще продолжается.

В НОВОМ СВЕТЕ

Моим подругам

Солнце пекло уже во всю, от каменистой почвы, сухих трав и колючих кустарников шел пряный, горячий, как из духовки, жар. Хранившие остатки утренней прохлады сосны остались далеко внизу. Оглядываясь, Наташа видела скругленную у горизонта равнину, поделенную белой каймой приборя: по одну сторону блестящую, как тканая серебром парча, по другую палево-охристую, с вкраплениями зелени, жемчужными россыпями прибрежных поселков, обрамленную дымчатыми волнами гор. От красоты вида дух захватывало, но остановиться, отдышаться, насладиться им Наташа не смела, потому что больше всего сейчас боялась отстать от Игоря, который легко и неумолимо шел вверх, а когда на очередном витке тропы, оглядываясь, сдерживая одышку, она улыбалась и махала ему рукой, мол со мной все в порядке, не волнуйся, я иду следом.

За неделю в Новом Свете они исходили все окрестные горы. С самого детства Игорь знал эти места, едва ли не лучше, собственного района в Москве. Его родители были энтузиастами горного туризма, с трех лет он сопровождал их во всех походах и сейчас, оказавшись Наташиным гидом, стремился поделиться с ней всем самым любимым. Избегая встреч с многочисленными родительскими и собственными знакомыми, сразу по приезде в Новый Свет он снял у местной старухи щелястую хибарку вдали от излюбленных завсегдатаями мест. Однако долго находиться в ней из-за духоты и блох было невозможно, поэтому, чтобы до большой жары успеть в горы, вставали они засветло, днем в палатке отсыпались, купались на диких пляжах, обедали привезенными из дома консервами и допоздна засиживались у моря вдали от бессонной набережной с ее мусором, запахом общепита, нетрезвыми компаниями и гитарным бряцанием.

Сидя у кромки приборя, Игорь рассказывал Наташе о строении мироздания, об идеях древних философов, о новейших открытиях в астрофизике, но чаще всего просто читал наизусть любимые стихи, а она слушала, верней внимала ему, пытаясь вобрать в себя все новые рифмы, мысли, образы. Поэты — прежде она и имен-то их никогда не слышала, казались ей гигантами великой потерянной в пространстве времени цивилизации, куда дорогу знал только Игорь. Наташа воображала себя Эвридикой, похищенной Орфеем из мира мертвых идей и лживых идолов и готова была следовать за ним хоть на край света, но звуки его голоса отдалялись, сливаясь с ударами волн, с шуршанием лижущей гальку пены, с ярким космическим светом Луны и душным ароматом южной ночи. Каждым своим атомом Наташа ощущала гармонию вселенной, но вздрагивала и просыпалась в страхе от того, что Игорь заметил, что она спала. Ей страшно было ранить его невниманием, еще страшнее обнаружить перед ним всю бездну своей необразованности. Несмотря на события двух последних недель ей все еще не верилось, что такой необыкновенный человек, как Игорь, мог полюбить

такую обыкновенную девушку, как она. Случившееся между ними представлялось ей чудом. Никогда в жизни она не была так счастлива. Даже тот факт, что акт любви, долгожданный, воспетый всеми: начиная с великих поэтов и кончая девчонками на курсе, оказался не вполне приятной для нее физической процедурой, счастья ее не омрачил. Главное, чтоб Игорь об этом не догадался. Покоряясь его властному желанию, она переживала странное раздвоение — эмоции переполняли ее настолько, что тело становилось бесчувственным, происходящее она видела, как бы со стороны, а блаженство, которое испытывала, было отнюдь не физического свойства. Однако задуматься над его природой она не смела, так как всем существом сосредоточилась на Игоре.

Ее любовь подавила в ней все прочие чувства и мысли: об обманутом, оставленном в Москве женихе она не вспоминала, изнывавшей от тревоги за нее матери, до сих пор так и не удосужилась послать телеграмму, ибо красть их с Игорем время на то, чтобы стоять в очереди на почту, казалось ей кошунством.

Сейчас, поднимаясь вслед за ним к вершине горы с незапоминающимся акающим названием, Наташа думала об одном: как бы не отстать, чтоб он не подумал, что она маменькина дочка и размазня. До сих пор дорога была не слишком трудной, однако во время привала Игорь предупредил, что в самом конце будет короткий, но вполне серьезный участок, и чтобы она ни в коем случае не смотрела вниз, так как может закружиться голова.

И вот тропа кончилась, теперь до вершины было рукой подать, след в след за Игорем Наташа карабкалась по скалам. В какой-то момент она машинально опустила голову и увидела внизу... В сущности было совсем не важно, что она там увидела. Просто ей вдруг показалось, что она падает, и руки ее судорожно вцепились в выступ скалы. В глазах от напряжения вспыхнули радужные круги, тело мгновенно покрылось испариной, по спине холодной змейкой пополз ужас. Игорь был всего в двух шагах от нее, уже на вершине. Чтoб оказаться рядом с ним, ей надо было лишь, чуть подтянувшись, поставить ногу на одну каменную ступеньку, потом на другую. Мгновенье назад это не составило бы для нее труда. Игорь крикнул, чтобы она не задерживалась, но Наташа намертво приросла к скале.

Он понял, что с ней что-то не в порядке. Спуститься к ней он не мог — на скальном карнизе, где она стояла, места для него не было, поэтому, вбив крюк, он привязал к нему веревку, и сбросил ей, крикнув: «Хватай, я тебя сейчас вытяну». Веревка раскачивалась в нескольких сантиметрах от ее лица, но повернуть голову, а уж тем более оторвать побелевшие пальцы от скалы Наташа не могла.

Чем крепче она цеплялась за нее, тем слабее ощущала собственные руки и ноги. Прошло всего несколько минут, но время для нее исчезло. Тело окоченело, рассудок онемел, голос Игоря звучал все глуше, точно пробивался сквозь толщу льда. «Неужто вот так и закончится моя жизнь?» — подумала она, и перспектива смерти впервые не показалась ей абсурдной. Наоборот, с поразительной ясностью и покорностью она представила себе свое отсутствие в мире, и тут же содрогнулась от страшного чувства вины перед матерью. «Что я наделала. Бедная моя мамочка!» Раскаяние придало ей решимости. Отчаянным усилием оторвав правую руку от скалы, Наташа попыталась ухватиться за веревку, но онемевшие пальцы поймали воздух, и, потеряв равновесие, она рухнула вниз.

* * *

Второй месяц Наташа жила с детьми на даче. Днём одолевали мухи, вечером комары, на хозяйской половине радио исполняло песни советских композиторов, небо напоминало выцветшую голубенькую простынку в белый горошек, в огороде от засухи порыжели огурцы и клубника. Шмыгая носом, хозяйка шастала с ведрами от колодца в огород, причитая: «Ну усё пожглося, хучь слезьми поливай», и хоть осенью она «собственноручно» заставила мужа пристроить к сдаваемой на лето москвичам комнатухе терраску с отдельным крыльцом — чтобы подороже брать, а на «дачные» деньги справить ковёр, цветной телевизор (в самых дерзких мечтах маячил зыбкий мираж мотоцикла с коляской), постояльцев она терпеть не могла, и, если обращалась к Наташе по необходимости, то, как бы всем видом говоря: «Пей мою кровь, режь меня на куски». Даже бельё во дворе она развешивала не просто, чтоб сохло, а с каким-то ей одной понятным негодованием. Сквозь стёклышки терраски, Наташа видела, как расставив загорелые икры, хозяйка поднимает из таза в жухлой траве туго выжатую колбаску и, отгородив угол двора, где играют дети, резким движением превращает её в цветастый парус пододеяльника, распятые мужниной рубашки, бугристую восьмёрку лифчика, а спина, и особенно зад ее, похожий на авоську с арбузами, выражают полную моральную победу над «ентими».

Наташа, в свою очередь, называла про себя хозяйку Бастиндой, (с тех пор как родились дети, люди стали называть ей персонажей мультфильмов и книжек с картинками), и, несмотря на постоянные внутренние дебаты о нелепости обид на убогих, недоразвитых людей, от хозяйкиной несправедливости она страдала, а в голове, как на заевшей пластинке, крутился вопрос: «И за что она нас так ненавидит?». Однако больше всего Наташу раздражало то, что не-

ненависть эта отнюдь не распространялась на Игоря, и стоило ему отворить калитку, как, несмотря на все громогласные заявления, что в Москве мол живут «одне жидаы», Бастинда преобразалась, начинала говорить нараспев и улыбалась приторно, как звезда сельхозмузкомедии времен коллективизации.

Вечерами с хозяйской половины сквозь щели к дачникам вползал сдобный дух зависти. Дети плевались кашей, требовали ватрушек, приставали: «А скоро папочка приедет?». Наташина неделя под завязочку была заполнена стиркой в корыте, готовкой на керосинке, мытьём посуды в тазу, кормежкой, уборкой, походами в магазин и на другой конец деревни за молоком от частной коровы. Перемыв три пары рук и ног, высморкав носы, прочитав сказку, поцеловав потные лобики, не обращая внимания на всхлипы и ябеды, она гасила свет и из душного нутра, пропахшего пригоревшей кашей, нафталином, сушёной ромашкой и старыми одеялами, выходила на крыльцо послушать, как шумят в вышине невидимые сосны, печально, будто муэдзины, кричат петухи, стучат вдали колёса московской электрички и хрипло, казалось матом, лает с цепи на жизнь хозяйский кобель Магадан. Томительно и нежно пахло хвоей, флоксами, уборной. С полей ветер доносил аромат стогов, с хозяйского крыльца дымок «Беломора» и хриловатый голос, беззлобно увещевавший: «Ну и что ж ты, Магадаша, так надрываисси? Пряма, как сверхсрочник перед строем. Хошь медаль заработать? Так ведь нету у меня. Да и на хрена она тебе? Девочек приваживать? Так ведь девки-то молодых любят, а ты у нас старый кобель».

Стоя на крыльце, Наташа мысленно бежала вдоль тёмных огородов к станции; покупала в окошечке билет; опасаясь стоящей поотдалу патлатой компании, ждала под фонарём электричку; сидя в вагоне, читала освещенные названия: Чухлинка, Храпуново, Чёрное... Восемь лет она никуда без детей не ездила. Сейчас поездка в пустой, заплёванной электричке казалась ей недосыгаемым счастьем. Дети захватили всё её жизненное пространство, и ей самой часто казалось, что без них её никогда не существовало. Укладываясь спать, она всякий раз думала: «Почитаю», но, не успев раскрыть книгу, проваливалась в черную яму беспамятства.

А по субботам приезжал Игорь — шумный, небритый, с похмелья, с портфелем, набитым подарками. При виде его сердце сжималось, не понять: от тоски, иль от радости. «Прости, Птаха-Натаха, — говорил он, целуя ее в макушку, — совсем замотался, раньше никак было не выбраться». Сменив виновато-усталую маску на клоунскую, выпучив глаза и растопырив руки, он оборачивался к детям, те, как кутята, повизгивая от радости, висли на нем, а Наташа слглатывала горький комок — без него всю неделю тихо-мирно жили, а теперь пойдут раздоры: кто с папочкой за ручку пойдёт, да кто к нему на колени сядет, да кто, когда вырастет, станет, как он, волшебником.

Але-оп! И из портфеля лезут крошечные пушистики-цыплята. Дети в восторге, Наташа в ужасе: «Где ж я их держать-то буду?». Игорь на мгновение задумывается: «Пусть пока поживут в чемодане, я им для воздуха дырочки просверлю, а подрастут — что-нибудь придумаем». Вот и всегда так: ему развлечение, а ей...

С приездом Игоря, на Наташу наваливалась тяжелая, как чугунная гиря, апатия, он же был полон энтузиазма. Он готовил обед, на который уходили почти все привезённые им на неделю продукты, дети наперебой лезли ему помогать, а она сидела посреди этого праздника, как мертвая царевна — всем, и прежде всего самой себе, чужая.

В сумерках Игорь тащил всех на речку жечь костёр, рассказывать сказки. Возвращались в темноте, со спящими детьми на руках. Наташа валилась с ног, а Игорь шел к хозяевам: шутил с Бастиндой, выпивал с ее мужем, шофёром. Это у него называлось «ходить в народ». А у Наташи в народ ходить сил не было — она и сама была народ. Не дождавшись его возвращения, она засыпала, а утром сквозь сон слышала восьминогое топотанье, звон посуды, страстное «тссс — мамочку разбудишь». Игорь уводил детей в лес. Сборы были окружены счастливой тайной, детям хотелось побыть с отцом без неё — так было интереснее. Прежде чем уйти, чмокнув её в горячую со сна щеку, Игорь говорил: «Оставайся, ты устала, отдохни, почитай что-нибудь», но книга, умная, изданная во Франции, с риском для жизни провезённая через границу журналистом, пишущим в «Комсомольскую правду» о загнивающем Западе, так и оставалась лежать на этажерке в соседстве с хозяйскими слониками, а Наташа, уперев глаза в оклеенный газетами потолок, видела, как позавчера в пыльной московской квартире Игорь веселился с друзьями и их бесшабашными, любящими выпить «знакомыми».

Пока мужчины охлаждали водку и спорили об экзистенциализме, дамы бегали в магазин купить колбаски-сырку, а заодно и чего-нибудь ей на дачу. Всю ночь в квартире дым стоял коромыслом, два раза Игорь бегал за водкой на угол к таксисту, и, дыхнув перегаром в лицо, просил: «Выручи, отец». Из раскрытого окна в тёмный двор долетал звон посуды, взрывы хохота, магнитофонный голос опального барда. Под утро в пол шваброй стучали соседи. Прежде чем загрузить пьяную компанию в такси, Игорь шептал в пунцовое ушко «новенькой», всю ночь тихо просидевшей на уголке кушетки: «Светочка, вы не останетесь помочь убраться?». Залившись краской, та кивала. До уборки дело доходило лишь к полудню.

2

Сквозь дремотную толщу к Наташе все ближе подкрадывался будильник, и когда начинал стучать в висок, преодолев отворачивание к движению, она вставала, натягивала халат и, опасаясь встречи с хозяйкой, с зубной щеткой в руке крадась к рукомоюнику, но во дворе было пусто — по случаю воскресенья хозяева с утра укатили в город, оставив вместо себя невыключенное радио бормотать про вести с полей, да несчастного Магадана скулить, греметь невидимой цепью, и внезапным лаем пугать из-за забора редких прохожих.

Утро перезрело, как забытый на грядке помидор. Воздух дрожал от зноя и зуда насекомых. Оставив хвост бензиновой пыли, взвыл и утарахтел куда-то соседский мотоцикл, осой прозвенела по реке моторка, звонко ухнуло в колодезные недра пустое ведро. Налегая всем телом на ворот, Наташа вытягивала его наружу; оставляя в пыли темную крапчатую дорожку, тащила домой, разжигала керосинку, ставила на нее кастрюлю для супа, замачивала в тазу сладко пахнущую детской мочой простынку, и если бы её спросили, о чём она сейчас думает, то, не соврав, она бы ответила, что думает о том, как по возвращении в Москву покажет Марусю врачу, а то нехорошо: девочке на будущий год в школу, а она ещё писается, а Андрюша так смешно вчера сказал про цыплят, что они «мяфкие», и надо бы эти детские словечки записывать, не то забудутся, а для Дуси хорошо бы перешить к школе шерстяное платье с кармашками, то, в котором она сама восемь лет назад... Летящий по соседним рельсам состав воспоминаний заглушал скрипучий обоз домашних забот и увлекал в то время, когда Наташа училась на втором курсе медицинского института и была невестой Лёши Матвеева.

Он был милый, ушастый, доверчивый, очень нравился маме. В сентябре они должны были пожениться. По талонам из загса уже куплены были кольца. По маминому настоянию в ателье для Наташи сшили гипюровое платье, в котором она становилась до странности похожей на собственную бабулю, сквозь дореволюционную мать испуганно смотревшую из рамочки над комодом в их с мамой комнатке на Сретенке.

До середины июля оба парились на практике — Леша на заводе, Наташа в туберкулезном диспансере, а в августе решено было с палаткой и байдаркой махнуть на Селигер. И по сей день в переливах этого слова Наташе чудится мелкий, учащённый, как девичье дыхание, плеск на песчанном плесе, золотая рябь в засвеченной рамке зелени, взмельк сорвавшейся с крючка серебряной рыбки, но если той, хоть и с порванной губой, все ж удалось уплыть на глубину, то сама Наташа, или так ей по крайней мере самой кажется, попалась в то лето на острый крючок судьбы.

3

За минуту до отправления поезда из запрудившей перрон толпы вынырнула долговязая фигура Лёшиного школьного друга, Игоря. Наташа первая заметила его и встревожилась: «Случилось что?», но Леша обрадовался: «Гарик! Молодец! Вот здорово!» и пояснил: «Да не волнуйся ты, это он просто так примчался, проститься. Он ведь только с виду такой ершистый, а на самом деле душа-человек». Подавив вздох, Наташа собралась с силами, как перед стометровкой.

...С Лешиними друзьями отношения у нее складывались мучительно. Если даже самой себе в их компании она казалась не то чтобы совсем глупой (все ж отличница, староста группы), но как бы недоразвитой, то что ж о них-то говорить. При ее появлении кто-то из мальчиков всегда с комическим пафосом восклицал что-то вроде: «Откуда ты прелестное дитя?», и все смеялись. Девчонки же, наоборот, напрягались, будто она хотела что-то у них отнять, и в течение вечера она нет-нет да и ловила на себе их настороженные, как из засады, взгляды. Домой Наташа всегда возвращалась расстроенная. Леша сочувствовал: «Да не комплексуй ты, они же тебе просто завидуют. Ты красивая, а была бы крокодил, никто бы на тебя и внимания не обращал. А вообще-то ты, конечно, права: народ у нас непростой. «Все они красавцы, все они таланты, все они поэты». Мне тоже, когда я из другой школы перевелся, несладко пришлось. Если бы не Гарька... В общем притретесь. Главное, читай побольше и не сиди с таким испуганным лицом».

Легко сказать. Натянута улыбочка появлялась на Наташином лице, стоило переступить порог очередной дeньрожденной квартиры, и как она ни старалась заменить ее на что-нибудь более подходящее, ничегошеньки у нее не получалось. Но мучительнее всего почему-то было молчать. Она часами репетировала про себя какую-нибудь умную фразу, но та, как на зло, срывалась с губ всегда не к месту и к всеобщему недоумению. Что же касается ближайшего Лёшиного друга, Игоря, то в его присутствии Наташа и вовсе терялась. Он же вел себя с ней надменно, называл «каменным гостем» и «вещью в себе».

На бегу Игорь что-то прокричал, но в этот момент радио объявило об окончании посадки, и проводница с угрозой спросила: «Ну что, молодёжь, остаёмся?» Наташа испуганно юркнула в тамбур. Леша бросился за ней, несколько долгих минут боролся с окном в коридоре (вагон дернуло, пол под ногами заходил, медленно поплыли навстречу фанари, вокзальные постройки, стоящие на соседних путях поезда, взмахнув руками, стайки провожающих стали отлетать назад), а когда упрямая фрамуга подалась, поезд уже вырвался из тесных, ярко освещенных оков перрона в тусклый, пахнущий мазутом простор вечерних предместий. Высунувшись, они тщетно пытались разглядеть Игоря в мглисто-оранжевом мареве, но проходившая мимо проводница буркнула: «Здесь стоять не положено, займите места согласно купленным билетам». Сделав хитрющие глаза, Леша вслед ей пропел: «Как провожают пароходы, совсем не так, как поезда», и Наташа рассмеялась, легко, счастливо, как в ранней юности смеются только очень хорошие девушки, у которых все еще впереди.

Вагон был плацкартный, народищу тьма: военнотруженики, колхозники, туристы, издерганные мамы с ревущими младенцами, подвыпившие отпускники, командированные, безбилетники. Проводница не начала еще даже билеты собирать, а в их плацкарте на нижних полках прямо в одежде кто-то уже храпел. Приткнуться было совершенно негде, в раскаленном за день на запасных путях вагоне было душно, пахло потом, колбасой, гуталином, табачным дымом, уборной. Полночи они простояли в обнимку в скрежещущем челюстями тамбуре, а на рассвете, прыгнув на туманную от недавнего дождя платформу, заметили приближающийся знакомый силуэт...

— Привет, а я вот решил сделать вам сюрприз.

— Гарик! — Лешка даже взвизгнул от радости.

Наташа с трудом проглотила досаду.

Взгляды и прикосновения — вот и все, что первое время между ними было. Наташа еще стеснялась, пряталась за Лешу, но уже с тайным ликованием встречала взгляды Игоря, пронзавшие ее, как стрелы, пропитанные медом и ядом, и наполнявшие тело такой тягучей сладостью, что сердце, казалось, вот-вот остановится. Она ждала, вернее жаждала «случайных», на миг соединявших их, прикосновений. Она еще не вполне понимала, что с ней происходит, верней, отказывалась понимать. Она гнала прочь догадку, уверяя себя в том, что это прекрасное, возвышенное, но в то же время такое мучительное чувство, так стремительно и властно ею завладевшее, ничего общего с любовью не имеет, что любит она по-прежнему Лешу, а Игоря... ну может быть уважает, может даже восхищается им, вернее даже не им самим, а тем, как ловко он в первый день договорился с водителем попутки, отыскал место для стоянки, развел костер, напоил их чаем, накормил похлебкой из тушенки... А как он палатки натянул! Это ж было просто чудо какое-то! Они с Лешкой два часа мудровали над кучами брезента, спутанными тесемочками и кольшками, а Игорь подошел, и все само собой встало на свои места. Ведь не только же она, Леша тоже им восхищался. Так что ничего особенного в этом и не было...

Особенным было лишь то ликующее, расправившее ее изнутри чувство полноты жизни, все эти звуки, краски, запахи, ливнем обрушивавшиеся на нее в Игоревом присутствии, и ужасная пустота давившая ее, все время пока его рядом не было. А он... старался как можно чаще исчезать, давая им с Лешкой возможность побыть наедине.

Бедный Леха. Как он раздражал ее своей пылкостью, доверчивостью, своей любовью к Игорю, но еще больше своей любовью к ней. Наташа уклонялась от его объятий, постоянно без всякой причины дулась на него. Он ходил потухший, притихший, а ей хотелось, чтобы его вообще не стало, чтобы он ушел, уехал куда-нибудь, оставив ее наконец в покое. Но больше всего ей хотелось хоть раз прижаться к Игорю всем телом...

О близящейся разлуке она думала с ужасом. Ей казалось, стоит им разъехаться, как все для нее навсегда будет кончено: Игорь забудет о самом факте ее существования, а ей без него и жить незачем. По возвращении в Москву она несколько суток провела в постели. По ночам мать прислушивалась к ее сдавленным рыданиям, утром, страшно обеспокоенная, уходила на работу, а вернувшись, заставляла дочь в той же позе, бледную, немую, заплаканную. Наташа лежала лицом к стене, ничего не объясняла, а мать предполагала все самое худшее: избили, изнасиловали. В тайне от Наташи она позвонила Леше: «А ну отвечай, что там у вас приключилось!» Леша промямлил: «Да все в порядке, Анна Михайловна, Наташа вам скоро сама все расскажет». Мать не знала, что и думать.

Первое время Наташа вскидывалась на каждый звонок, но звонили всегда соседям, а если стучали в дверь: «Таха, там твоя ухажер вызванивает», так всегда это оказывался Леша. Ни слова не говоря, Наташа вешала трубку и возвращалась к себе. Игорь не звонил... Однажды он просто вошел в ее в комнату.

Дело было днем, дверь открыла соседка:

— Тебе кого?

— Простите, а Наташа дома?

— К ним три звонка, а ты звонишь один. Вон вторая дверь по коридору, только не знаю, есть у них кто. Я их сегодня еще не видела.

К тому времени Наташа впала уже в такую апатию, что ни на телефонные ни на дверные звонки не реагировала. Игорь постучал, а, когда ему не ответили, открыл дверь и вошел...

6

Воспоминания несли бы Наташу и дальше, если бы не топот по ступенькам крыльца шести маленьких ног. И вот — стёклышки терраски звенят от ликующих голосов:

— Мам, смотри какой Андрюша гриб нашёл! Подосиновик. Из него во какой суп получится! Мы с Марусей целую панамку сыроежек набрали, но папочка велел их выбросить, потому что они «едкие-рвотные».

— А мы в речке купались! У берега мальки — видимо невидимо. Я схватила одного, а он от меня как упрыгнет...

— Мамочка-мамусичка, я голодный, как волк. Щас ты съем. Лы-ыы.

Наташа не сразу поняла, что дети вернулись одни. «А где же папа?», — мысленно спросила она, и выглянула в окно, но во дворе было пусто, лишь паслась у забора хозяйская курица.

А папа где? — внутренне уже негодуя, спросила она.

Секрет! — хором выкрикнули девчонки, а Андрюша, забыв про уговор, выпалил, — он в магазин посол, за пляниками!

Наташа даже руками всплеснула.

Да что ж он домой-то не зашёл? Мне сметана нужна...

Я догоню, — вызвалась Дуся.

И я.

И я.

Прежде Наташа детей одних даже за калитку не выпускала. Мало ли что? Пьяный на мотоцикле из-за поворота выскочит, деревенские обидят, но сегодня от досады на мужа, и на то, что утро подевалось неизвестно куда, а главное, так хочется ещё хоть пять минуток побыть в тишине, она вручила Дусе банку с пластмассовой крышкой и строго предупредила:

Отдадите и сразу назад! Только не бегите, как сумасшедшие.

Она достала из кошелька бумажку и сунула Дусе в ладонь.

— На, не потеряй, здесь три рубля, вдруг у папы денег не хватит.

Гордая своей миссией, Дуся открыла калитку. Наташа увидела, как Маруся с Андрюшей шмыгнули у нее под рукой, и калитка захлопнулась. Душа ее рванулась следом: «Постойте, я с вами», но рассудок осадил: «Они уже большие. Ничего с ними не случится, через пять минут примчатся, никуда не денутся», и несмотря на то, что никто больше не мешал ей прилечь и полежать в тишине с закрытыми глазами, она бросилась в комнату застилать постели, подбирать валявшиеся на полу игрушки, и обратно на терраску прикрутить керосинку, заправить кипящую воду куриным супом из пакетика. «Неужели так трудно было заглянуть в дом и спросить, не нужно ли чего?» — сетовала она, в то время как руки делали все, что им было положено. «Конечно трудно, — отвечала она сама себе. — Боится он меня, как черт ладана, малодушничает, вранья своего стыдится, чувствует, что вижу его насквозь». Наташа тяжело вздохнула: «Дурачок, разве от своей-то совести убежишь?».

7

Про то, что Игорь изменяет ей со случайными знакомыми, встреченными в гостях, в библиотеке или в очереди за пельменями, про то, что у него были, есть и будут «долгоиграющие» романы с женами друзей, и даже с ее собственными подругами, впрочем теперь уж бывшими, она знала давно. А началось все с того, что однажды, вернувшись домой

с работы, как всегда, вернее с тех пор, как появились дети, усталый и раздражительный, Игорь заявил, что жить так больше не может, что реализоваться как творческая личность в таких жутких условиях он не в состоянии, что писателю (подразумевалось гениальному) просто необходим отдельный кабинет. Наташа лишь руками развела: «Да где ж его взять-то, в двухкомнатной хрущевке», но он, оказывается, уже все продумал. «Ты, главное, пойми, я ведь не собираюсь вас притеснять, сниму угол у какой-нибудь старушки-процентщицы, а деньги уроками заработаю. На репетиторов английского сейчас большой спрос». Наташа спорить не стала, по опыту знала — бессмысленно. Постепенно она и сама прониклась его логикой: «Не век же ему в НИИ горбатить младшим научным сотрудником. У него талант большущий, все говорят. Когда-то ведь надо начинать». Конечно, она все еще внутренне трепетала при мысли, что ничего у него не получится, и что им тогда делать с тремя детьми? Но вскоре все само собой как-то на редкость удачно устроилось: откуда ни возьмись явился чей-то знакомый дипломат, за недорого сдавший Игорю свою однокомнатную квартиру на Курской; подключив всех своих знакомых к поискам учеников, очень скоро из массы желающих Игорь выбирал уже только самых перспективных; с работы он уволился, но, вопреки ожиданиям, впервые в жизни у них появились деньги.

Меж тем, как и прежде, он приходил домой угрюмый и недовольный. Уроки отнимали слишком много сил и времени, роман, который должен был его прославить, ни на строчку не продвинулся, и однажды, разбудив Наташу поздним звонком, Игорь сообщил, что останется ночевать на Курской. Еле ворочая языком спросонья, она промямлила: «Конечно оставайся. Ты ел что-нибудь?» и, узнав, что ел, едва донеся голову до подушки, рухнула в сон. Однако посреди ночи она вдруг проснулась — страшная боль сдавила ей грудь, сердце бешено колотилось. Понимание того, что увиденное было всего лишь сном, не сразу утвердилось в сознании. Таких снов она прежде никогда не видела. Ей приснилось, что бесплотная и невидимая, она висит под потолком в комнате с разобранной постелью, на которой... Наташа судорожно нащупала кнопку ночника. Будильник показывал три часа ночи. Звонить было уже поздно, но все же она решилась: лишь бы услышать в трубке его сонный голос (ей и объяснять бы ничего не пришлось, мало ли, неправильно соединяют). Однако трубка безнадежно гудела, и Наташа содрогнулась от мысли: «Он там с другой, он разлюбил меня». «Но это же всего лишь сон», — возмутился разум. Бросив трубку, Наташа погасила свет, однако вместо спасительной тьмы перед ее внутренним взором вновь вспыхнула чудовищная картина — Игорь с какой-то крашеной блондинкой: двуглавый восьмипалый тараканище, пыхтящий, стонущий от вожделения ком слипшейся человеческой плоти. «Господи, да что ж это со мной?» Наташа вновь включила свет, набрала номер и стала слушать гудки, и всю ночь бы слушала, если бы не Андрюша. Он заворочался в кровати, закричал, а потом и заплакал. Впервые ощутив радость при звуках его плачущего голоса, Наташа благодарно прижала сына к себе и кинулась в кухню греть молоко. Остаток ночи она пыталась утормотить его. За заботами сон почти выветрился из памяти, днем она вспомнила о нем уже как о чем-то абсурдном, а, когда вечером попыталась рассказать о нем Игорю, тот неожиданно вспыхнул: «Ты прилагаешь все усилия, чтобы уничтожить меня как творческую личность». В психологические нюансы его поведения она вникать не стала: у Андрюши резались зубки, он весь день капризничал, девчонки тоже не давали дух перевести.

8

Недели через две Наташе срочно понадобились паспорта: она хлопотала об улучшении жилищных условий, таскалась по депутатским приемным, в райсовет, собес, и всюду требовались документы. Свой она сразу нашла, а вот Игорев куда-то запропастился. В поисках она перевернула весь дом, несколько раз звонила на Курскую, но как всегда во время уроков телефон был отключен. Меж тем дело было безотлагательное, поэтому, оставив Андрюшу на попечение соседки (девочки были в детском саду), она сама туда поехала. Про такси как-то вообще не подумала, до метро было три остановки на троллейбусе, однако стоило выйти на улицу — тот был тут как тут.

Наташа доехала до метро, сбежала по эскалатору, втолкнулась в набитый вагон и мысленно стала подгонять машиниста: «Ну пожалуйста, миленький, быстрее, быстрее». И хотя в другой раз она наверняка получила бы удовольствие от такого внезапного путешествия, сегодня три коротких перегона показались ей вечностью. Дело в том, что Татьяны, соседки, на которую в случае крайней нужды можно было на часок-другой оставить Андрюшу, как на зло, дома не оказалось, а Татьянина мать, безотказная Вера Апполинарьевна, по ее же собственным словам была «товарищем ненадежным». Несмотря на зековскую закалку, доскональное знание фени, вечную беломорину и неистребимый оптимизм, Вера Апполинарьевна по сути дела была божьим одуванчиком. Сердце у нее было слабенькое, но своенравное: то принималось нестись на перегонки с дыханием, то вдруг вставало, как вкопанное. Наташа сама не раз делала ей уколы, и потому сейчас содрогалась при мысли о том, что в ее отсутствие старушку скрутит очередной приступ. «Что ж будет

тогда с Андрюшей?», — спрашивала она себя, протискиваясь к выходу, «что будет с моими большими, моими зверями лесными», — повторяла она, двигаясь к эскалатору, по рукам и ногам скованная толпой. После обреченной на неудачу попытки пробиться наверх сквозь загромодившие проход корзины, баулы и чемоданы приезжих, она вынуждена была остановиться, но паническое беспокойство не давало ей расслабиться ни на секунду. Она всматривалась в лица спускавшихся ей навстречу людей, будто подсознательно надеялась увидеть среди них Игоря, и вдруг она действительно увидела его. Как всегда чуть иронично улыбаясь, одной рукой он высвобождал перышко из всклокоченных кудряшек ТОЙ САМОЙ блондинки, другой рукой... Наташа подавилась рванувшимся изнутри криком: «Игорь, опомнись, что ты делаешь?» Слова застряли в горле. Не заметив ее, счастливый и безмятежный, Игорь уплыл вниз, Наташа наверх, а что было потом она совершенно не помнила: ни того, как сразу же по выходе из метро, встала в какую-то очередь и, подчиняясь ее ритму, начала медленно двигаться к лотку, ни того как очутившись перед похожей на грязного снеговика толстухой, не смогла сообразить: кто перед ней и чего от нее хотят. Меж тем очередь нетерпеливо топталась сзади. «Сколько штук брать будете? — рявкнул снеговик, но Наташа не ответила. «Вы что ж это, гражданочка, в молчанку сюда пришли играть?», — съехидничал стоявший за ней пенсионер. Кто-то из очереди предположил: «Не в себе она. Чокнутая. Надо бы скорую». Кто-то другой охотно отозвался: «Ага, а заодно и милицию, а тебя самого в суд главным свидетелем». Наташа не помнила ни того как ее оттеснили от прилавка, ни того как она добралась до дому, ни того как сидела в прихожей на куче грязной обуви, уверяя испуганную старушку, что с ней все в порядке.

Игорю о случившемся она ни словом не обмолвилась. Зачем? Он бы только снова на смех ее поднял, или еще хуже, обвинил в том, что она мешает ему осуществиться как писателю. По-прежнему переступая порог своего дома, он начинал жаловаться на веревки с пеленками, отсутствие обеда и нормальных человеческих условий, все чаще оставался ночевать на Курской, все реже упоминал про свой «роман». Нежность, некогда наполнявшая их совместную жизнь смыслом, исчезла, остался лишь ржавый каркас семейных обязанностей.

9

Вскоре Наташа осознала плотную, непроницаемую полосу отчуждения, отгородившую ее от прежних знакомых. Люди, которых она еще вчера считала друзьями, теперь, чтобы не ляпнуть лишнего и не попасть в неловкое положение, предпочли вообще с ней не общаться. Игорь ходил теперь в гости с той или иной своей «новой знакомой», но и Наташа не стремилась к прежнему общению. Ей постыдными казались «умные» разговоры с людьми, которые (теперь она это точно знала), ни во что, кроме собственного превосходства над окружающими не верили и ни к чему, кроме личного комфорта, не стремились. Еще более постыдными казались намеки подруг, «из лучших побуждений» стремившихся очернить в ее глазах соперниц с тем, чтобы от себя отвести подозрение.

Наташа ощущала себя человеком на льдине, уносимым от берега в открытое море, и никто ей не мог помочь. Никто! Мать так люто ненавидела Игоря, что ненависть эта отравила даже ее отношение к внукам, и ничего, кроме скорбного злорадства, Наташа от нее своими жалобами не добилась бы. Правда был еще Леша, но он эмигрировал, жил теперь в Калифорнии и звонил оттуда только для того, чтобы поздравить с днями рождения.

От одиночества Наташа приучилась говорить сама с собой. Склонясь над тазом с замоченным бельем или подметая пол, она рассуждала о том, что если «правду говорить легко и приятно», то почему же все вокруг только и делают, что врут? Почему панически боятся правды? Почему умному и, может быть, вовсе не злому человеку в тысячу раз легче обмануть самого близкого друга или родственника, вместо того, чтобы честно признать свои ошибки? И почему сама она участвует в этой круговой поруке лжи? Почему боится сказать мужу про то, что больше не уважает его и не верит в его талант? «Чего я боюсь? — спрашивала она себя, — того, что узнав правду, он бросит меня с детьми на произвол судьбы? Но это самообман. К детям он привязан и никогда их не оставит, а меня он и так уже давно бросил. Так от чего же я молчу? Не оттого ли, что с зоологическим упрямством не хочу отдавать его женщине, с которой он будет счастливее, чем со мной, и сознательно укрепляю кольцо лжи вокруг себя? Или я все еще люблю его? И что такое тогда любовь — первобытный собственнический инстинкт или отчаянная попытка преодолеть его?»

Наташе вспомнилось, как третьего дня за завтраком дочки заспорили о том, кто из них, когда вырастет, «женится на папе». Машинально она поправила: «Не женится, а выйдет замуж», но вдруг, сама себе удивляясь, спросила:

А как же я?

Дочки в недоумении уставились на нее.

Как же я? — пояснила Наташа, — я ведь уже за папой замужем?

Маруся смутилась, а Дуся нашлась:

Да ведь мы же еще не скоро за него замуж выйдем.

А когда?

Маруся опустила голову к самой тарелке, но исподлобья с жадным интересом смотрела на сестру, которая, покраснев до самых корней волос, еле слышно прошептала:

Когда-нибудь... когда ты умрешь.

Сказала и вдруг испугалась своих слов, соскользнула со стула, кинулась обнимать:

Мамочка, ты только не бойся, это ещё не скоро будет!

А когда? — оттолкнув ее, спросила Наташа.

Не знаю, — рыдая, крикнула Дуся, — когда-нибудь, когда мы вырастем, лет через семь или восемь.

10

Смерти Наташа не боялась — она боялась жизни, долгой, безрадостной, сводящейся к «борьбе за выживание», жизни без любви, без душевной близости, без доверия. «Да и что такое жизнь? — спрашивала она себя. — Эмбриональный сон души, еще не вылупившейся из скорлупы плоти? Искаженное отражение настоящей реальности? И что такое человечество? Культурный слой в пробирке у Господа Бога? Саморазмножающаяся и саморазрушающаяся колония мыслящих микробов?» Мысли эти давно стали привычным фоном ее сознания. Однако, не смотря на то, что она тщательно их скрывала, окружающие, а особенно, ее собственные дети, чувствовали Наташину чуждость жизни, и инстинктивно от нее отталкивались. Мысль о самоубийстве не раз приходила ей в голову, но всякий раз упиралась в вопрос: «А как же дети? Ведь я сама привела их в этот мир. Я и никто другой несу за них ответственность. Не могу же я бросить их одних? Они не поймут и никогда не простят меня. Ну и что же, что отец сейчас кажется им ближе и понятнее меня. Он сам дитя, за восемь лет ничуть не повзрослел, да и вряд ли когда-нибудь повзрослеет: слишком сильно он боится взглянуть правде в глаза, слишком крепко держится за иллюзии. Весь мир его состоит из одних иллюзий, правда в этом мире смешна и неуместна, так неужели я позволю ему развратить души моих детей?» И Наташа решала во что бы то ни стало терпеть и бороться, но новые вопросы одолевали ее: «А нужна ли моим детям правда? В мире иллюзий жить намного легче. Так имею ли я право обрекать их на одиночество и непонимание окружающих, ставить против общества и государства?» И вновь она захлебывалась в шквале сомнений, вновь поневоле завидовала Игорю, вспоминая себя глупенькой, но такой счастливой девочкой, какой была до своего «падения».

11

Тайна, которую Наташа вынуждена была хранить вот уже скоро восемь лет, терзала ее так же сильно, как совесть по слухам терзает преступника, избежавшего наказания, заставляя его вновь и вновь возвращаться на место преступления. И хоть Наташа никакого преступления не совершала, все же она ощущала себя преступницей, нарушившей рамки положенного человеку при жизни знания и понимала, что наказанием ее стало одиночество. Ведь даже с Игорем она не могла заикнуться о событии, навсегда соединившем их судьбы и безнадежно разделившем их самих, без того, чтобы скривившись, как от кислоты, он не процедил: «Ну опять заладила: нетленка душ, загробное блаженство. Ну сколько можно-то? Объясняли же тебе — сотрясение мозга, шок, эйфория. Ты же сама на медика училась! Или ты просто манипулируешь мной, лишний раз пытаюсь выжать из меня раскаяние? Так ведь я и так уже тысячу раз раскаялся. Виноват я перед тобой, виноват, но дальше-то что? Жизнь ведь продолжается. И потом сколько можно мусолить одно и то же?»

Игорь действительно раскаялся, особенно сразу же после того давнишнего случая в горах. Он раскаялся в том, что потащил неопытную девушку по рискованной тропе без страховки, в том, что переоценил свои силы, в том, что был глуп и самонадеян. Но ведь все имеет свои пределы и раскаяние тоже. Тем более, что все обошлось сотрясением мозга и переломами. Кто, в конце концов, прожив жизнь, обходится без них? И потом, он же не испугался ответственности, не удрал, не бросил ее. Наоборот, он тут же спустился по веревке, разыскал ее в ветках сосны, благодаря которой она и выжила, и никакого тут чуда не было, а была феноменальная удача. И потом, кто ухитрился разыскать машину всего в нескольких шагах от происшествия, кто уговорил браконьеров довезти их до больницы? Кто, в конце концов, женился на ней? У них трое чудных детей, так какой же смысл в том, чтобы все время рыться в прошлом и заставлять его чувствовать себя виноватым? Надо жить и радоваться, а она заладила: «Жизнь — наказание, смерть — избавление».

Однако чем больше Игорь хотел, чтобы Наташа забыла о том «несчастном случае», который врачами наоборот был признан как «исключительное везение» или даже «настоящее чудо», чем дальше уходила она во времени от случившегося, тем яснее понимала, что «случившееся», было отнюдь не результатом сотрясения мозга, а, пусть и очень коротким, опытом существования в иной, метафизической, реальности. Прошли годы прежде чем она осознала, что всеми своими нынешними страданиями она обязана тому мгновению, когда оказавшись в мире, где нет ни обычного в человеческом понимании времени, ни пространства, ни боли, ни лжи, где освободившись от телесных оков, ее прозревшая душа должна была соединиться с другими такими же душами в недоступном «живым» блаженстве, она не удержалась в нем, мыслью о любимом рванулась назад, и обрела то, что врачи впоследствии назвали ее «вторым рождением».

Наташа так никогда и не научилась смотреть на мир своими прежними глазами. Игорь же был просто не в состоянии этот ее новый взгляд понять. Он не понял ни того раскаяния, которое она испытала, придя в сознание, ни резкой перемены ее личности. Он готов был скорее поверить в то, что она сошла с ума, чем в то, что мир, о котором она пыталась ему рассказать, действительно существует. Еще в больнице она поняла, что он боится ее, вернее боится того нового, что в ней появилось, и если бы не беременность, кто знает, как сложились бы их судьбы. На убеждения врачей сделать аборт Наташа ответила отказом. Ее пугали смертельным исходом, но ради своего спасения лишать шанса появления на свет душу собственного ребенка, она считала грехом, хотя совсем недавно ни в существование души, ни в само понятие греха не верила.

12

Наташа глянула на будильник. Со времени ухода детей прошло уже больше часа. «Наверное, Игорь потащил их с собой в магазин, а там, как всегда очередь», — подумала она, но несмотря на всю логичность этого предположения, секунды чугунными гирьками застучали у нее в висках. Промаявшись еще пару минут, она выбежала за калитку и, приставив ладонь к глазам, стала всматриваться в зыбку от полуденного марева улицы.

Та была пуста. Наташа не знала, на что ей решиться: то ли ждать возвращения Игоря с детьми, то ли бежать им навстречу. Она представляла себе его клоунское изумление, и то, как испуганно спрячутся за его спину дети, она склонялась к тому, что надо заставить себя вернуться в дом и терпеливо дожидаться их возвращения, как вдруг услышала где-то на соседней улице яростный собачий лай. Вообще-то ничего странного в этом не было. В деревне, чуть ли не в каждом дворе держали собак, но Наташе показалось, что оттуда же донеслись детские крики, и, отбросив сомнения, она побежала к ним, хотя все еще не была до конца уверена в том, что эти звуки ей не почудились.

«На-та-ша!», — услышала она вдруг сзади голос Игоря. С радостным облегчением она обернулась. Он подходил к калитке, но детей рядом с ним не было. От жуткого предчувствия Наташа задохнулась, будто из воздуха внезапно выкачали весь кислород.

— Где они? — хрипло крикнула она.

— Кто? — удивился Игорь.

— Дети! Они побежали к тебе...

— Я их не видел. Я ходил на станцию. Ты что, отпустила их одних?

Не дослушав, Наташа кинулась бежать. С ноги ее свалилась босоножка, в ярости она скинула вторую и еще быстрее припустила по горячей пыли. Она бежала так быстро, что совсем забыла о дыхании. Все ее существо сосредоточилось на том, чтобы как можно быстрее добежать до магазина и убедиться в том, что с детьми все в порядке. Встревоживших ее криков слышно не было, но они по-прежнему звучали в сознании. Страх, как бешеный пес, гнался за ней.

— Господи, — молила она, — прости меня за то что я такая дура и лентяйка, накажи меня, отними все: здоровье, мужа, только верни мне детей живыми и невредимыми. В этот миг Наташа так ненавидела себя, что страстно жаждала жертвы и мысленно назначила ею Игоря. «Пусть он живет с кем хочет. Нам ничего от него не нужно. Мы как-нибудь и без него выживем», — думала она, подбежав к магазину и со всей силы рванув на себя дверь. Лишь когда та не поддавалась, Наташа заметила дощечку с надписью «перерыв» и услышала насмешливый голос: «Что, городская, читать разучилась?»

Наташа растерянно оглянулась. Продавщица курила на лавочке, вокруг нее столпилось несколько женщин с прокуровыми сумками, и у всех на лицах читалось неодобрение, смешанное с жадным любопытством:

— Ты чо это такая растерзанная? — вновь спросила продавщица, — случилось что?

— Дети! — еле выдохнула Наташа. — Вы детей моих не видели?

Вдавив окурок в пыль, та ответила:

— Как не видели, видели, но только еще до перерыва. Помню, сама удивилась — почему одни?

Боль в боку согнула Наташу пополам, дыхание никак не восстанавливалось, лицо выражало такую муку, что тетки смягчились и сочувственно загалдели:

— Да не бери ты в голову, найдутся твои дети, чай не иголка.

— Небось на речке, где ж им еще быть-то?

— В случае чего к Мишане подойди, к участковому, он мировой мужик, весь район на уши поставит.

Наташа слышала, но уже ничего не видела, в глазах ее помутилось, тяжелое горькое отчаяние сдавило душу, она рухнула на ступеньку, закрыла лицо руками и зарыдала.

13

У колодца стояли тётеньки. Одна спросила: «Это чьи ж такие?» Дуся с Марусей хотели ответить: «Мы Строговы», но другая опередила: «Да Матрёнины они, дачники, мать то ль сектантка, то ль хвора, ходит как тень, а отец ничего, видный, и по всему видать ходок». Маруся ничего не поняла, но вдруг обиделась и с вызовом сказала: «Наша мама лучше всех». Тётеньки заулыбались и закивали: «Ну да, ну да. А сами-то куда путь держите?» Андрюша ни с того не с сего вдруг показал кулак и похвастался: «Я узе большой, я драться умею». Те приснули, одна сказала: «Ну и атаман, прям испужал», а другая добавила: «Ты подумай-ка, малец, а какой бойкий, сразу видать с Москвы».

Маруся сердито дернула Андрюшу за руку, а Дуся солидно, как взрослая пояснила: «Мы в магазин ходили, за сметаной, а теперь домой идем».

Пересеиваясь, тётеньки проводили их глазами до поворота. Маруся тащила упирившегося Андрюшу, а Дуся с банкой шла впереди, представляя себе, как дома расскажет, что в магазине папы не было, а была очередь, и что Андрюша плохо себя вел, но их все равно пропустили, только одна сердитая тетя сказала, что до перерыва пятнадцать минут, а хвост аж до самой двери, а другая заругалась, что мол все ждут и она подождет, не развалится, и что теперь не война, чтоб детям по очередям маяться. Продавщица сначала тоже отказывалась, говорила, что детям деньги доверять нельзя — потеряют сдачу, а ей отвечать, но все ж взяла банку, налила половником сметаны, отсчитала мелочь и еще сунула ей в ладошку три «дюшески».

Дуся раздумывала, рассказать маме про леденцы или нет. Если рассказать, то та обязательно заругает, что до обеда ели сладкое, а если не рассказывать, то получится, что она вроде как обманщица. На всякий случай она решила свой леденец быстренько разгрызть и проглотить. Она остановилась, чтоб подождать отставших Марусю с Андрюшей и не заметила, как из открытой калитки вышла огромная черная собака, зарычала и длинными бесшумными прыжками понеслась к ней.

Увидев собаку, Андрюша завизжал и спрятался за Марусю. Та попятилась, споткнулась об него, оба упали и заревели. Дуся оглянулась: что-то огромное, черное неслось на нее. В ужасе она запустила в него банкой и побежала, но тут же споткнулась и упала. Она изо всей силы зажмурилась и завизжала, поэтому не видела, как из калитки выбежала женщина и сердито крикнула: «Рекс, ко мне». Собака неохотно отбежала, но залаяла. Женщина позвала: «Ва-ась! Забери зверя-то, а то он тут детей перепужал чуть не до смерти». На ее зов вышел заспанный мужчина в трусах и, надев на собаку ошейник, утащил ее во двор, а женщина подбежала к детям причитая: «Господи, да как же в таком виде к мамке-то?»

Оказалось, что Андрюша обкакался, Маруся описалась, все трое ревели и никак не могли успокоиться. Женщина пыталась их утешить:

— А уже не страшно, уже никто не лает.

Она подхватила Андрюшу под руки и понесла к калитке.

— А вот мы сейчас маленького умоем, и не надо плакать.

Дуся с Марусей кинулись за ней.

— Тетенька! Не надо! Там собака!

Женщина остановилась.

— А где ж та собака? Ее ж дядя Вася на цепь посадил. А я вас сейчас умою, малинкой угошу, сгущеночкой. Любите сгущеночку?

Размазывая по щекам слезы и сопли, Дуся с Марусей переглянулись и кивнули, а женщина улыбнулась.

— Вот и ступайте за мной, а мамке мы ничего не скажем.

С Андрюшей на руках она вошла в калитку. Дуся с Марусей опасно двинулись за ней.

14

Детей домой привел Игорь. Пока тетки у магазина пытались привести Наташу в сознание, он кинулся к участковому, но по пути обратил внимание на большую белую лужу и осколки в траве, рядом с забором и постучал в ближайшую калитку. «Вы за детками? — с порога спросила отворившая ему женщина. — Простите, что так получилось. Да вы проходите, что ж в дверях-то стоять. Кобель у нас больно страшный. Выбежал на дорогу. Они и испугались. Только вы уж их не ругайте».

Дети сидели на просторной чистой терраске умытые, но уже успевшие перемазаться малиной. Увидев его, они наперебой бросились рассказывать про магазин, про собаку, про сметану, и про то, как тетя Лида поливала их во дворе из шланга... А тетя Лида умилялась: «Уж такие детки у вас славные. А мне Бог не дал. И зачем вам трое? Отдали бы мне вон ту кудрявенькую. Уж такая она хорошенькая. А я бы ее избаловала. Каждый день бы сгущеночкой кормила». «Пойдешь ко мне в дочки?» — спросила она Марусю. Та покраснела и опустила голову к самой тарелке.

Игорь заторопился уходить. Перед тем как отпустить детей, Лида вручила ему кулек с малиной и литровую банку сметаны: «Все свое, непокупное, кушайте и не поминайте лихом. Я тут ихние трусики простирнула, думала высохнут, а тут и вы пришли. Вот они в газетке. В случае чего, если надо, наш дом вы знаете».

Остаток дня Наташа пролежала в постели лицом к стенке, а, когда вечером, уложив детей, Игорь засобирился в Москву, она вдруг встала и сказала, что пойдет его провожать.

— Да зачем, лежи, — пытался он отговорить ее.

— Я знаю, что делаю, — сказала она вдруг таким голосом, что он сразу сник.

По пути Наташа молчала. Игорь, делал вид, что не замечает ее молчания, давившего на него как могильная плита, и заполнял пустоту байками и анекдотами из жизни общих московских знакомых, хоть и сам уже не понимал, почему раньше они казались ему такими забавными. Как всегда наедине с Наташей он испытывал странную скованность и внутренне негодовал: «Какой же она все-таки тяжелый и негибкий человек».

Незаметно для себя он ускорил шаги. Времени до электрички было еще достаточно, но ему казалось, что он опаздывает, хотелось поскорее отправить жену домой и не чувствовать себя провинившимся подростком. Он шел так быстро, что Наташа едва за ним поспевала. Наконец она остановилась. По инерции Игорь сделал еще пару шагов и тоже остановился. Луна еще не взошла. Было темно, тихо. Воздух набряк влагой. Над лесом вспыхивали зарницы. Оба подумали: «К дождю». До станции было рукой подать. Впереди уже маячил ее смутный силуэт.

— Дальше не провожай, — попросил Игорь, — иди, а то как бы наша банда опять чего-нибудь не вытворила, только осторожней, а то темнотища...

Наташа ничего не ответила. Игорь не увидел, а скорее почувствовал ее странный взгляд.

— Я не могу так жить, — выдавила она из себя фразу, мучившую ее с самого утра.

— Ну что ты опять придумала! — как можно мягче сказал Игорь, но в голосе его все же проступило раздражение.

— Я больше не хочу так жить, — уже громче сказала Наташа. — Не перебивай меня. Я давно хотела тебе сказать... я все про тебя знаю: и про твоих женщин, и про то, с кем ты этим летом ездил в Новый Свет, и кому сегодня ходил звонить на станцию. Я знаю, что тебе неловко и скучно со мной, что ты всем подряд жалуешься на меня и шутишь, что спать со мной, все равно что спать с иконой: глупо, жестко, и предвсудительно.

— Да когда я это говорил, — взорвался Игорь — ты что, совсем спятила?

Наташа не ответила.

— Ты что, следишь за мной, подслушиваешь? Да как ты...

— Смею? — перебила она. — Долго объяснять, да ты и не поймешь. Просто запомни: больше я тебе не жена. Всем от этого только лучше будет.

Игорь хотел что-то возразить, но запнулся. С полминуты оба молчали. Наконец он произнес:

— Через неделю я приеду, и мы обо всем поговорим.

— Не о чем нам больше разговаривать.

— Нет есть о чем, — потеряв самообладание, выкрикнул Игорь. — Если б мы были с тобой одни, то можно было бы вот так запросто решать, но у нас дети...

— Никуда они от тебя не денутся, ты сможешь видеть их сколько захочешь.

— Хорошо, — после секундной паузы согласился он, — иди, я все обдумаю.

Игорь повернулся и зашагал к станции. Наташа смотрела ему вслед, пока силуэт его не растворился в темноте, лишь какое-то время еще слышны были его шаги.

15

Всю следующую неделю шел дождь. Из углов с потолка текло. Наташа еле успевала опорожнять кастрюли и миски. Температура резко упала. Стекла терраски запотели. В комнате было темно, неуютно, пахло сырой древесиной и волглыми одеялами. Дети изнывали от скуки. Уже прочитаны были все сказки, изрисованы все тетрадки, переиграны все игры. Дети капризничали, шалили, просились в Москву к телевизору. Наташа измучилась с ними, шлепки и уговоры не помогли, она дожидаться не могла приезда Игоря.

К пятнице она решилась досрочно перебраться в город и хотела, чтобы он нашел машину, рассчитался с хозяйкой, помог ей управиться с вещами. Объяснение с ним она решила отложить до Москвы. Надежда на то, что этот разговор поможет им начать новые, искренние отношения почему-то крепла в ней, к пятнице дойдя почти до полной уверенности, но он не приехал ни в субботу, ни в воскресенье. Под проливным дождем она сходила с детьми на станцию. Как всегда, несмотря на погоду, к кабинке стояла очередь. Никто не предложил пропустить ее с детьми, простояв более часа, она убедилась в том, что ни дома, ни на Курской никто не отвечает.

Зная Игоря, она не могла предположить, что он просто бросил ее на даче с детьми — все-таки он был человек не злой и по-своему порядочный, поэтому сильно встревожилась. Ночью она почти не спала, стоило задремать, в голову лезли кошмары с погонями, а в понедельник утром приехала свекровь: серая, косматая, с перекошенным ртом. Забыв про многолетнюю взаимную неприязнь, Наташа кинулась к ней:

— Нина Константиновна, что случилось? Что-нибудь с Игорем?

Свекровь стояла у двери, затравленно глядя на нее красными больными глазками — ни дать ни взять мышь белая. Внутренне вскипая, Наташа забрала у нее из рук сумку и зонтик. Та покорно все отдала, но, казалось, ее так и не узнала.

— Нина Константиновна, — крикнула Наташа, будто обращаясь к глухой, — что с Вами, Вы больны?

Свекровь замотала головой. Она силилась что-то сказать, но голос ее не слушался. Наконец, нечеловеческим уробным басом она прорычала:

— Уведи детей.

Наташа втолкнула детей в комнату и заперла на ключ.

— Что случилось? — выкрикнула она. — Говорите. Что вы меня так мучаете!

Свекровь давилась слезами. Наконец, перемежаемые рыданиями фразы комьями стали вываливаться у нее изо рта:

— Арестовали его. В пятницу. Пришли домой, все перевернули, забрали какие-то книжки и увезли. Я ничего не знала, ночью позвонила жена Бори Валуева, сказала, его тоже взяли, КГБ. Я не знаю к кому обратиться? Что делать? Что нам теперь делать, Наташенька?

* * *

1

Бывает у человека такое состояние, когда душа его становится, как пустырь, на котором не растет ничего, кроме колючек. В таком состоянии Наташа вышла из здания суда, где слушалось дело Игоря.

Собственно это был не суд, а заранее написанный официальный фарс, в котором участвовали марионетки в мундирах и живой человек, к которому ворвались в квартиру, разгромили ее, не нашли ничего, кроме старого эмигрантского журнала с колымскими рассказами Шаламова и трех экземпляров Библии, после чего его восемь месяцев продержали в тюрьме и приговорили к восьми годам лишения свободы в лагере общего режима.

Объявления приговора Наташа ждала в коридоре. В зал ее не пустили, так как вход туда был разрешен лишь ближайшим родственникам подсудимого, а она таковой больше не являлась. Через месяц после ареста Игоря свекровь передала ей письмо, в котором он просил у Наташи прощения и умолял понять причины, заставляющие его подать на развод. На сей раз он не врал. Женщина, которую он любил, не могла получить свидание с ним, так как свиданья в тюрьме разрешают только ближайшим родственникам, а ему необходимо ее видеть — она беременна... Дочитав до этого места, Наташа подписала согласие на развод.

В результате ей не удалось увидеться с Игорем даже на суде. Охранявший вход милиционер проверил ее имя по списку и сказал, что Наталья Строгова, жена подсудимого, уже находится в зале. Наташа догадалась, что ту, другую женщину, тоже зовут Натальей. Она хотела уйти, но ноги ее не слушались, и она смогла пройти лишь до ближайшей скамьи. Она рухнула на нее, глазами уперлась в стену, и перед ее мысленным взором замелькали эпизоды прошлого, как нагромождение жестокой бессмыслицы. Будущего для себя она не видела. Чувство вины перед детьми покинуло ее. Их воспитает женщина, которая отняла у нее все: мужа, имя, даже право на горе. Наташа только хотела дождаться окончания суда и взглянуть ей в глаза. Но когда суд закончился, из дверей с синим, как у покойницы, лицом вышла ее бывшая свекровь, за ней неуклюже выкатилась женщина, с огромным животом, которая порывисто обняла старуху, обе зарыдали и, ничего вокруг себя не видя, побрели по коридору.

К Наташе подбежал адвокат. Восемь месяцев назад, заняв по знакомым денег, она обратилась к нему, но после развода все Игоревы дела взяла на себя свекровь. Наташе остались лишь долги. Сейчас, узнав ее, адвокат с притворной жизнерадостностью зататорил, что приговор на удивление жесткий, но скорее всего Игорь попадет под амнистию... Недослушав, Наташа пошла к выходу.

На улице ее встретили промозглый мартовский ветер, гул и смрадное дыхание Садового кольца. Провалившись по щиколотку в ледяную кашу, она ступила на проезжую часть и, не слыша истошного гудения, визга тормозов, мата и угроз пошла наперерез машинам. Душа ее онемела и оглохла, тело двигалось отдельно от сознания в полной тишине. Перейдя на другую сторону, она двинулась через дворы, бульвары, переулки.

Ошалев от весны и свободы, навстречу ей бежали школьники. У подъездов мамыши в дубленках и мохеровых шапках, притоптывая, трясли коляски и плевали в руку семечки. Как нахохлившиеся голуби на скамейках сидели влюбленные. Опухшие дядьки в спортивных костюмах, матерясь, копались в кишках своих автомобилей. Старухи с суровыми лицами перли в раскоряку из гастрономов тяжелые авоськи. Алкоголики зыбкими тенями толпились у закрытых дверей винных магазинов. Наташа ничего не видела.

Она не поняла, как очутилась в пустом гулком пространстве. Как из-под толщи льда до нее донесся голос, но она не понимала, кто с ней говорит. Она видела чей-то взгляд и ощущала тепло ладоней, которыми человек в черном взял ее иззябшие руки. Губы его шевелились, глаза смотрели требовательно и страстно. Она не понимала того, что он говорит, но вдруг почувствовала, как сквозь его глаза и ладони к ней возвращается жизнь.

2

Пространство, в котором Наташа оказалась, было церковью, человек — священником. Он молился о ее спасении, и, когда она вышла из шока, объяснил, что в храм ее привел Господь, так как сама она найти дорогу в него не могла. Этот день стал днем ее нового рождения, храм домом, а священник — отец Владимир, ее духовным отцом. Он поддерживал Наташу до самой своей смерти.

В девяносто втором грабители ночью проникли в храм и пытались вынести из него старинную икону. Отец Владимир жил при церкви, в квартире над трапезной. Почувствовав что-то неладное, он спустился вниз, пытался вразумить грабителей, но его ударили по голове подсвечником, проломили череп и оставили на полу умирать.

На похоронах отца Владимира Наташа стала терять сознание и чуть не упала в вырытую для его гроба могилу. Ее довели до выхода с кладбища, чтобы посадить на такси, но она вновь потеряла сознание. Вызвали неотложку. В больнице оказалось, что у нее инфаркт. Она пробыла там больше двух месяцев. Все это время дети жили у отца.

Он давно вернулся в Москву. Благодаря Горбачевской амнистии его выпустили из лагеря на два года раньше. Перестройка шла уже во всю, и Игорь со всей страстью устремился в бизнес. В течение нескольких лет он стал одним из первых новых русских миллионеров и теперь жил с женой и сыном уже не в крошечной однокомнатной квартирке в Коньково, а занимал целый особняк в центре Москвы. На первом этаже располагались офисы его банка и охрана, на втором жила семья.

Игорь был очень занят, так что почти не мог уделять времени детям, но все равно они были счастливы. Выросшие в нищете, с требовательной, суровой матерью, заставлявшей их помогать ей мыть полы в булочной и разносить утреннюю почту, Дуся, Маруся и Андрюша радовались тому, что у каждого из них теперь была собственная комната, что любое их желание немедленно выполнялось, что в школу их возили на настоящем мерседесе. Девочки безоговорочно простили отцу развод с матерью и полюбили его жену, как старшую подругу, а Андрей, который в тот период вообще никого любить не мог, с тщательно скрываемым удовольствием принимал отцовские подарки.

Когда Наташа вышла из больницы, детям пришлось вернуться к прежнему полуголодному существованию. Более того, мать потребовала вернуть все отцовские подарки, и с фанатическим упрямством отказывалась от его помощи. Они же при любой возможности стремились удрать к нему. Наташа воевала с ними до тех пор, пока дочери: Дусе к тому времени исполнилось уже семнадцать, Марусе — шестнадцать, не объявили ей, что собираются замуж за папиных друзей. Они почти перестали ночевать дома. Андрей целыми днями пропадал в секции по каратэ. Наташа задыхалась от бессилия. Посоветоваться было не с кем. Новый священник не мог заменить ей отца Владимира.

Однажды Наташа исчезла из дому. В оставленной детям записке она написала, что снимает с себя всю ответственность за их судьбу, а за нее просит не беспокоиться. В тот же день Игорь увез их к себе. Через месяц вместе с ним они отправились в заграничное путешествие. Вернувшись, он заехал в их старую квартиру за какими-то забытыми детьми вещами и в почтовом ящике обнаружил письмо от Наташи, в котором она сообщала о своем решении уйти в монастырь. Она писала: «Я всегда тяготилась жизнью в миру. Всегда мечтала быть вблизи от Господа и благодарна за все свои страдания, потому что они привели меня к Нему. Я никого не виню и не осуждаю. Я счастлива. Вера, которой наградил меня Господь, позволила мне увидеть мир в новом свете, и это самый большой дар, который может получить человек при жизни. Вера — это счастье, которое дается не всем, а лишь тем, кто сам его попросит.

Дети мои, я привела вас в жизнь, но теперь вы сами должны решить свою судьбу. Мне остается за вас только молиться».

ЭПИЛОГ

После грозы посвежело, небо очистилось, сад наполнился птичьим щелканьем, свистом, трепетом крыльев, шорохом, стряхивающих с себя остатки дождя деревьев. В ярком утреннем свете даже старый, деревянный дом с прогнившим крыльцом и облупившейся краской выглядел привлекательно. Дверь на непросохшую еще террасу была закрыта, но вдруг отворилась, и на пороге возникла молодая женщина в джинсах, футболке и шлепанцах, с кухонным полотенцем и ноутбуком в руках. Соседи и сослуживцы называли ее Марией, друзья и родственники звали, как в детстве, Марусей.

Протерев стол, она села и раскрыла компьютер. В ее загорелом, обрамленном темными вьющимися волосами лице и изящной фигуре чувствовалось напряжение. Не напечатав ни слова, она ушла в дом. Некоторое время из него слышались неясные звуки и угадывалось движение. Вернулась Маруся только через полчаса с заплаканными глазами, блокнотом и фотографией дочери, на которой та была еще смешным младенцем с легким пушком на макушке.

Глядя на фотографию, Маруся подумала: «Как странно, что Зойка была такой всего тринадцать лет назад. Как это мало и как непостижимо много!» Вспомнив счастье, переполнявшее ее, в тот день, когда муж забрал их с дочкой из роддома, и свою наивную уверенность в том, что все у нее в жизни будет лучше, чище, добрее, чем у родителей, Маруся смахнула наворачнувшиеся вновь слезы и начала писать: «Любимая моя доченька. Если бы ты знала, как я по тебе соскучилась. Надеюсь, тебе хорошо в лагере».

Злое, непримиримое выражение лица дочери возникло перед ее внутренним взором, и Маруся с горечью подумала: «Неужели мне никогда не удастся ей объяснить, что наш с Митей развод был не крушением ее жизни, а попыткой сохранить наши собственные?» Она задумала это письмо как попытку объяснения и примирения с дочерью, но глубокие, выстраданные мысли не вмещались в плоские фразы, которые она бессознательно упрощала, чтобы дочь смогла их прочесть.

Зоя родилась в Америке, в Россию ездила несколько раз, но совсем еще маленькой. Тем не менее до десяти лет она неплохо говорила по-русски, читала детские книжки, и даже писала записки со смешными ошибками. Однако за годы, предшествовавшие разводу родителей, она ушла в себя. Вместе с обидой на них в ней вырос протест против языка, на котором они говорили. Он стал для нее языком страдания, и сейчас на любой вопрос матери она отвечала либо кивком, либо междометием, либо возмущенной тирадой по-английски. Раньше Маруся пыталась заставлять ее говорить по-рус-

ски, но теперь уступала во всем, лишь бы Зоя не запиралась у себя в комнате, не сидела целыми вечерами, уставившись в компьютер, лишь бы хоть изредка улыбалась.

Мысли о дочери вернули Марусю к воспоминаниям о собственном детстве, и, перестав думать о словах, она начала писать: «Поверь мне, доченька, я хорошо тебя понимаю. Мои родители тоже расстались, когда я была еще маленькой. Как и ты, я многие годы их осуждала, и, лишь повзрослев, поняла, что семья — это живой организм, а любовь — его душа. Без любви семья умирает. Ради ребенка взрослые еще какое-то время будут пытаться продолжать прежнюю жизнь, но в конце концов так друг друга измучают, что на месте любви вырастет ненависть. На своем горьком опыте я убедилась, что лучше расстаться, не увязнув по горло в трясине обиды и злобы, а главное, не затянув туда своего ребенка.

Ты знаешь, как нам с папой было трудно вместе. Слишком разные мы люди. Когда-то мы очень любили друг друга, но разница в мировосприятии с годами так выросла, что мы стали совсем чужими. Попробуй понять, что и для него, и для меня с разводом жизнь не кончилась. Так же как у тебя, у каждого из нас своя судьба, и мы имеем право на личное счастье. Повзрослев, ты это поймешь, но как бы мне хотелось уберечь тебя от своих ошибок, и как горько жить с тобой в непонимании и отчуждении.

Думая о тебе, я не могу не вспоминать о своем детстве. До пяти лет у меня было ощущение полной безмятежности. Казалось, мир, в котором я живу, не изменится никогда: мама, папа, сестра, брат, бабушки, дедушки, друзья, соседи будут всегда. Однако жизнь — это непрерывное движение, а значит вечная смена обстоятельств. Вместе с ними меняются и люди, их внешность, убеждения, чувства. Я знаю, что тебе трудно с этим смириться, но ведь ты рада тому, что растешь? Ведь не хотела бы ты всегда оставаться ребенком?

Однажды жизнь моей семьи, от которой я себя тогда почти не отделяла, круто и непоправимо изменилась. Папа уехал и не вернулся. Лишь спустя некоторое время мама рассказала нам, что он в тюрьме. Помню, как трудно было нам, детям, в это поверить, ведь наш папа был лучше всех на свете, а в тюрьму сажали только преступников. Многие женщины на месте нашей мамы скрыли бы от детей истинную причину отсутствия отца, но она считала, что ложь — это яд для души. Она могла смириться с нищетой и общественным презрением, но врать своим детям считала преступлением. Только сейчас я понимаю, как трудно ей было объяснить малышам, что в нашей стране человек может попасть в тюрьму лишь за то, что думает не так, как велит государство.

Тем не менее в той стране, где мы жили, ложь была нормой жизни, и как бы мама внутренне не протестовала, очень долго ей, и нам вместе с ней, пришлось скрывать от окружающих, что наш отец диссидент, а она верит в Бога. И то и другое считалось не только преступлением, но и позором. Я хорошо помню протест, который вызывал у меня тот факт, что наша семья не такая, как все другие. Тем не менее мне пришлось сделать выбор между внешним миром и семьей, и о своем выборе я никогда не пожалела.

Когда мне было семь лет, бабушка взяла нас с сестрой к папе на свидание в лагерь, находившийся далеко на Севере и совсем не похожий на тот, в котором ты сейчас отдыхаешь. Зима там продолжалась десять месяцев в году. За забором с колючей проволокой в глубоких сугробах утопали деревянные бараки, в которых жили преступники и наш папа.

Мы долго-долго ехали в поезде. За окном была стужа и темень, лишь изредка мимо проплывали тусклые станции, да помигивали слабыми огнями заваленные снегом деревни. Казалось, день не наступит никогда, рассвело, только когда мы вернулись в Москву.

Помню давку, пересадки, страх опоздать на поезд, запыхавшуюся бабушку, волокущую тяжелый рюкзак с продуктами. Она и так то всю жизнь недоедала, но после того, как папу арестовали, совсем исхудала, экономя каждую копейку со своей пенсии, чтобы через спекулянтов втридорога купить для своего сыночка чай, сигареты, консервы, копченую колбасу, шоколадные конфеты. В то время в магазинах эти продукты не продавались, и их надо было добывать через знакомых.

Помню, мы долго сидели на вокзале, ожидая машину, которая должна была отвезти нас в лагерь. Кто-то объяснил, что передачу не примут, если конфеты будут в фантиках, так как начальство боится, что в них завернут что-нибудь запрещенное. И вот мы сидим в полутемном запыленном зале, пропахшим табаком, мочей и хлоркой, разворачиваем каждую конфетку и разламываем ее пополам. Слюнки текут, а съесть, хоть по половинке, нельзя, потому что конфеты для папы. Позже я узнала, что сам он привезенные ему продукты не ел, а откупался ими от заправявших в лагере уголовников. Так делали все. Иначе было просто не выжить.

Сидя на чемодане, у бабушкиных опухших ног в прохудившихся сапогах, мы с Дусей играли «в светских дам». Из пахнущей конфеткой беленькой бумажки сворачивали сигареты, из золотца рюмочки, из фантиков с картинками —

денюшки, и представляли себе, что вместо куцых пальтишек на нас роскошные наряды, мы сидим в ресторане, пьем вино и курим сигареты. При маме мы, конечно, никогда так играть бы не стали. Я даже не понимаю, как при нашей тогдашней бедности в нас родилась эта идея, ведь в нашем доме даже телевизора не было. Видимо, подцепили где-то в гостях.

В детстве мне казалось, что ни минуты из своей жизни я не забуду, а сейчас в памяти всплывают лишь обрывки. Хорошо помню ночь в камере свиданий. Мы с Дусей лежим на жесткой колючей койке, она спит, а я прислушиваюсь к голосам папы и бабушки, которые в двух шагах от меня сидят за столом и беседуют, но так тихо, что слов почти не разобрать. За это шуршанье я и держусь, как за ниточку, чтобы не уснуть, потому что ужасно боюсь проснуться в камере одна-одинешенька. Смысл разговора мне не понятен, только слышу, как бабуля вдруг начинает всхлипывать, а папа своим нормальным голосом говорит: «Мам, ну что ты ей-Богу, как маленькая. Не плачь, все будет хорошо», и от этих слов я совершенно успокаиваюсь и засыпаю.

Рассказывая все это, я не хочу вызвать в тебе чувство вины за то, что ты никогда не знала ни голода, ни холода, ни страха перед государством, которое может отнять у тебя свободу. Повторяю, у каждого человека — своя судьба, и мою я ни на какую другую не променяла бы. В моей жизни была любовь, семья, вера и чудеса, случавшиеся со мной на каждом шагу.

Мама часто возила нас в монастыри. Это был совсем другой мир, ничем не похожий на тот, в котором надо было ходить в детский сад и школу, учить уроки, хором повторять клятву советского пионера. В монастырях не было советской власти. Там была власть Бога, в которого мы верили так же искренне, как раньше верили в Деда Мороза и Снегурочку. Только у Бога мы просили не подарков, а чтобы не было войны и папу выпустили из тюрьмы.

Помню, однажды мы возвращались из монастыря. Вышли днем, но пока шли через лес, стемнело, а надо было еще пройти огромное снежное поле. Впереди мигали огоньки поселка, но до него было еще очень далеко. Зима. Ветер воет. Холодно, страшно. Андрюшка хнычет, мы с Дусей тоже еле сдерживаемся, а мама подбадривает: «Скоро придем, сядем в поезд и сразу согреетесь». Вдруг нас окружают какие-то летучие тени. Оказалось — стая одичавших собак, почти превратившихся в волков. Лают, щелкают зубами, нападают со всех сторон. Мы кричим. Мама обнимает нас, а сама молится Богородице, чтобы та защитила. Ужас душит меня, но вдруг происходит чудо. Собаки убегают, только вожак остается, но уже не рычит, не щелкает зубами, а лишь молча бежит впереди. Пробежит несколько шагов и поджидает, пробежит еще и опять ждет. Так и вывел нас к самой станции.

Но особенно часто чудеса случались, когда папа был рядом. Он умел превращать жизнь в праздник и любил повторять: «Веселый человек всегда прав». Папа наслаждался жизнью, а мама несла ее, как тяжелый крест. Они друг друга не понимали, как люди, которые пытаются докричаться через глухую стену. Сначала вроде бы еще можно что-то разобрать, но потом устаешь, и желание пропадает.

Мама была человеком долга. Сейчас, когда она стала настоятельницей монастыря, ее забота о сестрах, службы, молитвы, хозяйственные дела приносят ей радость, но жизнь в «духовной пустыне», какой она видела мир до того как пришла в церковь, была для нее ужасна. У папы же любовь к жизни распространялась на все: на нас, на друзей, на природу, на путешествия, на книги, на вино, на женщин. Он был ужасно влюбчивым. Романы маленькие и большие были частью его огромного романа с жизнью, о котором он хотел написать. Великие русские поэты и прозаики были его кумирами, а для мамы литература была всего лишь словами, написанными гордыми, часто непросветленными людьми.

Когда я подросла, оказалось, что безоблачный семейный мир с праздниками, подарками под елкой, дачей, походами в лес и на реку, существовал лишь для нас — детей. Родители все больше отдалялись друг от друга. За год до ареста папа встретил женщину, которую полюбил. Это была не обычная влюбленность, а настоящее серьезное чувство. Когда мама узнала об этом, она его отпустила, потому что не хотела быть женой по принуждению, но мы о разводе узнали, только когда папа вернулся из лагеря и жить стал не с нами, а с другой семьей.

В большой степени маму с папой отдалило друг от друга отношение к Богу. Она очень рано поняла, что без веры человек слаб, убог и пуст, а к папе это понимание пришло в лагере. Однажды в самом начале срока, он кому-то из уголовников что-то сказал, чего говорить было нельзя. Там ведь отношения первобытно-общинные, побеждает самый дикий, хитрый, злобный и опытный. Человеку с воли сразу во всех лагерных законах не разобраться. Видимо, папа нарушил какой-то закон и уголовники приговорили его к смерти. Работали они на лесоповале. Там человека убить ничего не стоит.

Как-то раз окликает папу охранник и манит к себе. Только он подошел, вдруг — хрясь. На место, где он только что стоял, упала огромная сосна. Видимо охранник догадался, что уголовники что-то замышляют, не первый год служил,

знал их повадки, а может донес кто, не важно. Важно то, что он папу спас, а тот воспринял свое спасение как чудо. С этого начался его духовный рост, и я просто не представляю, как без веры папа смог бы пережить все, что с ним случилось в лагере и после освобождения.

Он вышел на свободу на два года раньше срока, потому что началась перестройка, и Горбачев объявил амнистию политзаключенным. Папа упивался свободой. Горбачева и Ельцина считал великими людьми. Мечтал, что Россия превратится в настоящее правовое государство. Как бывший диссидент вошел в какие-то комиссии, комитеты, участвовал в митингах, писал проекты новых законов, но народ голодал. А от голода до фашизма один шаг.

Папа искал способа помочь людям. С помощью уехавших в Америку друзей ему удалось создать одно из самых первых и успешных совместных предприятий. Друзья закупали в Америке замороженные продукты и большими партиями отправляли в Москву, а папа поставлял их в продажу. Через некоторое время в голодной, измученной очередями и талонами на продукты Москве чуть ли не на всех углах стали торговать куриными окорочками. Это сейчас москвичи от них носы воротят, а в начале девяностых они для многих стали спасением от жуткой проблемы — чем накормить детей.

В середине девяностых папа стал учредительным директором частного банка. Деньги вкладчиков с большой прибылью инвестировались в бизнесы в России и на Западе. Впервые в жизни он чувствовал себя настоящим богачом. Его семья переехала в особняк в центре Москвы. Началось строительство загородного дома. Кроме того, он приобрел отдельные квартиры Дусе и Андрею. Я в то время уже вышла замуж и жила в Америке, а мама незадолго до моего замужества ушла в монастырь.

Папа жил на широкую ногу. Несколько раз он вывозил нас всех за границу, но больше всего мне запомнилось путешествие на яхте по островам Италии и Греции. Оно запомнилось мне не только потому, что в то время я была очень счастлива, но и потому, что оно было последним. Вернувшись из отпуска, папа обнаружил, что все деньги из его банка исчезли. Пока он был за границей, его заместитель присылал ему факсы с фиктивными отчетами. На самом деле люди, которым папа абсолютно доверял, тайно переводили банковские деньги на свои счета.

Деталей я не знаю, но хорошо помню ужас и гнев своего мужа, когда он узнал, что деньги, вложенные им в папин банк, бесследно исчезли. Митя просто возненавидел его. Ты тогда только что родилась, а мне едва исполнилось восемнадцать лет. Я сама еще была ребенком и совершенно не была готова к тому, что случилось. Митю я любила безумно, но он вдруг расхотел со мной жить, потому что из его «любимой девочки» я вдруг стала «дочерью предателя». Мы промучились вместе год, после чего мне пришлось вместе с тобой вернуться в Москву.

Это было страшное время. Папа исчез. Долго мы не знали жив ли он, потому что его заместитель, тот, что присылал фиктивные отчеты, был найден в Лондоне с проломленным черепом. До сих пор неизвестно, кто его убил. Подозрения падали, конечно, на папу, но я ни секунды в них не верила. Скорее всего это были завладевшие деньгами сообщники. Расследования папа дожидаться не стал. Он не настолько верил в российское правосудие, чтобы довериться следствию. Мысль о тюрьме его так пугала, что, все бросив, он бежал, а всем его имуществом завладели бандиты. Дусе с мужем и Андрею с невестой пришлось вернуться в нашу крошечную двухкомнатную квартирку, а тут и мы с тобой подъехали. Вшестером мы прожили полгода.

Однажды в почтовом ящике мы нашли письмо в конверте без штампа и обратного адреса. Это было письмо от папиной жены. Она писала, что они живы, но очень бедствуют, живут в неотапливаемой развалюхе в каком-то захолустье. Нет ни работы, ни денег, у папы высокое давление, у сына астма. Напрямую она не просила о помощи, но нам стало ясно, что без нее они просто не выживут. У самих у нас денег не было. Взять их тоже было нигде. Тогда бабушка продала свою комнату и переехала к нам. Ты не поверишь, как мы жили. Бабушка спала в маленькой комнате, беременная Дуся с мужем и мы с тобой на раскладушке — в большой, Андрей со Светой на кухне.

Деньги мы передали матери папиной жены. Только она знала, где они скрываются. Нам она не сказала, да мы и не спрашивали. Нас преследовали вкладчики банка, врвались в квартиру, требовали денег. Однажды Андрея избили так, что он пролежал в больнице больше трех месяцев. Дусю обманом заманили в какой-то подвал и продержали там несколько дней, пытаясь дознаться, куда исчезли деньги. Но что мы могли им сказать? Мы сами ничего не знали.

У мамы поначалу жизнь в монастыре тоже складывалась очень трудно. К ней относились как к чужой, настоятельница замучила ее послушаниями, а ко всем ее предложениям относилась с удивительной враждебностью. Время в стране было голодное. Монастырь бедствовал, денег не было, условия в которых жили сестры были ужасными. Мама хотела что-то изменить к лучшему. Для себя она никогда ни у кого копейки не попросила, но для монастыря другое

дело. О своих нуждах она написала православным в Англию, и они предложили на свои средства построить при монастыре сыроварню, но настоятельница категорически отказалась.

Маме не разрешали даже раз в неделю звонить домой. Узнав обо всех наших несчастьях, она вернулась в Москву. Год мы прожили в страшной нищете, жуткой тесноте, но не в обиде. И как ни странно, это время мне вспоминается сейчас, как очень счастливое именно потому, что рядом были мама и бабушка, а я была уже достаточно взрослой, чтобы по-настоящему оценить их близость.

Через год маме позвонили из патриархии и предложили стать настоятельницей монастыря далеко на Севере. Условия там были тяжелейшие, но она с радостью согласилась. С тех пор ей удалось не только построить новое здание с кельями и трапезной, но и восстановить разрушенную церковь. Наконец-то она нашла свое место в жизни и очень счастлива. Когда-нибудь мы поедем с тобой в Россию и обязательно съездим к ней. Она очень добрый, светлый человек и каждый день молится за нас с тобой. Даже если поначалу монастырская жизнь покажется странной, я уверена, что тебе будет очень интересно увидеть совсем другой мир.

Мы все каникулы проводили с мамой на богомолье. Особенно любили Пюхтицы, женский монастырь в Эстонии, но когда мы впервые туда приехали, тамошняя жизнь показалась нам еще более суровой, чем дома. Первую ночь мы ночевали в огромном общем зале, где богомолки спали на расстеленных матрацах. Из-за того, что мы приехали уже под вечер, свободных матрацев для всех не хватило, и нам пришлось ютиться на одном. Мы спали, а мама сидела рядом на чемодане. Помню, я все никак не могла заснуть — боялась мышей, к тому же обстановка была непривычная: бабки храпят, бормочут во сне, дети больные плачут, да еще там была одна бесноватая. А рано утром надо было вставать к заутрене. Мама разбудила нас, когда еще даже не рассвело. Спать охота, в животе от голода кошки скребут, а надо в церковь идти. Монастырь не санаторий, живет по своим строгим правилам.

Всю службу стоять нам было нелегко, поэтому мама разрешала нам выходить и играть где-нибудь поблизости, но мы то и дело увязывались с послушницами в коровник, в поле, на пасеку. Там и сыроварня своя была, и пекарня, и маслобойня. А какие вокруг леса грибные! А черники! Помню, мы прибежали на кухню, где стояли огромные тазы с черными крупными ягодами. Ужасно хотелось взять хотя бы маленькую горстку, но мы не решались. И вдруг видим — идет послушница, молодая, румяная, огромная, как богатырша. Она нас не видела, походя черпнула чернику ладонью и в рот. А ладонь у нее, как совок. Оглянулась с полным ртом, перекрестилась и очень довольная дальше пошла. Ну тут уж и мы, конечно, ее примером воспользовались.

В то время Эстония была одной из союзных республик, но нам казалась границей. Там было лучше, сытнее, богаче. И язык у населения был другой, и дома, и культура. На территории монастыря был магазинчик. Видимо у них были какие-то свои отношения с Финляндией, потому что в нем было много финских продуктов, каких мы в Москве тогда еще не видывали. Все такое яркое, красиво упакованное, как мы говорили «ненашенское». И всего так хочется, а денег на три жвачки. В Москве тогда о жвачке еще и не мечтали. Бывало, сразу же после открытия врываемся в магазин, как дикая дивизия, а вслед от кассы шелестит: «Кута итете пес корсинка?», мол, куда прете без корзинки-то, а что нам в нее класть? Три горошины?

Эх, как вспомнишь! Я уже почти семнадцать лет живу в Америке, и чего только не попробовалась, а все мне кажется, что нигде такой вкусной сметаны и хлеба с маслом я не ела. И девушек таких огромных, румяных и медлительных, у которых в руках дело горит, как в сказке, тоже не видела.

Лето пролетало незаметно. Уезжать не хотелось, а денег на обратную дорогу всегда не хватало. Как-то раз, чуть ли не целую неделю пришлось ждать денежного перевода от бабушки. А когда он пришел, в витрине детского обувного магазинчика на привокзальной площади мы увидели сапожки — кожаные, белые, «на манке»! Мы с Дусеной аж обмерли. О таких мы даже мечтать не смели. Особенно я. Мне вечно приходилось за ней всякую дрянь донашивать. А тут ее размера не оказалось, а мой был. Денег у нас было только на билеты и еду, но мама все равно мне эти сапожки купила. Так что пришлось нам с Дусей всю дорогу ехать на багажных полках. Вот это было счастье. Даже тот факт, что в Москве маме пришлось нас обрить налысо, потому что мы завшивели, моего счастья не омрачил, и первого сентября я пошла в школу лыкующая, с букетом астр, черным ежиком на голове и в белых заграничных сапожках «на манке». Жаль только, что через несколько месяцев у меня их в школе украли.

Я знаю, что тебе все мои воспоминания кажутся странными, потому что ты выросла в другой стране, но все же мне так хочется, чтобы ты все это себе представила. И полуголодную нашу жизнь, и тоску по папе, и поездки по монастырям в то время, как наши одноклассники отдыхали в пионерских лагерях и на дачах.

Мама не разрешала нам даже самых близких школьных подруг домой приглашать, чтобы они не увидели иконы и не разнесли по школе, что мы верующие. И крестик заставляла прятать, и в пионеры нам пришлось вступить.

До перестройки верить в Бога считалось позором и даже преступлением. Взрослых за это с работы увольняли. За себя мама не очень волновалась, потому что ее на работу с хорошей зарплатой все равно не брали. Много лет она проработала уборщицей в булочной и нянечкой в больнице. А еще мы помогали ей разносить утренние газеты. Но когда ее по-знакомству устроили завхозом в детский сад, тут уж и ей пришлось крестик прятать.

Такая была у нас родина. А все равно меня туда тянет. Не в новую, обалдевшую от бешеных денег Москву, а в ту убогую, застиранную, залатанную, но такую родную. Так и ты будешь вспоминать о доме, где выросла, о городе, о стране... Иногда я думаю: что бы с нами было, если бы твой отец не приехал в девяносто шестом и не увез бы нас снова в Америку. Как сложилась бы твоя жизнь в России? Родители всегда сомневаются, правильный ли выбор они для своих детей сделали.

Помню как мама пыталась удержать меня от раннего замужества. Я ведь в Митю влюбилась, когда мне было двенадцать лет. Он был папиным другом и моим учителем английского. Сначала это было просто детское чувство, но с каждым годом оно росло. Когда он эмигрировал в Америку, мне было четырнадцать, и я тогда чуть не умерла от горя. Мама пыталась меня утешать: «Ничего, Марусенька, будет у тебя еще любовь настоящая». Но разве я ее слушала! Я хотела только его! Я лучше всех знала, кто мне нужен.

Судьба моя решилась, когда мы с папой на летние каникулы поехали в Коктебель. Папа снял там большой дом с садом, в котором стоял стол под навесом из вьющегося винограда, а за ним вечно сидела, выпивала и обедала большая компания. Это была невероятная, праздничная жизнь, которая вскружила нам с Дусей голову. У нас были поклонники среди мальчиков, но нам нравились папины друзья — взрослые, интеллектуальные, со сложным внутренним миром. В то время я только что прочла «Войну и мир» и воображала себя Наташей Ростовской, а Митю Андреем Болоконским.

Он приехал в то лето в Коктебель из Америки с кучей подарков и с любовью ко всем. Я думаю, что сначала он ко мне серьезно не относился. Просто я ему нравилась, как милый непосредственный ребенок. Но постепенно и неожиданно для себя он тоже в меня влюбился. И тут уж у нас все началось всерьез. И поцелуи, и объятия, и слезы в три ручья, когда он снова уехал. Учеба совсем не шла мне в голову, я с огромным трудом окончила десятый класс, да и то только потому, что папа пообещал взять меня с собой в Америку, если я получу хороший аттестат. И ты знаешь? Мне это почти удалось. Тройки у меня были только по физике и химии. Даже математику мне удалось вытянуть на четверки.

Вообще-то папа собирался взять с собой всю семью, но Андрей ехать отказался, у него тогда был самый проблемный возраст. Дуся не захотела расставаться со своим женихом. Папина жена как раз заболела. Так и получилось, что в Америку мы поехали с папой вдвоем. Все время нашей поездки он был очень занят. Развлекал и возил меня повсюду Митя. О том, как далеко зашли наши отношения, папа даже не догадывался. А когда пришло время уезжать, я просто сказала, что никуда от своего мужа не уеду. Что папе было делать, на поводке меня в аэропорт тянуть? Митя пообещал, что как только мне исполнится восемнадцать лет мы оформим отношения. Так я вышла замуж. У меня не было ни свадьбы, ни цветов, ни венчания в церкви, о котором я так мечтала. Но знаешь? Я не жалею. Ничего другого в моей жизни случиться не могло. Твой отец был моей любовью, моей судьбой, и я благодарна ему за то, что теперь у меня есть ты.

О чем я действительно жалею, так это о том, что нет больше той квартиры, в которой я выросла. В прошлом году я ездила в Москву подписывать документы по обмену. За день до моего отъезда я, Дуся и Андрей собрались в ней в последний раз. Там уже никаких наших вещей не было. Ремонт начался, но новые жильцы еще не въехали. Приходим... В квартире темно, пахнет побелкой, старыми газетами, стены ободраны, света нет, только фонарь за окном чуть подсвечивает. Грустно, ужас до чего. В этих стенах прошло наше детство. Здесь мы играли, дрались, дни рожденья справляли. Здесь мы первые шаги сделали, первые слова произнесли. И вот от всего этого остались только голые стены, а жизнь исчезла. У Дуси тоже на глазах слезы, а Андрей опаздывает. Стоим с ней у окна, она курит. Хочется уйти, но надо Андрея дожидаться. Вдруг он вваливается с чемоданом. Мы ему хором: «Что, жена выгнала?» Он молчит, открывает чемодан, достает из него бутылку и какую-то штуковину. Мы ему: «Это что за агрегат?», а он: «Погодите, девки, шас все сами увидите, только дайте хоть отдышаться с дороги. Открыл бутылку. Налить не во что. Выпили из горла, сначала стоя, потом решили: «Да ну, потом отстираем». Сели на газеты. Оказалось, Андрюшка приволок кинопроектор. Включил, и вдруг — на стене мама молодая, машет рукой, щурится от солнца, смущается, смеется, а мы вокруг ее подола, как цыплята бегаем.

Оказалось, что незадолго до ареста, папа снял этот фильм. Мама никогда о нем не упоминала, может и забыла совсем. Камеру при обыске изъяли, а пленка у бабушки сохранилась, и перед смертью она ее Андрюшке отдала. Он хотел посмотреть, но пленка от старости испортилась. Он отнес ее к кому-то из своих знакомых на «Мосфильм», все восстановить не удалось, только маленький кусочек.

Как странно было увидеть себя маленькой. Я была веселая, кудрявая, как маленькая разбойница гоняла по двору за курами на трехколесном велосипеде, который мне был уже мал. Синячищи на коленках даже на черно-белой пленке видны. А Дусена уже тогда была воображалой. Папа поймал ее в кадр, когда она в маминых туфлях, с плетеной сумкой на голове в «большую» играет. Умора. Нас-то еще хоть можно узнать, но Андрюшку! Он теперь красавец-мужчина, а тут зареванный, голопузый бежит к мамочке, ручки тянет. А она прямо вся светится. Я и не подозревала, какой она в молодости была красавицей. Все это было еще до папиного ареста. Все у нас было еще впереди. Я ждала, когда же папа в кадре появится, но он так и не появился.

Доченька моя, как бы мне хотелось, чтобы...

В доме зазвонил телефон. Маруся вскочила и кинулась к нему. Письмо так и осталось недописанным. ■■■

СТИХОТВОРЕНИЯ

Феликс ЧЕЧИК

ШКОЛЬНЫЙ ВАЛЬС

1
 Камень, ножницы, бумага,
 камень, ножницы, бумага,
 камень, ножницы, бумага —
 на кону стоит герла.
 Недотрога и кривляка
 старшекласснику дала.
 Всё смешалось: боль и злоба,
 пидманула-пидвела,
 пьют, отвергнутые оба,
 бормотуху из горла.

2
 Сердца, пробитые насквозь
 стрелой — не позабыла школа
 12-я — «хватит! брось!
 она того не стоит!» — пола

проблема не давала спать
 (столбняк, безумие и кома) —
 кружа часами, словно тать,
 вокруг возлюбленного дома,
 я постучаться не посмел,
 и оттого едва не спятил;
 как на скрижалях, букву «л»
 навеки вырезал на парте.

3 10-й «Д»

У физички Галины Петровны —
 «умоляю тебя: ни-ни-ни
 никому! обещай!» — хладнокровно
 лифчик правой рукой растегни,

левой, где голубеет накладка,
проторённой тропинкою вниз;
табуретка не вынесет долго
дверь удерживать — поторопись.
Восемь лет ещё до перестройки,
год до зоны — доверься судьбе.
Круглый двоечник твёрдую тройку
обеспечил за четверть себе.

4

Неравная борьба.
Ах, Дунька Кулакова!
Выдавливает раба
по капле, чтобы снова
над фоткою рыдать
колени преклоненно,
ни думать, ни гадать,
как вырваться из плена.

5

На пронзительной ноте прощальной,
персонажем из чеховских пьес
умереть — оттого, что прыщами
навсегда изуродован фэйс.

Жизнь окончена — скоро пятнадцать,
застрелиться и делу конец.
Будет знать, как с другим целоваться
одноклассница Н.Власовец.
2000-2001

* * *

И линия её бедра,
неповторимая, кривая,
увы, окажется с утра
дорогой в никуда из рая,
в котором были мы,
наверяд
куда вернёмся, и не надо.
И скалился ехидно гад.
И замочить хотелось гада.
2002

* * *

Полубогажённую девицу
в шлемофоне — подпись ДМБ-
82 — сержант Куницын
на предплечье наколол себе.

Имя дал красавице — Маруся,
по ночам рассказывал про дом,
чтобы год спустя на «Беларуси»
без конца пахать нечернозём,
пить, вздыхая о крестьянской доле,
крыть колхоз «Заветы Ильича».
По уши в грязи и солидоле,
девушка рыдает у плеча.
2002

* * *

В тьмутаракани, в калужской глуши,
где молоку не даёт радиация
скиснуть, «пожалуйста, свет потуши
и отвернись, я сниму комбинацию», —
ты говорила. Я чувствую — влип,
вторился, как малолетка простуженный,
вилкой поддев зазевавшийся гриб,
выпью водяры для храбрости. Суженый?
Ряженный! Будет точнее. Ночной
поезд уносит в столицу бездонную.
И, насмехаясь, глумясь надо мной,
смотрит двойник из проёма оконного.
2000

АКВАРЕЛЬ №2

На чайной ложечке листа
валокардиновые капли
росы. Безлюдна и пуста,
как бы в преддверие спектакля
берёзовая роща. Гнёт
осенняя незащищённость.
А ближе к городу — погост
и роковая обречённость.
2001

ПЕРЕЛЁТНАЯ ПТИЦА

А.Алешковскому

Лето красное пропела,
за окном декабрь, блядь,
в результате залетела
к орнитологу в тетрадь,
где застряла до весны —
больно клеточки тесны.
2001

ПРОВИНЦИАЛЫ

Шампиньонами из-под асфальта,
на «кирпич» — отдыхает ГАИ,
в предвкушенье халявы и фарта,
и сулящей прописку любви,
из Рязани, из Пензы, из Тулы,
с «шестисотым» на перегонки,
чтоб у хищной столичной акулы
удалить без наркоза клыки.
И столовским позавтракав супом,
и заначив беляш на потом,
на вершину — по трупам, по трупам,
никого не щадя, напролом
мы идём на все стороны света,
улыбаясь чему-то хитро —
не получится — двинем в поэты,
повезёт — в торгаши у метро.
2001

* * *

Вилами писано по воде —
кануло в Лету,
не расшифрует никто и нигде
вилопись эту.

Все философы тире колдуны —
глухи и немые.
Вилы расчешут твои колтуны,
батюшка Неман.
2001

* * *

Петушок на палочке
стоит 8 коп.
Траурные саночки
тащат в гору гроб.

Бабка повивальная,
плачь за упокой.
Счастье самопальное
тает за щекой.
2003

* * *

Ты слышишь, как трава растёт
и разговаривают птицы,
поэтому который год
ты пациентка психбольницы.

Лекарством пичкают врачи.
Ты смотришь загнанно и тупо.
«Весна пришла!» — кричат грачи.
И плачут в голос корни дуба.
2004

* * *

Не сказали куда и зачем,
но сказали, что надо.
И прямая дорога в Эдем
пролегла из ада.

Распевали в саду соловьи
о любви, в утешенье.
И комбат на солдатской крови
получил повышенье.
2004

* * *

Меня будильник не вернул с того на этот свет,
и звон, переходящий в гул, почти сошёл на нет.

— Поторопись, — сказал отец, — иначе навсегда
ты здесь останешься, глупец, до Страшного суда.

Ты задержался и теперь — одна, всего одна,
и та полужакрыта дверь, ведущая из сна.

Я помогу тебе, но ты, имей в виду, сынок:
вернувшийся из темноты смертельно одинок.

И в этом нет ничьей вины. Ты сам того хотел...

И ангел голосом жены «Шма Исраэль» пропел.
2002

* * *

Заостри свою мысль и воткни
прямо в сердце и по рукоятку,
чтоб тебе отведённые дни
провести, привыкая к упадку
и гниению — запах такой,
отдыхают тюльпаны и розы;
и поэзия — бабка с клюкой —
скоро доковыляет до прозы.
2006

* * *

По кривой дорожке пойду наугад,
выведет, родимая, к дому моему,
я бы, если честно, был бы только рад
заблудиться где-нибудь, попасть в тюрьму,
убежать с цыганкой и жить в степи,
стать цыганским бароном и горя не знать.
Умоляю, пожалуйста, отпусти!
Слава Богу, не хочет меня отпускать.
2006

* * *

Ты устал смертельно, промок насквозь,
звёзд не видно, небо стального цвета;
обесценилось золото её волос,
обмелели и высохли — Рейн ли? Лета?
Упирайся рогом, крути-верти
этот шар ногами сильнее, быстрее;
и в конце дороги, в смысле — пути
поцелует в губы тебя Лорелея.
2006

* * *

Надо прямо пройти метров двести
и налево свернуть. Боже мой,
как жених к ненаглядной невесте
я спешу через годы домой.
Я вернулся! Вернулся! По праву
первой ночи, т. д. и т. п.
А невеста вся в чёрном, и траур
ей к лицу, как и впрочем, тебе.
2006

* * *

Где я? Об этом едва ли кто знает —
в первую очередь, сам.
Дворником ветер дворы подметает,
прячется по чердакам.
Не серединка и не половинка,
в смысле: ни то и ни сё, —
вместо закладки сухая былинка
в томе «Худ.лита» Басё.
2006

* * *

Голубизна переходит
в светло-зелёное — цвет
моря на мысли наводит:
смерти, как видимо, нет.
От удивленья присвистни,

смерти не будет? Да-да!
Впрочем, как не было жизни,
как таковой никогда.
2006

* * *

*Мяч закатился мой
под нянин комод...
В. Набоков*

Тишина в темноте, как в квадрате, —
шорох слышится за версту.
Я лежу, улыбаясь, в кровати
и сквозь сон ощущаю — расту.

Где-то скрипнула половица
и откликнулись снегири.
Мне дорога железная снится.
Я большой. Мне исполнится три.
В сердце сладкая ноет заноза,
и божественной музыки сфер
долгожданный гудок паровоза
из коробки «Made in DDR».

* * *

За окном меняется пейзаж:
лес сменяет озеро, поле — луг,
едешь неприкаянный, как Бумбараш
и уставший от стольких с собой разлук.

На перроне остался не ты, другой.
Он рукой махал и смотрел вослед.
Иностранец! По-русски ни в зуб ногой.
Всё отдал бы, наверно, за «красный свет».

Но «зелёная улица» навсегда
скорому поезду твоему.
Бесконечные встречные поезда,
города обезлюдившие в дыму.

Принесёт проводница холодный чай
в подстаканнике с надписью «МЖД»;
на расспросы спутников не отвечай,
на вопрос: « где выходишь? Скажи: «везде».

И действительно выйди, когда уснут
пассажиры скорого мёртвым сном.
И в 00 часов и в 00 минут
провожавший исчезнет. Забудь о нём.

* * *

Что касается грешного
 моего языка —
 вырву с корнем, сердешного,
 и не дрогнет рука.
 Чтобы больше не связывал-
 (нету связи прочней)
 с пожелтевшими вязами
 по-над речкой моей.

* * *

Пинску

Чужой — но только не деревьям,
 всё понимающим без слов,
 не пуху тополей, не перьям
 порозовевших облаков,
 не бронекатеру у Пины,
 не танцплощадке на замке,
 не выпитой до половины
 бутылке вермута в руке...
 Иду неузнанный, вдыхая
 неповторимый аромат
 давно потерянного рая,
 напоминающего ад.

* * *

Я выйду из леса. Я стану как вы,
 точнее, прикинусь таким,
 лишь на ночь снимая парик с головы,
 с лица опротивевший грим.

На двух, чтобы не отличаться от вас,
 я буду ходить, семена,
 и только огонь непогашенных глаз
 нет-нет, да и выдаст меня.

Заплачет ребенок в ночной тишине
 и мать не поймет от чего;
 бедняжка, она обратится ко мне,
 чтоб я успокоил его.

И я колыбельную песню спую,
 и он, как убитый, уснет,
 обняв по-звериному морду мою
 и в теплый уткнувшись живот.

* * *

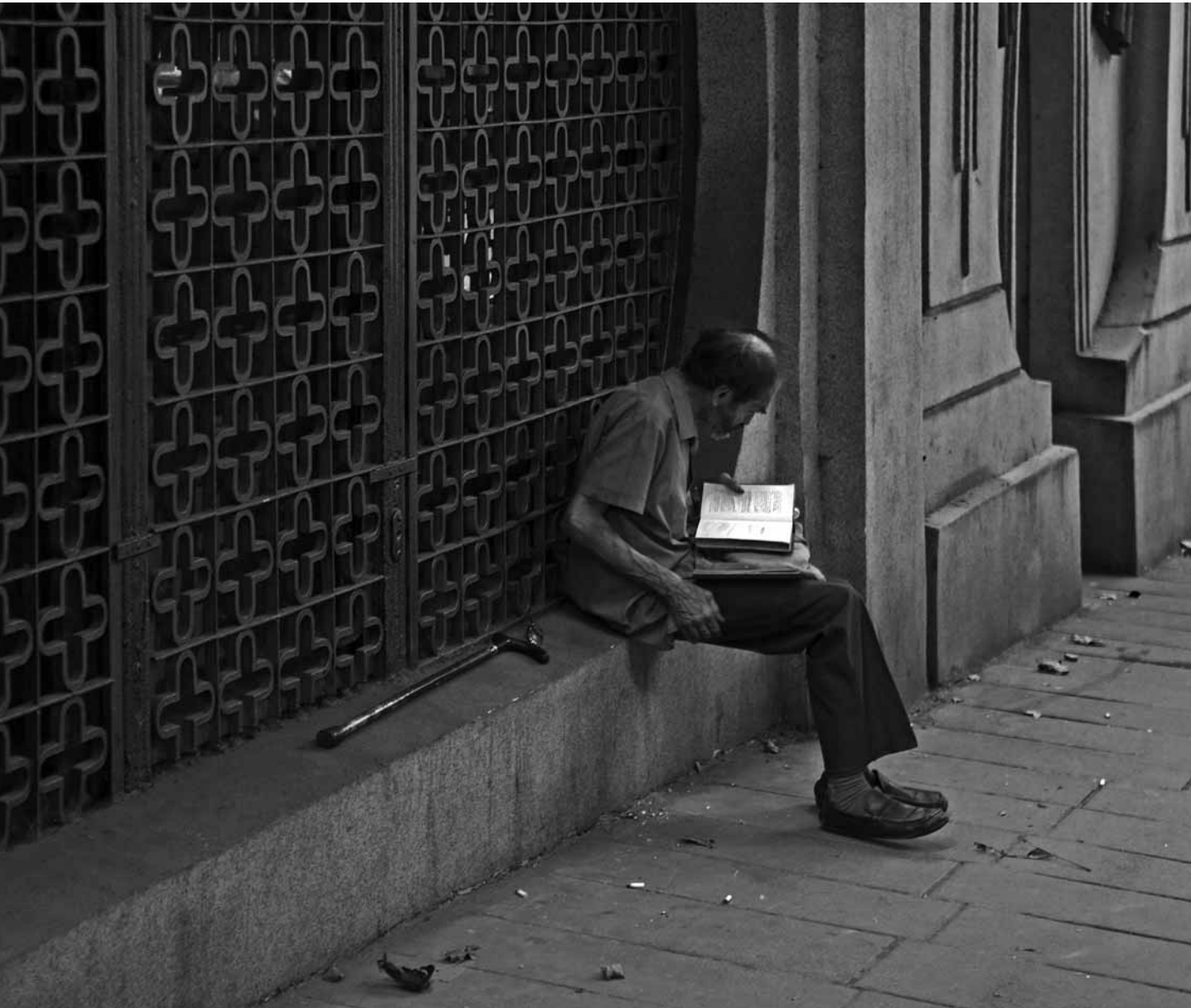
Не будем все-таки о грустном,
 а будем, глядя на огонь,
 пить чай, не торопясь, вприкуску, —
 глаза в глаза, ладонь в ладонь.

Из алюминиевых кружек
 вылавливать чайники и
 печалиться, не обнаружив
 в сердцах ни капельки любви.

А только странное желанье:
 друг в друге раствориться, как
 кусочек сахара в стакане
 и самолетик в облаках.

* * *

Нас двое — третий лишний.
 Недавно ли? Давно?
 Пока я спал, ты вышел
 в январское окно.
 Ты вышел и обратно
 не возвратился в дом,
 но погостил у брата
 и свиделся с отцом.
 Покуда вам крутили
 забытое кино,
 шабашники забили
 январское окно.
 Потом они забили
 на все и стали пить,
 и пили, пили, пили,
 не в силах прекратить.
 А протрезвев, молчали
 и пилились в окно;
 и по столу стучали
 бесшумным домино.
 Цвели и пахли розы,
 благоухал «Агдам»,
 в крещенские морозы
 на речке Иордан.

РАССУЖДЕНИЯ АПОЛИТИЧНОГО

Томас МАНН

*Que diable allait-il faire dans cette galere?
Moliere, Les Fourberies de Scapin
Кой чёрт погнал его на эту галерею?
(Мольер Прodelки Скапена)*

*Vergleiche dich! Erkenne, was du bist!
Goethe, Tasso
Сравни себя с другими! Познай себя!
(Гёте Тассо. Пер. С. Соловьёва)*

ПРОЛОГ

Когда в 1915 году я вручил публике свою небольшую книжечку «Friedrich und die grosse Koalition» («Фридрих и великая коалиция») (1), я уж было решил, что отдал долг «дню и часу» и могу в неистовстве современности вновь посвятить себя тому художественному предприятию, каковое было начато мной перед войной. Я заблуждался.

Со мной произошло то же, что и со многими другими, с сотнями тысяч других, вышибленных войной из колеи, на долгие годы оторванных от собственных профессий и дел; только я был призван не государством и армией, но самим временем. Да, я был призван временем к более чем двухгодичной службе на фронте мысли — для которой моя духовная конституция подходила так же мало, как для многих моих товарищей по несчастью конституция физическая для действительной военной или тыловой службы; сегодня я возвращаюсь не в самом лучшем состоянии к своему осиротевшему рабочему столу — инвазивной войны, так это можно назвать.

Плод этих лет — но нет, я не могу это назвать «плодом», лучше я буду говорить о «Residuumе», об осадке, следе, и если уж быть совсем честным, о следе боли, страдания — итак «остаток» этих лет — (если бы только гордое понятие «оставаться» не накладывало бы чересчур гордый, выпрямляющий отпечаток на образованное от него существительное) — лежащий перед вами том, каковой я опять-таки по основательным причинам поостерегусь называть книгой или произведением. Двадцатилетнее, не вовсе бессмысленное занятие искусством внушило мне слишком большое уважение к таким понятиям, как произведение, композиция, чтобы я посмел ими воспользоваться для обозначения меморандума, инвентаря, дневника или хроники. Ведь речь здесь идёт о чём-то подобном, о дневниковой, хроникальной работе, — хотя бы этот том по некоторым причинам и мог быть признан композиционно выверенным произведением. По некоторым причинам: ибо органическая, присущая всему целому, основная мысль обнаружилась бы довольно легко, если бы только вместо неё не выступало постоянно зыблущееся чувство; вот им-то и пронизано всё целое. Можно было бы говорить о «вариациях на тему», если бы только тема была выражена поточнее. Книга? Нет, об этом не может быть и речи. Эти поиски, борения, прощупывания сути, сущности, нащупывания причин некоей муки, это диалектическое фехтование в тумане *против* этих причин, — да нет, никакая это не книга. Потому-то в тексте и ощутим противохудожественный, непривычный мне недостаток владения материалом, от чего постоянно раздражается ясное и стыдливое сознание, инстинктивно скрывающее этот недостаток лёгким и независимым

стилем... Впрочем, уж если художественное произведение может выглядеть хроникой (это я знаю из собственного писательского опыта) (2), то почему бы и хронике не выглядеть, как художественному произведению? Так что этот конволют порой охвачен тщеславием и амбициями художественного произведения: это нечто среднее между произведением искусства и сердечными излияниями, композицией и писаниной, — и если бы точка существования этого конволюта не находилась бы точно посередине между художественным и не-художественным, а была бы больше на не-художественной стороне, то несмотря на скомпонованные главы, было бы лучше воспринимать этот текст чем-то вроде *дневника*, чьи ранние части датируются началом войны, а финал концом 1917, началом 1918 года.

Но если эти заметки ни в коем случае не произведение искусства, то вовсе не потому, что в слишком большой мере произведение художника, произведение человека искусства, — в этом-то смысле они, пожалуй, могут быть восприняты именно таким образом. Они могут восприниматься, к примеру, как результат совершенно определённой, но, в полном смысле этого слова, неопишуемой возбудимости художника, направленной против тенденций современности; это всё те же раздражительность, тонкокожесть, невроз восприимчивости, с которыми я был знаком, из которых я, в качестве художника, смог (как мне кажется) извлечь немало пользы. Но эта тонкокожесть издавна демонстрировала сомнительный побочный эффект, непосредственно-писательски, критически, *полемически* реагировать не на внешние раздражители, но на те, что присущи моей писательской душе: типично литературная полемичность, типично литературная страсть спора, которая покоится на потребности в равновесии и потому слишком часто вырождается в озлобленную односторонность, — в этом случае критический опыт оказывается недостаточно сознательным, недостаточно зрелым для слова, для анализа, для того, чтобы можно было всерьёз рассчитывать на эссеистически стройное и строгое решение проблемы. Вот так, я полагаю, и возникают произведения людей искусства, но не произведения искусства.

Произведением человека искусства эти заметки являются также и в своей несамостоятельности, в своей постоянной потребности в подпорке извне, в страсти к бесконечному цитированию, к помощи авторитетов, — этому выражению благодарности за совершённое благодеяние и детского желания растолковать читателю словами всё то, что составило для тебя самого утешение и радость, вместо того, чтобы это составило немой спокойный фундамент собственной речи. Впрочем, мне ка-

жется, что при всей необузданности этого стремления в моей работе был соблюден музыкальный такт и не нарушен вкус: Цитирование воспринимается здесь как некое искусство, подобно диалогу в рассказе, заставляющему читателя напрягаться, подвергающему читателя тому же ритмическому воздействию...

Произведение человека искусства, сочинение человека искусства: Это говорит тот, кто не привык говорить сам, но кто привык позволять говорить людям и вещам, и кто тем самым «позволяет» говорить другим даже там, где, как ему кажется, он говорит сам. Остаток роли, адвокатства, игры, актёрства, над-всеми-вещами-стояния, остаток отсутствия всяких убеждений, остаток той поэтической софистики, каковая предоставляет право правоты тому, кто говорит в эту минуту и кем в эту минуту являюсь я, — такой остаток без сомнения имеется во всей книге, едва ли он осознавался мной полностью, — и всё же каждое мгновение, в которое я писал свои «Рассуждения...»; то, что я писал, было в самом деле суждением моего духа, чувством моего сердца. Не моё дело распутывать смешение диалектики и подлинной, мучительной воли к истине. Для меня важно то, что в этом смешении — смысл существования моей книги.

Мне бы очень хотелось, чтобы её фельетонный тон никого не обманул: годы, в которые я громоздил эти очерки, были тяжелейшими годами моей жизни. Произведение человека искусства, но ни в коем случае не произведение искусства, поскольку оно происходит из потрясённого в самих своих основах состояния художника, из поставленного под вопрос, из угрожаемого, разрушаемого ежеминутно состояния художника, каковое оказывается неспособно к иному способу самовыражению, который представлен в этой книге. Сознание, из которого выросло это произведение; сознание, которое сделало его необходимым, было прежде всего таким: любое другое произведение было бы интеллектуально перегружено — меткое суждение, которое, однако, не слишком справедливо; ибо в действительности тщательная работа над подобными вещами раз за разом обнаруживала свою невозможность из-за духовного состояния современности; подвижности всего того, что было незыблемо; потрясения всех культурных основ; от того-то и возникли неизлечимый разлад в мыслях художника; голый невозможности *сделать* что-либо на фундаменте одного только *бытия*, расщепление, растворение и проблематизация самого этого бытия; из-за необходимости понять, уяснить и *защитить* это бытие, поставленное под вопрос, загнанное в угол, не покоящееся твёрдо, инстинктивно, как нечто само собой разумеющееся; итак, тщательная работа была невозможна из-за неизбежности ревизии всех ос-

нов жизни художника, самопознания и самоутверждения, без которых невозможна его деятельность, его воздействие и радостное исполнение своих задач.

Но почему это должно было случиться именно со мной? Почему только меня погнало на эту галерею, в то время как другие остались совершенно свободны? Я ведь знаю, что художники, работники всех видов искусств настолько, насколько их физическое бытие было пощажено войной, а также те, кого кризис и смена времён застали в том же возрасте, что и меня, не были затруднены в выпуске своей духовной продукции ни войной, ни самим кризисом. В эти четыре года создавались произведения как беллетристики, так и музыки, живописи, эти произведения публиковались, исполнялись, демонстрировались, приносили своим создателям славу, благодарность и счастье. Появились молодые художники и были вознаграждены вниманием публики. Но и художники другого поколения, порой старше, чем я, довели до конца то, что задумывали ещё до войны, сделали привычные для них, характерные для их культуры и таланта, произведения; казалось, что эти произведения принимаются публикой тем радостнее, тем благожелательнее, чем меньше они затронуты современностью, чем меньше они об этой современности напоминают. Поскольку потребность публики в искусстве даже возросла, благодарность за свободное, живое произведение искусства стала горячее; готовность к любому роду вознаграждения художника — больше. Всё то, что я сейчас говорю *captatio benevolentiae* (3) — и я не делаю из этого секрета. В самом деле, я пытаюсь помириться с этой книгой, продемонстрировав, сколько отказов и отречений заключено в ней. Самые задушевные свои планы, осуществление которых многие — пусть они воспримут это как шутку или как похвалу — ожидали не без нетерпения, я отставил в сторону, чтобы заняться работой, о внутренней и внешней обширности которой я (боюсь, что и до сих пор) не имел никакого понятия, — едва ли в какое-нибудь другое время я бы взялся за это. Я припоминаю, что поначалу моё рвение было очень значительным, знаковым, значащим, мною двигала вера в то, что я смогу сказать себе и другим много хорошего и важного. Но вслед за тем, какое растущее беспокойство, какая ностальгия по «свободе в определённых границах», какая мука из-за невыразимо компрометирующего и дезорганизирующего существа всех моих речей, какая гложущая забота о проходящих зазря месяцах и годах! Но коли уж перейдён тот пункт, до которого было ещё возможно возвращение, то «продвижение вперёд» становится скорее экономическим, чем моральным императивом, — если, конечно, воля к *изготовлению* не непременно героична в тех случаях, когда невозможно и помыслить о *становле-*

нии. Для действий и писаний такого рода имеется только один девиз, объясняющий всю их нелепость, *жалкость*, но не отбрасывающий их с презрением. Этот девиз сформулирован Томасом Карлейлем в его истории Французской революции: «Знай, что эта Вселенная есть то, чем она кажется, и чем хочет быть: нечто бесконечное. Не пытайся поглотить её для логического переваривания, будь доволен, если, поставив один или два прочных столба в этом хаосе, ты помешаешь ему поглотить тебя» (4).

Спрошу ещё раз, почему мне выпал такой жребий, что, говоря словами клоделевской Виолены, «плоть моя приняла муки вместо распадающегося христианства» (5)? Неужели моя духовная ситуация была особенно тяжела, так что мне пришлось защищаться специальными объяснениями, рассуждениями, речами? 40 лет, конечно, критический возраст, ты больше не молод, ты знаешь, что твоё собственное будущее — уже не всеобщее будущее, а только — твоё. Теперь тебе предстоит вести свою жизнь к концу — она будет отставать от всеобщей гонки, и её финал — будет твоим личным финалом. Новое поднимается на горизонте, оно просто отрицает тебя; оно не утверждает, что всё было бы так, как оно есть, даже если бы тебя не было — оно просто зачёркивает тебя. 40 лет — пункт поворота всей жизни; и это немало, если поворот, перелом всей твоей жизни сопровождается громом поворота всего мира — такое страшит сознание. Однако другим тоже стукнуло сорок, и ничего — обошлось. Я что же — слабее, уязвимее, ранимее? Неужели мне не достало гордости и внутренней твёрдости, для того чтобы в полемике с новым не потерять самого себя, защищаясь от того, что содействует моему собственному разрушению? Или мне придётся приписать себе особо возбудимое чувство солидарности с моей эпохой, особую остроту, восприимчивость, уязвимость моему чувству современности?

Пусть бы источник этих заметок был бы каким угодно, я назову его самым простым именем: *добросовестность* — свойство, которое образует столь значительную часть моего бытия как художника, что можно было бы коротко сказать, что всё моё художническое бытие одним этим свойством и определяется: добросовестность, нравственно-артистическое качество, которому я обязан всем своим влиянием; качество, которое теперь сыграло со мной шутку. Ведь я слишком хорошо знаю, как близка добросовестность к педантичности, так что тот, кто назовёт эту книгу воплощённой детско-ипохондрической педантичностью будет не так уж не прав; мне самому в иные часы именно так и кажется. Не раз и не два передо мной вставал вопрос первого эпитафия, будто сопровождаемый громовым раскатом хохота, словно бы я делаю нечто несообразное, ни в какие ворота не лезущее; по-

тому-то сквозь все мои экспликации, эксплорации, экспектации, связанные с попытками разрешить ту или иную политическую проблему, прорывается нечто вроде беспокорства, которое не позволяет обмануться ни мне, ни читателю. «Какого чёрта ему всё это нужно?» Но вот как раз *мне* это и нужно, это касается меня куда как глубоко, и мне кажется необходимым со всей моей доброй волей, знаниями и талантом разобраться с этими проблемами. Ибо так уж устроено наше время, что больше нельзя провести границу между тем, что касается одного-единственного человека и тем, что его *не* касается; всё — взбаламучено, всё — возбуждено, проблемы слипаются воедино, они влипают друг в друга, их более не разлепить, не разъединить; проявилась всеобщая взаимосвязь, единство всех духовных явлений; встал вопрос о человеке, как таковом, и ответственность перед этим вопросом захватила так же и политику, и волевые решения... В том-то и состоит величие, тяжесть и безграничность нашего времени, что для добросовестного и ответственного — неважно, за что и перед кем — человека; для человека, всерьёз относящегося к самому себе, вообще не осталось ничего, что можно было бы счесть неважным, несерьёзным. Любая мука, связанная с той или иной вещью, с той или иной проблемой, суть самомучение; и только тот, кто всерьёз относится к самому себе, может по-настоящему мучать себя. Мне будут прощены всякие педантичность и инфантильность, если мне будет прощено то, что я всерьёз отношусь к самому себе, — факт, который становится особенно очевиден там, где я говорю непосредственно о себе самом, конечно, это та самая особенность, которая может считаться источником всякой педантичности; та самая особенность, что может восприниматься, как нечто достойное осмеяния. «Бог ты мой! Как же серьёзно он относится к самому себе!» — для такого иронического восклицания моя книга даёт все основания. Этой иронии мне нечего противопоставить, кроме того, что я не смог бы жить, не относясь к самому себе серьёзно; нечего противопоставить, кроме того знания, что всё то, что мне кажется прекрасным и благородным: дух, искусство, мораль — происходит из серьёзного отношения человека к самому себе; кроме того понимания, что всё то, чего я достиг, в самомалейших своих составляющих частях, каждой строчкой и каждым оборотом своего дела — как бы мало или велико оно не было — всё это зиждилось и зиждется на том, что я чересчур серьёзно относился к самому себе.

Очень близко от добросовестности располагается *одиночество* — наверное, это просто другое наименование того же самого качества; то самое одиночество, которое художнику так трудно отличить от *публичности*.

Впрочем, художник не очень-то расположен различать публичность и одиночество. Жизненный элемент художника — публичное одиночество, одинокая публичность, публичность особого духовного рода, чей пафос и чувство собственного достоинства полностью отличаются от бюргерской, гражданской, морально-общественной публичности, хотя порой обе эти публичности совпадают. Точка их совпадения — литературная публикуемость, которая (как и театральность) и духовна, и социальна; в этой точке пафос одиночества художника становится социальным, гражданственным, даже гражданственно-утилитарным. Безоглядность, откровенность сообщений о самом себе, радикализм в отдаче всего самого сокровенного обществу, может дойти у художника до проституирования, до оставления на произвол публики собственной биографии, до абсолютного жан-жаковского бесстыдства (6)– и всем этим достоинство художника как частного человека будет не поколеблено. Вполне возможно, и даже естественно, что художник, только что пожертвовавший собой в своём произведении, только что отдавшийся публике, бросивший себя ей, совершенно спокойно показывается на людях без малейшего налёта неприятного чувства, что он хоть в чём-то уронил своё гражданское достоинство — социальная публичность культуры, та, что отождествляет себя с духовной публичностью, не просто даёт ему право на ту откровенность, которую он себе позволяет, будучи публично одинок, но ставит эту откровенность ему в гражданскую, общественную заслугу.

Впрочем, всё это возможно при определённых условиях. Всё это возможно тогда и только тогда, когда человеческое, обнаруженное благодаря литературе, оказывается способно к социальной публичности и оказывается достойно публичности, духовной, — во всяком ином случае человеческое, разоблачённое литературой, делается предметом насмешек и скандала. Нужно твёрдо держаться этого закона, этого критерия. И мне приходится спросить у самого себя: имею ли я право публиковать эти листки, продукт одиночества, которое привыкло быть публичным, переформулируем вопрос: способны ли эти листки на социальную публичность, достойны ли они публичности, духовной? — если этого нет, то мне мало поможет то обстоятельство, что я смогу защитить их право на публичность, литературную, личными, человеческими причинами. Конечно, эти причины надо иметь в виду. На целые годы прекратилось моё духовное производство, объявленные заранее работы не появлялись, казалось, я онемел, заболел, исключил себя из жизни. Неужели я не должен был дать отчёт моим друзьям, как я провёл эти годы? А если речь здесь не должна идти о долге или вине, то, наверное, я могу себе позволить говорить о праве?

Потому как, в конце-то концов, я ведь боролся и отказывался от важных для меня вещей, как бы солоно мне при этом не приходилось, я пытался пробиться к пониманию иных, столь же важных вещей, пусть даже дилетантскими, не пригодными для этой цели средствами, и было бы вполне по-человечески желать, чтобы всё это не совсем «напрасно» вынашивалось, терпелось и делалось в приватном, непубличном одиночестве. Я говорю, что такие основания тоже надо учитывать — пусть бы они и не имели решающего значения. Придётся оправдывать опубликованность этих заметок и с духовной стороны; речь идёт о том, что у них было духовное право на публичность — и в самом деле я полагаю, что оно было.

Этот труд, в котором есть непосредственность, несдержанность частного письма, всё же обладает духовными основами того, что я хочу дать как художник, и что принадлежит общественности. Коль скоро это достойно духовной публичности, то пусть эти заметки будут моим отчётом. Время требовало от меня (причём безотлагательно) такого отчёта, и время имело на это право: Мне кажется, что перед вам лежит документ, достойный быть признанным и современниками, и даже потомками, хотя бы как некий важный симптом современности, со всем его духовным возбуждением, со всем его рвением говорить сразу обо всех проблемах... Если же я при этом оказался не только плохим мыслителем, но и, разоблачая духовный фундамент моего искусства, разоблачил и само это искусства, то эта двусмысленность тем более не может для меня явиться причиной, из-за которой я бы скрыл эту работу. Истина всё равно обнаружится. Я никогда не пытался выглядеть лучше, чем я есть, и не хочу этого делать и впредь ни речами, ни умным молчанием. Я никогда не боялся демонстрировать самого себя. Та воля, которую Руссо выразил в первой фразе своей исповеди; воля которая казалась тогда новой и неслыханной: «показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы» (7); та воля, которую Руссо называл «беспримерной» и полагал, что она не найдёт подражателей, эта воля стала прирождённым, само собой разумеющимся основным духовно-художественным этосом столетия, которому я в значительной части принадлежу, — девятнадцатого; над моей жизнью, как и над жизнью многих отпрысков этой исповеднической эпохи, девизом стоят стихи Платена: «Я не настолько бледен, чтобы прибегать к румянам / Мир знает, за что он меня прощает» (8).

Я повторяю: Фиксация проблематичного искусства, будь то образ или слова, способна на гражданскую публичность в той мере, в какой она достойна публичности духовной. В этом случае частное личное достоинство

останется абсолютно незапятнанным. Я имею в виду человечески-трагический элемент моей книги (9), тот интимный конфликт, которому посвящено всего несколько страниц, но который определяет и окрашивает мои мысли во многих местах книги. Вот именно о нём, как раз таки о нём я и веду речь, когда говорю, что раскрытие его публично, настолько насколько это возможно, духовно оправдано и тем самым лишено эксгибиционистской мерзости. Потому что это интимный конфликт разыгрывается в духовной сфере, и, стало быть, поэтому без сомнения обладает символическим значением в такой степени, что имеет право на публичность, следовательно, он вполне может быть представлен и не сделаться оскорблением. Образованная гражданская публичность, то есть такая, какая может быть сравнима с духовной публичностью, не будет скандализована раскрытием тайны личного, которое достойно духовной публичности и имеет на неё право. *Доверие*, каковое выражено в этой откровенности, слишком «одинокое», слишком благодушно-оптимистично, чтобы его разрушение было бы к чести тому, кто о чести заботится.

Я сказал, что отбывал *военную повинность современности*, откуда писал эту книгу, откуда пытался добросовестно или педантично «уложить» в слова сдвинутые, поколебленные, взвихренные современностью основы моего существования. Однако кое-кто, получив некоторые сведения о нижеследующих главах, может решить, что я тем самым сослужил современности плохую службу, ибо отбывал свою повинность без настоящей любви к современности, недисциплинированно, строптиво, выказывая по сотням поводов злую волю и враждебное непослушание, и потому не заслужил того, чтобы мой замысел был выполнен, завершён, воплощён. По его мнению, я оказался не только и не столько плохим мыслителем, сколько плохо-мыслящим, плохо-чувствующим; не столько плохим писателем, сколько плохим человеком: ведь я пытался поддержать падающее и умирающее, а новому и необходимому, которое защищает само время, я старался повредить. — Я мог бы возразить на это: современности служат не одним только образом; мой способ службы современности не обязательно ложен, фальшив, плох и неплодотворен. Один современный мыслитель писал: «Обнаружить направление, в котором развивается культура не так уж и трудно, а примкнуть к этому направлению с восторженным визгом не столь великолепно, как об этом думают тупоголовые всех стран. Распознать истинный ход жизни, отступления, противоречия, напряжение; обнаружить противовесы, нужные для сохранения равновесия; найти сопротивление, которое заставляет

жизненные силы напрягаться там, где они поизносились и обдрябли; заметить протагонистов, без которых жизненная драма не могла бы развиваться — и всё это не просто видеть, но *чувствовать движение и борьбу всего этого в самом себе*, вот, что делает человека человеком своего времени». (10) Прекрасные слова, будто сказанные из глубины моей собственной души. Я не верю в то, что долг и сущность писателя заключаются в том, чтобы с «восторженным визгом» примкнуть к главному направлению, в котором развивается культура. Я не верю и не могу по природе своей поверить в то, что для писателя естественно и даже необходимо способствовать какому бы то ни было развитию исключительно позитивным образом, непосредственным, оптимистично-оргиастическим одобрением, — подобно мощному без страха и упрёка рыцарю современности, который служит своей богине благодаря прямому бесхитростному пониманию целей и задач; служит всею своей несломленной волей, отвагой и здравым смыслом. Писательство издавна казалось мне результатом и проявлением проблематичности, вечного «Здесь» и «Там», «Да» и «Нет», двух душ в одном сердце, дурного богатства внутренних конфликтов, противоречий и противоположностей. Для чего, зачем, вообще, писательство, если оно не духовно-нравственное усилие во имя проблематичного Я? Нет, повторюсь, я никакой не рыцарь современности, я не «вождь», да и не хочу им быть. Я не люблю «вождей», «учителей» и не люблю, к примеру, «учителей демократии». Однако более всего я ненавижу и презираю тех мелких, ничтожных, чующих, откуда ветер дует, проныр, которые живут тем, что знают, как надо; более всего я презираю тот обслуживающий персонал современности, что при непрекращающемся третировании менее подвижных и шустрых, рысью поспешает за всякой новизной; более всего я не люблю тех политкорректных щёголей, франтов и денди, что носят последние идеи и модные слова так, словно эти идеи и слова — монокли: к примеру «Любовь», «Дух», «Демократия» — сегодня трудно без отвращения слышать весь этот жаргон. Все они — подвывающие современности энтузиасты и снобы — наслаждаются свободой своего ничтожества. Они суть ничто и потому вольны судить, рядить и выносить решения каждый раз в полном согласии с самоновейшей модой. Я и в самом деле презираю их. — А может моё презрение — всего лишь замаскированная зависть, поскольку мне-то никогда не стать соучастником их ветреной свободы?

Но в какой степени я не таков? В какой степени я «связан» и предопределён? Если я не ничто, как они, то что же я? — Вот вопросы, которые «гнали» меня на эту «галеру», вот вопросы, на которые я пытался найти отве-

ты. Знание, до которого я добирался, было колебательно, туманно, недостаточно, диалектически-односторонне и искажено чрезмерными усилиями. Должен ли я в последнее мгновение попытаться укрепить это знание в мучительном успокоении?

В самых своих важных духовных чертах я — настоящий сын девятнадцатого столетия, на которое падают первые двадцать пять лет моей жизни. Конечно, в самом себе я обнаруживаю многие артистично-формальные, а также духовно-нравственные элементы, потребности, инстинкты, которые принадлежат новейшей эпохе. Но в качестве писателя я чувствую себя отпрыском (естественно не участником) немецко-бюргерского повествовательного искусства девятнадцатого века, которое простирается от Адальберта Штифтера до Теодора Фонтане; скажем так: насколько все мои традиции, все мои артистические склонности тянут меня назад в родной, отеческий мир немецкого мастерства, который всякий раз очаровывает и укрепляет меня, едва лишь я приду с ним в соприкосновение, настолько мой духовный центр тяжести лежит по ту сторону поворотного пункта столетий. Романтика, национализм, бюргерство, музыка, пессимизм, юмор — вся эта атмосфера прошедшей эпохи образует в главных чертах неличностные, неперсональные составляющие моего духовного бытия. Но это ведь и то основное настроение, душевная расположенность, черты характера, которыми XIX столетие в целом отличается от предшествующего и, как это становится всё ясней и ясней, отличается и от нынешней, современной эпохи. Ницше раньше всех и лучше всех попытался определить различие в характерах эпох.

«Честное, зато печальное» (11) — называет Ницше XIX столетие в противоположность восемнадцатому, которое он, как и Карлейль, считает женственным и лживым. Однако в своей гуманной социальности восемнадцатое столетие было охвачено *духом на службе желательности*, чего вовсе не знал XIX век. Анималистичнее и безобразнее, даже плебейстее и как раз поэтому «честнее», «благороднее», чем то столетие, было девятнадцатое в своём *подчинении действительности любого рода*. При этом оно, конечно, было слабовольно, печально и темно-чувственно, фаталистично. Ни перед «разумом», ни перед «чувством» оно не выказывает ни боязни, ни уважения, даже мораль это столетие, благодаря Шопенгауэру, редуцировало до инстинкта, инстинкта сострадания. Девятнадцатое столетие пыталось определить себя, как столетие научное, лишённое каких бы то ни было желаний, освобождённое от *доминирования идеала*, движимое исключительно научными теориями; и всё это для того, чтобы оправдать свою *фаталистическую подчинённость действительности*. Восемнадцатый век напротив

старался забыть всё то, что было даже тогда известно о природе человека для того, чтобы приспособить человека к своей утопии. Поверхностное, мягкое, гуманное, мечтающее о «человеке», восемнадцатое столетие превращало искусство в пропаганду *реформ политического и социального характера*. По сравнению с этой чувствительностью даже Гегель с его фаталистическим образом мысли, его верой в большой разум победоносного, с его оправданием реального «государства» (вместо воображаемого «человечества») означает успех. Ницше же говорит об антиреволюционаризме Гёте, о его «воле к обожествлению целого и жизни, дабы в их созерцании и исследовании обрести покой и счастье». (12) Ницшеанская критика, критика не без сочувствия, она оказывается в высшей степени позитивной; Ницше описывает в действительности *религиозность* целой эпохи, в то время как гётевская природа предстаёт у него исполненной «почти радостного, доверчивого фатализма, не бунтующий, не утомлённый, из себя самого стремящийся создать нечто целостное, веруя, что только в целом всё освобождается и является благим и оправданным» (13).

Ницшевская критика прошедшего столетия, этой мощной, но мало «великодушной», в духовном смысле вовсе не галантной эпохи, никогда не казалась столь великолепно точной, как с сегодняшней, с теперешней точки зрения. Недавно я высказался в том смысле, что Шопенгауэр был «социально-альтруистичен» именно потому, что его нравственность венчается инстинктом сострадания — сегодня я ставлю жирный знак вопроса там, где он и стоял. Философия воли Шопенгауэра (никогда не склонного забывать об истинной природе человека) была лишена какой бы то ни было воли к желательному; в ней не было ни намёка на какую бы то ни было социальную или политическую заинтересованность. Его сострадание было способом искупления, а не средством улучшения действительности в любого рода оппозиционном, духовно-политическом смысле. Здесь Шопенгауэр был христианином. Попробовал бы кто-нибудь поговорить с ним о социально-реформаторских задачах искусства! — с ним, для которого эстетическое состояние было блаженным царством чистого созерцания, остановкой колеса Иксиона, *освобождением* от желаний, свободы как искупления — и ни в *каких других* смыслах. — Тут и флюберовский жёсткий эстетизм, его безграничное сомнение со знаком nihil в качестве итога, со всею его насмешливой резиньацией: «Hein, le progress, quelle blague!» («Ну, ну прогресс! Какие враки!») (14) Тут и злая ибсеновская голова, даже внешне похожая на шопенгауэровскую. Ложь, как условие жизни, носитель «нравственных начал» в качестве комической фигуры; Яльмар Экдаль (15) в ка-

честве человека, как такового; его пошло реалистическая жена в качестве создательницы права и прав, циник в качестве резонёра, перед нами настоящая аскеза порядочности; истинный грубый, девятнадцатый век. И сколько же ибсеновского брутального и честного пессимизма, сколько его особого, мужского, строгого, «лишённого потребностей» этоса оказалось в «Realpolitik» Бисмарка, в бисмарковской антиидеологии!

Я признаю, что эта многообразно варьируемая тенденция и основное настроение XIX столетия, его истинная, не прекраснотушная, не сентиментальная, отворачивающаяся от культа красивых слов, подчинённость факту и действительности, оказывается самым главным наследством, какое я от этой эпохи получил; это наследство ограничивает и связывает всё моё существо; защищает меня от вновь появившихся, определённых тенденций, отрицающих мой мир, как мир лишённый этической основы. Роман 25-летнего человека, появившийся на пороге нового столетия, был лишён какого бы то ни было «духа на службе желательности»; в нём не было и намёка на социальную «волю»; роман был совершенно не патетичен, нериторичен, несентиментален; скорее уж он был пессимистичен, юмористичен и фаталистичен; со всем своим меланхолическим детерминизмом роман был исследованием распада. (16) Достаточно одного небольшого фрагмента — надеюсь мне простят автоцитату — чтобы точно обозначить духовно-историческое место моего произведения. Ближе к концу в романе рассказываются горькие и нелепые школьные истории. «Те, — значит там, — из двадцати пяти юнцов, что отличались устойчивой конституцией и были достаточно сильны и крепки, чтобы принимать жизнь такой, как она есть, и сейчас просто отнесли к положению вещей — не почувствовали себя оскорблёнными, а, напротив, сочли всё это само собой разумеющимся и нормальным. Но среди них нашлись и такие, чьи глаза в мрачной задумчивости уставились в одну точку...» (17) Эти глаза принадлежат сублимизированному вырождению, музыкально-одарённому последышу бюргерского рода, маленькому Иоганну, Ганно Будденброку. «Маленький Иоганн, не отрываясь, смотрел на широкую спину Ганса-Германа Килиана, и его золотисто-карие глаза выражали отвращение, внутренний протест и страх...». (18) — Ну что ж, это отвращение, этот sensitивно-нравственный бунт против жизни «такой, как она есть», против данного, против действительности и «власти», — это отвращение, как раз и является знаком *распада*, биологического несовершенства; сам дух (и искусство) понимаются и изображаются как симптомы того же самого, как продукты вырождения: это и есть девятнадцатое столетие, это те самые отношения, в которых

(по мнению этого века) находятся дух и жизнь — правда, переданы эти взаимоотношения в особенной, экстремальной нюансировке, каковая стала возможна только после кульминации этой меланхолическо-благородной тенденции в творчестве Фридриха Ницше.

Именно Ницше, острее всего и критичнее всех обозначивший характер эпохи, в определённом смысле оказался её кульминацией: Самоотрицание духа во имя и на пользу жизни, «сильной» и «прекрасной» жизни, это вне всякого сомнения — самое крайнее, самое последнее освобождение от «власти идеала», уже на фаталистическое, но вдохновенное, эротически окрашенное подчинение «власти», подчинение вовсе не маскулинного, но — как я говорю — сентиментально-эстетического рода — настоящая находка для художника в совершенно ином роде, чем философия Шопенгауэра! В духовно-эстетическом смысле имеются две братские возможности, каковые вызываются восприятием философии Ницше. Одна — тот эстетизм бесстыдства и ренессанса, тот истерический культ силы, красоты, жизни, которым может удовлетворяться некоторое время творчество особого рода. Другая возможность зовётся *иронией* — и в этом случае я говорю о себе. В моём случае самоотрицание духа во имя жизни происходит благодаря иронии, — это как раз та моральная позиция, которую я не могу описать и определить только вот этим образом: это — самоотрицание, самопредательство духа во имя жизни, — причём «жизнь» понимается в духе ренессансного эстетизма, разве что в более притушенной, лёгкой, сентиментальной нюансировке, — как любезность, счастье, сила, очарование, приятная нормальность бездуховности или недуховности. Ну что ж ирония оказывается этосом, не такого уж мучительного свойства. Самоотрицание духа не может быть совершенно серьёзным, не может быть полным, совершенным и завершённым. Ирония без особой надежды, тайно *борется* за дело духа. Ирония — не анималистична, но интеллектуальна; не мрачна, но остроумна. Но всё же она слишком слабовольна, фаталистична, и, во всяком случае, достаточно удалена от того, чтобы всерьёз и самым активным образом поставить себя на службу желательному, на службу идеалам. Прежде всего, это насквозь *личная* этика, ни в коем случае не социальная; она столь же мало социальна, как и шопенгауэровское «сострадание»; она — отнюдь не средство духовно политического улучшения общества, но не патетичное, поскольку лишено какой бы то ни было веры в возможность духа победить жизнь, средство игры (да, да я говорю об *игре*) менталитета XIX века.

Даже для того, кто наблюдает XX столетие не столь уж долго, с десяти или с пятнадцати лет, не может остаться

скрытым тот факт, что это молодое столетие куда сильнее подражает восемнадцатому веку, чем своему непосредственному предшественнику. XX столетие ставит под сомнение характер, тенденции, основное настроение XIX века; оно разоблачает его род правдивости, его слабование, его подчинённость, его меланхолическое неверие. XX столетие *верит*, или учит тому, что должно и нужно верить. Оно пытается забыть всё то, что «известно о природе человека», чтобы приспособить человека к своей утопии. Оно грезит о «человеке» совершенно во вкусе dix-huitieme (19); оно не пессимистично, не скептически, не цинично и (этого, пожалуй, и вовсе нет) не иронично. «Дух на службе желательности», это, конечно, тот дух, которое столетие считает своим — дух общественной, социальной гуманности. *Разум и сердце*: они вновь расположились в вокабуляре современности, — разум, в качестве средства достижения «счастья», сердце — в качестве «любви» и «демократии». Где в этом мире могли бы сохраниться следы «покорности действительности»? Скорее уж — активизм, волюнтаризм, мелиоризм (улучшательство), ополитиченность, политизированность, *экспрессионизм*, одним словом: власть идеала. Само искусство делается пропагандой социальных и политических реформ. Стоит искусству здесь замешкаться, как тотчас же звучит приговор. Он звучит критически: эстетство. Он звучит полемически: тунеядство, паразитизм. Новая чувствительность — вовсе не результат войны, но нет никакого сомнения в том, что война мощно усилила эту чувствительность. Более ни слова о гегелевском «государстве», вновь в порядке дня «человечество»; ни слова о шопенгауэровском отрицании воли: дух становится волей и творит рай на земле. Ни слова об этике образования личности у Гёте: прежде всего общество! Политика, политика! А что до «прогресса», в отношении которого флюберовская фаустианская пара (20) пришла к довольно насмешливому выводу, то для того, кто хочет, чтобы «к нему относились всерьёз», прогресс — *догма*, а никакая не *blague*. Всё это вместе и составляет «новый пафос». Он соединяет в себе чувствительность и жестокость, он не «человечен» в некоем юмористически-пессимистическом смысле; зато он проповедует «решительную и бескомпромиссную любовь к человеку». Нетерпимый, исключительный, исполненный злостью *французской* риторики, этот пафос оскорбителен тем, что присваивает себе всю полноту нравственности, не принимая во внимание то, что другие люди ещё до провозглашения царства добродетели жили не обормотами шуток ради, и вполне могут возразить так, как возразил Гёте в ответ на упреки патриотов: «Каждый делает наилучшее, в зависимости от того, чем одарил его Господь Бог. (...) Я смело могу

сказать, что в делах, для которых предназначила меня природа, я не давал себе поблажек и передышек, вечно стремясь вперёд, исследовал, работал, сколько хватало сил. Если бы каждый мог сказать о себе то же самое, всё обернулось бы к общему благу» (21).

Что до меня, то в самых разных местах нижеследующих заметок я старался как можно яснее показать, в какой мере я связан с новым; сколько во мне той решительности, с какой новое отказывается от «неприличного психологизма» прошедшей эпохи, от вялого и бесформенного *tout comprendre* (22) — сколько во мне той воли, какую можно назвать анти-натуралистической, анти-импрессионистической, антирелятивистской, но которая как в художественном, так и в нравственном смысле всё же является волей, а не простым «подчинением». Подобное я демонстрировал достаточно ярко — не только из потребности присоединиться к современности, но потому, что прежде всего мне надо было прислушаться к собственному внутреннему голосу, чтобы лучше разобрать голоса времени. В самом деле, почему я вынужден враждовать с новым, отталкиваться от него, отрицать его, чувствовать себя оскорблённым этим новым, да и в самом деле беспрестанно быть оскорбляемым и обижаемым новизной, тем невыносимее и ядовитее, чем с большим литературным талантом, с великолепным стилистическим искусством, с убедительной страстью наносятся оскорбления. Это происходит потому, что передо мной, передо мной лично, новое предстаёт в таком образе, какой вынуждает возмутиться во мне всё личностно-безличное, непосредственное, невысказываемое, инстинктивное, в образе, возмущающем *национальный*, фундаментальный элемент моей природы и моего образования: в *политическом* образе.

Никакой анализ нового пафоса не обойдётся без слова «политика». В самой его оптимистическо-прогрессивной природе лежит нечто, что отделяет новый пафос от политики всего-то на два шага: приблизительно на два шага — да и не только приблизительно — а в том именно смысле, в каком масонство и иллюминатство романского пошиба удалено от политики именно на это расстояние, и не всегда может сдержаться, чтобы это расстояние не преодолеть. Тот же, кто стал бы интересоваться, какая политика родственна новому пафосу, продемонстрировал бы тем самым своё заблуждение, будто бы есть два рода «политики», или даже много «политик», в то время как политика может быть только одна — демократическая. Если в нижеследующих заметках понятия «политика» и «демократия» будут переплетаться, то происходит это будет по необычайно ясно осознанному праву. Нет «демократического» или «консервативного» политика. Есть

политик. Или его нет. А если он — политик, то он — демократ. Политическое состояние духа — состояние духа демократическое; вера в политику — это вера в демократию, вера в *contrat social* (общественный договор). Уже больше чем столетие всё то, что можно понимать под словом политика в духовном смысле, возвращается к Жан-Жаку Руссо: он — отец демократии, *в той степени* в какой он — отец политического духа, политической человечности.

Итак, новый пафос обращён против меня как демократия, политическое просвещение, как филантропия счастья. Политизация любых форм этики — так я понял его интенции; его агрессивность и доктринёрская нетерпимость заключаются в отвержении и осмеянии любой неполитической этики (это я узнал на собственной шкуре). «Человечество» — как гуманитарный интернационал; «разум» и «добродетель» — как некая вещь, застрявшая между якобинским клубом и масонской ложей «Великого Востока»; искусство в качестве социальной литературы и плавящейся от злобы риторики на службе у социальной «желательности»: таков в своей чистой политической культуре — новый пафос, таким я его разглядел вблизи. Я признаю, что это — особая, крайне романтизированная и романизированная форма нового пафоса. Но моей судьбе было угодно, столкнуться именно с этой формой; к тому же, как я уже говорил, в каждое мгновение своего существования новый пафос готов принять именно эту форму: «Действенный дух», то есть дух, который «всегда готов» решительно действовать во имя просвещенческого освобождения, улучшения, осчастливливания мира, он недолго остаётся политикой в отвлечённом, широком значении этого слова, он моментально становится политикой в самом узком, непосредственном смысле. И уж коли мы взялись задавать дурацкие вопросы: что это за политика? *Германофобская*, это ясно как день. Политический дух, с логической неизбежностью проявляющий себя противонемецким в сфере духа, в сфере политике оказывается германофобией.

Если в нижеследующих заметках я высказал мнение, что демократия, что политика чужды и вредны самому немецкому существованию; если я сомневался или даже оспаривал пригодность Германии для политики, то это происходило не по смехотворной (с личной или деловой точек зрения) причине, де, я хочу отбить у моего народу волю к реальности, внушить ему сомнение в справедливости своих мировых притязаний. Я признаю, что глубоко убеждён: немецкий народ никогда не сможет полюбить демократию, по той простой причине, что он никогда не сможет полюбить политику, и что многожды ославленное «чиновничье, полицейское государство» есть и остаётся

наиболее приемлемой и глубоко желаемой немецким народом формой государственного существования. Для того чтобы решиться высказать это убеждение, сегодня требуется немалое мужество. Хотя этим убеждением не только не выказывается какое-либо умаление немецкого народа в духовном или нравственном смысле — как принято почему-то считать — но, напротив, его воля к власти и земному величию (каковая, по меньшей мере, в качестве воли является и роком народа, и его всемирно-исторической необходимостью) остаются полностью непоколебленными в своей правомочности. Есть в высшей степени «политические» народы, народы, которые вообще не выходят из политического возбуждения, однако в силу нехватки государственных и властных способностей они не принесли и не принесут человечеству что-нибудь стоящее. Я имею в виду поляков и ирландцев. С другой же стороны, великая история есть единственная цена организаторских государствообразующих сил в основе своей не-политического, немецкого народа. Если взглянуть на то, куда завели Францию её политики, то можно получить ясное доказательство того, что «политика» не всегда на пользу стране и народу; что не исключает и другого доказательства: без «политики» тоже можно дойти до опасного края. Если я со своей стороны объявляю политический дух враждебным, чуждым Германии, то здесь не может быть никаких недоразумений. То, против чего вынуждено возмутиться самое глубокое во мне, мой национальный инстинкт, был вопль о «политике» в том значении этого слова, которое присуще ему в духовной сфере. Это — «политизация духа», искажение понятия дух в угоду улучшательскому Просвещению, революционной филантропии, которые действуют на меня как яд и opertment (23); я убеждён, эти протест и отвращение вызваны не чем-то личным и временным, нет, в них проявилось моё национальное бытие. Дух — не политика: немцу нужно быть вовсе неплохим современником XIX века, чтобы не на жизнь, а на смерть стоять за это «не». Различие между духом и политикой содержит в себе различие между культурой и цивилизацией, душой и обществом, свободой и всеобщим избирательным правом, искусством и литературой; германство (Deutschtum) это как раз и есть культура, душа, свобода, искусство, но не цивилизация, общество, всеобщее избирательное право, литература. Если расширять сравнение, то различие между духом и политикой подобно различию между космополитическим и интернациональным. Первое понятие принадлежит культурной сфере, это — немецкое понятие; второе свойственно цивилизации и демократии, оно — нечто совсем не немецкое. Интернационален — демократический буржуа, в какие бы национальные одежды он ни

драпировался; *бюргер* — и это одна из тем этой книги — космополитичен, *поскольку* он — немец, он — немец в гораздо большей степени, чем князя или «народ»: этот человек географической, социальной и духовной «середины» всегда был и останется носителем немецкой духовности, человечности и анти-политики...

В наследии Ницше имеется невероятное по своей интуитивной значимости определение «Мейстерзингеров» Вагнера. Оно гласит: «Мейстерзингеры — *противоположность цивилизации, немецкое против французского*». (24) Заметка — бесценна. В слепящей вспышке гениальной критики на одну секунду предстаёт всё то противостояние, вокруг которого я пытался построить свою книгу, — из трусости оболганное, многожды оспариваемое и всё же бессмертное противостояние музыки и политики, германства и цивилизации. Со стороны Германии это противостояние остаётся медленно осознаваемым настроением, чем-то воистину душевным, не до конца понимаемым и потому не агрессивным. Но со стороны цивилизации это — политическая ненависть: Да и как же это могло быть иначе? Ведь цивилизация прополитичена насковзь, она сама и есть политика, и её ненависть только и может быть, даже вынуждена быть политической ненавистью. Политический дух в качестве демократического Просвещения и «человеческой» цивилизации не только психологически настроен против немцев, но и с необходимостью политически враждебен Германии всюду, где он правит бал. Это-то и определило позицию его внутригерманского приверженца и пророка, каковой под именем литератора цивилизации, призраком скользит по страницам этой книги. Историки ещё продемонстрируют нам, какую роль в духовной подготовке и действительном развязывании мировой войны, войны «цивилизации» *против Германии* сыграли интернациональное масонство и всемирные ложи вольных каменщиков. Что касается меня, то прежде чем появился какой бы то ни было общественно-значимый материал, я уже имел по этому поводу совершенно точные, неопровержимые доказательства. Сегодня нет никакой необходимости утверждать, а тем более доказывать, что французская масонская ложа в политическом смысле идентична радикальной партии, — той радикальной партии, что является во Франции питательной почвой, теплицей для выращивания духовной ненависти к Германии и немецкой сущности. Нет, не *pouveau esprit* (25) молодой Франции питает настоящую германофобию; он тоже воюет с нами, но мы для него тот враг, которого он чтит. Враг Германии в наидуховнейшем, наиболее соответствующем инстинкту, ядовитейшем, смертельнейшем смысле — «пацифистский», «добродетельный», «республиканский» ритор-буржуа и *fils de la*

Revolution (сын Революции), этот прирождённый человек трёх пунктов (Свободы. Равенства. Братства) — вот он-то как раз и был тем, с чьими словами и волей смог объединить свои собственные слова и волю в 1914 году немецкий представитель политического духа, тот самый, что использует новый пафос на службе «человеческой цивилизации»; ведь и тот, и другой всегда говорили на одном и том же отвратительном политическом аргю. Я повторяю: наш представитель политического духа солидаризовался не с рыцарственной враждой извне *pouveau esprit*, каковая в основе своей духовно-нравственно близка Германии, но с политическим, ядовитым врагом, с основателем и акционером *d'un journal qui repand les lumiers*» (26). Это был его герой, его победы он жаждал, о его вторжении в Германию мечтал; какой дешёвкой были его мечты. Триумф одного «идейного милитаризма» (говоря словами Макса Шелера) (27) над другим имел бы мало смысла; принципиальной оказалась бы победа пацифистско-буржуазного «вынужденного милитаризма» (с чёрными армиями) над «идейным милитаризмом»: И вот именно тут, в этом самом пункте расходятся мои мнения с мнениями нового патетика; противоположность наша стала со временем ещё острее; поскольку кое-какие привязанности моего существа и моего бытия толкали меня к тому, чтобы я желал победы Германии.

Это то желание, объяснить и извинить которое у немцев представляется нелёгкой задачей. В стране кантовской эстетики прежде всего следует подчёркивать свою материальную *«незаинтересованность»* в немецкой победе. Я — не богатый юнкер, не крупный промышленник, не связанный с капиталом социал-империалист. У меня нет никаких жизненных интересов в установлении германского торгового могущества, я даже питаю некоторые оппозиционные сомнения в необходимости для Германии великодержавной политики и имперского существования. В конце концов, меня интересует только дух, только «внутренняя политика». Я всем сердцем стою за Германию, не потому что она внешнеполитический конкурент Англии, но потому, что Германия — её духовный противник; а что касается немецкого поборника «человеческой цивилизации», то страх, ненависть и сопротивление вызывает у меня не столько его политическая враждебность к Германии, сколько его духовная анти-немецкость — к тому же и с его стороны «внешняя политика» очень скоро отступила перед «внутренней», политическая враждебность к Германии отошла на второй план по сравнению с духовной анти-немецкостью: вернее сказать, отпала от неё, как шелуха, обнажив ядро. Его политической враждебности больше не на что рассчитывать: вторжение войск цивилизации в Германию

сорвалось. На что бы он ещё может надеяться, так это на духовное вторжение, которое может стать самым мощным и всеобъемлющим *политическим* вторжением Запада, которое когда-либо переживала Германия. Духовное обращение Германии (которое должно стать настоящим превращением, подлинным структурным изменением страны) в страну политическую и демократическую: это то, на что он надеется, — нет, сегодня это становится для него триумфаторской действительностью, как раз в такой степени, благодаря которой он без всякого урона для своей чести может объединить себя и Германию в первом лице множественного лица, чтобы произнести то, чего он ни разу за всю свою жизнь не произносил: «Дорастая до демократии, — написано в одном манифесте литераторов цивилизации, что появился в конце 1917, начале 1918 года, — мы, *немцы*, будем наиболее вооружены опытом. Народ не может добиться власти, не познав, как следует человека и не достигнув известной зрелости в умении управлять жизнью. У народов, которые сами руководят собой, игра социальных сил ни для кого не составляет секрета, там люди, действуя публично и гласно, воспитывают друг в друге знание себе подобных. Но стоит нам прийти в движение внутри страны, тотчас же падают препоны, отделяющие нас от внешнего мира, европейские расстояния сократятся, и мы взглянем на соседние народы, как на родных, идущих с нами одним путём. Пока мы прозябали в застое государственности, они казались нам врагами, обречёнными на смерть, ибо в отличие от нас не закоесли. Разве всякая пертурбация — не признак конца? Разве не гибельно домогаться осуществления идей в боях и кризисах? *Таким должен быть теперь и наш жребий...*» (28)

Какое несказанно-мучительное сопротивление поднимается в моей душе в ответ на эту враждебно-блаженную мягкость, в ответ на эту изящно-стилизованную непристойность! Возможно ли над этим не рассмеяться? Разве не является каждое слово, каждое предложение в этом тексте фальшивым, переведённым, в основе своей неверным, гротескным самообманом, — перепутыванием желаний, инстинктов, потребностей духовно натурализованного во Франции *romancier'a* (романиста) с немецкой действительностью? «Таким должен быть теперь и наш жребий!» Высокий и блестящий жребий, но только возникающий на основе галлизированной литературщины, каковая уже давно с презрением отвергает любые проявления особой этики своего собственного народа и даже само признание существования такой особой этики клеймит позором, как бестиальный национализм, противопоставляя ей гуманитарно-демократический цивилизационный, «общественный» интернационализм, — эта

литературщина мечтает: Раз Германия гибнет, расширяя фундамент для своего политического руководства, и называется это «демократизацией», то у «нас» всё будет так же замечательно, как во Франции! В безумии или в заблуждении литературщина бросает стране и народу тот жребий, который не должен и не может быть их жребием, — разве не так? Я позволю себе немного задержаться перед оборотом «мы, немцы, доросли до демократии» — то есть до той государственной и общественной формы, до которой уже давно «доросли» Парагвай и Португалия. Ещё меньше я готов задерживаться перед парламентскими тирадами о «народах, что сами собой управляют». До этого дело в Германии не дойдёт, *никогда*, сколько бы ни вбухивали «демократии» в страну, *никогда* немецкий человек не доверит «руководить» своей жизнью «более зрелым органам» бульварного моралиста. Никогда немец не будет понимать под словом «жизнь» социальность, никогда он не поставит социальную проблему выше моральной, выше внутреннего переживания. Мы, немцы, вовсе не общественный народ; мы не находка для вульгарных психологов. Я и Мир — вот объекты нашего мышления и творчества, а вовсе не та роль, которую Я видит приготовленной для себя в обществе, вкуче с математически-рационализированным Миром, каковые образуют материал для французских романа и театра — или ещё позавчера образовывали. Понимать под «движением» — и к тому же «внутренним» — только социально-критическо-политическое движение, считать, что немцам к лицу «совершать ужасные перевороты и шататься справа-налево и влево-направо» — вот это я и называю *отчуждением*: отчуждением, которому свойственно проявлять себя в космополитической сфере искусства произведениями вычурной роскоши, но которое в определённый момент не поостережётся совершенно безболезненно для себя превратиться в политического пророка нации, призванного исправить её нравственную жизнь, призванного водить нацию на помочах. Тогда-то и возникают те ошибки, та путаница как раз в том самом пункте, где нам сообщают, будто мы в соседних, «внутренне-подвижных» (милых и дорогих) народах совершенно напрасно видим *врагов*. Не насмеются ль над нами? Мы видим врагов в соседних народах? Право, мы слишком мало сделали для этого утверждения. Наша добродушная неполитическая человечность постоянно позволяла нам предполагать, что возможны «взаимопонимание», дружба, мир, хороший исход любой временной ссоры, и только во время войны с ужасом и трепетом мы вынуждены были узнать как же *они нас* (а не мы их) всё время ненавидели, ненавидели вовсе не по экономическим, но — что значительно ядовитей — по *политическим* причинам. Мы даже не

подозревали, что под прикрытием миролюбивых интернациональных связей в открытом Богу мире ненависть, неутолимая смертная ненависть политической демократии, масонско-республиканского риторика-буржуа образца 1789 года, направленная против нас, против нашего государственного устройства, нашего духовного милитаризма, духа порядка, авторитета и долга, занималась своим проклятым делом...

«Таким должен быть и наш жребий», — а именно: «во время войны и кризиса добиваться воплощения своих идей». Какая глупость! Никогда не станет и не сможет стать призванием и задачей, «жребием» Германии, воплощение политических идей. Политизация духа, как её мыслит литератор цивилизации, наталкивается здесь на глубочайшее, инстинктивнейшее, непоколебимейшее сопротивление, потому как понимание того, что при такой политизации как дух, так и политика пойдут псу под хвост, и что делать философию образом мысли и базисом общества и государства, в равной мере опасно и для той, и для другого, и для третьего, это понимание здесь элементарно, сущностно; оно здесь фундаментальная деталь национальной этики. Проведите опрос среди специалистов, среди знатоков народной души: они дадут вам исчерпывающую справку об ограниченном, сдержанном характере немецкой демократии. Они убедят вас в том, что вовсе не презрение к духу, но *уважение* к нему является причиной этой сдержанности; потому что как раз уважение к духу настраивает людей скептически по отношению к любым программам действий по его политическому «осуществлению». Немецкая демократия не настоящая демократия, поскольку она не политика, не революция. Политизировать её таким образом, чтобы именно в этом пункте исчезла противоположность между Германией и Западом, чтобы именно в этом пункте Германия и Запад сравнялись бы — безумие. Подобный переворот, и это не отрицают его сторонники, может совершиться не благодаря каким-то институтам, избирательным реформам и тому подобному: только полное структурное изменение души, полное преобразование народного характера могут повести за собой такую политизацию — и это, конечно, то, чего *хочет* немецкий *Sapadnik*, то во что он *верит*. Он мечтает и он ошибается. Экономическое уравнивание ради высвобождения индивидуально-творческих сил; государственно-технические педагогические средства исключительно для политических целей, никогда немецкая «демократия» не будет чем-то иным, до той поры покуда она немецкая демократия, то есть в большей степени «немецкая», чем «демократия»; и *никогда* её сутью не станет «политизированный дух», стремящийся воплощать в жизнь «политические идеи» и инсценировать высокоду-

ховные аферы в пространстве между саблей и кидилом с одной стороны «свободой» и «справедливостью» с другой... Разве это не так?

И всё же — какая триумфальная, вовсе не воинственная, но переходящая в счастливую доброжелательность к побеждённым, уверенность слышится в словах этого манифеста! Возможно ли пройти мимо такой пусть и субъективной, но уверенности в победе с небрежным пожиманием плеч? И разве не говорил я сам себе, что надежды литератора цивилизации, его вера, его триумф имеют право на существование? Разве духовно-политическое вторжение Запада, столь же неудачно, как и военное? Такая постановка вопроса неверна с самого начала, ибо сила военного сопротивления Германии, признаем то, что мы давно уже знаем, несоизмерима с силой сопротивления её национального этоса. Духовно-политическое вторжение Запада *не* провалилось и не могло провалиться, поскольку встретилось не с этической слабостью, но с позитивным движением навстречу: пути для этого вторжения были подготовлены не сегодня и даже не вчера. Национальный этос Германии не может сравниться с национальными этосами других стран по части ясности и отчётливости, ему не достаёт «самосознания» в собственном и переносном значении этого слова. Он плохо очерчен; у него столь же «плохие границы» как и у самой Германии. Но величайшей его слабостью является его неготовность к слову. Германия говорит не хорошо, и если ей приходится выражать себя словами, то звучат эти слова нелепо-негативно, всё равно как фраза насчёт того, что это вовсе не германская особенность: «воплощать в жизнь политические идеи». Напротив, у политическо-цивилизаторского этоса в его великодушно-риторическом литературном таланте есть шик и размах наступающих революционных войск, против которых трудно устоять. У этих войск есть восторженные поклонники, друзья, союзники за стенами нашей крепости; предатели из благородства, готовые открыть наши ворота. Скоро будет пятьдесят лет с тех пор, как Достоевский, у которого были глаза, чтобы всё видеть, недоверчиво спрашивал: «Неужели правда, что и в Германии уже силён космополитический радикализм?» (29) Такого рода вопросы, являются по сути дела удивлёнными утверждениями, а само понятие космополитического, или, вернее, интернационального радикализма противоречит утверждению: будто это «ложный образ» нашего современного врага — вера в то, что когда-нибудь национальные демократии смогут слиться в духовно единую или даже мировую демократию. То, что Достоевский называет «космополитическим радикализмом», есть то направление духа, которое ставит своей целью демократическую цивилизацию

«человечества»; *la republique sociale, democratique et universelle*; *empire of human civilisation* (социальную, демократическую, всеобщую республику по-французски; империю человеческой цивилизации по-английски). Мираж, ложный образ наших врагов? Но мираж это или нет: Врагами Германии с безусловной необходимостью вынуждены становиться те, перед чьими глазами проплывает этот «мираж», потому как вполне понятно, что при слиянии национальных демократий в европейскую или в мировую демократию от немецкой сущности не останется ни следа; всемирная демократия, империя цивилизации, «общество человечества» может носить более или менее романский или англосаксонский характер — немецкий дух в этом обществе истребится полностью, он растворится, его больше не будет. Рихард Вагнер объявил однажды, что *цивилизация* рассеется перед *музыкой* (30), как туман рассеивается под лучами солнца. Но то, что однажды музыка исчезнет перед цивилизацией, перед демократией, как туман под лучами солнца, об этом Вагнер и не грезил...

Об этом грезит моя книга, — путано и тяжело и не точно, но это и ничто другое является содержанием её кошмаров. «*Finis musicae*» (31): эти слова обозначают мой страх, но они всего только символ мечты демократии. Движение вперёд от музыки к демократии — именно это имеют в виду, когда говорят о «прогессе». Но когда пытаются утверждать, что Германия в самом деле резко и неудержимо движется в сторону этого прогресса, то это *в конечном счёте* риторический способ разведки. Потому что Германия всё же борется с этим прогрессом, оказывает ему консервативное сопротивление. В самом деле, ведь весь германский консерватизм, вся её меланхолия, наполовину притворная резиньяция, всё её «припадание к груди романтики» и «симпатия к смерти» суть оппозиция этому прогрессу. Германия отрицает любой прогресс, вообще, для того чтобы отринуть вот именно *этот* прогресс; Германия аргументирует чем угодно в споре с этим прогрессом; она заключает сомнительные союзы, атакует «добродетель», побивает «веру» цитатами, вызывающе высказывается о «человечности», только для того, чтобы побороть этот прогресс, прогресс страны от музыки к политике.

Но для чего эти оправдания? Для чего мне постыдная и компрометирующая галерная барщина этой книги, которую никто от меня не требовал и не ждал, и за которую мне не получить ни чести, ни благодарности? В моей ситуации не заботятся о том, о чём *не обязательно* заботиться; в этой ситуации заботятся только о том, что имеет отношение к *своей собственной крови*. Я говорил уже, что у Германии есть враги в её собственном доме,

это — союзники и поборники всемирной демократии. Не означает ли это, что ситуация должна была повториться в моём узком мире, и что я должен был взлелеять в моём собственном консервативном «нутре» те самые элементы, что обеспечивают продвижение Германии по пути прогресса? Не обстоит ли дело так, что моё бытие и — насколько об этом можно вести речь — моя деятельность не в полной мере соответствуют моим мыслям и убеждениям, так что и сам я некоей частью своего бытия способствую продвижению Германии к тому, что в этих заметках названо не слишком точным словом «демократия» и что имеет лишь самую поверхностную связь с всеобщим избирательным правом? И что же это за часть моего бытия? Вероятнее всего — *литературная*? Потому что литература — скажем на это раз то, что мы точно знаем — демократична и цивилизационна в самой своей основе; уточним: литература *то же самое*, что и демократия, что и цивилизация. Стало быть, моё писательство и было тем, чем я со своей радикальной стороны помогал «прогрессу» Германии, *одновременно* с тем, как я пытался этот самый прогресс со своей консервативной стороны остановить?

В том, что я сейчас сказал, и в том, о чём спросил, я собрал все мотивы нижеследующих рассуждений словно в музыкальной прелюдии. Одновременно я объяснил читателям, что это за книга. Она — порождение проблематичности, изображение внутриличностного распада, личных противоречий. Всё это делает эту книгу, каковая и не книга вовсе и не произведение искусства, чем-то совсем иным, чем-то вроде поэзии.

1) «Friedrich und die grosse Koalition» — публицистическая книга Томаса Манна 1915 года, состоящая из трёх статей. «Gedanken im Krieg» («Мысли во время войны»), «Friedrich und die grosse Koalition» («Фридрих и великая коалиция») и «An die Redaktion des «Svenska Dagbladet» Stockholm» («В редакцию «Svenska Dagbladet» Стокгольм») Главное место в книге заняло эссе о Фридрихе II и развязанной им против «великой коалиции» европейских стран Семилетней войны. Эссе носило подзаголовок «Очерк для дня и часа» («Ein Abriss f r den Tag und Stunde»)

2) Речь идёт о первом романе Томаса Манна «Будденброки. История гибели одного семейства» (1901), сразу поставившего молодого писателя в первый ряд не только германской, но и европейской литературы.

3) Просьба о благосклонности (лат.)

4) Томас Карлейль. Французская революция. История. Пер. с англ. Яковенко. — СПб., 1907. — С. 38

5) Клодель П. Благая весть Марии. Мистерия в че-

тырёх действиях с прологом (1912-1948). Пер. Л. Цывьяна. — М., 2006. — С. 180. Над этой мистерией Клодель работал почти пятьдесят лет. Героиня этого мистического произведения, Виолена, заболевает проказой.

6) Имеется в виду Жан-Жак Руссо и его «Исповедь», в которой он сообщает о себе шокирующие вещи от занятий онанизмом и эксгибиционизмом до передачи в сиротские приюты своих собственных детей.

7) Жан-Жак Руссо. Избранные сочинения в трёх томах. Т. 3. «Исповедь» Пер. М. Розанова — М., 1961. — С. 9

8) Платен Август, граф фон Халлермюнде (1796-1835) — поэт, драматург, автор баллад и газелей. Яркий представитель немецкого романтизма. Один из первых гомозротических поэтов в новой европейской лирике. Томас Манн цитирует его 49-ю Газелу из цикла «Газели».

Глупей всех тот, кто полагает, что безгрешен.

Вредней для разума, я знаю, мысли нету.

Грех навсегда для нас закрыл ворота рая,

Но дал нам крылья, чтобы ввысь стремиться к свету.

Не так уж бледен я, чтоб прибегать к румянам.

Узнает мир меня! Прошу простить за это.

(Пер. Е. Соколовой.)

9) Речь идёт о полемике со старшим братом Генрихом Манном, занявшим во время первой мировой войны пацифистскую позицию.

10) (Я не знаю, кто этот мыслитель). Скорее всего, Генрих Манн.

11) Томас Манн имеет в виду следующее рассуждение Ницше в «Воле к власти»: «Девятнадцатый век более животный, подземный: он безобразнее, реалистичнее, грубее и именно поэтому «лучше», «честнее», покорнее всякого рода действительности: истинней; зато слабый волею, зато печальный и томно-вождеющий, зато фаталистичный. Нет страха и благоговения ни перед «разумом», ни перед «сердцем», глубокая убеждённость в господстве влечений» // Ницше Фр. Воля к власти. Пер. Е. Герцык. — Полное собр. соч. в 9 тт. — Т. 9, с. 60

12) Там же, с. 62. Томас Манн неточно цитирует Ницше. Полная цитата такая: «Образ мышления Гегеля не далёк от Гёте: вслушайтесь в слова Гёте о Спинозе. Воля к обожествлению целого и жизни, дабы в их созерцании и исследовании обрести покой и счастье».

13) Там же.

14) Гюстав Флобер. Собр. соч. в 5-ти тт. Т. 4 «Бювар и Пекюше». Пер. И. Мандельштама. — М., 1956, с. 285

15) Герой драмы Генрика Ибсена (1828-1906) «Дикая утка» (1884)

16) Имеется в виду первый роман Томаса Манна «Будденброки»

17) Т. Манн. «Будденброки». Пер. с нем. Нат. Ман. — М., 1982, с. 649

18) Там же.

19) Десятилетие столетия (фр.)

20) Речь идёт о героях последнего романа Флобера Бюваре и Пекуше, двух французских мелких буржуа, одержимых страстью познания.

21) Томас Манн цитирует запись секретаря Гёте, Эккермана, от 14 марта 1830 года. Гёте отвечает на упрёки в недостаточно патриотической позиции, занятой им во время наполеоновских войн. Эккерман И. П. «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни». Пер. Н. Ман. — М., 1986 — с. 595.

22) Tout comprendre c'est tout pardonner. — Всё понять — значит всё простить (фр.).

23) Отравы (англ.)

24) «Мейстерзингеры», то есть «Нюрнбергские мейстерзингеры», — опера Рихарда Вагнера (1813-1883), писавшаяся с 1861 по 1867 годы, впервые поставленная в 1868 году. Томас Манн цитирует фразу из записных книжек Ницше лета-начала осени 1875 года, когда Ницше работал над эссе «Рихард Вагнер в Байрете». В окончательный текст очерка эта фраза не вошла.

25) Новый дух (фр.)

26) Журнал во имя Просвещения (фр.)

27) Макс Шелер (1872-1928) — нем. философ и католический теолог. В 1916 году написал статью «ber Gesinnungs-und-Zweckmilitarismus. Eine Studie zur Psychologie des Militarismus» («Об идейном и вынужденном милитаризме. Очерк психологии милитаризма»). Статья опубликована в его сборнике «Krieg und Aufbau» — Leipzig, 1916

28) Речь идёт о статье Генриха Манна «Жизнь, не разрушение», напечатанной зимой 1917 года в «Berliner Tageblatt». Г. Манн Жизнь, не разрушение. Пер. С. Апта // Г. Манн Собр. соч. в 8 т.т. — т.8 — М., 1958. — С. 286-287.

29) Ф. М. Достоевский. Иностранские события, 1873, 5 ноября // Ф. М. Достоевский. Полное собр. соч. в 30 тт. — Т. 23. — С. 223.

30) Речь идёт о статье Рихарда Вагнера «Бетховен» (1870)

31) Конец музыке (лат.) — по аналогии с восклицанием Тадеуша Костюшко, сдающегося в плен русским войскам: «Finis Poloniae!»

ПРОТЕСТ

В своей болезненно лёгкой, жутковато гениальной манере, которая всегда немножко напоминает безумную болтовню совершенно определённых религиозных персонажей его собственных романов, Достоев-

кий в 1877 году пишет о германском мировом вопросе, о «Германии — стране протестующей» (1). До той поры пишет Достоевский, пока существует Германия, её задачей является протестанство: «... — не та единственно формула этого протестанства, которая определилась при Лютере, а всегдашнее её протестанство, всегдашний *протест* её — против римского мира, начиная с Арминия, против всего, что было Римом и римской задачей, и потом против всего, что от древнего Рима перешло к новому Риму и ко всем тем народам, которые восприняли от Рима его идею, его формулу и стихию, к наследникам Рима и ко всему, что составляет его наследство» (2).

Далее он набрасывает в общих чертах историю римской идеи: начиная с древнего Рима с его мыслью об универсальном объединении человечества, с его верой в практическое воплощение этой мысли в образе всемирной монархии. Эта формула, говорит Достоевский, погибла, но идея не исчезла; потому что эта идея и есть идея европейского человечества, из неё, из этой идеи, выросла цивилизация, для которой оно только и существует. Мысль римской универсальной монархии была заменена мыслью соединением всех во Христе; после чего последовал распад нового идеала на *восточный*, который Достоевский обозначает как идеал исключительно духовного объединения людей, и на *западноевропейский*, римско-католический, папский, в образе которого универсальная идея не обрела новый христианский, духовный характер, но сохранила свой прежний, древнеримский, империалистический. С тех пор, продолжает Достоевский, идея универсального объединения развивалась и непрерывно видоизменялась. Это видоизменение привело к потере значительной части христианских основ идеи. Наследникам древнеримского мира удалось в духовном смысле даже отринуть само христианство, удалось даже отказаться от папства; что и случилось во время Французской революции, которая была ничем иным (в основе своей), как последним преобразованием, последним превращением древнеримской формулы универсального объединения человечества. Воплощение этой идеи — мы всё ещё следуем за мыслью Достоевского — было явно недостаточно. Но та часть человеческого общества, что получила благодаря 1789 году политическое верховенство, а именно буржуазия, была куда как удовлетворена достигнутым; она ликовала и твёрдо стояла на том, что дальше двигаться вовсе не обязательно. Вот тогда-то те самые духи, которые по неотменимым законам природы нужны для вечного покоя мира, для поисков новой формулы идеала и нового слова, поскольку и то, и другое необходимо для развития человека, тогда-то эти духи обратились к униженным и обой-

дённым, к тем, кому новая, революционная формула не дала ничего или дала очень мало: социализм сказал своё новое слово.

А Германия? А немцы? Достоевский пишет: «Характернейшая, существеннейшая черта этого великого, гордого и особого народа, с самой первой минуты его появления в историческом мире, состояла в том, что он никогда не хотел соединиться призванием своим и в началах своих, с крайнезападным европейским миром, то есть со всеми преемниками древнеримского призвания. Он протестовал против этого мира все две тысячи лет, и хоть и не представил (и никогда не представлял ещё) своего слова, своего строго сформулированного идеала, кажется, — (вот сильное место, внезапно ощущается, что это пишет первый психолог мировой литературы) — но — (пишет Достоевский) — кажется, всегда был убеждён, внутри себя, что в состоянии представить это новое слово и повести за собой человечество. Он бился с римским миром ещё во времена Арминия, затем во времена римского христианства он более чем кто-нибудь бился за верховную власть с новым Римом. Наконец, протестовал самым сильным и могучим образом, выводя новую формулу протеста уже из самых духовных, стихийных основ германского мира: он провозгласил свободу исследования и воздвиг знамя Лютера. Разрыв был страшный и мировой, формула протеста нашлась и восполнилась, хотя всё ещё отрицательная, хотя всё ещё новое и положительное слово сказано ещё не было...» (3)

После этого деяния, рассуждает Достоевский приблизительно таким образом, германский дух умер на долгое время. Зато западный мир, под влиянием открытия Америки, новых знаний, новых принципов, «искал переродиться в новую истину» (4), вступить в новую фазу; и первый опыт этого преобразования — революция. Какое запутанное явление для германского духа! В принципах революции, утверждает Достоевский, германский дух понимает так же мало, как романский — в основах Реформации; да, немцы оказываются близки к тому, чтобы утратить свою индивидуальность и потерять веру в себя. «Он ничего не мог сказать против новых идей крайнезападного европейского мира. Лютерово протестантство уже отжило своё время давно, идея же свободного исследования давно уже принята была всемирной наукой. Огромный организм Германии почувствовал более чем кто-нибудь, что он не имеет, так сказать, плоти и формы для своего выражения. Вот тогда-то в нём родилась настоящая потребность хотя бы сплотиться только наружно в единый стройный организм, ввиду новых, грядущих фазисов его вечной борьбы с крайнезападным миром Европы...»(5)

Тот, кто предаётся духовному созерцанию великих потрясений, разрушительных катастроф, рискует быть заподозрённым в особого рода тщеславии — щекотать свои нервы шутками в виду землетрясения. При серьёзных и страшных обстоятельствах дух легко предстаёт фривольностью. Однако вне духа невозможно познать ни одну вещь, даже самую маленькую и ничтожную, не говоря уже о великих исторических феноменах. У всех этих феноменов — два лика. Удалите из Французской революции «философию», останется один лишь голодный бунт. Останется переворот в имущественных отношениях. Но кто же станет отрицать, что трактовать Французскую революцию таким образом, означает несправедливо её унижать? То же самое можно сказать и о событиях наших дней, совершенно невозможно согласиться с рассерженными пуристами, которые из вполне объяснимого отвращения перед фельетонной философией, настаивают на том, что единственная реальность этой войны и есть сама война, а именно безымянная беда, и было бы наглым кощунством лгать об этой мерзкой действительности, приукрашивать её, внося в беду и бойню всемирно-исторический смысл, да ещё пытаясь этот всемирно-исторический смысл как-то истолковать. Требование подобного абсентеизма негуманно, хотя оно и проистекает из гуманистической боли по распаду братства. Не всегда гуманистическое то же, что и гуманное.

Взгляды Достоевского на европейскую историю или в гораздо большей степени на противоречивую роль в этой истории Германии, не столько верны, сколько остроумны. То, что в его толкованиях полно вольностей, односторонностей, даже ошибок, я думаю, и так заметно. Например, когда он рассуждает о том, что развитие римской объединительной идеи в революции привело к утрате *существенной* части христианских основ этой идеи, он (как мне кажется) путает то, что спутала и сама революция, а именно христианство с церковью; потому что все культы разума, вся ненависть к клиру, все разнузданные издёвки над догмами и легендами позитивной религии, вообще, и «выблядком неверной жены», в частности, не могут помешать увидеть то, что в основе революции, настолько насколько она несёт на себе отпечаток духа Руссо, лежит лучшая часть христианства, христианской универсальности, христианской восприимчивости. Недаром в своём письме к папе римскому madame Ролан пишет о «тех евангельских принципах, которыми дышит чистейшая демократия, нежнейшая любовь к человеку и совершеннейшее равенство» (6). Точно так же очень легко установить, что и до сего дня всякий руссоизм, всякая радикальная демократия, любое революционное эпигонство всегда готовы поморализовать в христианском стиле, даже вполне сознательно клясться именем

христианства. В конце концов, есть что-то справедливое в том, что с вражеской стороны, из лагеря цивилизации в Германию и в немцев могли быть брошены упрёки в *язычестве*, в тайном поклонении Одину, — что-то справедливое (я так полагаю) есть и в шутке, сложившейся в нашей среде, мол, единственные христиане в Германии это — евреи. — Что же до отношения германского духа к римскому миру, то здесь (как мне кажется) Достоевский из двух великих символических событий и переживаний видит только одно: он видит немецкое событие «Лютер в Риме», но не видит другого, для многих немцев куда более важного и дорогого события: «Гёте в Риме» — на что, разумеется, есть свои причины.

Достоевское *Apercu* (7) — великолепно и одностронне, но оно — глубоко и истинно, — ведь надо вспомнить то, что истинные мысли не во все времена одинаково истинны. Достоевский писал свои рассуждения под влиянием личности Бисмарка, несколько лет спустя после франко-прусской войны, и тогда они были в высшей степени истинны. В межвременье они потеряли интенсивность истины; мы могли их читать, не чувствуя себя чем-то особенным задетыми, мы могли читать, не чувствуя их правоту, даже не понимая их. Сегодня нам не обязательно даже читать эти рассуждения, чтобы понять их, чтобы ощутить их истинность. Потому что это — военная мысль, исполненная военной истиной, так что в войну эта мысль о «протестующей стране» вспыхивает со всей силой правды, сияет для каждого, — да, относительно этой мысли сейчас наступает полная и всеобщая ясность: в этом пункте Германия согласна со всеми своими врагами, не только с внешними, но и с так называемыми внутренними, с теми, кто, находясь среди нас, протестует против немецкого протеста, — с тем, обращённым к Западу всей своей набожной любовью, духом, о котором я намереваюсь ещё поговорить. Итак, я утверждаю, что все, друзья и враги, были и остаются согласны в одном, даже если убеждения у них разные, — ведь мнения и убеждения это далеко не одно и то же. Например, когда Ромен Роллан в своей военной книге (8) пишет о моей статье, которую, возможно, помнят некоторые читатели («Мысли во время войны», ноябрь 1914), де, я напоминаю бешеного быка, со склонённой башкой мчащегося на шпагу матадора; ибо все обвинения по адресу Германии, я воспринимаю как германские титулы славы, чем предоставляю нашим врагам идейное оружие, — попросту говоря, совершенно неожиданно *соглашаюсь* с ними; так вот в этом случае Ромен Роллан тем самым и демонстрирует ту границу между мнением и убеждением, на которой жидется всякая духовная вражда. Потому что там, где нет никакой общности мыслей, там и не может быть никакой

вражды, там царит равнодушная отчуждённость. Только там, где думают одинаково, а воспринимают продуманное по-разному, рождается вражда, там растёт ненависть. В конечном счёте речь идёт о европейской *братской войне*, дорогой и любимый господин Роллан.

Итак, я полагаю, что сейчас наступила всеобъемлющая ясность относительно того, что духовные корни этой войны, которую с полным на то правом называют «немецкой войной», обнаруживаются во врождённом, историческом «протестантстве» Германии; и что сама эта война означает новый взрыв великолепной, как полагают многие, последней, древней немецкой борьбы против духа Запада, или борьбы римского мира против своевольной Германии. Я не могу не понять то, что весь немецкий «патриотизм» — и как раз именно тот, что проявился инстинктивным, неожиданным или мало ожидаемым образом — всем своим существом и существованием принадлежит и принадлежал к инстинктивной, прирождённой и лишь потом отрешённой протестантской партийности; что Германия в этой войне развёрнута лицом к Западу, несмотря на огромную физическую опасность, которая угрожала ей и не перестаёт угрожать с Востока. Восточная опасность была ужасна, так что пять армейских корпусов пришлось снять с западного фронта, в результате чего французы и получили свою *grande victoire sur la Marne* (9), — но любой из нас согласится, если бы его спросили, так было нужно, чтобы предотвратить развитие событий в Восточной Пруссии. Это не мешает признать тот факт, что опасная, необузданная Россия в нынешней войне является, к сожалению, всего только орудием Запада; что сегодня к сожалению следует принимать во внимание насколько она либерализуется на западный лад, — как раз таки в качестве члена Антанты, в которую она вступила не столько в политическом, сколько в духовном смысле (вестернизация России идёт вовсе неплохо, что доказывает захватывающая беседа, которую вели русский министр иностранных дел Сазонов и английский романист о христианско-гуманистическом смирении грешника и о невыносимом «жестоком морализме» пруссачества, — великолепная, остроумная беседа, над которой совершенно неподобающим образом пытались иронизировать в нашей печати) (10): я повторяю, Россия — всего только член Антанты, к которой присоединилась и Америка, объединения западного мира, наследников Рима, «цивилизации» против Германии, протестующей с такой древней мощью, с какой только и может протестовать, страна.

1) Ф.М. Достоевский. Дневник писателя// Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. — т. 25. — М., 1983. — С. 151

- 2) Там же.
- 3) Там же, с.153
- 4) Там же.
- 5) Там же.

6) Имеется в виду письмо, которое написала французская революционерка, одна из лидеров партии жирондистов, Манон Жанна Ролан (1754–1793) папе Пие VI, в связи с отлучением от церкви тех священников, что присягнули французской республике. Ролан была казнена в 1793 году крайними революционерами, якобинцами.

7) Заметка (фр.)

8) Имеется в виду публицистическая книга Ромена Роллана времён Первой мировой войны «Au dessus de la mêlée» («Над схваткой»), полемике с которой посвящена большая часть главы «Против права и правды» в «Рассуждениях аполитичного».

9) Великую победу на Марне (фр.). Осенью 1914 года на реке Марне англо-французскими войсками было остановлено немецкое наступление на Париж.

10) Речь идёт о беседе российского министра иностранных дел, Сазонова и Герберта Уэллса зимой 1914 года, во время первого посещения английским фантастом России.

НЕЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНА

Очень много самообуздания в том, что Достоевский называет немцев «великим, гордым и особым народом», ибо мы знаем, как он был далёк от того, чтобы полюбить Германию, — не из-за чрезмерной симпатии к «крайнезападному миру», но как раз из-за того, что в его глазах Германия несмотря на весь свой протестантизм принадлежала к «ветреной Европе», которую он до глубины души презирал. Итак, самообуздание и справедливая взвешенность, как следствия великого, свободного, исторического мировоззрения, определили то, как он говорил о Германии. Потому что вместо «гордого и особого» он вполне мог бы сказать «упрямый, тупой, злой» — и это было бы во много раз мягче тех определений, которыми нас со всем своим великодушием привык награждать римский Запад во время войны. На самом-то деле достоевская формула немецкой сущности, немецкой личности, вечно-немецкого содержит в себе полное обоснование и объяснение немецкого одиночества между Востоком и Западом, отторгнутости от всего мира Германии; антипатии, ненависти, которые вынуждена сносить Германия, от которых она вынуждена защищаться — защищаться вне себя от изумления и от боли, которую ей причиняет ненависть всего мира; этой ненависти Германии не понять, поскольку в деле познания духа она

продвинулась не так уж далеко — а так же обоснование и объяснение её чудовищной *храбрости*, с которой она без колебаний бросается в бой с обступившим её миром, римским Западом, который сегодня повсюду, на востоке, на юге, даже на севере, даже за океаном, где стоит новый Капитолий, — той слепогероической храбрости, с которой Германия отражает удары, сыплющиеся на неё со всех сторон... Формулой Достоевского объясняется также и добрый смысл упрёка в «варварстве», поскольку наследники Рима, в самом деле, как бы они ни были умелы в словесном искусстве, не смогли найти ничего лучше, проще, агитационнее, чем это слово, обозначающее то самое, что с первой минуты своего существования протестовало против их мира. Потому что самое худшее не то, что Германия никогда не хотела объединить свою волю и своё слово с римской цивилизацией: То, что она противопоставляла цивилизации была только её воля, её упрямая, своеобразная, туповатая, «особая» воля — но не её слово, потому что у Германии — нет своего особенного слова, Германия — бессловесна, Германия не любит слова, как любит слова и верит словам цивилизация; Германия оказывает цивилизации немое, неартикулируемое сопротивление, и можно не сомневаться в том, что само по себе сопротивление в гораздо меньшей степени воспринимается цивилизацией ненавистным и «варварским», чем то, что оно — бессловесно и неартикулируемо. Слово, формулировка воли, как и всё, что имеет дело с формой, действует умиротворяюще, выигрышно; В конце концов, можно примириться с любым родом воли, если они — прекрасны, роскошны, убедительны и ясно-программны. Слово — незаменимо там, где нужно вызвать симпатию. Для чего великанская храбрость без великопленного слова? Для чего нужно туповато-упрямое убеждение в том, что мы, мол, «в состоянии представить это новое слово и повести за собой человечество», если в решающее мгновение не мочь, да и не хотеть говорить — (потому что одно проистекает из другого: «Мочь» — следствие «хотеть»). Красноречие — следствие любви к слову, как, впрочем, и любовь к слову — следствие красноречия). Без слов невозможно вести человечество. Великанская храбрость — варварская храбрость, если у неё нет чётко сформулированного идеала, которому она служит. Только слово делает жизнь достойной человека. Бессловесность недостойна человека, она — антигуманна. Не только гуманизм — гуманность, вообще, человеческое достоинство, уважение к человеку, человеческое самоуважение согласно врождённому, вечному убеждению римской цивилизации неразрывно связаны с литературой. Не с музыкой — или, во всяком случае, не необходимо с ней. Напротив, связи музыки с гуманностью слабее, чем с

литературой, так что музыкальная жизненная установка для литературного понимания добродетели, по меньшей мере, недостаточна, по меньшей мере, подозрительна. Так же обстоит дело и с поэзией: поэзия в этом отношении подобна музыке; слово и дух играют в ней чересчур опосредованную, непрямую, лукавую и явно недостаточную роль. Поэзия — вовсе не литература, она — не чётко проартикулированный дух, — а вот цивилизация и литература — это одно и то же.

Римский Запад — насквозь литературен: это отделяет его от германского — или точнее — от немецкого мира, который непременно и безусловно не литературен. Литературная гуманность, наследие Рима, классический жест, классический разум, роскошное слово, соединённое с роскошным жестом, прекрасные, волнующие человеческие сердца, славящие красоту и достоинство человека фразы, академическая риторика во имя рода человеческого — вот это и есть то, что делает на римском Западе жизнь достойной жизни, то, что делает человека человеком. Это тот дух, великим временем которого была революция, это — её дух, её «классическая модель», тот дух, что застыл в якобинце схоластически-литературными формулами, доктринами убийц, тираническим педантизмом учителя средней школы. Адвокат и литератор — его мастера, вожди «третьего сословия» и его эмансипации, вожди Просвещения, разума, прогресса, «философии» против *seigneurs* (1), авторитета, традиции, истории, «власти», монархии и церкви, — вожди духа, который они считали единственным, безусловно и слепительно верным духом, духом самим по себе, духом, как таковым, тогда, как он был всего только политическим духом буржуазной революции, тот дух, который они знали, который они имели в виду. То, что «дух» в этом политико-цивилизационном смысле был только *делом* буржуазии, но не её открытием (поскольку дух и образование во Франции по своему происхождению вовсе не буржуазны, но сеньориально-аристократичны, буржуа только узурпировал их) — это исторический факт, который совершенно бесполезно оспаривать. Представителем этого духа и стал красноречивый буржуа, литературный адвокат третьего сословия, защитник его духовных, а также (об этом не следует забывать) и материальных интересов. Его победное шествие, процесс его распространения, каковые обусловлены присущей ему взрывной, агитационной силой, могут стать предвестием полного обуржуазивания, полной литературизации мира. Ведь то, что мы называем «цивилизацией»; то, что само себя так называет, есть ни что иное, как это самое победное шествие, распространение буржуазно-политизированного и литературного духа; колонизация им всей обжитой зем-

ли. *Колониализм цивилизации* — последняя форма римской объединительной идеи, против которой «протестует» Германия; и ни против какого другого проявления римского наследия не протестует она столь страстно, ни против чего иного не готова она вести столь ужасающую войну, как против этого. Соглашение и объединение всех тех общностей, которые принадлежат империи буржуазного духа, зовётся ныне «entente» — французским словом, как справедливо! — это правильно, это, в самом деле, *Entente cordiale* (2), союз, несмотря на некоторые температурные различия и внешнеполитические споры, полный сердечнейшего согласия, в духовном, существенном смысле: союз, направленный против протестующей, борющейся с окончательным укреплением этой империи, Германии. Битва Арминия в тевтобургском лесу, борьба против римского папства, Виттенберг, 1813, 1870, — всё это были детские игры по сравнению с ужасающей, головоломной, в великолепнейшем смысле неразумной войной против мировой *Entente* цивилизации, которую взвалила на себя Германия с истинно-немецким послушанием судьбе — или, если выразить эту мысль не так резко — с истинно-немецким послушанием своей миссии, своей вечной, прирождённой миссии.

1) Сеньоров (фр.)

2) Сердечное согласие (фр.) — тройственный союз Англии, Франции и России, направленный против Германии и Австро-Венгрии.

ИРОНИЯ И РАДИКАЛИЗМ

Это — противоположности, «или — или». У духовного человека есть только один выбор (*насколько* у него, вообще, он есть): быть или иронистом, или радикалом; третьего не дано, по крайней мере, приличного третьего. Для чего человек духа окажется более приспособлен, это — вопрос последней аргументации. Это решается тем, какой аргумент будет для него последним, решительным и абсолютным: жизнь или дух (дух как истина или как справедливость, или как чистота). Для радикалов жизнь не является серьёзным аргументом. *Fiat justitia* или *veritas* или *libertas*, *fiat spiritus* — *pereat mundus et vita!* (Да здравствует справедливость или истина или свобода, да здравствует дух — да погибнет мир и жизнь!) Так говорит всякий радикализм. «Может ли истина быть аргументом, — если эта истина стоит жизни?» А этот вопрос — формула иронии.

Радикализм — это нигилизм. Иронист — консервативен. Однако консерватизм только тогда ироничен, ког-

да он голос не самой жизни, каковая и хочет быть самой собой и ничем больше, но голос духа, который хочет быть жизнью.

Здесь в игру вступает эрос. Эрос часто определяют, как «оправдание человека вне зависимости от его объективной ценности». Ну, это не слишком духовное, не слишком моральное оправдание; нельзя сказать, чтобы это было оправдание жизни духом. Это оправдание — иронично. Эрос — иронист. А ирония всегда эротика.

Отношения между жизнью и духом в высшей степени деликатны, тяжелы, возбудимы, болезненны, нагружены иронией и эротикой; эти отношения не имеют ничего общего с фразой, которую я вычитал у одного активиста: дескать, надо с помощью духа так изменить мир, что «дух миру больше не понадобится». Этот оборот я знаю. В современной литературе уже шла речь о тех, кому «дух больше не понадобится», — однако наделённых тем тайным желанием, каковое собственно и является философским и поэтическим отношением духа к жизни, а может быть и самим духом. Устроить жизнь таким образом, чтобы дух (а также искусство?) «больше не понадобился бы»? Разве это не утопия? Но это — нигилистическая утопия; утопия, рождённая ненавистью и тираническим отрицанием, фанатизмом чистоты. Это — стерильная утопия абсолютного духа, «духа для духа», который жёстче и холоднее, чем какой-нибудь *l'art pour l'art* (1), который не разрешает себе удивляться даже в том случае, если ему ни на гран, ни на грош не доверяет сама жизнь. Именно желание шныряет между духом и жизнью туда и обратно. Ведь жизни тоже требуется дух. Два мира, отношения между которыми эротичны, хотя половая принадлежность у них совсем не проявлена; нельзя же сказать, какой из них воплощает женский, а какой мужской принцип: это и есть жизнь и дух. Поэтому между ними не может быть полного слияния, а только короткая, обманная иллюзия слияния и понимания, вечное напряжение без развязки... *В этом и заключается проблема красоты*, ведь «красотой» дух считает жизнь, а жизнь соответственно дух... Любящий дух не фанатичен, он — остроумен, он — политичен, он агитирует и вербует, и его агитация есть эротическая ирония. Для этого есть политический термин; он называется «консерватизмом». Что такое консерватизм? Эротическая ирония духа.

Пришло время поговорить об искусстве. Сегодня полагают, будто искусство должно быть целенаправленным, будто оно должно исходить из целей усовершенствования мира и иметь моральные последствия. Что ж! — способ художника *усовершенствовать* мир и жизнь изначально иной, чем политико-улучшательский: это — просветление

и возвеличивание мира. Первоначальное, естественное, «наивное» искусство было прославлением и празднованием жизни, красоты, героя, великих подвигов; искусство протягивало жизни зеркало, в котором жизнь видела своё отражение в счастливо украшенной, очищенной истине: благодаря этому жизнь снова охватывала страсть к самой себе. Искусство было стимулом, приглашением к жизни; да оно таким по большей (и лучшей) части и осталось. То, что сделало его проблематичным, что усложнило его характер, было связью искусства с *духом*, чистым духом, с критическим, отрицательным и уничтожительным принципом, — связью, исполненной волшебной парадоксальности, поскольку в ней соединялось интимнейшее, чувственно одарённое утверждение жизни с доведённым до самого последнего, логического конца нигилистическим пафосом радикальной критики. Искусство, творчество перестали быть наивными, они стали, употребим более старый термин «сентиментальными» или, как говорят сегодня «интеллектуальными». Искусство, творчество теперь не только жизнь, но и *критика* жизни, причём критика, которая куда страшнее, куда сокрушительнее, чем критика жизни чистым духом, ибо средства искусства богаче, духовнее, многообразнее — и приятнее.

Итак, искусство сделалось моральным — и ему достало уколов со стороны скептической психологии, захотевшей узнать, каким образом честолюбие позволило искусству усилить и углубить своё влияние; ибо влияние самой психологии сходило на нет; её морализм воспринимался не очень-то моральным; хоть она и обретала своё достоинство благодаря ему, или полагала, что его обретает; талант, он же, по самой природе своей — что-то низменное, обезьяннее, однако предполагающее торжественность, и для того, чтобы достичь её, дух может очень и очень пригодиться. В полном одиночестве психология попыталась приблизиться к искусству, к этому таинственному существу с плотно закрытыми глазами, серьёзному в игре, игровому в насмерть-серьёзности; раз и навсегда потрясающему людские сердца до несказанных рыданий или до невыразимого смеха и чем! — обманом, блистательным подражательством, спиритуальным жонглёрством! Искусство, заключив союз с моралью, то есть, с радикально-критическим духом, не потеряло ничего от своей природы возбудителя жизни: оно не смогло обогнуть жизнь, даже когда оно этого хотело — а оно верит в это, или ему кажется, что оно в это верит — пусть искусство притаскивает жизнь для вивисекции, для чувственно-сверхчувственного разглядывания, интенсивнейшего самопознания и самовчувствования, оно только вдохнёт тем самым новую страсть к жизни, иначе оно, по самой

своей природе, не может, даже в тех случаях, где его критицизм кажется таким радикальным, таким нигилистическим, яростно-враждебным жизни.

А мы знаем такие случаи, «Крейцера соната» Толстого — один из них; здесь искусство «предает» себя в двойном смысле, предаёт своё существо и своё существование, ибо для того, чтобы атаковать жизнь, оно должно напасть и на самого себя. Талантливый профетизм обличает искусство и славит целомудрие. Ему возражают: тогда иссякнет жизнь. Художник-пророк отвечает: Да будет так! — Это говорит дух. «Разве жизнь является аргументом?» Это его вопрос и он, конечно, вынуждает к молчанию. Но насколько же это нелепо, какое в этом заключено детское противоречие: задавать людям подобный вопрос, излагать подобное учение в форме художественного рассказа, то есть, в форме, приносящей эстетическое удовольствие!

Однако как раз это удивительное противоречие и делает искусство таким дорогим, таким любимым, таким сверхценным; искусство дорого и любимо потому, что оно может являться, да и является одновременно и наслаждением, и наказанием, и прославлением жизни весёлыми образами, и критически-моральным её уничтожением; искусство в той же мере порождает наслаждение, в какой и муки совести. Миссия искусства в том и заключается, что оно, скажем дипломатическим языком, поддерживает хорошие отношения и с жизнью, и с чистым духом; да, да, оно одновременно и консервативно, и радикально; смысл искусства в его посредничестве, в его срединном положении между духом и жизнью. Здесь — источник иронии... Но здесь так же скрыто (уж если оно, вообще, имеется) родство и сходство искусства с политикой: ибо политика, на свой, конечно, лад, тоже является посредником между жизнью и чистым духом; политика тоже не заслуживает своего имени, если она не консервативна, или не *радикальна-деструктивна!* Однако было бы заблуждением из-за сходства ситуаций превращать художника в политика, ибо задача художника — будить *совесть* ни в каком случае не является политической задачей, а только и исключительно — религиозной. Однажды один великий психолог и психитор назвал совесть «социальным страхом» (2). Это, при всём моём уважении к ученому, неприятно «современное» определение; типичный пример того, как ныне готовы растворить любую нравственность и любую религиозность в социальности. Я хотел бы знать, какое дело было Лютеру до какой бы то ни было общественной идее в его одинокой нужде и монастырских муках совести, прежде чем он совершенно непредвиденным образом стал реформатором и тем самым сделался социален? Но если кто-нибудь назовёт задачей искусства

поставить жизнь перед судом чистого духа, чтобы *разбудить Божий страх*, я не буду ему возражать.

Нельзя сказать, чтобы восприятие мира с точки зрения радикального духа так уж подходило бы искусству. Личные впечатления и переживания пропитываются в этом случае постоянной яростью против всех тех явлений, какие предлагает глазу, к примеру, во время путешествия человеческая государственная или общественная жизнь. «Дух» видит церкви-фабрики-пролетариев-военных-полицейских-проституток-мощь техники и индустрии, тысячи форм жизни, выросших из человеческого мира. Всё это — тупо, грубо, пошло и противно духу, то есть, целомудренному Ничто. «Духовный» человек, вообще, никогда не выходит из состояния раздражения, тихой ярости и внутренних противоречий, ненависти и протеста. Что общего имеет такое настроение жизни, непрерывное отрицание всего и вся во имя пристойного Ничто, с искусством, об этом придётся спрашивать у тех, кто путает художника с интеллектуалом; я на этот вопрос ответить не могу. Искусство, навеки присвоившее себе политико-критический взгляд; искусство, разучившееся смотреть на мир по-детски, непосредственно, религиозно; искусство, переставшее видеть в вещи существо, прекрасно чувствующее себя в Божьем своём, естественном состоянии; искусство, не позволяющее вещи радостно взглянуть на себя со стороны и вновь вернуться к себе же: нет, я не верю в то, что такое искусство сможет хоть как-то справиться со своими специфическими задачами.

Но если искусство не может не быть ироничным, то, стало быть, оно — иронично? Совершенно очевидно, что срединное, посредническое положение искусства между духом и жизнью превращает иронию в нечто ему глубоко родственное. И если я и не говорю, что искусство всегда должно быть ироничным, то всё ж таки называю иронию, в отличие от радикализма, художественным элементом; поскольку дух иронии — консервативный и эротичный, тогда как дух радикализма — нигилистичен и самодостаточен.

Однако ирония всегда ирония, она обоюдоостра; она направлена, как против жизни, так и против духа. Это придаёт величие её жесту, это наделяет её меланхолией и скромностью. Искусство тоже меланхолично и скромно, в той же степени, в какой оно — иронично, — или, скажем точнее: таков человек искусства. Ибо область нравственного — это область личностного, личного. Стало быть, художник настолько, насколько он ироничен, настолько же скромен и меланхоличен; «страсть», великие жесты, великие слова не даются ему, духовно ему нипочём не

достичь спокойного достоинства. В этом ему мешают проблемы его срединного положения, его смешанная природа, состоящая из чувственности и духа; коротко говоря, в этом ему мешают «две души в одном сердце». Жизнь художника ни в каком случае не достойная жизнь, путь к красоте вовсе не путь к достоинству. Ведь именно красота и духовна, и чувственна («только одной красоте выпало на долю быть наиболее зримой и привлекательной» (3), — говорит Платон), так что она-то и становится дорогой художника к духу. Но если бы кто-то смог достичь мудрости и человеческого достоинства на той дороге, что ведёт к духовному через чувственное, о! вот этот-то вариант я сделал весьма проблематичным, весьма сомнительным в одном своём рассказе, в нём я попытался изобразить художника, «обладающего достоинством», но всё одно оставшегося безалаберным распустихой и авантюристом духа; мастерство его стиля — ложь и фиглярство, уважаемое положение — шутовство, «доверие масс» — смехотворно, а воспитание искусством народа и молодёжи — рискованное, если не вовсе запретное занятие.

Покуда я пытался понимать всё это меланхолически-иронически, я оставался верен себе, — это была та грань, за которую я не переступал. Совсем молодым, я послал автобиографический очерк в журнал, попросивший меня об этом. В очерке я писал: «Те, кто листали мои произведения, помнят, что я постоянно с огромным недоверием относился к внешним формам жизни художника, поэта. В самом деле, никогда не иссякнет моё удивление той чести, которую оказывает общество этой специальности. Я знаю, что такое поэт, поскольку сам до известной степени им являюсь. Коротко говоря, поэт — парень, не приспособленный ни к какой серьёзной деятельности, думающий только о пустяках; не то, что необходимый, но даже и не оседлый член общества; ему вовсе не нужно обладать каким-нибудь особым даром понимания, напротив, у него очень медленный, совсем не острый ум, такой, как у меня, — кроме того, поэт непременно инфантилен, склонен к излишствам, словом, в любом случае он — подозрительный шарлатан, который не может, да и не должен рассчитывать ни на что от общества, кроме разве что тихого презрения. Однако фактом является то, что общество предоставляет такому типу людей всевозможные почести» (4). — Это была ирония юного артиста, а я прекрасно знаю, что ирония, будь в ней даже что-то «интеллектуальное», всё равно становится *vieux jeu* (старинной забавой), знаком бюргерства и трусливого квиетизма. Ныне пришёл активист — *pulcher et fortissimus* (5). И всё же, с тихой оглядкой, я спрашиваю себя: не является ли ироническая скромность единственно воз-

можным *приличным* отношением художника даже не к искусству, но к жизни искусством.

Замечательно, что воля художника *судить* жизнь и человеческое существование с точки зрения чистого духа, обнаруживает меньший недостаток иронии, меланхолии и скромности, чем воля этот самый мир *улучшить* в политическом смысле. Но для того, чтобы такое желание вообще появилось, как правило, необходима ошибка. Почему бы не привести пример из моей собственной практики? Это удобнее, поскольку примеры всегда под рукой. Критика новогерманской средней школы в финале «Будденброков», — разве не имеет она отношение в высшей степени отважным, хотя и опосредованным образом к школьной реформе? Да, конечно, она является обвинением, но совершенно не обоснованным, не обусловленным законом и обществом, обвинением: это обвинение обусловлено и обосновано только природой того, кто пережил, кто прошёл через этот социальный институт; того, глазами которого этот институт виден. В «Будденброках», конечно, кое-что отрицается, — но это «кое-что» не столько даже новогерманская, средняя школа, которой, разумеется, тоже придётся скверно, но, главным образом, маленький принц распада и музыкальный экстремист Ганно Будденброк; он отрицается самой жизнью, чьим символом и пророческим абрисом как раз и оказывается средняя школа. Искусство — разве не является оно критикой жизни, производимой через маленького Ганно? Совершенно очевидно, что иные чувствуют себя в жизни вполне уютно, как рыбы в воде, — именно так чувствуют себя товарищи Ганно по школе. А он, через чью восприимчивость дана школа, и дана как нечто уродливое, мучительное, тупое, отвратительное; в основе своей далёк от того, чтобы считать свои впечатления и переживания такими же, как и у всех; ибо он понимает себя, как чрезвычайно возбудимое исключение, а не правило. Это — его гордость и его скромность, и это (как мне кажется) и есть гордость и скромность художника перед жизнью. Использовать критику жизни искусством в качестве «улучшательских», пропагандистских средств, в основе своей незаконно; ни школа, ни жизнь, вообще, не могут быть так устроены, чтобы в высшей степени нравственная и эстетическая возбудимость, чтобы сенситивность и духовность чувствовали бы себя там, как дома. Такая критика оказывает порой смягчающее, улучшающее воздействие на реальность, то есть, политическое воздействие, (ведь возбудимое исключение, если и не может быть мерилем политики, но зато вполне может представлять совесть человечества, причём в её высшем, мягком, эстетико-нравственном смысле, и против собственной воли, да, да! против собственной воли может стать его *страдающим*

вождём) — только по этой причине художественная критика жизни и оказывает улучшающее, облагораживающее, нравственное, ведущее к счастью воздействие — но это вовсе другое дело, вещь для себя, ни в коем случае она не может привести к тому, чтобы искусство, только потому, что оно может иметь политические последствия, определяли бы как политический инструмент, чтобы из художника делали бы политика. Искусство, исказившее свой особый, иронический вождизм таким образом, чтобы он стал пониматься политически; искусство, принявшее действовать в согласии с этим пониманием, очень скоро скатилось бы к самоуверенности и нравственной закрытости, к немучительному шутовству добродетели, — происшествие, за которым очень скоро последовало бы филистерство уважительности и руководство народными массами — и не раз уж следовало.

Ирония, как скромность, как обращённый в прошлое скепсис — это форма морали, личная этика, «внутренняя политика». Однако любая политика в гражданском смысле, а также и с точки зрения деятеля духа, активиста, есть внешняя политика. Перечислим всё, что не позволяет художнику стать политиком или превращает его в невозможного, небывалого политика. Это то соображение, что для искусства ни одна определённая государственная форма не может считаться единственным условием жизни и *sine qua non* существования, ибо искусство может процветать при самых разных условиях. Это врождённое искусству отвращение перед тупостью и нежелание подлимантски вмешиваться в запутаннейшие, сложнейшие обстоятельства. Это понимание того, что работа художника в высшей степени тонкая, ответственная и саморазрушительная работа, каковая оставляет слишком мало сил для того, чтобы быть ещё и политическим горлопаном. Но все эти помехи не сравнятся по своей силе с той, что я назвал скромностью, скромностью, обращённого в прошлое, скепсиса. Художник, который столь удовлетворён своей иронией и своей человеческой сутью, столь доволен своей работой и так уверен в своём положении в обществе; художник, у которого совесть столь спокойна, что, подобно мелкому буржуа, он с достоинством шествует к избирательной урне, чтобы осуществить свои права избирателя, да хоть и по новой, реформированной, прусской системе — такой художник непредставим. Но откуда же я возьму слова, чтобы обозначить ту степень непонимания, удивления, отвращения, *презрения*, какую вызывают у меня романские поэты-политики и глашатаи войны вроде Габриэля д'Аннунцио(7)? Неужели такой вот ритордемагог никогда не бывает один? Неужели он всегда «на балконе»? Неужели он не знает, что такое одиночество, отчаяние, мука и забота о своей собственной душе и о

своём труде; неужели у него нет ни грана иронии по отношению к собственной славе, неужели он не испытывает ни малейшей неловкости, когда ему воздают «почести»? В романских странах *всерьёз*, пусть и на время, воспринимали таких тщеславных, опьянённых славой, дураков от искусства! Никто не поднялся с места и не сказал: «Уж если он так хорошо знает современность, то я-то куда как хорошо знаю все его капризы и причуды — шёл вон, шут гороховый!» Наверное, такое возможно только в стране, так и оставшейся ребёнком; в стране, в которой несмотря на весь её политико-демократический критицизм отсутствует настоящие, мощные критика и скепсис; в стране, не пережившей критики морали, критики разума или, по меньшей мере, критики искусства. В противном случае, как можно воспринимать *всерьёз* д'Аннунцио, эту обезьяну Вагнера, тщеславного оргиаста слов, талант которого «бьёт во все колокола» во имя возбуждения латинского национализма; как можно *всерьёз* воспринимать этого безответственного авантюриста, который жаждет только собственного опьянения, ждёт своего «великого часа», исторического мига своей свадьбы с народом» и ничего больше — как можно *всерьёз* воспринимать художника, как политика, в судьбоносные времена для своей страны!? — Художник — панегирист войны... «А ты?» — И я! Но всё же найдите мне того немецкого художника, что подстрекал бы к войне, а после начала войны истерически разорался, — найдите мне того немецкого художника, чьи совесть и мораль почитали бы войну возможной лишь в крайних случаях, а самого себя бы предусмотрительно держали вне этих крайностей? Я? Мне кажется, что совсем другое дело, в тот момент, когда война стала судьбой, оказаться вместе со своим народом, сколько возможно помочь ему своим словом, да ещё и усомниться в своём праве на патриотизм, чем злоупотребить своим талантом, своей душой, своей способностью одурманивать людей, своей славой для того, чтобы загнать миллионы в кровавый ад и оттуда «с небес отчизны» (о, стыд красноречия!) обрушивать на них свою парчовую прозу. Ну, вот он у вас есть, ваш активизм! У вас есть политизированный эстет, поэтический соблазнитель народа, растлитель нации, распутник риторического энтузиазма, *belles-lettres*-политик, онанист духа, *miles gloriosus* (8) демократической «человечности»! И *это* должно было появиться у нас? Это должно было стать у нас хозяином? Никогда этого не будет. Я, по крайней мере, благодарен за то, что принадлежу к той стране, где никогда не предадут власть «духу» для вот этого безобразия.

Я постулировал схожесть ситуаций политики и искусства. Я полагал, что и политика, и искусство занимают

срединное, посредническое положение между жизнью и духом, отсюда выводил склонность к иронии, которая в особенности свойственна искусству. А «ироническая политика»? Слово сочетание, что и говорить, уж очень странное, и делается совсем несерьёзным, если добавить, что политика по самой природе своей иронична. Мы, по крайней мере, совершенно убеждены в том, что политика никогда не сможет стать полной противоположностью иронии, что она никогда не сможет быть истинно радикальной, ибо истинный радикализм противоречит самой природе политики, так что говорить о «радикальной политике» всё равно, что о деревянном железе! Политика по необходимости есть воля к посредничеству, к позитивному результату, политика — это ум, гибкость, вежливость, дипломатия; настоящему политику надобно потратить немало сил, для того, чтобы остаться навсегда противоположностью своей противоположности: уничтожающей безусловности, радикализму.

Мальчиком я слышал, что князь Бисмарк сказал: у русских нигилистов гораздо больше общего с нашими либералами, чем с нашими социал-демократами. Это удивило меня, поскольку по отношению к парламентскому, политическому направлению социалисты представлялись мне чем-то средним между правящими либералами и образующими крайнюю левую — нигилистами, мне было трудно представить себе, чтобы эти бомбометатели были бы в духовном смысле ближе к сторонникам буржуазного прогресса, чем к ниспровергающей всё и вся социал-демократии. Позднее я узнал, что бомбометание вовсе не было необходимой принадлежностью русского нигилизма, что в гораздо большей степени западноевропейский либерализм и политическое Просвещение было тем, что благодаря литературе получило в России название нигилизма: Бисмарк и Достоевский совпадали в своих мыслях о том, что западное Просвещение, политика разума и прогресса по самой природе своей являются нигилистическими, и что террористы Востока всего только *делают* то, о чём говорили и чему учили нигилисты Запада.

«Дух», который *делает*, действующий «дух» разоблачает, демонстрирует абсолютный радикализм своей сути, потому что дела чистого духа могут быть всегда только наирадикальнейшими. Человек духа, решивший, что он должен действовать, тотчас столкнётся с необходимостью политического *убийства*, — или, если не непосредственно с этим, то логика и мораль его действий вынудит его признать необходимость политического убийства. Лозунг «человек духа, действуй!», насколько он имеет в виду именно чистый дух, весьма сомнительный лозунг, ибо исторический, житейский опыт учит, что человек духа, переводящий свою страсть в действительность, попадает

в ложное положение, в котором он ведёт себя плохо, подилетантски, несчастливо, несёт серьёзные человеческие убытки, и вынужден облекаться в мрачные ризы мученичества морального самозаклания, чтобы устоять перед миром и перед самим собой.

«Действующий, — говорит Гёте, — всегда бессовестен. Вообще, совести нет ни у кого, кроме как у рассуждающего»(9). Однако верно и обратное: рассуждающему в его отношениях с действительностью совесть нужна в гораздо меньшей мере, чем действующему, и совесть эта несколько иного рода; рассуждающий может позволить себе роскошь радикализма. Обречённый на действие в реальности такого себе позволить не может. Со всею возможной резкостью он откажется от безусловного, как от мальчишеской незрелости, ибо он знает: его дело — *политическое* посредничество между мыслью и действительностью; потому-то он и оказывается способен к уступкам, — каковая способность целиком и полностью ломает «рассуждающего», как раз потому ломает, что неестественное напряжение, благодаря которому ему удаётся преодолеть свои страх и отвращение перед действительностью, не оставляет ему сил ни на уступки, ни на умеренность, ни на простой, житейский ум. Действенность человека, рождённого для созерцания и размышления, всегда оказывается неестественной, отвратительной, искажённой, саморазрушительной действительностью, *action directe* (10); дело духа всегда только выродок духа.

Какое счастье, что клич: «Человек духа, действуй!» остаётся только лишь литературным лозунгом, идеальной честью и сенсацией журналов. Художник-активист и думать не думает о каком бы то ни было действии — удивительным. Но совершенно закономерным образом, он тем меньше думает о действии, чем больше у него талант, которым он наслаждается. Разве я не знаком с нежностью большого таланта, обращённой к самому себе, с его личной драгоценностью, с весёлым тщеславием, с которым он принимает дань удивления и восторга жестокому блеску его благородного стиля! И это должно сделать его способным к саморазрушительным действиям, к личной жертве? Нет, в течение всей своей жизни к этому он не будет способен ни клочком своего существа и существования! Он хочет славы, денег, любви, аплодисментов, аплодисментов! Закутав горло в меха, он уставился в экран кинематографа и — знай себе — поёт о духе. В его личности, по крайней мере, воплощается демократия, делающая из добродетели профессию, — убивать министров или руководить забастовками она предоставляет менее одарённым людям, тем, кому нечего терять, бедным, бесталанным фанатикам, отчаянным и отчаявшимся еврейским юношам. Словом, его отношение к делу (и к

действующим) насквозь светски-аристократично. Но если это так; если всерьёз скомпрометированное дело остаётся для малоодарённых, низкостоящих, подчинённых и несамостоятельных: то как же быть с иерархическим положением и достоинством дела, как такового, дела, главным образом? — Стоит написать комедийную сцену такого рода: юный идеалист приходит к мастеру революционных речей, чтобы предложить тому: пришло время, настал момент для решительного наступления. Мастер отказывается. Полные надежд, горящие глаза молодого верующего видят перед собой никакого не фанатика, но светского человека, артиста, художника. Наверное, светский человек при виде этих чёрных, горящих, требовательных глаз немножко смутится; но спустя некоторое время оправится и скажет с улыбкой: «О, нет, молодой человек, Вы требуете от меня слишком много. У меня есть кое-какие основания заботиться о своей личной безопасности. Моё здоровье, которое, насколько мне известно, всё ещё дорого молодому поколению, может, кажется, не выдержать долгого тюремного заключения. Я написал «Робеспьера», на премьере которого так ликовали Вы и Ваши друзья, несмотря на то, что я не преминул намекнуть на люэтическое заболевание мозга моего героя. Несмотря? Как раз именно поэтому! Ведь вы бы ликовали куда меньше, не подкинь я вам такого намёка. Но организм, благодаря которому получают произведения такой меланхолической глубины, драгоценные манифесты *vertu sans u croire* (11), — такой организм не создан для того, чтобы подставлять себя под политические удары. Представьте себе на мгновенье: я — в руках властей предержанных... Нет, нет, мой дорогой друг, прощайте! Вы прервали меня на чрезвычайном трогательном описании свободы и счастья, которое я собирался закончить прежде чем отправиться на воды. Ступайте, ступайте, и выполняйте Ваш долг! *Votre devoir, jeunes homes de vingt ans, serale bonheur!*» (12)

Ирония... Возможно, что я вижу её там, где другие люди её не видят; но мне кажется, что это понятие не может быть в достаточной мере объяснено, если не рассматривать его политически и этически. Когда Кант, после своего ужасающего и на редкость удачного гносеологического военного похода, под названием «постулаты *практического* разума», вновь вводит, вновь делает возможным всё то, что он только что размолотил своей критикой, только потому, что как говорил Гейне, «старому Лампе нужен Бог» (13), — то в этом я вижу пример политической иронии. Когда Ницше и Ибсен, один — философски, другой своей комедией, ставят под вопрос ценность истины для *жизни*, я вижу в этом пример

иронической этики. Когда христианское средневековье со своей догмой первородного греха, то есть, учением о существенной, сущностной и непреодолимой для масс греховности мира, постоянно позволяло идеалу как бы прикрывать один глаз, и жило тем самым в постоянном компромиссе идеала с человеческим, слишком человеческим, когда оно отличало высшую духовную культуру от её естественной, природной *основы* и относило эту основу по большей части к греху, чтобы принципиально лишить её всяких прав, но практически всё время на неё оглядываться, — то всё это в моих глазах есть ничто иное, как ироническая политика. Когда Адам Мюллер (14), этот оболганный и обруганный прогрессом всех мастей мыслитель, сказавший, правда, самые мудрые и остроумные вещи в мире касательно политических вопросов, не путал политику с *правом*, но напротив определял право, несомненное и позитивное, как нечто, данное природой и историей, как нечто легитимное, коротко говоря, когда он определял право, как очевидную власть и силу, а политику или государственную мудрость, как тот самый принцип, что учит нас применять несомненное, однозначное, позитивно-историческое право «с известными уступками», примирять это самое право с совестью, умом, выгодой и пользой, современностью и будущим; то есть, как принцип посредничества, переговоров, уговоров и соглашений, который в научном смысле весьма отличается от юриспруденции, на практике же вынужден идти с ней рука об руку, — то перед нами вновь возникает политика: и как раз политика в том ироническом и консервативном смысле, каковой вообще-то говоря и является её смыслом и её духом. Но самым прекрасным, великолепно отрефлексированным выражением консервативной иронии представляется мне письмо старого Фридриха фон Гентца (15) своей молодой подруге, в котором он пишет:

«Мировая история — вечный переход от старого к новому. В постоянном круговороте вещей всё саморазрушается, и созревший плод отрывается, освобождается от растения, которое его породило, но для того, чтобы этот круговорот не привёл к быстрой гибели всего существующего вместе с истинным и хорошим, рядом с огромным, в конечном счёте всегда превосходящем числом тех сил, что работают во имя нового, должно существовать небольшое количество тех сил, которые пытаются утверждать старое, и если не вовсе сдерживать поток времени, то по крайней мере направлять его в упорядоченное русло... Я ведь всегда был убеждён в том, что, несмотря на мощь и величие моих соратников, несмотря на наши отдельные победы, дух времени, в конце концов, окажется сильнее нас, что пресса, как бы я не презирал её за все её выходки, не потеряет своего чудовищного перевеса над

всей нашей мудростью, и что искусство, так же мало, как и власть намерено совать палки в колёса мировой истории. *Однако во всём этом нет никаких оснований*, для того чтобы перестать выполнять выпавший на мою долю долг со всей возможной стойкостью и верностью; только плохой солдат покидает знамя, если счастье начинается от этого знамени отворачиваться; и у меня хватит гордости, чтобы сказать самому себе в самые мрачные минуты: *victrix causa Diis placuit sed victa Catoni* (16)».

«Дух», это — дух времени, дух нового, дух демократии, на который работает «всегда превосходящее число сил». Но документы, подобно вышеприведённому, свидетельствуют, что самыми духовными людьми оказываются как раз те, чья задача заключается в том, чтобы мешать «духу» — наверное, ещё и потому, что для них дух «наиболее необходимейшая вещь», его они обойти никак не могут.

Ирония и консерватизм — родственные настроения. Можно было бы сказать, что ирония — дух консерватизма, — если бы у консерватизма мог быть дух, что вовсе не является таким же правилом, как в случае с прогрессом и радикализмом. У консерватизма может быть простая и сильная тенденция чувства, без насмешки и меланхолии, грубая, как *frisch-fromm-froeliche* (свежо-набожно-радостная) (17) прогрессивность; тогда консерватизм — в порядке, тогда он яростно атакует противника, чтобы защититься от разложения. Насмешливым и меланхоличным он становится только тогда, когда к национальной чёткости чувств прибавляется интернациональная чёткость интеллекта; тогда, когда небольшая прививка демократии и литературы усложняет его природу. Ирония — форма интеллектуализма, иронический консерватизм — это интеллектуальный консерватизм. Его бытие и его действия до известной степени противоречат друг другу, и очень вероятно, что консерватизм способствует прогрессу, как раз тем, каким образом он с ним борется.

То, что консерватизм зиждется на грубости и злобной глупости — вера, которую прогресс исповедует тем яростнее, чем более он сам является бездуховно-*frisch-fromm-froeliche* (свежо-набожно-радостным). Едва ли стоит стараться опровергать эту веру. Бюргер Якоб Бурхардт (18) не был ни глуп, ни зол, однако всем известны его сдержанные политические позиции, его аристократическое неприятие вторжения опьяняющего вольнодумства в церковь и ратушу старого Базеля, его непоколебимая верность оппозиции; верность меньшему, спокойному и гордому, консервативному меньшинству. При этом так же хорошо известна его любовь к простому народу — что, вообще, свойственно многим консервативным политикам древности и современности.

Гёте и Ницше были консервативны, — да, и вообще германский дух — консервативен, и таковым он и останется до тех пор, покуда он останется самим собой и не демократизируется, то есть, не отменит самого себя.

Страхов (19) в своём, уже упоминавшемся вступлении к политическим статьям Достоевского, пишет о том, почему Достоевский присоединился к славянофилам: «Славянофильство ведь не есть надуманная и оторванная от жизни теория: оно есть естественное явление, с положительной стороны — как консерватизм (...), с отрицательной — как реакция, то есть желание сбросить умственное и нравственное иго, налагаемое на нас Западом. Таким образом произошло то, что Фёдор Михайлович создал себе *целый ряд взглядов и симпатий совершенно славянофильских* и выступил с ними в литературу, сперва не замечая своего сродства с давно существующею литературною партией, но потом прямо и открыто примкнул к ней» (20). Однако главная причина того, из-за чего Достоевский, долгое время действовавший, как политик, не сразу примкнул к консервативной, славянофильской партии, была его любовь к литературе, было его писательство. «Вот причина, — пишет Страхов, — почему он не мог сразу сойтись со славянофилами. Он *живо почувствовал ту враждебность*, которую они искони, в силу своих принципов, питали к ходячей литературе» (21).

Вне всякого сомнения, есть определённая противоположность между консерватизмом и писательством, консерватизмом и литературой. Поэтому в словосочетании «консервативное писательство» содержится точно такое же противоречие, как и в словосочетании «радикальная политика». Ибо литература — это анализ, дух, скепсис, психология, литература — это демократия, это — «запад», и там, где литература соединяется с консервативно-националистическими убеждениями, там и проявляется тот разлад и раздрай между бытием и действиями, о котором я уже писал. Я — консервативен? Естественно, нет, ибо захоти я быть полностью таким, каковы мои убеждения, и я бы пошёл против собственной природы, которая, в конце концов, есть то, что действует. В таких случаях, как мой, деструктивные и охранительные тенденции встречаются друг с другом, и раз уж речь зашла о действиях, то результат их встречи — двойное действие.

Впрочем, свою культурно-политическую позицию я занимаю довольно твёрдо: Даже статистика помогает мне в этом. Согласно её данным в 1876 году (год спустя после моего рождения) был достигнут наивысший уровень рождаемости в Германии на 1.000 человек. Он составил 40,9. После чего до конца столетия последовало *медленное* падение рождаемости, которое было не слишком заметно из-за сокращения смертности. Внезапно, точнее говоря с

1900 года, в течение 13 лет происходит падение рождаемости с 35 до 27 человек на 1.000, — падение, которое, как уверяет нас статистика, *не пережил ни один культурный народ за такое короткое время*. При этом речь ни в коем случае не шла об ухудшении расы. Половые болезни и алкоголизм отступали, гигиена шла вперёд. Причины падения рождаемости — моральные, или, чтобы выразиться индифферентно-научно, культурно-политические; они находятся в сфере «цивилизации»; в сфере того, что по западным меркам можно считать прогрессивным развитием Германии. Можно сказать ещё короче и заострить на этом внимание: в эти годы немецкая проза достигла наибольших стилистических высот; одновременно с этим противозачаточные средства достигли самых отдалённых деревень Германии.

В 1876 году, когда нация была на вершине своей плодovitости, в Германии жили Бисмарк, Мольтке(22), Гельмгольц(23), Ницше, Вагнер, Фонтане(24). Они не были литераторами цивилизации, но зато они были отмечены духом. А что у нас сегодня? Уровень. Демократия. У нас уже давным-давно демократия. «Облагораживание», «очеловечивание», литературизация, демократизация Германии бешеным темпом идёт в течение вот уже 20 лет! Чего ради подхлестывать и подгонять страну? Может, консерватизм сейчас как раз вполне своевременен и современен?

Я прекрасно знаю, что должно означать то, что как раз в 1900 году, в год моего 25-летия, начинается внезапное, неизвестное никаким культурным народам, падение рождаемости. В это время, как раз в этот именно год, появились «Будденброки», эта история одворянивания, сублимирования и вырождения одного немецкого, бюргерского рода, эта вне всякого сомнения очень немецкая книга, каковая была одновременно и свидетельством заболевания нации: в это время со мной и с такими, как я начинает происходить тот морально-политическо-биологический процесс, за которым с бичом в руке стоит литератор цивилизации. Я прекрасно понимаю, насколько я сам принимал в этом процессе участие, а насколько наблюдал за ним; насколько мои действия были проявлениями этого процесса, а насколько они ему способствовали. Но я знаю так же и то, что в отличие от радикального литератора, я очень давно воспитывал и возвращал в себе охранительные контртенденции, политически не понимая их, я всё же облакал их в слова и образы. Так поступать вынуждало меня понятие «жизнь», которому я выучился у Ницше. Моё отношение к этому понятию, конечно, было ироничным, но оно было не более ироничным, чем отношение к понятию «дух». Понятие «жизнь» становится актуальным в 1900 году, когда статистика фиксирует паде-

ние рождаемости. Это *консервативное* понятие, и я едва ли написал бы свой роман гибели одного семейства, если бы консервативная воля не выразилась бы в нём в форме иронии; если бы слова «жизнь» и «сохранять», если угодно «консервировать», не начали бы играть такую важную роль в моей работе. Я писал: «Царство искусство на земле расширяется, а царство здоровья и простодушия становится всё меньше. Надо было бы тщательно *оберегать* (*консервировать* — Т.М.) то, что ещё осталось от него, а не стараться обольщать поэзией людей, которым всего интереснее книги о лошадях, иллюстрированные моментальными фотографиями (...) Нелепо любить жизнь и вместе с тем исхищряться в попытках перетянуть её на свою сторону, привить ей вкус к меланхолическим тонкостям нездорового литературного аристократизма» («Тонио Крёгер») (25). Очевидно, что я применял эти понятия и слова к чисто моральным, духовным вещам, но, без всякого сомнения, неосознанно во мне жила политическая воля, что ещё раз доказывает: необязательно изготовлять политических активистов и манифестантов, можно быть «эстетом» и — однако — обладать глубоким чувством политического.

Я заканчиваю эти заметки в день объявления о начале мирных переговоров между Германией и Россией (26). Если меня ничто не обманывает, то сбылось долгое, лелеемое ещё с начала войны желание моего сердца: мир с Россией! Мир прежде всего с ней! И война, если она ещё будет идти. Будет идти против одного только Запада, против «*trios payslibres*»(27), против «цивилизации», «литературы», политики, риторической буржуазии... Война будет продолжаться, потому что никакая это не вляна. Это исторический период, который будет длиться, как тот, что длился с 1789 по 1815 (28) или как тот, что длился с 1618 по 1648 (29), «но не прежде чем, как сказано в стихотворении о братской вражде в роду Габсбургов:

*Но не прежде, чем мужчины сойдут в гроб
И дети станут мужчинами,
Уляжется это брожение в крови. (29)*

Война будет продолжаться; а также и эта книга, в которой война отразилась в малом, повторилась в личном, будет продолжаться вместе с этой войной — а продолжаться эта война будет лет тридцать, не меньше (30). Хорошо, что я позволил себе то, что яростно карающие друг друга народы себе запрещают, — разрешил себе кончить. Некоторые из этих моих листков — прекрасны, это те, на которых говорит любовь. На те страницы, где царит ненависть, вражда и горький раздор, я никогда не взгляну.

Однако правдой останется и то, что на этих страницах я справедливо опровергаю те оскорбления, которые являются личным отражением той великой несправедливости, которую претерпел целый народ от всего красноречивого и враждебного ему мира (31).

И что же это за мир? Это мир политики, мир демократии; и то, что я вынужден был подняться против него; то, что в этой войне я вынужден был стать на сторону Германии, а не на сторону её врагов, как это сделал литератор цивилизации, — эта необходимость очевидна для всех, кто не слеп; она естественно вытекает из всего, того, что я писал в течение предшествующих, мирных 15 лет. Впрочем, ощущение, будто я с моей верой в то, что вопросы человеческого бытия никогда и нигде не будут решены политически, но только духовно-морально, совершенно одинок среди интеллектуалов-немцев, не более чем кажимость, покоящаяся на заблуждении. Легитимность такого образа мыслей, такого образа чувств подтверждена многими благородными мыслителями, которые нынче остались немцами, каковыми и были *всегда*. Виланд (32) был национален в высшем и духовнейшем смысле, когда во всех беседах со своими политическими друзьями не уставал повторять один и тот же рефрен: дела человечества пойдут на лад тогда, когда реформы будут начинаться не с форм правления и не с конституций, а с *отдельного человека*. Он был национален и тогда, когда разразился следующей негодующей тирадой: «Какой немец, в чьей груди ещё осталась хоть искра национального чувства, сможет перенести мысль о том, что чужой народ изготовился с оружием в руках вытеснить наши домашние и гражданские установления разрушительными, политическими *суевериями*, и со словами о человечности, правах человека, свободе, равенстве, всемирном гражданстве и всеобщем братстве предложить нам отвратительный выбор, или мы становимся предателями законов нашего отечества, наших легитимных правителей, нас самих и наших детей, или позволяем обращаться с собой, как с развращёнными и подлыми рабами?» (33) Виланд знал, что он не одинок, что он не предаёт дух и мысль, когда завершал цикл своих статей о французской революции такими словами: «Я заканчиваю своё земное существование, будучи верным всем тем принципам, которые я публично отстаивал в течение 35 лет; в течение этих 35 лет я, как писатель, способствовал всеобщему благу человечества; и именно поэтому я буду бороться, коль скоро это окажется необходимо, против всех неправедных, искажённых, опьяняющих представлений о свободе и равенстве, против всех *направленных*, а также (наверное, против воли прекраснодушных, так называемых демократов) *ведущих* к анархии, бунту, насильственному ниспроверже-

нию гражданского порядка и установлению новой политической религии западно-франкских демагогов максим, рассуждений и идей; и я не сомневаюсь, что в этом меня поддержит *всякий благородный, немецкий патриот, друг народа и гражданин мира*» (34).

1) Искусство для искусства (фр.)

2) Имеется в виду основатель психоанализа, австрийский психиатр и философ Зигмунд Фрейд (1856-1939).

3) Платон. Собр. соч. в четырёх томах. Т.2. «Федр». Пер. А.Н. Егунов. — М., 1993. — С.160

4) Томас Манн цитирует свою статью «Im Spiegel» («В зеркале»), опубликованную 15 декабря 1907 года в берлинской газете «Literarisches Echo». На русский язык заметка не переводилась.

5) pulcher et fortissimus — прекрасный и отважнейший (лат.)

6) sine qua non — непереносимое условие (лат.) Буквально: «то, без чего нет...»

7) Габриэль Д'Аннунцио (1863-1938) — итальянский писатель, драматург, поэт. От эстетского декаданса перешёл к активной политической деятельности. Агитировал за вступление в Первую мировую войну Италии. Во время войны командовал звеном бомбардировщиков. В двадцатые годы сблизился с Муссолини.

8) miles gloriosus — хвастливый воин (лат.) Источник выражения комедия Плавта (ок.250-184) под тем же названием.

9) Томас Манн цитирует 378 афоризм из шестой части «Maximen und Reflektionen» («Максим и рефлексий») Гёте, посвящённой «Allgemeines, Ethisches, Literarisches» («Всеобщему, этическому, литературному»). Goethe I. W. Maximen und Reflektionen, 1824 // Goethes S mtliche Werke — t. 37 — Berlin, 1927 — s. 91

10) Непосредственное действие (фр.)

11) vertu sans y croire — добродетель без самуверенности (фр.)

12) Votre devoir, jeunes homes de vingt ans, sera le bonheur! — Вашим долгом, двадцатилетние, будет доброта (фр.) Весь монолог литератора цивилизации представляет из себя пародию на статью Генриха Манна «Молодое поколение», напечатанную 27 мая 1917 года в «Berliner Tageblatt». Последние слова этой статьи были «Вашим долгом, двадцатилетние, будет счастье» (Собр. соч. Г. Манна в 8 тт. — 8 т. Пер. С. Апта. — С. 292).

13) «Старому Лампе нужен Бог, иначе бедняк не будет счастливым» (пер. А. Горнфельда) — цитата из работы Генриха Гейне «К истории религии и философии в Германии» (Гейне Г. Собр.соч. в 10 тт. — Т. 6. — С.106) Старый

Лампе — многолетний, верный слуга философа Иммануила Канта.

14) Мюллер Адам Генрих (1779-1829) — нем. юрист, экономист, один из основателей исторической школы в экономической науке. Идеинный противник Адама Смита. Убеждённый католик, близкий к кругу немецких романтиков.

15) фон Гентц, Фридрих (1764-1832) — австр. гос. деятель. Ученик Канта, последовательный враг Наполеона, ближайший сотрудник канцлера Австрийской империи Меттерниха, один из идеологов и создателей Священного союза. В 1946 году его биографию написал младший сын Томаса Манна, Голо Манн.

16) *victrix causa Diis placuit sed victa Catoni* — Боги были за победителей, зато за побеждённых был Катон. Стих из поэмы Лукана (39-65) «Фарсалия», 1, 128. Катон остался верен Помпею, разгромленному Цезарем.

17) *frisch-fromm-froeliche* (свежо-набожно-радостно) или *fri-fro-fro* — лозунг немецких националистических, гимнастических обществ, созданных в начале XIX века немецким педагогом и националистом, «отцом гимнастики», Фридрихом Людвигом Яном (1778-1852)

18) Буркхардт, Якоб (1818-1897) — швейцар. историк культуры, на ряд десятилетий утвердивший своими работами представление об итальянском Возрождении. Культ сильной личности Буркхардта оказал влияние на формирование философской концепции Ницше. Томас Манн имеет в виду отрицательное отношение Буркхардта к революционным событиям в Швейцарии в 1848-1849 годах.

19) Страхов Николай Николаевич (1828-1896) — русский лит. критик, философ, поздний славянофил. Автор книги «Борьба с Западом в русской литературе». В первом полном собрании сочинений Достоевского, изданном спустя два года после смерти писателя, вместе со вступительной статьёй Ореста Миллера были опубликованы воспоминания Страхова о Достоевском. Отношение к Достоевскому у Страхова было не однозначно. Он пустил в литературный оборот слух о том, что преступление Ставрогина и Свидригайлова (изнасилование несовершеннолетней) было совершено самим Достоевским.

20) Н.Н. Страхов. Воспоминания о Фёдоре Михайловиче Достоевском. // Ф. М. Достоевский ПСС в тридцати тт. — т. 1. — СПб., 1883. — С. 204

21) 1) Там же, с.219.

22) Мольтке Старший Хельмут Карл Бернхардт (1800-1891) — прусский и германский военный деятель, генерал-фельдмаршал, военный теоретик, начальник прусского, потом германского генштаба. Он планировал все победоносные кампании Пруссии середины XIX века.

23) Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд(1821-1894) — нем. естествоиспытатель, физик, математик, физиолог и психолог.

24) Фонтане, Теодор (1819-1898) — нем. романист, поэт.

25) Томас Манн «Тонио Крегер». Пер. Н. Ман // Томас Манн. Смерть в Венеции и другие новеллы. — СПб, 1997. — С. 83

26) Речь идёт о мирных переговорах с Советской Россией в городе Брест-Литовске, закончившихся подписанием Брестского мира, чрезвычайно тяжёлого для молодой Советской республики.

27) «*trios pays libres*» — «трио свободных стран» (фр.)

28) Имеются в виду войны, которые вела сначала республиканская, потом наполеоновская Франция против феодально-крепостнической Европы.

29) Цитата из трагедии австрийского драматурга Франца Грильпарцера (1791-1872) «Распря братьев в роду Габсбургов» («*Ein Bruderzwist in Gabsburg*») (1838-1850. Окончательный вариант — 1872).

30) Томас Манн совершенно верно предполагает: война, начатая Германией в 1914/1915, окончилась спустя 30 лет в 1944/1945.

31) Томас Манн имеет в виду полемику со своим братом, Генрихом.

32) Виланд, Кристоф Мартин (1733-1813) — нем. писатель и поэт, один из значительнейших представителей нем. Просвещения, сначала сторонник Великой французской революции (1789-1799), после свержения монархии (10 августа 1792 года) и развернувшейся войны республиканской Франции против феодальной Европы — яростный противник французских революционеров, якобинцев.

33) Wieland C. M. Aufs tze ber die franz sische Revolution. XII. Meine Antwort (Wielands Zur ckweisung der gegen ihn erhobenen Beschuldigung aristokratischer Grunds tze). (Статьи о французской революции. XII. Мой ответ. (Виландово возражение на выдвинутое против него обвинение в аристократических симпатиях) // Wieland's Werke in 34 th. — th. 34. — Leipzig, 1879. — s. 308. Непосредственным толчком для написания этой статьи, послужило письмо, подписанное инициалами Т.М., обвиняющее Виланда в измене прежним, либеральным, демократическим идеалам и в симпатии к французским аристократам. Виланд напечатал ответ в первом за 1793 год номере своего журнала «*Neue Teutsche Merkur*».

34) Там же, с. 313.

Я И ТОМАС МАНН

Никита ЕЛИСЕЕВ

Извините за наглость, но так получилось. Похоже на объяснительную записку, Как я дошёл до жизни такой, что перевёл шестьсотстраничный публицистический текст Томаса Манна времён первой мировой войны. что меня побудило?

Наглеть так наглеть: процитируем классика немецкой литературы: «40 лет, конечно, критический возраст, ты больше не молод, ты знаешь, что твоё собственное будущее — уже не всеобщее будущее, а только — твоё. Теперь тебе предстоит вести свою жизнь к концу — она будет отставать от всеобщей гонки, и её финал — будет твоим личным финалом. Новое поднимается на горизонте, оно просто отрицает тебя; оно не утверждает, что всё было бы так, как оно есть, даже если бы тебя не было — оно просто зачёркивает тебя. 40 лет — пункт поворота всей жизни; и это немало, если поворот, перелом всей твоей жизни сопровождается громом поворота всего мира — такое страшит...».

Ну да: первую мировую войну и последующие за ней революции, конечно, не сравнишь с перестройкой и всем, что за ней последовало, но пункт поворота мира, совпавший с личным твоим, возрастным, персональным поворотом — и там, и здесь имел место быть, так что я мог почувствовать — неловко сказать — родство душ.

Почему неловко? По многим причинам, главная из которых та, что славы Томасу Манну «Рассуждения аполитичного» не прибавят, как не прибавит славы Достоевскому «Дневник писателя», каковой Томас Манн в своих «Рассуждениях...» цитирует весьма обильно.

Более того! Расставляя вешки для будущих исследователей своего творчества и просто для внимательных, образованных читателей, страниц за десять до завершения книги он (после очередной порции цитат из Достоевского) пишет: «...все политические сочинения Достоевского суть рассуждения аполитичного, — можно также сказать, консерватора. Ибо всякий консерватизм — антиполитичен: консерватор не верит в политику, в политику верит прогрессист».

Стало быть, чуть ли не прямым текстом Томас Манн сообщает: моя книга — аналогична «Дневнику писателя», подобна этому произведению; только поэтому я назвал её «Рассуждения аполитичного». Близкое общение с текстами вроде «Дневника писателя», «Выбранных мест из переписки с друзьями», опять-таки «Рассуждений аполитичного» способно породить не слишком верные и очень нехорошие чувства. Например, такие: «Получается, что невероятно мудрые, прозорливые люди, видящие в человеке и в человеческих отношениях то, что я увидеть не могу, как бы ни пытался, могут быть такими непроходимыми идиотами?»

Получается, что идеологическая «черемуха» способна забить мозг не только Гоголя, который вообще был гипнабельным, возбудимым и весьма внушаемым человеком, но и насквозь ироничного, трезвого, спокойного Томаса Манна?» Чтобы не быть голословным, приведу всего одну цитату: «Я заканчиваю эти заметки в день объявления о начале мирных переговоров между Германией и Россией. Если меня ничто не обманывает, то сбылось долгое, лелеемое ещё с начала войны жела-

ние моего сердца: мир с Россией! Мир прежде всего с ней! И война, если она ещё будет идти, будет идти против одного только Запада, против «*trios pays libres*», против «цивилизации», «литературы», политики, риторической буржуазии...»

Так Томас Манн отпраздновал начало переговоров в Брест-Литовске. Эта штука будет посильнее не то что «Фауста» Гёте, но и совета Гоголя жечь ассигнации на глазах у потрясённых до самых основ своих меркантильных душ мужиков. В конце концов, ассигнация и ассигнация — ну сжёг и сжёг, но чтобы изнасилование принять за свадьбу — это, знаете ли, крепко. Может быть, только из-за этой фразы я и взялся за перевод многословных, витиеватых и — назовём чудовище его настоящим именем — протофашистских «Рассуждений аполитичного».

Мне было важно вытянуть всю цепь, чтобы русско-му читателю стало понятно: вот поэтому «грабительский мир» был воспринят Томасом Манном как *братский союз* двух антизападных, антибуржуазных наций. Мне было важно сломать стереотип. Для нас Германия — типичный Запад, типичная Европа, бездушная, механистическая цивилизация, *Ordnung*, Kant и Krupp а Томас Манн описывает Германию антизападной, восточной страной, страной добуржуазной, бюргерской *Gemuetlichkeit* и феодального, рыцарского *Drang*.

К тому же меня увлекла и вовсе безумная, бредовая идея. Этот ... телячий восторг от предстоящей «нам» (вместе с Россией) войны против цивилизованного, буржуазного Запада показался удивительно сходственным со «скифским» восторгом Блока. Мне показалось, что передо мной один и тот же социально-психологический тип: интеллигент на переломе времён, своего личного и исторического. Или, скажем так, интеллигент в пору глобализации; нет, всё это слишком сложно. Может быть, мне было просто приятно почувствовать себя умнее, чем Томас Манн? Вспоминается у Битова в «Пушкинском доме» касательно дяди Лёвы Одоевцева: дескать, Лёва Одоевцев в ум не мог взять, как это дядя, разбиравшийся в таких сложных вещах, в каких Лёва разобраться не мог при всём желании, не понимал простейших обстоятельств. Со временем ирония Битова повыветрилась, осталось искреннее недоумение, сопоставимое разве что с пушкинской яростью против толпы, читающей дневники и письма великих. Мол, толпа ликует: он был мерзок так, как и мы! Врёте! Если и был мерзок, то не так, как вы...

Разумеется, разумеется, гений и в своих ошибках, и в своих заблуждениях — гений. Он и ошибается — интересно, плодотворно ошибается. Как говорила одна моя мудрая знакомая: «Когда тебе кажется, что кто-то думает так же, как и ты, ты сперва проверь: думает ли он вообще...»

А Томас Манн думал. Думал, да ещё как! Противоречил себе, спорил не только с ненавистными ему тогда либералами, демократами, сторонниками механистической, западной цивилизации, но и с самим собой, таким национальным, таким человеческим и бюргерским, таким писателем, *Schriftsteller*’ом, а не презренным *Literator*’ом... Положительно, «Рассуждения аполитичного» провоцируют на какое-то дневниковое, исповедально-журналистское, чуть не написанное — блогое — бесстыдство. Что-то в этих «Рассуждениях...» есть одновременно и журналистское, и интимное, что-то судорожное, нервное, какая-то откровенность, о которой вовсе не просят, какое-то полное и окончательное нарушение всех правил и конвенций, при внешнем соблюдении декорума. В общем, я проникся.

Переводил, по-моему, столько же лет, сколько Томас Манн этот текст писал. Даже назвал сам для себя (а теперь и для вас) Томаса Манна Фомой Человековым, ибо Борис Парамонов, написавший лучший текст про «Рассуждения аполитичного», совершенно справедливо назвал их «Рассуждениями немецкого славянофила». Именно так! Я нигде не читал такого признания в любви к русской литературе в славянофильском её изводе, как в этой книге Томаса Манна, написанной (повторюсь) в самый разгар войны не только с Францией, Англией, Италией и США, но, главным образом, с Россией. Цитирую: «...кто измерит бездны горечи и мрака, из которых вырос комизм «Мёртвых душ»! Но странно ... национальная причастность великого критического писателя проявляется не целиком и не полностью в виде комизма отчаяния и безжалостной сатиры; по меньшей мере, два или три раза она проявляет себя как нечто позитивное, интимное, как любовь; — да, религиозная любовь к матушке России вырывается более чем патетически из этой книги; любовь — основа горечи и мрака, и мы прекрасно чувствуем в такие мгновения, что любовь оправдывает и освящает, да освящает кровавейшую и жесточайшую сатиру. (...) Но оставим Россию как государство, общество, политику. Обратимся к уничтожающей критике русской литературой именно русского человека, обратимся к гончаровскому «Обломову»! И впрямь, какой болезненный, безнадежный образ! Какая гнилость, недотёпистость, заспанность, какое бессилие перед жизнью, какая жалкая меланхолия! Несчастливая Россия, это и есть твой человек! И однако ... разве можно не влюбиться в Илью Обломова, в эту нелепую невозможность человеческого бытия? У него есть национальный протагонист, немец Штольц, образец ума, дальновидности, достоинства, деловитости, верности долгу. Но какой же мерой фарисейской педантичности надо обладать, чтобы прочесть книгу и не

предпочсть, — что втайне, но совершенно несомненно совершает сам автор — толстого Илью его энергичному приятелю; чтобы не почувствовать куда более глубокую красоту и чистоту его человечности и не согласиться с ними? Несчастливая Россия? Счастливая, счастливая Россия, — раз при всей своей нищете и безнадёжности в своей глубочайшей глубине осознает себя настолько прекрасной и достойной любви, что принуждённая своей литературной совестью к сатирической персонификации, она во весь рост *изображает Обломова — или скорее уж укладывает его на перину!*»

Надобно учитывать, что Томас Манн времён «Рассуждений аполитичного» — немецкий патриот, отвергающий всякий пацифизм, твёрдо стоящий на воинственной позиции. И это тоже любопытнейшая тема, заставившая меня переводить этот странный текст. «Рассуждения аполитичного» считаются (и не без оснований) книжкой, писанной в состоянии «шовинистического угара»; одной из тех книжек, с которых принято вести отсчёт начинающемуся идеологическому, агитационно-пропагандистскому озверению человечества вообще, интеллектуалов в частности. Для этого тоже имеются достаточно веские основания, но — Бог ты мой — как всё это ещё далеко от настоящего озверения! Насколько война 1914-1918 годов была ещё (как теперь выясняется) войной XIX века.

В Париже выходит IV том «Жан-Кристофа» Романа Роллана, его тут же переводят на немецкий, и Томас Манн обильно и с восторженными комментариями цитирует только-только появившуюся в печати французскую книгу. Да что там Ромен Роллан! Клодель, в годы войны проклинавший «бошей», удостаивается такой характеристики: «Франция Клоделя тоже ненавидит нас. Но эта ненависть лучше, благороднее, чем та, которой ненавидит нас ритор-буржуа, я не могу не признать этого. Для чего скрывать тот факт, что поэт, написавший «Благовещение»; поэт, работавший консулом в Германии, сейчас, во время войны, от всего своего патриотического сердца поносит нашу страну? В глубине души он должен воспринимать происходящее так, как воспринимал происходящее тот северофранцузский сельский дворянин, чей замок посетил Вильгельм II. Дворянин сказал тогда императору: «Сир, Вы — наш враг; но Вы всё же император, а не адвокат»...»

Нет, нет, что-то есть в «Рассуждениях аполитичного» до крайности симпатичное, человеческое, обаятельное... Оглядывая окоём современной Томасу Манну публицистики, выбираешь в свойственники его книги не «От Канта к Круппу» Владимира Эрна, но ... «Интеллигенцию и революцию» Александра Блока. У Томаса Манна тот же запальчивый тон: мол, немецкой интеллигенции будто

кто-то на ухо наступил. Всемирно-исторические сферы запели! Народ пробудился! — А она ноет: Реймский собор сломали. Сломали — построим. Были бы люди, а соборы отстроятся. Так (или примерно так) Томас Манн (Фома Человеков) спорит со своим братом, Генрихом, ни разу не называя его по имени. Впрочем, в тексте он оставляет немало примет для того, чтобы внимательный читатель понял, кого персонально имеет в виду Томас, когда пишет о немецком «западнике», *Zivilisationsliteratör*e, литераторе цивилизации, франкофиле и демократе, которого впору назвать в рифму к брату, Фоме Человекову — Анри Оме. Среди многих приёмов, позволяющих Томасу поминать Генриха, не называя его, активное и умелое использование неопределённо-личного местоимения «man», каковой приём непереводим. По крайней мере, я не знаю, как адекватно перевести этот каламбур. Допустим: «Man ist Politiker, oder man ist es nicht. Und ist man es, so ist man Demokrat». Буквальный перевод: «Есть политик или его нет. И если политик есть, то он — демократ». Man — неопределённо-личное местоимение в немецком языке, но это ещё и фамилия двух поссорившихся на политической почве братьев: «масона романского пошиба», интернационалиста и пацифиста, демократа Генриха Манна и германского патриота Томаса. Таким образом получается: «Манн или политик, или не политик, но если Манн — политик, то он — демократ!» В каламбуре скрыт парадокс: если же аполитичный Манн займётся политикой, то он вынужден будет стать демократом в той степени, в какой он окажется политиком...

В главе, посвящённой брату Генриху, «Литератор цивилизации», Томас ни разу не называет его по имени, хотя напропалую цитирует его очерк «Золя». И в то же время вся глава буквально прошита фамилией Манн. Это всё тот же каламбур с неопределённо-личным местоимением. Вот Томас пишет про то, что любой литератор — всегда француз; всегда революционер; любой литератор — всегда чувствует отвращение к «особости» Германии. Вот что у него получается, вот, как он резвится: «Man ist nicht Literat, ohne von Instinkt die «Besonderheit» Deutschlands zu verabscheuen und sich dem Zivilisationsimperium verbunden zu fuehlen; genauer: man ist beinahe schon Franzose, indem man Literat ist, und zwar klassischer Franzose, Revolutionsfranzose». Можно перевести этот отрывок таким образом: «Нельзя быть литератором и не обладать инстинктом отвращения к «особости» Германии, не чувствовать себя связанным с империей цивилизации; точнее говоря: нельзя быть литератором и не быть почти французом, революционным французом, классическим французом» — это будет правильно, но тогда будет убит важнейший каламбур текста:

«Некто (ман, Манн) не литератор, если у него нет инстинкта отвращения к «особости» Германии; если он не хочет соединиться с империей цивилизации; уточним: некто (ман, Манн) почти француз, коль скоро некто (ман, Манн) литератор, то он даже классический француз, революционный француз».

Именно в главе «Литератор цивилизации», самой болезненной, касающейся интимных проблем, — ссора с братом пусть и на идейной почве, семейная ссора, — становится ощутимо, очевидно, что Томас Манн сам литератор, писатель, и вся его книга — не социология, не политология, не психология, а обыкновенная, плотная, туповатая, профессиональная литература. Такая «Королева Марго», которую Генрих (Анри Оме) потом будет переписывать, растягивая на эпопею... Марго отрубленную голову любимого показали, а она скрепилась, сдержалась и с истинно-королевской выдержкой плясать пошла, не подав виду, что расстроилась.

Ссора с братом сначала дала толчок «Рассуждениям...», а потом «Волшебной горе». Читая «Рассуждения...», поневоле замечаешь, что споры масона Сеттембрини и иезуита Нафты в романе предварены спором немецкого писателя Томаса Манна со своим братом, литератором цивилизации, Генрихом Манном...

Нет, нет, всё одно не объяснишь, что же меня побудило взяться за перевод. Здесь было что-то иное, что хочется оговорить, что хочется вспомнить, поскольку это «что-то» связано с историей страны, переживающей модернизацию, вестернизацию, как это назвать, и биографией интеллигента, в этой стране живущего. Это было в самом, самом конце застоя, год 1984, что ли? Оруэлловский, глухой, странноватый, мягко говоря, год... Я тогда работал в Публичке, то есть я и сейчас в ней работаю, но сейчас я больше общаюсь с читателями, а тогда — с книгами. Я их систематизировал. Ну ладно, это — неинтересно. Главное, что порой через меня проходили спецхрановские книги. Не сверхсекретные, библиотека всё же Публичная, но те, для которых нужен допуск, пропуск, отношение...

Вот, стало быть, году в 1984 мне попала в руки книжка Йозефа Блоха «Политическое завещание». Написана и издана она была в 1932 году и шла в спецхран по вполне понятным причинам. Во-первых, Йозеф Блох был сионистом, что уже нехорошо. Но ещё «нехорошей» было то, что в годы своей социалистической, гимназической юности он переписывался с Энгельсом. Вообще-то, не то чтобы совсем уж так переписывался... Нет, написал одно письмо с одним вопросом и получил ответ. Зато какой! Дело в том, что Йозеф Блох спросил у Фридриха Энгельса: правда ли, что они с Марксом ни во что

не ставят личность? И Энгельс ответил: конечно, нет! Мы прекрасно понимаем роль личности в истории: с появлением Маркса, например, человечество стало выше на голову, просто в наше время уж слишком выпячивалась роль личности в истории, вот нам и пришлось из всех сил доказывать обратное. Этот ответ цитировался во всех работах, посвящённых марксизму и роли личности в истории, потому сообщать, что человек, которому Энгельс вот так ответил, стал сионистом, было как-то так не комильфо...

Я это объясняю и растолковываю, чтобы стало понятнее молодым и воспоминательнее пожилым, из какого традиционного общества мы стали глобализоваться, вестернизироваться, в общем, перестраиваться и ускоряться.

Я полистал книжку и ... замер. Йозеф Блох цитировал неизвестного мне тогда Теодора Лессинга. «Der juedische Selbsthass» («Еврейская самоненависть») называлась книжка однофамильца немецкого драматурга XVIII века, и Блох цитировал не совсем её, а дневник австрийской еврейки-антисемитки, который в свою очередь цитировал Теодор Лессинг. Отрывочек был чудовищен: все инвективы Ильи Кормильцева против русского народа, не говоря уже о стихах Печерина про то, «как сладостно Отчизну ненавидеть и жадно ждать её уничтоженья» — не шли в сравнение с тем, что написала эта несчастная, по всей видимости, безумная женщина о своём народе накануне холокоста. Я ужаснулся и — вот подлая человеческая натура — заинтересовался.

Я стал собирать сведения о Теодоре Лессинге и его книгах и узнал многое, и это многое меня заинтересовало, а тут грянула перестройка, треснул и распался «железный занавес», до интернета было далеко, но друзья стали ездить за рубеж и возвращаться из зарубежа, и я стал просить друзей, чтобы они (если это возможно) прислали бы мне «Еврейскую самоненависть» Теодора Лессинга или его же труд «История как придание смысла бессмыслице».

По-видимому, я невнятно говорил, я вообще говорю невнятно, ибо «кто ясно мыслит, ясно излагает», а мыслю я очень неясно, — да, словом, благодаря невнятности изложения я получил много интересных книжек из разных городов Европы и Америки, среди них: «Вечно-женственное в творчестве Пастернака» Андреа Улиг, «Примечания к Гитлеру» Себастьяна Хаффнера, «Радек» Стефана Гейма, биографию Теодора Лессинга, «Рассуждения аполитичного» Томаса Манна, а уж потом мне доставили искомое. Честно говоря, более всего меня удивили «Рассуждения аполитичного» Томаса Манна. Хотя и в их присылке был резон. Дело в том, что убитый

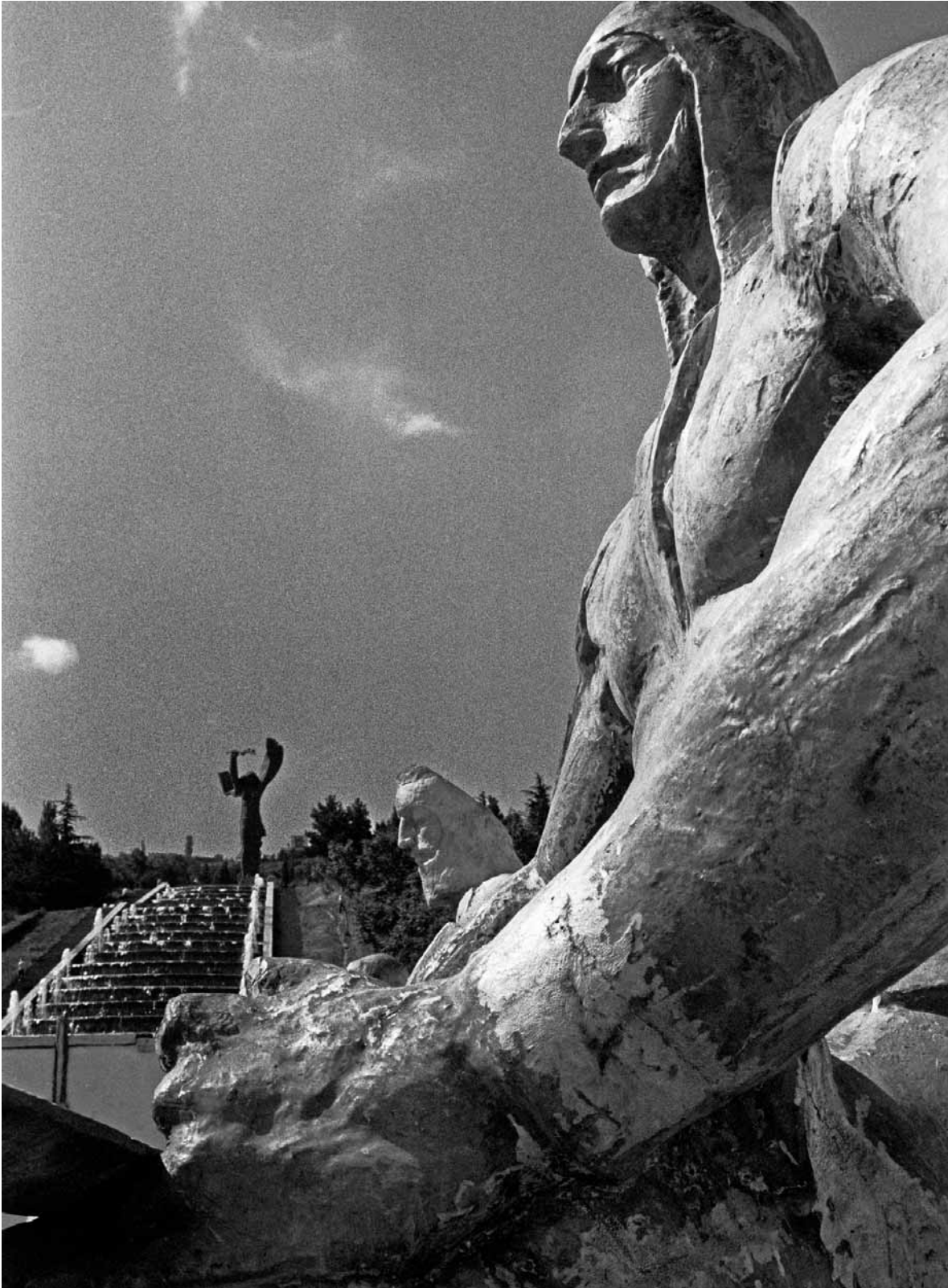
судетскими немцами-нацистами в 1934 году в Карлсбаде личный враг Гинденбурга, Гитлера, Рэма и ясновидящего Ханнусена — Теодор Лессинг в 1904 году умудрился поспорить с Томасом Манном. Томас Манн даже памфлет написал о Теодоре Лессинге — «Доктор Лессинг».

Словом, покуда до меня добиралась книжка доктора Лессинга, я решил почитать книжку писателя Манна. Решить-то я решил, но увял на двадцатой что ли странице, ибо все тексты интеллигентных националистов удручающе однообразны. Наша нация — особая, особенная, поэтому весь мир нас не любит, а в особенности те, кто хотел бы стереть все национальные различия во имя какого-то невиданного человечества, но мы яростно сопротивляемся всему миру и в особенности зловредным интернационалистам... Мы — тёплые, необычные, неожиданные, человеческие, пусть и нелепые, но ... живые! А на нас движется нечто механистическое, стандартное, однообразное *et cetera, et cetera*, что у Розанова, что у Достоевского, что у Томаса Манна времён «Рассуждений аполитичного». Единственное, что меня задело по-настоящему, так это первые предложения книжки: «Со мной произошло то же, что и со многими другими, с сотнями тысяч других, вышибленных войной из колеи, на долгие годы оторванных от собственных профессий и дел; только я был призван не государством и армией, но самим временем. Да, я был призван временем к более чем двухгодичной службе на фронте мысли — для которой моя духовная конституция подходила так же мало, как для многих моих товарищей по несчастью конституция физическая для действительной военной или тыловой службы; сегодня я возвращаюсь не в самом лучшем состоянии к своему осиротевшему рабочему столу — инвалид войны, так это можно назвать». Задело это меня потому, что мне показалось: я это уже где-то читал. В иной огласовке я уже знакомился с этой мыслью, даже с этим словосочетанием. Потом я вспомнил: Николай Глазков! «Пусть ложная скромность сказать не велит, мы все говорить вольны, я не был на фронте, но я инвалид Отечественной войны».

Такое совпадение меня заинтересовало, но ненадолго. (Между прочим, это не единственное совпадение немецкого классика с создателем поэтического течения «небывализм» и слова «самиздат». Глава «О вере» начинается таким пассажем: «...литератор — существо, которое всегда точно знает: «Сейчас нужно вот это —», и всегда *может* то, что нужно. Всё остальное просто комментарии. Самого-то литератора именно что и *нет*; литератор всего только воплощённое суждение, вочеловеченный вывод. Весёлый, завидный жребий, мне он, по крайней мере, всегда представлялся таковым. Пото-

му что воплощённому суждению куда как легко вовремя прыгнуть в нужную шляпку; вовремя прикинуть к победителям и всегда оказываться рука об руку с наиболее прогрессивнейшей молодёжью! Но ведь можно быть «отсталым» и всё же быть *больше* — добавим словечко, изменим тон — всё же быть *ценнее*, чем изрекающий непреложные истины тамбур-мажор марширующего парада. Ведь если ты *что-то* из себя представляешь, ты тяжелее, медленнее, неповоротливее, чем ветреное ничто умелого литературного ориентирования... Великие люди-люди, которые были не просто *чем-то*, но *многим*; люди, которым тяжесть их существования, мешала без заминки и запинки, *grifrofro*, свежо, набожно, радостно броситься в новые суждения современности; эти люди всегда с мучкой разбирались с любой новацией, с трудом мирились с нею». Разумеется, тут же вспоминается притча Глазкова о неповоротливом линкоре, который был неподвижен во время небольшого волнения, но зато продолжал раскачиваться в штиль после шторма, так что вёрткие ялики шептались по его поводу: мракобес, консерватор.) Но до этой главы было далеко, а однообразные рассуждения про тёплую и человеческую немецкую культуру и механистическую цивилизацию Запада всё тянулись и тянулись. Я было совсем уж думал отставить в сторону поднадоевшую книжку, тем паче, что и события были вокруг бурные, не до «Рассуждений аполитичного», так мне тогда казалось, потом-то оказалось, что ещё как до... ибо проблема-то была та самая, самая та — *интеллигент в модернизирующемся обществе*. Стало быть, я совсем было отложил в сторону «Рассуждения аполитичного», но тут мне довелось отправиться по делу к питерскому критику, поэту, переводчику, человеку уж очень яркому, талантливому, своеобразному, чтобы его называть. Я тогда (кажется, это был 2000, может и раньше) впервые встретился с этим человеком и поначалу выразил уважение и восхищение, поскольку субординация есть субординация. Мало ли с чем и с кем я не согласен, но ... уважение! — уважение к старшим формирует личность, как говаривал мистер Вульф из тарантиновского «Криминального чтива».

Выразив уважение и восхищение, я стал осматриваться. Обнаружил на полках множество немецких книжек, известных мне и неизвестных, и вытянул «*Beckenisse Hochstaplers Felix Krull*». А, вытянув, принялся рассуждать: это, должно быть, неудачная книга, потому как для того, чтобы хорошо описать авантюриста и жулика, нужно самому быть хоть чуточку авантюристом и жуликом. Питерский литератор посмотрел на меня и (вот поэтому я его и не называю, поскольку запомнил то, что он говорил вот так, а может, он вовсе и не так говорил,

просто я его так понял) и сказал приблизительно следующее: «Это — лучшая книга Томаса Манна. Вы её просто не читали. Почитайте и убедитесь: блеск, что за книга. Это верно, что жулика может хорошо изобразить жулик, но Томас Манн и был жуликом, блефовщиком, авантюристом. Чтобы с таким малым беллетристическим талантом обойти своего куда более талантливого брата? Ему потому так удался Феликс Круль, что он и сам был таким же хохштаплером. И все его тяжеловесные, закрученные периоды — речь жулика, прикидывающегося аристократом. Нет, нет, полного блефа, пустышки у него никогда не было. Все его многословные периоды, в конце концов, заключают в себе очень простой и ясный смысл. Когда читатель, разобрав головоломку: «дважды два равняется четыре», начинает свирепеть, довольный автор усмехается: «А вы что хотели бы, стеариновую свечку?» Вот его брат, Генрих, тот в самом деле был настоящим стилистом, и немецкий его безукоризненный, а Томас...»

Тогда я попытался возразить: дескать, тяжеловесность (нарочитая), усложнённость (подчёркнутая) у Томаса Манна из-за того, что любимые его писатели — Толстой и Достоевский — главным образом, Достоевский, но Достоевский, переведённый на немецкий, онемеченный Достоевский. Однако онемеченный Достоевский это — полная синтаксическая погибель. И по-русски-то достоевское нагромождение придаточных напоминает летательную машину на паровом ходу, которую смастерил соратник Фёдора Михайловича по борьбе с самодержавием и крепостным правом, одноногий капитан-исправник, петрашевец Рафаил Черносвитов, а уж по-немецки... Нет, скорее всего я не возразил, а только подумал так возразить. Скорее всего, я промолчал, но ... обозначенная, названная феликс-крулевщина Томаса Манна снова толкнула меня к его «Рассуждениям...». Благодаря этой самой феликс-крулевщине я вдруг стал замечать странно-смешные вещи в этой патетической книге. Причём было совершенно непонятно, случайно выкидывает такой фортель Томас или делает это сознательно?

Например, он спорит с теми, кто говорит и пишет про войну, будто она — антикультурна по своей природе. Да вовсе нет, — пишет Томас Манн, — вот тут мне прислали письмо из госпиталя... Пожалуй, лучше процитировать этот кусок: «Я откладываю перо для того, чтобы прочесть ещё одно письмо с фронта, вернее из лотарингского госпиталя; странным образом, оно как раз касается нынешних моих рассуждений. Молодой фронтовой офицер в приподнятом, благодарственном стиле пишет о том, как из-за войны познакомился с художественной литературой. В мирной жизни у него не было для этого ни воз-

можностей, ни времени. Только теперь, прикованный не слишком тяжёлым, но ранением к постели, он смог познакомиться с произведениями современных немецких писателей. «То, что я, — пишет он, — должен быть благодарен войне, вообще, а французской артиллерии, в частности, странное явление современности... Но настоящую радость от чтения я открыл только на войне, и, насколько мне известно, эту радость первого знакомства с современной литературой разделяет со мной огромное количество солдат».

Огромное количество молодых людей научилось благодаря войне чтению, то есть сознательным занятиям с человеческой душой! Подходит ли этот факт для главы о войне и человечности — или нет? Я хочу это знать! Разве не демократия рассчитывает на вот это явление: духовное воспитание и «повышение культурного уровня» тысяч и тысяч людей? Конечно, сама демократия на свой лад мистифицирует духовное, смешивает его с политическим, но разве не благодаря войне происходит то самое «повышение культурного уровня» рабочих, о котором мечтает демократия? «Жизнь», объясняет мне мой корреспондент, не оставляла ему времени для литературы; война впервые создала досуг и потребность в чтении. Тогда получается, что война оказалась гуманнее и расположеннее к образованию, чем «жизнь», а именно мирная и профессиональная жизнь. И разве только досуг для чтения создала война? Вы уверены в том, что долгая и скучная болезнь «на гражданке» была способна привести молодого человека к открытию для себя художественной литературы? Разве не должен был он пройти через эксцентрический опыт войны и ранения, разве не должен был он после этого опыта пережить тишину и покой больничной палаты, чтобы подготовить свою душу к открытию?»

Обосраться и не жить! — как пишет по сходному поводу Евгений Попов. Ведь, что написал Томас Манн в этом отрывке? Современного человека к современной литературе можно загнать только жесточайшим огнём вражеской артиллерии, и ещё хорошо бы отравляющими газами, только в этом случае прикованные не слишком тяжёлыми, но всё же ранениями к койкам, современные люди смогут ознакомиться с шедеврами современной им беллетристики. Всё ж таки я критик и занимаюсь современной литературой, и потому вполне могу оценить эту хохму. Неважно, что речь идёт о древней для нас литературе начала XX века — ситуация мало изменилась.

Словом, я вновь принялся читать «Рассуждения апологичного». Теперь я стал замечать самое главное в этой книге. Братнюю ненависть, соединённую со страхом: неужели я кончился как писатель? Неужели мне суждено

остаться автором одной книги, правда, «Будденброков»? А уже от этих двух чувств ответвлялось третье: обида на бога Аполлона, который принимал дары от Генриха, литератора цивилизации, а не от Томаса, писателя культуры. Всё это оставалось произнесённым, неназванным, но било в глаза, лишь только ты это понимал. Становился понятен обидчивый пафос братнего соревнования. Ага! Раз брат — интернационалист, западник, пацифист и германофоб, так я буду немецким патриотом! Он — противник войны и написал эссе про французского демократического писателя, Эмиля Золя, так я буду милитаристом и напишу эссе про Фридриха II, сражающегося один на один со всей Европой, как мы сейчас. Один на один против всего мира...

Это эссе Томас написал до «Рассуждений аполитичного». Оно есть в Публичной библиотеке, всё испещрённое маргиналиями. По всей видимости, читал это эссе какой-то германский шовинист, поскольку всюду, где Томас Манн пишет про истинную культуру, которая, в отличие от расслабленной цивилизации, не отрицает, а предполагает войну, стоят восклицательные знаки (мол, хорошо говоришь, Томас!), но зато там, где Томас Манн пишет о том, что лёгкая и быстрая победа не к лицу настоящим героям, что настоящие герои всегда обречены на поражение или на почётную ничью, как в случае с Фридрихом II, красуются жирнющие вопросительные, дескать, да ты что? Ты про что? Я не понял... Выглядит это забавно.

Впрочем, и Фридрих II в качестве воплощения немецкого духа тоже забавен. Уж кого ни в каком случае нельзя считать воплощением этого духа, так это сухонького, быстрого пруссака, поклонника французских энциклопедистов, ненавистника германской *Misèrie*. Его Пруссия была космополитическим государством разума, а не Германией, которая превыше всего. Такая получилась насмешка истории: он был франкофилом, масоном, вольнодумцем, рационалистом и вольнодумцем, а стал символом немецкого тяжелоступного милитаризма. Он был настоящий литератор цивилизации на коне, предшественник Наполеона, а из него сделали наследника Барбароссы. В союзе с буржуазной Англией он вёл войну против феодальной Европы, а получилось, получилось... что-то похожее на судьбу Ленина. Фридрих II, как и Ленин, стал символом и знаменем тех, кого на дух не переносил. Такое удивительное, посмертное возмездие...

Но всё это пришло мне на ум позже, много позже, когда я всё ж таки решил переводить эту странную, болезненную, в полном смысле этого слова Достоевскую книжку. Посоветовал мне её переводить один замечательный литературовед, автор блистательной, по досто-

инству не оценённой книги про «Восковую персону» Юрия Тынянова. Мы беседовали про Набокова и немецкую литературу, и я заметил, что есть странное доказательство того, что Набоков внимательно читал немецкую литературу, причём даже таких далёких от него писателей, как Томас Манн, причём даже такие далёкие от него книги, как «Рассуждения аполитичного». В «Других берегах» Набоков пишет о «парчовой прозе» Ивана Бунина. Но словосочетание «парчовая проза» употреблено Томасом Манном в «Рассуждениях аполитичного». Манн называет тексты Д'Аннунцио: «Brokatprose» — «парчовая проза», не бархатная же... Вот тут мне и было посоветовано: «Переведите...», но тогда я не вял. Я тогда привык засыпать под «Рассуждения аполитичного». Лучше нет средства от бессонницы, чем нудный текст на иностранном языке. Сначала что-то понимаешь, а потом постепенно, постепенно всё сливается в гул, шум, в общем, ветхий Данте выпадает, зорю бьют из рук моих — и хрррфррр... баиньки до утра, до утрачка.

И вот так я однажды уже клевал носом над очередной ламентацией о том, как нас (немцев), человеческих, и даже всечеловечных, не любят механистические цивилизаторы, не понимающие, что война бывает человечнее мира, поскольку..., а поскольку всё это повторялось не раз и не два, то я так и задрёмывал, как под колыбельную, и вдруг встрепенулся. Я глазам своим не поверил. Я даже ещё раз прочитал. И убедился: да, именно так и написано. Цитирую: «Калеки маршировали молча, и это, без сомнения, усиливало их трагическое достоинство. Достоинство, красиво, эстетически приемлемо люди воспринимаются по большей части тогда, когда они молчат. Стоит им открыть рот, как всякое почтение может улетучиться в ту же секунду. Достоинство и красота зверя, как правило, связаны с тем, что звери не умеют разговаривать. — И вот тут-то калеки заговорили». И вот тут-то я решил перевести этот текст. Весь. Целиком. Все 600 страниц инвалида войны, который не был на фронте.

Перевести я его перевёл, как человека за руку на ту сторону улицы, нынче текст лежит и ждёт своего издателя. А вам я предлагаю рассуждения аполитичного Томаса Манна о Рихарде Вагнере. На самом-то деле, даже о Вагнере Томас Манн рассуждает весьма и весьма политизированно, что объяснимо. Если человек называет свой текст «Идиот», то речь в нём пойдёт о святом; если «Хам», то написан текст будет о скромнейшем и деликатнейшем человеке, а если писатель решит заверить всех и каждого, что аполитичен и рассуждения у него аполитичнейшие, то политика будет рваться из под каждой его строчки, даже если эти строчки — о любимом композиторе. Но меня в

этих строчках интересовала не политика — бог с ней совсем — а то, как провиденциально ошибся Томас Манн. Он-то ведь писал о том, что литература — знак и символ буржуазной цивилизации — победила музыку, каковая является знаком и выражением культуры ... и варварства. Однако Томас Манн и предположить не мог, какой реванш возьмёт музыка! Когда вы будете читать восторженное описание скандала на вагнеровском концерте под открытым небом в Италии, вспомните трансляции с современных рок-концертов... И для вас станет ощутима насмешка Клио, самой жестокой и самой весёлой из всех дочерей Мнемозины.

«Редко, думаю я, Вагнер оказывал столь сильное и определяющее влияние на не-музыканта — и не-драматурга, какое он оказал на меня. Вагнер воздействовал на меня не как музыкант, не как драматург, даже не как «музыкальный драматург», но как художник, вообще, как современный художник *par excellence*, так, как приучила меня видеть его критика Ницше, в особенности, он повлиял на меня как великий музыкально-эпический прозаик и символист, кем он в сущности и является. Всё, что я знаю об экономике художественных средств, вообще, о действии в искусстве, — в противоположность эффекту, этому «беспричинному действию», — всё, что я знаю об эпическом духе, о концах и началах; о стиле, как о таинственном совпадении личного с объективным; о создании символов, об органической, естественной замкнутости обособленного единства целого произведения; всё то, что я пытаюсь совершить в этом отношении в рамках своих возможностей, всему этому я выучился у Вагнера. Ещё и сегодня, когда моих ушей внезапно коснётся какой-нибудь бессвязный оборот, какой-то оборванный мотив музыкального космоса Вагнера — я вздрагиваю от радости. Что уж говорить о молодом человеке, для которого не нашлось места на его родине, так что он жил в добровольном изгнании на нелюбимой чужбине, для него эта музыка была буквально отчизной его души. Итак, гастрольная поездка знаменитого оркестра, концерт на *Pincio* ... бедный, почти бездомный молодой человек, зажатый в ищущей банальных удовольствий толпе международных снобов у самого подножия подиума, под ярко-голубым небом, которое не переставало действовать ему на нервы, под презираемыми им пальмами, с дрожью в коленях от охватившего его волнения впитывал романтическое послание прелюдии «Лознгрена». Вспоминал ли он эти часы двадцать лет спустя, когда разразилась настоящая война между духом прелюдии «Лознгрена» и элегантностью международных снобов? Наверное, из-за этих воспоминаний

он и занял без колебаний такую не-литературную позицию в этой войне? — Вагнеровское представление на *Piazza Colonna*! Маэстро Весселла, тогда дирижёр муниципального оркестра (оркестра с литаврами: потому что когда литавры доставлялись на *Piazza*, это означало, что концерттировать будет не тупая военная капелла, но городской оркестр и что в программе будет Вагнер) — итак, Весселла, пропагандист немецкой музыки в Риме, исполняет погребальный плач по Зигфриду. Каждый знает, что должен разразиться скандал. Площадь запружена людьми, все балконы усеяны зрителями. Фрагмент дослушивают до конца. Потом начинается бой между демонстративным восторгом и национальным протестом. Орут «Бис!» и бьют в ладоши. Орут «Баста!» и свистят. Кажется, оппозиция берёт вверх, но Весселла бисирует. На этот раз крики безжалостно продолжают в время концерта. Свистки и проклятия сторонников итальянской музыки прерывают исполнение *piano*, в то время как *forte* поддерживается воплем энтузиастов новой музыки. Но мне никогда не забыть, как под непрекращающийся рёв *Evvivas* и *Abbassos* во второй раз зазвучала тема Нотунга, как над площадной дракой развернулись её могучие ритмы, как в высшем пункте её развития, в том самом пронзительно-грохочущем диссонансе перед двойным ударом *C-Dur* разразился вой триумфа, и потрясённые противники отступили без сопротивления, смешались, принуждены были к долготу, растерянному молчанию... Двадцатилетний чужак — чужой здесь всему, как и эта музыка, чужой *вместе с* этой музыкой — стоял на булыжной мостовой, стиснутый толпой. Он не кричал вместе со всеми, потому что ему перехватило горло. Его лицо, обращённое к подиуму, который уже собирались брать штурмом бушующие *Italianissimi*; подиуму, который защищали музыканты своими инструментами, — его лицо, обращённое в ту сторону, улыбалось бледное от избытка чувств, его сердце колотилось от неукротимой гордости, от юношески-болезненной впечатлительности... От гордости чем? От любви к чему? Только ли из-за мятежного художественного вкуса? — Вполне возможно, что двадцать лет спустя, в августе 1914 года, он думал о *Piazza Colonna*, вспоминал о тех слезах, что, переполнив его глаза, потекли по холодному лицу в миг победы Нотунга, о слезах, стереть которые не было никакой возможности, поскольку, сжатый чужой толпой, он не мог поднять руку. Хотя, я себя не обманываю. Пусть бы даже постоянное переживание этого искусства и стало для юноши источником его патриотического чувства, — само это искусство было над-немецким духовным явлением, которое я пережил вместе со всей Европой, как Томас Будденброк пережил своё. Ведь

этот немецкий музыкант не был «немецким музыкантом» в прежнем интимном и благородном смысле. Конечно, он был очень немецким (да и можно ли быть музыкантом и не быть немцем?). Но то, что околдовало меня в его искусстве, было вовсе не национально-немецким, не немецко-поэтическим, не немецко-романтическим, а если и было, то только в той степени, в какой оно было интеллектуализировано, в какой оно было представлено в декоративном саморазоблачении —: это было то сильнейшее, общеевропейское обаяние, исходившее от музыки Вагнера, доказательством которого служит нынешнее, почти исключительно вне-немецкое место Вагнера в мире. Нет, я всё же недостаточно немец, чтобы не заметить глубинное родство его художественных средств с

такowymi же у Золя и у Ибсена: они оба были подобно ему прежде всего мастерами и повелителями символов, тиранической формулы искусства; и из них двоих настоящим братом Вагнера в своих жажде и умении одурманивать массы, овладевать массами был как раз таки западный романист, натуралист и романтик... Ругон-Макары и кольцо Нибелунгов, — «вагнерианец» не поставит их рядом. Однако они — *едины*: едины в своём мировоззрении, если не в своей любви. Потому что, конечно, имеются случаи, в которых понимание зиждется на одном-единственном сравнении, навсегда подаренном аффектом. Ругон-Макары и кольцо Нибелунгов! Не ставьте меня перед выбором. Я боюсь, что поведу себя не патриотично». ■■■

К 200-ЛЕТИЮ Н.В.ГОГОЛЯ

Н.В.ГОГОЛЬ

ПЯТЬ ЛЕТ ЖИЗНИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

1836–1841 гг.

Извлечения из Вестника Европы
М.М.Стасюлевича

Владимир ШЕНРОК

I

1836-й год во многих отношениях был роковым для Гоголя. С этого времени начинается его многолетняя скитальческая жизнь за границей, имевшая огромное влияние на дальнейшую его судьбу. Шаг, сделанный им при оставлении родины, оказался гораздо более серьезным, нежели можно было предполагать сначала: никто из знакомых Гоголя, конечно, не думал, что поездка, предпринятая вначале для отдыха и поправления здоровья, незаметно вовлечет его не только в новые условия жизни, но и в иные отношения, и проведет резкую черту между его прошлым и тем, что ожидало его впереди. Иначе смотрел на это сам поэт, — частью уже таивший в душе заветную мечту пожить подольше в чужих краях, не открывая, впрочем, преждевременно своего плана никому из самых близких людей, — частью же, быть может, не сразу выяснявший самому себе предстоявший ему надолго образ жизни, так как в первый раз свой взгляд на путешествие, как на продолжительный искуc, посланный ему Провидением, Гоголь высказал уже с дороги в письме к Жуковскому из Гамбурга, а до тех пор намерения его часто менялись. Еще труднее было предвидеть заранее даже со стороны, какую серьезную перемену в жизни поэта готовили обрушившиеся на него отовсюду неудачи в последнее время пребывания его в Петербурге. Между тем судьба как будто намеренно вела его целым рядом последовательных ударов и испытаний к тому роковому решению, под значительным влиянием

которого сложилась вся остальная жизнь его, и потом столь же незаметно и властно обратила временный образ жизни его за границей в постоянный.

Одной из важнейших причин постоянного недовольства Гоголя своей участью в последние годы жизни в Петербурге была, без сомнения, несчастливо выбранная профессия. Полусознательно он не мог не чувствовать себя по временам не на своем месте; по отсутствию определенного влечения к какой-либо профессии, кроме художественного творчества, а особенно безграничная самоуверенность, внушали ему, вместо трезвого критического отношения к себе и своим силам, совершенно неосновательные надежды не только на улучшение дела, но и на самые баснословные успехи. В своем гордом ослеплении Гоголь не допускал даже и мысли о возможности неудач, и тем ужаснее и оскорбительнее они должны были казаться, когда являлись на самом деле. Напрасно старался он, вопреки неподкупному внутреннему голосу, уверить себя и других, что его настоящее призвание и составляют изучение и научная разработка всеобщей истории, в которой ему будто бы суждено было совершить «что-то не общее». Каламбур так и остался каламбуром, и ни одно из роскошных предположений Гоголя в этом отношении так и не осуществилось. Уже много лет спустя, в «Авторской Исповеди», оглядываясь на пройденное в значительной степени поприще, Гоголь сознавался, что у него никогда «не было влече-

ния к прошедшему»; но в начале тридцатых годов он был очень далек от подобной мысли. В занятиях историей ему иногда чувствовалось даже особого рода наслаждение, и он говорил Максимовичу, что «ничто так не успокаивает, как история. Мысли начинают литься тише и стройнее». «Мне кажется, — прибавляет Гоголь, — что я скажу много того, чего до меня не говорили». Необходимо особенно удостовериться в том, что притязания Гоголя на кафедру и ученую репутацию были совсем не напускным шарлатанством, но просто неумением строго и верно судить себя. Таково было убеждение его друга, покойного А.С.Данилевского. Также товарищ Гоголя по университетской кафедре, профессор Никитенко, человек, без сомнения, умный и проницательный, прямо заметил в своем дневнике, что Гоголь «вообразил себе, будто его гений дает ему право на высшие притязания»; он же кроме того свидетельствует, что уверенность Гоголя сообщалась невольно и другим и вначале имела даже некоторое импонирующее действие на него самого. «Признаю, — продолжал Никитенко, — и я подумал, что человек, который так в себе уверен, не испортит дела, и старался его сблизить с попечителем, даже хлопотал, чтобы его сделали экстраординарным профессором. Но нас не послушали и сделали его только адъюнктом».

На проверку оказалось, что как Гоголь ни принуждал себя работать над серьезными трудами по истории, то веря, то не веря в свое мнимое ученое призвание, как отважно ни собирался «дернуть» в нескольких томах «Историю Малороссии», но на деле почти ничего научного не выходило из-под его пера. Слова его: «мелкого не хочется, великого не выдумывается», конечно, с гораздо большим правом могут быть применены к его занятиям историей, нежели к собственно литературным трудам. Однажды Гоголь писал Погодину: «Журнала Девиц (т.е. обещанных Погодину Гоголем записок его учениц) я потому не посылал, что приводил его в порядок, и его-то, совершенно преобразивши, хотел я издать под именем «Земля и Люди». Но я не знаю, отчего на меня нашлась тоска... Корректурный листок выпал из рук моих, и я остановил печатание. Как-то не так теперь работается; не с тем вдохновенно-полным наслаждением царапает перо бумагу. Едва начинаю и что-нибудь совершу из истории, уже вижу собственные недостатки: то жалею, что не взял шире, огромный объем, то вдруг жидется совершенно новая система и рушит старую». Но долго еще не переставал Гоголь и в отношении своих исторических трудов возлагать самые широкие надежды на будущее. С какой безграничной самоуверенностью писал он вскоре Максимовичу: «Да, это славно будет, если мы займем с

тобой киевские кафедры: много можно будет наделать добра!» Время от времени, в письмах к Погодину и Максимовичу, продолжались такого рода извещения: «Я весь погружен теперь в историю малороссийскую и всемирную; и та, и другая, у меня начинают двигаться», или: «Я пишу историю средних веков, которая, думаю, будет состоять томов из 8, если не из 9».

Такие же неосновательные надежды возлагались и на удачу на педагогическом поприще; о баснословных успехах своей педагогической деятельности Гоголь рассказывал приятелям чудеса, уверяя их, что у него «нет ни одной неуспевшей ученицы». Между тем в это же самое время, по вполне искренним и правдивым воспоминаниям одной из сестер Гоголя, бывшей его ученицей в Патриотическом институте, он довольно легко относился к своим учительским обязанностям. «Брат, — говорила она, — часто пропускал свои уроки, частью по болезни, а частью и просто по лени, и, наконец, отказался совсем и уехал за границу». И в этом отношении Гоголь лишь гораздо позднее сознал свою неподготовленность и совершенное отсутствие призвания. Так, в конце тридцатых годов, он писал Данилевскому: «Только пожалуйста не вздумай еще испытать себя на педагогическом поприще: это, право, не идет тебе к лицу. Я много себе повредил во всем, вступивши на него».

Когда Гоголю после волей-неволей пришлось разочароваться в своих иллюзиях, он совершенно потерял под собою почву, и, оставив свои прежние занятия, никогда уже серьезно не думал, кроме литературных трудов, возвращаться к какой-либо определенной деятельности, предоставляя бурным житейским волнам по произволу носить во всех направлениях его утлую ладью. Средств не было, определенной карьеры и постоянного заработка также, и отсюда неизбежно вытекли все те последствия; которые не всегда могут удовлетворить строгих судей. Положение это ясно сознавалось Гоголем, которого судьба в начале его петербургской жизни как бы нарочно вознесла со сказочной быстротой, чтобы, возбудив в нем безмерные надежды, беспощадно опрокинуть потом все его планы и отпустить беспомощным в дальнейшее плавание по житейскому морю. Однажды Гоголь в таких словах метко охарактеризовал свою невеселую участь в письме к Погодину: «Мои страдания тебе не могут быть вполне понятны: ты в пристани, ты, как мудрец, можешь перенести и посмеяться. Я бездомный, меня бьют и качают волны, и упираться мне только на якорь гордости, которую вселили в грудь мою высшие силы». Какое-то беспокойное чувство мешало ему и раньше остановиться на избранном

однажды роде жизни, и только что стала устраиваться его карьера, для которой он так усердно и много хлопотал, только что завязались у него известные связи и отношения в Петербурге, как его тянет уже в Киев; а когда не осуществилась и эта мечта, он все-таки долго не хотел расстаться с ней и упорно продолжал смотреть на свое дальнейшее пребывание в столице как на временное и как бы случайное, признавая, впрочем, многие выгоды жить в ней. Когда подкралось окончательное фиаско, естественный результат занятого им ложного положения, фиаско, заставившее его, наконец, отказаться от выбранного по недоразумению поприща, он был совершенно выбит из колеи. С тех пор удар, нанесенный его гордости, сделал для него надолго противным и невыносимым самый Петербург, откуда он стремился потом всегда вырваться при первой возможности, и, наконец, у него порвалась навеки какая-либо связь вообще с каким бы то ни было определенным местопребыванием и родом деятельности. Присоединившееся ко всему этому всеобщее негодование против «Ревизора», выставленное потом Гоголем, как главная и даже единственная причина его поездки за границу, в сущности послужило лишь последним, но вместе и решительным толчком в данном направлении. Таким образом, как прежде Гоголь, подвигаясь вперед в смысле карьеры, все больше обольщался заманчивыми надеждами, так, напротив, теперь он должен был чувствовать себя стремящимся по наклонной плоскости. Один удар беспощадно следовал за другим, и все они привели его к убеждению, что «пророку нет славы в отчизне» и что искать лучшего будущего надо вдали от неблагодарной родины. Впоследствии эта мысль укрепилась еще более под влиянием льстившего Гоголю сравнения своей судьбы с судьбой Пушкина. По смерти последнего Гоголь писал однажды Погодину: «Ты пишешь, что все люди, даже холодные, были тронуты этой потерей. А что эти люди готовы были сделать ему при жизни? Разве я не был свидетелем горьких, горьких минут, которые приходилось чувствовать Пушкину, несмотря на то, что сам монарх почтил его талант? О, когда я вспомню наших судей, меценатов, ученых умников... сердце мое содрогается при одной мысли». Нечего прибавлять, что в последних словах Гоголь был глубоко прав, и что их до некоторой степени можно применить и к нему, как в том легко убедиться из недавно напечатанных воспоминаний С.Т.Аксакова; кроме того, по странной иронии судьбы, меценаты иногда усердно помогали Гоголю в его ошибочных или несправедливых притязаниях, грубо не оценив в нем всего того, чем он был истинно велик, и на последнее он так же справедливо мог бы жаловаться.

II

Неудачи Гоголя, так жестоко его поразившие, начались еще с половины 1835 года. Занятие университетской кафедры, эта первая капитальная ошибка и главнейшая причина последовавшего за ней крушения, тотчас же жестоко дала себя знать, и уже с первых лекций ему пришлось убедиться, что он выбрал профессию не по себе и что «читает один в университете»; но вместо того, чтобы приложить заботы о поправлении дела, он решил бросить всякую «художническую отделку», к чему, впрочем, были и другие, гораздо более сильные побуждения, так как «художническая отделка» не одной и не двух лекций потребовала бы много времени и тормозила бы создание «Ревизора». В письмах к друзьям Гоголь высказывает такие неожиданные и крайне бесцеремонные, а иногда и циничские взгляды на отношения профессора к университетским занятиям и к студентам, что, казалось бы, ни на что больше и нельзя было рассчитывать, кроме того, что действительно потом с ним случилось. Но все еще шло сравнительно благополучно, пока самолюбия Гоголя не был нанесен совсем уже беспощадный удар официальным устранением его от преподавательской деятельности в Патриотическом институте. Вслед затем, когда еще не совсем зажила эта первая тяжелая рана, его вновь ошеломило серьезное замечание попечителя учебного округа о неудовлетворительно его университетских чтений. Гоголь, привыкший смотреть свысока на своих товарищей по кафедре и видевший в них «толпу вялых профессоров», вдруг почувствовал себя перед ними в уничиженном положении. Впечатление, произведенное на Гоголя официальным выговором, передано в дневнике А.В.Никитенко в следующих выражениях: «На минуту гордость уступила место горькому сознанию своей неопытности и бессилия; но в конце концов это не поколебало веры Гоголя в свою всеобщую гениальность. Хотя после замечания попечителя он должен был переменить свой надменный тон с ректором, деканом и прочими членами университета, но в кругу «своих» он все тот же всезнающий, глубокомысленный и гениальный Гоголь, каким был до сих пор. Между тем слушатели были о Гоголе самого невыгодного мнения и даже просто составили себе убеждение, что «он ничего не смыслит в истории»; да и сам Гоголь, столь самоуверенный в других случаях, беспомощно терялся и конфузился на кафедре, бормоча что-то невнятное и показывая в свои редкие чтения какие-то гравюры с видами Палестины и других стран. Получив отставку, Гоголь сначала стал было утешать себя мыслью, что он не понят и не оценен, но скоро пренебрежительно махнул рукой, и тем охотнее начал посвящать

уже все время и труд на создание и постановку «Ревизора», что университетские занятия, в сущности, были для него и прежде только тягостной и досадной обузой и отвлечением от его настоящей деятельности, а свое университетское жалованье он считал и называл просто «скверным». Гоголь почувствовал даже некоторое приятное облегчение, освободившись от университета, облегчение, сказавшееся в следующих выразительных словах одного из писем его к Погодину: «Теперь вышел я на свежий воздух. Это освежение нужно в жизни, как цветам дождь, как засидевшемуся в кабинете прогулка», и он не без удовольствия стал называть себя «беззаботным казаком». Теперь высокие наслаждения художника заставляют его на время позабыть все прозаические житейские дрязги; по крайней мере в его письмах решительно не замечается никаких следов удрученного или озабоченного настроения, подобного, например пережитому им после первого представления «Ревизора», что и понятно, так как в сознании поэта во время его творческой работы все остальное казалось ничтожным в сравнении с его вечным созданием, а великие надежды, возлагаемые на успех и значение будущей комедии, с избытком уравновешивали презираемые им житейские огорчения. С другой стороны замечательно, что уже в эту пору Гоголь имел совершенно особый взгляд на постигшие его несчастья и на их значение в его жизни. Вскоре после отъезда за границу он писал Жуковскому: «Пора, пора, наконец, заняться делом. О, какой непостижимо-изумительный смысл имели все случаи и обстоятельства моей жизни! Как спасительны для меня были все неприятности и огорчения! Они имели в себе что-то эластическое; касаясь их, мне казалось, что я отпрыгивал выше, по крайней мере чувствовал в душе своей крепче отпор». В промежуток от января до апреля 1836 года Гоголь ни о чем почти и не думал, как только об окончании комедии и приискании достойных исполнителей для важнейших ролей. Он даже делал попытки привлечь к участию в первом представлении одного из обративших на себя его внимание провинциальных актеров, о котором давал поручение своему знакомому Белозерскому разузнать, не согласился ли он приехать на короткий срок в Петербург. В эту пору усиленных забот о постановке комедии мысль, о каком бы то ни было устройстве в будущем, отступила на второй план. Гоголь жил и дышал заботами о судьбе своей пьесы.

VIII

Собираясь в отъезд, Гоголь начертил себе следующий приблизительный маршрут: миновал несколько германских городов, уже знакомых ему по первой загранич-

ной поездке, он предполагал подольше пробыть в Ахене, где хотел сделать продолжительную остановку, чтобы осмотреть его древности и заняться необходимым для дальнейшего путешествия изучением иностранных языков. Потом он думал побывать в Кёльне, прокатиться по Рейну и провести некоторое время на водах для лечения давно тревоживших его геморроидальных припадков; затем ему предстояло пожить в Швейцарии и Италии и наконец возвратиться сухим путем через Москву и Малороссию. На все путешествие предполагалось посвятить около полугода. Впрочем, так Гоголь определял срок своего возвращения матери и Погодину, по всей вероятности, скрывая свой тайный замысел прожить как можно дольше за границей, как об этом он писал вскоре Жуковскому, говоря ему: «Знаю, что мне много встретится неприятного, что я буду терпеть и недостаток, и бедность, но ни за что на свете не возвращусь скоро. Долее, как можно долее буду в чужой земле»¹. Так как эти строки были написаны в первом месяце путешествия, в письме, отправленном из первого города, в котором Гоголь остановился ненадолго отдохнуть от впечатлений, то гораздо основательнее предположить, что здесь мы имеем дело вовсе не с временной решимостью, происшедшей уже во время дороги, но что, напротив, Гоголь имел раньше причины скрывать от некоторых корреспондентов свои настоящие намерения. Совершенно понятно побуждение Гоголя польстить ложной надеждой горячо любящей матери, которой всегда хотелось иметь его поближе к себе; ему уже приходилось не в первый раз употреблять этот прием. Относительно Погодина могли быть другие соображения; отклоняя убедительное приглашение перед отъездом приехать в Москву, Гоголь находил, вероятно, неудобным в то же время сообщить о своем плане надолго оставить родину, тем более, что ему было, может быть, уже известно крайнее несочувствие Погодина к абсентеизму. Вообще первые строки письма к Погодину от 15 мая 1836 г., по соображению их с другими источниками, оказываются явно неискренними: Гоголь давал обещания единственно с целью успокоить приятеля и вовсе не думая их исполнить. Вот эти строки: «Я получил письмо твое. Приглашение твое убедительно, но никаким образом не могу: нужно захватить время пользования на водах»; для приезда в Москву не нужно было много времени, и притом Гоголь, как увидим, не только не пропустил срока, но успел собраться гораздо раньше, нежели сначала назначил себе. «Лучше пусть приеду к вам в Москву обновленный и освеженный. Приехавши, я проживу с тобой долго, потому что не имею никаких должностных уз и не намерен жить постоянно в Петербурге»². Последние слова могли быть сказаны преимущественно в расчете на возможное возвращение

на родину раньше желаемого срока. Принимая в соображение все сказанное, мы можем дать веру упомянутому выше проекту Гоголя, сообщенному им почти в одинаковых выражениях матери и Погодину, почти во всем его объеме, исключая, однако, его обещания вернуться через полтора года в Россию. Погодина он теперь охотнее желал бы, вместо несостоявшейся встречи в Москве, склонить для будущего свидания на поездку в Италию, куда тот также собирался приехать.

В таких общих чертах стал обозначаться план поездки тотчас после того, как с освобождением от профессуры и хлопот по постановке «Ревизора» стали вообще возможны для Гоголя более определенные предположения. Несмотря на то, что план составил чрезвычайно быстро, Гоголь, как увидим, долго оставался верен ему почти во всех подробностях, пока его путешествие не обратилось незаметно в постоянное, бессрочное пребывание в чужих краях. Но его отношения к предпринятой поездке еще ранее успели перейти все обычные фазы изменений, от предварительного восторженного энтузиазма до утомления и равнодушия, которые, спустя некоторое время, должны были уступить снова место пылким увлечениям. Мы знаем, что еще перед выездом из России Гоголь испытывал самые разнородные побуждения, одинаково приводившие его к задуманному решению. Он указывает три главные цели своей поездки: лечение, рассеяние и приготовление к будущим трудам. Между тем он еще не отдавал себе сам вполне ясного отчета в сравнительной настоятельности каждого из указанных соображений, так как в отдельности все они были указаны им правдиво, но ни одно не имело решающего значения. В самом деле, геморроиды мучили его не только в последнее время его петербургской жизни, но начали сильно заявлять о себе еще во время поездки в Малороссию летом 1835 г., когда, под влиянием их, Гоголь не знал, куда деваться от тоски, и напрасно искал развлечений. Напротив, выехав за границу, Гоголь совершенно, кажется, забыл о них и, явно противореча себе, сообщал матери сестрам, что не намерен долго оставаться в Ахене, ибо чувствует себя *совершенно здоровым* и не видит нужды в водах. И в самом деле, хотя тотчас после этого он объезжает целый ряд более известных немецких курортов, но совершает это в течение недели и нигде не останавливаясь. Перед выездом из Петербурга он, по-видимому, по рекомендации и совету Жуковского, пишет письмо знаменитому берлинскому доктору Копу, описывая ему свои недуги, и просит адресовать ответ в Ахен, первое место более продолжительной остановки; но в Ахене Гоголь остался недолго и ответа Копы, вероятно, получить не успел. Правда, Гоголь писал впоследствии, что он много поправился во время

самой дороги и почувствовал серьезное облегчение, и это может служить объяснением изменчивости его намерений; но в некоторых письмах он указывал, как главную причину путешествия, нравственные побуждения. «Должны быть сильные причины, — писал он Погодину уже из Италии, — когда они меня заставили решиться на то, на что я бы не хотел решиться». Наконец, все эти побуждения, присоединившись к роковой неудаче «Ревизора», совпали с благоприятной возможностью иметь во время большей части пути такого дорогого спутника, как любимого товарища его детства — Данилевского, и особенно с врожденным инстинктом туриста, сказавшимся в следующих заключительных строках статьи «Петербургские записки 1836 года», едва ли не имеющих автобиографическое значение: «Петербург, во весь апрель месяца, кажется, на подлете и проч. Весело презреть сидячую жизнь и постоянство и помышлять о дальней дороге под другие небеса, в южные зеленые рощи, в страны нового и свежего воздуха. Весело тому, у кого в конце петербургской улицы рисуются подоблачные горы Кавказа, или озера Швейцарии, или увенчанная анемоном и лавром Италия, или прекрасная и в пустынности своей Греция... Но стой, мысль моя: еще с обеих сторон около меня громятся петербургские дома». Поддаваясь этому инстинкту туриста, Гоголь год тому назад собрался ехать из Петербурга на Кавказ и в Крым, а в 1836 г. мечтал уже о наслаждениях новыми впечатлениями за границей.

Сборы Гоголя в дальний путь были очень короткие. Нетерпение его поскорее оставить наскучивший Петербург возрастало неудержимо и с поразительной быстротой. В письме к матери, от 12 мая, он говорил, что «на счет поездки за границу *еще не решил*», но думает, что это предположение исполнится в том же году, т.е. в 1836. В следующем затем письме, отправленном через две недели, он высказывал уже предположение пробыть в Петербурге никак не более месяца, и не проходит с тех пор десяти дней, как он уже снова шлет извещение, что «захлопотан чрезвычайно, готовясь к выезду, который имеет быть *завтрашнего дня*». Понятно поэтому, что Гоголю, ускорив до такой степени отъезд, в самом деле пришлось торопиться чрезвычайно. Но замечательно, что среди этих сборов, забот и хлопот он, желая скорее вырваться из ненавистного душного города и тяготясь по обыкновению летним опустением столицы, хотел при всем том выехать не иначе, как приготовив прощальные подарки всем своим родным. Это обстоятельство, как оно ни кажется мало важным, заслуживает внимания, указывая до некоторой степени на исключительное настроение, в котором находился Гоголь перед отъездом, может быть предполагая, что судьба не приведет его уже вернуться

на родину. При известной мнительности Гоголя и при неопределенности его положения он мог, действительно, собираясь на многие годы в даль, иметь в виду все возможные случайности. Если случалось ему и раньше посылать небольшие подарки кому-нибудь из близких родных, то здесь обращает на себя внимание какая-то забота не обойти решительно никого из них, при чем Гоголю пришлось вместе с прочими затратами употребить столько денег, что мать должна была потом доплатить за него извозчику, ехавшему с частью еще вещей и с служившим ему в Петербурге крепостным человеком, недостававшие 30 рублей.

IX

Выехав из Петербурга на пароходе, Гоголь в продолжение почти двух недель ехал до Травемюнде. Всегда страдая во время морских переездов от качки, он с страшными мучениями выдержал жестокую бурю, о которой потом сообщил Жуковскому в следующих словах: «Наше плавание было самое несчастное. Вместо четырех дней, пароход шел целые полторы недели, по причине дурного и бурного времени и беспрестанно портившейся паровой машины. Один из пассажиров, граф Мусин-Пушкин, умер». Матери и сестрам он остерегся рассказывать о своих миновавших мучениях, но и им писал также, что пароход «надоел ему жестоко». Впрочем, во время пути у него, кроме его друга и постоянного спутника Данилевского, были еще другие знакомые попутчики, одного из которых, Золотарева, молодого человека, только что окончившего курс в дерптском университете, он нередко встречал впоследствии во время своих заграничных скитаний. На пароходе Гоголь познакомился также со многими случайными спутниками³, как это всегда бывает при таком способе сообщения; но однообразие впечатлений и страх новых приступов морской болезни были причиной почти восторженного чувства, овладевшего Гоголем при выходе на берег.

Дальнейший бюллетень поездки мы находим в следующих словах первого заграничного письма Гоголя к матери: «Выбравшись из парохода, который мне надоел жестоко, я проехал очень скоро Травемюнде, Любек и несколько деревень, не останавливаясь почти нигде до самого Гамбурга». Наконец, утомление заставило его несколько приостановить свой стремительный путь, что могло иметь также иное основание: с Гамбургом Гоголь не успел спокойно неспешно ознакомиться в свою первую поездку, так что этот город в значительной степени представлял для него и теперь интерес новизны. Он ничего не передает на этот раз матери о своих путевых

впечатлениях, хотя в первый раз дорога до Гамбурга ему очень понравилась: эту дорогу он сравнил тогда с «разнообразным садом». Но внимание его было снова обновлено в Любеке и Травемюнде улицами узенькими до того, «что можно из окошка протянуть руку и пожать руку того, кто живет против вас». В Гамбурге Гоголь прожил не менее недели, отдыхая душой и имея возможность рассмотреть его лучше, нежели в прежнее время. По тем чертам гамбургской жизни, которые были на этот раз уловлены Гоголем, и по способу, которым он пользовался для этой цели, можно предполагать, что в это первое время своего путешествия он думал только об отдыхе и развлечении. Прежде всего Гоголь естественно обратил внимание преимущественно на торгово-промышленный характер Гамбурга, а затем и на его увеселения, так как вообще он старался замечать все, что могло знакомить его с внешней стороной каждого города. Общее впечатление от гамбургской жизни выражено Гоголем в шутивном письме к сестрам в словах: «Гамбург прекрасный город и жить в нем очень весело». На гуляньях, в театре, на набережной Гоголь с одинаковым интересом наблюдал за всеми характерными проявлениями чуждой ему заграничной жизни. Не раз врожденное любопытство заставляло его посещать даже нелюбимые им обыкновенно балы, причем однажды он совершенно мимоходом заглянул в один общественный дом, где давался оригинальный матросский бал, игривое описание которого он набросал своим маленьким сестрам-институткам в живой и вполне доступной их возрасту характеристике. Виды окрестностей Гамбурга также привлекали его; но заинтересованный более общей картиной города и его кипучей жизнью, Гоголь дает в своих письмах преимущественно беглый очерк своих впечатлений, небрежно схватывая мимоходом поразившие его наиболее характерные особенности. Как метко и сжато рисует он, например, общий вид Гамбурга: «Для гуляний места очень довольно. Сад занимает весь городской вал и почти окружает весь город. Из него много видов на город, которого улицы мелькают перспективами. Дома, наклепанные на дома, крыши на крыши, и куча труб, в самом разнообразном беспорядке, почти беспрестанно перед глазами и видны с разных точек. Кораблей приходит очень много». Такой осмотр городов и местностей с высоты птичьего полета был вообще во вкусе Гоголя: он давал ему возможность сразу обозреть незнакомый город во всех направлениях и составить о нем яркое представление. Кроме того, как художник, Гоголь любил обширные панорамы и эффектные перспективы. Так впоследствии ему особенно нравилось любоваться Римом с высоты купола святого Петра, откуда видно море и далекая Кампанья. В повести «Рим» он изобразил так-

же свое восторженное настроение, приписанное герою отрывка, молодому итальянцу-князю, залюбовавшемуся вечным городом с площади возле церкви San Pietro in Montorio. Все описание представившегося ему чудного вида, начиная со слов: «перед ним в чудной сияющей панораме предстал вечный город», без сомнения, представляет передачу собственных впечатлений автора, так любившего осматривать Рим также и с Monte Pincio и с других возвышенных пунктов.

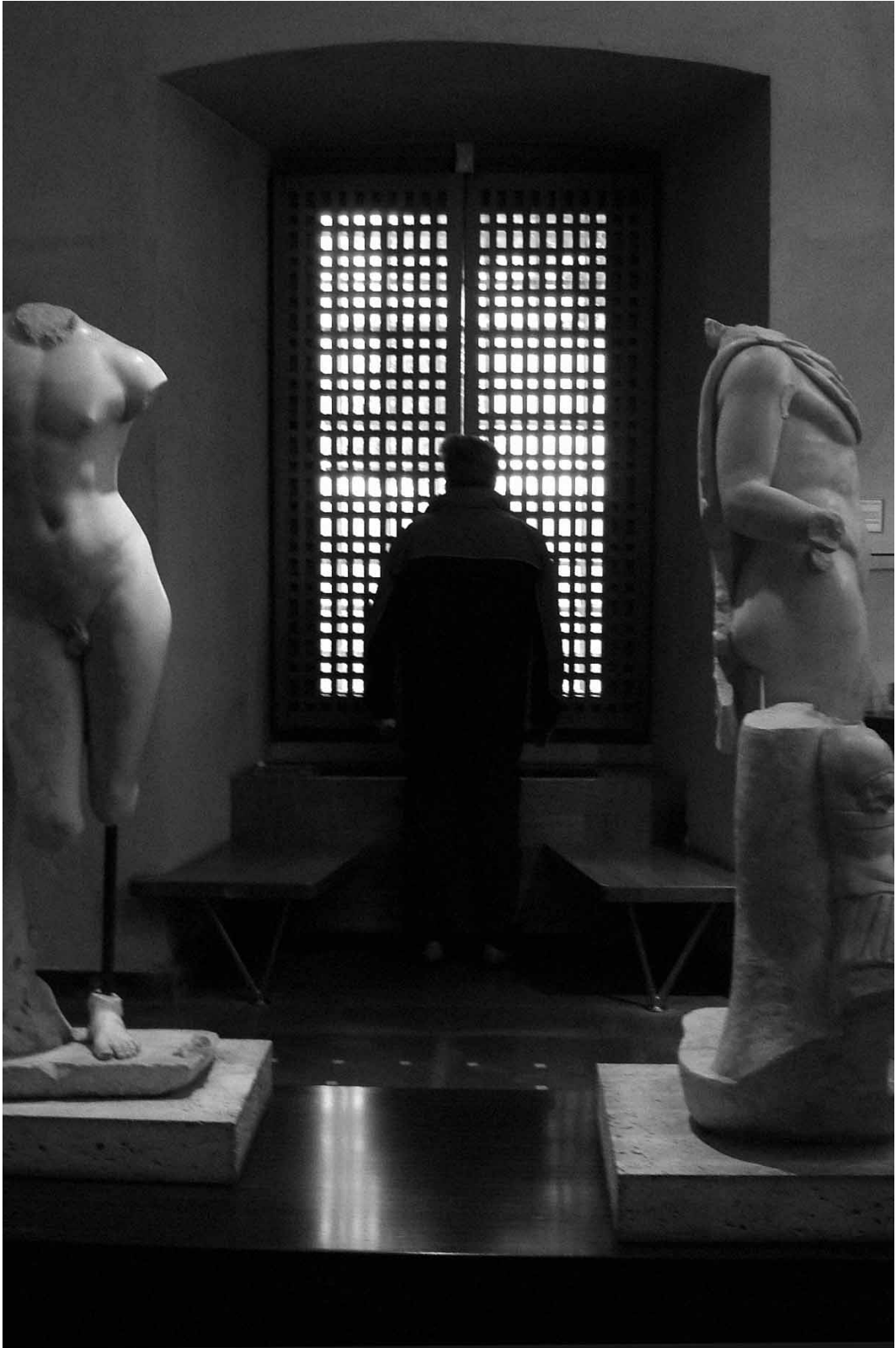
Имея в своем распоряжении неограниченное количество времени, Гоголь спокойно предавался отдыху в Гамбурге, и, как с ним часто случалось в тех городах, которые ему особенно нравились, он хотя и оставался пока верным предначертанному маршруту, позволяя себе, однако, со дня на день откладывать продолжение поездки. «Я не знаю еще наверно, — писал он матери, пробыв в Гамбурге уже несколько дней, — когда я выеду отсюда, завтра или послезавтра».

Первым совершенно незнакомым для Гоголя городом во время его путешествия был Бремен, в котором остановил на себе его внимание знаменитый подвал, замечательный своей способностью сохранять трупы нетленными. Кроме того, как и в первую поездку, Гоголя чрезвычайно интересовали готические соборы, которых он не пропускал нигде без самого тщательного и подробного обзора. Даже в письме к своим маленьким девочкам-сестрам, без сомнения, не много понимавшим толк в архитектуре и мало ею интересовавшимся и вообще еще совершенно равнодушным к чудесам западно-европейского искусства, Гоголь не мог воздержаться от восторженных похвал бременскому собору, впрочем, как и всегда, заботливо стараясь войти в круг их интересов и понимания, и сообщая только то, что могло их действительно занять: «Если бы вы увидели здешнюю церковь! — писал он: — такой старины вы еще нигде не видели». Здесь заслуживает внимания впервые сильно обнаружившаяся в Гоголе страсть к памятникам старинного искусства, особенно архитектуры, — страсть, которая нашла себе потом такую богатую пищу в Риме. Матери он также сообщал, между прочим, что в Мюнстере «видел только наружность прекрасных готических церквей». После Бремена перед Гоголем по очереди быстро промелькнули Дюссельдорф, а затем земли мекленбургские, ганноверские, прусские и датские, хотя он проехал их «медленной немецкой ездой», но нигде не останавливался и ничем особенно не заинтересовался. Наконец он приехал в Ахен, где, впрочем, несмотря на прежнее намерение пробыть там месяц или два, остался не более нескольких дней. Его предположение заняться там изучением иностранных языков не состоялось и было отложено на неопределенное время.

Через несколько времени, приехав в Швейцарию (в Женеву), Гоголь думал было возобновить свои занятия, но осуществил это — и то только отчасти — позднее в Париже, где он брал с Данилевским уроки итальянского языка у одного молодого француза Ноэля, между тем как в Женеве он скоро стал тяготиться уроками и пришел к заключению, что для подобных лингвистических упражнений давно прошло время («В сем городе», т.е. в Женеве, «я был в пансионе, где начинал было собачиться по-французски, но, смекнув, что мы с тобой» — Данилевским — «для пансионеров несколько поустарели, удрал в Веве»).

Главной причиной разочарования Гоголя в Ахене было, конечно, то, что ему нравились преимущественно оживленные города, в то же время удовлетворявшие и эстетическим наклонностям, и страсти к наблюдениям, тогда как в Ахене было мало пищи для того и для другого, особенно вследствие крайне замкнутого образа жизни значительной части населения. Но здесь, как и всюду, ему чрезвычайно понравился изящный собор, с окнами от земли до самого верха, благодаря которым вся церковь светла, как оранжерея. Во всем остальном впечатление от Ахена осталось у Гоголя самое неблагоприятное, совершенно противоположное вынесенному им из знакомства с Гамбургом. «Ахен, — говорит он между прочим, о его наружном виде, — лежит в долине и виден как на ладони, если взойти на одну из окружающих его гор. Вид его издали хорош, но вблизи ничто не поразит сильно, выключая разве вони. На водах здешних ведут жизнь самую скучную, потому что все воды находятся в городе, а не за городом, как в других местах. Оттого все почти отделены друг от друга».

В заочном преждевременном предпочтении Ахена другим германским городам, которые собирался посетить Гоголь, видную роль играло, без сомнения, историческое значение этого города; но интересы собственно археологические были у поэта в сущности довольно слабы и он относился к осматриваемым историческим достопримечательностям далеко не настолько внимательно, как можно было бы ожидать от бывшего профессора, только что оставившего кафедру истории, и вообще от человека, действительно интересующегося наукой. Насколько Ахен заранее привлекал Гоголя связанными с ним великими воспоминаниями, настолько после поверхностного с ним ознакомления он произвел удручающее впечатление на нашего путешественника, гораздо более искавшего живых впечатлений настоящей минуты, нежели склонного отдаваться изучению отжившей страны. Если впоследствии остатки древностей в Риме возбуждали в нем живой восторг, то, конечно, главным образом — своей художественно-живописной стороной.

X

Выехав из Ахена гораздо ранее предположенного срока, Гоголь, согласно составленному прежде плану, заехал в Кельн и, прокатившись по Рейну, посвятил некоторое время на посещение наиболее известных «курортов». С этих пор он уже вступает в новый фазис путешествия, существенно отличающийся от первого как некоторым утомлением, наступившим после усиленного осмотра достопримечательностей в разных виденных им мелких городах, так и тем, что он понемногу совершенно втянулся в скитальческую жизнь и освоился с чуждым бытом и обстановкой, тогда как прежде его, как неопытного новичка, тянуло поскорее насладиться заманчивыми и неизведанными впечатлениями, на которые он набрасывался с жадностью, как это видно из его писем, наполненных подробными рассказами о виденном. Нет никакого сомнения, что излишне частые переезды, мешая сосредоточенности наблюдений, всегда метких и живых, но тем не менее поверхностных, в то же время исключали всякую заботу о сколько-нибудь установившемся образе жизни, а тем более всякую мысль о возобновлении в это время литературных работ. Беспреданно переносясь с места на место, Гоголь еще слишком мало заботился, по-видимому, о подробностях будущего устройства своей жизни (хотя в главных своих потребностях ему удалось, благодаря содействию Жуковского, обеспечить себя еще до выезда из Петербурга) и, отдаваясь настоящему, единственно удовлетворял своей склонности туриста.

Так продолжалось около месяца, по прошествии которого мы видим его уже в новом настроении. Временная усталость сказала, однако, не только в потребности отдыха, но еще более в некоторой вялости воспринимаемых впечатлений. Мы видели, как с большим воодушевлением он передавал недавно матери и меньшим сестрам малейшие подробности виденного; теперь, напротив, он о многом не упоминает вовсе, о другом говорит неохотно и вяло. Так, мы могли бы ожидать хотя небольшого описания знаменитого Кёльнского собора, после подробнейших сообщений о других, гораздо менее любопытных готических соборах, но о нем, к удивлению, Гоголь нигде не обмолвился ни одним словом. Еще поразительнее могут показаться его несколько даже раздражительные ответы на расспросы друзей о поездке по Рейну, о которой он заранее писал матери, что ему «из Кёльна предстоит самое приятное путешествие на пароходе по Рейну». «Это совершенная галерея, — прибавлял он с восхищением: — с обеих сторон города, горы, утесы, деревни, словом — виды, которых вы даже на эстампах редко встречали». Но в тоне первых же строк следующего письма уже заметны

следы усталости: «Получили ли вы мое письмо из Ахена? — спрашивал он: — с того времени много городов, больших и малых, промелькнуло мимо меня, и едва могу припомнить имена их. Только путешествие по Рейну осталось в моей памяти». Тотчас после этого он уже прямо сознается: «Два дня шел пароход наш, и беспреданные виды надоели мне. Глаза устают совершенно, как в панораме или в картине». Прокоповичу Гоголь уже окончательно отказывается передавать свои впечатления и описывать виды, говоря: «я не пишу к тебе о всех городах и землях, которые я проехал, во-первых, потому, что о половине их писал к тебе Данилевский, которого перо и взгляд, может быть, живее моих, а во-вторых, потому, что право нечего о них писать. Из всех воспоминаний моих осталось только воспоминание о бесконечных обедах, которыми преследует меня обжорливая Европа, и то потому, что их хранит желудок, а не голова».

Несмотря на утопление, некоторое время Гоголь все еще продолжал слишком неумеренно подвергать себя притоку новых впечатлений: уже один беглый перечень мест, в которых он успел перебивать после Ахена в продолжение каких-нибудь десяти дней, невольно поражает, особенно если принять в соображение, что в этот короткий промежуток он был также в Кёльне, проехал по Рейну и остановился, хотя не надолго, во Франкфурте-на-Майне, городе, наиболее понравившемся ему после Гамбурга из всех немецких городов, хотя он не хотел оставаться в нем по антипатии к «жидовским городам»: «Я не могу до сих пор выбраться из минеральных вод; проехал Ахен, теперь пошли другие: Крейцнах, Баден-Баден, эмские, висбаденские, шлангенбадские, ланген-швальбахские, словом — несчетное множество». Такая лихорадочная быстрота передвижения, конечно, не могла долго продолжаться: собравшись ехать из Франкфурта в Швейцарию, Гоголь долее, чем предполагал, остановился в Баден-Бадене, чему особенно способствовала неожиданная встреча с несколькими знакомыми русскими семьями; к тому же очаровательное местоположение Баден-Бадена приводило его в восхищение. По словам Гоголя, «оно так картинно, что можно только кистью, а не пером нацарапать. Город между горами, раскинутыми на уступе одной из них» и проч.

В числе семейств, встреченных гоголем в Баден-Бадене, он особенно сблизился с Балабиными и Репниными. По слышанным нами воспоминаниям княжны В.Н.Репниной, родные ее находились в то время в Баден-Бадене, потому что там временно проживала жена графа Кушелева-Безбородко, мать известного впоследствии основателя и первого редактора «Русского Слова». В настоящее время от этого далекого прошлого г-жа

Репнина припоминает лишь немного, но общее настроение Гоголя в Бадене ей хорошо памятно. «Мы скоро с ним сошлись, — рассказывала она нам; — он был очень оживлен, любезен и постоянно смешил нас». По словам княжны Репниной, Гоголь ежедневно заходил к ним, сделался совершенно своим человеком и любил беседовать с бывшей своей ученицей, Марьей Петровной Балабиной (ныне госпожой Вагнер) и с ее матерью, Варварой Осиповной. Варвара Николаевна Репнина, заметив пристрастие Гоголя к десерту и лакомствам, старалась ему угодить и, желая доставить ему удовольствие, собственноручно приготавливала для него компот, который чрезвычайно нравился Гоголю; такой компот он обыкновенно называл «главнокомандующим всех компотов». В это время Гоголь неподражаемо-превосходно читал Марье Петровне Балабиной «Ревизора» и «Записки Сумасшедшего», и своим чтением приводил всех в восторг; а когда он дошел однажды до того места, в котором Поприщин жалуется матери на производимые над ним истязания, Варвара Осиповна Балабина не могла выдержать и зарыдала. О себе княжна Репнина прибавляет по этому поводу, что, с молодых лет никогда не посещая театра, она, — единственно благодаря необыкновенно мастерскому чтению Гоголя и особенно его искусству, переменная беспрестанно голос, произносить весьма типично диалоги действующих лиц, — заранее составила себе вполне удовлетворительное и верное представление о театре.

Благодаря такому приятному сообществу в Бадене, Гоголь совершенно отдохнул от усталости физической и нравственной и заметно оживился, тогда как прежде его изнеможение доходило до апатии («Мест для гуляния в окружности страшное множество; но на меня такая напала лень, что никак не могу приневолить себя все обсмотреть. Каждый день собираюсь пораньше встать, и всегда почти просплю»⁴ ...). С другой стороны, важно то, что он именно здесь *в первый раз* вступил неожиданно для самого себя, на новый путь постоянного общения с временно-проживавшими за границей знатными соотечественниками. Впоследствии Гоголя не мало упрекали в литературе, — а раньше в письмах, — некоторые из наиболее близких его друзей⁵ за предполагаемое в нем стремление во что бы ни стало войти в аристократические сферы, где, как обыкновенно полагали, ему приходилось играть не очень завидную роль. Не принимая здесь на себя защиты Гоголя перед потомством в данном отношении, мы указали бы лишь на то, что первым шагом его на этом поприще явилась непредвиденная встреча и быстро последовавшее за нею сближение с Балабиными и Репниными, из которых с первыми он был коротко знаком еще в Петербурге, а последние познакомились с ним в

Баден-Бадене по родству с Балабиными (Елизавета Петровна Балабина, старшая дочь Петра Ивановича и Варвары Осиповны Балабиных), была замужем за Василием Николаевичем Репниным, единственным братом княжны Варвары Николаевны). Чрезвычайно важны поэтому его слова в письме к матери, от 14-го (26) августа 1836 г., из Бадена: «Теперь живу на знаменитых водах баден-баденских, куда заехал только на три дня, и откуда уже три недели не могу выбраться»⁶; а также слова предыдущего письма, где он просил мать адресовать письма в Швейцарию — в Лозанну, куда надеется приехать на следующей неделе⁷. В письме к Прокоповичу он прямо объясняет свою продолжительную остановку в Баден-Бадене тем, что встретил «много знакомых»; но он ошибается и преувеличивает, говоря, что пробыл там почти месяц, так как по приблизительному расчету он мог прожить там только от 14-го или 15-го июля до 4-го августа 1836 г.

Как в Ахене Гоголь неожиданно отступил от зараннее составленного плана, оставив раньше времени этот город, в котором не нашел ничего, что могло бы удерживать его, так точно совершенно в разрез с этим планом он загостился теперь в Баден-Бадене. Между тем в жизни, свободной от строгого режима, установившегося обычая и проложенной колеи, один непредвиденный шаг легко и незаметно может повлечь за собой многие другие в том же роде, что имело на этот раз особенное значение в виду совпадения его с наступлением того критического момента, когда прежний временный *modus vivendi* должен был так или иначе уступить иному, более постоянному.

Прощаясь с Марьей Петровной Балабиной, Гоголь условился вести с ней переписку и даже сообщать в ней все самые ничтожные и малейшие подробности своих впечатлений. Теперь он уже следит за продолжением ее пути и не выпускает из виду так радушно принявшее его в Бадене семейство, а иногда и соображает с этим свой маршрут ради новой встречи, без сомнения чрезвычайно приятной и желательной на чужбине. До сих пор его единственным дорогим спутником и товарищем был Данилевский; теперь для него становятся такими же желанными встречи с Балабиными.

В первом же письме из Швейцарии, согласно уговору, Гоголь в шутовском тоне рассказывает своей бывшей ученице, как и куда он отправился после их разлуки, как, пообедав в гостинице, сел в дилижанс, отправлявшийся в Веве, и все до мельчайшей мелочи, что только произошло с ним в дороге. В заключение он прибавляет: «Еще одно, не в шутку, весьма нужное слово. Присоедините вашу просьбу к моей и упросите вашу маменьку приехать сегодня же или завтра в Веве, если не состоится ваша поездка в Женеву». Истоющая доводы в пользу советуемой

поездки, Гоголь, наконец, предлагает Балабиной и свои услуги проводить ее обратно от Веве до Лозанны. По воспоминаниям В.Н.Репниной, Гоголь был чрезвычайно ласков и почитателен со старухой Балабиной и всегда целовал у нее руку; он нею состоял отчасти в переписке и был еще дружнее, нежели с ее молодой дочерью; но на этот раз он все-таки почему-то еще не хотел писать ей лично и просил дочь замолвить слово в пользу его проекта.

XI

Виды Швейцарии, особенно ее величественные снеговые горы, скоро привели снова Гоголя в восторженное состояние, и оно отразилось особенно в письмах к М.П.Балабиной, которой он с восхищением говорил: «Я вас поведу садами, лесами; вокруг нас будут шуметь ручьи и водопады; мы будем идти прекраснейшей долиной», и проч. С таким же почти восторгом он описывал матери свое восхождение на Альпы до снеговой линии. Но все это было вначале. Спустя месяц Гоголь охладел также и к видам Швейцарии, как прежде ко всему, что встречалось ему на пути через разные места Германии. В конце сентября 1836 г. он писал Прокоповичу: «Что тебе сказать о Швейцарии? Все виды да виды, такие, что мне от них становится, наконец, тошно, и если бы мне попало теперь наше подлое и плоское русское местоположение, с бревенчатой избой и с сереньким небом, то я был бы в состоянии им восхищаться, как новым».

Отвлеченный наплывом разнородных впечатлений, Гоголь несколько поверхностно отнесся к горю, постигшему его семью в далекой Полтаве: в это время умер его зять, П.О.Трушковский, человек, впрочем, не пользовавшийся его расположением, да в сущности и мало ему знакомый. С его именем у Гоголя соединялось преимущественно грустное воспоминание о разорении матери, увлеченной его непрактичными советами при учреждении кожевенного завода в деревне. В ответ своей матери на полученное печальное известие Гоголь отнесся и на этот раз к совершившемуся факту так, как в раннем детстве к смерти своего отца: рассудочными доводами он старается утешить мать и сестру и уговорить их перенести постигшее их горе с истинно-христианским смирением.

Между тем, с наступлением осени, Гоголь вспомнил о давно оставленном литературном труде: «Прошатавшись лето на водах, — писал он Жуковскому, — я перебрался на осень в Швейцарию. Я хотел скорее усесться на месте и заняться делом; для этого поселился в загородном доме близ Женевы». Но в Швейцарии его сильно охватило мучительное чувство одиночества, и хотя он забывался за вдохновенной творческой работой и за перечитыванием

своих любимых классиков (Шекспира, Мольера и Вальтер-Скотта), но не мог заглушить в сердце незаметно подкрадывающую тоску, особенно когда должен был отказаться от надежды увидеться в Веве с Балабиными. Он ежедневно стал выходить на пароходную пристань, в надежде встретить в густой толпе высаживающихся на берег приезжих кого-нибудь из близких знакомых. Особенно хотелось бы ему снова пожить с Данилевским. Ежедневно, в определенные часы, он отрывался от работы для прогулки на пристань, и был принужден каждый раз возвращаться с стесненным сердцем и досадой на приезжающих длинноногих «энглишей», которых усердно бранил в письмах к Данилевскому и Балабиной. Осталось искать утешения в упорном труде, успеху которого сильно благоприятствовало уединение и возможность сосредоточиться наедине. План «Мертвых Душ» значительно расширился и уяснился («Все начатое переделал я вновь, обдумал более весь план и теперь веду его спокойно, как летопись»). По утрам Гоголь напряженно работал, «вписывал по три страницы в поэму, и смеху от этих страниц было достаточно, чтобы усладить одинокий день». Все это хранилось в строжайшей тайне, о которой могли знать только Пушкин, Жуковский и Плетнев. Впрочем он также глухо сообщал об этом Данилевскому, не посвящая его во всю тайну. Иногда Гоголь отправлялся прогуливаться по окрестностям, вспоминая при этом любимые места Жуковского, рассказы которого и печатные мемуары о путешествии были ему, конечно, очень памяты.

Наконец, получив письмо от Данилевского с извещением о том, что он в Париже, Гоголь почти немедленно собрался в путь для свидания с другом. Прокоповичу он прямо объяснил, что, узнав от Данилевского о его скуке в Париже, решил ехать разделить ее с ним. Жуковскому он также сообщил о том, что заехал в Париж почти против намерения, и там встретил своего двоюродного брата, с которым выехал из Петербурга. Если главное побуждение, которое привело Гоголя в Париж, здесь отодвинуто на второй план, то это совершенно объясняется незнанием Жуковского с Данилевским, о котором Гоголь здесь сообщает ему в первый раз. Что во всяком случае отсутствие знакомых побудило Гоголя раньше времени оставить Веве, ясно уже из его предположений по этому поводу. В письме к Погодину, писанном в сентябре, он высказывал намерение надолго «положить свою дорожную палку в уголь и остаться в Женеве или Веве». Последний город ему очень понравился, и он писал Данилевскому: «С прекрасными синими и голубыми горами, его обнесшими, я сделался приятель; старая тенистая каштановая аллея над самым озером видала меня каждый день, сидящего на скамье», и проч.; но несмотря на эти эстети-

ческие наслаждения, всегда высоко ценимые Гоголем, он тут же упоминает, что не нашел в Веце никого из русских. Таким образом, встреча с соотечественниками становится теперь для него почти необходимостью.

С другой стороны, решению Гоголя ехать в Париж много способствовала также начавшаяся в Италии холера, вследствие чего первоначальный план по необходимости не мог быть удержан в своей неприкосновенности.

XII

Освободившись от первых лихорадочных увлечений туриста, Гоголь начинал вспоминать и об отсутствующих друзьях. Только отношения его к Максимовичу, прежде столь близкие и дружественные, были теперь надолго забыты. К Погодину он написал раньше всех, а вскоре после того и к Прокоповичу. В обоих письмах, разделенных промежутком в несколько дней, живо отразилось тогдашнее душевное состояние автора.

Особенно дружески приветствовал он Погодина: «Здравствуй, мой добрый друг! Как живешь? Что делаешь? Скучаешь ли? Веселишься ли? Или работаешь, или лежишь на боку да ленишься?.. Бог в помощь тебе, если занят делом! Пусть весело горит перед тобой свеча твоя!» Эти слова были первым обращением, посланным Гоголем на родину, так как до сих пор во все время своей скитальческой жизни он был почти совершенно отрезан от всего, что оставил в ней. Неимение определенного адреса, вследствие постоянных переездов с места на место, было причиной продолжительного перерыва в сношениях с друзьями. Не только случайные корреспонденты, какими были Одоевский, Вяземский и пока Аксаковы и Щепкин, но и такие давние приятели, как Максимович и Погодин, молчали. В течение целого года, если не считать двух-трех коротких писем к Погодину и Жуковскому и одного к Плетневу, Гоголь переписывался единственно с Прокоповичем — из друзей, оставшихся в России. Но ему случалось не раз жаловаться на неполучение писем. Он неоднократно напоминает приятелям о том, что значит получить письмо с родины. Ему хотелось бы знать все подробности, касающиеся его знакомых, хотелось бы получать известия не только от Погодина или Прокоповича, но и от Анненкова (Жюля — в письмах), от Пашенка и других: «если у них еще руки держатся, то пусть напишут, сколько достанет терпения»... «Ты знаешь, — убеждает он Прокоповича, — как много значит здесь получить русское письмо, да еще от тебя». Еще тяжелее стало Гоголю, как мы видели, когда он потерял из виду Данилевского. Он говорил тогда: «Я три месяца не получаю ни от кого строчки и не знаю, где он теперь». Но даже и тогда, ког-

да впечатления от новых лиц и новой обстановки сильно поглощали внимание Гоголя, они, конечно, не могли наполнить без остатка его душу, и ему вспоминались то Погодин, то Анненков, то, наконец, Прокопович, похаживающий по комнате с трубочкой, в несколько изношенном халате. «Признаюсь, — писал он последнему, — часто, когда вспомню Ваньку, тащащего меня на тряских дрожках в Свечной переулок, то очень бы хотелось мне в Петербург». Картины недавнего прошлого одна за другой воскресали в его воображении. Тоска по родине таким образом боролась в его душе с ненасытной страстью к прекрасному, которым он стремился наслаждаться за границей, с жадной новизной, неиспытанного упоения; но внутренний голос художника, как всегда, или, по крайней мере, долго, брал перевес над голосом патриота.

Мы уже не раз отмечали, что Гоголь неохотно делился в письмах своими заграничными впечатлениями, довольно сухо отвечая в большинстве случаев на расспросы, но Прокоповичу и домашним, даже девочкам-сестрам, он передает их весьма живо и мило. Невольно приходит мысль, что, кроме указанных выше причин, Гоголь часто по своему чрезмерному самолюбию без нужды закрывал свою душу, и чем беззаботнее, чем небрежнее набрасывал мимоходом картины, тем они выходили задушевнее и грациознее. Вероятно, он был также не чужд некоторого целомудренного чувства истинного художника, запрещавшего ему являться даже на глаза своих друзей, в интимном письме, с недоношенными картинами и образами, тогда как, судя по многим воспоминаниям, он был весьма склонен, в присутствии близких и знакомых, в устных беседах, предаваться восторгам до аффектации. Стеснение чувствовалось им при выражении своих впечатлений только на бумаге, так как тут он мог удовлетворяться лишь «перлами создания». Зато как чудно хорошо и полно глубокой правды у него всякое небольшое описание, которым случалось ему невольно обмолвиться в письмах, хотя бы набросанные им штрихи не получили никакой отделки. Здесь он является перед нами нараспашку, но каждое слово его в подобных случаях получает несомненное значение ценного автобиографического материала.

Вот что говорит Гоголь о лучших видах Европы, беседуя по душе с другом детства: «Живописные домики, которые то под ногами, то над головой, синие горы, развесистые липы, плющ, устилающий, вместе с виноградом, стены и ограды — все это хорошо, и нравится, и ново, потому что все пространство Руси нашей не имеет этого; но после, как увидишь далее то же да то же, привыкнешь и позабудешь, что это хорошо». Мы говорили выше, что бывали минуты, когда Гоголь видам Швейцарии предпочитал самое «подлое и плоское русское местополо-

жение». Итак, не в праве ли он был говорить: «Передо мной чужбина, вокруг меня чужбина, но в сердце моем Русь, — одна только прекрасная Русь. Очевидно, что все признания Гоголя в том, что ему прискучили многочисленные пересмотренные им виды, при его неутомимой страсти, несмотря даже на утомление, искать все новых художественных возбуждений, имели своим главным источником в сущности то бессознательное, непреодолимое чувство любви к родине и тоски по ней, которое несколько лет спустя так прекрасно вылилось гругчим горячечным воплем в его бессмертном лирическом отступлении о Руси (Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедна природа в тебе» и проч.) и о птице-тройке. Конечно, то же сильное чувство, которое наскоро и небрежно было выражено Гоголем в приведенных выше строках письма к Прокоповичу, пройдя через призму художественной обработки, должно было получить потом всю захватывающую и потрясающую силу восторженного, вдохновенного гимна. И вот в минуты прилива горячего, страстного чувства любви к родине Гоголь говаривал: «И для меня теперь Петербург остался чем-то приятным», где самым дорогим для него существом после Пушкина был Прокопович, и его-то он приглашал однажды вспомнить при свидании и «Нежин, и Петербург, и его гадость». Вообще, в своей переписке с Прокоповичем, как впрочем и естественно, Гоголь проявляет наибольшую теплоту чувства, исключая разве писем к Данилевскому и Погодину. С Прокоповичем Гоголь говорит от души и дает ему разные ласковые прозвища, и хотя уже в тридцатых годах отчасти относится к своему приятелю в покровительственном тоне, но даже самый объем писем (из которых одно занимает почти десять печатных страниц обыкновенного журнального формата) указывает несомненным образом на самое искреннее расположение. Гоголь считал Прокоповича чрезвычайно даровитым и симпатичным человеком, но излишне скромным и способным чересчур легко мириться с незавидным уделом мелкого труженика. Зная его смиренный характер, Гоголь сильно побаивался, чтобы его не затушила мирная семейная обстановка и не заглушила в нем благородных стремлений; и в самом деле, опасения его потом в значительной степени оправдались. Все убеждения истошались Гоголь, чтобы побудить его испробовать себя на литературном поприще, ожидая от него многого в будущем. Гоголь несколько не стеснялся при этом с своим старым товарищем и откровенно ставил себя неизмеримо выше его; но при том высоком положении, которое он уже тогда занимал в литературе, говорить иначе было бы уже «ненужной и смешной гримасой». «Одна только слава по смерти, — говорил Гоголь, применяя эти пос-

ледние слова к самому себе, — знакома душе неподдельного поэта. А современная слава не стоит копейки», и тут же прибавляет: «Но ты должен узнать ее. Ты должен начать с нее непременно, вкусить и горькие, и сладкие плоды, покамест безотчетные лирические чувства объемлют душу и не потребовал тебя на суд твой внутренний грозный судья». Заметим кстати, что убеждения и советы Гоголя Прокоповичу любопытны особенно тем, что здесь в первый раз проявилась наклонность Гоголь говорить с близкими людьми в самоуверенно-учительном тоне; замечательно также, что и это письмо также было написано *еще при жизни Пушкина* (в самом начале 1837 года). Впоследствии отношения Гоголя к Прокоповичу сделались невыносимо высокомерными, как свидетельствует о том в «Литературных воспоминаниях» Панаев, но об этом речь еще впереди; притом и Панаев передает слова людей, ближе его знавших как Гоголя, так и Прокоповича, о том, что в его обращении к последнему с течением времени произошла значительная перемена, и что вначале их отношения были гораздо проще и искреннее.

Обращаясь к характеристике отношений Гоголя к его московским приятелям в рассматриваемое нами время, мы должны прежде всего вспомнить, что, успокаивая их перед отъездом, он назначал сроком своего возвращения на родину приблизительно весну следующего года. В тяжелые дни всеобщего раздражения против него, Гоголь, конечно, не мог не оценить бескорыстную преданность небольшого кружка искренних почитателей его в древней столице. Он потрясен, он глубоко тронут участием, тем более дорогим, что не встречал и тени его в Петербурге. Это обстоятельство одно только может объяснить нам, почему он внезапно перенес с Киева свои дружественные симпатии на Москву. Не далее, как за два года перед отъездом за границу, он презрительно отзывался о Москве в интимных письмах к Максимовичу, величая ее «старой толстой бабой, от которой, кроме щей да площадной брани, ничего не услышишь». В «Петербургских записках 1836 года» Москва также изображена не совсем с привлекательной стороны, особенно по сравнению ее с «вытянувшимся в струнку щеголем Петербургом». Теперь он предполагает, напротив, «по возврате из-за границы надолго основаться в Москве», так как с петербургским климатом он «совершенно в раздоре»; он — будущий «постоянный житель столицы древней»; его «сердце наполнено благодарностью к ней за внимание»; он «с гордостью понесет в душе своей эту просвещенную признательность старой столицы из родины и сбережет как святыню в чужой земле». Если хотя половина этих уверений искренна, то и это может служить достаточным свидетельством в пользу сердечной теплоты и радушия

московских друзей, успевших заложить в Гоголе прочную симпатию к самому городу, в котором они жили, хотя впрочем всегдашний скептицизм не позволял Гоголю отвести душу и на этой симпатии москвичей. Гоголь искал причины ее и находил в соображении, что «портрет Москвы нигде не был виден в его произведениях». В пользу искренности Гоголя в его выражении благодарности Москве, — хотя, конечно, здесь *не обошлось без энергической преувеличения*, — следует припомнить, что в эту пору Рим еще не был для него святыней, и что если позднее Рим «увлек и околдовал» его, то и после знакомства с Римом он нередко говаривал, что «кто сильно вжил в жизнь римскую, тому после Рима только Москва и может нравиться». От воспоминаний о России и в частности о Москве, а также о родной Украине, Гоголь никогда не мог отрешиться, даже в чаду самого пылкого упоения чудесами чужестранной природы и искусства; напротив, разлука с Россией всегда тотчас же давала ему чувствовать, как беззаветно-горячо он любил ту самую Русь, о которой в минуту раздражения когда-то с презрением выразился: «о, старая рыжая борода, когда ты поумнееешь?» Находясь на чужбине, он, напротив, с искренним чувством вспоминает о России, даже когда говорит о пережитых неприятностях: «Или ты думаешь, мне ничего, что мои друзья, что вы отделены от меня горами? Или я не люблю нашей неизмеримой, нашей родной русской земли! Я живу около года в чужой земле, вижу прекрасные небеса, мир, богатый искусствами и человеком; но разве перо мое принялось описывать предметы, могущие поразить всякого? Ни одной строки не мог я посвятить чуждому. Непреодолимой цепью прикован я к своему, и наш бедный, неяркий мир наш, наши курные избы, обнаженные пространства, предпочел я небесам лучшим, приветливее глядевшим на меня. И я ли после этого могу не любить своей отчизны?»

XIII^s

Поездка в Париж произвела неожиданный переворот в путешествии Гоголя: до сих пор он все еще был по возможности верен предначертанному маршруту, и если отклонялся от него иногда, то только в частности, не теряя из виду общего плана. Совсем иначе было теперь: хотя он по прежнему собирается при первом удобном случае осуществить свою мечту пожить в Италии, но уже мысль о возвращении на родину откладывается на неопределенное время и самое напоминание об этом становится для него неприятным. Выбитый совершенно из колеи, Гоголь уже не чувствовал себя более проживающим временно гостем за границей и, часто переносясь мыслью

на родину, не хотел в ней «повторить вечную участь поэтов», особенно когда узнал о кончине Пушкина. Так как все эти перемены в намерениях во многом зависели и от денежных условий, то нам предстоит здесь остановить свое внимание отчасти и на этой стороне дела.

Прежде всего следует вспомнить, что из Петербурга Гоголь, по его собственным словам, «вывез только две тысячи». На эти деньги ему надо было прожить и ездить до октября (1836 г.), после чего он надеялся получить от Смирдина еще около тысячи рублей, — конечно, за проданные экземпляры его сочинений. Наконец, Жуковский, стараясь по обыкновению помочь своему собрату по литературе и в материальном отношении, хлопотал за Гоголя перед императрицей и просил ему денег «на дорогу». В январе 1837 г., Гоголь просил Прокоповича передать Плетневу, что деньги «получены с невероятной исправностью»; но были ли это деньги, какие должны были придти от Смирдина или иные — нам неизвестно. В марте Гоголь снова поручал Прокоповичу: «Зайди к Плетневу и узнай, послал ли он ко мне деньги, о которых я писал к нему из Рима». Проживая на эти средства и не имея постоянных и вполне обеспеченных ресурсов, Гоголь сначала должен был предоставить дальнейшее направление своего пути обстоятельствам, и пока мог только путешествовать, но нигде еще не располагался жить надолго. Напротив, по мере того, как открывались новые источники доходов, он получал возможность, согласно желанию, как можно более продлить свое пребывание за границей, так как еще в начале его он писал Жуковскому, что будет «терпеть недостаток и бедность, но ни за что на свете не возвратится скоро».

В одном из писем к матери, написанном вскоре по приезде в Париж, в ответ на ее беспокойство о нем, Гоголь сообщал, что «еще не выезжая из Петербурга, уже так устроил, что в каком городе ни был, банкир, живущий в нем, по первому востребованию, выдаст сумму, какую он, Гоголь, захочет». «Кроме того, — продолжает Гоголь, — одного слова, написанного в Петербурге, достаточно, чтобы выслали мне требуемую сумму». Эти слова, без сомнения, представляют дело в несколько преувеличенном виде и притом были сказаны в минуту раздражения, всегда овладевавшего Гоголем при малейшем неосторожном намеке на оскорбительное для его самолюбия опасение за его беспомощность. Сильная досада звучит особенно в колком намеке на собственную непрактичность матери: «Неужели вы думаете, что я похож на некоторых наших помещиков, которые думают только о том, как бы теперь прожить, а о будущем и не помышляют, и говорят: «авось Бог милосердный поможет как-нибудь выпутаться». Между тем запутываются более и более в долги. Я знаю очень

хорошо пословицу: «Береженного и Бог бережет», и потому никогда не полагаюсь на чудеса и чрезвычайные случаи». Через несколько строк этот язвительный намек уже разъясняется прямо: «Итак, вы видите, что обо мне нечего вам беспокоиться. Как бы то ни было, но *мои дела всегда лучше ваших, и потому я советую вам более обратить внимание на ваши дела*».

Таким образом, если не с самого начала, то позднее у Гоголя был как будто обеспечен верный кредит из Петербурга, причем обычным посредником между ним и Жуковским и другими лицами, присылавшими деньги Гоголю (в том числе между прочим и с Смирдиным) является Плетнев. Переписка при всей отрывочности и неполноте сохранила нам явные следы уже тогда начавшихся попечений о Гоголе его друзей. Так, поручая однажды Прокоповичу узнать, посланы ли ему деньги Плетневым, Гоголь прибавлял еще: «Если посланы, — то когда и на имя какого банкира они адресованы. Я в них нуждаюсь». Все это говорилось уже в совершенно спокойном и уверенном тоне, как бы мимоходом, в середине письма. Спрашивается: откуда и как рассчитывал Гоголь получать средства для дальнейшего проживания за границей? Подарки от царской фамилии не могли быть настолько часты и неистощимы, чтобы на них можно было всегда так смело рассчитывать, как это видим у Гоголя в приведенном письме. Очевидно, у него бывали и другие источники, и в том числе обширный кредит у знакомых; так нам известно, что у него были долги в Петербурге, которые были большей частью уплачены, но не все сразу («с петербургскими моими долгами я кое-как распорядился: иные выплатил из моей суммы, другие готовы подождать»). По словам княжны В.Н.Репниной, когда Гоголь получил известие о болезни Данилевского в Париже уже в 1837 г., то он занял денег у нее и у зятя ее Кривцова, которые вскоре возвратил. В октябре 1836 г. Гоголь благодарил Жуковского за испрошенное им вспоможение у государя. Опять мы не имеем данных для решения вопроса о том, не были ли это те самые деньги, которые Гоголь ожидал получить от императрицы; последнее вероятнее, потому что иначе Гоголь благодарил бы за них отдельно. Но с другой стороны мы находим ясное указание на то, что это была уже не первая милостью Гоголю от царской фамилии, так как он сам говорит об императоре Николае, что, «как некий Бог, он сыплет полной рукой благоденствия и не желает слышать наших благодарностей». В июле 1837 г. Гоголь ожидал денег за поднесение государыне экземпляра «Ревизора», говоря, что Жуковский перед отъездом обещал об этом позаботиться. Наконец, в апреле 1839 г. Гоголь написал Жуковскому: «Дайте мне спасительный совет, что я должен сделать для того, чтобы протянуть на

свете свою жизнь, до тех пор, покамест сделаю сколько-нибудь из того, что мне нужно сделать». Указывая все эти данные, мы должны, однако, в интересах справедливости заявить, что ни в каком случае не можем взять на себя смелость сделать из них какое-либо заключение невыгодное для памяти покойного писателя, потому что, во-первых, частные долги, насколько известно, были им выплачиваемы, а царские милости, по понятиям его времени и среды, хотя и принимаемые слишком часто, несколько или почти совсем не отягощали его совести. В этом последнем отношении притом едва ли и теперь многие щекотливы, и упрек, сделанный впоследствии Белинским Гоголю, мог бы в равной силе быть обращен на весьма многих лиц, покровительствуемых Жуковскому, и притом часто на лиц, также принадлежавших литературному миру, но только вследствие случайного повода всею тяжестью пал на Гоголя. Трудно притом проследить теперь, как неожиданное получение денег откуда бы то ни было могло иметь влияние на перемену решений Гоголя (особенно принимая в соображение, что часто они вели с Данилевским общие товарищеские счета, недоступные даже и тогда постороннему контролю). Но что влияние это было — не подлежит сомнению⁹.

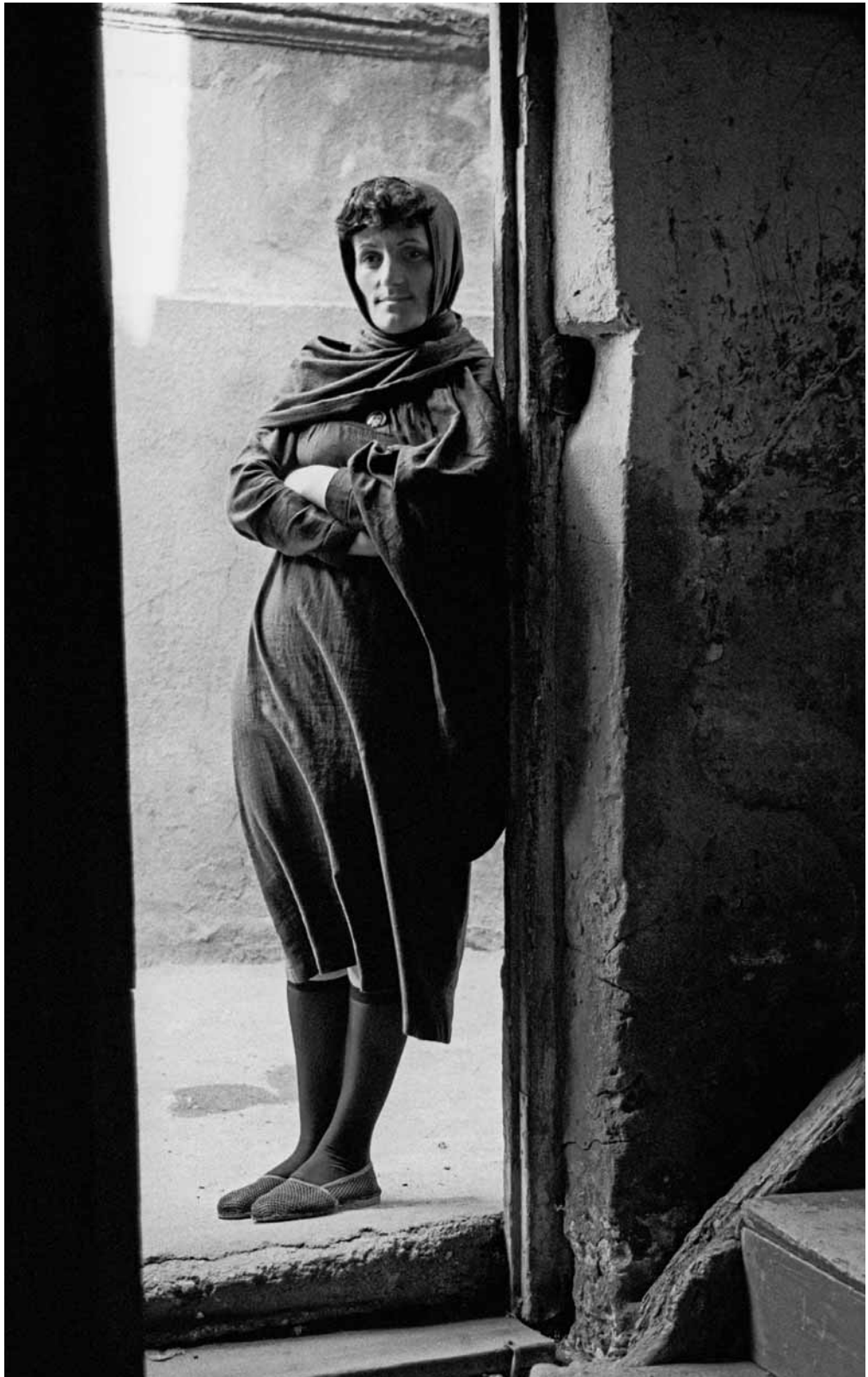
Первое время в Париже было посвящено Гоголем прогулкам в городе и по окрестностям. Но в это время Гоголь снова продолжал работать над созданием «Мертвых Душ». О том и другом он писал Жуковскому: «Париж не так дурен, как я воображал, и что всего лучше для меня: мест для гулянья множество; одного сада Тюльери и Елисейских полей достаточно на весь день ходьбы. Я нечувствительно делаю препорядочный моцион, что для меня теперь необходимо. Бог простер здесь надо мной свое покровительство и сделал чудо: указал мне теплую квартиру, на солнце, с печкой, и я блаженствую. Снова весел; «Мертвые» текут живо, свежее и бодрее, чем в Веве, и мне совершенно кажется, как будто я в России». Вскоре Данилевский, восхищавшийся парижскими театральными знаменитостями, вовлек и Гоголя, также страстного любителя драмы и оперы, в частые посещения театров, при чем оба восхищались Гризи, Тамбурины, Тальони и проч. В одно из посещений Theatre Francais Гоголь присутствовал при годовичном праздновании дня рождения Мольера и здесь передумал и перечувствовал те мысли, которые им были потом высказаны в конце «Театрального Разъезда». В письме сказано: «Меня обняло какое-то странное чувство. Слышит ли он, и где он слышит это?»; в «Театральном Разъезде»: «Побасенки! А вот: стонут балконы и перила театров; все потряслось с низу до верху, превратясь в одно чувство, в один миг, в одного человека; все люди встретились, как братья, в одном душевном движении, и

гремит дружным рукоплесканием благодарный гимн тому, которого уже пятьсот лет, как нет на свете. Слышат ли это в могиле истлевшие его кости? отзывается ли душа его, терпевшая суровое горе жизни?»

XIV

Более полное представление о парижской жизни Гоголя можно составить по его повести «Рим», сравнивая подробно изображенные впечатления юного князя, героя этого отрывка, с впечатлениями и взглядами самого автора. Собственно передача этих впечатлений и сравнение шумной парижской жизни и тихой, но полной высоких эстетических наслаждений итальянской, занимает весьма видное место в рассказе, а апофеоз Рима, его превознесение над всем прекрасным, над всем, что может возбуждать в людях восторг, не исключая даже величия прошлых веков и обаяния женской красоты, составляет главную цель этого произведения. («Боже, какой вид! князь, объятый им, позабыл и себя, и красоты Аннунциаты, и таинственную судьбу своего народа, и все, что ни есть на свете»). Рассказ не кончен и является в виде отрывка, вероятно, потому, что в нем, как в некоторых ранних своих произведениях, Гоголь пытался выразить в возможно более яркой и блестящей форме переполюсшие его душу совершенно субъективные чувства и настроения. Такие произведения не могли быть удачны по самой сущности дела, так как, облеченные в повествовательную форму, они в то же время предназначались для несвойственной им передачи внутренних душевных движений автора. Не владея стихом и вместе с тем поддаваясь сильно охватывавшему его лиризму, Гоголь силился повествовательной прозой передать то, что можно выразить разве стихотворением или музыкальным мотивом. С другой стороны, кроме характеристики психического состояния, пережитого князем в разные периоды его юности, и кое-каких схваченных автором черт итальянской жизни, никакого иного материала и не было в распоряжении Гоголя. В отрывке на первый план выступает всюду описательная сторона, которая вообще раньше и скорее давалась Гоголю, нежели собственно повествовательная, требующая значительно более близкого и внимательного изучения изображаемой среды, тогда как для живого и меткого описания Гоголю было совершенно достаточно беглого внешнего наблюдения. Но прежде чем перейти к характеристике парижских впечатлений Гоголя на основании отрывка «Рим», постараемся установить его автобиографическое значение. Для этого нам необходимо указать отношение его к другим произведениям Гоголя.

Прежде всего в этом отрывке, первоначально озаглавленном «Аннунциата», Гоголь еще раз возвращается к волновавшей его в юности теме — к изображению в ярких красках невыразимых чар обаяния, производимых на поэта женской красотой. В этом отношении между «Аннунциатой» есть несомненное сходство с юношеским наброском Гоголя «Женщина». Здесь тот же приподнятый тон, и также при изображении наружности Аннунциаты повторяется еще раз столь нравившееся ему сочетание черного цвета волос с необыкновенной белизной лица. «Густая смоль волос тяжеловесной косой вознеслась в два кольца над головой и четырема длинными кудрями рассыпалась по шее. Как ни поворотит она сияющий снег своего лица — образ ее весь отпечатлевается в сердце». Для изображения красоты Аннунциаты Гоголь не щадит красок. «Это было чудо в высшей степени, — описывает ее Гоголь. — Все должно было померкнуть перед этим блеском. Глядя на нее, становилось ясно, почему итальянские поэты и сравнивают красавицу с солнцем. Это именно было солнце, полная красота! Все, что рассыпалось и блистает по одиночке в красавицах мира, все это собралось сюда вместе». Здесь так же, как в остальных произведениях Гоголя, где изображается красивая женщина, она является на пьедестал, скорее напоминая сошедшее на землю божество, нежели обыкновенного человека, и притом представляясь воображению читателя почти исключительно со стороны внешней красоты. Как в Алкиное, так и в Аннунциате чувствуется скорее изображение женщины, какой она является на картине и в статуе, нежели живого существа с плотью и кровью. В лице последней Гоголь, идеализируя женщину, приписывает ей даже способность производить какое-то волшебное действие на окружающее: «Все в ней венец создания, от плеч до античной дышащей ноги и до последнего пальчика на ее ноге. Куда ни пойдет она — уже несет с собой картину: спешит ли ввечеру к фонтану с кованной медной вазой на голове — вся проникается чудным согласием обнимающая ее окрестность: легче уходят в даль чудесные линии албанских гор, синее глубина римского неба, прямой летит вверх кипарис» и проч. В другом месте Гоголь говорит об Аннунциате, что «руки ее были для того, чтобы всякого обратить в художника: как художник, глядел бы он на них вечно, не смея дохнуть», и через несколько строк повторяет вновь тот же образ и сравнение, изображая, «как все, что ни было, казалось, превратилось в художника и смотрело на одну ее». «Это блеск молнии, а не женщина», — в восхищении отозвался о ней князь, и такую же характеристику автор повторяет в нескольких местах уже от собственного лица, утверждая, что «чудный праздник летел с лица ее на встречу всем». Но

Гоголь как будто не замечал того, что чем более он отрывает от земли свою идеальную красавицу, тем более образ ее затемняется и бледнеет, при всем старании автора озарить его ореолом дивного величия. В «Аннунциате» повторены в измененном виде и некоторые частные приемы, особенно охотно употребляемые Гоголем при изображении молодых, красивых женщин. Так мы говорили в другом месте, что, желая придать особый эффект образу Ганы в «Майской Ночи», Гоголь окружает ее какой-то таинственной прелестью в словах: «Дверь распахнулась со скрипом, и девушка на пороге семнадцатой весны, *обвитая сумерками*, переступила порог». Сходными штрихами поэт рисует Аннунциату в выражении: «Глубина галереи выдает ее из сумрачной темноты своей всю сверкающую, всю в блеске». Наконец, как художник Пискарев преклоняется в священном трепете и немом благоговении перед встреченной им на Невском красавицей и потом в своих мечтах представляет себе ее своей женой, способной украсить его скромную жизнь, так и здесь снова речь идет, между прочим, о «художнике с вандиковской бородкой, который долее всех остановился на одном месте, подумывая: «то-то была бы чудная модель для Дианы, гордой Юноны, соблазнительных граций и всех женщин, какие только передавались на полотно!» и дерзновенно думая в тоже время: «то-то был бы рай, если бы такое диво украсило навсегда смиренную его мастерскую».

Все эти указанные черты в повести «Рим» достаточно показывают связь ее с другими произведениями Гоголя и притом с теми местами в них, которые имеют особенное значение для характеристики субъективного отношения Гоголя к женщине и ее красоте; все это придает ей важное автобиографическое значение, как, впрочем, это по другим соображениям уже высказано было Тихонравовым.

Возвращаясь к извлечению характеристики парижским впечатлений Гоголя, насколько они отразились в рассматриваемой повести, мы, во-первых, должны принять в соображение поразительное сходство разбросанных отдельными чертами в разных письмах Гоголя описаний Парижа с теми, которые читаем в «Риме». Как прежде Гоголь нередко набрасывал отдельные характеристики посещенных им городов, то в письмах к матери и к друзьям, то внося их в виде эпизодов в свои сочинения (описание Коломны в «Портрете», Невского Проспекта в повести того же названия), так и описание Парижа является у него в других местах лишь в виде беглых, разрозненных набросков, тогда как в повести «Рим» он получил полную характеристику в изящной художественной обработке. Впрочем, существенное различие между впечатлениями Гоголя и молодого князя заключается лишь в том, что Го-

голь уже с самого начала своего пребывания в Париже не был увлечен им, и хотя поддавался до некоторой степени очарованию внешнего блеска, комфорта и изящества, но это нисколько не мешало ему тогда же смотреть на Париж только как на временную станцию, из которой он готов был при первой возможности направить путь в Италию. В первом же письме к Проковичу он отзывался так о нем: «Париж — город хороший для того, кто именно едет для Парижа, чтобы погрузиться во всю его жизнь. Но для таких людей, как мы с тобой, — не думаю; разве нужно скинуть с каждого из нас по восьми лет. К удобствам здешним приглядишься, тем более, что их более, нежели сколько нужно; люди легки, а природы, в которой всегда находишь ресурс и утешение, когда все приесться — нет; итак, нет того, что бы могло привязать к нему мою жизнь». Кроме указанного единственного различия, впечатления молодого князя-итальянца во всем поразительно сходны с впечатлениями Гоголя до мелочных подробностей. Так Гоголь вместе с Данилевским ежедневно посещал в Париже разные роскошно меблированные *cafes* и близко познакомился с их порядками и обычными посетителями. Впоследствии он узнал также итальянские *cafes* и имел полную возможность их сравнивать. Уже в южной Франции они поражали его своей нечистой, неопрятностью, но еще сильнее бросались в глаза эти недостатки при въезде в Италию. Разницу между ними он так описывал Данилевскому в письме из Лиона, (без точной даты, начинающемся словами: «Хотя бы вовсе не следовало писать из Лиона»): «Как я завидовал тебе всю дорогу, тебе, седоку в этом солнце великолепия, в Париже! Вообрази, что по всей дороге, по всем городам храмы бедные (так Данилевский и Гоголь называли в дружеской беседе и в шутку *cafes*). Богослужения тоже; жрецы невежи и неопрятны; благородная форма чашки в виде круглого колодца совершенно исчезла, и место ее заменила подлейшая форма суповой чашки, которая к тому же показывает довольно скоро неопрятное дно свое». Почти буквально сходное, с незначительной вариацией, описание читаем и в повести «Рим». «В девять часов утра, схватившись с постели, князь уже был в великолепном кафе, с модными фресками за стеклом, с потолком, облитым золотом, с листами длинных журналов и газет, с благородным приспешником, проходившим мимо посетителей, держа великолепный серебряный кофейник в руке. Там пил он с сибаритским наслаждением свой жирный кофе из громадной чашки, нежась на эластическом, упругом диване и вспоминая о низеньких, темных итальянских кафе с неопрятным боттегой, несущим невымытые стеклянные стаканы». Далее в повести «Рим» следует чрезвычайно живая передача уличных впечатлений, охватывающих в

Париже только что приехавшего иностранца. Роскошь и блеск действуют на него возбуждающим образом, а выставленные в магазинах редкости вводят в соблазн. Подобные же характеристики впечатлений, вызываемых роскошью других городов, Гоголь дает в рассказе о капитане Копейкине и отчасти в «Шинели» (сравни, например, в «Риме»: «Он зевал перед лавками, где останавливаются по целым часам парижские крокодилы, засунув руки в карманы, разинув рот, где краснел в зелени огромный морской рак, воздымалась набитая трюфелями индейка, с лаконической надписью: 300 fr., и мелькали золотистым пером и хвостами желтые и красные рыбы в стеклянных вазах»). В повести о капитане Копейкине: «Пройдет ли мимо Милютинских лавок: там из окна выглядывает в некотором роде семга этакая, вишенки по пяти рублей штука, арбуз громадище, дилижанс этакой высунул из окна, и, так сказать, ищет дурака, который бы заплатил сто рублей»). Подобные впечатления, вначале восторженные, спустя некоторое время сменяются совершенно противоположными, когда за временем ослепления наступает пора спокойного критического отношения к пустому внешнему блеску. Это душевное состояние и передано Гоголем, как в письме к Прокоповичу от 25-го января 1837 г. («К удобствам здешним приглядишься...»), так и в повести «Рим» («Во многом он разочаровался. Тот же Париж, вечно влекущий иностранцев, уже показался ему много, много не тем, чем был прежде»). Нерасположение Гоголя к преобладанию у парижан политических интересов над художественными и литературными также выразилось не только в рассказе о впечатлениях князя, но и в несколько раз цитированном письме к Прокоповичу, как это уже было указано Тихонравовым. О множестве театров и сценических представлений в Париже также не мало говорится и здесь, и там. Наконец, даже такие черты наружного блеска, как напр.: «Улицы все освещены газом. Многие из них сделаны галереями, освещены сверху стеклами. Полы в них мраморные и так хороши, что можно танцевать», — черты, насколько и мимоходом указанные в письме к матери, являются снова и в повести «Рим»: «Его ослеплял трепещущий блеск магазинов, озаряемых светом, падавшим сквозь стеклянный потолок в галерею» и проч.

В общем результате впечатления, вынесенные Гоголем из Парижа, были скорее неблагоприятные, и они также были высказаны устами молодого князя в повести: «в движении вечного его кипения и деятельности виделась теперь ему страшная недеятельность, страшное царство слов вместо дел».

Но в Париже Гоголь испытал и много счастливых минут, на что указывает уже то обстоятельство, что творчес-

кая работа его подвигалась быстро, что случалось с ним лишь в тех городах, где он чувствовал себя привольно, где все было ему по душе. Но дело в том, что в Париже он снова встретил много знакомых, в том числе Смирновых и, может быть, Толстых. По воспоминаниям покойной А.О.Смирновой, переданным в «Записках о жизни Гоголя», Гоголь не любил Парижа, но, как бы забывая о нем, он много говорил с ней о родной Малороссии, о высоком камыше, о бурьяне, об аистах, о галушках, о варениках и сереньком дыме, вылетающем из деревянных труб и стелющемся по голубому небу». Она же пела ему песню: «Ой не ходы, Грицю, на вечерницы».

XV

Хотя Париж был первым городом, в котором Гоголь остался на более продолжительный срок, но, живя в нем, он чувствовал себя не вполне удовлетворенным и дожидался только прекращения холеры в Италии, чтобы направить туда путь свой. Нетерпение его усиливалось еще от недовольства парижским климатом, о котором он составил такое невыгодное представление, что готов был сравнивать его с петербургским и почти во всех письмах жаловался на сырую погоду в Париже во время зимы. В Италию Гоголя манило желание встретить весну во всем ее расцвете, — весну, это любимое его время года. В конце января 1837 г. по старому стилю Гоголь еще не мог выехать на юг, так как слухи о холере не совсем замолкли; недели через две он, напротив, говорил уже, что «болезнь в Италии давно прекратилась, и время становится благоприятным для отъезда», но несмотря на то он остается еще почти на целый месяц в Париже. Если причиной промедления его на этот раз не были денежные затруднения, то, может быть, его следует приписать опасению пропустить в дороге время карнавала, так как в Рим уже было невозможно успеть к этому сроку, а затем уже приезд мог быть соображен с наступлением следующего выдающегося празднования в Риме, т.е. праздника Пасхи. По крайней мере по некоторым соображениям можно думать, что для него вообще, как впрочем это и естественно, иногда имели некоторое значение при определении маршрутов разные торжества и выдающиеся события.

Италия уже заранее рисовалась Гоголю в самых привлекательных красках, но были еще два особенных обстоятельства, подготовившие в нем будущее восторженное отношение к ней. Во-первых, он еще в Петербурге много слышал от Жуковского о красотах Германии и Швейцарии и был преждевременно настроен восхищаться ими, но при собственном ознакомлении с этими странами его

преувеличенные ожидания во многом не оправдались. Отсюда почувствовалась неудовлетворенность, и душа поэта сосредоточила все надежды на Италии. Между тем неожиданное препятствие не позволило слишком скоро осуществить поездку в заманчивый край, и это послужило другим обстоятельствам, в силу которого заочное обаяние Италии росло для Гоголя с каждым днем. Нетерпение увидеть, наконец, Италию, насладиться ее пышной весной, встретить в знаменитом храме св. Петра светлый праздник и присутствовать в этот день при богослужении, совершаемом «самим папой», сделалось для Гоголя горячей мечтой в последние дни его жизни в Париже.

Первые впечатления Гоголя в Италии, когда он был еще в дороге и спешил безостановочно в Рим, во многом, как увидим, сходны с впечатлениями молодого князя в его повести. Тем более нельзя не пожалеть, что отсутствие подробностей в переписке о выезде Гоголя из Парижа и его дорожных впечатлениях не позволяет нам в точности проследить, насколько именно в этой части рассказа следует искать автобиографического материала. Первые римские впечатления Гоголя были настолько ярки и сильны, что они совершенно заслонили для него впечатления предшествующей Риму поездки, и о ней он, против обыкновения, не упоминает вовсе. Самое письмо к матери, в котором заключается извещение о приезде в Рим, было написано второпях, вследствие желания поскорее насладиться чудным итальянским небом и солнцем. О князе же в повести сказано, что он «не хотел медлить минуты и взял место в курьерской карете. Казалось, страшная тягость свалилась с души его, когда скрылся из вида Париж, и дохнуло на него свежим воздухом полей. В двое суток он уже был в Марселе, не хотел отдохнуть часу и в тот же вечер пересел на пароход. Средиземное море показалось ему родным: оно омывало берега его отчизны, и он полетел уже, только глядя на одни бесконечные его волны». Оставляя в стороне личные черты, относившиеся только к молодому итальянцу («Средиземное море омывало берега его отчизны»), все остальное могло быть отзвуком пережитого самим Гоголем, как к нему же можно и раньше отнести выражение: «и стала представляться ему чаще забытая им Италия, вдали, в каком-то манящем свете; с каждым днем зазывы ее становились слышнее». Как эстетик и энтузиаст в отношении красот природы, Гоголь легко мог почувствовать даже Средиземное море «родным» для себя, как впоследствии он называл не раз родной Италию, а родным языком — итальянский. Но все это пока предположения, тогда как нельзя ни на минуту усомниться в том, что все сказанное затем о впечатлениях князя в Генуе и Флоренции должно быть смело отнесено к самому Гоголю. Он так же приехал в Рим через Геную и

Флоренцию, и так же Генуя была первым виденным им в Италии городом, в котором «он принял первый поцелуй Италии» и потом, «как прекрасную статую, унес ее в своем воображении». И князю так же, как и ему, была незнакома прежде Генуя, и в описании этого города в повести «Рим» несомненно отразились собственные восторженные впечатления автора, из которых незаметно сложился материал для яркой, хотя и исключительно внешней беглой характеристики. Описание Генуи любопытно в том отношении, что уже из него ясно, до какой степени душа Гоголя, даже мимоходом, жадно захватывала не только очарование итальянской природы, но и своеобразную красоту оригинальной итальянской жизни. Видно, что Гоголю Италия полюбилась сразу и сильно, полюбилась навсегда всеми своими особенностями. Гоголь чутко и живо воспринимал впечатления и передавал их вполне поэтически. «В двойной красоте, — писал он о князе, — «вознеслись над ним пестрые колокольни Генуи, полосатые церкви из белого и черного мрамора и весь многобашенный амфитеатр ее, вдруг обнесший его со всех сторон, когда пароход пришел к пристани. Эта играющая пестрота домов, церквей и дворцов на тонком небесном воздухе, блиставшем непостижимой голубизной, была единственна». Как всегда, Гоголь сумел с необыкновенной быстротой схватить все малейшие подробности иногда почти неуловимых впечатлений и воспроизвести в одной яркой картине («Сошедши на берег, он очутился вдруг в этих темных, чудных, узеньких мощных плитами улицах, с одной узенькой вверху полоской неба. Его поразила эта теснота между домами высокими, огромными, отсутствие экипажного стука, треугольные маленькие площадки и между ними, как тесные коридоры, изгибающиеся линии улиц, наполненных лавочками генуэзских серебряных и золотых мастеров»). При первом вступлении на итальянскую почву, Гоголь уже ощутил особенное благоговейное настроение, которое он нередко переживал потом в тишине украшенных превосходными созданиями искусства католических храмов. Чтобы убедиться еще более, несколько субъективны и в высшей степени важны для характеристики чувства, охватившего самого Гоголя в Генуе, следующие за приведенным местом слова его в повести, их необходимо сравнить с словами его в одном из писем. Живописные кружевные покрывала женщин, — говорит Гоголь, — чуть волнующие теплым сирокко, их твердые походки, звонкий говор в улицах, отворенные двери церквей, кафельный запах, несшийся оттуда, — все это дунуло на него чем-то далеким, минувшим. Он вспомнил, что уже много лет не был в церкви, потерявшей свое чистое, высокое значение в тех умных землях Европы, где он был. Тихо вошел он и стал в молчании на колени у *великолеп-*

ных мраморных колонн, и долго молился сам не зная за что, — молился, что его приняла Италия, что снизошло на него желание молиться, что празднично было у него на душе, и молитва эта верно была лучшая». В письме к М.П.Балабиной, написанном в апреле 1838 года, Гоголь передает в поразительно сходных чертах чувство, испытываемое им при посещении «церквей римских, тех прекрасных церквей, где дышит священный сумрак и где солнце, с вышины овального купола, как Святой Дух, как вдохновение, посещает середину их, где две-три молящиеся на коленях фигуры не только не отвлекают, но, кажется, дают еще крылья молитве и размышлению». Ср. в VI главе «Тараса Бульбы» в исправленном виде: «Несколько женщин, похожих на привидения, стояли на коленях; несколько мужчин, прислонясь у колонн, печально стояли тоже на коленях». Окно с цветными стеклами, бывшее над алтарем, озарилось розовым румянцем утра, и упали от него на поле голубые, желтые и других цветов кружки света, осветившие внезапно темную церковь. Весь алтарь в своем далеком уединении показался вдруг в сиянии; кадилный дым остановился в воздухе радужным освещенным облаком». Припоминая это прекрасное место, где Гоголь так художественно рисует картину быстрого распространения утреннего света в сумраке костела, — место, отсутствующее в первоначальном эскизе, — мы не можем сомневаться, что между ним и приведенными выше строками письма к Балабиной сходство во всяком случае далеко не случайное, и действие, произведенное этим эффектным светом вместе с волшебными звуками органа, на душу Андрея, конечно, было только отголоском тех чудных поэтических минут, которые оставили неизгладимый след в религиозной душе самого автора, не раз испытывавшего сладкий трепет благоговения в великолепных и изящных римских церквах.

Наконец Гоголь прибыл в Рим. Путешествие его было не очень удачно: оно затянулось гораздо дольше, чем можно было предполагать. Он «ехал и морем, и землей, с задержками и остановками, но, несмотря на все это, попал как раз к празднику».

XVI

Нам необходимо остановиться подробнее на том огромном значении, которое имела для Гоголя жизнь в Италии.

Страсть к Риму представляет такой крупный, знаменательный факт в биографии нашего писателя, что она должна быть отмечена с особым ударением. В Риме Гоголь нашел наконец, после долгих скитаний, тот родной уголок земли, где он мог, предаваясь от души блаженству

исполненной тонких художественных наслаждений жизни, позабыть на время все мучительные невзгоды и дрязги, где ему дышалось хорошо и привольно и откуда не тянуло его даже в родную Украину. Здесь ему удалось, хотя не надолго, найти настоящий земной рай, и наслаждениям его не было границ. Ни в годы счастливой юности, ни в пору блестящих литературных успехов Гоголь не знал и тени того восторженного поэтического упоения, которому он отдался беззаветно в Италии. В Риме ему сразу и навсегда полюбилась и «скромная тишина улиц, и это особенное выражение римского населения, и этот призрачный восемнадцатого века, еще мелькавший по улице то в виде черного аббата с треугольными шляпами, черными чулками и башмаками, то в виде старинной, пурпурной, кардинальской кареты с позлащенными осями, колесами, картузами и гербами — все как-то согласовалось с важностью Рима». Великое историческое прошлое Италии также часто рисовалось в пылком воображении поэта во всем своем славном, мировом величии, и, припоминая его, он готов был в восторге восклицать вместе с изображенным им в повести «Рим» молодым князем, что «еще не умерла Италия, что слышится ее неотразимое вечное владычество над всем миром, что вечно веет над ней ее великий гений, уже в самом начале завязавший в груди ее судьбы Европы, внесший крест в европейские темные леса, вознесшийся потом всем блеском ума, венчавший чело свое святым венцом поэзии» и проч. Напомним мимоходом, что от этих последних строк, как и от всей повести «Рим», снова веет молодыми увлечениями Гоголя, ярко проявившимися в его исторических статьях и набросках, помещенных им в «Арабесках».

Горячий энтузиазм Гоголя, вспыхнувший светлым пламенем при въезде в Италию, и порожденная им исключительность, побуждавшая впоследствии нашего поэта на некоторое время пожертвовать предмету своего нового пристрастия почти всеми интересами жизни, довели его до того, что, по словам покойного Анненкова, «взлелеянный уединением Рима, он весь предался творчеству и перестал читать и заботиться о том, что делается в остальной Европе».

В Италии Гоголь с самых первых дней восхищался и природой, и произведениями искусства, и в каждом слове, которым он приветствовал радушно принявшую его страну, слышится горячее чувство художника. Странно, каким образом он мог писать позднее Жуковскому, что Швейцарией и Германией он будто бы восторгался больше, нежели со временем Италией при первом знакомлении с нею, тогда как уже первые впечатления, полученные им в Риме, были полны беспредельного восторга. Впрочем и Данилевскому он также говорил однажды: «Влюбляешь-

ся в Рим очень медленно, понемногу и уже на всю жизнь. Словом, вся Европа для того, чтобы смотреть, а Италия для того, чтобы жить». В самом деле, это был не мимолетный порыв эстетического увлечения, но истинная, жаркая, пламенная страсть.

Необходимо по возможности проследить, как крепла и росла эта страсть и какие следы она оставила на личности и творчестве Гоголя. Для того, чтобы оценить в полной мере ее значение, следует обратить внимание как на исключительность поэтической природы Гоголя, так и на самый предмет его страсти. Если, как поэт, Гоголь страстно любил природу вообще, то известно, что больше всего его приводила в восторг чудная, ни с чем несравнимая прелесть европейского юга, чарующая роскошь весны, яркий, приветливый блеск солнечного дня. В силу своей пылкой южной природы, Гоголь ценил в природе преимущественно яркие, сверкающие краски; понятно, что ему особенно должна была прийти по душе именно природа «счастливой» Италии, с ее пламенной негой, в ее вечно светлом, праздничном ликовании. Неудивительно также, что если, едва лишь вступив в пределы Италии, Гоголь беззаветно отдался захватывающему действию ее дивных красот, то потом Италия осталась для него почти до гроба обетованной землей, и ему, как всякому человеку, охваченному страстью, с каждым днем открывались в любимом предмете незамеченные и неоцененные прежде красоты. Чары Италии заслонили и смягчили для него самую утрату Пушкина. «О, Пушкин, Пушкин! — говорил он: — какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни, и как печально было мое пробуждение! Что бы за жизнь моя была после этого в Петербурге; но как будто с целью всемогущая рука Промысла бросила меня под сверкающее небо Италии, чтобы я забыл о горе, о людях, о всем, и весь впился в ее роскошные красоты. Она заменила мне все. *Гляжу, как испуганный, на нее и не наглажусь!*» Об Италии он говорит с величайшим восхищением во многих письмах и потом до конца жизни не мог о ней вспомнить иначе, как с восторженным чувством, причем это увлечение иногда сообщалось и его собеседникам. Так точно и товарищ и участник его заграничных странствований и восторгов, А.С.Данилевский, уже на краю гроба не мог говорить без волнения о чудной стране, в которой он пережил с Гоголем столько светлых, незабываемых в жизни минут. Его воспоминания о Риме, об *Isola Bella* и проч. В тесном кругу любящей семьи, при всем грустном сознании вечной, невознаградившей утраты, дышали какой-то неизъяснимой отрадой... Но всего замечательнее было наслаждение Гоголя, когда ему выпадал счастливый случай посвящать неопытного новичка во все неизведанные им тайны святынь итальянской природы и искусства. В

это время Гоголь чрезвычайно воодушевлялся, гордясь всем показываемым, как собственным счастьем и славой. Всех наиболее дорогих людей он неоднократно звал и заманивал в Италию, как только мог, и радовался, когда узнавал, что кому-нибудь из них в самом деле предстояла поездка в Италию. Гоголю, конечно, случалось находить и сочувствующих товарищей своего страстного обожания Италии, к числу которых прежде других может быть отнесена его бывшая ученица М.П.Балабина, до того полюбившая Рим, что, выехав однажды из него, просила Гоголя поклониться от нее всему тому, что более говорит о Риме и, между прочим, непременно первому встречному аббату. Ей же Гоголь в следующих выражениях сообщал о вторичном приезде своем в Италию, очевидно, вполне рассчитывая на сочувствие: «Когда я увидел наконец во второй раз Рим, о, как он мне показался прекрасен! Мне казалось, что будто я увидел свою родину, в которой несколько лет не бывал, и в которой жили только мои мысли. Но нет, это все не то: не свою родину, но родину души своей я увидел, где моя душа жила еще прежде, чем я родился на свет. Опять тоже небо, то все серебряное, одетое в какое-то атласное сверканье, то синее, как любит оно показываться сквозь арки Колизея». Также делили с Гоголем в Италии свои восторги Жуковский и Шевырев, а отчасти и Погодин. Рим нравился также больному Иосифу Виельгорскому. Только один, почти без движения пригвожденный к своему грустному одру, несчастный страдалец Языков не мог увлекаться этим чудным краем и лишь тяготился напомиравшим о жизни и счастье энтузиазмом Гоголя. Наконец даже маленьким дочерям Александры Осиповны Смирновой Гоголь умел внушить такую сильную симпатию к Италии, что, возвратившись однажды после большого промежутка времени в Рим, они в избытке восторга и счастья бросились целовать мостовую вечного города.

Словом, годы, проведенные Гоголем в Риме, можно без большого преувеличения назвать в некотором роде светлым праздником его жизни.

XVII

Гоголь приехал в Рим со своим знакомым Золотаревым 14 марта 1837 года. Выезжая из Парижа, он взял с Данилевского обещание как можно скорее последовать за ним, не позже, как через неделю после его собственного приезда. Но, как всегда, Данилевский несколько запоздал. Впрочем время Гоголя было совершенно наполнено от множества новых и сильных впечатлений, и если он мог о чем жалеть, то разве только о том, что ему не с кем было делить непосредственно своих восторгов. Данилев-

скому же он не мог теперь передавать охватывавшие его чувства, ожидая его к себе со дня на день. Но он тотчас же почти писал другому, наиболее близкому своему другу, Прокоповичу: «Что тебе сказать об Италии? Она прекрасна. Она менее поразит с первого раза, недели после. Только осматриваясь более и более, видишь и чувствуешь ее тайную прелесть. В небе и облаках виден какой-то серебряный блеск. Солнечный свет далее объемлет горизонт. А ночи... прекрасны. Звезды блещут сильнее, нежели у нас, и по виду кажутся больше наших, как планеты. А воздух! Он так чист, что дальние предметы кажутся близкими». Из этого же письма к Прокоповичу ясно, что развалины и древности Рима, увенчанные плющом, вделанные в новые дома куски старинной стены, колонны или рельефа, с самых первых дней очаровали Гоголя. Начиная с этого письма к Прокоповичу, а также с письма Гоголя матери, написанного тотчас по приезде в Рим, мы замечаем вообще, что он вступает в новую, личную фазу своей жизни. Его письма из Италии настолько же блещут поэзией, настолько проникнуты здоровьем и радостным чувством молодого, счастливого упоения жизнью, насколько через несколько времени они становятся, напротив, унылыми, монотонными и безжизненными. Но особенно они дышат жизнью и счастьем в 1838 и 1839 годах, хотя в это время его переписка даже с матерью становится очень редкой: до того он был упоен и поглощен тогда одной Италией.

Из знакомых у Гоголя в это время в Риме не было почти никого, кроме Балабиных, Репниных и княгини Зинаиды Александровны Волконской, не считая, конечно, сожителя его Данилевского. Об отношениях Гоголя к последнему мы уже подробно говорили в особой статье; что касается до отношений его к другим поименованным лицам, то мы можем здесь сообщить некоторые новые подробности на основании рассказа княжны Варвары Николаевны Репниной.

Мы говорили выше, что Гоголь прожил несколько недель в обществе Балабиных и Репниных в Баден-Бадене в 1836 году. «После этого, — рассказывала нам княжна В.Н.Репнина, — из Баден-Бадена поехали мы в Марсель и потом на барке в Италию. Мы ехали таким образом. По дороге в Марсель, в маленьком городке на Роне, в Pont Saint Esprit мы должны были ночевать, потому что мать занемогла. Потом мы продолжали прерванный путь с матерью и сестрой (Елизаветой Николаевной Репниной, вскоре после этого вышедшей замуж за начальника русских художников в Риме, Павла Ивановича Кривцова), а Марья Петровна Балабина отправилась со своей матерью до Авиньона. Потом мы поехали вместе в Лион экипажем, а из Лиона в Марсель. В Марселе сели на пароход, где нам сопутствовали три брата лордов Харвей, из которых один

влюбился в Марью Петровну и сделал ей предложение, но получил отказ. В намерении посвататься он решился сопровождать Балабиных в Италию и поехал вместе с Варварой Осиповной, Марьей Петровной и с Глафирой Ивановой Дуниной-Барковской в Ливорно. Это был первый город в Италии, в котором мы остановились. Мы должны были долго пробыть там, потому что наш корабль был в соприкосновении со Смирной, где свирепствовала тогда чума, и нас не пускали дальше, а сначала даже и в Ливорно. Мы должны были остаться в карантине и здесь получили печальное известие о смерти моей сестры, Кушелевой-Безбородко. Потом мы поехали в Пизу. Так как Пиза чрезвычайно скучный город, то Варвара Осиповна вскоре переехала во Флоренцию. В Пизе-то Артур Харвей и сделал предложение Марье Петровне. Она сначала даже дала было согласие, но отец ее, Петр Иванович, был в страшном негодовании, и дело расстроилось. Из Флоренции мы поехали в Рим. Сюда приехал потом и мой отец. Здесь мы опять встретились с Гоголем. У отца была сильная подагра. Он часто разговаривал с Гоголем, но они не сходились и почти всегда спорили. Отцу сильно не нравился сатирический склад ума Гоголя и он был притом недоволен его произведениями, особенно «Миргородом». Напротив, Варвара Осиповна очень любила Гоголя, как и вообще всегда ценила общество умных и образованных людей. Нас нередко навещал аббат Lanci, имя которого не раз встречается в переписке Гоголя. Помню, как однажды вечером Гоголь у нас, не переставая, говорил по-русски (он был тогда, что называется, в ударе), так что аббат, не понимая нашего языка, не мог весь вечер проронить ни слова. На этот раз, — но это случилось только однажды, — и Варвара Осиповна осталась недовольна Гоголем и бранила его за недогадливость и неучтивость.

О княгине Зинаиде Александровне Волконской и ее отношениях к Гоголю княгиня Репнина сообщила нам следующее.

«Зинаида Александровна, урожденная княжна Белосельская-Белозерская, была жена родного моего (княжны Репниной) дяди, князя Никиты Григорьевича Волконского. Ее воспевали Веневитинов, Жуковский, Пушкин; Мицкевич в чудных стихах описал ее гостиную. Она жила сначала в Москве, где и встречалась с Веневитиновым и Мицкевичем. Позднее она приняла католичество (тайным образом, вероятно, еще когда жила в Москве). Потом переехала в Петербург. Когда известие о совращении ее в католицизм дошло до императора Николая Павловича, то он хотел ее вразумить и посылал ей с этой целью священника. Но с ней сделался нервный припадок, конвульсии. Государь позволил ей уехать из России,

и она избрала местом жительства Италию, что, конечно, было в связи с переменой религии. В Риме ее вскоре прозвали Beata; она сначала очень полюбила Гоголя, но потом возненавидела. Это случилось позднее, по следующей причине. Когда умирал Иосиф Виельгорский, то у него ежедневно бывали Елизавета Григорьевна Черткова, урожденная Чернышева, графиня Марья Артемьевна Воронцова и наконец Гоголь. Зинаида Александровна была уже тогда ярая католичка, и мне рассказывали, что Гоголь пошел прогуляться и вместе поискать священника для исповеди умирающего. Гоголь же потом сам читал для него отходную. Молодой Виельгорский причащался в саду, и мой отец поддерживал его и читал за него: «Верую, Господи, и исповедую». Но когда он умирал, то в его комнате уже был приглашенный княгиней Волконской аббат Жерве. Зинаида Александровна нагнулась над умирающим и тихонько шепнула аббату: «вот теперь настала удобная минута обратить его в католичество». Но аббат оказался настолько благороден, что возразил ей: «Княгиня, в комнате умирающего должна быть безусловная тишина и молчание». Тем не менее моя тетка (т.е. княгиня З.А.Волконская) что-то еще пошептала над Виельгорским и потом проговорила: «Я видела, что душа вышла из него католическая». Виельгорский же был перед смертью так слаб, что Черткова вместе с Гоголем нежно ухаживали за ним и держали тарелку, когда он ел. Но Черткова собиралась уехать, так как этого требовал ее муж. В знак глубокой признательности к ней за хлопоты и попечения о нем, Виельгорский, умирая, снял с руки кольцо, чтобы передать его Чертковой. Увидев это, Волконская почему-то с несдерживаемым негодованием произнесла: «c'est impotable». Она находила, что когда Виельгорский умирал, то у него не должно было остаться никакого земного чувства».

Гоголь прожил в Риме до половины июня 1837 г. и все это время провел вместе с Данилевским. Расстаться с другом и покинуть любимый город заставили поэта возобновившиеся и усилившиеся недуги и возвращение в Рим холеры. Сначала он еще надеялся провести все лето в Риме, но вскоре нашел необходимым выехать в Баден и писал оттуда: «Сердце мое тоскует по Риме и по моей Италии! И не дожусь, покамест пройдет месяц, который мне нужно убить на здешних водах». В начале лета его сильно захватила нужда и, может быть, это также была одна из причин его выезда из Италии. Очевидно, все прежние средства истощились, и Гоголю необходимо было изыскивать новые ресурсы. Он поручил было Прокоповичу узнать, все ли деньги получены от Смирдина и не успел ли для него что-нибудь сделать Жуковский при дворе. Наконец он просил своего приятеля продать ос-

тавшуюся в Петербурге его библиотеку и прислать ему какие-то «рукописные книги», т.е., вероятно, те тетради, в которых записывались его сочинения. В то же время он узнавал адрес Павла Николаевича Демидова, которому вскоре и написал весьма любезное письмо, напечатанное в «Русской Старине» (1888 г., март). Но в Риме вскоре усилилась холера, и это прискорбное обстоятельство заставляло Гоголя против воли все более отсрочивать свое возвращение в излюбленный город; так 12 июня он писал, что предполагает только месяц пробыть в Швейцарии, тогда как через несколько дней он писал уже с дороги, что проживет недели две в Бадене и затем уже приедет в Женеву, а в Рим воротится только в конце августа или в начале сентября. Так или иначе, нет никакого сомнения, что вне Италии Гоголя удерживала только крайняя необходимость. Еще немного позднее он писал Прокоповичу: «возьми из банка полторы тысячи и пришли мне». Из письма от 16-го июля 1837 г. к Варваре Осиповне Балабиной оказывается, что он прибыл в Баден около половины этого месяца, так как, согласно обещанию, письмо было написано на первых днях по приезде. «Я обещался писать, — говорил Гоголь в начале письма, — приехавши на место, где мне суждено пользоваться водопоем, и передать вам впечатления которые произвела на меня Швейцария после Италии» и проч. Судя по второй половине письма, в Бадене он не намеревался оставаться долго («я в Бадене мимоездом. Еще неизвестно, на какие воды буду отправлен»). Между тем, как видно из письма к матери от 1-го октября, он остался в Бадене целый месяц и в этот-то промежуток, вероятно, побывал вместе с братом А.О.Смирновой, Аркадием Осиповичем Россетом, в Страсбурге, как это видно из книги г.Кулиша: «Записки о жизни Гоголя». Причиной такого промедления, кроме лечения, могла быть таким образом новая приятная встреча со Смирновой, облегчившая для него одиночество и скуку.

XVIII

С половины июля почти до октября 1837 года переписка Гоголя совершенно прекращается. Такой перерыв, однако, должен быть объяснен не одной болезнью, но и другими соображениями. Гоголь, без сомнения, был болен в этот промежуток времени, но не тяжело, так как в противном случае воспоминание об этом непременно сохранилось бы или в печатных источниках, или в памяти тех лиц, которые знали его и не забыли это далекое время. Между тем совершенно не осталось никаких следов чего-либо подобного, и напротив, есть основание думать, что Гоголь ни разу не был сильно болен до 1840 г., хотя

тогда перерыв в его переписке был никак не больше. Мы уже говорили, что в Бадене Гоголь пробыл больше месяца, следовательно, до половины или конца августа. Перед приездом в Баден он, неизвестно для какой цели, был снова во Франкфурте-на-Майне. В Бадене он был совершенно здоров и выезжал оттуда несколько раз, например, в Страсбург и Карлсруэ. Так как это время он провел преимущественно в семье Александры Осиповны Смирновой, то много любопытных подробностей должно открыться по обнаружении подлинного дневника последней. Затем, по выезде из Бадена, трехнедельный или месячный промежуток времени мог быть проведен Гоголем в непрерывных переездах. «Теперь я таскаюсь бесприютно», писал он Прокоповичу 19-го сентября уже из Швейцарии, — если только последнее выражение не указывает исключительно на вынужденный переезд из Рима сначала в Баден, а потом в Женеву. В Швейцарию к нему вскоре приехал и Данилевский. Затем все остальное время до конца ноября он прожил с Данилевским и потому, по его словам, «провел осень довольно приятно», и наконец при первой возможности снова возвратился в Рим, впрочем не тотчас по прекращении в нем холеры, а спустя уже некоторое время, потому что в Женеве он дожидался писем из Петербурга (вероятно, от Прокоповича и Жуковского по поводу запросов о денежных делах). Письмо к Жуковскому от 30 октября 1837 г. из Рима заставляет, впрочем, предположить, что, уже вернувшись туда в конце октября, Гоголь снова на короткое время должен был еще раз приехать в Швейцарию.

Упомянутый пробел в переписке мог произойти прежде всего потому, что матери Гоголь уже писал, чтобы она не ждала от него писем во время предстоящей разъездной жизни и не удивлялась, если не будет получать ответов, так как и ее письма, адресованные по-прежнему в Рим, долго не могут быть им получены. Он не сообщил ей определенного временного адреса, очевидно не зная сам, как придется ему распоряжаться разъездами. Впрочем, если мать его пожелала бы, чтобы он раньше получил письмо, то она должна была адресовать письмо в Женеву в *poste restante*, но и это могло произойти только в конце лета. «Если успеете его отправить в августе месяце, то оно будет мной получено, потому что, *может быть*, я в Женеве пробуду недели две, на возврате в Италию». Притом в это время он вообще стал уже редко переписываться с матерью и предыдущий промежуток между письмами был не менее продолжительный (также трехмесячный). Далее следует обратить внимание на то, что Гоголь также совершенно ни с кем не переписывался, начиная с водворения своего в Риме, даже с Погодиным, и не прерывал своих отношений

лишь с Балабиными, Данилевским и Прокоповичем, — с последним отчасти даже обменивался письмами по необходимости чаще прежнего. Между тем с Данилевским, в занимающий нас промежуток времени, он жил вместе, а Балабиной — матери — он писал тотчас по приезде в Баден. Наконец, благодаря карантинам и почтовым неисправностям, некоторые письма Гоголя, относящиеся к этому времени, не были получены его корреспондентами. 15 апреля 1838 г. Гоголь жаловался Прокоповичу: «Римское правительство вздумало сделать разные преобразования почты, которая, в продолжение холеры и прочих несчастных обстоятельств, пришла в весьма жалкое положение с тех пор, как сделаны эти преобразования. *Пропало уже два письма*, которые я писал к некоторым моим знакомым, а ко мне, я думаю, множество, потому что я более полугода решительно не получал писем».

Все эти справки и соображения могут быть полезны, между прочим, для того, чтобы установить предположение о поездке Гоголя, в занимающий нас промежуток времени, в Испанию. Что Гоголь был действительно в Испании, сообщено еще г. Кулишом в «Записках о жизни Гоголя» и затем подтверждается показаниями Смирновых и Данилевского; но никакого иного времени для этой поездки решительно нельзя допустить по сохранившимся данным переписки. Притом в это время Гоголь «таскался бесприютно», что, как известно из многих случаев его жизни, случалось именно, когда он чувствовал себя нехорошо. Дорога служила ему обыкновенно развлечением и способствовала его духовному и телесному возрождению. Как мы видели, все эти причины в настоящем случае были в наличности. В письме к Прокоповичу от 19 сентября 1837 г. читаем: «Я боюсь ипохондрии, которая гонится за мной по пятам. Смерть Пушкина, кажется, как будто отняла от всего, на что погляжу, половину того, что могло бы меня развлекать. Желудок мой гадок до невозможной степени и отказывается решительно варить. Воды мне ничего не помогли; только чувствую себя хуже: легкость в кармане и тяжесть в желудке». Ко всем этим неприятностям присоединялось еще то, что библиотеку, оставленную Гоголем в Петербурге, стоившую Гоголю до трех тысяч, решительно не удалось продать. Впрочем в конце 1837 г. его денежные обстоятельства заметно улучшились: сначала он получил тысячу рублей от Плетнева, что дало ему возможность уплатить некоторую часть долгов, а потом он «неожиданно» получил от государя снова пять тысяч и таким образом был выведен из затруднительного положения.

Письмо к Прокоповичу, в котором сообщено об этом подарке государя, не имеет даты, но оно несомнен-

но предшествовало возвращению Гоголя в Италию, так как по получении денег он нисколько не промедлил в Женеве и по приезде в Рим писал Жуковскому в благодарственном письме за присланные деньги: «Вексель с известием еще в августе месяце пришел ко мне в Рим, но я долго не мог возвратиться туда по причине холеры. Наконец я вырвался. Если бы вы знали, с какой радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу, Италию! Она моя! Никто в мире ее не отнимет у меня! Я родился здесь. — Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр, — все это мне снилось. Я проснулся опять на родине и пожалел только, что поэтическая часть этого сна — вы, да три-четыре оставших вечную радость воспоминания в душе моей, не перешли в действительность». Но, судя по датам писем, Гоголь должен был снова возвратиться почему-то еще раз не надолго в Швейцарию. Вторично он поехал в Италию уже через Альпы и, освободившись от долговременной тяжести, лежавшей у него на душе во все время его разлуки со страстно любимой Италией, любовался скалами, стремнинами, водопадами. Опять он с увлечением передает свои дорожные впечатления матери и восхищается прелестным островом *Isola Bella*, всегда сильно нравившимся как ему, так и Данилевскому. Матери он также писал о своей радости, испытанной им при возвращении в Италию: «Мысль увидеть Италию опять — вновь произвела то, что я бросил Швейцарию, как узник бросает темницу. Я избрал на этот раз другую дорогу, сухим путем, через Альпы, самую живописную, какую только мне удавалось видеть», и проч. Наконец через Милан и Флоренцию он прибыл вторично в Рим, и ему уже казалось, что от одного приезда в любимую страну он совершенно исцелился от всех болезней и чувствовал себя хорошо.

Таким образом, маршруты Гоголя в продолжение нескольких месяцев, от половины июня до конца ноября 1837 г., были приблизительно следующие: 12 или 13 июня он выехал из Рима, 15-го был в Турине, откуда написал письмо матери, потом был во Франкфурте-на-Майне, прожил некоторое время в Баден-Бадене, потом был в Женеве, откуда поехал в Рим и прибыл туда в конце октября (30 октября им было из Рима написано письмо Жуковскому), затем снова приехал в Швейцарию, наконец из Женевы возвратился через Семплон, проехав мимо острова *Isola Bella*, в Милан, Флоренцию и Рим. Во время этих блужданий и переездов могла быть, кроме того, совершена Гоголем упомянутая поездка в Испанию. В этом приблизительном маршруте Гоголя мы допускаем его вторичное возвращение в Швейцарию, конечно, лишь в том предположении, что даты писем его верны.

XIX

Во второе свое пребывание в Риме Гоголь сначала жил почти совершенно один, не имея никаких знакомых, кроме мало интересных и несимпатичных ему русских художников, состоявших под начальством Павла Ивановича Кривцова, женившегося 12 ноября 1837 г. на Елизавете Николаевне Репниной. Остальные Репнины жили тогда во Флоренции, а Балабины давно уже возвратились в Петербург. Но зато Гоголю мелькала надежда в скором времени увидеть в Риме Жуковского, сопровождавшего, как известно, наследника Александра Николаевича, который предполагал после путешествия по России и западной Сибири совершить такое же путешествие по западной Европе. «Узнай от Плетнева, — писал Гоголь Прокоповичу еще из Женевы 12 сентября 1837 года: — правда ли это, что говорят, что будто на следующий год едет наследник, а с ним, без сомнения, и Жуковский, а может быть и Плетнев, в Италию». Между тем обычное течение жизни Гоголя было совершенно такое же, как и прежде. Его отношения к Италии изменились очень мало; но так как теперь они определились еще яснее, то нам и следует еще раз остановиться на изучении некоторых подробностей. Красоты Италии еще сильнее стали поражать Гоголя после того, как он оставил ее на время и снова побывал в странах, которые прежде нравились ему, но теперь, в сравнении с Италией, потеряли всякое обаяние. Всего ярче новые впечатления в Швейцарии были изображены Гоголем в письме к Варваре Осиповне Балабиной от 16 июля 1837 года, в котором читаем: «Вы знаете, что я почти с грустью расставался с Италией. Мне жалко было и на месяц (как сначала предполагал Гоголь) оставить Рим. И когда при въезде в северную Италию, на место кипарисов и куполовидных римских сосен увидел я тополи, мне сделалось как-то тяжело. Тополи стройные, высокие, которыми я восхищался бы прежде непременно, теперь показались мне пошлыми». Точно также жаловался Гоголь потом на «медвежье дыханье северного океана» и на близость «царства зимы» уже в Швейцарии, а сама Швейцария казалась ему даже Сибирью, не говоря уже о Париже, и только Монблан и Женевское озеро сохраняли для него отчасти свой прежний престиж. Вообще же он находил, что «кто был в Италии, тот скажи прости другим землям». Марье Петровне Балабиной он писал уже целые восторженные письма на итальянском языке, наполненные обычными гимнами Италии: «*Sapete di me, che tutta Italia e un boccone di ghiotto ed io levo la sua aria balsamica e creppagozza, in modo, che par alter forestieri non ne resta niente*» («Вы знаете, что вся Италия — лакомый кусочек, и я упиваюсь ее бальзамическим воздухом до надрыва

горла, с такой жадностью, что для других иностранцев не остается ничего»). Подобно Гоголю, и Марья Петровна Балабина в часы досуга любила бродить по улицам Рима, заглядывая иногда и в самые отдаленные уголки его, и часто возвращалась домой с какими-нибудь случайно найденными остатками древностей. Как Гоголю, так и Балабиной нравились все подробности римской жизни и обихода, а из величественных памятников искусства их наиболее привлекали храм святого Петра, Монте-Пинчио, Колизей, piazza Barberini, римские фонтаны и статуи и проч. Очень милы шутки Гоголя в письме к Балабиной о Колизее: «Колизей сильно гневается на вашу милость. По этой причине его не посещаю, потому что он вечно у меня спрашивает: «скажи-ка мне, любезнейший potisio (как он всегда меня называет), что-то она поделявает? Она дала клятву любить меня вечно и при всем том молчит и знать меня не хочет: скажи, что это значит?» И я отвечаю: не знаю. А он говорит мне: «скажи мне, почему она перестала благоволять ко мне?» а я отвечаю: «стар ты слишком, синьор Колизей»¹⁰. Слыша такие слова, он хмурит брови и лоб его становится все мрачнее и суровее» и проч. Вообще о храме святого Петра, Колизее, об итальянских древностях и об аббатах Гоголь писал Балабиной с какой-то особенной любовью, как о самых близких и дорогих существах. (В частности Гоголю нравился в Италии цвет гор. Так в Швейцарии ему горы казались серыми, а в Италии голубыми, и это впечатление Гоголь высказывает в нескольких письмах и не раз упоминает также о том, что в Швейцарии «воздуха нет, этого прозрачного, транспарантного воздуха, как в Италии»). С Балабиной же, как с наиболее молодой, впечатлительной и отзывчивой корреспонденткой, Гоголь с особенным удовольствием делился не только своими лучшими итальянскими впечатлениями, но и сообщал ей в шуточной форме курьезные известия об общих знакомых. К числу последних принадлежали, например, археолог Мейер и художники Ефимов, Каневский и прочие. Первый из них был очень предан семейству Балабиных и особенно любил Марью Петровну, а также и был расположен ко всем Волконским. У него была оригинальная странность: он часто влюблялся во многих близко знакомых ему особ и горячо уверял и доказывал, что в этом нисколько не обнаруживается его непостоянство, но, наоборот, это именно послужит доказательством постоянства самого чувства, которое не изменяется, но только избирает себе разные предметы обожания. Однажды он написал даже роман под заглавием: «Eduard in Rom», где в одном из действующих лиц, по его собственному признанию, была изображена княжна В.Н.Репнина. Ей он посвятил книгу и, вручая экземпляр, торжественно просил прочитать; но, по

воспоминаниям княжны роман был так длинен и тяжел и наполнен множеством таких скучных и безжизненных археологических подробностей, что она не могла приневолить себя прочитать эту книгу, которая так и осталась неразрезанной до более благоприятного времени, никогда, впрочем, не наступившего. Над страстью этого Мейера к женскому полу подсмеивались все в доме Балабиных, и Гоголь также расточал относительно его чрезвычайно удачные и меткие насмешки. В своих письмах Гоголь также был не прочь пошутить на его счет. «На вопрос ваш, — писал он Марье Петровне Балабиной, — боготворит ли он статуи? — имею честь доложить, что он, как кажется, предпочитает им живые творения; по крайней мере, он больше попадает с дамами в шляпках и лентах, нежели со статуями, у которых нет ни шляпок, ни лент, а одна запыленная драпирока, накинутая как ни попало. Впрочем Мейер теперь в моде, и княжна Варвара Николаевна, которая подтрунивала над ним первая, говорит теперь, что Мейер совершенно не тот, как узнать его покороче, что в нем очень много хорошего». Дмитрий Егорович Ефимов, архитектор, также часто бывал у Репниных и Балабиных и при встрече с Гоголем всегда начинал с ним спор. В одном письме к Погодину Гоголь глумился над ним, говоря: «кое-где я встречал (в книге Шафарика) мои собственные мысли, которые хранил в себе и хвастался втайне, как открытиями, и которые натурально теперь не мои, потому что уже не только образовались, но даже напечатаны раньше моего. И я похож теперь на Ефимова, который показывал тебе египетские древности, в уверенности, что это его собственные открытия, потому только, что он имеет благородное обыкновение, свойственное впрочем всем художникам, не заглядывать в книги». Над художником Каневским Гоголь также подсмеивался, говоря, что он может только нарисовать портрет Кривцова; портрет, впрочем, по воспоминаниям В.Н.Репниной, был действительно удачен. Особенно же доставалось от Гоголя художникам Дурнову и Никитину. Гоголь смеялся также над приехавшим в Рим из Петербурга земляком Базилевским, знакомство которого некогда мать его, Марья Ивановна, находила для него желательным. Гоголь никак не мог забыть, как однажды Базилевский, сидя за карточным столом, озадачил всех присутствующих неожиданным вопросом о том, где находится Ватикан, и заметив общее смущение, вызванное таким наивным невежеством, нисколько не конфузясь, оправдывал себя тем, что он только недавно приехал в Рим. Осматривая потом при Гоголе храм св. Петра, он столь же неожиданно выразил требование, чтобы ему была показана также церковь св. Павла: «А где же Павел? Ведь и Павел должен быть тут!» И когда кустод начал ему объяснять, что Павел дело совер-

шенно другое и находится в другой стороне города, то наш соотечественник так начал говорить ему сильно и убедительно, что сам чичероне, наконец, убедился, что точно и Павел должен быть тут». Но больше всего любил Гоголь подтрунить над Магдалиной Александровны Власовой, родной сестрой княжны Зинаиды Александровны Волконской. В противоположность последней, она была весьма ограниченная женщина, но чрезвычайно добрая и сердечная. Она имела серьезное лицо, на котором иногда совершенно неожиданно и некстати появлялась улыбка, которая обыкновенно сопровождалась неизменным восклицанием: «а ведь Емельяни уже уехал!» Эти слова она повторяла всем и каждому, нисколько не заботясь о том, знали ли ее собеседники Емельяни. Гоголь добродушно подсмеивался над этой странностью и, как юморист, любил копировать старушку, а однажды, в конце письма к Варваре Николаевне Репниной, также без всякого отношения к его содержанию, прибавил: «А ведь Емельяни уже уехал». Странная привычка г-жи Власовой объясняется ее неудавшимся страстным желанием устроить судьбу одной знакомой девушки, в которую влюбился Емельяни, но почему-то раздумал потом жениться и скрылся. Власова, по доброте своей, когда узнала об этом, долго ни за что не хотела поверить этому и расстаться с надеждой на возвращение Емельяни, и все повторяла, что он уехал. Наконец Гоголь дружески подшутил однажды по поводу несостоявшегося отъезда из Рима в Неаполь самих Репниных. Сборы были продолжительные, но кончились ничем. Тогда Гоголь написал, будучи в Риме, письмо к Варваре Николаевне, также еще не выехавшей из Рима, письмо, которое начиналось словами: «Итак вы уже в Неаполе. Как я завидую вам: вы глядите на море, купаетесь мыслью в яхонтовом небе, пьете, как мадеру, упоительный воздух. Перед вами лежат живописные лаццарони; лаццарони едят макароны длиной с дорогу от Рима до Неаполя, которую вы так быстро пролетели». Кроме этой последней невинной дружеской шутки, как мы видели, предметами насмешки Гоголя были всегда только люди мелочные и ничтожные. Считаю необходимым указать на это еще раз, во избежание возможного перетолкования наших слов в том смысле, что будто Гоголь был насмешлив без разбора и был, по известному выражению Достоевского, «демоном смеха».

Возвращаясь к дальнейшему изложению фактов биографии Гоголя, отметим здесь, что нигде в письмах его за 1837 и 1838 годы мы не находим никаких упоминаний о работе его над «Мертвыми Душами». Чрезвычайно важно поэтому сообщение Н.В.Берга в его воспоминаниях о том, как, уже незадолго до смерти, Гоголь рассказывал, что в былые годы ему гораздо легче давался литературный труд

и как в бильярдной одного жалкого трактира между Дженцано и Альбано ему удалось при страшном шуме и среди удушливой атмосферы написать, под влиянием внезапно осенившего его вдохновения, за один присест целую главу «Мертвых Душ». Этот факт должен быть отнесен к лету 1838 года, когда Гоголь в середине лета отправился из Рима в Неаполь и Каstellамаре. О других занятиях Гоголя можно делать только весьма смутные предположения, — напр., об изучении им русской истории древнего периода. Так он, по-видимому, усердно занимался в конце тридцатых годов чтением летописей, произведений народной словесности и сочинений, относящихся к этой области (напр., сочинений Сахарова, Снегирева, Шафарика), сборников малороссийских песен.

Среди этих занятий и наслаждений красотами древнего Рима Гоголь забывал весь остальной мир, и ему было досадно, когда его чем-нибудь отрывали от предмета его обожания. Однажды он был очень недоволен матерью за то, что она, неизвестно почему, стала высказывать опасение, чтобы в Риме не повлияла на него католическая пропаганда, что он много проживает денег, и стала, наконец, выражать решительное желание, чтобы он ехал скорее в Малороссию, убеждая его лечиться у знакомого полтавского военного доктора Кричевского, который пользовался прочной репутацией. Желая поскорее увидеть сына, она наивно пробовала уверить его, что и климат в Малороссии ничем не хуже, чем в Италии, и Гоголю приходилось серьезно объяснять преимущества последнего. В то же время своим родным она с гордостью передавала: «Сын мой теперь в Италии и каждый месяц пишет ко мне со всякого места, где находится».

XX

Обиходный быт Гоголя в Риме был очень однообразен и скромен, особенно в то время, когда у него не было там знакомых. Но в те лучшие годы, еще чуждый своей позднейшей брюзгливости, он легко свыкался с окружающей обстановкой и держал себя естественно и просто, не нуждаясь пока ни в каком особом комфорте. Где ни появлялись они с Данилевским, у них всюду завязывались знакомства, начиная от передовых представителей мысли — как в Женеве и Париже они встречались с Мицкевичем и Богданом Залесским — до разных комических и карикатурных лиц, доставлявших обильную пищу природному юмору Гоголя. По поводу последних он всегда любил пошутить, или придумывая разные забавные положения, в которых ярче выступали их комические стороны, или представляя в новом юмористическом освещении никем еще незамеченные странности. Даже со-

держатели гостиниц и гарсоны ресторанов нередко служили источником и привычным предметом их молодого остроумия. Расставаясь друг с другом, приятели любили иногда вспоминать о прослушанных вместе операх и о лучших певцах, о достопримечательностях Рима и о парижских бульварах, об уличной итальянской жизни и об игре на бильярде в одном из парижских ресторанов (эту игру они оба любили), и, наконец, о знакомых гостиницах и их прислуге. Ни с кем Гоголь не жил до такой степени душа в душу, как с Данилевским, и потому их письма всегда несут явный отпечаток долговременного душевного сожительства. Из этих же писем видно, как нередко им случалось неожиданно встречать и потом вскоре опять терять из виду своих общих знакомых, а иногда даже нежинских однокашников, приехавших за границу. Словом, письма Гоголя к Данилевскому переносят нас из блестящей аристократической сферы, в которой Гоголь, как известно, вращался преимущественно в кругу дам, в неприятную обстановку беспечной товарищеской жизни холостых и с детства близких друг к другу людей. В позднейшие годы заграничной жизни Гоголя он окончательно втянулся в великосветские отношения и почти вовсе охладил к своим «нежинцам», но в конце тридцатых годов он еще с большим наслаждением вращался попеременно в обоих названных кружках; этой перемене много способствовали прекратившиеся потом случайные встречи с друзьями детства. Кружок римских художников имел одинаково близкое соприкосновение как с семействами Балабиных и Репниных, так и с Данилевским и другими неаристократическими приятелями Гоголя.

Душевное настроение Гоголя было почти все время самое счастливое: хандра, временами посещавшая его некогда в Париже и в Женеве, теперь забыта надолго. Правда, в первые дни по приезде в Рим, Гоголь, несмотря на великую радость при получении вести о щедром подарке государя, был не совсем в духе, не найдя в Риме против ожидания никаких писем от своих знакомых; но когда дело разъяснилось и во всем оказались виноваты стеснительные карантинные формальности, то и от этой непродолжительной неприятности скоро не осталось следа. Тогда Гоголь говорил: «В душе небо и рай. У меня теперь в Риме мало знакомых или, лучше, почти никого (Репнины во Флоренции)». *Но никогда я не был так весел, так доволен жизнью*. Вскоре неизгладимое впечатление произвел на него блестящий римский карнавал, этот шумный народный праздник, когда «Рим гуляет напропалую». Описание карнавала встречается в нескольких письмах Гоголя и в его повести «Рим», но все они представляют, к сожалению, лишь беглые наброски, разрозненные части одной мастерской картины, наибо-

лее полно объединенной лишь в «Риме». План повести не позволил Гоголю сделать слишком большое отступление от ее главного содержания, и потому в данном случае мы лишь отчасти имеем возможность проследить, как отрывочные впечатления художника слагались в одно стройное изображение.

О карнавале Гоголь писал прежде всех Данилевскому, причем обратил внимание преимущественно на общую характеристику беспорядочного веселья и шумной суматохи толпы, а также на описание вида запруженных экипажами улиц; кроме того он вскользь упоминает о наиболее необходимых принадлежностях карнавала: масках, обильно сыплющейся со всех сторон муке и о выдающихся даже среди страшного многолюдства «забияках», забравшихся на балкон и бросающих горстями и ведрами мучные шарики на сидящих в колеснице. В отрывке «Рим» повторены лишь некоторые черты из этого описания, слишком общие, напр., уличная давка, цепь медленно тянущихся вереницами экипажей и проч. Но есть одна подробность, представляющая дальнейшее художественное развитие мимоходом увлеченной опытным наблюдением общей картины. В письме к Данилевскому Гоголь, рассказывая о разных производящих суматоху выходах отдельных «забияк», прибавляет: «для интриг время удивительно счастливое. При мне завязано множество историй самых романтических с некоторыми моими знакомыми. Все красавицы Рима всплыли теперь наверх; их такое теперь множество! И откуда они взялись, один Бог знает». В повести «Рим» взят именно только один этот момент всеобщей суматохи и неожиданного среди нее появления перед очарованным князем сверкавшей ослепительной красотой Аннунциаты. Через несколько страниц описывается также обычное обсыпание мукой, пестрые наряды толпы и разукрашенные сверху до низу телега, причем снова повторяются уже рассказанные Данилевскому подробности, но все-таки описание остается всюду строго подчиненным естественному течению рассказа и в сущности отступает на второй план. В письме к сестрам Гоголь отчасти останавливается на тех же, уже сообщенных Данилевскому подробностях, причем начало обоих описаний замечательно сходно (ср. в письме к Данилевскому: «Все, что ни есть в Риме, все на улице, все в масках. У которого же нет никакой возможности нарядиться, тот выворотит тулуп или вымажет рожу сажей»; в письме к сестрам: «Вообразите, что в продолжение всей недели все ходят и ездят замаскированные во всех костюмах и масках. Иной одет адвокатом — с носом величиной с улицу, другой турком, третий лягушкой, паяцем и чем ни попало. Всякий старается одеться во что может; кому не во что, тот, просто выпачкает себе

рожу, а мальчишки выворотят свои куртки и изодранные плащи»). С другой стороны передаются некоторые другие, столь же обычные и общеизвестные принадлежности карнавала, не вошедшие в описание его в «Риме», так как эффектное изображение Рима в конце повести исключало возможность вставки в рассказ описания вечернего продолжения карнавала, если бы автор даже имел желание это сделать. Еще одно описание карнавала находится в письме к Данилевскому от 5-го февраля 1839 г., конец которого опущен в издании г. Кулиша, а подлинник утрачен; но в «Записках о жизни Гоголя» дополнены следующие строки: «Теперь начался карнавал; шумно, весело. Наш его высочество доволен чрезвычайно и, разъезжая в блузах, бросает муку в народ корзинами и мешками, во что ни попало».

Возвратившись в Рим, Гоголь принялся было, по его выражению, в четвертый раз читать его; но, соскучившись оставаться долгое время без знакомых и тяготясь страшным зноем итальянского лета, решил месяц на два оставить его. При этом на первое время своей резиденцией он выбрал Неаполь, — город хотя более южный, но с климатом более умеренным, благодаря близости моря. В Неаполе и в Каstellамаре он жил некоторое время опять с Репнинскими, и к этому-то времени преимущественно относятся недавно напечатанные в «Русском Архиве» воспоминания княжны В.Н.Репниной. Матери Гоголь объяснял свой отъезд в Неаполь именно тем, что из города выехали все знакомые, и особенно княгиня Зинаида Александровна Волконская. Как видно из того же письма, Гоголь предполагал сначала выехать в одну из окрестных деревень, но потом предпочел устроиться вблизи от хороших знакомых, тем более, что еще никогда не был до тех пор в Неаполе. При въезде в этот город, он был очарован им, особенно прекрасным видом на Везувий, почти не менее, нежели Римом, но до конца 1847 г. постоянно предпочитал вечный город Неаполю. Разумеется, Гоголь не замедлил познакомиться с чудными окрестностями Неаполя и вскоре побывал на Капри.

Между тем денежные дела Гоголя снова пришли в расстройство, вследствие неожиданного займа, сделанного им для Данилевского, которого он поспешил выручить из затруднительного положения, когда последний лишился матери и, вместе с тем, возможности вести прежний беспечный образ жизни. К тому же Данилевский вскоре был обманут каким-то негодяем в Париже. Этот случай лишний раз доказывает, как горячо любил тогда Гоголь Данилевского, помогая ему среди самых стесненных условий собственной жизни. Но, сделав заем у Балабиных, он не имел уже необходимости в деньгах, занятых для той же цели у Прокоповича, и, предполагая,

что последний сам мог быть в нужде, немедленно отослал их обратно. Вместо того, Гоголь решил просить денег взаймы в Погодина. «Если ты богат, — писал он Погодину от 20-го августа 1838 года, — пришли вексель на 2.000». Это письмо было отправлено с той почтой, с которой был послан ответ Данилевскому на его неожиданный призыв приехать к нему в Париж.

В этом письме к Погодину отметим, между прочим, мимоходом сделанное Гоголем указание на успех его литературного труда, — указание, получающее особенное значение в виду всегдашней крайней необщительности Гоголя в данном отношении. Несколько искренних слов, вырвавшихся прямо из души писателя, вводят нас в тайну мук творчества, которые переживались в то время Гоголем. Нам кажутся особенно замечательными слова этого письма: «О, друг! Какие существуют великие сюжеты! Пожалей обо мне». В этом неожиданном сопоставлении, в этом глубоко трагическом возгласе художника, чувствующего и сознающего роковой взгляд между обширными замыслами и недостатком физических сил, как нельзя лучше выразилась в немногих, но знаменательных словах печать высшей натуры. Как поэт по призванию, Гоголь не мог бы, не в силах был не творить. В иные минуты вдохновение было для него в одно и то же время и лучшим благословением, и величайшим проклятием. О нравственном состоянии своем Гоголь сообщал совершенно неутешительные сведения: «Увы! Здоровье мое плохо, и гордые мои замыслы... Сижу над трудом, о котором ты уже знаешь, но работа моя вяла, нет той живости»... Все эти трогательные признания заслуживают особого изучения с иной, специально психологической (и даже психиатрической) точки зрения. Они уже несомненно отражают на себе начало того ужасного процесса разложения, который впоследствии подточил в корне великое природное дарование художника. Открывая в этом письме Погодину свою душу с наболевшими ранами, Гоголь утешает себя мыслью о лучшем здоровье и о больших успехах своего приятеля. По свойственному всем людям привычке судить о других по себе, он уже объяснял себе молчание Погодина тем, что тот создает что-то для будущего.

В этом-то интимном письме обратился Гоголь к Погодину с просьбой о высылке векселя, предназначавшегося для Данилевского. Вместе с тем он собирался, согласно просьбе последнего, оставить Рим на полтора месяца и приехать к нему в Париж. Данилевского он убедительно просил подождать его в Париже полторы недели, а между тем прислать ему письмо в Марсель. Сделав эти распоряжения, он немедленно двинулся в путь. Через неделю застаем Гоголя уже по дороге в Париж, остановившимся в Ливорно, откуда он пишет письмо к матери, наполнен-

ное расспросами об осиротевшем семействе Черныша и Данилевских. В Париже снова мелькнули перед ним boulevard des Italiens, café Montmartre и проч. Простившись с Данилевским, Гоголь взял с него слово писать как можно чаще, и сам писал ему с дороги в Рим из Лиона и Марселя. В Рим Гоголь возвратился уже в конце ноября. Здесь он получил исходатайствованные ему Жуковским деньги от государя. Из ответного благодарственного письма видно, в каком тяжелом нравственном состоянии находился тогда Гоголь. На него стали чаще находить минуты сомнения, признак или, по крайней мере, близкое предвестие гибели таланта. Он уже тогда был способен временами падать духом и трепетать за будущее. «Боже! Я недостоин такой прекрасной любви, — писал Гоголь Погодину. — Ничего не сделал я! Как беден мой талант! Зачем мне не дано здоровье? Громоздилось кое-что в этой голове и душе, и неужели мне не доведется обнаружить и высказать хотя половину его? Признаюсь, я плохо надеюсь на свое здоровье!»

Примечания

1 «Русск. Архив», 1871 г., 4–5, стр. 91.

2 Соч. и Письма Гоголя, V т., стр. 260.

3 Об этом Гоголь писал своим институткам-сестрам: «У нас было очень большое общество, дам было чрезвычайно много, и многие страшно боялись воды. Одна из них, т-те Барант, жена французского посланника, просто кричала, когда сделалась буря». С Золотаревым же (Иваном Федоровичем), по словам покойного Данилевского, они ехали потом из Гамбурга в Ахен и пели песенку:

Счастлив тот, кто сшил себе

В Гамбурге штанишки...

Благодарен он судьбе

За свои делишки.

Вообще такие шаловливые, а иногда и не совсем скромные стишки Гоголь и Данилевский любили сочинять, когда были в веселом настроении и скучали без дела, как это случалось, напр., во время путешествий. Золотарев был веселый молодой человек, сообщество

которого также много способствовало развлечениям в дороге. (Может быть, это был тот самый Золотарев, о котором упоминает в своих воспоминаниях, как о бывшем дерптском студенте, граф В.А.Соллогуб (см. именно Воспоминания Соллогуба, изданные в 1866 г.). Отмеченный нами факт любопытен, как новое свидетельство о том молодом веселье, которого не чужд был Гоголь, когда в нем кипела жизнь. Какая яркая противоположность между Гоголем 1836 года и второй половины сороковых, когда, по свидетельству Анненкова, он спешил во время дороги закрыться воротником шинели и «принимал выражение каменного бесстрастия!» («Крит. ст. и воспом.», 1, 240.)

4 Соч. Гог., изд. Кул., т. V, стр. 271.

5 «Русский Вестник», 1890, XI, 34–38.

6 Соч. Гог., т. V, стр. 271.

7 Там же, стр. 270.

8 См. выше: июль, 146 стр.

9 Обращаясь к Жуковскому с просьбами о ходатайстве перед троном, Гоголь заметно стеснялся и считал неловким, не получая долго ответа, возбуждать вопрос снова, но в трудных случаях поручал Прокоповичу узнавать через Плетнева, «получил ли Жуковский письмо, и какой имело успех письмо к государю. От него зависит моя судьба». («Русское Слово» 1859, I, стр. 101). И действительно, вскоре он извещал, что «получил от государя опять неожиданно и теперь не нуждается» (там же, стр. 107).

10 «Il Colosseo e molto adirato contra la vostra signoria. Per questo ragione non vado da lui, per che mi domanda sempre: dite mi un poco, mio caro uomicio (mi chiama sempre così), che fa adesso la mia signora Maria? Ella a fatto il giuramento sull'ara d'amar mi sempre e con tutto, cio tace e non vuole conoscermi, dite cosa e questo? ed io rispondo: nonlo so, ed egli dice: dite mi, per che ella non continuo a volermi bene? Ed io rispondo: siete troppo vecchio, signor Colosseo! Ed egli dopo aver sentito tali parole, agrottale ciglia, ela sua fronte diviene burbera e severa».

Том IV. — Август, 1894. ■■■

НЕСКОЛЬКО КАСАТЕЛЬНЫХ К КРУГУ ПРАВДЫ

Григорий ПОМЕРАНЦ

Последнее время элита, имеющая допуск к эффиру, стала обсуждать проблему греха и святости. Выступали многие достойные люди. Но никто не вспомнил ключевого определения, данного Антонием Сурожским. Неужели его глубокий опыт и размышления до сих пор не коснулись верхов образованного общества? А между тем формулировка Антония дает простой и ясный подход к целому ряду проблем: «Грех — это потеря контакта с собственной глубиной». Здесь нет ни одного непонятого слова. Каждый человек, подумав, сумеет отделить глубину, в которой действует совесть, от поверхностных страстей и увлечений, толкающих к поступкам, от которых потом щемит. Проблема, о которой писались богословские диссертации, изложены языком, доступным электромонтеру. Это общая тенденция бесед Антония, его поисков контакта с современниками, одна из причин, по которой беседы его вызвали широкий отклик. И находка Антония должна была бы оказаться в центре нашего внимания. Не нужно начинать с богословских предпосылок. Нужен только личный опыт восстания глубин против поверхностных бурь и болтовни ума. То есть минимума Самосознания, который может сложиться у любого человека, в любом культурном кругу: у атеиста, христианина, мусульманина, буддиста...

Немного подумайте, и вы поймете, что этот ключ легко повернется и к противоположности греха, к святости. Грех — отсутствие контакта, а святость — полнота контакта с собственной глубиной, в пределе — до последней глубины, где исчезает всякая двойственность и стирается граница между человеком и Богом. Когда путник

из притчи Джелаледдина Рума, постучав в дверь хижины, отвечает на вопрос Хозяина: «Ты пришел к Тебе». Когда св. Силуан пишет: «Я не верю в Бога, я знаю Бога». Когда опыт глубины дает блаженство встречи — или невыносимую тоску при нарушении контакта (оба состояния описаны в книге «Старец Силуан» и в «Большой касыде» Ибн ал Фариды).

Там, где между Богом и человеком мыслится пропасть, святость принадлежит только Богу. Так это в древнем иудаизме и в ортодоксальном исламе. Но чувство божественной целостности предощущается в книге Иова, во встрече мученика с Богом, когда Бог передает ему свое ликование творца и в этом ликовании вся мука твари тонет.

Осознание святости как вершины человеческих путей нашло свое полное выражение в словах Христа: «Будьте подобны Мне, как Я подобен Отцу Моему небесному». Сходные мысли были впоследствии выражены в суфизме и очень близкие — в раннем хасидизме. Это общая логика развития всех великих религий, начавшаяся в Индии в I тысячелетии до Р.Х. и постепенно доходящая до всех культурных кругов. У Антония она выражена в требовании непосредственной «встречи» каждого члена церкви с Богом (см. ниже).

Чтобы понять до конца Антония, Силуана и суфийских мистиков, вспомним притчу Энтони де Мелло, современного наследника нескольких средневековых традиций. В этой притче Бог спрашивает ангелов, где ему укрыться от людей, и ангелы ему отвечают: «В человеческом сердце. Вот куда люди никогда не заглядывают».

Я думаю, речь идет о последней глубине «глубокого сердца», о котором говорят мистики, когда сознание вещей в пространстве и времени почти тонет во внутреннем огне и в то же время остается, сохраняет свою трезвость, преобразенную и уравновешенную присутствием сознания целостно-вечного (как это сумел изобразить Рублев в Звенигородском Спасе)¹. Однако в разговоре с мальчиком, сказавшим, что он видел Бога, Антоний ограничился жестами: «Где ты Его видел? Здесь (и поднял руку вверх), здесь (протянув руку в пространство) или здесь (приложив ее к груди). Мальчик показал на сердце. Антоний признал подлинность встречи. Я думаю, он был прав. Именно в глубине сердца (а не на мифическом небе, разрушенном астрономами) достовернее всего чувствуется присутствие абсолютной полноты святости.

Таким образом, можно четко обозначить полное отсутствие контакта с собственной глубиной (грех) и полноту контакта (единство Отца и Сына). Но человеческая святость обычно несовершенна, и мы признаем святыми людей, которые только иногда приближаются к ее полноте. Одна из моих слушательниц внезапно почувствовала, что зародыш святости есть в каждом человеке. Это напомнило мне буддийскую сутру о татхагатагарбхе, то есть зародыше просветленного, зародыше Будды, с которым рождается каждый человек. И если говорить о детях, что-то подобное в них действительно мелькает. Однако ребенок, вырастая, проходит через полосу соблазнов и по большей части в ней застревает. Следы искушений остаются даже в святых, вырвавшихся в глубину, пробивших прочную дорогу к ней, и святые обычно сомневаются в своей святости. Или, по крайней мере, предпочитают сравнивать себя с теми, кто выше и светлее, чем с теми, кто темнее и ниже. Дух человека растет и крепнет, когда он тянется вверх, за светом, как дерево за солнцем. В этом смысл икон, созданных великими иконописцами. И в этом же смысл ответа Рабии, когда ее спросили, что она думает о дьяволе. Бывшая рабыня, ставшая святой раннего суфизма, ответила: «Я не думаю о дьяволе, я думаю о Боге».

Однако для того, чтобы уходить от греха, чтобы увидеть грех, какой он есть, без камуфляжа, достаточно прикоснуться к самому порогу глубины, почувствовать хоть изредка слабую искорку контакта, укол совести. Я думаю, из этого исходила Улицкая, участница одной из дискуссий, предложив переменить тему разговора в эфире и поговорить о праведности, которая не такая уж

редкость и известна нам по опыту. При этом Людмила Евгеньевна сделала ошибку, несколько поспешив и опередив праведность как жизнь по правилам. На самом деле, отношения праведности с правильностью довольно сложные. В крайних случаях это просто разные вещи. У Акима, во «Власти тьмы» Толстого, неразвитая речь, он не умеет формулировать правила, вряд ли даже он помнит десять заповедей, — но просто чувствует сердцем, что «тае», и что «не тае». Напротив, Кайафа и Анна жили по заповедям, но праведниками они не были. Правда была у Христа, нарушавшего заповеди и за это отданного римлянам на распятие под предлогом оскорбления величия кесаря Тиберия.

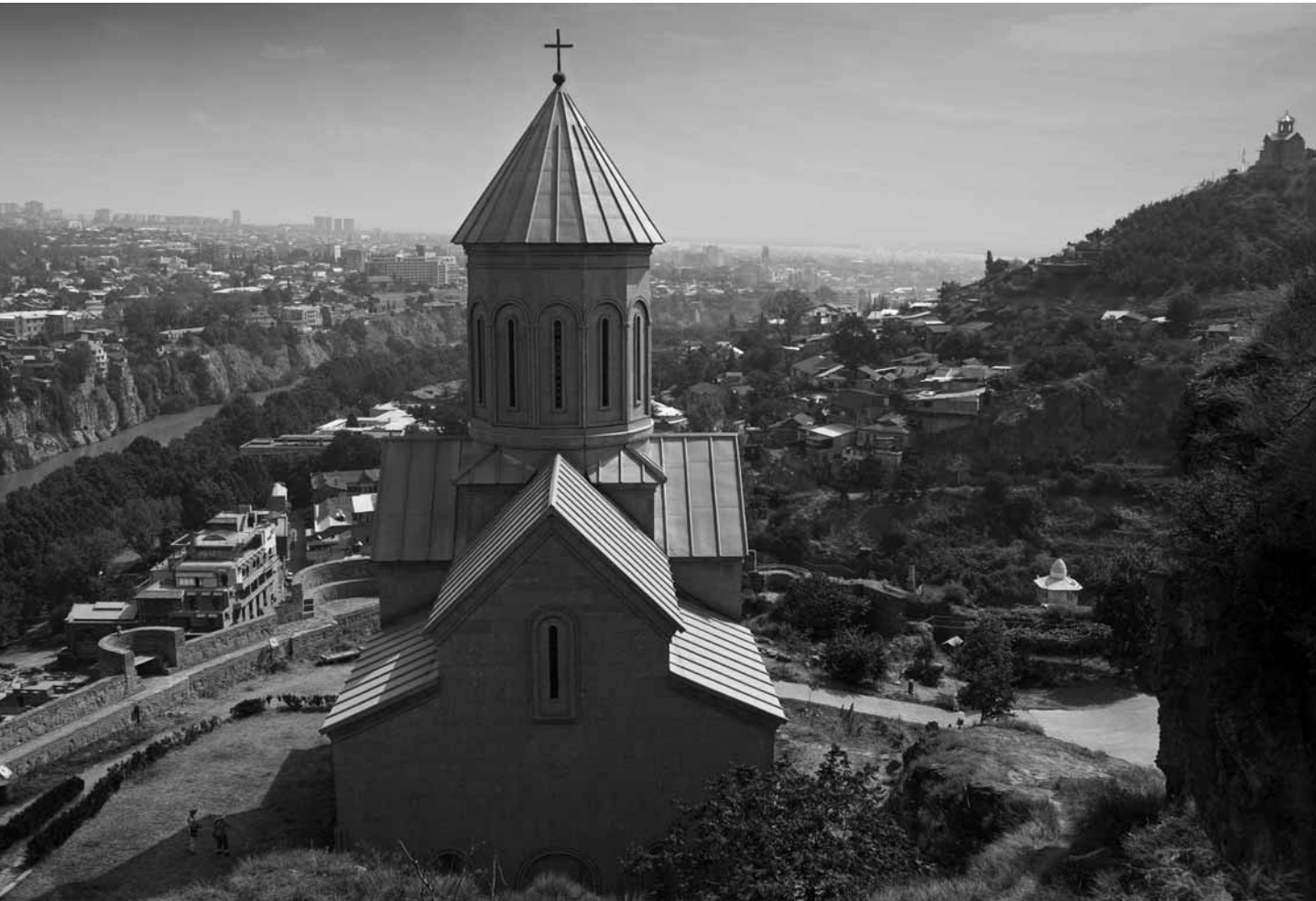
Апостол Павел противопоставлял «букву» правил, которая мертвит, праведности и святости духа. Однако единственным критерием, который он дал, было тождество с Христом («Я умер, жив во мне Христос»). Это чисто личный критерий, большинство не в силах им воспользоваться. Христос указал более доступный критерий. Когда Ему был задан вопрос, каковы две наибольшие заповеди (а это значит: какова иерархия заповедей?), — Он ответил: Возлюбите Бога всем сердцем и всей душой и возлюбите ближнего как самого себя. Установив превосходство заповедей любви над запретами, Христос тем самым снизил ранг запретов. Если заповедь блюсти день субботний сталкивается с заповедью любви к ближнему, то действие запрета приостанавливается; и так же во всех других случаях.

Однако грех греху не ровня. Нравственное чутье подсказало св. Василию Великому канон: воин, вернувшийся с поля, три года не допускается к причастию. Три года он должен молиться, чтобы отмыть душу от следа, оставленного убийством. Убивать, защищая родных, родную страну — неизбежный грех, его нельзя не совершить, и все же это грех.

Христос учил соблюдать заповеди Моисея, и он же показывал, когда и как их можно нарушать. Правда идет по земле «Божьим следом», как это называл Антоний² — иногда по прямой линии соблюдения заповедей, правил, принципов, а иногда резко от них отступая. Всякий принцип можно сравнить с касательной к кругу правды. Пока он касается незримого круга, истинность его бесспорна. Но прямая где-то неизбежно отрывается от круга и уходит в дурную бесконечность. Не даром в народе говорят: принципы — глупая вещь, не даром в языке возникло выражение «довести до абсурда». До

¹ Читатель может убедиться в этом, если упорно будет ходить в отдел древнего искусства Третьяковской галереи и всматриваться в творение Рублева.

² См. Континент № 89 за 1996 г., перевод Е.Майданович.

абсурда доводятся именно правила, законы, заповеди, принципы. И в таких случаях сердце, или интуиция, или дух целого (всё равно, как это назвать) должны подсказать, когда поступить юридически и логически нелепо, шагнуть по бездорожью. Это не создание нового прецедента, в добавок к старым, — как в английском праве. Нарушение остается нарушением. Антоний с уважением говорит о принципах, о законах, опирающихся на опыт человечества, более полный, чем личный опыт. Но в какой-то точке, не отмеченной никаким крестиком, Божий след уходит с твердо очерченной прямой, возвращается к кругу правды, заметному только глубиной сердца.

Здесь возможны ошибки. Нравственное решение, рвущее с законом, невозможно без риска. Но отказаться от решения, чтобы избежать риска — тоже риск, риск подлого бездействия. Я думаю, что в разговоре о Божьем следе Антоний имел в виду глубочайший уровень сердца, где огонь благодати уравновешен трезвением, где любовь к Богу и любовь к ближнему сливаются в единую Любовь, движущую звездами, — и не помраченную страстями. Суд присяжных может сказать убийце «не виновен», но не потому, что обвиняемый сродни присяжным, что они не любят черных, чеченцев и т.п.

Даже высшая святость не всегда очевидна. У буддистов есть длинный список примет Будды — и есть понятие пратьека-Будды, то есть Будды без всяких примет. Христос на Голгофе не засветился, как на Фаворе. О праведниках и говорить нечего. Они почти всегда незаметны, как лейтенант Сидоров, о котором я писал в «Записках гадкого утенка». Случай обнаруживает праведника — и следующий день снова погружает его в темноту обыденного. Но я думаю, что расчет Гитлера, — дойти до Москвы за два месяца, — был сорван незаметными праведниками, последними уходившими с рубежа, попавшими в окружение, в плен и потом осужденными за измену родине. Пусть они не были святыми — но они прикоснулись к святости в своем оплеванном мученичестве.

Вернемся теперь к иерархии любви и запретов. Сегодня христиане охотнее всего вспоминают соблюдение и несоблюдение субботы. Это окаменевший пример, потому что субботу перенесли на воскресенье и культура воскресенья, равноگو культуру субботы, у христиан нет. Но превосходство любви относится к другим запретам. Я не могу назвать любовь Паоло и Франчески прелюбодеей. Данте отправил их в ад (хотя мог бы ограничиться чистилищем) и тут же, выслушав рассказ Франчески да Римини, упал в обморок. Этот обморок остался в святцах культуры, и мы не чувствуем себя грешниками, слушая музыку Чайковского, посвященную Франческе, вспоми-

ная ее слова, как книга стихов упала на пол, «и больше мы в тот день не читали». Я разделяю страдания Томаса Мертонa, наступившего на горло своей любви к Марджи; глубина чувства сама по себе создает святой и неразрывный обряд, когда раскрытые глаза переливают души друг в друга и рожают общую душу.

Но история редко останавливается на золотой середине. Победила не любовь, а культура наплыва, который легко уступает место другому наплыву и в конце концов — случке. От того, что ее припудрил обряд, она не становится чем-то достойным человека. У Рильке она вызвала тошноту и стыд. Я помню последние строки стихотворения, которое много раз переводилось на русский язык:

*И когда тела, не получив ожидаемого, С
отвращением отрываются друг от друга,
Одиночество хлещет реками.*

Выход из этого одиночества Рильке нашел в уединении, открытом космосу. Примерно так поступил и Михаил Пришвин, но на седьмом десятке к нему пришло чувство двух людей, в уединении достигших восполненности. Редкость такой встречи создается разрывом между родом, заявляющим свои права очень рано, и медленным становлением личности. Личность в современном сложном обществе складывается не так быстро, как индивидуальность человека племени. По большей части, идеал личности, который мы гордо противопоставляем племенам, так и отцветает, не успев расцвести. А род толкает зачать новых недорослей лет с пятнадцати, иногда даже раньше. И когда личность, переходя от эксперимента к эксперименту, находит себя во внезапной встрече с другой ищущей личностью, на пути к их союзу часто стоят народившиеся дети. Для них папа и мама — незыблемые столпы жизни. Эта жизнь либо сразу надрывается разводом, либо рвется повседневно, в ссорах, причина которых ребенку непонятна.

Гармония инь и ян в Дао — редкая удача. Жизнь взрослых — путаница, из которой трудно выбраться без греха. Одно хорошо, что эта путаница обходится без масовых убийств. Но расшатанность семьи и падение рождаемости — издержки, которые цивилизация вынуждена платить.

* * *

Пахнет кровью другая заповедь: «Не сотвори себе кумира». Первые христиане безусловно ее соблюдали и никаких изображений Христа в древнейших катакомбах нет. Но затем влияние культуры Средиземноморья пере-

силило иудейскую традицию. Выход был найден в изменении стиля. Помог фаумский портрет. Помогло влияние буддийской иконографии, дошедшей в иллюстрациях к манихейским книгам. Как бы то ни было, христианская иконопись сложилась. Эллинизированные и литинизированные народы получили возможность молиться, созерцая зримый образ святости.

Однако в VIII веке на престол Константинополя возшла династия выходцев из глубин Малой Азии, куда икона не успела внедриться. Почитание икон было запрещено. Разъяснения Максима Исповедника, что икона — не кумир, не тело Бога, а только символ святости, не убедили иконоборцев. Их победила женская хитрость. Афинянка Ирина, избранная в супруги императора за красоту, воспользовалась ранней смертью своего мужа, ослепила сына и совершила государственный переворот, короновав себя в мужском роде василевсом. По ее приказу, иконоборцев, отказывавшихся почитать святые иконы, стали казнить. По подсчетам историков, на которые опирался Шарль Диль в своих «Византийских портретах», было перебито до ста тысяч человек. Константин Леонтьев считал Ирину образцом христианского монарха. Церковь причислила ее к лику святых.

Меня эта канонизация не убеждает. Однако в итоге победы иконопочитателей был собран VII Вселенский собор и установлены строгие правила иконописи, продолжавшиеся примерно до XVI века. Возможность чувственного соблазна была устранена. Икона давала только одну степень свободы: вглубь, к святости и только к святости. По канонам VII Вселенского собора работал и Феофан Грек, и Андрей Рублев. Византийская и древнерусская икона остается одной из вершин мирового религиозного искусства.

А дальше начался новый круг развития. Живопись Ренессанса, сохраняя библейские сюжеты, отказалась от ограничений VII Вселенского собора ради богатства красок и форм трехмерного мира; а на севере, где не было прочной традиции зримой божественности, искусство Ренессанса вызвало реакцию: протестантизм изгнал живопись из церкви и шведские солдаты в Польше рубили иконы мечами.

* * *

Не менее долгую историческую распря вызвало противоречие между ветхозаветным призывом почитать отца и мать свою — и словами Христа: «Я принес не мир, но меч, разлучу отца с сыном».

Почитание отца и матери ассоциативно связано с почитанием традиций, почитанием рода, народа, нации, верностью своей стране. «Моя страна, права она или

нет», — говорят англичане. А между тем, меч Христа эту верность рассекает, ведет к вселенской вере, и если нужно — против своей страны, впавшей в грех (так, как поступил Бонхофер).

КТО ЭТО ?

Прообраз этих споров — судьба буддизма в Индии и раннего христианства — в древнееврейской среде, в I–IV вв. Культура, породившая вселенскую веру, культура, где несть ни эллина, ни иудея, в какой-то миг сознает противоречие между этой верой и самосохранением. Для евреев это была невозможность сохранить тождество с собой в диаспоре, в рассеянии между народами, без замкнутой веры. Замкнутость веры заменяет народу диаспоры государственные границы. Для Индии замкнутость религии обеспечивала ее особую роль в великой цивилизации, где кастовый социальный строй и религия были нераздельны. Индийский «новый завет», буддизм, был равнодушен к кастовым обязанностям и поставил под вопрос само существование брахманов, хранителей духовно-нравственного порядка. Брахманы боролись и за свое положение, и за сохранение индийской цивилизации, как сложившегося исторического единства. Спор шел мирно, полторы тысячи лет, и был выигран брахманами. Буддизм из Индии был изгнан. Подробнее см. в моей статье «О причинах упадка буддизма в средневековой Индии». Она перепечатана в моей книге «Выход из транса», М., 1995.

* * *

Христианизация Восточной Римской империи вызвала здесь сходные формы борьбы этнического со вселенским. Все древние народы, приняв Завет Иисуса Христа, хотели какого-то своего, особого христианства, хотели сохранения своей идентичности в новой оболочке. Константинопольские власти, стремясь к единству, преследовали ереси, и когда пришли арабы, то армяне, копты, сирийцы, ассирийцы, марониты (потомки финикийцев) были уравнены в правах с православными греками и приняли мусульман как освободителей. На первых порах мусульмане были толерантны и охотно принимали местных христиан на службу.

Это не только дело давно минувших дней. Есть сильная тенденция превратить русское православие в нечно вроде иранского шиизма, в национальную церковь и основу национальной идеологии. Этому твердо противостоял митрополит Антоний Сурожский, не обращая внимания на менявшиеся курсы московской политики. В своем выступлении на конференции Сурожской епар-

хии, 8 июня 2000 г., Антоний (знавший, что дни его сочтены) говорил:

«Здесь меня сейчас очень упрекает целая группа людей (не очень многочисленная): Вы, де, изменили русскому православию, потому что строите не Русскую Церковь... А я с самого начала говорил: мы строим Церковь, как можно больше похожую на первоначальную дравную Церковь, когда людей, абсолютно ничего общего между собой не имущих, одно только соединяло: Христос, их вера. Стояли рядом раб и господин, люди всех возможных языков. К этому я стремился здесь: чтобы люди какие угодно могли прийти и сказать: да, у нас общее одно: Бог... И мне кажется, что в этом разрешении проблемы. Потому что если мы начинаем говорить о русском, греческом или ином православии, мы теряем людей...» и, как сказал один греческий епископ, «Мы предпочитаем, чтобы они пропали, чем их передать в «чужую» церковь... Вот против чего я боролся и буду бороться. Потому что нам нужны верующие, — люди, которые встретили Бога. Я не говорю в грандиозном смысле, не каждый может быть апостолом Павлом, — но которые хоть в малой мере могут сказать: Я Его знаю! И он, и она, они тоже нечто подобное знают, и мы можем вместе стоять, даже если у нас обычаи иные. А обычаи тоже вещь такая, которая перерабатывается не сразу» («Русская мысль», №4327, 20-26 июля 2000 г.).

С точки зрения Антония, национальные обычаи достойны сохранения только как форма вселенского христианства, в меру своей пронизанности духом Христа. Мучеником этой идею пал Александр Мень. Во всяком случае, так считал Антоний Сурожский. Он откликнулся на гибель о.Александра словами, переданными БиБиСи: «Это убийство не уголовное и не политическое, а изуверское и наш общий позор». Противоположная оценка выражена в поговорке, которую открыто повторяют православные «руситы»: «топор зря не падает».

Книги Александра Меня сжигались на костре вместе с книгами Александра Шмемана, одного из ведущих православных богословов XX века. Однако уральский костер не помешал выходу из печати «Дневников» Шмемана, замечательного памятника живой христианской мысли. К этому направлению принадлежал и недавно скончавшийся Георгий Чистяков, автор книг, еще ждущих широкого читателя.

Наибольшие заповеди Христа ассоциативно связаны с тем, что Достоевский назвал «всемирной отзывчивостью» русской культуры. Борьба за сохранение этой всемирной отзывчивости создает и будет создавать новых праведников. Их вдохновляет огонь духовной жизни, которую не может победить никакая масса материи. ■■■

НИКОЛАЙ ТАРХАНОВ

Виктор ЯРОШЕНКО

Николай Тарханов — мой друг со студенческих лет. Мы вместе учились в Энергетическом институте, увлекались фотографией, вместе занимались в фотолектории Союза журналистов. Потом он работал для многих журналов, объездил весь Советский Союз.

Союз был ему тесен; он, смеясь, говорил, что мечтает быть «объезчиком стран». И стал.

Не поверив в перестройку, уехал в Израиль, работал для археологического института, освоил яхтенное дело, ходил под парусом по средиземноморью. Потом уехал в Америку. Живет в маленьком городке в штате Мен, строит лодки и снимает, фиксирует состояния бытия. Философ и созерцатель, он, кажется, нашел себя.

Он редко бывает Москве и в Грузии, откуда растут его корни. Иногда мы перебрасываемся e-мейлами.

«Прошлым летом был с Джилькой в Грузии, где навещил и познакомил с женой моих родственников, коих не видел более 25 лет. Было приятно найти их в полном здравии (относительном конечно, ибо уже под 80) и добром настроении.

Для друзей, кто никогда не был в Грузии, и тем более никогда не видел моих родственников, я поместил картинки в интернет. Могу понять, что до моих родственников у зрителей дела немного, но как характеры из неведомой страны, оказались интересны многим. Посылаю ссылку на этот сайт, куда я ставлю все, что хочется показать приятелям.»

На его сайте можно найти полные грустного лиризма фотосерии Тбилиси из далекого 1984 года и прошлогоднюю съемку Кахетии, Нью-Йорк и тихую провинциальную Америку.

В августе он написал мне в ответ на предложение опубликовать фотографии в «Вестнике Европы»:

«Что до идей, то никакая из них не может нравиться всем одинаково. Это свойство как идей, так и людей. В

нашем случае речь не идет о жертвах войны, но просто о людях.

И в этом контексте мне искренне жаль, что я никогда не был в Южной Осетии и не снимал там. С гуманитарной, и гуманистической точки зрения мне одинаково интересны все человеки, независимо от их расовой, религиозной и пр. принадлежностей. И все они вызывают сочувствие, если попадают в беду.

Я бы сказал, русские вызывают наибольшее сочувствие (не путать с предпочтением), ибо ни один народ не был морально изуродован до такой степени, как русский. Ни один народ во всей своей массе не подвергнулся геноциду на протяжении 1000 лет и не столько врагами извне, сколько собственными панами, и чем глубже те паны сидели в дерьме, до своего внезапного панства, тем изощреннее издевательства. Увы, это продолжается все с нарастающей силой, и где уж тем панам быть корректными с другими, а народу под ними сочувствовать другому? «

Из третьего e-майла:

«...А стоять под звездами на земле люблю очень. Впрочем, не только на твердой земле. Кк-то я плыл на яхте из Израиля в Турцию. Моя вахта была ночью. Один на палубе. Вокруг по горизонтали бесконечность в полной темноте. Наверху мириадами звезд высвечено, внизу мерцающая бездна с броуновским мельтешением светляков. И чувствуешь себя крошечной молекулярной составляющей Этого Мира, но при этом не значительной, но весьма значимой частицей этого самого мира. Ибо, подумалось, если убрать насильственно одну составляющую, мир, конечно не сгинет, но полным уже не будет.»

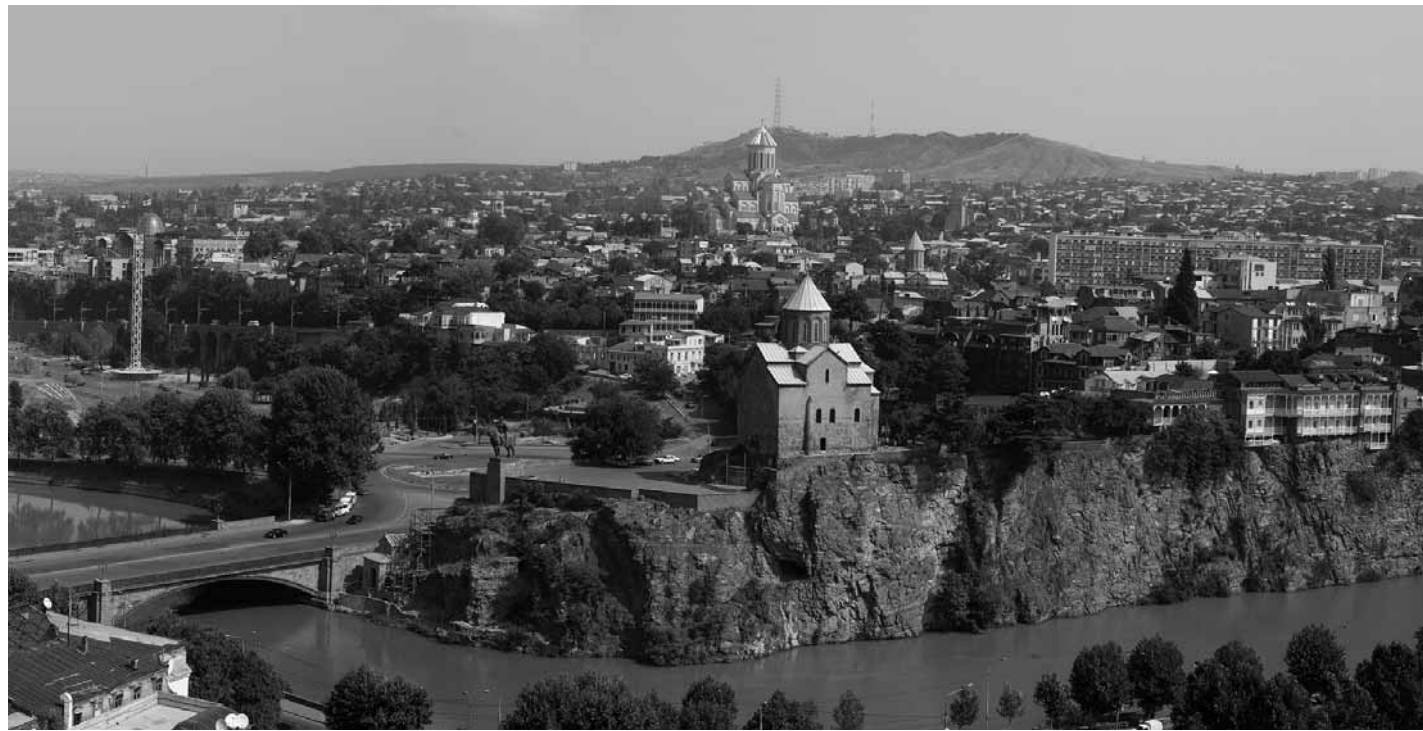
Вот адрес сайта фотографа Николая Тарханова:
<http://picasaweb.google.com/nicotar/>

Николай Тарханов. Грузия

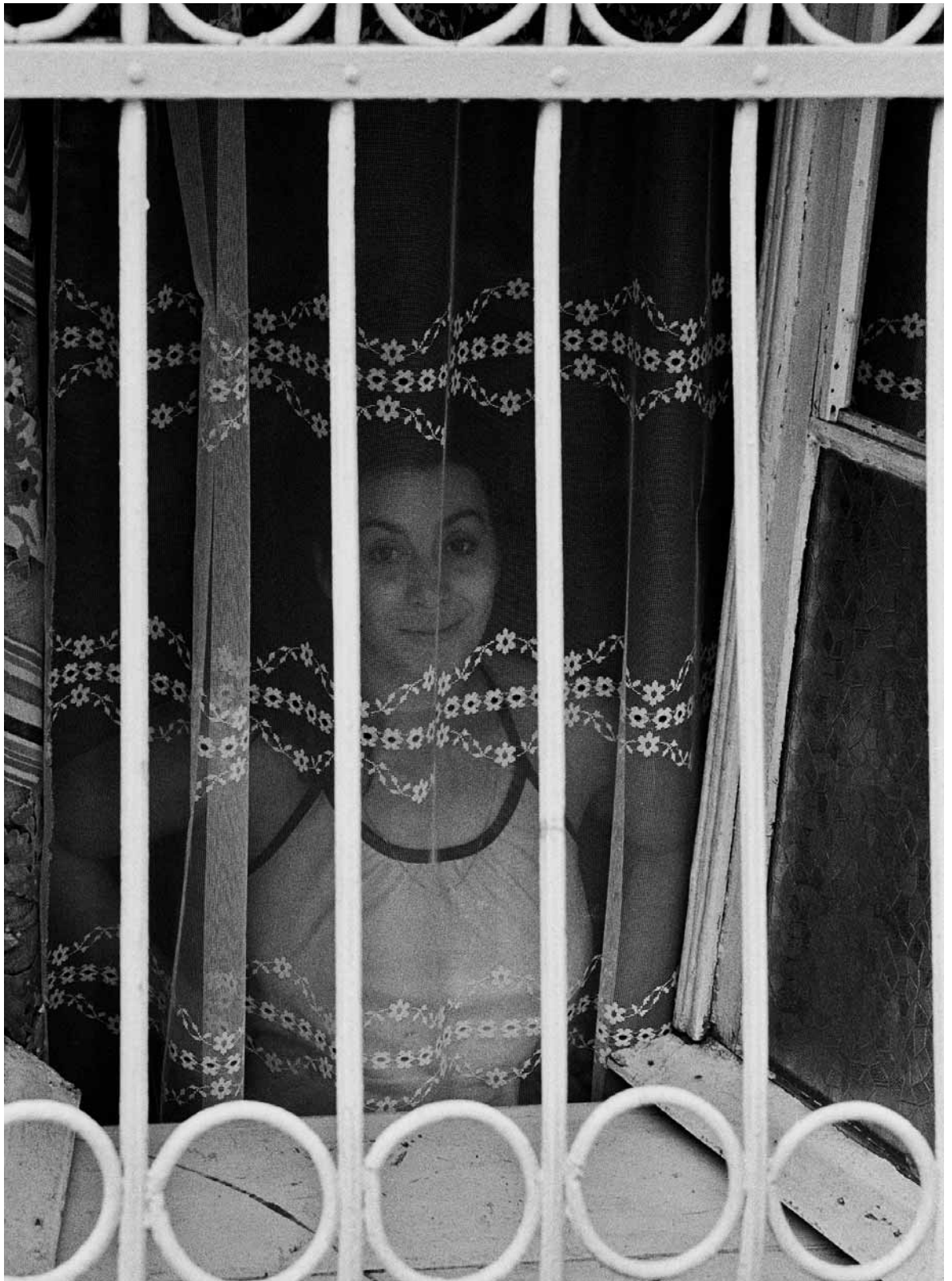

СМЕСЬ. ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

12 потерь в истории изобразительного искусства

В истории изобразительно-го искусства насчитываются десятки случаев, когда произведения известных мастеров были уничтожены или сильно пострадали из-за небрежного к ним отношения. После того как самый ценный экспонат выставки Трейси Эмин в Королевской академии художеств случайно был разбит вдребезги, британская газета *The Independent* решила собрать воедино сведения о подобных случаях. Издание приводит 12 самых значительных потерь мира искусства (полный текст на сайте InoPressa.ru).

Эскиз к «Окруженным островам»,

Кристо и Жанна-Клод

Болгарский художник Кристо и его соавтор и жена Жанна-Клод прославились своеобразной инсталляцией, окружив полипропиленом 11 островов у побережья Майами. Один из подготовительных

эскизов этой работы пострадал во время транспортировки: автогрузчик проехал прямо через произведение. Теперь рисунок хранится в офисе лондонской страховой компании *Axa Art*, поскольку Кристо предпочитает не продавать поврежденные работы.

«Сон», Пикассо

В 2006 году магнат Стив Уинн, владелец казино в Лас-Вегасе, договорился продать принадлежавшую ему картину Пикассо «Сон» за 74 млн фунтов. Однако, оступившись, случайно повредил шедевр, прорвав в нем дыру. В результате миллиардер решил отказаться от сделки по продаже картины и после реставрации не расставаться с полотном.

«Барельеф без названия», Крейг Кауфманн

В 2006 году накануне вернисажа, посвященного открытию в парижском Центре Помпиду выставки «Лос-Анджелес 1955-1985: рождение художественной столицы» со стены свалилась 8-футовая балка из полиэстеровой смолы — работа Питера Александера. Та же судьба постигла «Барельеф без названия» Крейга Кауфмана, уцелевший в трех землетрясениях в Лос-Анджелесе.

Ваза империи Цин

В результате падения слестницы одного из посетителей кембриджского Музея Фитцуильяма было разбито несколько китайских ваз, возраст которых составлял около 300 лет. Фарфор династии Цин, правившей

в XVII веке, был одним из ценнейших экспонатов музея. Реставрация ваз продлилась полгода. Посетителя арестовали, но затем освободили без предъявления обвинений.

«Воссоздание первой публичной демонстрации саморазрушающегося искусства», Густав Метцгер

Пластиковый пакет с каким-то бумажным сором, в 2004 году выброшенный на помойку в галерее Tate, оказался частью копии произведения 1960 года, которая олицетворяла «конечность существования» искусства. По иронии судьбы Метцгер был основоположником художественного «Саморазрушающегося» движения.

«Дом», Рейчел Уайтред

Осенью 1993 года Уайтред изготвила из бетона скульптуру, изображающую викторианский жилой дом, и установила ее в Восточном Лондоне. Это произведение было удостоено премии Тернера. А издание The Independent назвало его «одной из самых поразительных и оригинальных по замыслу скульптур, созданных в Англии». Однако год спустя муниципальный совет уничтожил произведение, поскольку вся улица была предусмотрена под снос.

«Раскрась по номерам», Дэмиен Херст

Для вернисажа своей выставки «Раскрась по номерам» в 2001 году Херст создал инсталляцию из пустых пивных бутылок, переполненных окурками пепельниц и банок с краской. Тем самым он хотел воссоздать богемный интерьер мастерской художника. После вернисажа уборщицы, чистившие помещение, выкинули произведение в мусорный контейнер, откуда впоследствии и было извлечено. Херст нашел случившееся «крайне забавным».

Фрески в Падуе, Андреа Мантенья

В 1944 году союзная коалиция бомбила Италию с целью уничтожения промышленных центров. Возвращаясь на базу, некий пилот сбросил бомбы на Падую. Они попали в церковь Дельи Эремитани и уничтожили фрески XV века.

Венера Милосская

Фигура Венеры занимает почетное место в парижском Лувре. Некий греческий крестьянин нашел ее в 1820 году на острове Милос. На момент обнаружения фигура была разломана на два больших фрагмента. В левой руке богиня держала яблоко. Осознав истори-

ческую значимость этой древней скульптуры, офицеры французского военного флота распорядились увезти мраморное изваяние с острова. Когда Венеру тащили по скалам к ожидающему кораблю, между носильщиками произошла драка, и обе руки откололись. Усталые матросы наотрез отказались вернуться и поискать оставшиеся части, поэтому левая рука богини отбита у самого плеча, а правая — на уровне груди.

«Криминальное чтиво», Бэнкси

В апреле прошлого года, спустя несколько месяцев после того, как на аукционе Sotheby's одна из работ Бэнкси была продана за 102 тыс. фунтов, Лондонское транспортное управление закрасило его фреску «Криминальное чтиво» на Ист-Энде в Лондоне. Это изображение Джона Траволты и Сэмюэла Джексона с бананами в руках сочли обычными граффити.

«Ваза с пятью подсолнухами», Ван Гог

Это полотно, написанное Ван Гогом в 1888 году, входило в цикл «Подсолнухи». В 1920 году «Ваза с пятью подсолнухами» была привезена в Японию, где ее купил Коята Ямамото. Она хранилась в банков-

Royal Academy of Arts
THE JOHN MADEJSKI FINE ROOMS

From All Walks of Life

Genre Paintings from the Royal Academy Collection

1 December 2007 – 7 December 2008

FROM RUSSIA

FRENCH AND RUSSIAN MASTER PAINTINGS 1870–1925 FROM MOSCOW AND ST PETERSBURG
MAIN GALLERIES 26 JANUARY – 18 APRIL 2008

ском сейфе, где и сгорела в 1945 году во время налета американской авиации.

**«Тайная вечеря»,
Леонардо да Винчи**

Свой шедевр «Тайная вечеря» Леонардо написал в Милане в XV веке по сырой штукатурке, разводя краски смесью яичных желтков и уксуса. Всего через несколько лет фреска начала осыпаться, а через полвека была объявлена «непоправимо испорченной». В XVIII веке фреску завесили тканью. Драпировка накапливала на себе влагу и, когда ее сняли, поцарапала и без того уже хрупкий красочный слой. Последняя по времени попытка отреставрировать «Тайную вечерю» отняла 21 год.

The Times открыла свой архив за 200 лет

Британская газета The Times открыла свободный доступ к своему архиву с 1785 по 1985 годы, сообщается на сайте издания во вторник, 8 июля.

Архив издания представляет собой поисковую базу данных за все двести лет существования The Times. Каждая изданный поло-

са газеты отсканирована и оцифрована, а содержание каждого номера структурировано по статьям и фотографиям.

Для пользователей газета представлена в виде увеличенных изображений оригинальных полос. Страницы со старыми архаичными шрифтами вполне читабельны.

Сейчас доступ к сервису свободен, однако в ближайшее время услуга станет платной. Для того, чтобы ознакомиться с архивом, нужно пройти регистрацию.

Возвращение на Итаку

Серьезный журнал The Proceedings of the National Academy of Sciences («Труды Национальной академии наук США») опубликовал в понедельник статью двух серьезных ученых — астронома и математика — о точной дате, когда «многоопытный» и «богоподобный» Одиссей добрался до родной Итаки, путь к которой занял у него двадцать лет.

Исследователи Константино Байкузис и Марчело Маньяско отдают себе отчет в том, что они сделали абсолютно спекулятивное открытие: «Вероятность того, что поэтические упоминания об [астрономических] феноменах [солнечном затмении и положении планет] совпадут с единственным

солнечным затмением столетия, минимальны». Это честное заявление обесценивает взнос Байкузиса и Маньяско в гомероведение, но оставляет малюсенькую вероятность того, что в гомеровской «Одиссее» чудом уцелели действительные обстоятельства событий XII века до нашей эры. Однако обо всем по порядку.

Солнце и светила

Итак, что, собственно, сделали Байкузис и Маньяско? Они приняли на веру заключение античного историка Плутарха, который полагал, что в XX песне «Одиссеи» содержится упоминание о солнечном затмении. Вот эти строки, их произносит прорицатель Феоклимен (строки 355-356, перевод В.А. Жуковского): «На солнце небесное, вижу я, всходит / Страшная тень, и под ней вся земля покрывается мраком». Кроме того, астрономы довольно давно рассчитали, что единственное солнечное затмение, видимое в Ионическом море в XII веке до нашей эры, наблюдалось 16 апреля 1178 года (предполагается, что события, дошедшие до нас в виде греческого эпоса о Троянской войне, произошли как раз в конце XIII — начале XII веков).

Байкузис и Маньяско уточнили гипотезу Плутарха: они указали

КУЛЬТУРА

на то, что положение Венеры соответствует тому, каким оно должно было быть 10 апреля, что у Гомера верно упомянуто положение созвездий Плеяд и Волопаса и что, если объяснить метафору о Гермесе (Эрмии у Жуковского) астрономически, то слепой поэт точно знал, где располагался Меркурий за месяц до высадки Одиссея на Итаку.

Гомер молчит

Исследователи древнегреческой литературы уже несколько столетий ломают копья относительно авторства гомеровских поэм. Существуют две точки зрения: а) Гомер действительно существовал и сам написал обе поэмы, б) «Илиада» и «Одиссея» — это эпические произведения, созданные неведомыми народными сказителями и на протяжении веков передававшиеся из уст в уста, пока они не были записаны где-то в классическую эпоху. Абсолютное большинство современных гомероведов склоняются к тому, что единого автора у поэм никогда не было. Принципиально важное доказательство этой гипотезы было предложено еще до Второй мировой войны Мильманом Перри и Альбертом Лордом, изучавшим сербский эпос. Эти ученые показали, как сказители пользуются устойчивыми формулами в тексте и как эти формулы использовались для передачи больших поэтических произведений из поколения в поколение. Существуют и другие аргументы против единого авторства поэм: например, в «Одиссее» встречаются очень поздние вставки, датируемые VI веком до нашей эры, а временем складывания поэм считают VIII-VII века. Напомним, что действие поэм происходит в конце микенской эпохи, которую от архаических греков отделяло пятьсот лет.

Перри и Лорд основательно подорвали веру тех, кто был убежден в едином авторе обеих поэм. Одним из аргументов для последних остаются описания некоторых предметов, которые трудно приписать поколениям певцов — слишком они точны и детальны, их «наверняка» сложил один человек, действительно видевший их своими глазами. Один из таких предметов — шлем из кабаньих клыков, упомянутый в «Илиаде». Археологи находили такие шлемы, они датируются микенской эпохой (ныне выставлены в Национальном археологическом музее в Афинах). Еще одно интересное наблюдение связано с географией: местоположение Трои и описание равнины, на которой происходили сражения греков и троянцев, изложены у Гомера достаточно точно, чтобы внимательный, хотя и фанатично настроенный Генрих Шлиман проложил чуть ли не первую же свою траншею поперек древнего Илиона. Так что если бы Байкузису и Маньяско удалось хоть чем-то подкрепить свою гипотезу о дате высадки Одиссея на Итаку, то сторонники единого автора поэм, исторического Гомера, получили бы еще одно, слабенькое, но увлекательное доказательство в свою пользу. Ведь можно предположить, что, как и в случае со шлемом, описание солнечного затмения было сделано одним человеком, действительно его видевшим.

Где Итака

Существует еще одна научная головоломка, имеющая, в основном, отношение к царству Одиссея, а не ко времени его высадки. Дело в том, что на Итаке, маленьком и гористом островке, археологам не удалось обнаружить ничего хотя бы отдаленно напоминающее дворец, приличес-

твующий царю. Ведь дворцы микенской эпохи неплохо изучены за последние сто лет, а особо везучие ученые продолжают их находить: в 2006 году экспедиция профессора Иоаннинского университета Янноса Лолоса сообщила об обнаружении дворца Аякса Теламонида, одного из участников похода против Трои.

Высказывались различные предположения о судьбе Одиссеева наследия на Итаке: все погибло во время одного из землетрясений, характерных для этой части Ионического моря; археологам не везет, но рано или поздно они что-нибудь найдут; наконец, многоумный Лазэрид царствовал не на нынешней Итаке, а в другом месте. Главными сторонниками последней идеи являются английский энтузиаст гомероведения Роберт Биттлстоун и два серьезных ученых из Кембриджского и Эдинбургского университетов — Джеймс Диггл (классицист) и Джон Андерхилл (геолог). Они предположили, что в древности (микенской древности, не классической) Итакой была западная часть острова Кефалиния, ныне известная как полуостров Палики. Только тогда Палики отделялся от Кефалинии проливом, исчезнувшим после грандиозного тектонического сдвига. Гипотеза Биттлстоуна основана как на совпадении в гомеровском описании Итаки и в облике современного Палики, так и на исследованиях морского дна. Более обстоятельное изучение геологии северо-запада Кефалинии будет предпринято летом 2008 года, а о его результатах станет известно в сентябре. Нам кажется, что вопрос о том, куда все-таки высадился Одиссей, интереснее, чем когда он это сделал. Как-то осязаемее, что ли.

Юлия Штутина

ЦАРЕВНА МЕДЕЯ: РАНА ЧУЖОГО

Наталья ИСАЕВА

*Гнев, богиня, воспой, дочери-девы царя, жрицы, Эта,
Грозный, который коринфянам тысячи бедствий соделал,
С одного дня, как воздвигшие спор, воспылали враждою
Пастырь Ясон аргонатов и Эротом сраженная колха Медея!*

Анатолий Васильев

Если попробовать подвести теперь итоги этих странствий, этого причала... Потому что Васильев не устает повторять: мой последний спектакль, прощание с театром, последний опыт, последнее детище... Не то что бы я верила, нет, — ведь и прежде всякий раз новое рождалось в муках, в криках, с ледящим душу ветерком: в последний раз. Но сейчас уж слишком всё сошлось. И спектакль, который после премьеры ушел из-под рук, — а никогда прежде гастроли не бывали без Мастера, без присмотра... Та безотцовщина, что я видела только что в Москве — в июле, в надрывном до боли «Дон Жуане», который мертв, — каюсь, плакала в антракте — вроде бы и то же самое, и технически безупречно, но ушла искорка — огонек — льдинка — что-то ушло, — наверное — безвозвратно. Но Москва-то уже позади, а здесь, — Греция рядом, только тронь, гастроли — вот они, по всем крупнейшим греческим городам, по всем античным театрам, в Афинах даже на двух площадках, в том числе и в знаменитейшем «Иродионе». А Васильев надрывает себе сердце, да рвет и мое помаленьку: спектакль идет с большим успехом, — но — идет, катится, гладко сцепляется, уже неподвластный творцу, после премьеры в Эпидавре 15-го августа весь отданный на откуп Фестиваля (Hellenic festival) и театра Патры, в умелых ручках

главной актрисы — директрисы — политической, политической дамы Лидии Кониорду. Все спрямляется, выравнивается, все становится проще и приемлемей. Только не для режиссера.

А что же все-таки существовало изначально (да, впрочем, сохраняется и сейчас — несмотря на все выстуригивания, выглаживания, несмотря на все приспособления гастролей)?

Труднее всего, наверное, зрителям и критикам принять саму Медею — так как ее сделал и увидел Анатолий Васильев. Без истеричных воплей и психодрамы, без эмоциональных и криминальных переживаний. Увидеть ту, что делает **должное**. Принесит жертву, выжигает площадку, кладет конец спокойному существованию этой цивилизации, этого гладкого мира. Царевна, пришедшая извне — с набором своих волшебных снадобий или страстных заклинаний — но пришедшая прежде всего — закончить, сжечь, не оставить камня на камне... Не история преданной женщины, что не совладала с нанесенным оскорблением: история заката цивилизации. Кто вспомнит — прошу любить и жаловать: Шпенглер, «Закат Европы», то пророчество, что прорастало и вы-

шевеливалось добрую сотню лет. А вы разве не заметили? А взрывы, что потрясают, а дыры, что обваливаются? Что, вам все еще кажется, — это просто чья-то злая воля, или чья-то обида, или чья-то болезнь и нищета? Вы вполне уверены? Думаете, и снадобье найдется, и лишай залечится? Может, всё гораздо проще — может, просто время этого мира вышло, кончилось, и даже на бетонной шероховатой стене небоскреба явственно проступает та самая надпись... Всё измерено, взвешено и найдено мелким, всё оказалось недостаточным... как хляби небесные — разверзаются новые времена, — а они не приходят без боли, без огня, без катаклизмов.

У Васильева-то заход к этому иной, с другой стороны. Да что ему политика, он и газет-то не читает, и с интернетом не в ладах. Но вот занятия по Шекспиру — года два, два с половиной назад, в последней васильевской лаборатории в Москве. Я сидела в углу, в сторонке и видела «Отелло». Ну и где там прикажете искать ревность, или доверчивость, или что уж там такого человеческого мы желаем непременно видеть в ренессансной трагедии? Есть просто черный мавр, который сам по себе — другой, иной, из прибродившего, кислого теста, из другой культуры, — он простодушен, потому что культура эта только рождается, он не умеет хитро завязывать узлы на платке, его заклинания наивны, он весь стоит на каком-то очень простом камне — вопреки цивилизации, ловкости, накопленным лекалам и образцам культуры, он весь еще в первозданном порыве свежести и становления: без изысков постмодернизма, без повторений, без упражнений. Он не знает, что это такое, — и потому ни с кем не может найти общего языка, — у него нет языка даже чтобы спросить: что же это такое для тебя, моя любимая, — вот эта правда, вот эта верность, вот эта добродетель? Потому что для него вопросы эти — не хитросплетения слов, а сама его кровь, и само его тяжелое дыхание, и смертельный завет, — а иначе он не может. Вот оно, истинное противостояние, названное художником: *варварство и цивилизация*. Или, если будем храбры сами с собой: мучительное предвосхищение прихода новой, чуждой культуры.

Господи, когда я думаю, что совершенно аполитичный, абсолютно вне сферы масс-медиа живущий Васильев слышит что-то — одним лишь чутьем на эстетику, как специальная служебная собака, натренированная на след прекрасного, на след истины (а у Платона, вспомним еще раз, они совпадают, — даже страшно — построил нечто прекрасное, а оказалось: открылась истина, — вот он и наш мир, целиком отражается в осколке, в

ракушке Красоты), — я слышу и другое: для него в этом устроенном мире места нет. В Москве Лужков, — ну, не Лужков, так кто-то другой, все одно — истеблишмент; в Греции, скажем, правые, националистические газеты — на одной интуиции начинают радостно рвать на части, потому что чувят чужое...

А вот не угодно ли — прекраснейший спектакль, чистая эстетика, без примеси политической конъюнктуры! Красная тавромахия на античной орхестре, красные же столбы, что окружают ритуальный круг — корабельные мачты Ясона, а может — шести с натянутыми веревками, с флажками, что веселят людей на каком-нибудь сельском празднике (Визуальная идея и свет — Анатолий Васильев, сценограф — Дионисис Фотопулос (Dionisis Fotopoulos)). Стонет вначале наша Медея за красной занавеской в хрупком бамбуковом домике сзади, на сцене. Поет «амонэ», начинает заранее свой погребальный плач-проклятие. Кормилица объясняет, Педагог объясняет, а она только стонет, гудит словами Эврипида, — за занавеской выплечет, выплюнет свою боль, а потом выйдет дело делать. «Коринфские женщины!» — обратится она к хору, и пойдет, закрутится действие... Где уж там успеть подняться до возвышенной величавости античной героини? Эта Медея будет вязать себе запястья и щиколотки корабельной веревкой, гонять Ясона черной юбкой, как мулетой тореадора... Потому что все действие организовано по принципу корриды, точнее — деревенского «бычьего» праздника, по образцу древнейших игр на Крите, где искуснейшие акробаты и танцоры храбро вились и кувыркались вокруг быка — прежде чем принести того в жертву. Вот и для Васильева все происходящее — скорее сельский календарный праздник, что повторяется из года в год. Закланье быка, — не убийство, но жертвоприношение, в котором принимают участие и главные протагонисты, и сами зрители, то бишь играющий, поющий, пляшущий хор. Красная коррида на круглой арене, усыпанной кровавой землей, грязноватыми цирковыми опилками... Сама Медея как единственный матадор, которому предстоит сразиться с мужчинами — то есть сразу с несколькими быками (не исключая и ее собственных мальчиков-близнецов). Если в привычном тексте Эврипида это мрачная волшебница Медея вечно глядит на окружающих «набывчившись», то здесь она входит резким лезвием ножа, снизу — да прямо в селезенку — в наш цивилизованный Коринф аккуратного стада протагонистов, одетых в белые длинные рубахи почти до полу, в кожаные куртки-жилеты, — в круг этих героев-мужчин, подпоясанных черными ремнями, по-своему опасных, ловких, беззастенчивых.

И между багряной Медеей и ее противниками — стоит хор: хор женщин и музыкантов-мужчин. Женский хор одет в полосатые черно-белые юбки (художник по костюмам — венгр Чаба Антал (Csaba Antal); кто знает Васильева, сразу представит себе костюмы, которые трансформируются по ходу спектакля, выполняют множество функций — безо всяких переодеваний создают целое поле переплетающихся семантических образов. Скажем, бывают такие блестящие насекомые, ярко отражающие свет, но под жестким панцирем у них — еще и прозрачные подкрылки, еще и легкий флёр нижней юбки, и рукавов, и просторных шальвар-штанишек. Все они ведь по ходу дела переворачиваются, и кувыркаются, и застывают в странных позах стрекоз — богомоллов — бумажных кукол. Хор, позволяющий себе вольности и крайности, тот хор, который — еще прежде Медеи — служит Дионису, тот хор, что в своих хмельных экстазах предвидит и пророчит, подталкивает и провоцирует... Венгерский хореограф Чаба Хорват (Csaba Horvath) прекрасно ухватил предложенную идею пантомимы хора как гамлетовой «мышеловке», — всё повторяется снова и снова: мы знаем заранее — но всё равно не уберемся на будущее, — мы сами поиграем с мальчиками, с детишками, — пока сами же их не словим... Если есть тут настоящая связь, если есть настоящий диалог, где стороны, — пусть и с опозданием, — умеют слышать друг друга — это скорее вечный диалог Медеи и хора. В какой-то момент — вот они, дикие скачки черных и белых лошадей, что несутся враздрызг, без поводьев и удил, — только Дионис, мановением длани, колыханием виноградной лозы может провидчески направить этот бег. Элевсинские и дионисийские мистерии как отражение первозданных таинств самой варварки Медеи, как обращение к орфическим тайнам, к первородным змеиным истокам, к текучей и вязкой подземной воде.

И еще одно особое отношение — с играющими музыкантами хора; это не тавтология — их дело не только владеть инструментами (здесь и бузуки, и балалайки, и лютни-лауты, огромные барабаны, аккордеон, флейта...), но и играть актерски, предлагая свой собственный комментарий к действию, «острая» его наподобие Брехтовских зонгов. Музыканты выходят на оркестру, чинно следуют друг за другом похоронной процессией-парадосом, — и они же играют для хора коринфских женщин, для зрителей амфитеатра, для самой Медеи — играют так, как лабают в кабаке, как рвут душу в темном притоне. Они ловят нас на простейших движениях сердца, бесстыдно взывая к тому дикарскому корню, к тому стихийному порыву, который каждому из нас хо-

телось бы прикрыть, спрятать поглубже. Музыка (не только композиторски, но и потом, со всеми исполнителями, живую музыку на сцене) делал Такис Фарадзис (Takis Farazis), но саму музыкальную концепцию выбирал опять же Васильев. «Ребетика», «рембетика», музыка низов и музыка пришельцев; это мелодии и песни, которые привезли с собой в Грецию после проигранной Пелопонесской войны беженцы из Малой Азии — музыканты Константинополя и Смирны, — чужестранцы, бандиты и наркоманы, наводнившие портовые города, осевшие в Пирее, Салониках и Лариссе. Православные беглецы — этнически и мелодически достаточно чужеродные, как бы не вполне греки, как бы не вполне свои... Ставшие вдруг богемно-модными, безумно популярными в тавернах и гашишных курительнях 20-х и 30-х годов... Грубая аналогия, но рискну: представьте себе испанское фламенко всех этих маргинальных «хитанос», португальское фадо, нью-орлеанский негритянский блюз, наконец — чего уж там, черт возьми, возьмите наших цыган! Что-то чрезвычайно грубое, мутное, бьющее под дых — и одновременно до крайности легкое, летящее, до наивности простое. Только у греков сходная история оказалась еще сложнее — эти пришельцы из Константинополя — сами того не зная — уже несли в себе, внутри, в известковых наслоениях столетий, те изначальные византийские распевы, которые в самой Греции более не сохранились. Узнать их можно было лишь по какому-то смутному отзвуку, по гулкому эху прежнего архетипа — через поколения, поверх прерванной традиции и отуреченной крови. Так Медея, варварка, слышит в себе, в своей утробе, глас Диониса — зов того бога, которого сытый, гладкий Коринф давно променял на упорядоченного искусника Аполлона.

Лидия Кониорду (Lydia Koniordou), актриса-примадонна, любимица греческой публики, занималась с Васильевым в семинаре с конца февраля, — училась наряду с прочими (а на первоначальный конкурс, между тем, явилось более двухсот пятидесяти актеров); она была готова вставать в тренинги, обучаться вербальной технике, пробовать себя в этюдах. В репетициях она была готова ко всему, — думаю, что отчасти эта решимость сложилась еще в Дельфах, где Лидия живьем видела васильевскую «Медею» Хайнера Мюллера с Валери Древилль. Ближе к премьере испугалась, мягко отодвинулась от края режиссерского «экстрима». Жаль, что сработала только вполовину, жаль, что замахнулась не столь радикально, — шанс ведь был и в вербальной технике выдать на полную катушку... Всё равно, стихия слова постепенно захлестывает собою площадку, — хор живет в своем

пульсирующем ритме, он поет и скандирует, голоса сплетаются, накладываются друг на друга, создают живую магму фонической материи, разделяются вновь. Это и деревенские посиделки, где крестьянки пересказывают друг другу последние сплетни, и мрачные пророчества, и песенки все той же «ребетики» на слова Эврипида из монологов «Медеи», — а с ними вместе — и магические заклинания Гекате, и гимны Эроту, что рифмуются со смертными обрядами самой героини.

Вот Медея, выцганившая у зверского разбойника — тирана Креона, — один-единственный день, начинает поспешно готовить, «работать» свое платье. Она стягивает этот пеплос с собственного тела (на репетиции я видела, как ткань продергивается, протискивается сквозь лингам, который колхидская царица носит на голове наподобие гордой, вздернутой тиары), белое платье невесты при этом пятнается красно-бурым знаком менструаций, родов, нового порождения... Рука Медеи шарит в бронзовом чане — вот схватила за хвост, держит крепко: это повелительница змей усмиряет одну из них, потом другую... Третья, четвертая — бьются, извиваясь на красном песке, сверкая вдоль чешуйчатой полоской, металлическим длинным боком... Лента — молния — ядовитый разряд, вслепую тычущийся — куда бы ударить. И пальцы Медеи впиваются каждой — под шейку, под жабры, во временное затишье. Змеи заползают — каждая в свой длинный карман-складку, что идут от пояса к подолу свадебного наряда. Вот и хор очнулся, верные служанки застывшего в оцепенении полукружья, — они подбегают выловить остальных. Восемь длинных рептильных хвостов свисают вокруг юбки с завидной регулярностью — на виду у всех. Чудное, веселое украшение, любо-дорого, обморочно, выморочно прекрасно! Потом

уже это расписанное кровью одеяние вдруг взмывает вверх на пятиметровых деревянных вилах — жатва близится, жених идет... А наша ремесленница-умелица, наша мастерица, — натянув грубые перчатки молодобойца, она режет огромными ножницами все тот же металлический сосуд, кроит из него венец новобрачной; вот уже и песня началась, вот уже и Ясон явился на зов, пришел выслушать признания и извинения, а Медея не торопится, всё режет и стучит молотком, режет и стучит, нисколько не скрывая искренних, простодушных усилий от своего неверного мужа. Видишь, любимый, как я стараюсь, прости уж мой опрометчивый, слишком скорый язычок: главное ведь — поступок, движение души! Вот он — пеплос, вот он — венец, ничего не жаль, — видишь как играет золотом! Сыграем и мы в эту игру, дорогой мой: всё золото солярного диска Гелиоса, что сходу выжигает слабеющих и изнеженных, — против всего золота Коринфа, которого довольно и во дворце...

А вот и дети выбежали на зов, два мальчика-близнеца, неотличимых друг от друга, — они уже одеты и прибраны как все это стадо коринфских бычков, они уже обучены и объезжены, все их повадки ловко танцующих механизмов говорят о прекрасной школе полировки, разумно обтачивающей и лакирующей граждан полиса. Мы не видим их лиц — на головах у аккуратных детишек — плотные маски-чехольчики, точно подогнанные, всеми швами прошитые закругленные колпаки страшных тряпичных кукол. Они прежде играли с муляжом быка, с рогатой бычьей головой на крутящемся колесе: дети и покатают теперь в повозочке, держа огромные вилы с нацепленным вверху, развевающимся страшным приношением для невесты... Зато как полагается, всё по этикету — дары отправлены.

Это позднее, в растянувшиеся минуты ожидания, — вдруг вывезут студийный прожектор и войдет архангел-Вестник в цветном одеянии, войдет, чтобы поведать нам о происходящем (это та же актриса, что играла Кормилицу, неизменно оберегавшую детей — Аглая Паппа (Aglaia Pappa). Но вскорости, под лучом телесофита, как-то вдруг замелькают европейские деловые костюмы, вестники вдруг размножатся, — с приличествующим случаем социальным темпераментом они поторопятся сообщить, — граду и миру, — что же у нас тут с вами, в Коринфе, делается... Вот уже включилась французская речь, вот — в шекспировских интонациях и почти шекспировским слогом — комментатор излагает свою версию истории, — надо полагать, это всемирная служба Би-Би-Си наслаивается поверх прямо в эфире. Хорошо поставленные голоса, выверенный моральный пафос дикторов-ведущих: а вот сожгли, а вот еще отравили, а вот тут у нас — у вас — у них — повсюду! — бомбу бросили, а тут, представляете — гибель, гибель, гибель!.. Гниль гибели, — как болотная чума, вползающая в обустроенный мирок, — уже и фраз не разобрать, одна лишь неразъемная плоть речи, с выпрыгивающими поверх потока отдельными словами — на разных языках — возвещает цивилизованной вселенной: пришло время — ушло время! Да еще «ребетика» грянула поверх, все сплелось в единый гул, — как поминальный колокольный звон: слушайте же архангела-Вестника! Я помню, как, не выдержав, вдруг начали с разных сторон кричать со своих мест и зрители в Эпидавре, — ну да, они-то думали, это всё далеко; они-то прежде вполне безопасно и сладко ужасались изобретательным архаичным бесчинствам, — а оно вот тут, прямо в телевизоре, узнаваемо, из ящика пялится, по-соседству рожи корчит и

кулаком грозит, — общее предчувствие, сосущее душу пред-ощущение беды.

Свершилось, продолжает свершаться... Даже хор содрогнется перед содеянным, но содрогнувшись: примет деятельное участие. Перевернут высокий черный стол, до сих пор стоявший в центре оркестры, торчат вверх четыре ноги, и вот уже пойманные вакханками мальчишки встали, балансируя, на эти шатучие опоры, схватились за руки, застыли как два силуэта, как две фигурки деревянной игрушки равновесного баланса (то ли два выструганных столяром медведика готовы пилить и стучать по очереди, то ли — в Индии видала: две парные куклы стучаются друг о друга равномерно, сцепляясь низом живота, — вот тебе твои две половинки, два полюса, — пример живой, то бишь деревянной амбивалентности). Я не знаю, как они выпрямились там, как держатся наверху, в своих черных грузинских сапожках зависнув над пропастью — так и видишь, так и ждешь, что не миновать им сверзиться вниз... Хор, прикрывая лица юбками как огромными покрывалами-мантильями, меняя формы и геометрию, попутно превращаясь в стихийные, подползающие волны, в камни, что перекатываются вокруг, — хор прячет их, еще раз уносит. Бежит Медея, несет черную квадратную доску — надеть на растопыренные ножки стола, сделать жертвенник, перевернутый алтарь, выловить, наконец, детей — да и покончить со всем этим разом. Ребенок, почти в объятиях ее, почти «пьютой» окольцованный ее телом, лежащий в последний раз на боку на жертвенной плоскости, и рука, голая, безоружная материнская ладонь замахом вверх, — то ли оберечь, то ли наказать, то ли проучить в последний раз. Нет, вырвался, скатился, убежал вовсе, и она ушла наконец за детьми в домик,

прочь от глаз — как скажет потом Ясон, — «свирепая лвица, тирренская Скилла», — эллинская женщина до такого бы не додумалась...

Вынесены и сброшены со ступеней: два тела, два трупа, два жертвенных животных (теперь, когда одетые фигурки остаются недвижимы, нам кажется, что это реальные актеры лежат вповалку, все в тех же масках, все в тех же рубашках и сапожках). Выезжает техник на желтом тракторе-велосипеде (как режиссеру хотелось бы лошадей, осликов или, на худой конец, красный крестьянский трактор, но археологи не допустили поругания Эпидавру!), к повозке сзади он деловито подвязывает обоих погибших бычков — и затем волоком тащит их вокруг оркестры. Два почетных круга, завершение корриды, апофеоз, — даже марш тут показался мне нынешним достоверным маршем испанской арены, праздничным, торжественным итогом сакрального ритуала (оказалось, это весьма узнаваемый в Афинах «Марш Наполеона» Тасоса Халкиаса (Tasos Halkias). Вначале музыканты играют на сцене — у красной стенки, на помосте, примыкающем к оркестре, — а потом уже, в ритме бравурной «ребетики», по-одному спускаются вниз, проходят процессией со всеми инструментами; и наконец эксодос: мерно ударяя в барабаны и тимпаны, они уводят за собою хор. Девушки идут вослед, перевернув черные стулья, водрузив их себе на головы как странные, ступенчатые и колючие головные уборы. И только в глубине сцены Ясон, которому никто так и не открывает, продолжает яростно колотить в запертые двери дома.

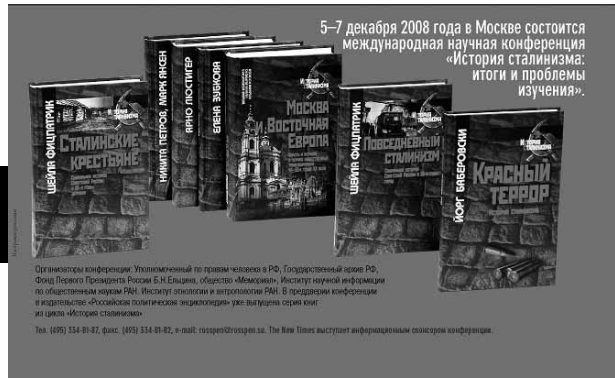
И — через паузу — снова въезжает повозка. Снова тот же наивный и смешной трактор-велосипед, флажки на шестах, в колеснице Медея в обнимку с двумя трупами, кричит, переругивается с Ясоном; «отдай хотя бы тела их — для плача и погребения», — причитает тот, — и она бросает ему последнее, что еще связывает ее с землей Коринфа, — последний прах, последнюю падаль, которая останется аргонавту от всех приключений и завоеваний. Она и сама, «лвица детоубийственная», готова рвать их на части, она сама грызет их зубами. И сидит Ясон на этой выжженной земле, забавляясь прежними играми со своими бездыханными мальчиками, срывающимся голосом напевая им то ли плач, то ли колыбельную... Медея же твердит о том, что научила его сердце страданию: «Точно, доподлинно знай: развяжет страдание скорбь, / — Та, над которой ты более не посмеешься...» По словам же Ясона, «...Следует ей либо спрятаться ниже земли, / Либо тело пернатое взнести в глубину эфира!» А Медея, вот так зависшая между Ге-

катой и Гелиосом, полагается теперь целиком на мощь солярного бога; там, на солнечной стороне, она звонит в велосипедный колокольчик, двери погибшего дома распахиваются и к ней навстречу выбегают двое детей с открытыми, нагими, невинными лицами — новые, преобразованные существа. Бывшие невольными игрушками, невольными орудиями манипуляций — они могут пре-существовать лишь вместе с Медеей, в яростном луче и блеске Гелиоса, выжигающего лишнее... Так они и уедут в повозке, прицепленной к желтому трактору-велосипеду, — к другим берегам, к иному прибежищу.

Последний раз мы увидим хор во втором парадосе, в длинной процессии музыкантов и женщин-вакханок; под томительно длящуюся заключительную мелодию, как бы под похоронное отпевание, — они вынесут ведра с землей, — этой-то красноватой землей странствий и приключений, этой кровавой землей последней тавромахии и будет засыпан наш Ясон. Над последним пристанищем и холмиком будет снова воздвигнут алтарь, — уже какому-то иному богу, о котором пока не звучала весть, о котором покуда не было слова... На прежнем черном столе поставят деревянный кораблик под единственным парусом... Дернем за восемь веребочек, — на все стороны света, — и разлетится он вдребезги, на мелкие кусочки, наш гордый «Арго», что плавал далеко, что побеждал и хвалился добычей, что всерьез почитал себя — царем и законным правителем надо всей обитаемой ойкумены...

Помнится, года три тому назад, да, пожалуй, даже чуть поболее, Ариана Мнушкина (Ariane Mnouchkine) делала «Последний караван-сарай»: из разных историй, из современных сказов (ее вечный литературный соавтор — Елена Сиксус (H l ne Sixous) — долго собирала биографии, высказывания, изустные повествования нынешних беженцев — афганцев, курдов, иракцев, алжирцев, беглецов из Восточной Европы или какой-нибудь Северо-Западной Африки...). Так хотелось им, либеральным интеллектуалкам, — постоять за гонимых, откликнуться, демократически отозваться на человеческую боль и лишения. А вышла история — про другое: про неостановимую волну прилива, про настойчивое давление варваров, осязаемое тут вот рядом, на приступочке, прямо за нашим палисадником, прямо за нашей крепостной стеной. Нарезка газетных заметок, жизненных историй, — или вот так, как у Анатолия Васильева, — сразу один монументальный срез. Но всё о том же. Гелиос жжет и плавит, он меняет нам форму мира и путает карты — хотим мы того или нет... ■■■

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

«ИСТОРИЯ СТАЛИНИЗМА» В 100 ТОМАХ

В 1991 г. перевернута страница советского прошлого России. Страница эта осталась обществом непрочитанной. При всех безусловных достижениях советского периода истории — и экономических, и социальных, и научных, и военно-политических — остается без ответа вопрос о цене этих побед, за которые заплачено миллионами человеческих жизней. История СССР до сих пор ждет своего углубленного анализа. Одна из самых болезненных и самых неизвестных тем для российского общества — по-прежнему тема ГУЛАГа, остающаяся и по сей день для подавляющего большинства россиян тайной за семью печатями. В том числе и на территориях, являвшихся центрами лагерной системы.

В этой связи показательным представляется хорошо известный факт: по данным социологических опросов сегодня в России более 50% населения положительно оценивают роль И.В.Сталина в истории страны, причем доля этих людей в последние годы выросла, в том числе среди молодежи.

Без преодоления советского идеологического и политического наследия невозможно становление в России цивилизации современного типа. Решение этой задачи требует кардинальных изменений в общественном сознании и целенаправленных усилий по формированию новой ментальности. Именно достижению заявленных целей призван содействовать научно-издательский проект «История сталинизма». В его рамках осуществляется подготовка и издание в России исследований (в том числе и лучших зарубежных) по истории сталинизма. Издание книг серии планируется сопровождать органи-

зацией дискурса, публичных обсуждений проблематики, представленной в издаваемой литературе, через организацию конференций, семинаров, а также презентаций книг в центральных научных универсальных библиотеках субъектов РФ и университетах.

Таким образом, в ткань общественного сознания предполагается имплементировать результаты научного анализа советской эпохи, основанного на достижениях так называемой «архивной революции», в рамках которой российскими историками и архивистами опубликованы миллионы ранее засекреченных документов.

* * *

5—7 декабря 2008 г. в Москве пройдет первая международная научная конференция «История сталинизма: итоги и проблемы изучения». В ее работе примут ведущие специалисты по истории сталинского периода из России, Европейских стран, США, Канады и Японии. Конференция рассмотрит вопросы научного осмысления проблем сталинизма и взаимодействия научной историографии и массового исторического сознания в современной России.

Политические изменения в России и связанное с этим частичное открытие архивов способствовали существенному прогрессу в изучении сталинского периода. Вместе с тем в научной историографии сталинизма накопилось немало проблем и спорных вопросов, которые требуют обсуждения. Остается значительным и даже углубляется разрыв между научными и обыденными представлениями граждан России о сталинизме и сути диктатуры.

В средствах массовой информации России и многочисленных псевдоисторических изданиях реанимируются концепции Краткого курса истории ВКП(б) или, в лучшем случае, эксплуатируются половинчатые и поэтому неубедительные аргументы хрущевской десталинизации. Накладываясь на проблемы современной внутренней и внешнеполитической ситуации, просталинские пропагандистские клише действуют особенно эффективно. Широкое распространение получают рецепты возрождения России посредством авторитарной модернизации или даже диктатуры, пропаганда исторической оправданности насилия, многомиллионных жертв и социальных чисток. Ничему не научившись, неосталинисты толкают страну на повторение пути, который уже однажды привел ее к тупиковым трагическим потрясениям, оплаченным большой кровью.

Такой социально-политический контекст, несомненно, актуализирует сугубо научные проблемы истории и требует от сообщества ответственных историков и обществоведов дополнительной консолидации своих усилий. Конференции и дискуссии — традиционный и эффективный метод такой консолидации и развития научного знания.

В рамках проекта в течение 2008—2010 гг. будет осуществляться перевод, издание и бесплатная рассылка 100 лучших книг российских и зарубежных авторов по истории сталинизма в центральные универсальные и университетские библиотеки субъектов РФ (1000 адресов), а также представление серии в этих библиотеках.

Проект реализуется совместными усилиями издательства «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) и Фонда Первого Президента России Б.Н.Ельцина.

ВЫШЛО НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ:

ФИЦПАТРИК Ш.

**Повседневный сталинизм.
Социальная история Советской России
в 30-е годы: город.**

*М.: 2008, 478 с. 60x90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-8243-1009-2. Цена 176 р.*

Книга представляет собой исследование повседневного и чрезвычайного в сталинской России в 1930-е годы и их взаимодействия между собой. В ней описываются пути и способы, с помощью которых советские граждане пытались вести обычную жизнь в необычных условиях, созданных сталинизмом, а также рисуется портрет нарождающегося социального типа homo soveticus, для которого сталинизм был естественной средой обитания.

ФИЦПАТРИК Ш.

**Сталинские крестьяне.
Социальная история Советской России
в 30-е годы: деревня.**

*М.: 2008, 422 с. 60x90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-8243-1012-2. Цена 198 р.*

Обращаясь к истории проведения коллективизации, автор рассматривает различные стратегии, взятые на вооружение российскими крестьянами, чтобы справиться с последствиями удара, нанесенного им государством в ходе коллективизации, и те способы, с помощью которых они пытались поставить колхозы на службу собственным интересам, а не только интересам государства.

КАРРЕР Д'АНКОСС Э.

Ленин
/пер. с франц., 2-е изд./

*М.: 2008, 384 с. 60x90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-8243-1015-3. Цена 187 р.*

Кем же был Ленин? Преступником, ответственным за одну из самых ужасных трагедий этого века или жертвой неожиданных поворотов истории? Какую роль отвести его личности в политических деяниях и их последствиях? Известнейший специалист по истории России, пожизненный секретарь Академии Франции Элен Каррер д'Анкосс видит цель своей книги в стремлении вырвать В.И. Ленина из «кобьятий» идеологических страстей и поместить его в историю ушедшего века, который находился прежде всего под властью его идей и воли.

ЗУБКОВА Е.

Прибалтика и Кремль.

*М.: 2008, 351 с. 60x90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-8243-0909-6. Цена 143 р.*

Эта книга о том, как Латвия, Литва и Эстония стали «Советской Прибалтикой»: о механизмах принятия решений по советизации балтийских республик и о людях, стоявших за этими решениями. Когда у Сталина возник замысел проекта советизации Прибалтики? Как менялись методы инкорпорации Прибалтики в советскую систему? Как складывались отношения между Кремлем, представителями балтийских элит и населением? Ответы на эти и многие другие вопросы дают новые документы из федеральных архивов России, на которых основано это исследование.

КОНДРАШИН В.В.**Голод 1932—1933 годов:
трагедия российской деревни.***М.: 2008, 519 с. 60x90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-8243-0987-4. Цена 220 р.*

Монография посвящена трагическим событиям 1932–1933 гг. в российской деревне. На основе комплекса разнообразных источников (архивных материалов, воспоминаний очевидцев, опубликованной литературы) в монографии охарактеризованы причины, масштабы и последствия голода 1932–1933 гг. в крупнейших аграрных регионах страны, показано, как это было и почему. Специальный раздел посвящен теме голода в Украине и полемике с концепцией «геноцида украинского народа». Проблема рассматривается в контексте голодных бедствий в мировой и российской истории.

ЙОРГ БАБЕРОВСКИ.**Красный террор.***М.: 2007, 278 с. 60x90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-8243-0877-8. Цена 132 р.*

На основе рассекреченных материалов российских архивов, воспоминаний политических деятелей и рядовых свидетелей и участников событий немецкий историк Йорг Баберовски, профессор Берлинского университета им. Гумбольдта, воссоздает в своей книге широкую панораму этой мрачной эпохи. Уделяя немало внимания психологическим портретам И.В.Сталина и его сподвижников, Й.Баберовски рисует ужасающую картину того, как мечта большевиков о «новом человеке» выродилась в кровавый террор.

БЛЮМ А., МЕСПУЛЕ М.**Бюрократическая анархия:
статистика и власть при Сталине
/пер. с франц. 2-е изд./***М.: 2008, 238 с. 60x90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-8243-1011-5. Цена 176 р.*

В своей захватывающей книге Ален Блюм и Мартина Меспуле на примере истории статистического управления проливают свет на взаимоотношения науки и власти при Сталине. После нескольких лет разысканий в российских архивах советского периода они пытаются по-новому взглянуть на сталинизм и террор, опираясь на углубленное изучение биографий тех, кто участвовал в управлении сталинским государством.

ЛЮСТИГЕР А.**Сталин и евреи.***М.: 2008, 478 с. 60x90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-8243-8243-6. Цена 178 р.*

Автор дает целостную картину истории евреев на территории бывшего СССР, начиная от времен царизма, во время двух революций 1917 г. и в сталинскую эпоху. В его книге документально засвидетельствована драматическая судьба евреев, показана деятельность еврейских организаций и партий, их ликвидация большевиками, рост антисемитизма в советском обществе, достигший кульминации в виде кампаний против «космополитов» и «сионистов», «дела врачей», история учрежденного в 1942 г. Еврейского антифашистского комитета и тайного процесса против его членов.

МЕЕРОВИЧ М. Г.**Наказание жилищем: жилищная политика в СССР
как средство управления людьми
(1917—1937 годы).***М.: 2008, 60x90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-8243-0988-1 Цена 143 р.*

В монографии раскрываются содержание и механизмы реализации советской жилищной политики в период 1917–1941 годов. На материале законодательных документов Политбюро ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР, ВЦИК и СНК РСФСР, ведомственных распоряжений ВСНХ и народных комиссариатов описана основная цель советской жилищной политики — огосударствление жилищ с целью использования его как средства управления людьми, прикрепления к месту работы, принуждения к требуемому уровню производительности труда и предписываемому образу жизни.

НИКИТА ПЕТРОВ, МАРК ЯНСЕН.**«Сталинский питомец» — Николай Ежов.***М.: 2008, 447 с. 60x90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-8243-0919-5. Цена 165 р.*

Предлагаемый вниманию читателей сборник посвящен личности и судьбе Н.И.Ежова, главы НКВД, проводившего в жизнь наиболее кровавые директивы Сталина. В монографии исследуется история деятельности Н.И.Ежова, и впервые подробно говорится об обстоятельствах личной жизни, привычках и симпатиях. Впервые публикуются документы государственных и ведомственных архивов Российской Федерации, включая архив ФСБ: стенограммы выступлений Н.И.Ежова, заявления, письма.

**Москва и Восточная Европа.
Власть и церковь в период
общественных трансформаций
40—50-х годов XX века:
Очерки истории.**

*М.: 2008, 807 с. 60x90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-8243-0898-3. Цена 253 р.*

В книге впервые в отечественной науке на основе документов из федеральных архивов России исследуются проблемы государственно-церковных отношений в странах Восточной Европы на этапе зарождения и функционирования политических режимов советского типа. Особое внимание уделяется раскрытию позиции и роли Москвы при определении и реализации политики правящих компартий по конфессиональным вопросам.

**ГОРОДЕЦКИЙ Г.
Роковой самообман:
Сталин и нападение Германии
на Советский Союз.**

*М.: 2008, 60x90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-8243-1010-8 Цена 187 р.*

Опираясь на обширную источниковую базу, автор полемизирует со взглядами В. Суворова, высказанными в его книге «Ледокол». Обратившись к анализу сталинской политики накануне вторжения германских войск, Г.Городецкий сосредотачивается на исследовании событий последнего предвоенного года.

**ГРАЦИОЗИ А.
Великая крестьянская война в СССР.
Большевики и крестьяне.
1917—1933.**

*М.: 2008, 60x90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-82431008-5 Цена 110 р.*

Прослеживая далеко не мирное развитие отношений молодого Советского государства с основной частью его собственного населения — крестьянством, автор называет этот конфликт «величайшей европейской крестьянской войной» начала XX столетия и вскрывает парадоксальную близость сталинского режима к деспотизму прежних времен. Он рисует хронологически последовательную картину этой войны, считая ее самостоятельным источником регресса, и показывает ее истоки, последствия и идеологическую трансформацию большевистского руководства.

**ГРЕГОРИ П.
Политическая экономия
сталинизма.**

*М.: 2008, 60x90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-8243-1013-9 Цена 198 р.*

Предлагаемая читателю работа известного американского экономического историка Пола Грегори существенно улучшает наше понимание того, как работала советская командная экономика. Это исследование на стыке дисциплин: экономики, истории и политологии. Автор использует теорию и методы современной экономической науки для изучения прошлого: экономических и политических процессов, происходивших в 1920—1950-е гг. в СССР.

**ГУЛАГ:
Экономика принудительного труда.**

*М.: 2008, 60x90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-8243-1014-6 Цена 154 р.*

Исследование посвящено малоизученным вопросам экономики принудительного труда, использовавшегося в ГУЛАГе, основанное на архивных данных о труде военнопленных и спецпереселенцев и документах из ранее секретных архивных фондов советских карательных ведомств — ОГПУ, НКВД, МВД СССР. Авторы рассматривают общие вопросы принуждения к труду, масштабы и структуру лагерной экономики, эволюцию системы ее управления, феномен коррупции, специфические методы сочетания принуждения и стимулирования труда заключенных ГУЛАГа.

**СОЛОМОН П.
Советская юстиция при Сталине.**

*М.: 2008, 60x90/16, пер. 7, ISBN
978-5-8243-1017-0 Цена 187 р.*

Питер Соломон — профессор университета Торонто (Канада), автор ряда работ, посвященных истории советской юстиции, а также проблемам развития права и системы судопроизводства в СССР и Российской Федерации. Данная книга — первое на русском языке обобщающее исследование истории развития юстиции, юриспруденции, системы судебных учреждений, органов прокуратуры в 1920—1950-е гг.

БЕЛКОВЕЦ Л.**Административно-правовое положение
русских немцев на спецпоселении.
1941—1955 гг.***М.: 2008, 359 с. ISBN 978-5-8243-0919-5.**Цена 193 р.*

Монография посвящена характеристике административно-правового положения на спецпоселении русских немцев, одного из основных этносов, перемещенных в 1940–1950-е гг. на зауральские территории СССР. В ней исследуются аспекты нормативно-правового регулирования принудительного переселения, хозяйственно-бытового обустройства и трудовых отношений государства и этноса в новых местах жительства. Особое внимание уделено формированию, функционированию и ликвидации специального административно-правового режима спецпоселения.

КРУММ Р.**Исаак Бабель.
Биография**

*/Райнхард Крумм. — М.: РОССПЭН; Фонд Первого
Президента России Б.Н.Ельцина, 2008. — 208 с.
ISBN 978-5-8243-1062-7. Цена 132 р.*

Книга начинается словами: «...его превосходные рассказы, занимающие зачастую не более трех страниц, отражают жизнь Бабеля, как нанизанные друг на друга фрагменты, и констатируют довольно сложную биографию». Дочь писателя, Натали, утверждала, что жизнь ее отца описать невозможно, Несмотря на это, известный немецкий историк все-таки написал научную биографию Исаака Бабеля, используя в работе архивные документы, письма, воспоминания родственников и знакомых знаменитого писателя.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:**ЛЕЙБОВИЧ О.Л.****В городе М.
Очерки социальной повседневности
советской провинции в 40—50-х гг.**

*М.: 2008, 60х90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-8243 Цена 143 р.*

Начиная с 1947 года, происходит реализация сталинской политики «возвращения к прежним порядкам». Она

затронула самые широкие слои советского общества — от деятелей науки и искусства до рядовых рабочих и колхозников. Завершающей вехой описываемого периода стало создание в 1958 г. территориальных советов народного хозяйства, заместивших на некоторое время отраслевые министерства, что по сути своей, знаменовало восстановление в полном объеме партийного контроля над экономикой.

ОСОКИНА Е. А.**За фасадом «сталинского изобилия»:
Распределение и рынок
в снабжении населения
в годы индустриализации.
1927–1941.***М.: 2008. — 344 с. ISBN Цена 165 р.*

Парадокс полупустых магазинов и полных холодильников отмечал буквально каждый, приезжавший в СССР в годы социалистического застоя. Загадка имеет простое объяснение. Государственная торговля при социализме никогда не была единственным источником снабжения населения. В стране всегда существовал обширный легальный и подпольный рынок товаров и услуг. Эта книга возвращает читателя к истокам социалистической торговли, в легендарные первые пятилетки. В центре внимания — повседневная жизнь общества в условиях огосударствления экономики, разрушения и возрождения рынка.

КОСТЫРЧЕНКО Г.В.**Сталин против «космополитов».
Власть и еврейская интеллигенция
в СССР.**

*М.: 2008, с. 60х90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-8243 Цена 187 р.*

Книга результат последних научных исследований автора, о взаимоотношениях диктаторского режима Сталина с еврейской интеллигенцией. В ней, в том числе рассказывается о попытке создания еврейской республики в Крыму, трагической гибели Соломона Михоэлса, спровоцированных официальным антисемитизмом репрессиях против представителей интеллектуально-культурной элиты еврейского происхождения. К работе над книгой был привлечен существенный объем фактологии из ранее недоступных архивных источников.

**Москва и Восточная Европа.
Становление политических режимов
советского типа (1949—1953):
Очерки истории.**

*М.: 2008, 60х90/16, пер. 7,
ISBN 978-5-8243-1017-7 Цена 132 р.*

В книге на основе документов из федеральных архивов России исследуются проблемы, имеющие принципиальное значение для понимания истории Восточной Европы в 1949–1953 гг.: процесс складывания директивно-централизованной системы государственной власти и нового правящего слоя — партийно-государственной номенклатуры, механизм утверждения режимов советского типа, политику информационной изоляции, политические репрессии, затронувшие различные слои общества, формирование и функционирование института советских советников в системе государственного управления и силовых ведомствах.

ВАТЛИН А.Ю.

Генеральный штаб мировой революции.

М.: 2008, 60х90/16, пер. 7. Цена 165 р.

Автор рассказывает об истории Коммунистического Интернационала. В книге сведены воедино статьи, очерки и заметки, создававшиеся в разные годы и написанные в разных жанрах. В повествовании раскрываются причины и условия создания Коммунистического Интернационала, принципиальные повороты его стратегии и тактики, взаимодействие с большевистской партией и советской внешней политикой. Есть сюжеты, посвященные людям, связавшим свою жизнь со всемирной организацией революционеров, и анализ оперативной реакции Интернационала, который называли Московским, на события и процессы, происходившие в разных уголках земного шара.

ЛЮКС Л.

История России и Советского Союза.

М.: 2008, 60х90/16, пер. 7. Цена 180 р.

История России рассматривается в этой книге как часть общеевропейской истории. Судьбы России и Запада, начиная с петровских реформ, неразрывно связаны друг с другом. Однако в отличие от петровской революции, большевистская привела не к преодолению раскола между Западом и Востоком, а наоборот. Новый режим

беспощадно боролся при помощи «красного», а потом сталинского террора, против русского европеизма, изгнал сотни тысяч его приверженцев за пределы страны и закрыл открытое Петром «окно в Европу». В книге прослеживаются процесс распада СССР и проводятся аналогии с событиями 1917 года.

ХАУСТОВ В.Н., САМУЭЛЬСОН Л.

Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг.

М.: 2008, 60х90/16, пер. 7. Цена 187 р.

В данном исследовании предпринята попытка на основе изучения архива Сталина, материалов о деятельности Главного управления государственной безопасности НКВД СССР показать конкретное участие Сталина в организации и проведении жесткого карательного курса во второй половине 1930-х годов. Авторы руководствовались желанием объективно рассмотреть и проанализировать на основе изучения документальных материалов конкретное участие Сталина в подготовке и проведении массовых репрессий в исследуемый период. Работа основана на анализе материалов, прочитанных и оставленных Сталиным в своем личном архиве, поступавших к нему из НКВД.

КНИГИ, НАХОДЯЩИЕСЯ В РАБОТЕ:

ГОРЯЕВА Т.М.

Радио России.

**Политический контроль радиовещания
в 1920-х — начале 1930-х годов.
Документированная история.**

*М.: 2008. с. 60х90/16, пер. 7БЦ,
ISBN 5-8243-0094-1 Цена 121 р.*

Эта книга посвящена радиовещанию, становление и развитие которого как средства информации и пропаганды совпали с формированием советского тоталитарного режима. Об уровне демократии в государстве свидетельствует наличие независимой и самостоятельной журналистики, и напротив, тоталитарный режим различными средствами, от непосредственной цензуры до финансовой, кадровой и иной политики, стремится к созданию системы «карманных» масс-медиа, полностью зависимых от власти. История создания и механизм деятельности этой системы и являются предметом этой книги.

С.А. КРАСИЛЬНИКОВ**Серп и Молот.****Крестьянская ссылка в Западной Сибири
в 1930-е годы.***М.: 2008, 60х90/16, пер. 7. Цена 198 р.*

Исследование посвящено одному из переломных и трагических событий послереволюционной отечественной истории — процессу “социалистического раскрестьянивания” в форме высылки сотен тысяч крестьянских семей на спецпоселение в комендатуры ГУЛАГа. Показаны разработка и осуществление массовых и локальных депортаций, формы крестьянского протеста и сопротивления, процесс формирования и трансформации сети спецпоселений в регионе, рассмотрены источники пополнения и облик комендантского корпуса, показаны направления и последствия дискриминационного статуса спецпереселенцев, масштабы и структура эксплуатации их труда сталинской экономической системой.

ЯЖБОРОВСКАЯ И.С.,**ЯБЛОКОВ А.Ю.,****ПАРСАДАНОВА В.С.****Катынский синдром
в советско-польских и российско-польских
отношениях.***М., 2008. — с. 60х90/16, пер. 7БЦ,
ISBN 5 — 8243 — 0197 — 2 Цена 198 р.*

В книге анализируются исторические реалии, приведшие к катынскому злодеянию. Ликвидация Польского государства и его армии — одно из следствий подписания советско-германских договоров 1939 г. В центре исследования — история Катынского дела, борьбы против замалчивания и фальсификации обстоятельств, причин и мотивов преступления, усилий по установлению лживости заключения комиссии Бурденко и всей советской «официальной версии», представленной в Нюрнберге.

**КНИГИ, НАХОДЯЩИЕСЯ В РАБОТЕ,
НА КОТОРЫЕ ПОКА НЕТ АННОТАЦИЙ:****БУББАЙЕР Ф.****Советское инакомыслие и реформа в советской
России.***М.: 2008, 60х90/16, пер. 7. Цена 160 р.***ВЕРТ Н.****Террор и беспорядок.***М.: 2008, 60х90/16, пер. 7. Цена 242 р.***ДУНДОВИЧ Е., ГОРН Ф.****Итальянцы в сталинских лагерях.***М.: 2008, 60х90/16, пер. 7. Цена 165 р.***ПОПОВ В.П.****Сталин и проблемы экономической политики
(1946—1953)***М.: 2008, 60х90/16, пер. 7. Цена 132 р.***Режимные люди России XX века.**

(под редакцией Соколова А.С.)

*М.: 2008, 60х90/16, пер. 7. Цена 132 р.***ФИЦПАТРИК Ш.****Сорвать маски.***М.: 2008, 60х90/16, пер. 7. Цена 181 р.***ЗУБКОВА Е.****Послевоенное советское общество: политика и
повседневность. 1945-1953.***М.: 2008, 60х90/16, пер. 7. Цена 175 р.***КИП ДЖ., ЛИТВИН А.****Сталинизм.***М.: 2008, 60х90/16, пер. 7. Цена 165 р.***ЛЁВЕ Х.-Д.****Сталин.***М.: 2008, 60х90/16, пер. 7. Цена 143 р.***МАЛЬТЕ РОЛЬФ.****Советские массовые праздники.***М.: 2008, 60х90/16, пер. 7. Цена 198 р.***ОСОКИНА Е.****Торгсин: Золото для индустриализма.***М.: 2008, 60х90/16, пер. 7. Цена 165 р.*

БУРШТЕЙН Анатолий Израилевич. Российский физик-теоретик. Окончил физ.-мат. факультет Одесского университета (1957). Работал в 1958–1993 в Институте химической кинетики и горения Сибирского отделения РАН. В 1961 году защитил кандидатскую диссертацию («Полупроводниковые термоэлектрические устройства»), в 1969 году — докторскую («Квантовая кинетика») (доктор ф.м.н.). В 1961–1991 преподавал в Новосибирском государственном университете. Специалист в области физико-химических и химических процессов в веществах. Автор 250 опубликованных работ, в том числе одиннадцати научных обзоров, девяти монографий и вузовского учебника по общему курсу физики. Принимал активное участие в общественной жизни Новосибирского академгородка. Президент клуба-кафе «Под интегралом» Новосибирского университета (1963–1968). Репатриировался в Израиль в 1991 году. С 1993 года — профессор химии Вейцмановского института в Израиле.

ГАЙДАР Егор Тимурович. Доктор экономических наук, директор «Института экономики переходного периода», исполнительный вице-президент Международного Демократического союза (Консервативный Интернационал), член консультативного комитета «Arrabida Meetings» (Португалия), член Совета по сотрудничеству в Балтийском регионе при премьер-министре Швеции, почетный профессор Калифорнийского университета (Беркли, США). Автор многочисленных книг, статей в российской и зарубежной прессе и монографий. Живет в Москве.

ГРИЦМАН Андрей. Поэт, эссеист, переводчик. С 1981 живет и работает в Америке. Издает международный сетевой журнал «Interpoezia». Активно печатается в отечественной и зарубежной периодике. Автор книг: «Ничейная земля», «Вид с моста», «Двойник» и др.

ДОРОФЕЕВ Александр Дмитриевич. Прозаик, работал заместителем главного редактора журнала «Мурзилка», Долгие годы жил в Мексике. Член СРП, автор более десяти книг, в том числе «Белый воробей», «Ночная радуга» и др. Живет в Москве.

ЕЛИСЕЕВ Никита Львович. Переводчик, критик, библиограф. Родился в 1959 году в Ленинграде. Работает в Публичной библиотеке, ныне Российской Национальной, в Петербурге. Печатается с 1992 года. Первая публикация в газете «Первое сентября» и журнале «Знамя». Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Звезда», «Нева», «Постскриптум». Обозреватель журнала «Эксперт Северо-Запад».

ИСАЕВА Наталия Васильевна. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Критик, театровед, переводчик. Участник многих российских театральных проектов в Европе, в настоящее время вместе с режиссером Анатолием Васильевым занята в долговременном европейском театральном проекте в Лионе (Франция). Автор многих книг и статей.

ИСАЕВА Ольга. Прозаик, переводчик. Родилась в Казахстане. Окончила филологический факультет Московского Педагогического института им. Крупской, работала учителем в московской средней школе. С 1988 года живет в Нью-Йорке, печатается в российских и эмигрантских периодических изданиях («Новый журнал», «Время и мы», «Слово/Word», «Интерпоэзия», «Новая Юность» и др.). Книга прозы издана в 2000 г.

МАНН Томас (Mann), (1875–1955), немецкий писатель, брат Генриха Манна. Родился в старинной бюргерской семье. Известность Манну принес уже первый роман «Будденброки» (1901) — обширное повествование о судьбе четырех поколений любекского патрицианского рода. В 1924 вышел роман «Волшебная гора» — панорама буржуазного общества накануне 1-й мировой войны. В 1929 Томасу Манну была присуждена Нобелевская премия. В конце 20-х гг. выступал как критик и публицист. В 1933–43 Томас Манн создает историческую тетралогия на библейскую тему — «Иосиф и его братья». После прихода нацистов к власти Манн жил в эмиграции в Швейцарии, а с 1938 в США. В 1939 вышел роман «Лотта в Веймаре» — итог многолетних раздумий Манна над творчеством Гёте. В 1943 он начал работу над романом «Доктор Фаустус» (1947) — самым значительным произведением последнего периода. Томас Манн умер в Цюрихе 12 августа 1955.

«Рассуждения аполитичного» впервые изданы в Германии в 1918 году. После этого неоднократно переиздавались на родине, но комментированного, научного издания этого произведения нет до сих пор, при том что ни одна серьезная работа о Томасе Манне не обходится без обильных цитат из «Рассуждений...». За рубежом в полном виде «Рассуждения аполитичного» переведены только в Японии и в Англии.

МЕДУШЕВСКИЙ Андрей Николаевич. Ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН, профессор Государственного университета Высшая школа экономики. Доктор философских наук, академик Российской Академии естественных наук, член редколлегий ряда журналов. Лауреат премии и медали им. Н.М.Карамзина. Автор многих научных монографий, а также книг: «Политическая социология и история». Новосибирск, 1991; «Утверждение абсолютизма в России». М., 1994; «История русской социологии». М., 1993; «Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе». М., 1998; «Сравнительное конституционное право и политические институты». М., 2003.; «Теория Конституционных циклов». М., 2005. Живет в Москве.

ПОМЕРАНЦ Григорий Соломонович. Философ, писатель, культуролог. Родился в 1918 году. По образованию — филолог. Работа о Достоевском, написанная в 1939 году, была признана антимарксистской. Воевал, был дважды ранен. В 1949 году был осужден на пять лет. После смерти И.Сталина и до реабилитации в 1956 году работал учителем литературы в сельской школе. В середине 60-х начал печататься за рубежом: вышедшие книги — «Неопубликованное», «Сны земли» и др. Лауреат премии им. Н.М.Карамзина за 2005 год. Живет в Москве.

ПУМПЯНСКИЙ Александр Борисович. Журналист, публицист. Работал главным редактором журнала «Новое время». Родился 18 декабря 1940 в Москве. В 1963 окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) по специальности «журналист-международник». С 1963 по 1978 работал в газете «Комсомольская правда», где занимал должности от литературного сотрудника иностранного отдела до ответственного секретаря «КП». Был собственным корреспондентом «КП» в Нью-Йорке. С 1978 по 1985 занимал пост заместителя главного редактора еженедельника «Московские новости». С осени 1985 — заместитель главного редактора еженедельного журнала «Новое время». С августа 1990 — главный редактор журнала «Новое время». В марте 1998 был избран президентом Ассоциации свободной прессы (АСП). Является автором сценариев документальных фильмов «Похищение Европы», «Марш мира», «Сила и слабость президента», «Роман века» и др. Участвовал в создании документального сериала «Великая Отечественная». Автор публицистических книг «Хэппенинг по вторникам», «Происшествие в окрестностях Голгофы» и др. Лауреат премии им. В.В.Воровского (1988).

ЧЕЧИК Феликс Михайлович. Поэт. Родился в 1961 году в г. Пинске. Закончил Литературный институт в Москве. Учился в институте славистики Кёльнского университета (проф. В.Казак). Публиковался в журналах «Арион», «Знамя». Автор двух поэтических книг.

ЧУБАЙС Анатолий Борисович. Генеральный директор Роснано. Еще недавно — председатель правления, член совета директоров РАО «ЕЭС России», бывший сопредседатель партии Союз правых сил (СПС), депутат Государственной Думы РФ первого созыва (1993–1995). Живет в Москве.

ШЕНРОК (Владимир Иванович, родился в 1853 г.) — историк литературы, известный знаток Гоголя. Отец Ш., уроженец Остзейского края, переселился в Москву, жил потом в Рязани и славился как превосходный врач. Ш. родился в Рязани, учился в рязанской гимназии и Санкт-Петербургском университете. В последнем окончил курс в 1875 г. по историко-филологическому факультету. В течение 2 лет был преподавателем в тульской гимназии, откуда перешел в московскую 3-ю гимназию. В 1902 г. оставил преподавание в гимназии и перешел на должность помощника инспектора в Московском университете. Почти вся литературная и ученая деятельность Ш. посвящена изучению Гоголя; великий писатель нашел в Ш. трудолюбивейшего и преданнейшего исследователя. В начале восьмидесятых годов Ш. начал заниматься Гоголем; его стараниями опубликована масса ценных материалов, хранившихся под спудом. В многочисленных журнальных статьях и отдельных книгах Ш. обрабатывал различные периоды жизни Гоголя (таковы книги: «Указатель к письмам Гоголя», 2-е изд., Москва, 1888; «Ученические годы Гоголя», 2-е изд., 1898). Все работы Ш. о Гоголе соединены в монументальных «Материалах для биографии Гоголя» (4 тома, Москва, 1892–98). «Материалы для биографии» замечательны обилием материала и обстоятельностью его разработки. По смерти Н.С. Тихонравова Ш. продолжал начатое им образцовое издание сочинений Гоголя; под его редакцией, удовлетворяющей высоким требованиям, выставленным редакцией Тихонравова, вышли VI и VII тома издания. В 1901 г. Ш. выпустил весьма ценный труд, «Собрание писем Гоголя» (4 тома издания Маркса). Но на этих трудах не прекратились занятия Ш. Гоголем; по случаю пятидесятилетия со дня смерти Гоголя в 1902 г. Ш. напечатал несколько важных статей и заметок («К истории текста «Мертвых душ», «Киевская Старина»; «Гоголь и Белинский летом 1847 г.» в «Мире Божьем»; «К вопросу о влиянии Гоголя на последующих писателей» в «Сборнике в честь Ф.Ф. Фортунатова»; сообщения в «Русском Архиве» и «Русской Старине»). Ш. принадлежит биография первого исследователя Гоголя П.А. Кулиша (в «Киевской Старине» за 1901 г., книги 2–12 и отдельно «П.А. Кулиш», Киев, 1901). О другом авторитетном исследователе Гоголя Ш. говорит в статьях «Памяти Тихонравова» («Северный Вестник», 1894, книга 1) и «П.С. Тихонравов, как исследователь Гоголя» (в «Сборнике памяти П.С.Тихонравова»). Из других статей Ш. необходимо упомянуть: «Н.М. Языков. Биографический очерк» («Вестник Европы», 1897, книга 11), «Одна из жен декабристов» (о Н.Д. Фонвизиной, «Русское Богатство», 1894, книги 11–12), «Словесник старого времени» (в сборнике «Под знаменем науки», Москва, 1892), «Воспоминания о Н.Я. Гроте» («Исторический Вестник», 1899, IX) и исследования в области истории русского театра XIX века «П.С. Мочалов» («Русская Старина», 1898, III), «Из истории русского театра» («Северный Вестник», 1898, XI–XII), «Максимов и Мартынов» («Русская Старина», 1903, VI–VII), «Семейство Самойловых» (ib., 1903, IX).

ЯЗЬКОВА Алла Алексеевна. Доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии педагогических и социальных наук, главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований, автор ряда трудов по проблематике международных отношений в Средиземноморско-Балканском и Черноморско-Каспийском регионах.

SUMMARY

Секция **СОВРЕМЕННЫЙ РАЗДЕЛ «ЖИЗНЬ»** открывается статьей нашего постоянного автора, Аллы Язковой «О конфликтах: “замороженных” и иных». Острые политические проблемы и историческую ретроспективу освещает в своем исследовании наш главный редактор в статье Затмения. Рассуждения о третьем пути и перспективах российской экономики, а также о проблемах российской энергетики продолжают статьи Егора Гайдара и Анатолия Чубайса. Теория дуализма и государственного развития занимает нашего постоянного автора Андрея Медушевского.

Мы публикуем также отклик на проблемы Российской академии наук ученого А.Бурштейна. Завершает раздел аналитический обзор нового автора — Пумпянского. Этот материал разделен нами на два номера.

В разделе **ЛИТЕРАТУРА** мы публикуем стихи Андрея Грицмана и Феликса Чечика, прозу Александра Дорофеева и Ольги Исаевой.

В **ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗДЕЛЕ** мы приводим фрагмент из «Рассуждений аполитичного» Томаса Манна и послесловие к публикации переводчика Никиты Елисеева. Продолжают раздел записки Владимира Шенрока, крупнейшего исследователя творчества Николая Гоголя, а замыкает секцию статья Григория Померанца.

В разделе **КУЛЬТУРА** мы публикуем материал нашего постоянного корреспондента Натальи Исаевой «Царевна Медея: рана чужого», культурную хронику и портфолио фотохудожника Николая Тарханова, чьи работы иллюстрируют номер.

The section “**MODERN SECTION ‘LIFE’**” opens article of our constant author, Alla Jazkova “About the frozen conflicts and other”. Sharp political problems and a historical retrospective show are shined in the research of our editor-in-chief in article “Eclipse”. Reasoning on the third way and prospects of the Russian economy, and also on problems of the Russian power continue Egor Gaydar’s and Anatoly Chubays’s articles. The theory of dualism and the state development occupies our constant author Andrey Medushevski.

We publish also the response to problems of the Russian Academy of Sciences of scientist A.Burshtejn.

Finish the section the state-of-the-art review of the new author — Pumpjansky. This material is divided by us into two issues.

“**THE LITERATURE**”. We publish Andrey Gritsman’s and Felix Chechik’s verses, Alexander Dorofeyev’s and Olga Isaeva’s prose in this section.

In “**HISTORICAL SECTION**” we result a fragment from “Reasoning’s apolitical” by Thomas Mann and publication of translator Nikita Yeliseyev. Continue section a note of Vladimir Shenrok, the largest researcher of Nikolay Gogol, and Grigory Pomerants’s article.

In the section “**CULTURE**” we publish a material of our constant correspondent Natalia Isaeva “the Tsarevna Medea: a wound of the stranger”, the cultural chronicle and a portfolio of pictorialist Nikolay Tarhanov, whose works illustrate number.

Номер журнала оформлен фотоработами Николая Тарханова. На с.с. 161 и 197 — фотоработы Вадима Пронина